T 99/27
2.1

3082

А. Шишовъ

Т 99/27

Таджики.

Изданіе А. Л. Кирснера.

ТАШКЕНТЪ.
Типографія „Туркестанскаго Т-ва печатнаго дѣла".
1910.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ЗНАНІЕ“

въ Ташкентѣ.

Имѣются слѣдующія изданія по востоковѣдѣнію:

И. И. Гейеръ.	Туркестанъ, изданіе второе и дополненное авторомъ	Ц. 2 р. —
Арріанъ.	Анабасисъ Александра, или Исторія походовъ и завоеваній Александра Великаго въ 7 книг.	Ц. 3 р. 50 к.
Изданіе А. Л. Кирснера.	Водное право Туркестана въ его настоящемъ и проектахъ ближайшаго будущаго	Ц. 1 р. —
В. Пельцъ.	Борьба съ саранчей (Марок. Кобылкой	Ц. — 30 к.
В. Юферевъ.	Изъ исторіи Туркестана	Ц. — 60 к.
Б. Тагеевъ (Рустанъ-Бекъ).	На Востокѣ. Очерки и разсказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азіи. . . .	Ц. 1 р. —
Д. К. Логофетъ.	Очерки и разсказы изъ пограничной жизни 2 тома	Ц. 2 р. 50 к.
П. Цвѣтковъ.	Турція и Исламъ при Абдулъ-Гамидѣ.	Ц. 1 р. 50 к.
М. Бекимовъ.	Руководство къ изучен. кирг. языка.	Ц. — 30 к.
Н. П. Остроумовъ.	Коранъ и прогрессъ. По поводу умственнаго пробужденія современныхъ россійскихъ мусульманъ	Ц. 1 р. 50 к.
Изгой.	Туркестан. сказки, очерки и замѣтки.	Ц. — 75 к.
А. Шишовъ	Таджики	Ц. 3 р 50 к.
А. Шапелье.	Исламъ въ XIX вѣкѣ	Ц. — 75 к.
N. N.	Аму и Узбой очеркъ	Ц — 30 к.
П. Лессаръ.	П. Лессаръ бывшій дипломатическ. агентъ въ Бухарѣ и русскій посолъ въ Китаѣ. . .	Ц. — 30 к.
Б. Тагеевъ (Рустанъ-Бекъ.	Памирскіе походы 1892—1895 г. десятилѣтіе присоединенія Памира къ Россіи. . . .	Ц 1 р. —
Генри Гэвортъ.	Чингисъ-Ханъ	Ц. — 75 к.
Калимкинъ.	Руководство къ изученію сартовскаго языка.	Ц. 2 р. —

ИК-Ск-ф-Ки-
Т 99/27

А. Шишовъ.

ТАДЖИКИ.

Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе.

ЧАСТЬ I.

Этнографія.

ТАШКЕНТЪ.
Тип. „Туркест. Т-ва Печ. Дѣла“.
1910 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
48827-40
2007051446

Таджики.

Предисловіе.

Настоящій очеркъ „Таджики“ составленъ по совершенно той же программѣ, какъ и ранѣе вышедшій очеркъ „Сарты“.

При составленіи этого очерка пришлось пользоваться тѣми литературными матеріалами, какіе нашлись на мѣстѣ, въ г. Ташкентѣ. Все, что возможно было достать, использовано.

Собранный матеріалъ, думаю, даетъ основанія для нѣкоторыхъ выводовъ.

Къ сожалѣнію, относительно знанія быта горныхъ таджиковъ можно сдѣлать только одинъ выводъ,—то, что опубликовано, даетъ слишкомъ мало для этого знанія.

У насъ имѣются отрывочныя данныя объ умственныхъ дарованіяхъ этого народа; можемъ сдѣлать заключеніе о первобытныхъ формахъ его жизни, о вѣчной заботѣ не умереть голодной смертью, о полной зависимости отъ производительныхъ даровъ природы и слишкомъ ограниченномъ умственномъ кругозорѣ, вслѣдствіе своеобразныхъ условій жизни въ горахъ.

У насъ слишкомъ мало данныхъ для сужденія о способности горныхъ таджиковъ къ культурному развитію и совершенствованію.

Пусть настоящій трудъ послужитъ указаніемъ, что нами слишкомъ еще мало сдѣлано по изученію бытовыхъ условій тѣхъ народовъ, которые, волею судьбы, вошли въ составъ нашего обширнаго отечества и побудитъ къ болѣе интенсивной работѣ.

А. Шишовъ.

Г. Ташкентъ,
25 октября 1910 г.

ТАДЖИКИ.

Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе.

Часть I.

ЭТНОГРАФІЯ.

I. Географическій очеркъ.

Таджики долинные и горные занимаютъ громадную территорію равнинъ и горныхъ долинъ; ихъ поселенія на сѣверѣ (въ ташкентск. уѣздѣ) достигаютъ до 41,5° параллели, на западѣ въ Самаркандской области до 37° меридіана, на югѣ въ афганскихъ и индійскихъ владѣніяхъ до 36° параллели и на востокѣ, въ китайскихъ владѣніяхъ на западномъ Куэнъ-Лунѣ, до 53 мередіана.

Въ русскихъ владѣніяхъ таджики живутъ по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи и Зеравшана съ ихъ притоками и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, а именно: на таджиковъ горъ и таджиковъ равнинъ.

Таджики горъ по Сыру суть тѣ, которые живутъ въ горахъ по верховьямъ Чирчика и по тѣснинамъ кряжа Кендыръ-давана. Это—горные таджики праваго берега Сыра.

На лѣвомъ берегу этой рѣки таджикская народность разсѣяна въ долинѣ, въ ходжентскомъ уѣздѣ, и по отрогамъ Туркестанскаго хребта. Всѣ горы южнѣе Ходжента, а именно: горы въ верховьяхъ Зеравшана и горы, раздѣляющія бассейнъ Зеравшана отъ бассейна Сыра, густо населены таджиками и весьма незначительнымъ числомъ узбековъ.

Наконецъ, горныя части наманганскаго, кокандскаго и маргеланскаго уѣздовъ Ферганской области также заселены таджиками, а равно и Сарыколъ на русскихъ Памирахъ.

Въ ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области таджики живутъ въ верхнихъ частяхъ долинъ р.р. Чирчика и Ангрена отдѣльными селеніями между сартами и тюрками. Чирчикъ беретъ начало въ высокихъ, снѣжныхъ хребтахъ горъ Алатау и въ верховьяхъ носитъ названіе Чаткала. Въ горахъ Чаткалъ принимаетъ нѣсколько многоводныхъ притоковъ: Санталашъ, Терсъ, Пскемъ и Угамъ; послѣ сое-

диненія съ послѣднимъ, Чаткаль принимаетъ названіе Чирчика у сел. Чимбайлыкъ. По Чаткалу съ притоками, главнымъ образомъ, и поселены таджики.

Въ прежнее время берега Чаткала были населены болѣе густо, чѣмъ теперь; въ настоящее время на среднемъ теченіи существуетъ нѣсколько таджикскихъ и сартовскихъ селеній, уцѣлѣвшихъ отъ грабежей киргизовъ и кара-киргизовъ, уничтожавшихъ осѣдлыя поселенія незадолго до завоеванія г. Ташкента русскимъ оружіемъ.

По причинѣ высокаго положенія страны надъ уровнемъ моря, отъ 2000—5000 и даже 7000 ф. и значительному количеству выпадающихъ снѣговъ и дождя, по берегамъ Чаткала существуютъ посѣвы безъ ирригаціи, а подъ дождь (богарныя поля), хотя на болѣе низкихъ мѣстахъ встрѣчается и орошеніе при помощи горныхъ ключей. Самъ Чаткалъ, заключенный въ глубокую и узкую долину, мѣстами съ высокими отвѣсными скалистыми берегами, совершенно недоступенъ для каналиэаціи.

Р. Ангренъ значительно меньше Чирчика и беретъ начало въ тѣхъ же Алатавскихъ горахъ, гдѣ получаетъ начало и Чирчикъ, а именно: въ южныхъ цѣпяхъ Кураминской и Ангренской (Наманганскія горы). Все земледѣліе плодороднаго ангренскаго района сосредоточено въ верхней долинѣ, заключенной еще въ отрогахъ боковыхъ горныхъ цѣпей, и въ лощинахъ лѣвой стороны; прекрасная каналиэація и образцовая обработка почвы дѣлаютъ этотъ районъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ краѣ.

Непосредственно къ востоку отъ долинъ р.р. Чирчика и Ангрена, отдѣляясь отъ нихъ Наманганскими горами, примыкаетъ горная часть наманганскаго уѣзда Ферганской области, гдѣ также таджикскія селенія разбросаны среди сартовскихъ и кочевокъ киргизъ. Обращаютъ на себя вниманіе среди таджикскихъ кишлаковъ своей древностью кишлаки Ахсы и Касанъ, наманганскаго уѣзда. Въ самой ферганской долинѣ таджики разсѣяны по всѣмъ городамъ и живутъ совмѣстно съ сартами и другими народностями, населяющими города долины. Наибольшее же количество ихъ и болѣе чистый типъ обитаетъ въ горныхъ долинахъ, часто неприступныхъ, на югѣ ферганской котловины, въ кокандскомъ и маргеланскомъ уѣздахъ.

Горы на югѣ Ферганы представляютъ собою тройной рядъ кулиссъ, начинаясь предгоріями, какъ бы сморщенными глубоко врѣзывающими, отвѣсно набѣгающими бороздами; эти предгорія представляются мягкими образованіями, въ которыхъ снѣговая вода прорвала правильныя размоины. Позади этихъ предгорій высится второй, зубчатый рядъ сумрачныхъ, многоразлично сформированныхъ скалистыхъ цѣпей, которыя, благодаря ихъ смѣнѣ свѣта и тѣни, служатъ болѣе темнымъ фономъ для красноватаго отблеска предгорій. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы увѣнчать эту восхитительную панораму, надъ сумракомъ второго ряда возвышается до самыхъ туманныхъ облаковъ еще третій рядъ высочайшихъ горъ, одѣтыхъ, мѣстами, темно-пятнистымъ

ослѣпительнымъ снѣговымъ покровомъ. Эти горы отдѣляютъ Ферганскую долину отъ Каратегина.

Въ глубокихъ долинахъ этихъ горъ, особенно по рѣкамъ Исфарамъ, Шахи-Мирдамъ. Сохъ и Исфарѣ расположены таджикскіе кишлаки. На предгоріяхъ лежитъ большой кишлакъ Канибадамъ, далѣе въ горы: Исфара, Сохъ, Варухъ.

Продолженіе Ферганскихъ горъ на западъ носитъ названіе Туркестанскаго хребта. Отроги этого хребта занимаютъ южную часть ходжентскаго уѣзда Самаркандской области и отдѣляютъ ходжентскій у. отъ долины р. Зеравшана.

Городъ Ходжентъ представляетъ изъ себя центръ населенія таджиковъ равнинныхъ. Сѣверныя предгорія Туркестанскаго хребта населены также таджиками, а равно и г. Ура-Тюбе. О городѣ Ходжентѣ, какъ населенномъ преимущественно таджиками, въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ сказано болѣе подробно.

Одно изъ лучшихъ мѣстъ, густо населенныхъ таджиками—это Зеравшанская долина Самаркандской области.

Начиная отъ г. Самарканда, по мѣрѣ удаленія вверхъ по Зеравшану, замѣчается постепенное обѣдненіе въ разнообразіи племенъ, составляющихъ населеніе кишлаковъ обоихъ береговъ Зеравшана; остатки прежнихъ завоевателей уступаютъ мѣсто кореннымъ жителямъ Средней Азіи, таджикамъ—гальча. Уже отъ кишлаковъ Іори и Судкина, къ истокамъ Зеравшана, нѣтъ другой народности, кромѣ таджикской.

Зеравшанъ беретъ начало изъ Зеравшанскаго ледника, залегающаго въ горномъ узлѣ Туркестанскаго, Гиссарскаго и Алайскаго хребтовъ. Ледникъ этотъ питается обширными фирновыми полями и принимаетъ въ себя ледники, спускающіеся съ Туркестанскаго и Гиссарскаго хребтовъ. Длина ледника равняется 24 верстамъ, нижній конецъ его залегаетъ на высотѣ 9000 ф., а верхній, у перевала Матча, на высотѣ 13,800 ф. На 50 верстъ ниже современнаго окончанія ледника, у селенія Діамнора, залегаетъ первая морена: выше замѣчается рядъ огромныхъ моренъ, доказывающихъ фактъ отступленія зеравшанскаго ледника. Въ нижнемъ концѣ своемъ послѣдній образуетъ ледяной сводъ, изъ подъ котораго и вытекаетъ р. Зеравшанъ, называющаяся въ своемъ верхнемъ теченіи Матча. На высотѣ 4590 ф., возлѣ селенія Варзаминора, въ Зеравшанъ съ лѣвой стороны впадаетъ р. Фанъ-Дарья, составляющаяся изъ двухъ рѣкъ: Искандеръ-Дарья и Ягнобъ-Дарья. Ниже Зеравшанъ принимаетъ слѣва Кшутъ-Дарью, а еще ниже послѣдній притокъ—Магіанъ-Дарью, впадающую въ него также слѣва. До безуѣзднаго г. Пенджакента р. Зеравшанъ протекаетъ въ скалистыхъ утесахъ и совершенно недоступна для эксплоатаціи съ оросительными цѣлями; за Пенджакентомъ же изъ нея начинаютъ выходить каналы. Въ 8 верстахъ отъ г. Самарканда р. Зеравшанъ раздѣляется на два рукава—Акъ-Дарью (дл. около 105 в.) и Кара-Дарью (100 в.), которые соединяются вновь близъ г. Хатырчи въ бухарскомъ ханствѣ. Замкнутое, между

обоими рукавами, пространство земли представляетъ собою огромный островъ въ 13 в. ширины, по всѣмъ направленіямъ изрѣзанный оросительными каналами и очень густо заселенный. Островъ этотъ носитъ названіе Міанкалъ и является богатѣйшею частью Зеравшанской долины*).

Поднимаясь вверхъ по долинѣ „Золотоносной рѣки“ (Зеравшанъ) чрезъ г. Пенджакентъ, мы вступаемъ въ Когистанъ, эту чудную страну аллей съ ея живописными ущельями, серебристыми водопадами, снѣговыми альпами. Въ этой длинной аллеѣ горъ, откуда постепенно идешь подъемъ къ плоскимъ возвышенностямъ цѣпи Кара-тегинъ, можно видѣть, такъ сказать, резюме Центральной Азіи, со всѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ пріятнаго и грандіознаго въ картинахъ природы.

При входѣ въ долину раскинулись фруктовые сады, орошенные струящимися водами. Выше: зеленѣющіе луга, засѣянныя поля, рощи и лѣски, окаймляютъ теченіе рѣки, или какъ у Варзаминора, покрываютъ высокія аллювіальныя террасы, оставленныя изчезнувшими озерами. Сквозь вѣтви деревьевъ виднѣются бѣлыя вершины горъ; стоячія воды разсѣяны въ гранитныхъ бассейнахъ, и съ высоты цирковъ спускаются ледяныя рѣки.

Горную часть Зеравшанской долины представляютъ собою волости Фальгарская и Матчинская. Фальгарская волость начинается съ попутнаго кишлака (на лѣвомъ берегу) Ябанъ и простирается по Зеравшану включительно до к. Самтичъ. Она раздѣляется на два аксакальства: Урмитанское и Варзаминорское; въ первомъ 10 кишлаковъ съ 632 дворами, а во второмъ 21 кишлакъ съ 697 дворами, а всего, слѣдовательно, 1329 дворовъ. Матчинская волость начинается кишлакомъ Абурданъ и кончается ледникомъ „Ходжа-Муса“ (зеравшанскимъ); она тянется вверхъ по Зеравшану на протяженіи 144 верстъ и раздѣляется также на два аксакальства: Абурдинское и Пальдаракское. Первое состоитъ изъ 10 кишлаковъ съ 270 дворами, а второе—изъ 22 кишлаковъ съ 366 дворами, а всего 636 дворовъ. Самые восточные кишлаки: Вадифъ, Дихаузъ и Ди-Гиссаръ.

Когда именно гальча заняла верховья Зеравшана—сами не знаютъ; у нихъ сохранилось какое-то темное преданіе, что они двигались съ юга, тоже изъ горныхъ странъ. Подобныя переселенія происходили недавно и производились мирнымъ путемъ и по большей части въ моменты, когда, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, населеніе долинъ Зеравшана рѣдѣло, оставались незанятыми хлѣбородныя земли. Такъ, въ 1767 году, при эмирѣ Даніарѣ, вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ, голода и холеры, Самаркандъ и его окрестности опустѣли, отчего осталось много незанятыхъ земель. Гальча изъ Фана, Матчи, Каратегина и другихъ мѣстъ перешли со своими семействами на эти незанятыя мѣста и водворились на нихъ.

Въ бухарскихъ владѣніяхъ поселенія таджиковъ также значитель-

*) И. П. Гейеръ. Путев. по Туркестану. 1901 г. Ташк. стр. 137.

ны. По меньшей мѣрѣ двѣ трети всего городскаго населенія Бухары состоитъ изъ таджиковъ.

Самая населенная часть бухарскаго оазиса—та, которая составляетъ продолженіе Міанкаля или бухарскаго „Междурѣчья"; въ этой области, отъ Катта-Кургана до Пейшамбе, деревни (кишлаки) соединяются въ одинъ непрерывный городъ, утопающій въ зелени фруктовыхъ деревьевъ, которыя издали придаютъ ему видъ лѣса; каждый садъ какъ бы стережется важными аистами, которые отъ времени до времени постукиваютъ своими клювами; хивинцы въ насмѣшку говорятъ, что это постукиваніе аистовъ замѣняетъ бухарцамъ пѣніе соловья.

Одинъ изъ кишлаковъ этой плодородной страны извѣстенъ подъ именемъ Урусъ, т. е. русскій, въ память бѣглыхъ московскихъ людей, которые поселились въ этомъ мѣстѣ лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ. Несчастные переселенцы, заподозрѣнные въ томъ, что они продолжали поклоняться своему прежнему Богу и тѣмъ навлекли напасть на свое новое отечество, были всѣ перерѣзаны бухарцами.

Населеніе Гиссарскаго края—общаго названія южныхъ частей Бухары—слагается изъ двухъ главныхъ элементовъ: узбекскаго и таджикскаго, при чемъ первый является преобладающимъ, такъ что весь Гиссарскій край въ Бухарѣ называется Узбекистанъ (страна узбековъ). Подобно тому какъ въ долинахъ Сыра и Зеравшана узбеки вытѣснили въ горы коренное, таджикское населеніе, и въ гиссарскихъ владѣніяхъ таджики сохранились въ наибольшей чистотѣ только въ горныхъ кишлакахъ. Дербентъ заселенъ сплошь таджиками, изъ которыхъ даже многіе не понимаютъ ни слова по узбекски. Тоже нужно сказать и о жителяхъ, окрестныхъ Дербенту, кишлаковъ: Спръ-абъ и Ялгызъ-багъ и другихъ*).

Гиссарскій край лежитъ по нижнему теченію рѣки Вахша, по Кафирнагану, Сурхану, къ югу отъ Гиссарскаго хребта. Въ частности сѣверная часть называется Гиссаромъ, южная—Кабадіаномъ и восточная—Кулябомъ. Сравнительно невысокое положеніе края (б. ч. до 3000 ф.), мягкій, теплый климатъ и обиліе воды дѣлаютъ его одной изъ наиболѣе важныхъ частей Бухары. Гиссарскій край производитъ въ изобиліи хлѣбъ, всѣ среднеазіатскіе фрукты, скотъ; даетъ соль и т. п. продукты. Административнымъ центромъ гиссарскаго бекства является г. Гиссаръ (Гиссаръ—и—Шидманъ), лежащій на высотѣ 2210 ф., въ 4 в. отъ р. Кафирнагана, въ мѣстности, извѣстной злокачественными лихорадками.

Населеніе большихъ городовъ, лежащее въ долинахъ Сурхана и Кафирнагана, конечно, смѣшанное, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ Средней Азіи. Здѣсь узбеки перемѣшались съ таджиками такъ, что провести какую нибудь разграничивающую черту положительно невозможно. Однако можно замѣтить, что начиная съ Душамбе, къ востоку, таджикскій элементъ постепенно начинаетъ брать перевѣсъ.

*) Н. Маевъ. Географ. очеркъ Гиссарскаго края и Кул. бекства. „Турк. Вѣд." 1877 г. № 7.

Горные кишлаки, пріютившіеся въ ущельяхъ: Варзобъ-тагъ и Роумитъ-тагъ населены таджиками, также какъ города: Кафирнаганъ и Файзабадъ, съ окрестными кишлаками.

Населеніе Гиссарскаго края скучено почти исключительно въ долинахъ верхняго теченія рѣкъ Сурхана и Кафирнагана. Здѣсь лежатъ города: Денау и Юрчи, Регаръ, Сеаръ-и-сріуй, Сеаръ-и-осіа, Каратагъ, Гиссаръ, Душамбе, Кафирнаганъ и Файзабадъ. Отъ Денау до Гиссара есть прямое сообщеніе чрезъ хребетъ Баба-тогъ. Сѣверные города служатъ связью узбекскаго населенія долины съ таджиками горныхъ кишлаковъ*).

Юго-восточную часть бухарскаго ханства составляетъ горная страна Кара-тегинъ, расположенная по среднему теченію р. Вакшъ (Сурхъ-абъ), праваго притока Аму-Дарьи. Каратегинъ есть прекрасная страна высокихъ горъ, ледниковъ, водопадовъ, граничащая на С.-Гиссарскимъ и Алайскимъ хребтами съ Самаркандской и Ферганской областями, на В.—условной линіей, направляющейся на ЮВ. отъ перев. Бокъ-башъ въ Алайскомъ хр. съ Ферганой, на Ю—хребтомъ Петра Великаго съ бекствомъ Дарваз и на З—съ Гиссарскимъ бекствомъ. Долины рѣкъ занимаютъ не болѣе $^1/_5$ пространства страны, остальныя же $^4/_5$ заняты горами. Въ общемъ, Каратегинъ представляетъ горную страну, прорѣзанную по срединѣ съ СВ. на ЮЗ. р. Сурхъ-абъ и заключающую въ своихъ предѣлахъ южный склонъ Гиссарскаго и Алайскаго хр., западную оконечность Заалайскаго хр., долину Сурхъ-аба и сѣв. склоны хребта Петра Великаго. Склоны первыхъ двухъ хребтовъ, имѣющихъ весьма значительную высоту, скалисты, трудно проходимы и населены только по ущельямъ и небольшимъ притокамъ правыхъ притоковъ Сурхъ-аба; чрезъ Гиссарскій хребетъ (перевалъ Какшифъ—12 т. фут.) Каратегинъ сообщается вьючнымъ путемъ съ верховьями Зеравшана, а чрезъ Алайскій хр. (перев. Таракъ) такимъ же путемъ съ Ферганой. Пути эти зимой большею частью непроходимы или доступны только для пѣшеходовъ. Долина Сурхъ-аба, протекающая по Каратегину на протяженіе 165 в., представляетъ наиболѣе населенную и важную часть страны; восточная часть ея лежитъ на высотѣ $6^1/_2$ т. ф., а западная (городъ Гармъ) на высотѣ 4520 ф. Сурхъ-абъ въ восточной части Каратегина принимаетъ слѣва значительный притокъ Мукъ-су, истоки котораго находятся въ с.з. части Памировъ. Къ Ю. отъ долины Сурхъ-аба высится огромный хребетъ Петра Великаго, средняя высота коего не ниже 14 т. ф., а отдѣльныя вершины достигаютъ 20—2^1 т. ф.; немногіе перевалы, служащіе для сообщенія съ Дарвазомъ, весьма трудны и зимой недоступны. Климатъ континентальный, здоровый; зима продолжительна и довольно сурова; снѣга выпадаетъ много; жаркое лѣто длится не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Населеніе состоитъ изъ осѣдлыхъ таджиковъ (около 50 т.), живущихъ на западѣ страны, и кочевыхъ каракиргизъ (около 10 т.)—на востокѣ. Таджики-гальча Каратегина, хотя

*) Н. Маевъ l. c.

обращены оффиціально въ магометанскую вѣру, сохранили свои старые нравы, напоминающіе времена Зароастра, и продолжаютъ говорить персидскимъ языкомъ, среди киргизъ тюркскаго языка. Эти горцы народъ очень промышленный: они умѣютъ ткать матеріи, ковать желѣзо, промывать золотоносные пески своихъ ручьевъ, добывать каменную соль изъ своихъ горъ, а лѣтомъ они ведутъ довольно большую торговлю съ Кокандомъ, Бухарою и Кашгаромъ: овчинами, шкурами лисицъ, куницъ и барса, чулками, ковровыми вьючными мѣшками и т. п.; но эти промыслы недостаточны для прокормленія жителей. Будучи всѣ земельными собственниками, они не хотятъ дробить своихъ земель до безконечности, и потому молодые люди, края, уходятъ массами искать заработки на сторонѣ, въ городахъ равнины; эти „оверпяты" Туркестана особенно пригодны, гдѣ нужна большая физическая сила отъ чернорабочаго.

На югѣ Каратегина высокимъ хребтомъ Петра Великаго отдѣляется отъ Дарваза, крайней юго-восточной провинціи бухарскаго ханства. Оба склона хребта Петра Великаго въ этнографическомъ отношеніи представляютъ одно и тоже и населены таджиками. Дарвазъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ р. Пянджа (верхней Аму-Дарьи) и занимаетъ около 386 кв. географ. миль, съ населеніемъ около 35000 душъ. На сѣверѣ Дарвазъ отдѣляется отъ Каратегина высокимъ хребтомъ Петра Великаго, на В. граничитъ съ зап. окраиной Памировъ, съ Ю. —афганскими владѣніями (Бадахшанъ), а съ З.—бухарскими бекствами Бальджуаномъ и Кулябомъ. Дарвазъ изрѣзанъ высокими хребтами, глубокими ущельями, по которымъ текутъ быстрыя, трудно проходимыя рѣки, и, кромѣ чрезвычайно плохихъ, мѣстами доступныхъ только для опытныхъ пѣшеходовъ, тропинокъ, иныхъ путей сообщенія не имѣетъ. Послѣдовательно съ С. на Югъ Дарвазъ представляетъ слѣдующія части: долину р. Оби Хингоу (Хуллесъ) лѣваго притока Сурхаба; Дарвазскій хребетъ (снѣговой, трудно проходимый), отдѣляющій долину р. Оби-Хингоу отъ ущелья, по которому протекаетъ р. Пянджъ, и отъ долины Ванча (пр. притокъ послѣдняго); долину Пянджа и Ванча и, наконецъ, весьма гористую, круто спускающуюся къ Пянджу страну по лѣвую сторону послѣдняго. Горы высоки, скалисты, покрыты вѣчными снѣгами и ледниками. Древесная и кустарная растительность отличается скудностью, а травяная довольно богата и представляетъ хорошія пастбища. Климатъ довольно суровый: господствуютъ бури, морозы и мятели. Лѣтомъ бываетъ довольно тепло, такъ что въ наиболѣе низкихъ мѣстностяхъ страны сѣютъ хлопокъ. Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ: суровая природа страны мало обезпечиваетъ жителей, вслѣдствіе чего, мука изъ сушеныхъ тутовыхъ ягодъ (тутъ толканъ) составляетъ въ зимнее время самую обыкновенную ихъ пищу. Довольно важнымъ промысломъ является охота на лисицъ, куницъ, медвѣдей, дикихъ козъ и т. п. До 1878 г. Дарвазъ по большей части управлялся родовыми владѣтелями—Ша, а въ 1878 г., будучи присоединенъ къ бухарскимъ владѣніямъ, составляетъ особое дарваз-

ское бекство, бекъ котораго живетъ въ Кола-и-Хумѣ, на правомъ берегу Пянджа. Жители говорятъ персидскимъ языкомъ и хорошо сохранили преданія мазуеизма, не смотря на то, что они теперь исповѣдуютъ мусульманскую вѣру. Населеніе живетъ бѣдно; вѣрованія, воззрѣнія и бытъ ихъ первобытны, что объясняется трудной доступностью и замкнутостью страны.

По теченію р. Хингоу (сѣрая или голубая вода) лежитъ небольшая горная страна Вахіэ. Въ административномъ отношеніи Вахіэ подчиняется беку Дарваза, имѣя своего непосредственнаго начальника, живущаго въ Той-Дари, подчиненнаго дарвазскому беку. Вахіэ раздѣляется на двѣ части—Вахіэ-и-боло (верхняя Вахія) и Вахіэ-и-повунъ (нижняя Вахія). Жители Вахіэ таджики и говорятъ двумя отдѣльными нарѣчіями. Нарѣчіе верхней части Вахіэ сильно разнится отъ нижняго, ближе подходящаго къ каратегинскому, но нѣсколько отличнаго отъ послѣдняго. Жители Вахіэ называютъ сами себя вахіэчи. Подъ этимъ же названіемъ они извѣстны окрестнымъ таджикамъ и тюркамъ.

Согласно русско-англійскаго договора отъ 2 февраля 1895 г. часть Дарваза, лежащая по лѣвому берегу Пянджа, передана Афганистану, взамѣнъ Шугнана, благодаря чему въ настоящее время даже ближайшіе родственники кишлаковъ, населяющіе берега Пянджа, принадлежатъ подданству разныхъ государствъ (Бухары и Афганистана).

На югъ отъ восточной части Дарваза находится Рошанъ. Границы Рошана не опредѣлены. Рошанскіе кишлаки узкой лентой тянутся отъ Бардара внизъ по Бартангу (правому притоку Пянджа) до впаденія его въ Пянджъ. На Бартангѣ стоятъ слѣдующіе кишлаки: Бардара, Чадутъ, Балитъ, Аджирхъ, Вижрафтъ (Раздуджъ), Дарьянусъ, два Сипонджа, Рамитъ, Ритъ, Багу, Уемсъ и Суджанъ. При всей своей суровости, климатъ Рошана здоровый. Пространство 768,9 кв. миль, населеніе—таджики, занимающіеся земледѣліемъ. Число жителей въ 1838 г. опредѣлялось Вудомъ въ 100 семействъ; нынѣ, съ прекращеніемъ рабо-торговли, оно возросло не менѣе чѣмъ въ 5 разъ. Главный городъ Рошана-Кала-и-Вамара, при впаденіи Бартанга, т. е. нижняго теченія Мургаба въ Пянджъ. Вообще Рошанъ мало послѣдованъ. Въ началѣ 1870 года онъ вмѣстѣ съ Шугнаномъ находился подъ властью одного эмира.

Къ югу отъ Рошана находится бухарское бекство Шугнанъ, также населенное таджиками. Шугнанъ расположенъ въ бассейнѣ р. Гунтъ и лѣваго притока его р. Шахъ-даръ. Эта бухарская провинція болѣе послѣдована. Впервые о Шугнанѣ упоминаетъ знаменитый китайскій путешественникъ буддійскій монахъ Сюань-Цзянь, бывшій въ странахъ, лежащихъ на истокахъ Аму-Дарьи въ XII вѣкѣ по Р. Х. Самъ онъ лично не посѣтилъ Шугнана и приводитъ только краткія распросныя свѣдѣнія объ этой странѣ, представляющія большой интересъ исключительно потому, что свѣдѣнія эти первыя по времени и изъ нихъ мы узнаемъ о началѣ исторической жизни ханства. Затѣмъ, до 1836 г., т. е. въ теченіе цѣлыхъ 12 столѣтій, ни одинъ изъ путешественниковъ,

посѣтившихъ верховья Аму-Дарьи, даже не упоминаетъ о Шугнанѣ, вслѣдствіе чего, свѣдѣнія о немъ, Сюань-Цзяня, пріобрѣтаютъ особое значеніе, такъ какъ благодаря имъ прибавляются цѣлыхъ 12 столѣтій къ исторической жизни ханства.

Подобно Сюань-Цзяню, Вудъ въ 1836 году, а затѣмъ въ 1874 г. Троттеръ приводятъ о Шугнанѣ свѣдѣнія распросныя, со словъ туземцевъ. Первымъ изъ европейцевъ, лично посѣтившимъ Шугнанъ, былъ русскій докторъ Регель, который въ 1883 году объѣхалъ большую часть территоріи ханства, но, къ сожалѣнію, не опубликовалъ почти ничего о своемъ путешествіи.

Границы Шугнана опредѣлить точно очень трудно, такъ какъ селенія Шугнана сливаются съ селеніями Рошана и Вахана; сами жители не могутъ дать точныхъ указаній въ этомъ отношеніи. Приблизительно, однако, можно сказать, что границами Шугнана служатъ: на сѣверѣ—хребетъ Рошанскій; на востокѣ—Лилія, идущая черезъ озеро Яшиль-куль и перевалъ Кой-тезекъ и Масъ; на югѣ—водораздѣльный хребетъ Ваханскій и, наконецъ, на западѣ—Пянджъ. Въ этихъ предѣлахъ Шугнанъ имѣетъ форму сжатаго эллипсиса, большая ось котораго идетъ съ запада на востокъ, а малая—съ сѣвера на югъ; правый фокусъ—водораздѣлъ р. Гунта и Шахъ-дара—перевалъ Кокъ-бай, а лѣвый фокусъ—мѣсто соединенія этихъ двухъ рѣкъ. Большая ось имѣетъ въ длину около 10[illegible] в., меньшая около 90 в. Площадь, занимаемая Шугнаномъ, равняется 8000 кв. верстъ или 150 кв. г. миль.

Шугнанъ наполненъ горными хребтами, а именно: по срединѣ идетъ хребетъ Шугнанскій, на сѣверѣ—южный склонъ Рошанскихъ горъ; на югѣ—сѣверный склонъ Ваханскаго хребта. Всѣ эти хребты имѣютъ величественный видъ: громадныя плато, перерѣзанныя вдоль и поперекъ глубокими и узкими ущельями съ бурными рѣчками,—и среди нихъ возвышаются горы, покрытыя вѣчными снѣгами, то въ видѣ башенъ, то въ видѣ пиковъ. Особенно выдѣляются размѣрами и красотой два пика въ Ваханскомъ хребтѣ. Чудную картину представляютъ они при восходѣ и закатѣ солнца, блестя ледяной одеждой. Тогда они видны на далекое разстояніе. Названіе ихъ общее—Лазыръ (т. е. ледъ). Высота ихъ: одного 23,000, другого—20,000 ф.

Орошается Шугнанъ двумя большими горными рѣками—Гунтомъ и Шахъ-дарой и множествомъ мелкихъ рѣчушекъ. Длина Гунта: отъ перевала Кокъ-бай (притокъ Тогузъ-булакъ) до соединенія съ другимъ притокомъ, вытекающимъ изъ Яшиль-куля, 43 версты; отсюда до соединенія съ Шахъ-дарой 105 в. и до соединенія съ Пянджемъ еще 7 в., —всего 155 верстъ. Длина Шахъ-дары: отъ перевала Кокъ-бай до соединенія съ р. Масомъ 15 в., отсюда до соединенія съ Гунтомъ—130 в., всего 145 в.

Наибольшее разстояніе между этими рѣками съ сѣвера на югъ—60 верстъ. Притоковъ у Гунта: правыхъ—20, лѣвыхъ 24; у Шахъ-дары: правыхъ—14, лѣвыхъ—20. Берега обѣихъ рѣкъ круты и обрывисты. Скорость теченія очень велика. Уровень воды въ рѣкахъ воз-

виситъ отъ зимняго и лѣтняго, а также ночного и дневного таянія снѣговъ, почему и глубина ихъ измѣнчива, но не менѣе одной сажени. Переправляться въ бродъ возможно лишь въ верхнемъ теченіи Шахъ-дары и въ среднемъ Гунтѣ, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ. Жители совершаютъ переправу на турсукахъ, что для непривычнаго человѣка сопряжено съ рискомъ. Вкусъ воды въ обѣихъ рѣкахъ очень пріятный, несмотря на мутность, происходящую отъ того, что боковыя рѣчки размываютъ свои берега. Чѣмъ ниже по теченію, тѣмъ вода становится мутнѣе; такъ, въ Гунтѣ у сел. Сардвинъ вода свѣтла, но при впаденіи въ Пянджъ совершенно мутная. Рыба водится въ верхнемъ теченіи Гунта и Шахъ-дары. Озеръ въ Шугнанѣ два большихъ и нѣсколько малыхъ. Турумтай-куль (озеро кончиковъ) имѣетъ поверхность въ 15 в. Оно питается прибрежными и подводными ключами. Вода въ немъ прѣсная. Берега покрыты сочной травой. Принимая въ себя немноговодную рѣчку Акъ-джилга, Турумтай-куль отдаетъ свою воду при посредствѣ р. Акъ-сая въ р. Тогузъ-булакъ, впадающую въ Гунтъ. Другое большое озеро Друмъ-куль; его поверхность до 2 кв. верстъ. Сѣверный берегъ его—пологій; южный—возвышенный; восточный и западный берега—крутыя высокоподнимающіяся обнаженныя скалы. Вода прѣсная. Въ озеро Друмъ впадаетъ рѣчка того же названія; по выходѣ изъ озера рѣчка принимаетъ названіе Сенджъ и соединяется у селенія того же имени съ Шахъ-дарой. Рыба—въ обѣихъ озерахъ*).

Шугнанъ и Рошанъ получили отъ обитателей равнины названіе Зучанъ или „Страны двухъ жизней“, имѣющее тотъ смыслъ, что всякій, кто вступаетъ въ эту счастливую землю, кто дышетъ ея здоровымъ воздухомъ и пьетъ ея чистыя воды, можетъ быть увѣренъ, что проживетъ два вѣка. Но очень небольшое число людей пользуется этимъ великолѣпнымъ климатомъ. Дворовъ—512, мужчинъ—2885, женщинъ—2563. Торговля невольниками была, какъ и въ Ваханѣ, причиной обезлюденія страны, и очень еще недавно, несмотря на отмѣну рабства, оффиціально провозглашенную въ Кабулѣ и во всѣхъ афганскихъ владѣніяхъ, въ составъ которыхъ недавно входили берега Пянджа, люди продавались и покупались, какъ товаръ, въ землѣ „двухъ жизней“. Въ 1869 году, тамошній властитель торговалъ своими собственными подданными, чтобы поддержать равновѣсіе своихъ финансовъ; въ тѣхъ мѣстахъ цѣны мужчины или женщины представляли цѣнность 10 или 15 валовъ, отъ 5 до 8 яковъ или двухъ киргизскихъ ружей.

Крайнюю провинцію бухарскихъ владѣній на западной части Памировъ, населенную таджиками, представляетъ Ваханъ—страну, расположенную по р. Ваханъ-Дарьѣ, между Гинду-Кушемъ и Ваханскимъ хребтомъ, имѣющую около 3000 душъ обоего пола. Ваханъ—страна бѣдная; жители занимаются отчасти земледѣліемъ и главнымъ образомъ скотоводствомъ, вслѣдствіе чего, ведутъ полукочевой образъ жизни. Въ

*) Кап. Александровичъ. Кр. очеркъ Шугнана по даннымъ рекогносц. 1894 г. Турк. вѣд. 1895 г. № 12.

менѣе высокихъ мѣстностяхъ, въ нижнемъ теченіи Вахань-Дарьи, сѣютъ пшеницу, ячмень и бобовыя растенія; посѣвъ производится въ апрѣлѣ, а уборка въ іюлѣ. Главное богатство ваханцевъ—ихъ стада, состоящія изъ рогатаго скота, овецъ, козъ и яковъ. Лошади мелки, но хорошо сложены и прекрасно ходятъ по горамъ. Шерсть, полученная отъ ваханскихъ козъ, очень хорошаго качества; вмѣстѣ съ овечьей—она перерабатывается на ткани, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для мѣховой торговли, которая ведется съ окрестными странами.

Кала-и-Пянджъ, главное поселеніе въ Ваханѣ, расположено по лѣвому берегу Вахань-Дарьи въ 10 в. ниже сліянія ея съ р. Памиръ; оно состоитъ изъ группы домовъ, у подножія пяти холмовъ, на вершинѣ которыхъ расположены небольшія укрѣпленія; въ главномъ изъ нихъ живетъ правитель Вахана-миръ. Жителей здѣсь не болѣе 150 душъ обоего пола.

Эта область такъ возвышена, такъ холодна, такъ бѣдна растительностью, что ея рѣдкіе жители не могли нигдѣ поселиться, кромѣ какъ въ нѣсколькихъ хорошо защищенныхъ отъ вѣтра лощинахъ, на берегу рѣки: самая низкая деревушка Вахана лежитъ на высотѣ 2,700 метровъ, а самое возвышенное селеніе, Сардахъ, находится на высотѣ 3600 метровъ, слѣдовательно, выше чѣмъ вершины высочайшихъ, пока, Пиринейскихъ горъ; за Сардахомъ, еще выше, разбросаны тамъ и сямъ лѣтнія жилища. Тальникъ и другой низкій кустарникъ составляютъ единственную древнюю растительность этой холодной страны.

Главное удовольствіе жителей—это охотиться лѣтомъ на каменнаго козла, кочкаря (avis Poli), а также на куропатокъ съ помощью прирученныхъ соколовъ.

Удаленность отъ главнѣйшихъ историческихъ центровъ Средней Азіи и замкнутость памирскихъ ханствъ, примыкающихъ съ одной стороны къ безплодному и пустынному Памиру и окруженныхъ чрезвычайно трудно достигаемыми горными хребтами, отдѣляющими ихъ отъ сосѣднихъ странъ, способствовали, безъ сомнѣнія, тому, что таджики Шугнана, Рошана и Вахана, менѣе другихъ представителей арійскаго племени, подвергались смѣшенію съ народами тюрко-монгольской крови, и потому представляются членами арійской семьи, наиболѣе сохранившими чистоту типа.

Немало способствовало этому также и то обстоятельство, что горцы-таджики исповѣдуютъ магометанскую религію шіитскаго толка и, какъ еретики, преслѣдовались правовѣрными мусульманами-суннитами, считающими ихъ хуже собакъ. При такихъ условіяхъ, чтобы сохранить вѣру отцовъ и не подвергаться гоненіямъ, таджикамъ оставалось только одно—забраться подальше въ свои труднодоступныя горы и по возможности избѣгать всякихъ сношеній съ сосѣдними народами.

Арійское происхожденіе, большинства туземцевъ, составляетъ предметъ ихъ гордости. Остатки мѣстныхъ династій въ Ваханѣ, Шугнанѣ и Дарвазѣ кичатся даже происхожденіемъ отъ Александра Македонскаго; и въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ изъ исторіи, что Балхъ „мать городовъ“

по верхнему Оксу, служилъ столицею государства, основаннаго македонцами и существовавшаго 136 лѣтъ сряду.

Въ Афганистанѣ таджики разсѣяны по всей странѣ, какъ потомки первоначальнаго иранскаго населенія, любящіе заниматься земледѣліемъ и превосходящіе другія племена своею численностью, которая простирается до 1 милліона человѣкъ. Наиболѣе населенныя таджиками провинціи Афганистана суть сѣверныя, лежащія по Аму-Дарьѣ и ея притокамъ. Эти провинціи—Балхъ, Хульмъ, Кундузъ и Бадахшанъ.

Бадахшанъ—горная страна, расположенная по р. Кокша (Кокча, Кукча), естественно дѣлится на двѣ части—восточную, которая граничитъ съ Ваханомъ, и чрезъ которую протекаетъ Пянджъ, поворачивая на сѣверъ,—и западную, которую орошаетъ р. Кокша, т. е. „Зеленая“, подъ притокомъ средней Аму-Дарьи. Съ южной стороны протянутъ высокій гребень Гинду-Куша, гдѣ открывается два пролома: Нусканъ (5100 м. высоты), надъ которымъ господствуютъ ледники, и Дора (400 м.), немного менѣе трудный для перехода. Двѣ половины Бадахшана раздѣлены очень высокой отраслью Гинду-Куша, примыкающей даже на сѣверъ къ возвышеннымъ плоскогоріямъ, которыя огибаются верховьями Аму-Дарьи.

Выдающіеся города суть: Файзабадъ, Джермъ и Ишкашимъ. Важнѣйшимъ транзитнымъ пунктомъ является Ишкашимъ, именемъ котораго иногда называютъ всю восточную часть Бадахшана: онъ расположенъ на южномъ берегу Пянджа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ на сѣверъ къ Шугнану и Рошану, чтобы соединиться съ другими рѣками, образующими Аму-Дарью. Ишкашимъ находится, слѣдовательно, въ точкѣ пересѣченія естественныхъ путей, перерѣзывающихъ страну съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Это селеніе обязано своимъ важнымъ значеніемъ также сосѣдству рубиновыхъ копей, пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность со временъ глубокой древности; они занимаютъ въ 32 километрахъ ниже Ишкашима, верхнюю часть крутыхъ утесовъ, возвышающихся на 360 метровъ надъ правымъ берегомъ Пянджа.

Южный Бадахшанъ тоже обладаетъ копями, прославившимися на всемъ востокѣ, мѣсторожденіями бирюзы и лазуреваго камня, или лазурика, которыя находятся на сѣверномъ скатѣ Гинду-Куша, близъ истоковъ Кукчи, въ округѣ Лажурдъ или Лазурдъ,—откуда и произошло слово „лазуритъ“ (lapis lazuri) и „лазурь“, „лазурный“.

Эксплоатація лазуревыхъ копей часто прерывались то по причинѣ малыхъ выгодъ, то по случаю войнъ или внутреннихъ волненій и междуусобій, парализующихъ промышленность страны; однако, бадахшанскіе камни все еще очень хорошо извѣстны купцамъ: бухарскимъ, кабульскимъ и кашгарскимъ.

Бассейнъ рѣки Кокчи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ во всей Азіи по своимъ минеральнымъ богатствамъ, извѣстенъ обыкновенно подъ именемъ Хама-канъ, что значитъ „сплошь усѣянный рудниками“, ибо кромѣ лазуритовыхъ копей, онъ изобилуетъ также важными мѣсто-

рожденіями мѣди, свинца, квасцовъ, сѣры и желѣзной руды, разрабатываемой съ незапамятныхъ временъ.

Богатый минеральными сокровищами, Бадахшанъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ странъ Центральной Азіи, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя естественныя условія въ отношеніи здороваго климата, чистоты водъ, красоты тѣнистыхъ рощъ и лѣсовъ, плодородія долинъ. Бадахшанскіе арбузы и дыни, яблоки, персики, виноградъ, славятся во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Тамошнія лошади замѣчательны своей крѣпостью и вѣрностью шага на трудныхъ горныхъ дорогахъ; качества, которымъ онѣ обязаны тѣмъ, что кабульскій эмиръ выбралъ ихъ, какъ главную дань, платимую ему этимъ краемъ. Бадахшанскіе бараны доставляютъ часть шерсти, употребляемой для тканья чудесныхъ кашмирскихъ шалей; стада дикихъ свиней бродятъ во всѣхъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Бадахшана. Но обитатели этой страны, такъ изобилующей естественными рессурсами всякаго рода, живутъ по большей части въ крайней бѣдности; феодальный порядокъ, затѣмъ войны, внесенныя кундузскими узбеками въ долину Кокчи и сопровождающіяся грабежемъ и истребленіемъ населенія, наконецъ, тягостныя подати, налагаемыя кабульскимъ эмиромъ и еще увеличиваемыя его вассаломъ,—все это легло тяжелымъ гнетомъ на край, и довело до нищеты почти всѣхъ бадахшанцевъ.

Кромѣ того, властители страны предавались до недавняго времени торговлѣ невольниками; ни одинъ путешественникъ не могъ быть увѣренъ въ своей личной безопасности, пока не вступилъ на улицы какого-нибудь города.

Въ силу религіозной традиціи, одни только невѣрные могли быть обращены въ рабство, но сунниты также причислялись къ невѣрнымъ, и многіе сунниты, подвергаемые пыткѣ, принуждены были выдавать себя за послѣдователей Аги. Однако, нужды торговли ставили индусскихъ купцовъ и евреевъ внѣ всякой опасности быть захваченными въ плѣнъ и проданными въ неволю*).

На западъ отъ Бадахшана лежатъ провинціи сѣвернаго Афганистана: Кундузъ, Хульмъ и Балхъ, хотя и населенныя въ большей своей части узбеками, но въ городахъ въ большомъ числѣ сохранились остатки древнихъ обитателей этихъ провинцій—таджики. Кундузъ расположенъ въ низменной долинѣ р. Кундузъ или Акъ-серай и принадлежитъ къ самымъ нездоровымъ мѣстностямъ Центральной Азіи. „Если хочешь умереть, поѣзжай въ Кундузъ“, гласитъ бадахшанская поговорка. Самый городъ Кундузъ, какъ столица провинціи, представлялъ, даже во времена наибольшаго могущества Муратъ-бека, невзрачную кучку жилищъ, состоявшую изъ пятисотъ или шестисотъ глиняныхъ домишекъ, камышевыхъ хижинъ и узбекскихъ палатокъ, разбросанныхъ среди садовъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей и болотъ. Талиханъ, лежащій восточнѣе, у подошвы горной цѣпи, которая отдѣляетъ Кун-

*) Реклю, т. VI стр.351 и слѣд.

дузъ отъ Бадахшана, кажется, имѣетъ болѣе важное значеніе. Уже Марко Поло говоритъ объ этомъ городѣ, который онъ называетъ Тайканомъ, какъ о значительномъ населенномъ пунктѣ и большомъ рынкѣ, гдѣ производилась дѣятельная торговля хлѣбомъ, фруктами и солью. Сосѣднія соленосныя горы находятся на юго-востокѣ и на востокѣ отъ того города, именно близъ Акъ-булака въ Бадахшанѣ. Идя въ этомъ направленіи, путешественники поднимаются къ горному проходу Латтабандъ, обыкновенной дорогѣ каравановъ, отправляющихся изъ Кундуза къ Бадахшану и Памиру. Съ этого перевала открывается великолѣпнѣйшій и обширнѣйшій видъ, что особенно поражаетъ взоръ, съ западной стороны, такъ что величественный конусъ Кохъ-и-амбара, возвышающійся всего только на 800 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, но представляющій замѣчательную правильность формъ. Пастбища этой горы славятся разнообразіемъ и сочностью своихъ травъ, и жители Кундуза, Талихана и Хазретъ-имама, городовъ, лежащихъ соотвѣтственно къ западу, востоку и сѣверу отъ Кохъ-и-амбара, посылаютъ туда свои стада. Левъ бродитъ въ равнинахъ, растилающихся на сѣверѣ отъ этихъ горъ. Область Хульмъ или Хулумъ не такъ обширна, но не менѣе густо населена, чѣмъ Кундузъ, пропорціонально пространству, хотя она не столь обильна водой. Рѣка Кундузъ или Акъ-серай, питаемая снѣгами Гиндукуша и Кохъ-и бабы („отца горъ“) довольно многоводна, по крайней мѣрѣ, настолько многоводна, что течетъ до соединенія съ Аму-Дарьей, тогда какъ рѣка Хульмъ, берущая начало въ предгоріяхъ цѣпи Кара-Кохъ, не имѣетъ достаточной массы воды, чтобы достигнуть главной рѣки бассейна: она теряется въ ирригаціонныхъ каналахъ при вступленіи ея въ равнину. Но географическое положеніе Хульмскаго края, составляющаго средоточіе древней Бактріаны, чрезвычайно важно. Въ этой области оканчивается дорога въ Персію и Индію, идущая черезъ Баміанскій порогъ; здѣсь находится естественный центръ громаднаго амфитеатра горныхъ хребтовъ и плоскихъ возвышенностей, который тянется отъ персидскаго Мешеда до Бухары черезъ индійскій Кавказъ, Памиръ, Самаркандскія горы.

Выше Хульмскаго края соединяются всѣ большія рѣки, которыя смѣшиваютъ свои воды въ Аму-Дарьѣ: Акъ-Серай, текущій изъ Кундуза, и Сурхабъ, спускающійся съ Алая и сѣвернаго Памира; слѣдовательно, въ этой области Азіи сходятся естественные пути полукруга, имѣющаго болѣе 1500 километровъ протяженія. Нѣкогда Балхъ, „матерь городовъ“ (Ум-Эль-Бунданъ), былъ мѣстомъ пересѣченія всѣхъ торговыхъ пунктовъ страны. Послѣ разрушенія этого большого города Чингизъ-ханомъ, въ 1220 году, и обезлюденія части бассейна Аму-Дарьи, центръ торговли, впрочемъ, сильно уменьшившейся, долженъ былъ перемѣститься, но удержался, однако, въ той же области. До половины текущаго столѣтія Хульмъ былъ самымъ важнымъ городомъ древней Бактріаны: населенный почти въ 10,000 жителей, таджиковъ по большей части, онъ производилъ большую торговлю мѣхами всякаго

рода: бараньими, волчьими, лисьими, собачьими и кошачьими. Обширные и тѣнистые сады, простые и фруктовые, окружаютъ городъ поясомъ зелени; самое ложе рѣки, гдѣ вода течетъ не постоянно, обращено мѣстами въ садъ. Хульмъ—городъ новый, которому въ началѣ дали имя, столь обыкновенное въ Туркестанѣ: Ташъ-Курганъ или „Каменная крѣпость“; Старый Хульмъ, въ разстояніи 8-ми километровъ отъ нынѣшняго, теперь не болѣе, какъ куча мусора. Балхъ, который въ древности пользовался такой славой, какъ столица имперіи и какъ священный городъ, мѣсто, гдѣ проповѣдывалъ Зароастръ, средоточіе эллинской цивилизаціи въ Средней Азіи послѣ Александра Македонскаго, и впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ центровъ буддійской религіи, представляетъ теперь одну обширную руину. Городъ носитъ еще громкій титулъ „матери городовъ“; имѣетъ на сѣверной сторонѣ плохую цитадель, въ которой находится обрубокъ бѣлаго мрамора—будто бы тронъ Кира, и три жалкія училища; расположенъ близъ обширнѣйшаго поля, 6—7 часовъ ходьбы въ окружности, со слѣдами развалинъ нѣкогда блестящей Бактры или Зоріаты, родины Зароастра и Кира. Городъ былъ совершенно разрушенъ монголами въ 1220 году. Въ настоящее время Балхъ насчитываетъ едва 1500 жителей, отчасти уроженцевъ Кабула, главное занятіе которыхъ составляетъ пряжа, преимущественно шелковая; среди развалинъ, гдѣ еще находится Караванъ-сарай, большой базаръ и мечеть, живетъ 2000 афганцевъ, весною перекочевывающихъ въ Мизаръ, главный городъ афганскаго Туркестана, лежащій къ востоку отъ Балха въ болѣе возвышенной мѣстности и насчитывающій до 2.000 жителей. Политическій центръ афганскаго Туркестана находится, съ 1853 года, въ Шахтъ-и-пулѣ, километрахъ въ двадцати къ востоку отъ древняго Балха; но городское населеніе, цифра котораго по Гродекову простиралась въ 1878 г. до 25000 душъ, переселилось немного далѣе, вокругъ мусульманской святыни Мазаръ-и-Шерифъ (могила Шерифа), пользующейся славой даже по ту сторону Гинду-Куша, благодаря чудесамъ, которые не перестаетъ творить изъ глубины своего склепа пророкъ Али. Мазаръ-и-Шерифъ, примѣтный издалека по четыремъ высокимъ голубымъ минаретамъ, находится еще въ предѣлахъ области, орошенной рѣкой Балхъ или Дегасъ, которая получаетъ свои первыя воды съ горъ Кохъ-и-баба и Сефидъ-Кохъ. Въ низменной области эта рѣка не болѣе, какъ обведенный съ боковъ плотинами, но еще быстрый каналъ, называемый Бендъ-и-Борбари или „Плотина варваровъ“, который оканчивается, на сѣверъ отъ Балха, послѣ теченія болѣе 300 километровъ, въ садахъ Сіягирда. Тамъ тоже развалины покрываютъ огромное пространство. Неизвѣстно, былъ ли Сіягирдъ предмѣстьемъ Балха или независимымъ городомъ. На западъ отъ Балха таджикское населеніе значительно рѣдѣетъ; преимущественно по численности берутъ туркмены, главнымъ же образомъ узбеки. Къ городамъ съ рѣдкимъ таджикскимъ населеніемъ афганскаго Туркестана относятся: Акъ-ча, Сарипулъ, Шибирхалъ и Андхой*).

*) Реклю. Россія европ. и азіатск. т. II стр. 363 и слѣд. СПБ. 1881 г.

Арійское населеніе въ Афганистанѣ встрѣчается и на южныхъ склонахъ Гиндукуша, въ Кафиристанѣ, странѣ невѣрныхъ, не мумусульманъ. Кафиристанъ имѣетъ границы: на сѣверѣ Гиндукушскій хребетъ и Бадахшанъ, на востокѣ—Читралъ и долина рѣки Кунара, лѣвый притокъ р. Кабула (правый притокъ Инда), на югѣ и западѣ—Афганистанъ. Кафиристанъ представляетъ горную страну, состоящую изъ системы узкихъ, иногда щелеобразныхъ долинъ и ущелій, раздѣленныхъ высокими, подчасъ снѣговыми хребтами, представляющими южные отроги Гиндукуша и достигающими мѣстами 17 т. в. высоты; на сѣверной окраинѣ Кафиристана, въ Гиндукушѣ, отдѣльныя вершины поднимаются до 24 т. ф., а перевалы, ведущіе въ Бадахшанъ (Нуксанъ, Дора) достигаютъ 15—16 т. ф. и большую часть года недоступны. Природа Кафиристана дика, но величественна и живописна: огромныя скалы, снѣговыя горы, ледники, бурные потоки, глубокія и мрачныя ущелья составляютъ обычный ландшафтъ страны. Въ болѣе низменныхъ частяхъ долинъ и ущелій растутъ плодовыя деревья (виноградъ, каштанъ); склоны горъ покрыты зарослями кустарниковъ, вѣчно зеленымъ дубомъ и др. породами; выше 5—6 т. ф. преобладаютъ хвойные лѣса (сосна, кедръ), предѣлъ коихъ, повидимому, лежитъ на высотѣ 13 т. ф. Единственными путями сообщенія являются тропинки, нерѣдко весьма опасныя, проходящія по балконамъ надъ пропастями и пролегающія по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ.

Родиною человѣчества, жителями Кафиристана, признается Кашмиръ, гдѣ послѣдовало и смѣшеніе языковъ.

Кромѣ скотоводства, кафиристанцы занимаются земледѣліемъ, сѣютъ особенно пшеницу, а отчасти ведутъ также мѣновую торговлю съ сосѣдями или разбойничаютъ.

Наконецъ, въ дугѣ, обращенной выпуклостью къ сѣверу, образованной Гиндукушемъ и Мустагомъ, въ отдѣльныхъ владѣніяхъ, часто встрѣчаются племена, родственныя таджикамъ западнаго Памира.

Такъ, выше впаденія рѣки Канра—Горбадской долины въ Индъ, начинается Кухистанъ; это имя также употребляется афганцами въ долинахъ къ западу до самаго Кабула, для обозначенія округовъ, населенныхъ болѣе древнею расою, которую они выселили. Кухистанъ долины Инда называется мѣстными жителями Шинкари, т. е. страна шиновъ, онъ населенъ остатками разныхъ племенъ, повидимому, одной и той же расы, прародители которой занимали долины, прикасающіяся къ Пенджабу, а быть можетъ, и часть равнины внизу. Они и племена къ сѣверу и къ сѣверо-западу до настоящаго времени часто назывались общимъ названіемъ дардовъ—имя, которое въ дѣйствительности не имѣетъ никакого значенія*). Этимъ именемъ жители долинъ Бунеръ, Дуберъ, Путтунъ, Сео и Кандія называютъ жителей, обитающихъ лѣвый берегъ Инда противъ этихъ долинъ; это единственный случай

*) Майоръ Виддѣльфъ. Народы, населяющіе Гиндукушъ. Пер. П. Лессаръ. Асхабадъ. 1886 г. стр. 11.

употребленія этого имени среди народовъ, которые такъ названы изслѣдователями.

Населеніе Читра весьма смѣшанное; раздѣляется на классы. Привилегированные классы—шангалліи и зиндре—совершенно освобождены отъ податей. Податнымъ классомъ являются ашимадеки, т. е. „дающіе пищу“, раздѣляющіеся на 12 отдѣленій. Ашимадеки должны поставлять правителю и его свитѣ, при ихъ проходѣ черезъ деревню, провизію: по 8 барановъ и 8 харваровъ пшеницы съ дома. Эта единственная подать, которую они платятъ; и живущимъ въ отдаленныхъ деревняхъ часто по много лѣтъ не приходится ничего давать (Ашимадеки—Гальча. См. знач. слова „гальча“).

Изъ ашимадековъ отдѣленія шигніе и каше считаютъ себя пришельцами изъ Каша, деревни близъ Джерма въ Бадахшанѣ. Имена многихъ другихъ указываютъ на происхожденіе отъ извѣстныхъ личностей и, весьма вѣроятно, они потомки таджиковъ изъ Бадахшана, поселившихся въ Читралѣ во время водворенія нынѣшней династіи, около начала XVII столѣтія, основателя которой они, вѣроятно, сопровождали и поддерживали. Ихъ настоящее положеніе, впрочемъ, не создано завоевателемъ, а какъ кажется, они постепенно расплылись въ обширный привилегированный классъ. Они говорятъ на хаварскомъ языкѣ и образуютъ наибольше воинственную часть населенія. Существуетъ преданіе, что вся Читральская долина была нѣкогда занята кафирами, но неизвѣстно, подразумѣвается ли подъ этимъ именемъ племя сіяхъ-пушей (живущихъ въ настоящее время въ Кафиристанѣ), или же преданіе указываетъ лишь на народъ не мусульманскій. Въ Мадагмуштѣ живетъ небольшая колонія бадахшанцевъ, говорящихъ по персидски*).

Значительно далѣе, на сѣверо-востокѣ отъ Раскума, лежатъ на разныхъ притокахъ Яркендъ-Дарьи двѣ небольшія общины Пакпу и Шихпу. Въ первой около 4000 жителей, во второй—около 5000. Первая лежитъ на высотѣ 10.000 ф., вторая - на 9000 ф. Обѣ платятъ дань правителю Хунзы (Канджута). Этотъ интересный и мало извѣстный народъ принадлежитъ къ арійской расѣ; передаютъ, что они бѣлолицы и румяны. Они говорятъ на тюркскомъ-джигитскомъ нарѣчіи, но подобно племенамъ гальча въ Сарыколѣ и странахъ на сѣверѣ отъ Гинду-Куша, многіе изъ нихъ говорятъ также по персидски. Докторъ Белью, который имѣлъ случай встрѣтить нѣсколькихъ человѣкъ этого племени, описываетъ ихъ какъ высокихъ, бѣлокурыхъ и красивыхъ людей, совершенно арійской наружности, одѣтыхъ весьма бѣдно, вооруженныхъ кремневыми ружьями, застѣнчивыхъ и сдержанныхъ въ обращеніи, и чрезвычайно осторожныхъ относительно сообщеній свѣдѣній о себѣ. Онъ упоминаетъ, что они говорятъ по тюркски съ другими, но между собой объясняются на совершенно отличномъ языкѣ, и что они мусульмане шіитскаго толка, подобно бадахшанцамъ и ваханцамъ, т. е. моулаи.

*) Майоръ Биддѣльфъ, Л. С.

На Памирахъ, принадлежащихъ къ русскимъ владѣніямъ, Алайскій хребетъ и долина р. Алая населены племенами тюркскаго происхожденія или смѣшаннаго; сарты заняли равнинныя мѣстности на сѣверномъ склонѣ хребта, а киргизы охватили своими кочевьями оба склона и долину Алая. Въ долинѣ Алая по р. Кизылъ-су таджики начинаютъ встрѣчаться уже въ селеніи Ачикъ-Сельма. За Дорауть-Курганомъ населеніе преимущественно таджикское. Отсюда по р. Кизылъ-су таджики занимаютъ всю долину, и селенія ихъ продолжаются по Сурхабу и Зеравшану; объ этомъ сказано уже ранѣе.

Собственно памирское плато занято довольно рѣдкимъ киргизскимъ населеніемъ. Представителями древней арійской расы въ Кашгаріи являются таджики Сарыкола, переселенцы изъ Вахана, и обитатели трехъ горныхъ бекствъ Шихну, Пахту (о нихъ уже упомянуто выше) и Чипанъ, въ юго-западной части каргалыкскаго уѣзда. Сарыкольскіе таджики или сарыколи, какъ они называютъ себя, живутъ осѣдло въ долинахъ Ташъ-Кургана, Тагармы, Вачи, Маріона и по Яркендъ-Дарьѣ отъ Маріона до Косараба.

Ваханцы, живущіе мелкими поселками въ долинахъ рѣкъ Кильянгъ-су и Верхняго Тизнаба, близъ урощ. Тохтахомъ, выселились въ Кашгарію изъ Вахана въ концѣ прошлаго столѣтія; кромѣ того, лѣтъ 6—7 тому назадъ, верстахъ въ 50 къ югу отъ Ташъ-Кургана въ Сарыколѣ, выходцами изъ Афганскаго Вахана основанъ поселокъ Девдеръ (или Давдаръ), въ которомъ насчитывается теперь до 40 дворовъ*).

Населеніе Сарыкольскаго округа извѣстно съ глубокой древности. Великій памирскій путь пролегалъ отъ Ишкашима въ Бадахшанъ чрезъ Ваханъ и далѣе чрезъ Большой или Малый Памиры, однимъ изъ перевваловъ чрезъ Сарыкольскій хребетъ къ Ташъ-Кургану.

Ташъ-Курганъ есть, по всей вѣроятности, знаменитая „Каменная башня“ (Лтиносъ Пиргосъ) Птоломея,—крайній торговый пунктъ страны шелка (серики) на западѣ. Къ этому выводу о глубокой древности Ташъ-Кургана и его тождествѣ съ „Каменной башней“ древнихъ географовъ приходятъ, между прочимъ, др. Stein (Archaelogical exploration in Chinese Turkestan, 1901 г. стр. 12—13), который высказываетъ мнѣніе, что изъ Ташъ-Кургана путь на западъ пролегалъ чрезъ Памиръ-Тагдуш-башъ къ истокамъ Окуса (т. е. на Малый Памиръ), чрезъ Большой Памиръ и отсюда къ Шугнану.

Проф. Бартольдъ считаетъ, что этотъ путь, по арабскимъ географамъ, шелъ чрезъ Ваханъ. Движеніе чрезъ Шугнанъ могло существовать, но лишь временно; это былъ частный мѣстный путь для торговыхъ сношеній Ферганы съ припамирскими странами; изъ Ферганы вывозился хлѣбъ; изъ припамирскихъ странъ—невольники. Главнымъ путемъ оставался прямой путь между Ишкашимомъ и Ташъ-Курганомъ**).

---

*) Корниловъ. Кашгарія или Вост. Турк. 1903 г. стр. 240.

**) А. Е. Снѣсаревъ. Великій Памирскій путь въ средніе вѣка. «Турк. Вѣд.» 1902 г. № 18.

Жители Восточнаго Туркестана не представляютъ чистаго типа и сильно напитаны арійской кровью. Смѣсь тюрковъ съ таджиками особенно замѣтна въ городахъ какъ Кашгаръ и Яркендъ. Но главная масса таджикскаго населенія Кашгара сохранилась въ неприступныхъ горахъ, окружающихъ Кашгарію съ запада и юго-запада*).

Примѣсь арійской крови среди жителей Кашгаріи можно прослѣдить далеко на юго-востокъ. О нихъ находимъ упоминаніе у Н. М. Пржевальскаго. Та наружная часть западнаго Куэнъ-Луня, которая лежитъ между рѣками Кэрійской и Юрунъ-Кашъ (Куэнь-Лунь въ указанномъ районѣ представляетъ собою двойной кряжъ высокихъ снѣговыхъ горъ, наружный хребетъ которыхъ служитъ высокою оградою Тибета къ Таримской впадинѣ, другой стоитъ на самомъ тибетскомъ плато), не имѣетъ у туземцевъ общаго названія и названъ Н. М. Пржевальскимъ Кэрійскимъ.

Жители въ Кэрійскихъ горахъ принадлежатъ исключительно племени мачамъ или мальчи, какъ они иногда здѣсь называются. Это племя считаетъ себя давнишнимъ кореннымъ населеніемъ Восточнаго Туркестана и обитаетъ въ юго восточной его части какъ въ оазисахъ, такъ и въ горахъ. Послѣдніе, т. е. горные мачинцы, болѣе сохранили свой типъ. По наружному типу эти болѣе чистокровные мачинцы представляютъ монгольскую расу въ смѣси съ арійской, но съ преобладаніемъ, какъ кажется, послѣдней надъ первою**)

2. Климатъ.

Такъ какъ таджики занимаютъ своею осѣдлостью въ припамирскихъ странахъ и равнины, и долины, и горы, необходимо изъ этого слѣдуетъ, что жизнь ихъ протекаетъ при всевозможныхъ климатическихъ условіяхъ.

Особенно рѣзкимъ колебаніямъ подвергнуты въ различныхъ мѣстахъ, занятыхъ таджиками, составъ воздуха и температура его.

Въ то время какъ таджики Ходжента живутъ почти при нормальномъ составѣ воздуха, благодаря незначительному поднятію площади города надъ уровнемъ моря (1050 ф), таджики Пенджакента и Ура-Тюбе уже занимаютъ предгорія, гдѣ, правда, составъ воздуха еще не перетерпѣваетъ большихъ колебаній, но уже таджики ташкентскаго уѣзда (напр. Чимганъ—4790 ф.) живутъ при среднемъ барометрическомъ давленіи 640,8 м., таджики же Дарваза и другихъ горныхъ областей живутъ уже при барометрическомъ давленіи 595,2 м. (7140 ф. постъ Хорогскій); таджики занимающіе горы, лежащіе на уровнѣ или выше поста Памирскаго (12100 ф.) живутъ при барометрическомъ давленіи въ 492,1 м., т. е. гдѣ парціальное давленіе кислорода падаетъ ни-

*) А. Н. Куропаткинъ. Кашгарія СПБ. 1879 г. стр. 24 и 25. Робертъ Ша. Очеркъ верхней Памиріи, Яркенда и Кашгара СПБ. 1872 г. стр. 22.

**) Н. М. Пржевальскій. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь чрезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима. Четвертый путь въ Центральн. Азію. СПБ. 1888 г. стр. 414 и 420.

же 100 м. и гдѣ обѣдненіе организма кислородомъ дѣлается уже очень замѣтнымъ и начинаетъ проявляться въ формѣ, такъ называемой, горной болѣзни.

Съ другой стороны, воздухъ въ горныхъ областяхъ часто бываетъ загрязненъ, такъ называемыми, пыльными туманами. Впрочемъ, пыльные туманы не рѣдки и въ равнинахъ.

Среднюю годовую температуру мѣстностей, занятыхъ таджиками, можно опредѣлить приблизительно, согласно тѣмъ даннымъ, которыя имѣются относительно мѣстностей вблизи лежащихъ, гдѣ производятся метеорологическія наблюденія. Такъ, въ г. Ходжентѣ средняя годовая температура равна 14,8°, Ура-Тюбе 12,1°, поста Хорагскаго (въ Шугнанѣ) 8,8°, а на уровнѣ поста Памирскаго—1,2°.

Въ зависимости отъ средней годовой температуры находится величина безморознаго періода, если этотъ періодъ опредѣлять температурой отдѣльныхъ мѣсяцевъ ниже нуля. Температура ниже нуля въ Ходжентѣ бываетъ только въ январѣ, въ Ура-Тюбе и Пенджакентѣ—въ январѣ и февралѣ, тогда какъ на высотѣ поста Памирскаго, мѣсяцы съ температурой ниже нуля суть октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ; при чемъ на постѣ Памирскомъ послѣдній морозъ весной бываетъ даже въ первой половинѣ іюня, а первый морозъ осенью —во второй половинѣ августа.

Годовыя количества осадковъ также весьма различны. Наименьшее количество осадковъ въ равнинѣ (Ходжентъ – 153 м.) и въ мѣстностяхъ, примыкающихъ къ Памирскому плато (постъ Хорогъ—208 м.); количество осадковъ замѣтно увеличивается на предгорьяхъ (Ура-Тюбе—330 м., Пенджакентъ—371 м.), а въ горныхъ долинахъ значительно увеличиваются осадки, особенно на счетъ выпаденія снѣга, засыпающаго долины.

Тоже разнообразіе замѣтно въ силѣ и направленіи вѣтровъ.

Чтобы дать понятіе о климатическихъ условіяхъ мѣстностей, занятыхъ таджиками, попытаемся сдѣлать характеристику этихъ условій по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

Вообще долина г. Ходжента характеризуется тѣмъ, что виноградъ воспитывается высоко и климатъ даетъ возможность къ произрастанію на открытомъ воздухѣ еще болѣе южнымъ растеніямъ и плодамъ, какъ напр. фисташки.

Это пространство, по средней температурѣ зимы, равняется климату средней Франціи, хотя и находится значительно южнѣе послѣдней.

Въ Ходжентѣ зима значительно мягче, чѣмъ въ Ташкентѣ и рѣка Сыръ-Дарья, опоясывающая городъ съ сѣвера, почти никогда не замерзаетъ. Мягкости климата способствуетъ хребетъ Моголъ-тау (4 т. ф.), высокою стѣною защищающій Ходжентъ съ сѣверной стороны.

Лѣто въ Ходжентѣ болѣе продолжительно, чѣмъ въ Ташкентѣ, и фрукты созрѣваютъ двумя недѣлями ранѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ, Ура-Тюбе и Джизакѣ.

Долины предгорій служатъ незамѣтнымъ переходомъ отъ климата равнинъ къ климату горныхъ областей. Полную противоположность

климату Ходжента представляетъ климатъ Каратегина. Здѣсь хотя климатъ континентальный и здоровый, но зима продолжительна и довольно сурова; снѣга выпадаетъ много; жаркое лѣто длится не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Продолжительность и суровость зимы Дарваза находится всецѣло въ зависимости отъ высоты надъ уровнемъ моря. Есть мѣста въ Дарвазѣ, гдѣ зима бываетъ весьма холодная и снѣжная впродолженіи восьми мѣсяцевъ, наименьшая—2—4 мѣсяца, въ среднемъ отъ 4 до 5 мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда зима наступаетъ такъ рано, что не успѣваютъ даже снять пшеницу. Снѣгу выпадаетъ вообще много; бываютъ бури, морозы и мятели. Лѣтомъ въ горахъ бываютъ частые дожди и грозы. Скалы за день слишкомъ накаляются и отъ нихъ по вечерамъ при малѣйшемъ вѣтрѣ пышетъ, какъ изъ печки. Поднявшись же изъ долины на какой-нибудь перевалъ, сразу попадаешь въ относительный холодъ. Лѣтомъ часто бываютъ пыль и пылевые туманы настолько сильные, что солнце кажется только свѣтлымъ пятномъ, на которое можно смотрѣть свободно невооруженнымъ глазомъ. Въ наиболѣе низкихъ мѣстахъ страны возможенъ посѣвъ хлопка.

Климатъ Шугнана уже мягче, утренне-холодный. Лѣто не жаркое, вслѣдствіе охлажденія воздуха снѣгомъ. Зимы снѣжныя, но не особенно суровыя. Средняя ихъ продолжительность четыре мѣсяца,—на востокѣ страны продолжительнѣе, на западѣ—короче. Господствующіе вѣтры—западные вдоль долинъ рѣкъ. Климатъ вполнѣ здоровый.

Бадахшанъ извѣстенъ своимъ прекраснымъ и здоровымъ климатомъ, обиліемъ воды.

О природѣ Кафиристана можно сказать, что она дика, величественна и живописна; огромныя скалы, снѣговыя горы, ледники, бурные потоки, глубокія и мрачныя ущелья составляютъ обычный ландшафтъ страны. Въ болѣе низменныхъ частяхъ долинъ и ущелій растутъ плодовыя деревья (виноградъ, каштанъ), склоны горъ покрыты зарослями кустарниковъ, вѣчно зеленымъ дубомъ и др. породами; выше 5—6 т. ф. преобладаютъ хвойные лѣса (сосна, кедръ), предѣлъ коихъ, повидимому, лежитъ на высотѣ 13 т. ф.

3. Растительность.

Главная особенность равнинной части Туркестанскаго края заключается въ томъ, что на громадной ея территоріи отсутствуетъ естественный строевой лѣсъ и для строительныхъ работъ прибѣгаютъ къ искусственно разведенному лѣсу на усадебныхъ участкахъ. Объ этомъ уже нами было сказано болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ (сарты, ч. I стр. 132 и слѣд.). Предгорія же и невысокія горныя долины покрыты обильной кустарной растительностью и даже цѣлыми рощицами фисташковаго дерева, высокоцѣнимаго въ Средней Азіи. Фисташковое дерево даетъ съѣдобные орѣшки—общераспространенное лакомство у всѣхъ туземцевъ Средней Азіи и необходимая принадлежность достархана (утощенія); на

листьяхъ фисташковаго дерева, отъ уколовъ насѣкомыхъ, образуются галлы (наросты, чернильные орѣшки) бузгунджъ, которые въ большомъ количествѣ собираются туземцами, для полученія изъ нихъ черной краски. Наконецъ, фисташковый кустъ даетъ прекрасный уголь. Можно еще упомянуть, что изъ трещинъ и нарѣзовъ коры фисташника вытекаетъ цѣнная мастика (смола); но она не собирается ни туземцами, ни русскими и пропадаетъ непроизводительно.

Но въ послѣднее время въ доступныхъ мѣстахъ растительность уничтожается весьма быстро для обжиганія угля. Такъ, отъ Пенджакента до Урмитана склоны горъ, обращенные къ Зеравшану, носятъ только слѣды существовавшей недавно растительности. Въ поперечныхъ ущельяхъ этой части горъ можжевельникъ, боярышникъ, дикая груша, глоговина, удерживаются еще до поры до времени, только въ верхнихъ частяхъ склоновъ и то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что хватитъ ненадолго. Только въ Урмитанѣ ущелье Лянгаръ, упирающееся въ правый берегъ Зеравшана, богато можжевельникомъ, достигающимъ Санзарскаго перевала, на которомъ онъ, очевидно, входитъ въ связь съ хвойными порослями длиннаго ущелья Санзаръ, загроможденнаго крупными деревьями можжевельника и боярышника до затруднительности проѣзда этимъ путемъ верхомъ. Отъ Урмитана до Оббудана склоны горъ обоихъ кряжей и самые берега Зеравшана носятъ крайне безжизненный характеръ съ полнымъ отсутствіемъ даже кустарной растительности; но поперечныя теплыя ущелья Арпахунъ, Гувунъ, Сурхкатъ на лѣвомъ берегу, и Комаданъ на правомъ берегу, густо поросли березой, сумбристымъ тополемъ, осиной, козьей ивой, шиповникомъ, барбарисомъ, смородиной, костяной и синей жимолостью, занимающими узкую полосу обоихъ береговъ рѣчекъ, и можжевельникомъ, растущимъ по скатамъ горъ твердаго сланца. Широкое ущелье Оббурдана, выходящее къ лѣвому берегу Зеравшана, также богато можжевельникомъ, тополемъ серебристымъ, барбарисомъ и иргаемъ, но за то ущелье этого кишлака, упирающееся въ правый берегъ, лишено всякой растительности. Отъ Оббурдана по Фальгару до самаго Урмитана Зеравшанъ идетъ въ такой тѣснотѣ, что по берегамъ его нѣтъ мѣста для растительности, и склоны горъ, обращенные къ этой рѣкѣ, на всемъ 80-ти верстномъ пути, также совершенно обнажены. Но въ поперечныхъ ущельяхъ обоихъ береговъ встрѣчаются обильныя поросли лиственныхъ породъ деревьевъ и кустарниковъ по берегамъ притоковъ Зеравшана, и можжевельника по скатамъ горъ. Особымъ обиліемъ хвойной растительности выдаются въ Фальгарѣ ущелья: Дархъ, Самтичъ, Фатьмаутъ, Тагоби, Рорзъ и Гузарибатъ—всѣ на лѣвомъ берегу Зеравшана. Выше по Зеравшану, до селенія Ляпглифъ, встрѣчаются: осина, бредина, серебристый тополь на нижнихъ склонахъ горъ и можжевельникъ отдѣльными группами въ верхнихъ скалистыхъ тѣснинахъ. Барбарисъ сопровождаетъ берега рѣки почти непрерывной лентой, остальные кустарники и представители древесныхъ породъ располагаются отдѣльными экземплярами. Верховья Зеравшана усѣяны густыми побережными порослям корзиночной

ивы, кустарныхъ ивъ шелюхи, песчаной и ломкой ивы, а также кустарниками черной смородины и барбариса*).

Всѣ кишлаки густо засажены деревьями: тополемъ, таломъ, карагачемъ, плакучей ивой, разными фруктовыми деревьями, въ зависимости отъ превышенія даннаго кишлака надъ уровнемъ моря, начиная съ яблони, орѣха, абрикоса, вишни, черешни, сливы, тута и кончая виноградомъ, гранатами и даже винными ягодами. Тамъ же въ кишлакахъ встрѣчаются громадные по величинѣ чинары.

Въ, отдаленныхъ отъ городовъ, горахъ Фана, Нижняго Ягноба (отъ селенія Хршатокъ до Равата), Искандеръ-Куля, Кули-Ал-Утдинъ (иначе Кули-Каллямъ), куда не достигаютъ спросъ на уголь и строевой лѣсъ, древесная растительность держится хорошо. Скаты и ущелья горъ, сопровождающихъ названныя рѣки, имѣютъ довольно густую, повсюду встрѣчающуюся хвойную растительность, а по берегу Искандеръ-Дарьи и озера Кули-Искандеръ растетъ въ большомъ количествѣ береза обыкновенная, береза кустарниковая, обыкновенный ясень, серебристый тополь, ива, вязъ, и изъ кустарниковъ-барбарисъ, разные виды шиповниковъ и два вида жимолости.

Въ противоположность Фану и Ягнобу, горы Кшута и Магіана годъ отъ года замѣтно бѣднѣютъ древесною растительностью, энергично вырубаемой и мѣстными жителями и пришлыми промышленниками на углеприготовленіе и для строевыхъ надобностей.

Древесная и кустарная растительность какъ Дарваза, такъ и Каратегина весьма бѣдна для общей площади горъ. Деревья (арча, береза, кленъ, дикая яблоня, груша, орѣхъ, серебристый тополь, ива, ясень) нигдѣ не встрѣчаются сплошными рощами, а располагаются по склонамъ горъ и въ неприступныхъ трещинахъ отдѣльными экземплярами. Изъ культурныхъ породъ деревьевъ имѣются въ садахъ: весьма сахаристая шелковица, абрикосы, вишни, сливы, грушн, яблони, изрѣдка виноградъ.

Наибольшее количество кустарной растительности (барбарисъ, боярышникъ, миндаль колючій, можжевельникъ, иргай, разные шиповники, облепиха, гребенщикъ) залегаетъ по обоимъ берегамъ Хингоба и его притокамъ, но вообще недостатокъ древесной и кустарной растительности ощутителенъ для дарвазцевъ-каратегинцевъ въ потребностяхъ и строительныхъ, и даже топлива, для котораго во всѣхъ почти осѣдлостяхъ служитъ кизякъ. Зато зона травъ горъ Каратегина и въ особенности системы Хингоба въ Дарвазѣ и обильная и разнообразная съ преобладаніемъ кипца и полынныхъ; что притягиваетъ изъ Гиссара, Бальджуана, Куляба, Байсуна въ эти бекства, на лѣтнія пастьбы (съ половины мая до половины сентября) массы барановъ, рогатаго скота (по Хингобу) и лошадей (въ долинѣ Даштыбидона ниже впаденія Хингоба въ Сурхъ-абъ) частью съ хозяевами-кочевниками, частью же съ одними пастухами.

*) Г. А. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. СПБ. 1879 г. стр. 401 и слѣд.

Вообще же нужно сказать, что горцы нуждаются какъ въ строевомъ лѣсѣ, такъ и въ лѣсѣ на разныя подѣлки.

4. Ходжентъ.

Городъ Ходжентъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ равниннымъ городамъ Средней Азіи, населенъ таджиками.

Ходжентъ, вмѣстѣ съ Ура-Тюбе, Джизакомъ и ихъ районами, постоянно составлялъ отдѣльное владѣніе, управлявшееся по временамъ независимыми беками. Изъ числа этихъ послѣднихъ особенно замѣчателенъ, владѣвшій Ходжентомъ въ началѣ XVIII столѣтія, Акъ-Бута-бекъ (родомъ узбекъ), который впервые укрѣпилъ городъ, исправилъ цитадель и раздѣлилъ городъ на 24 квартала. Гуль-бахъ (садъ цвѣтовъ), мѣсто жительства бековъ, выстроенъ Шадманъ-бекомъ, уроженцемъ г. Ташкента. Затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Ходжентъ былъ взятъ Кокандскимъ властителемъ Алимъ-ханомъ, и съ тѣхъ поръ лишился самостоятельности, находясь, до взятія его русскими, попеременно, то подъ властью кокандцевъ, то подъ властью бухарцевъ. Въ 1866 г. 24 мая послѣ упорнаго сопротивленія взятъ русскими.

Ходжентъ—уѣздный городъ Самаркандской области, подъ 40°18¹ сѣв. шир. и 69°38¹ вост. долг- отъ Гринича, лежитъ на лѣвомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, у выхода ея изъ Ферганской котловины, на высотѣ около 333 мет. надъ уровнемъ моря, причемъ рѣка опоясываетъ его съ сѣверной и сѣверо-западной стороны, а съ востока, юга и юго-запада городъ окруженъ садами и пашнями, которыя занимаютъ огромное пространство, такъ какъ на юго-западѣ онѣ тянутся приблизительно на протяженіи 6—7, на югѣ—на протяженіи 2—3, и на востокѣ—на протяженіи 7—8 верстъ. Городъ, имѣющій около 12 верстъ въ окружности, представляетъ фигуру неправильнаго многоугольника, въ средней части своей съуженнаго; восточная его половина значительно больше западной. Городъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ толстыхъ и высокихъ стѣнъ, а со стороны Сыръ-Дарьи—одною стѣною; часть этихъ стѣнъ сохранилась и нынѣ. Стѣны имѣли восемь воротъ; на восточной сторонѣ ворота: Калинау, Казы и Кокандскія, на южной—Червакъ, Чуянчи, Чаръ-Чракъ и Мачеть-Сауръ, на сѣверной —Янги-Дарваза; на западной сторонѣ воротъ нѣтъ.

Климатъ Ходжента умѣренный; лѣтомъ очень жаркій. Средняя температура года+15°, min.—12,3°, max.+42,6°, годовое количество осадковъ 137,3. Лѣтомъ въ Ходжентѣ нестерпимая, удушливая жара: бѣлыя скалы горы Моголь-тау, возвышающейся къ сѣверу отъ города, на другой сторонѣ р. Сыръ-Дарьи, сильно накаляются и отражаютъ на Ходжентъ знойные солнечные лучи; кромѣ того, почти постоянные горячіе вѣтры по направленію рѣки: днемъ обыкновенно западные, а ночью восточные; производятъ пыльные ураганы, которые при сильной жарѣ едва выносимы. Вѣтры эти происходятъ отъ всасывающаго вліянія Ферганской котловины; почва здѣсь сильно накаляется и вызываетъ

восходящіе токи воздуха, на мѣсто коего врываются воздушныя теченія изъ пустынь.

Ходжентъ былъ раздѣленъ Акъ-Бута-бекомъ на 24 махалле (прихода), которые затѣмъ разробились на 80 махалле; такое число приходовъ существуетъ и въ настоящее время. За городомъ 6 махалле: Уинджи, Руманъ, Кулангыръ, Шейхъ-Бурханъ, Пумчикуръ и Гава или Курукъ, носящіе названіе по тѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ арыкамъ, которые орошаютъ ихъ пашни и сады. Эти махалле образуютъ отдѣльно въ садахъ лежащія предмѣстья, въ которыхъ часть жителей проживаетъ постоянно, а часть выселяется изъ города только на лѣто.

Весь городъ Ходжентъ раздѣленъ на двѣ части: Ризакъ—восточную и Кала-и-нау—западную. Пограничною чертою между этими частями принятъ арыкъ Ходжа-Бокарганъ, входящій въ городъ между воротами Червакъ и Чуянчи и впивающійся въ Сыръ-Дарью, около махалле Календарь-хана. Въ части Ризакъ вмѣстѣ съ загороднымъ махалле Курукъ 2800 жилыхъ дворовъ, а въ другой части—Кала-и-нау, съ остальными загородными махалле, до 3000 жилыхъ дворовъ. Жители по переписи 1897 г. 30076 (16196 мужчинъ и 13880 жен.). Жители почти всѣ таджики.

Ризакъ богатъ садами, славящимися во всемъ Туркестанѣ, превосходными фруктами; въ особенности хороши персики. Кала-и-нау болѣе населенъ; здѣсь сосредоточиваются торгово-промышленныя (шелкоткацкія фабрики) заведенія. Жители Ризака занимаются въ большихъ размѣрахъ разведеніемъ шелковичнаго дерева и шелководствомъ.

Изъ городскихъ строеній Ходжента относительно замѣчательны три медресе изъ жженаго кирпича; изъ нихъ одно началъ строить Акъ-Бута-бекъ, о которомъ упомянуто выше, а окончила работы по постройкѣ его жена Бизаятъ-Алямъ, около 175 лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ медресе одинъ учитель (мударосъ) обучаетъ около 50 учениковъ; всѣхъ комнатъ, въ которыхъ живутъ студенты, 28. Остальныя медресе выстроены 70—80 лѣтъ тому назадъ: одно ходжентскимъ бекомъ Шахи-Диванъ-беги, съ 23 помѣщеніями; другое медресе построено Мухамедъ-Садыкъ-Алимомъ, также съ 23 помѣщеніями. Эти медресе носятъ названія по именамъ тѣхъ лицъ, которыя строили ихъ.

Изъ числа медресе, выстроенныхъ не изъ жженаго кирпича, а изъ сырцеваго, болѣе другихъ замѣчательны: 1) медресе Намазга, которое строилъ, около 85 лѣтъ тому назадъ, бекъ Халы-Кушъ-Мирза; въ немъ 23 помѣщенія; 2) медресе Хазретъ-Шейхъ-Масляхъ-Эдинъ выстроилъ, лѣтъ 45 тому назадъ, Мирза Хакимъ-Потавали съ 10 помѣщеніями; 3) медрессе Магомедъ-Гусара выстроено бекомъ Хаджъ-Баркашъ-баемъ, около 200 лѣтъ тому назадъ; въ немъ 13 келій. Всѣхъ слушателей въ медресе до 1000 человѣкъ.

Всѣхъ мечетей въ городѣ 144. Изъ мечетей, отличающихся своею древностью и относительно красивою архитектурою, болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія: 1) мечеть Хазретъ-Баба, выстроена Тянгры-Куль-Диванъ-беги, около 175 лѣтъ тому назадъ; 2) мечеть Хазремъ-

Ходжа-Камаль, выстроена, приблизительно, 200 лѣтъ тому назадъ бекомъ Абдулъ-Касимъ Кушъ-беги; 3) въ честь главнаго святого, покровителя города Ходжента, мечеть Хазремъ-Шейхъ-Масляхъ-Эдина, построена однимъ изъ жителей ходжентскаго предмѣстья Унджи, около 175 лѣтъ тому назадъ. Лѣтъ 45 назадъ эту мечеть исправили и перестроили на общественный счетъ, такъ что въ настоящее время эта мечеть представляетъ собою дѣйствительно довольно изящный образецъ средне-азіатской архитектуры; 4) Хошъ-мечеть построена около 150 л. тому назадъ; 5) мечеть Тахта-Тутти-Калянъ, построена около 175 лѣтъ назадъ; ей дано названіе по тутовому дереву, дѣйствительно громаднѣйшихъ размѣровъ, которое растетъ около нея; 6) Намазга; эту мечеть построилъ, около 150 лѣтъ назадъ Фазилъ-бекъ, бывшій одновременно ходжентскимъ и Ура-Тюбинскимъ бекомъ; 7) мечеть Джамьэ-Пегу-Аркышъ, построена болѣе 100 лѣтъ тому назадъ; 8) мечеть Дарп-Шакифъ, построена болѣе 200 лѣтъ тому назадъ; 9) мечеть Джамай-Сары-Сянь построена болѣе 100 лѣтъ тому назадъ.

Промышленный характеръ города Ходжента выражается числомъ лавокъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, общій итогъ которыхъ простирается до 1141. Это общее число торгово-промышленныхъ заведеній подраздѣляется слѣдующимъ образомъ: лавокъ серебряныхъ издѣлій 4, желѣзныхъ и скобяныхъ 13, чугунныхъ издѣлій 6, для выдѣлки ножей 5, мѣдныхъ издѣлій 8, лавокъ для продажи ножей 7, кузницъ 6, кожевенныхъ заводовъ 2, лавокъ для продажи кожевенныхъ издѣлій 23, сидѣльниковъ 5, сапожныхъ и вообще обуви 54, заводовъ для выдѣлки глиняныхъ издѣлій 11, лавокъ курительнаго табаку 15, лавокъ нюхательнаго табаку 6, маслобоенъ 50, лавокъ съ кунджутнымъ масломъ 22, мыловаренныхъ заводовъ 18, лавокъ съ мыломъ 8, свѣчныхъ мастерскихъ 6, мясныхъ лавокъ 48, столярныхъ 2, мелочныхъ лавокъ 32, лавокъ съ чаемъ и сахаромъ 22, лавокъ съ солью 5, мучныхъ лавокъ и зернового хлѣба 24, лавокъ съ рисомъ 15, фруктовыхъ 27, овощныхъ 4, лавокъ съ халвою 10, пекаренъ лепешекъ 12, чайныхъ лавокъ (чай-хана) 17, лавокъ съ пряжею 6, красилень 24, лавокъ съ краскою 9, скорняковъ 5, для производства шерстяныхъ издѣлій 9, шелкомоталень 20, пильщиковъ 4, ткацкихъ шелковыхъ 95, ткацкихъ бумажныхъ 115, лощилень полушелковой матеріи 9, лавокъ съ шелковыми тканями 7, лавокъ съ полушелковыми 20, халатныхъ лавокъ 10, лавокъ съ тюбитейками 10, лавокъ съ матою 5, лавокъ съ пестрою матою 6, лавокъ съ кисеею и чалмами 10, лавокъ съ подкладочнымъ товаромъ 78, мѣнялъ 4, цирульниковъ 4.

Базаровъ въ Ходжентѣ два: большой и малый. Въ нихъ лавокъ и мастерскихъ: въ первомъ 510, во второмъ 280. Въ обыкновенные дни лавки на базарахъ большею частью закрыты; но онѣ всѣ открываются въ базарные дни, которыхъ въ Ходжентѣ три въ недѣлю: въ среду, четвергъ и пятницу. Общій характеръ устройства базаровъ въ туземныхъ городахъ почти одинаковъ; они отличаются только величиною площади, занятой подъ базары, и большимъ или меньшимъ богатствомъ

содержимаго въ лавкахъ. Болѣе подробно нами въ другомъ мѣстѣ описанъ Ташкентскій базаръ и это описаніе можетъ дать общее представленіе о туземныхъ базарахъ (Сарты, т. I стр. 40 и слѣд.). Караванъ-сараевъ въ Ходжентѣ 5. Кладбищъ въ городской чертѣ 15.

5. Историческій очеркъ.

О древнѣйшихъ временахъ мѣстностей Средней Азіи, занятыхъ въ настоящее время таджиками, существуютъ только легендарныя сказанія. Древнѣйшими источниками свѣдѣній служатъ индійскія и иранскія религіозно-этническія преданія. На нихъ основывается, между прочимъ, гипотеза, что Памирская высь была колыбелью арійскаго племени, которое разошлось отсюда въ разныя стороны. Здѣсь мы должны обратиться къ древнѣйшему источнику, самой Зендъ-Авестѣ, потому что въ ней заключается древнѣйшее воззрѣніе иранцевъ на землю и на раздѣленіе собственныхъ ихъ областей и частей народа, столь же тѣсно сопряженное съ космологіей и религіей, какъ и индійское понятіе о землѣ съ религіознымъ ученіемъ Брахмановъ.

О различіи трехъ упомянутыхъ греками народовъ, бактрійцахъ, мидянахъ и персахъ, зендскія писанія еще не говорятъ: тамъ всѣ эти народы зовутся совокупно арійцами (иранцами), или „ормуздовымъ народомъ“, земли же ихъ—Аріею.

Изъ Вендидата, „Откровенія“, одного изъ отдѣловъ Зендъ Авесты, обнаруживается нѣсколько довольно важныхъ географическихъ фактовъ, относительно Ирана и его обитателей*).

Эріэне-Вэедьо (Иранъ-Вейи, т. е. „чистый Иранъ“) было первобытнымъ мѣстомъ жительства зендскаго народа, т. е. многочисленнаго племени, которое потомъ обитало преимущественно въ Согдіанѣ, Бактріи, Мидіи и Персидѣ. Здѣсь Ормуздъ впервые собралъ живыя существа, т. е. здѣсь люди со своими стадами впервые обратились въ роды и составили общины. Тогда царь Джемшидъ, при содѣйствіи небесныхъ людей, т. е. родоначальниковъ и предводителей (греческихъ полубоговъ), собралъ живыя существа, т. е. соединилъ отдѣльныя племена въ одинъ народъ и сталъ главою народовъ и стадъ.

Послѣ того Ормуздъ далъ Джемшиду золотой кинжалъ, лезвіе (плугъ), символъ земледѣлія, и повелѣлъ народъ пріучать къ обработкѣ земли.

---

*) Иранъ К. Риттера. Пер. Ханыкова СПБ. 1874 г. стр. 31—32.

Но къ Эріэне-Вэедьо вторгалась суровая зима. До того, тамъ было 7 теплыхъ и 5 холодныхъ мѣсяцевъ въ году; въ Джамшидово время зима распространилась на 10 мѣсяцевъ, а для лѣта остались только два (какъ въ настоящее время въ Верхней Азіи, Тибетѣ, Ладакѣ и т. д.). Тогда Джемшидъ, по повелѣнію Ормузда, повелъ народъ изъ Эріэне-Вэедьо въ *свѣтлую* землю, т. е. въ болѣе теплую, на югъ. Переходъ начался съ первобытнаго жителя въ Согда (Согдіана), оттуда въ Муру (Мервъ), оттуда въ Багды (Бактрію), оттуда въ Нисаиму (Ниса), оттуда въ Харою (Гератъ), Векеретемъ (Arocholia), Хотуматъ (Hindmend), Рагапъ (Rhagis нынѣшній Рей). Послѣднія три мѣста благодати суть Верене (Ver, Persis,—гдѣ по Роде, Персеполь), Хапта-Хенду (S pta Heando, семь Индій, или страны притоковъ Инда) и Рангеяо, которую должно искать подъ именемъ Aravastania, на западѣ отъ Персіи, въ Верхней Ассиріи, на Тигрѣ и Ефратѣ. Такимъ образомъ, народъ, прибывъ въ болѣе теплый, южный край, распространился даже на востокъ къ Инду и на западъ къ Ефрату, до Месопотаміи. Преимущественно же онъ развился по серединѣ, между этими землями, въ очаровательномъ, Чистомъ Ворѣ (т. е. долинѣ, орошаемой водою), который такъ понравился Джемшиду. Эту пространную, четырмя сторонами ограниченную землю (стало быть тоже, что четырнадцатое мѣсто благодати, Верене, съ четырьмя углами), Джемшидъ населяетъ и обрабатываетъ. Здѣсь основалъ онъ города, размѣщая въ нихъ по 1000, по 600 и по 300 жителей; проложилъ дороги, ввелъ земледѣліе и садоводство и самому себѣ, на возвышеніи, построилъ дворецъ.

На протяженіи всего своего шествія Джемшидъ и народъ его, всѣ страны, куда ни приходили они, находили пустыми и невоздѣланными. Джемшидъ впервые населилъ ихъ людьми и животными. Въ этихъ новыхъ, плодоносныхъ нивахъ народъ, сравнивая ихъ съ первобытною дикою родиною своею, находилъ себя столь счастливымъ, что время это почитается въ сагѣ золотымъ вѣкомъ.

Отличнымъ отъ этого края, гдѣ по повелѣнію Ормузда впервые приступлено къ земледѣлію и построенію городовъ и дворцовъ, гдѣ началось обращеніе кочующихъ дикарей въ осѣдлыхъ гражданъ, отличнымъ, повторяемъ, отъ этого теплаго южнаго края, лежащаго на солнечной сторонѣ земли, было первоначальное мѣстопребываніе зендскаго народа, начавшаго свое передвиженіе изъ Эріэне- Вэедьо на югъ. Это Эріэне-Вэедьо, древнѣйшее жилище, должно находиться на сѣверѣ отъ позднѣйшаго второго отечества, той роскошной земли, обработанной Джемшидомъ, которая въ гимнѣ называется тоже Эріэне-Вэедьо. По этому есть два въ чистотѣ созданныхъ Эріэне: одно было отечествомъ зендскаго народа до переселенія, другое-послѣ и смѣшивать ихъ не должно.

Первое—Эріэне, Арія, Иранъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, на сѣверѣ, родовая колыбель иранцевъ, первоначальное ихъ отечество, которое упоминается въ первомъ отрывкѣ Вендидата, и откуда началось переселеніе всѣхъ иранцевъ. Второе—Эріэне, Арія, Иранъ въ обширномъ

смыслѣ, великая плодородная страна, на югъ отъ предшествующей, въ началѣ пустая, впервые населенная и обработанная Джемшидомъ, пришедшимъ туда съ иранскими поколѣніями, которыя до того перешли уже много странъ,—земля, которую посѣщаетъ самъ Ормудзъ со своими изедами, въ которой Джемшидъ воздвигнетъ престолъ, собираетъ старшинъ своего народа и устраиваетъ совершенное государство. Эта послѣдняя и есть общеизвѣстная Эріэне, Арима, Аріана, Иранъ—страна, которую впослѣдствіи занимали иранцы подъ владычествомъ блестящихъ единокровныхъ имъ царскихъ родовъ, утратившихъ не только власть надъ первобытной родиной, но и даже самое воспоминаніе о ней.

Гдѣ находилось сѣверное первобытное жилье зендскаго народа, опредѣленно неизвѣстно. Великая стужа, десять мѣсяцевъ въ году дѣлавшая эту землю непріютною, указываетъ только на центральную часть Верхней Азіи около источниковъ Оксуса и Яксарта, на Памиръ, Белуръ, западный Тибетъ, гдѣ находится и Куэнъ-Лунь, райская земля китайцевъ, и на лежащія за ними плоскія возвышенности, которыя одни соотвѣтствуютъ такому описанію природы.

Изъ Вендидата мы видимъ, что въ первобытной странѣ зендскаго народа было сперва 7 теплыхъ мѣсяцевъ и 5 холодныхъ, а затѣмъ наступила великая стужа, 2 теплыхъ мѣсяца и 10 холодныхъ, т. е. произошелъ великій геологическій переворотъ.

И. В. Мушкетовъ о прошломъ Памира говоритъ*): Разсмотрѣніе горныхъ системъ, окружающихъ Туркестанъ, приводитъ насъ къ тому заключенію, что орографія Туркестанскаго бассейна въ дотретичную эпоху имѣла совершенно другой характеръ, нисколько не похожій на современный. На мѣстѣ Туркестана и Хань-Хоя было обширное море, среди котораго кое-гдѣ выступали невысокія гранитныя и сланцевыя гряды, образовавшія цѣлый архипелагъ острововъ, вытянутый къ сѣверо-востоку. Продолжительное нахожденіе древнихъ породъ подъ водою объясняетъ намъ, продолжаетъ И. В. Мушкетовъ, значительную метаморфизацію и повсемѣстно развитую оруденѣлость ихъ. Послѣдующими, медленными, но постоянно, втеченіе многихъ милліоновъ лѣтъ, дѣйствовавшими процессами старая картина замѣнилась новою. Море постепенно отступало, изолировалось, а на мѣстѣ архипелага нагромождались складки; послѣднія все болѣе и болѣе, такъ сказать, цементировали отдѣльныя старыя гряды, превращая ихъ въ складчатые горные хребты, повсюду правильные, за исключеніемъ высочайшихъ гранитныхъ горныхъ узловъ, которые, вѣроятно, соотвѣтствуютъ бывшимъ островамъ.

Одновременно съ образованіемъ хребтовъ появилось много кристаллическихъ породъ, выходъ которыхъ нужно считать не причиною, а слѣдствіемъ общей дислокаціи и самыя породы не активными, а пассивными. Этотъ грандіозный процессъ дислокаціи земной коры начался

*) Туркестанъ, т. I СПБ. 1886 г. стр. 42.

еще въ дотретичную эпоху и, кажется, еще не закончился и продолжается въ наши дни.

Вышеприведенныя разсужденія проф. Мушкетова указываютъ на то, что когда-то предгорья, окружающія современный В. Туркестанъ, омывались водами громаднаго моря и, слѣдовательно, климатъ тамъ былъ приморскій, т. е. болѣе мягкій и теплый, нежели въ настоящее время. Все это подтверждаетъ сказаніе Вендидатъ о бывшихъ ранѣе въ землѣ зендскаго народа 7 теплыхъ мѣсяцевъ и 5 холодныхъ.

На возможность рѣзкихъ климатическихъ перемѣнъ въ этихъ странахъ указываетъ г. Шварцъ въ своемъ трудѣ*). Находясь на западномъ берегу озера Эби-Нора, въ горахъ Алатау, г. Шварцъ набрелъ на скалы, поразившія его странностью своихъ очертаній. Подойдя къ скаламъ, онъ увидѣлъ за ними громадную котловину, окруженную высокими утесами. Осмотрѣвъ внимательно эти послѣднія и поднявшись при этомъ до ихъ вершины, г. Шварцъ пришелъ къ заключенію, что здѣсь дѣйствовали нѣкогда гигантскія водяныя силы, о размѣрахъ которыхъ человѣческому воображенію трудно составить себѣ понятіе. Рекогносцировка окружающихъ горъ дала ему результатъ, вполнѣ соотвѣтствующій такимъ выводамъ: г. Шварцъ нашелъ на высотѣ 6000 ф. надъ уровнемъ океана ясные признаки морского берега, направленіе котораго показало ему, что онъ имѣлъ дѣло со слѣдами исчезнувшаго Монгольскаго моря, существовавшаго еще, какъ это вполнѣ установлено наукою, за 4000 лѣтъ до настоящаго времени.

Все вышеизложенное въ совокупности привело г. Шварца къ вопросу: не произошелъ-ли именно возлѣ Эби-Нора тотъ прорывъ, чрезъ который ушли воды Монгольскаго моря, и что же въ такомъ случаѣ могло заставить этотъ огромный водоемъ, площадь котораго равнялась площади всего Средиземнаго моря, низвергнуть свои воды, съ высоты 6000 ф., разрушая и заливая все, что попадалось ему на пути его страшнаго шествія? Шварцъ утверждаетъ, что причиною этого грознаго явленія было безусловно землетрясеніе, и рисуетъ затѣмъ картину послѣдняго, на основаніи современной сейсмологической теоріи, приблизительно слѣдующимъ образомъ. Вслѣдствіе давленія огромной массы воды Монгольскаго моря на его дно, въ послѣднемъ могла образоваться трещина, чрезъ которую вода попала въ большомъ количествѣ въ одну изъ огромныхъ пустотъ, имѣющихся въ толщѣ коры земного шара. Тамъ, подъ вліяніемъ высокой температуры, вся вода мгновенно обратилась въ паръ, который давленіемъ своимъ и произвелъ могучіе толчки, разрушившіе преграду, сдерживавшую воды Монгольскаго моря со стороны Эби-Нора. Воды моря, ринувшись внизъ съ ужасающей скоростью въ 559 ф. въ секунду, стерли съ лица земли жителей, фауну и флору восточной части Туркестана,—нынѣшнихъ Ферганской, Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Закаспійской областей.

---

*) Franz v. Schvarz. Sündfluth und Volkenwanderung. Stuttgard 1891 г. Verlag von Enke. Рефератъ „Турк. Вѣд.“ 1895 г. № 7.

Образовавъ Аральское и Каспійское моря, гигантскій потокъ устремился къ устью Волги, затопилъ ту часть Астраханской губ., гдѣ теперь длинной узкой полосой тянется Маныч и нашелъ себѣ выходъ въ Азовское и Черное моря, которыя отъ этого выступили изъ береговъ и затопили ихъ, пока разрушительная сила водяныхъ массъ не прорвалась чрезъ нынѣшній Босфоръ. Дарданеллы представляли уже меньшее сопротивленіе; волны Монгольскаго моря смѣшались съ волнами Средиземнаго и, наконецъ, когда преодолѣна была послѣдняя преграда, узкій перешеекъ Гибралтаръ, соединявшій нѣкогда Африку съ Европой, —нашли себѣ успокоеніе въ широкомъ океанскомъ просторѣ.

Окружавшее Средиземное море, населеніе пострадало отъ бывшихъ при этомъ наводненій; всемірное бѣдствіе отразилось и на номадахъ Сахары, которая, какъ предполагаетъ г. Шварцъ, вновь превратилась въ море. Такой ходъ катастрофы вполнѣ согласуется, по словамъ автора „Всемірнаго потопа“, съ распространенностью народныхъ легендъ о потопѣ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ въ распространеніи водъ на территоріи Средней Азіи, атмосферные осадки сильно уменьшились, что въ свою очередь повліяло самымъ разрушительнымъ образомъ на климатъ страны. Это обстоятельство имѣло огромное значеніе для всей культуры края.

Эти разсужденія г. Шварца могутъ служить еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ справедливости указаній Вендидата на измѣненіе климатическихъ условій, заставившихъ зендскій народъ оставить свою прародину и искать болѣе благопріятныхъ условій для существованія.

Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, а также и многочисленныя явленія природы ясно показываютъ, что огромная область, простирающаяся изъ глубинъ Центральной Азіи до юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, находится на пути къ полному высыханію. На основаніи массы наблюденій, сдѣланныхъ во время послѣдняго путешествія, Свенъ-Хэдинъ утверждаетъ, что площадь многочисленныхъ озеръ южнаго Тибета въ настоящее время значительно меньше, чѣмъ она была когда-то. Въ Восточномъ Туркестанѣ также было сдѣлано большое число наблюденій, изъ которыхъ явствуетъ, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ климатъ этой области былъ еще умѣренный. Въ окрестностяхъ озера Лобъ-Норъ, гдѣ теперь простирается мертвая песчаная пустыня, когда то жило многочисленное трудолюбивое населеніе, и чрезъ центральную часть рѣки Тарима проходилъ чрезвычайно оживленный торговый путь. Теперь объ этомъ прошломъ свидѣтельствуютъ только жалкіе остатки, похороненные въ пескахъ пустыни*).

Все вышеприведенное свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствительно климатъ Памира и сопредѣльныхъ ему странъ рѣзко измѣнился и это измѣненіе климата заставило зендскій народъ искать болѣе благопріятныхъ условій для существованія.

---

*) Вѣстн. и Библіот. Самообраз. 1905 г. № 49, стр. 1566

Что зендскій народъ дѣйствительно занималъ Памиръ въ давнопрошедшія времена, подтверждается еще мнѣніемъ, высказаннымъ лингвистомъ Бюрнуфомъ, которое заключается въ томъ, что по ту сторону предѣловъ земли, обыкновенно разумѣемой подъ именемъ Арія (Иранъ), именно въ Туранѣ, Плиній помѣщаетъ многихъ древнихъ народовъ, имена которыхъ: Ariacae, Antariani, Arimaspi, Aramaei, заставляютъ предполагать, что эти кочующія племена, не смотря на всегдашнюю вражду свою къ согдіанцамъ и бактріанцамъ, все таки, по языку, были имъ сродственны, ибо имена ихъ до извѣстной степени, объяснимы только изъ зендскаго. Ariacae и Antiariani непосредственно напоминаютъ древнія зендскія Aria и Arya. Часто встрѣчающееся въ именахъ людей и мѣсть слово açpa (по зендски конь) и aurvat (по зендски auraf) такого же значенія, но рѣже употребительное, служатъ достаточными доказательствами чрезвычайнаго распространенія зендскаго языка до самыхъ Аримасповъ (тоже отъ açpa, конь) и Арп или Айріамановъ, которые не могутъ быть армянами, а должны быть приняты за аріанъ.

Переселеніе иранскаго племени изъ той холодной, суровой земли, съ снѣговыми горами (переселеніе, которое приписывается, не какъ въ другихъ сагахъ напору враждебныхъ народовъ, а причинѣ всякаго зла, Ахриману, испортившему климатъ)—также не только не находится въ противорѣчіи съ историческими свѣдѣніями нашими, а еще подтверждается ими. Встрѣчающіеся на этихъ высотахъ различные народцы, донынѣ сохранившіе туземныя нарѣчія свои, вѣроятно, суть остатки тѣхъ древнѣйшихъ племенъ. Другое любопытное обстоятельство, встрѣчающееся въ сагѣ, касается географіи. Переселенцы идутъ сперва въ Согдо. Если подъ этимъ Согдо разумѣть непосредственно прилегающую Сагдіану, то довольно ясно обозначается первое направленіе движенія арійцевъ изъ центральной части Верхней Азіи туда и далѣе въ Бактрію и Иранъ, стало быть, съ востока на западъ, или, правильнѣе, съ сѣверо-востока на юго-западъ, по направленію долинъ и горныхъ ущелій, направленію, которому должны были слѣдовать и всѣ позднѣйшія перекочевки народовъ, даже до нынѣшняго времени. Тамъ, стало быть, должны мы искать первобытное, родовое отечество какъ древнѣйшихъ иранскихъ, такъ индійскихъ народовъ, какъ арійцевъ, такъ и Айрійцевъ, т. е. страну, которая по зендски называлась Эріэне, и по санскритски Айрія.

Имена эти впослѣдствіи перенесены были переселенцами: поклонниками Омузда на юго-западъ, въ Иранъ, а поклонниками Брахмы—на югъ и юго-востокъ къ Инду и Гангу, въ Айрія-Варту. У обоихъ этихъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ, но судя по языку, сродственныхъ племенъ, въ священныхъ преданіяхъ ихъ, ископи, сохранилось воспоминаніе о холодномъ, снѣжномъ, родномъ и священномъ сѣверѣ: Брахманъ переносилъ туда на Кайласу обитель своихъ боговъ, иранецъ—первое созданное Омуздомъ мѣсто благословенія, Эріэне-Вэедва. Тѣ и другіе въ ученіяхъ жрецовъ своихъ восхваляли позднѣе пріобрѣтенныя поселенія: Брахманы—Айрія-Варту, какъ землю доблестныхъ (ачуа по

санкритски значитъ excelens), иранцы-свой Иранъ, какъ свѣтлую землю чистыхъ, возведенную Джемшидомъ на степень совершенства. Новыя мѣста поселенія зендскаго народа, правда, тоже не были свободны отъ неудобствъ суровой зимы, но здѣсь Ормудзъ обратилъ зло въ благо: какъ скоро ледъ и снѣгъ весною стаиваютъ, земля, орошенная ручьями, покрывалась роскошною зеленью. Тутъ, слѣдовательно, кочующія орды могли оставаться на постоянное жительство и обратить свои степныя стада въ домашнихъ животныхъ.

Джемшидъ этихъ древнѣйшихъ преданій совершенно соотвѣтствуетъ ихъ простотѣ: это покровительствуемый Ормуздомъ глава кочующаго племени, иранскій Авраамъ, ведущій свой народъ изъ суровой горной страны въ прекрасный плодородный край, гдѣ впослѣдствіи уже народъ этотъ и развивается до полнаго величія. Все относящееся къ этому герою, можно сказать и о его народѣ и землѣ. Но главныя характернѣйшія черты все таки узнаются въ самомъ древнѣйшемъ преданіи. Въ обширномъ Ираиѣ, между Индомъ, Тигромъ и Ефратомъ, между Яксартомъ, Каспійскимъ и Индійскимъ морями—повсюду видимъ величайшее разнообразіе въ климатѣ, теплѣ, холодѣ, плодородіи, образѣ жизни и почвѣ, смотря по тому, находится ли мѣстность въ горахъ, пустыняхъ или на плодородныхъ полосахъ; каждому удѣлена тамъ своя благодать и свое бремя, и всѣмъ вмѣстѣ: всегдашняя ясность неба, сіяніе солнца и звѣздъ, но мало дало дождя и воды вообще, отчего безпрестанно прославляются полные ручьи, цистерны, водопроводы и т. д. Плодородныя полосы, отовсюду ограниченныя пустынями, перетерпѣваютъ много неудобствъ и нуждъ: то вызывается Ахриманомъ, источникомъ всякаго зла, который наноситъ холодъ, насѣкомыхъ, болѣзни, нищету, вредныя сомнѣнія, обманъ, преступленія, порчу нравовъ и т. д. *).

Историки сообщаютъ намъ, что Туркестанскій бассейнъ въ древности былъ далеко не то, что онъ представляетъ въ настоящее время. Это была цвѣтущая страна, въ которой зародилась и достигла значительнаго развитія одна изъ древнѣйшихъ цивилизацій міра. Арійское населеніе по долинамъ Оксуса и Яксарта въ самой глубокой древности основало такія государства, какъ Бактріана (Балхъ), Трансоксіана (Бухара), Согдіана (Зеравшанъ) и Харазмія или Хаварезмъ (Хива), которыя отличались необыкновенною людностью, матеріальнымъ богатствомъ и высокой степенью политическаго развитія. Бактріана съ городомъ Бактуа или Бактрисъ—нынѣшній жалкій Балхъ, по свидѣтельству Ктезія и Діодора, процвѣталъ еще во времена Нина Ассирійскаго, за 1200 лѣтъ до Р. Х., и по праву носилъ почетное названіе „матери городовъ“, „сердца настоящаго Ирана“. Нынѣшняя бѣдная Хива, по сообщенію Альбируни, нѣкогда стояла такъ высоко по своему образованію, что солнечный календарь ея считался лучшимъ; эра лѣтосчисленія харазмійцевъ начиналась за 678 лѣтъ до Р. Х. Знаменитый Якутъ свидѣтельствуетъ о богатыхъ библіотекахъ Мерва, нѣкогда славнаго города Хаварезма, а нынѣ ничтожнаго туркменскаго кочевья.

Р*). Иранъ Киттера. Пер. Ханыкова СПБ. 1874 г. стр. 40—48.

Процвѣтаніе Хаварезма (страны свѣта) достигло высшаго предѣла въ XI в. и продолжалось до нашествія Чингизъ-хана въ первой половинѣ XIII в. Здѣсь же лежала цвѣтущая Гирканія, славившаяся своею высокою культурою и обширною торговлею съ Балхомъ. Трансоксіана славилась, помимо образованія, своею обширною торговлею, особенно драгоцѣнными металлами, о чемъ свидѣтельствуютъ и китайскіе источники.

Согдіана была древнѣйшею культурною колыбелью кроткаго ученія Зороастра о двойственномъ начальномъ существѣ—Богѣ свѣта и духѣ тьмы; эта священная земля Востока, которая разливала свои лучи по всему міру, благодаря въ особенности Зендъ-Авестѣ - этому древнѣйшему произведенію индо-европейской духовной жизни. Кромѣ, такъ сказать, внутренняго высокаго развитія, туркестанскій бассейнъ издавна служилъ мѣстомъ обмѣна древнѣйшихъ цивилизацій Востока и Запада; чрезъ него пролегала самая популярная и древнѣйшая дорога, по которой происходила торговля шелкомъ. Шелкъ приготовлялся въ Китаѣ еще за 2000 лѣтъ до Р. Х. и, съ другой стороны, греки еще до Геродота, за 500 лѣтъ до Р. Х., знали шелкъ, цѣнили его на вѣсъ золота и получили его изъ страны Issedon serica, нынѣшняго Восточнаго Туркестана.

Уже въ глубокой древности арійское населеніе въ этихъ мѣстахъ было довольно сильно. Въ 1500 г. до Р. Х. упомнается отраженіе нападенія многочисленной орды голубоглазыхъ „тамагу“ на западную границу Египта. Діодоръ разсказываетъ, что Рамессу III Мейамунъ, фараонъ XIX египетской династіи (1462—1284 г. до Р. Х. царствов. династіи) завоевалъ Ливію, Эѳіопію, Персію, Скиѳію и Бактріану. По Ктезію, Бактріана была завоевана вавилонскимъ царемъ Нином, который совершилъ этотъ походъ, будто-бы, съ арміей въ 1700000 пѣхоты, 200000 конницы и 10600 колесницъ, вооруженныхъ косами.

Многочисленныя племена, обитавшія въ горахъ и на высокихъ плато, прежде чѣмъ подпасть подъ иго великихъ имперій, пользовались полной политической свободой и находились въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какомъ въ настоящее время находятся бахтіары—подобно имъ, они жили очень просто, занимались воздѣлываніемъ долинъ и скотоводствомъ на альпійскихъ лугахъ*).

Древняя историческая легенда мидянъ, приводимая Геродотомъ, разсказываетъ намъ, что обитатели высокихъ плоскогорій одни лишь не подчинялись законамъ войны и не знали другихъ законовъ, кромѣ законовъ правосудія. Это съ самаго своего появленія была, должно быть, гордая и сильная народность; воспитаніе ея дѣтей заключалось въ трехъ вещахъ: „въ умѣньи ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду“; обычай этой страны запрещалъ даже упоминать о вещахъ, которыя не позволено было дѣлать. Можно напомнить также восклицаніе великаго царя мидянъ Астіага, побѣжденнаго персидскимъ

*) Реклю. Человѣкъ и земля 1906 г. т. I, стр. 404.

Всесоюзная библиотека

царемъ Киромъ: „Удивительно, какъ эти люди, питающіеся фисташками, могутъ сражаться съ такою храбростью".

Одна изъ особенностей первоначальнаго языка арійцевъ, поскольку онъ извѣстенъ намъ изъ ученія различныхъ происшедшихъ изъ него діалектовъ, заставляетъ насъ заключать, что у первоначальныхъ народностей этой расы были въ высокой степени мирныя наклонности. Дѣйствительно, слова, относящіяся къ мирнымъ занятіямъ, большею частью между собою сходны или происходятъ отъ общихъ корней; точно также названія, обозначающія домашнихъ животныхъ, родственны въ арійскихъ нарѣчіяхъ какъ востока, такъ и запада; тогда какъ слова, имѣющія отношеніе къ войнѣ, къ охотѣ, и названія дикихъ животныхъ относятся почти всѣ къ языкамъ позднѣйшаго происхожденія, указывая тѣмъ, что вслѣдъ за періодомъ первобытнаго полнаго мира наступили во всей странѣ эпохи борьбы.

Если вѣрить „Книгѣ царей", то первобытные иранцы не ѣли мяса животныхъ и не знали другой пищи, какъ корни, зерна и плоды. Фирдуси разсказываетъ намъ, какимъ способомъ прелестный и добрый принцъ Захакъ превратился въ чудовище жестокости: его заставили съѣсть яйцо и затѣмъ пріучили постепенно ѣсть мясо, сперва жареное, затѣмъ сырое,—въ концѣ концовъ, онъ сталъ отвратительнымъ людоѣдомъ, надъ которымъ одержалъ побѣду кузнецъ Кауэ со своимъ знаменемъ изъ кожаннаго передника. Такое воспитаніе принца, конечно, символъ революціи, происшедшей въ правахъ народностей при переходѣ къ мясной пищѣ; революція эта совпадаетъ, по всей вѣроятности, съ періодомъ тѣхъ бывшихъ войнъ, которыя вели обитатели плоскогорья съ народностями низменной равнины.

Иранцамъ мы обязаны самыми первыми началами, которыя позволили развиться математикѣ. Именно: у обитателей Ирана, какъ мы можемъ объ этомъ судить по близкой родственности у всѣхъ арійцевъ терминовъ, обозначающихъ единицы, десятки и сотни,—возникла та система нумераціи, которая, освободившись совершенно отъ примѣненія метафоръ и синонимовъ, установила разъ навсегда для каждаго числа вполнѣ опредѣленное обозначеніе. Въ этомъ заключалось одно изъ наиболѣе значительныхъ событій въ эволюціи человѣческаго рода! Первобытное счисленіе ограничивалось, повидимому, лишь сотнями, такъ какъ наименованія „тысячи" различаются въ индо-европейскихъ нарѣчіяхъ. Тѣ первобытные религіозные культы, которые, соединившись съ другими элементами, сложились позже въ маздеизмъ и сдѣлались причиною того, что страны Ирана получили названіе „чистыхъ" странъ, заключались, повидимому, въ поклоненіи всеочищающему огню и въ обожаніи земледѣлія, которое заставляетъ человѣка вступать въ союзъ съ землею; такой двойственный культъ не выходилъ долгое время изъ предѣловъ отдѣльныхъ семей и не вызывалъ возникновенія жреческой касты.

Вполнѣ естественно, что изъ всѣхъ корней, изъ которыхъ выросло величественное древо маздеизма, корнемъ наиболѣе древнимъ

былъ именно культъ солнца и его земного представителя—ослѣпительнаго пламени, все сожигающаго и все очищающаго. Эта первобытная религія, слѣды которой отчасти стерло позднѣйшее общее развитіе человѣчества, сохранила въ иранскомъ мірѣ столь опредѣленныя и ясныя черты, что иранскія народности во всѣ времена находились столь же всецѣло подъ ея вліяніемъ, какъ и въ самомъ началѣ своей сознательной жизни.

Вполнѣ понятно, что пріемы добыванія огня считались первоначально священнодѣйствіями, и что долгое время добывать огонь старинным способомъ, путемъ вращенія стержня изъ твердаго дерева въ дощечкѣ изъ мягкаго дерева, было долгомъ главы семьи. Домашній огонь въ теченіе тысячелѣтій былъ окруженъ внѣшними знаками глубокаго почитанія, и, какъ это ни странно, совершенно одинаковые обряды почитанія огня встрѣчаемъ мы и у пантеистовъ и политеистовъ—арійскихъ народностей Индіи, и у дуалистовъ—иранцевъ, и у фетишистовъ Африки и Новаго Свѣта,—не ясно-ли доказываетъ это, что культъ огня предшествовалъ у всѣхъ народностей развитію религіозныхъ представленій и вѣрованій.

Другой религіозный культъ возникъ у предковъ иранцевъ въ тѣ очень давнія времена, когда какой-то изобрѣтательный земледѣлецъ приспособилъ заостренный кусокъ дерева или кремневый ножъ къ первобытному плугу и запрягъ въ него быковъ,—животныхъ, послѣ собаки, пользовавшихся наибольшимъ почетомъ у человѣка. Собака, кстати сказать, уже въ тѣ времена была вѣрнымъ другомъ и спутникомъ человѣка,—ея имя помѣщается въ надписяхъ непосредственно за именами свободныхъ людей.

Неизвѣстно, гдѣ именно было сдѣлано это открытіе систематическаго разрыхленія плодородной почвы, но то почитаніе вспахиванія земли, которое мы встрѣчаемъ у восточныхъ арійцевъ въ ихъ Ведахъ, указываетъ намъ, что, повидимому, они унаслѣдовали это искусство,—наше вниманіе направляется къ тѣмъ плоскогоріямъ, съ которыхъ они спустились. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ знакомство съ плугомъ также и у подножія западныхъ склоновъ Ирана въ Месопотаміи, въ эпоху, отдаленную отъ насъ по меньшей мѣрѣ на 7 тысячелѣтій. Изъ этихъ мѣстностей, по сю и по ту сторону Ирана, открытіе обработки почвы распространилось на чрезвычайно обширную область Стараго Свѣта.

Измѣненіе въ способѣ обработки почвы повлекло за собою, повидимому, также и замѣну однихъ пищевыхъ веществъ, служившихъ у иранскихъ народностей для поддержанія существованія, другими. Растеніе, которое доставляло до того времени человѣку хлѣбъ, было просо; когда же земледѣлецъ сталъ располагать инструментомъ, который позволялъ ему легче и на болѣе обширномъ пространствѣ разрыхлять землю, онъ сталъ обрабатывать другія полезныя растенія и прежде всего пшеницу и рожь, родину которыхъ ботаники ищутъ въ горахъ Ирана и въ Малой Азіи.

Неудивительно, что иранцы, исполненные самаго наивнаго энтузіазма, благодаря побѣдамъ, которыя они одержали надъ окружающимъ, явились также и основателями новой религіи—культа земледѣлія съ его празднествами пахотьбы, посѣва и жатвы. „Въ чемъ заключается послушаніе истинной вѣры“? говорится въ одномъ мѣстѣ Авесты. „Оно заключается въ усиленномъ воздѣлываніи хлѣбныхъ злаковъ“—гласитъ отвѣтъ Ормузда. „Когда хлѣбъ всходитъ, демоновъ объемлетъ страхъ; когда его жнутъ, они воютъ отъ отчаянія; когда его мелютъ, они разсѣиваются“!

Къ этимъ первоначальнымъ религіознымъ вѣрованіямъ первобытныхъ иранцевъ, нашедшихъ себѣ вполнѣ ясное выраженіе въ Авестѣ и въ другихъ священныхъ книгахъ Персіи, примѣшались, естественнымъ образомъ, и различныя другія религіозныя представленія, свойственныя первобытному поклоненію природѣ и анимизму. Восторженное поклоненіе небу и облакамъ, обожаніе животворящей воды, бьющей ключемъ изъ подъ земли, боязнь злыхъ духовъ, порожденныхъ разстроеннымъ воображеніемъ человѣка, входили уже въ видѣ примѣси въ составъ первобытной иранской религіи еще до того времени, когда былъ формулированъ маздеизмъ—поклоненіе „Наивысшему“, „Премудрому Существу“.

Маздеизмъ получилъ затѣмъ чрезвычайно важное значеніе какъ въ исторіи Ирана, такъ и вообще въ исторіи человѣческой мысли,—охвативъ собою всѣ предшествующія формы религій, онъ добавилъ новую идею—идею антагонизма двухъ началъ, добра и зла.

Для насъ имѣетъ мало значенія, былъ-ли основатель этой религіи, нѣкій Заратвастра, Заратуштра, Задучъ или Зороастръ, дѣйствительно, исторической личностью, родившейся въ Бактріанѣ, въ Рагэ или въ Атропатенахъ, или же это было лишь легендарное лицо, созданное уже позднѣе фантазіей людей. Былъ-ли Зороастръ, согласно съ допустимымъ, но не вполнѣ достовѣрнымъ этимологическимъ толкованіемъ, дѣйствительно „добрый земледѣлецъ“, и вѣрно-ли, что онъ являлся первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ и первымъ земледѣльцемъ—этого мы не знаемъ; достаточно, что имя его является символомъ по существу дуалистической религіи Ирана.

Въ священномъ миѳѣ иранцевъ контрастъ между двумя началами выражается въ рожденіи двухъ божественныхъ близнецовъ, вышедшихъ изъ одного чрева, равныхъ по могуществу и обладающихъ властью надъ неисчислимыми сонмами духовъ. Одинъ изъ этихъ божественныхъ близнецовъ—Ахура-Мазда или Ормуздъ, что значитъ „премудрый властитель“, другой—Ангро-Манну или Ариманъ, что значитъ „духъ притѣсненія“, „духъ порабощенія и зла“. Между обоими этими божествами колеблются непрерывно судьбы міра,—всѣ мы не болѣе какъ игрушка, служащая предметомъ раздора этихъ великихъ борцовъ. Впрочемъ, человѣкъ не долженъ отчаиваться въ исходѣ борьбы, происходящей въ небесной выси: если онъ постоянно будетъ прилагать свои силы въ сторону добра, то, именно благодаря ему, чрезъ 7000 вѣковъ ожида-

нія, Ормуздъ одержитъ побѣду, и при томъ побѣду самую благородную, —Ариманъ будетъ обращенъ и сдѣлается самъ божествомъ справедливости и міровой любви.

Такова была религія, во многихъ отношеніяхъ очень высокая, которую персы проповѣдывали народностямъ окружающихъ равнинъ, начиная съ эпохи Ахеменидовъ; позднѣе, впрочемъ, эта религія сильно измѣнилась, благодаря примѣси различныхъ мѣстныхъ религіозныхъ культовъ и благодаря тѣмъ превращеніямъ, которымъ она подвергалась, вслѣдствіе дѣятельности жрецовъ, жаждущихъ матеріальныхъ благъ и власти.

Безъ сомнѣнія, Авеста въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ въ настоящее время, была распространена жрецами около III вѣка христіанской эры въ странѣ мидянъ: оттуда и пришли къ намъ новыя священныя книги, возникшія, по всей вѣроятности, изъ остатковъ прежнихъ древнихъ книгъ *).

О языкѣ древнихъ иранцевъ мы можемъ судить также по Авестѣ. Изъ двухъ нарѣчій, встрѣчающихся въ Авестѣ, одно прилагается только къ наименьшей части ея, къ Яснѣ и нѣсколькимъ краткимъ молитвамъ, изъ коихъ большая часть выражена метрически и ихъ называютъ Гатами, вслѣдствіе чего и самое нарѣчіе получило названіе діалекта Гатовъ. Что эта именно часть Авесты есть самая древнѣйшая, видно изъ самаго текста всей книги, такъ какъ Гаты и другія молитвы, написанныя тѣмъ же діалектомъ, поминаются въ остальныхъ частяхъ Авесты съ особеннымъ уваженіемъ и отчасти даже подвергаются толкованію, что показываетъ, что нарѣчіе этихъ частей книги должно было предшествовать изданію другихъ частей Авесты. Однако, такъ какъ міросозерцаніе Гатъ и остальныхъ частей Авесты мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, то невѣроятно также, чтобы слишкомъ большой промежутокъ времени раздѣлялъ составленіе этихъ двухъ отдѣловъ книги; скорѣе приписать различіе этихъ двухъ нарѣчій разномѣстности ихъ употребленія. А такъ какъ языкъ остальной части Авесты принимаютъ за языкъ бактрійскій, то всего удобнѣе принять, съ Вестергаардомъ, за отчизну старѣйшаго діалекта, область, лежавшую на сѣверъ отъ Бактріи, а именно Согдіану. Хотя мы, говоритъ проф. Спигель, такимъ образомъ, довольно основательно можемъ отнести оба нарѣчія Авесты къ нарѣчіямъ восточнаго Ирана, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности сдѣлать столь же положительныхъ выводовъ относительно сравнительной древности этихъ нарѣчій**).

Сравнительное изученіе народовъ показываетъ, что, въ теченіе всѣхъ періодовъ своего процвѣтанія или, по крайней мѣрѣ, политическаго могущества, Бактріана находилась въ свободныхъ торговыхъ сношеніяхъ или даже въ политическомъ единеніи со странами по ту сторону склоновъ горъ. Такъ, въ теченіе доисторическихъ вѣковъ, когда въ бас-

*) Реклю. Человѣкъ и Земля т. I, стр. 404—416.

**) Правъ К. Риттера. Пер. Ханыкова 1874 г. Прилож. II проф. Спигеля стр. 192—193.

сейнѣ Оксуса возникалъ мазденизмъ, арійцы господствовали, повидимому, на высокихъ плоскогорьяхъ Азіи, отъ склоновъ Тянь-Шаня и Памира до хребтовъ Азербейджана. Послѣ этого періода, въ теченіе котораго Бактрія обладала даже, быть можетъ, нѣкоторой гегемоніей надъ народностями той же расы, обитавшими по южному склону горъ, страна эта оставалась еще долгое время связанной съ ними, какъ въ счастьи, такъ и въ несчастьи, такъ какъ она подпала затѣмъ подъ власть ассирійцевъ, а позднѣе—мидянъ, персовъ, македонянъ и грековъ —селевкидовъ.

Древніе историки, описывая походъ царя ассирійскаго Нина въ Бактрію за 1200 лѣтъ до Р. Х., свидѣтельствуютъ о крайне ранней людности, политическомъ развитіи и цвѣтущемъ состояніи этой страны.

Въ то самое время, когда ассирійское могущество обладало наибольшимъ распространеніемъ, могущественный толчекъ, произведенный передвиженіемъ народовъ Центральной Азіи, нарушилъ все равновѣсіе. Саки (скиѳы) наводнили въ 633 г. до Р. Х. всю переднюю Азію, отъ Бактріаны до мѣстностей, сосѣднихъ съ долиной Нила. Въ семь или восемь лѣтъ, къ концу царствованія Ассурбонипала, они разгромили Мидію, Ассирію, Арменію, Вавилонію, Палестину, Финикію и затѣмъ исчезли, какъ-бы растворились въ побѣжденныхъ имъ народностяхъ. Разрушительный потокъ лишь прошелъ по странѣ, но равновѣсіе всѣхъ народностей было совершенно нарушено.

Извѣстный оріенталистъ, проф. Григорьевъ, въ своемъ изслѣдованіи „О скиѳскомъ народѣ сакахъ“, на основаніи данныхъ санкритской литературы, клинописи эпохи Ахеменидовъ, лѣтописей китайцевъ и показаній греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ, пришелъ къ положительнымъ выводамъ, что саки жили по правую сторону Яксарта и занимали всю страну на сѣверъ и востокъ отъ этой рѣки. По всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ выходитъ, говоритъ онъ, что главная масса саковъ размѣщалась изстари, приблизительно, около истоковъ Аму-Дарьи и Яркендъ-Дарьи, простираясь на сѣверъ отсюда черезъ Тяньшаньское нагорье до озера Балхаша, на сѣверо-востокъ—до вершины Илійской долины, на сѣверо-западъ, до низовьевъ рѣки Чу. Переведя на современныя названія странъ, найдемъ, что въ VI и VII ст. до Р. Х. саки жили въ обитаемыхъ частяхъ Памира и Алая, въ Ферганѣ, на западной границѣ Кашгара, въ Семирѣченской области и въ сѣверо-восточной части Сыръ-Дарьинской области.

Нѣтъ ничего мудренаго, что саки растворились въ побѣжденныхъ ими народахъ, такъ какъ сами принадлежали къ иранскому племени, но только вели, кромѣ осѣдлаго, также и кочевой образъ жизни.

Что касается до національности тѣхъ скиѳовъ, которые еще во времена Александра жили въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, то я здѣсь не могу, говоритъ г. Шварцъ, пускаться въ подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ, оставляя это до другого времени, а теперь замѣчу

только*), что на основаніи всего того, что намъ извѣстно объ образѣ жизни, народномъ характерѣ, физическихъ примѣтахъ и распространеніи этихъ скиѳовъ, я пришелъ къ заключенію, что главное ихъ племя состояло изъ предковъ нынѣшнихъ славянъ. Германистъ Фресель, старавшійся доказать, что скиѳы были предками германцевъ, своими толкованіями еще болѣе утвердилъ меня въ этомъ моемъ убѣжденіи. Германскіе народы, составлявшіе прежде со славянами одинъ народъ, но раньше ихъ переселившіеся изъ Туркестана, жили въ то время, относительно котораго мы имѣемъ древнѣйшія извѣстія о скиѳахъ, въ Средней и Западной Россіи, въ сѣверо-восточной Германіи и въ Скандинавіи.

Такъ какъ названія „киргизъ“ и „кайсакъ“, употребляющіяся въ настоящее время для обозначенія монгольскихъ кочевниковъ Туркестана, взяты изъ турецкаго языка, къ которому принадлежитъ языкъ киргизовъ и кайсаковъ, то, вѣроятно, и слово „скиѳъ“ взято изъ словаря того же народа, который преимущественно назывался скиѳами. Въ русскомъ языкѣ есть глаголъ „скитаться“, отъ котораго произошли имена существительныя „скиталецъ“, „скитаніе“ и „скитъ“. Кромѣ формы „скиталецъ“, повидимому, существовала еще кратчайшая форма „скитецъ“, подобно тому, напр.: какъ отъ глагола „писать“ произведены два существительныхъ „писатель“ и „писецъ“; равнымъ образомъ, отъ глаголовъ: „читать“, „плавать“, „рѣзать“ и „покупать“ и многихъ другихъ произведены по два имени существительнаго съ различнымъ значеніемъ: отъ „читать“—слова „читатель“ и „чтецъ“; отъ плавать—„плаватель“ и „пловецъ“; отъ „рѣзать“—„рѣзатель“ и „рѣзецъ“; отъ „покупать“—„покупатель“ и „купецъ“. Поэтому я думаю, говоритъ г. Шварцъ, что греческое слово „скиѳесъ“ ничто иное, какъ грецизованное слово „скитецъ“, и что слово „скиѳъ“ прежде не обозначало особаго народа, но просто кочевниковъ въ противоположность осѣдлому населенію. Скиѳы, съ которыми Александръ имѣлъ дѣло въ Туркестанѣ сперва у Ходжента, а послѣ вблизи Бухары, по мнѣнію г. Шварца, были предками теперешнихъ славянъ, въ особенности восточныхъ славянъ. Послѣ того какъ различные германскіе, кельтскіе и другіе арійскіе народы, вслѣдствіе постепеннаго высыханія страны, уже раньше были принуждены переселиться въ Европу, и славяне, наконецъ, были окончательно вытѣснены изъ Туркестана, отчасти тѣми же обстоятельствами, отчасти натискомъ монгольскихъ племенъ, и такимъ образомъ явились послѣдними индо-германскими переселенцами на юго-востокъ Европы, между тѣмъ какъ ихъ осѣдлые прежніе соплеменники, съумѣвъ удержаться въ городахъ и горахъ, до сегодняшняго дня сохранились, въ лицѣ таджиковъ и гальчей, рядомъ съ позднѣе переселившимся монгольскимъ населеніемъ.

Извѣстно, что древніе нѣмцы обозначали своихъ восточныхъ сосѣдей, славянъ, виндами или вендами, каковое названіе сохранилось за

*) Александръ Македонскій въ Туркестанѣ. Перев. 18 § труда г. Шварца Alexander des. grossen Xeldzuge t. Turkestan. «Турк. Вѣд.» 1894 г. № 56.

одной частью славянъ до новѣйшаго времени. „Слово „вендонъ“ нѣкоторыми лингвистами считается однозначущимъ со словомъ „скиталецъ“, Если такое объясненіе вѣрно, то это обстоятельство служитъ дальнѣйшимъ доказательствомъ вышеприведеннаго мнѣнія, потому что названіе, данное славянамъ древними германцами, тогда было ничѣмъ инымъ, какъ нѣмецкимъ переводомъ славянскаго слова „скитецъ“, которое греки по ошибкѣ считали за настоящее народное имя славянъ и поэтому безъ измѣненія ввели въ свой языкъ.

Арріанъ различаетъ азіатскихъ и европейскихъ скиѳовъ. Подъ европейскими скиѳами нужно подразумѣвать тѣхъ, которые жили на правомъ берегу Сыръ-Дарьи; только въ 3-ей главѣ IV книги онъ непослѣдовательно называетъ ихъ одинъ разъ азіатскими скиѳами. Подъ азіатскими же скиѳами Арріанъ подразумѣваетъ тѣхъ, которые кочевали на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, между этою рѣкою и Аму-Дарьею, гдѣ теперь живутъ киргизъ-кайсаки. Скиѳовъ на югъ отъ Аму-Дарьи Арріанъ называетъ массагетами. Различіе азіатскихъ и европейскихъ скиѳовъ основывается преимущественно на томъ, что спутники Александра считали Танаисъ или Сыръ-Дарью тождественнымъ съ Танаисомъ или Дономъ и поэтому, вслѣдствіе своихъ недостаточныхъ географическихъ познаній, причисляли къ Европѣ страну праваго берега Сыръ-Дарьи.

Что Донъ и Сыръ-Дарья въ древности имѣли одинаковыя названія, можно очень просто объяснить тѣмъ, что народы, которые прежде жили на Сыръ-Дарьѣ, дали Дону послѣ своего переселенія въ южную Россію названіе той рѣки, близъ которой до сихъ поръ была ихъ родина, подобно тому, какъ и европейскіе переселенцы пересаживаютъ любимыя ими имена въ Америку, какъ что тамъ, также какъ и въ Европѣ существуютъ Брауншвейгъ, Аѳины, Орманъ, Кембриджъ, Толедо и проч. Въ восточной Пруссіи, въ уѣздѣ Гумбинненъ находится рѣка, имѣющая то же самое названіе, какое носитъ правый притокъ Сыръ-Дарьи на сѣверъ отъ Ташкента, т. е. Арысь. Прусскій Арысьстокъ озера Арыса въ озеро Сирандингъ, у котораго лежитъ одноименный городъ Арысъ. Очевидно, сходство названной прусской и туркменской рѣки не случайное и оно можетъ служить доказательствомъ утвержденія, что славяне, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежатъ по происхожденію пруссаки, переселились изъ окрестностей Ташкента.

Слѣдующею причиною, которая заставила грековъ причислить скиѳовъ праваго берега Сыръ-Дарьи къ Европѣ, было то обстоятельство, что греки очень хорошо замѣтили сходство ихъ лица, языка и образа жизни съ языкомъ, лицами и образомъ жизни тогдашнихъ обитателей южной Россіи. Поэтому, нужно считать вѣрнымъ, что во время Александра западная отрасль славянъ, предковъ теперешнихъ западныхъ славянъ, уже достигла южной Россіи, на что и указываетъ замѣчаніе Курція (VII, 35), что ораторъ посланнаго къ Александру скиѳскаго посольства сказалъ, что ихъ народъ распространяется отъ Бактріи до Ѳракіи: „Ceterum nos et Asiae et Europae castodes habedis: Bactra

nisi dividat T·n··s, contingimus; ultra T-nain usque ·d Phrac'am colimus: Phracae Macedoniam consunctam else fama fert".

Упомянутые въ 1-й главѣ IV кн. Арріана и въ 26 гл. VII кн. Курція абіи, отправившіе пословъ къ Александру во время его пребыванія у Сыръ-Дарьи, повидимому, жили въ пустынѣ Кизылъ-Кумъ, къ западу отъ Сыръ-Дарьи. Эта страна теперь населена самыми бѣдными киргизъ-кайсаками, которые, вслѣдствіе безплодной почвы, могутъ имѣть очень небольшое количество скота, и то только верблюдовъ и овецъ, и вовсе не могутъ заниматься земледѣліемъ; такъ какъ у нихъ по причинѣ ихъ бѣдности, нечего было отнимать, то никто на нихъ не обращалъ вниманія, а они съ своей стороны не въ состояніи были сдѣлать набѣга на сосѣдей; о чемъ тоже упоминаетъ Арріанъ и Курцій относительно абіевъ.

О томъ что саки уже въ древнее время достигли высокаго культурнаго состоянія, свидѣтельствуетъ весьма древній санскритскій письменный памятникъ, героическая поэма Магабгартъ, а именно: разсказъ о дарахъ, доставленныхъ сакамп и другими народами царю Юдиштарѣ по случаю задуманнаго имъ великаго жертвоприношенія (асвамеда). Вотъ разсказъ о принесенныхъ дарахъ: „Я видѣлъ, что у воротъ дожидались саки, тухары и канки, говоритъ Дудводана, одинъ изъ героевъ Магабгараты, волосатые люди, со лбами, украшенными рогами. Руки ихъ были полны дарами: матеріями изъ шерсти ранку, изъ шелка, изъ волоконъ дерева патто, тысячами кусковъ украшенныхъ узорами матерій, одеждами изъ тонкой хлопкобумажной ткани и изъ тончайшей овечьей шерсти, нѣжными драгоцѣнными мѣхами, длинными мечами съ отточенными клинками, саблями, желѣзными кольями, боевыми топорами, острыми сѣкирами, напитками, разными благовоніями и тысячами драгоцѣнныхъ камней".

Послѣ нашествія саковъ, о чемъ было говорено выше, на переднюю Азію, мидяне первые оправились отъ послѣдствій нашествія и тотчасъ же стали мечтать объ уничтоженіи ассирійцевъ. Вскорѣ на развалинахъ Ниневійской имперіи возникла имперія мидянъ. Ниневія была разрушена до основанія, и ея имя не упоминается больше въ исторіи. При мидійскомъ царѣ Фраортѣ (Фравартисъ) Мидія вступила на путь завоеваній и въ 655—633 годахъ вмѣстѣ съ Парѳіей и Персіей была покорена и Бактрія. Столѣтіе спустя, Бактрія вошла во времена Кира въ составъ созданной имъ огромной Персидской монархіи, причемъ бактрійцы съ подвластными имъ жителями Согдіаны и Маргіаны добровольно признали владычество Кира и вмѣстѣ съ странами, населенными скиѳскими племенами, составили 12-ю сатрапію Персидской монархіи. Уже въ это время Бактрія славилась своимъ просвѣщеніемъ и главный городъ ея Бактра былъ важнымъ пунктомъ торговли Средней Азіи. Сатрапія Бактрія должна была подчиняться одновременно со всѣмъ персидскимъ царствомъ Александру Македонскому, который основалъ въ ней 12 городовъ и поселилъ въ этой мѣстности 14000 грековъ, насадившихъ здѣсь греческую культуру. Александру

нѣсколько разъ приходилось вступать въ бой противъ Дарія. Въ послѣдній разъ въ 330 г. Александръ вступилъ въ Экбатану, а оттуда далѣе на востокъ. Извѣстіе, что нѣсколько возмутившихся сатраповъ, въ томъ числѣ Бессъ, сатрапъ бактрійскій, схватили бѣжавшаго Дарія и низвергли его, заставило его еще болѣе спѣшить, но Дарій былъ убитъ прежде, чѣмъ ему удалось подоспѣть. Узнавъ объ этомъ, Александръ поспѣшилъ подчинить себя какъ Бесса, провозгласившаго себя персидскимъ царемъ, такъ и остальную восточную часть персидской монархіи, а именно: Гирканію, Арію, Драгіану и Арахозію, а затѣмъ въ 329 и 328 г.г.,—также Бактрію и Согдіану, противопоставившія ему болѣе серьезное сопротивленіе, чѣмъ онъ до сихъ поръ встрѣчалъ. Ему приходилось тамъ, не смотря на то, что въ Согдіанѣ ему выдали Бесса, подавлять постоянно возникающія возмущенія народа и осаждать укрѣпленныя жилища знати. Такимъ образомъ, онъ проникъ до самыхъ восточныхъ предѣловъ Персидскаго царства и перешелъ даже черезъ р. Яксартъ, въ страну скиѳовъ, овладѣвъ, считавшеюся до сихъ поръ неприступною горною крѣпостью и подчинивъ себѣ, такимъ образомъ, окончательно Согдіану; онъ женился на Раксанѣ, дочери бактрійскаго князя Оксарта, и укрѣпивъ такимъ образомъ за собой Бактрію, сдѣлалъ этотъ важный шагъ для поддержанія своего владычества въ этой странѣ.

По смерти Александра Великаго въ 321 г. до Р. Х. Бактрія и Согдіана достались Стазанору; но уже во время похода въ Индію Селевка I, въ 307 г. до Р. Х., объ эти страны были присоединены къ Сирійскому царству. Бактрія отпала отъ него въ правленіе Антіоха II Θеоса, намѣстника царя Θеодата или Діодота I, около 255 г., который сдѣлался, такимъ образомъ, основателемъ въ Средней Азіи Греческаго Государства-греко-бактрійскаго, продержавшагося полтораста лѣтъ, и испытавшаго въ это время не мало перемѣнъ. Эвтидемасъ, наслѣдовавшій Діодоту II съ 220—190 г. былъ побѣжденъ Антіохомъ Великимъ, во время похода его въ Индію, но оставленъ владѣтелемъ царства для защиты отъ сѣверныхъ кочевниковъ, наводнившихъ Согдіану.

Бурныя полчища кочевниковъ, гнѣздившіяся съ незапамятныхъ временъ въ Центральной Азіи, никогда не находились въ покоѣ; они, какъ волны моря, время отъ времени разливались по обширному пространству степей, тѣсня и изгоняя другъ друга; они направлялись, слѣдуя естественнымъ благопріятнымъ условіямъ, а потому понятно, что въ Туркестанъ они проникли или чрезъ древнюю торговую дорогу—Терекъ-Даванскій перевалъ или чрезъ Джунгарію.

Стремленіе ихъ въ предѣлы Китая, въ концѣ 3 вѣка до Р. Х. (212 г.)—было парализовано міровымъ сооруженіемъ Великой Китайской стѣны, имѣвшей огромное политическое значеніе въ томъ отношеніи, что она обратила эти полчища къ Западу, къ Туркестанскому бассейну.

Весьма подвижный народъ Ію-Чи (Ію-ти, Четы; по транскрипціи о. Іакинѳа, которой держится и Григорьевъ—Юе-Чжи), въ II в. до Р. Х. населялъ Хотань рядомъ съ ихъ сосѣдями—кочевниками, бѣлокурыми и голубоглазыми уесунями (у-сунь); въ то время къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, въ нынѣшней Джунгаріи, обиталъ народъ Сэе или Сэ. Въ 177 году до Р. Х. Ію-Чи или Юе-Чжи, тѣснимые народомъ Гіонгну или хуннами, монгольскаго происхожденія, принуждены были переселиться въ Джунгарію и на Сыръ-Дарью, вытѣсняя Со (соковъ) далѣе къ югу.

Позднѣе уссуни, побуждаемыя тѣми же хуннами, принудили Юе-Чжи переселиться далѣе на югъ въ Согдіану, Трансоксіану и Бактрію, отбросивъ Сэ въ Фергану; въ этихъ мѣстахъ уссуни встрѣтили населеніе съ большими глазами и выдающимся носомъ.

По смерти Менандра, вѣроятно, въ правленіе короля Гермеса, около 90 г. греко-бактрійское царство было побѣждено Юе Чжи, которые основали новое царство гетовъ или индоскиѳовъ, простиравшееся до самаго устья рѣки Инда.

Голубоокіе уссуни населяли пространство между Сыръ и Аму-Дарьей; они вскорѣ смѣшались съ другими народами и не имѣли впослѣдствіи сколько нибудь выдающейся исторической роли.

Старое населеніе, которое Юе-Чжи застали въ занятыхъ ими земляхъ, численностью около милліона, жило въ городахъ и занималось торговлею. Чрезвычайно интересно извѣстіе, заимствованное изъ Китайской Исторіи сѣверныхъ дворовъ, написанной Чень-Синомъ, что жители государства Юе-Чжи умѣли выплавлять цвѣтныя стекла изъ камней и въ V в. по Р. Х. это умѣнье было заимствовано отсюда Китаемъ. „Впалые глаза и густая борода"—совершенно опредѣляютъ это населеніе этнографически.

Около этого же времени китайцы достигли власти въ бассейнѣ Тарима и вели оживленную торговлю съ странами, лежащими къ западу, особенно съ Персіей. Китайцы, какъ и теперь, пользовались дорогою чрезъ перевалъ Терекъ-даванъ, который они прозвали Тэунлинъ. По ту сторону они вступали въ землю Тази (таджиковъ), главный городъ которыхъ Чзи (Чзгеидъ) былъ расположенъ въ западной половинѣ Ферганы.

Чангъ-Кіенгъ, посланный императоромъ китайскій чиновникъ, поспѣшилъ въ Фергану въ срединѣ II ст. и писалъ: тамъ разводятъ хлѣбъ и рисъ, приготовляютъ вино изъ винограда (его тогда вовсе не знали въ Китаѣ) и выращиваютъ превосходныхъ лошадей. Жители—Тазіа (въ отношеніи національности прозваны китайцами также Пас-се, т. е. персами)—народъ осѣдлый, строящій дома и живущій въ городахъ. Нравы ихъ сходны съ нравами жителей Давана (или Осрушна, область, занимавшая пространство между Самаркандомъ и Хосрисптомъ, съ главнымъ городомъ Бунджекъ, развалины котораго находятся въ 25 верстахъ къ югу-западу отъ Ура-тюбе), но солдаты ихъ слабы и робки; поэтому Юе-Чжи было легко отнять у нихъ часть принадлежавшей имъ земли. Тазіа—превосходные торговцы, и въ главномъ городѣ бываютъ богатые базары.

Сношенія китайцевъ съ Персіей шли чрезъ Фергану и Давапъ на Самаркандъ. Страна Давапъ славилась своими лошадьми и у властителя небесной имперіи было сильно желаніе овладѣть таванскими лошадьми, благодаря чему возникали враждебныя дѣйствія. Уже развившуюся торговлю, шедшую чрезъ Хосристанъ, эти враждебныя дѣйствія остановить не могли.

Но все-таки на время торговыя сношенія Китая были прерваны возстаніями въ Средней-Азіи, пока, наконецъ, Китай снова не овладѣлъ бассейномъ Тарима, во второй половинѣ I-го вѣка по Р. Х. и тѣмъ явился въ глазахъ своихъ западныхъ сосѣдей столь грознымъ, что даже мало покорный Таванъ предупредительно послалъ Китаю дань лошадьми. Эта дань была трижды повторена впослѣдствіи, да и совершенно кстати, ибо Китай не только подчинилъ своей власти Юе-Чжи въ Бактріи, но и распространилъ свое владычество до самаго Каспійскаго моря, такъ что въ срединѣ II в. по Р. Х. даже Римъ снарядилъ посольство въ Китай.

Затѣмъ власть Китая на Западѣ начала падать съ каждымъ годомъ; и если столѣтіе спустя (265 лѣтъ по Р. Х.) въ Китай все еще посылались подарки со средняго теченія Сыръ-Дарьи и Согда, если властители Согда въ первый разъ приняли китайскій титулъ (около 280 лѣтъ по Р. Х.),—это было лишь отзвукомъ былой славы. Въ то время какъ персы въ правленіе Сассанидовъ достигли могущества и увеличили предѣлы своего государства, главное вниманіе монголовъ втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, какъ кажется, было направлено на Европу, до тѣхъ поръ, пока, спустя 70 лѣтъ послѣ Аттилы, номады снова не напали на страны, лежавшія по рѣкамъ—близнецамъ и не основали тамъ сильнаго государства (519 л. по Р. Х.), подъ названіемъ Іета, которое уже по прошествіи 30 лѣтъ подпало власти тукіу (турокъ).

Тукіу все болѣе утверждали свое господство, а въ исходѣ VI вѣка тукійскій князь даже отправилъ посольство въ Византію, ко двору Юстиніана II, съ цѣлью завязать торговыя сношенія.

Въ началѣ VII в. по Р. Х. китайцы снова овладѣли бассейномъ Тарима, поработили всѣ восточныя тюркскія племена, побили также тукіу и вторично взяли не только Согдъ, но и даже князу лежащія страны Междурѣчья. Въ 656—660 г.г. по Р. Х. князь Алановъ въ Ходжентѣ былъ причисленъ къ вассаламъ Китая.

Но въ это время Китаю на Западѣ приходилось имѣть дѣло не только съ тюрками, но и персами, могущество которыхъ при Хозроѣ I (531—579 г.) достигло высшей степени. Хозрой вмѣстѣ съ турками уничтожилъ государство гефталитовъ. Блескъ Персіи, конечно, отражался и на таджикахъ, населявшихъ Согдъ и сопредѣльныя страны. Въ это время въ Персіи религія Зороастра сдѣлалась государственной въ полномъ смыслѣ слова (строгое преслѣдованіе какъ иновѣрческой пропаганды, такъ и ересей); значеніе духовенства усилилось. Каждый изъ покоренныхъ народовъ сохранялъ свой языкъ, свою религію, свои нравы, законы, нерѣдко и своихъ національныхъ вождей, но надъ всѣмъ господствовала общая администрація.

Внутри государства Хозрой поддерживалъ порядокъ, опираясь на консервативные элементы (дворянство и духовенство). Но уже въ это время персидское государство несло внутри себя разложеніе и слабость. Въ царствованіе Хозроя I въ Меккѣ родился человѣкъ, призванный къ тому, чтобы дать законъ милліонамъ людей для всѣхъ отношеній

ихъ жизни и оспаривать втеченіе тысячелѣтія у христіанства господство надъ міромъ. Мухаммедъ родился въ апрѣлѣ 571 года.

Вторженіе племенъ, извергнутыхъ сѣверными странами, способствовало изоляціи Бактріаны отъ центровъ тогдашней цивилизаціи. Широко открытыя съ сѣвера и съ Сѣверо-Запада степи, ограничивающія области Яксарта и Оксуса, угрожали тѣмъ большей опасностью въ смыслѣ вторженія кочевыхъ народностей, что данныя области были превосходно обработаны и усѣяны богатыми городами. Орды разбойничьихъ племенъ уже съ самыхъ первыхъ временъ нападали на выдвинувшіяся слишкомъ далеко впередъ колоніи и только и ждали случая, чтобы вторгнуться въ страны, которыя могли имъ дать богатую военную добычу. Чѣмъ чаще повторялись набѣги, тѣмъ болѣе измѣнялся составъ народонаселенія данныхъ областей, такъ какъ вторгнувшіяся племена во многихъ мѣстностяхъ занимали мѣста прежнихъ жителей, которыхъ или совершенно истребляли или оттѣсняли въ высокія долины горы.

Въ это время уже выступала на міровую сцену грозная сила, окончательно подорвавшая иранскую культуры и вѣрованія.

Уже въ 638 г. по Р. Х. Ферганѣ и сопредѣльнымъ съ ней странамъ пришлось обращаться съ просьбой къ Китаю о заключеніи оборонительнаго союза, ибо арабы уже вторглись въ Персію, распространяя вокругъ страхъ и ужасъ. Въ 650 г. эта просьба была повторена. Китайцы, поглощенные внутренними смутами, не оказали дѣятельной помощи, и вотъ съ этого времени начинается паденіе ихъ вліянія на Западѣ и въ то же время возвышеніе арабовъ. Въ первое время завоеватели-арабы руководились только стремленіемъ къ добычѣ и славѣ и для нихъ религія имѣла въ сущности также мало значенія, какъ и для защитниковъ страны. Были случаи личной дружбы между арабскими и туземными витязями. Идеалы рыцарства не остались безъ вліянія на завоевателей; желая воодушевить своихъ воиновъ, Кутеба назвалъ ихъ „дихканами арабовъ“. Прочное владѣніе арабовъ въ странѣ началось лишь съ тѣхъ поръ, какъ намѣстникомъ Хоросаны былъ назначенъ Кутейба б. Муслимъ (705 г.). Но и при немъ арабы прочно могли укрѣпиться только въ южной части страны. Въ покоренныхъ странахъ были оставляемы арабскіе намѣстники, но эти намѣстники были только военными начальниками и сборщиками податей и рядомъ съ ними продолжали существовать туземныя династіи, въ рукахъ которыхъ, по всей вѣроятности, было оставлено гражданское управленіе. Но коренное населеніе и при такихъ условіяхъ не могло равнодушно смотрѣть на власть арабовъ и продолжало надѣяться на помощь Китая. Самаркандъ посылалъ дань Китаю еще въ 731 и 711 г.г. по Р. Х., Фергана же въ 754 г.

Какой-же политическій бытъ застали арабы въ Междурѣчьи!

Главной чертой этого быта слѣдуетъ признать господство земельной аристократіи (такъ называемыхъ дихкановъ), не сдержанной, какъ въ Персіи, союзомъ трона и алтаря, т. е. сильной монархической

властью и вліятельнымъ духовенствомъ*). Мѣстные владѣтели были только первыми дворянами; даже самые сильные изъ нихъ, подобно своимъ подданнымъ, назывались дихканами. Въ арабскихъ источникахъ нѣсколько разъ говорится о личной гвардіи владѣтелей, о такъ называемыхъ Шакирахъ или Чакирахъ; но изъ разсказа Нершахи о дворѣ бухарской царицы видно, что эта гвардія имѣла только характеръ почетной стражи и состояла изъ молодыхъ представителей аристократіи, которые поочередно отправляли эту повинность при дворѣ своихъ государей, какъ сыновья европейскихъ рыцарей при дворѣ своихъ королей и герцоговъ. При такомъ политическомъ устройствѣ не могло быть рѣчи о государственной религіи въ строгомъ смыслѣ слова; не смотря на то, что и здѣсь, какъ въ Персіи, религіей господствующаго сословія былъ зороастризмъ, среди населенія были распространены буддизмъ, дуалистическія секты и христіанство. Еще до сихъ поръ мѣстные туземцы многіе могильные курганы приписываютъ „мугамъ“, т. е. магамъ огнепоклонникамъ. Въ раскопанныхъ курганахъ, какъ извѣстно, были находимы небольшіе гробы съ костями. Небольшая величина этихъ гробовъ показываетъ, что въ нихъ могли быть положены только однѣ кости трупа. Кости не обожжены. Обычай срѣзывать мясо съ костей трупа самъ по себѣ кажется невѣроятнымъ, но существованіе его подтверждается свидѣтельствомъ Табари; въ 739 году тогдашній владѣтель Бухары (бухаръ—худатъ) былъ убитъ двумя враждебными ему дихканами; разсказавъ объ этомъ событіи, историкъ прибавляетъ: „отъ его тѣла отдѣлили мясо, а кости его отвезли въ Бухару**). На борьбу между зороастризмомъ и буддизмомъ указываетъ только разсказъ Сюань-цана о Самаркандѣ; слова того же отшельника объ успѣхѣ его собственной дѣятельности показываютъ, однако, что эта борьба не имѣла остраго характера. Въ борьбѣ съ арабскими завоевателями духовенство, насколько извѣстно, не играло никакой роли.

Нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса, существовали ли среди самой аристократіи различныя степени и классы, какъ въ Персіи. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ Табари примѣняетъ и къ средне-азіатскимъ вельможамъ термины, служившіе для обозначенія высшихъ классовъ персидской аристократіи; но въ то же время, какъ извѣстно, слово дихканъ обозначало одинаково простыхъ землевладѣльцевъ и владѣтельныхъ князей; въ этомъ смыслѣ оно употребляется и теперь.

Особое мѣсто, повидимому, занимала денежная аристократія, т. е. Купцы, разбогатѣвшіе благодаря караванной торговлѣ съ Китаемъ и другими странами. Въ разсказѣ о выселеніи согдійцевъ эти купцы названы Табари рядомъ съ „царями“; разсказъ Нершахи о бухарскихъ купцахъ показываетъ, что они владѣли обширной недвижимой собственностью, жили въ замкахъ и по своему положенію мало отличались отъ дихкановъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отдѣльными богачами, ин-

*) Бартольдъ, стр 182 и слѣд.

**) В. В. Бартольдъ. Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи. Турк. Вѣд. 1896 г. № 43.

тересы которыхъ были тождественны съ интересами аристократіи, а не съ многочисленнымъ торгово-промышленнымъ сословіемъ, какъ въ мусульманскій періодъ. Объ антагонизмѣ между дихканами и купцами нѣтъ никакихъ извѣстій. Для правовъ страны особенно характеренъ согдійскій обычай, о которомъ разсказываетъ Табари: ежегодно въ Самаркандѣ выставлялся столъ и на немъ явства и кувшинъ вина для храбрѣйшаго витязя согда; если кто другой прикасался къ явствамъ, онъ этимъ вызывалъ на бой витязя; кто изъ нихъ убивалъ своего противника, тотъ признавался храбрѣйшимъ героемъ страны до появленія слѣдующаго претендента.

Арабамъ при вступленіи въ Междурѣчье пришлось имѣть дѣло съ множествомъ мелкихъ владѣній, между которыми происходили постоянныя войны, и съ воинственнымъ и храбрымъ, но совершенно неорганизованнымъ, рыцарскимъ сословіемъ. При такихъ условіяхъ исходъ борьбы не могъ быть сомнителенъ. Въ сравненіи съ мѣстными раздорами междуусобія среди самихъ арабовъ, даже вражда между сѣверо-арабскими и южно-арабскими племенами, не могли имѣть значенія. Отчасти побѣда арабовъ была одержана при помощи самихъ туземцевъ. Извѣстный законъ Омара, по которому только правовѣрные имѣли право носить оружіе, въ Средней-Азіи не былъ примѣненъ.

Кутейба и другіе арабскіе завоеватели при своихъ походахъ пользовались услугами жителей однихъ мѣстностей противъ другихъ. Медленность завоеванія объясняется отчасти тѣмъ, что сами арабы долгое время, довольствуясь военной добычей и данью, не имѣли въ виду прочнаго завоеванія страны, отчасти борьбой съ природными препятствіями. Не смотря на блестящія военныя качества арабовъ, на нихъ не могли не отразиться природныя условія ихъ родины; если для нихъ почти не существовали трудности степныхъ походовъ, то къ горной войнѣ они привыкли только съ большимъ трудомъ и очень неудачно дѣйствовали даже на такихъ перевалахъ, которые для современныхъ войскъ не представляютъ никакихъ затрудненій.

По разсказу Табари мѣстные князья въ это время ежегодно собирались въ одномъ изъ городовъ по сосѣдству съ Хорезмомъ и давали другъ другу обѣщаніе рѣшать всѣ свои споры мирнымъ соглашеніемъ, не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ, и общими силами вести борьбу съ арабами.

Насколько эти обѣщанія исполнялись, видно уже изъ того, что ихъ приходилось возобновлять ежегодно, и изъ исторіи завоеванія Кутейбы*).

Кутейба не останавливался ни передъ какими средствами; дѣйствуя хитростью и вѣроломствомъ тамъ, гдѣ смѣлость оказывалась недостаточной, онъ первый прочно утвердилъ владычество арабовъ въ Мавераннагрѣ.

Въ значительной степени онъ воспользовался раздорами среди са-

*) Бартольдъ, стр. 186.

мнхъ туземцевъ; въ 712 году, во время похода на Самаркандъ, бухарцы и хорезмійцы усердно сражались за Кутейбу, такъ что согдійскій ихшинъ Гурекъ упрекалъ арабскаго полководца въ томъ, что онъ одерживаетъ побѣду только благодаря „братьямъ и родственникамъ“ своего врага.

Кутейба (705—715) положилъ начало прочному завоеванію страны, помѣстивъ арабскіе гарнизоны въ ея главнѣйшихъ населенныхъ пунктахъ, но окончательное покореніе Мавераннагра произошло только въ эпоху династіи Аббасидовъ, смѣнившей въ половинѣ VIII вѣка Омайядовъ.

Кутейба построилъ мечети въ Бухарѣ, Самаркандѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ и заставилъ жителей Бухары уступить арабамъ половину домовъ шахристана; самаркандцы по одному извѣстію должны были совершенно очистить свой городъ, который былъ занятъ арабами причемъ Кутейба произнесъ стихъ корана о гибели племенъ Адъ и Самудъ.

Въ 713 и 715 годахъ Кутейба доходилъ съ своимъ войскомъ до Ходжента и даже до Касала въ Ферганѣ, лежащаго на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, къ С.-З. отъ Намангана; во многихъ областяхъ, между прочимъ даже въ Ферганѣ, были оставлены арабскіе намѣстники.

Ходжентъ находился въ узлѣ дорогъ и принималъ живое участіе въ судьбахъ народовъ во время арабскаго покоренія Средней-Азіи. Ходжентъ былъ однимъ изъ большихъ городовъ Мавераннагра съ цитаделью, шахристаномъ и рабадомъ; въ цитадели находилась тюрьма, въ шахристанѣ-соборная мечеть, въ рабадѣ среди площади—дворецъ. Городъ славился своими виноградниками и садами; населеніе было такъ многочисленно, что произведенія окраинныхъ полей не могли удовлетворять его, и хлѣбъ для города долженъ былъ привозиться изъ Ферганы и Осрушны.

Главная дорога изъ Ходжента на Терекъ-даванскій перевалъ чрезъ конечный пунктъ Ферганы—Узгендъ, проходила по южной части Ферганы чрезъ слѣдующіе города (каждый отстоялъ на одинъ день пути отъ предыдущаго): Кендъ (Каннабадамъ), Сохъ, Ришданъ, Зендерамшъ и Куба.

Не смотря на то, что Фергана только въ IX в. окончательно была завоевана мусульманами, въ окрестностяхъ Андижана уже раньше были мусульманскія святыни.

Съ сѣверной стороны Ходжентъ былъ защищенъ отъ набѣговъ турокъ двойной преградой; рѣка Сыръ-Дарья служила ближайшей къ Ходженту преградой; долина же Чирчика съ сѣверной стороны была ограничена стѣной, простиравшейся отъ горъ Сайлыкъ до берега Сыръ-Дарьи. Остатки этой стѣны сохранились до настоящаго времени въ видѣ вала, который у туземцевъ, подобно бухарскому валу, носитъ названіе Кемпиръ-дувалъ („Стѣна старухи“).

Что касается дороги отъ Бинкента (Ташкента) въ Ходжентъ, то здѣсь до новѣйшаго времени имѣли большее значеніе горные пути, чѣмъ нынѣшняя дорога черезъ степь. Упоминаютъ два пути: одинъ путь велъ

отъ Бинкента до серебрянаго рудника, находившагося противъ нынѣшняго селенія Аблыкъ, черезъ перевалъ Кендеръ даванъ, на Хаджистанъ, бывшій укрѣпленный пунктъ около горной цѣпи; отъ Хаджистана чрезъ Самгаръ на Ходжентъ. Этотъ путь былъ очень важенъ, такъ какъ вблизи Хаджистана находились большія соляныя копи, удовлетворявшія потребностямъ Шаша, Ходжента и другихъ областей (каменная соль, какъ извѣстно, и теперь добывается въ горахъ близъ Самбара). Второй путь шелъ внизъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ до впаденія въ нее рѣки Ангрена, переходилъ на правый берегъ Дарьи и шелъ на сѣверъ.

Путь между Ходжентомъ и Самаркандомъ входилъ въ составъ области Осрушна. Объ этой области упомянуто выше. Теперь только добавимъ, что городская жизнь въ Осрушнѣ была мало развита; область менѣе другихъ подверглась вліянію арабской культуры и потому должна была сохранить дольше особенности древне-арійскаго аристократическаго строя. Въ области добывался матеріалъ для желѣзнаго оружія, которое выдѣлывалось въ Ферганѣ и вывозилось во всѣ области до Багдада. Въ горахъ добывались золото, серебро, купоросъ и нашатырь.

Уже въ VIII в. Ходженту приходилось принимать участіе въ возстаніяхъ жителей противъ арабскаго владычества и терпѣть отъ соперничества турокъ съ арабами въ этихъ мѣстахъ.

Такъ, въ 721—2 году мятежные противъ арабовъ согдійцы, именно, дихканы и богатые купцы, рѣшили покинуть свою родину; Ферганскій царь обѣщалъ уступить имъ мѣстность въ Исфарнискомъ округѣ, но вѣроломно предалъ ихъ арабамъ. Осажденные арабами въ Ходжентѣ, бѣглецы должны были сдаться, при чемъ обязались уплатить оставшіяся за ними недоимки по Хераджу. Послѣ передачи города арабы нашли предлогъ нарушить договоръ, и согдійцы были вѣроломно перебиты; посредствомъ того же вѣроломства арабы овладѣли всѣми укрѣпленными пунктами въ долинахъ Зеравшана и Кашка-дарьи и вполнѣ возстановили свою власть.

Въ 724 году арабы снова совершили походъ на Мавераннагръ и дошли до Ферганы, но на обратномъ пути были разбиты турками и вернулись съ большимъ урономъ.

Турки уже тогда начали вдвигаться между арабами и китайцами въ Мавераннагрѣ.

Владѣя всей западной частью Средней Азіи, Сулу, начальникъ племени турокъ-тюргешей (племя, подвластное западно-тюркскимъ ханамъ и входившее въ составъ пяти аймаковъ дулу; послѣ паденія власти западно-тюркскихъ хановъ мѣсто ихъ заняли родоначальники племени тюргешей. Ихъ алтайское происхожденіе удостовѣряется существованіемъ и въ настоящее время у черневыхъ татаръ родовъ тюргешъ и кергешъ), основалъ могущественное государство, просуществовавшее по арабскимъ источникамъ до 737, а по китайскимъ—до 738 года. Владѣя всей западной частью Средней Азіи, Сулу не могъ безъ борьбы уступить арабамъ Мавераннагръ; если арабы смотрѣли на Согдъ, какъ на „садъ повелителя правовѣрныхъ“, то и для тюрковъ обладаніе

богатою областью имѣло большое значеніе. Во все время своего царствованія Сулу оказывалъ поддержку мятежнымъ дихканамъ противъ арабовъ и причинилъ послѣднимъ столько вреда, что они дали прозваніе Абу-Музахимъ (соб. „ударяющій, бодающійся“, т. е. слонъ или быкъ).

Отъ своеволія арабовъ и лихоимства ихъ намѣстниковъ прежде всего страдало покоренное населеніе. Иногда интересы казны и власть имѣющихъ приходили въ столкновеніе съ интересами религіи, во имя которой предпринимались завоеванія. Какъ во всемъ арабскомъ государствѣ, такъ и здѣсь представлялъ большія затрудненія вопросъ, слѣдуетъ ли взимать харадж съ принявшихъ исламъ туземцевъ.

Хоросанскій намѣстникъ Атрасъ въ 728 г. задался цѣлью обратить въ мусульманство жителей Мавераннагра; въ Самаркандъ были отправлены два миссіонера, арабъ и персъ, причемъ Атрасъ далъ имъ обѣщаніе, что съ новообращенныхъ не будутъ взиматься подати. Успѣхъ проповѣди превзошелъ всѣ ожиданія и вызвалъ одинаковое неудовольствіе среди представителей казны и среди дихкановъ: послѣдніе были заинтересованы въ сохраненіи аристократическаго строя и потому не могли относиться ровнодушно къ распространенію новой религіи, еще не утратившей въ это время своего демократическаго характера. Самъ Атрасъ убѣдился, что „въ Харадже заключается сила мусульманъ“, и велѣлъ освободить отъ подати только тѣхъ изъ новообращенныхъ, надъ кѣмъ будетъ совершено обрѣзаніе, кто будетъ исполнять предписанія ислама и прочтетъ суру изъ корана. Ему отвѣтили, что туземцы дѣйствительно приняли исламъ и стали строить мечети, такъ что „всѣ люди стали арабами“ и подати взимать не съ кого. Тогда послѣдовало рѣшеніе: „Берите подати съ тѣхъ, съ которыхъ брали ее раньше“. Произошло общее возстаніе; весь сагдъ поднялся на арабовъ и призвалъ на помощь тюрковъ. Туземцы, надо думать, по примѣру персовъ, болѣе склонны были къ принятію ученія шіитовъ, потому что шіиты, борясь за право Алія и его потомковъ, тѣмъ самымъ стояли въ оппозиціи къ правительству, нелюбимому персами. Посредствомъ компромисса между исламомъ и вѣрованіями туземцевъ, особенно ученіемъ о переселеніи душъ, Абу-Муслимъ (около 747 г.) привлекъ на свою сторону дихкановъ и сельское населеніе.

Послѣ одержанія побѣды надъ омейядскимъ наслѣдникомъ Абу-Муслиму пришлось употребить новыя усилія для того, чтобы удержать въ повиновеніи всю эту массу и вступить въ борьбу какъ съ арабами, такъ и съ персидскими народными движеніями. Въ Нишабурѣ изъ среды огнепоклонниковъ выступилъ религіозный реформаторъ Бихъ-Аферидъ (у Ауфи Михъ-Аферидъ), желавшій возстановить въ чистомъ видѣ ученіе Зороастра и рѣзко нападавшій на оффиціальное парсійское духовенство. Маги пожаловались Абу-Муслиму, что явился человѣкъ, который подрываетъ какъ ихъ, такъ и его вѣру, и Абу-Муслимъ оказалъ имъ поддержку при подавленіи движенія; какъ одному изъ самыхъ дѣятельныхъ эмиссаровъ, Аббасидовъ, Абу-Муслиму пришлось прини-

мать участіе въ подавленіи возстанія въ пользу Алидовъ, мѣсто которыхъ Абассиды постепенно занимали.

Какъ извѣстно, шіитское движеніе въ началѣ было поднято только во имя предписанія пророка и въ пользу его семьи, при чемъ не было произнесено имя какого-нибудь опредѣленнаго претендента. Естественными преемниками пророка считались Алиды.

Въ Бухарѣ въ 750—751 г. было поднято возстаніе арабами противъ Абассидовъ. Глава движенія, Шерикъ б. шейхъ ал-Мехри, объявилъ: „не для того мы послѣдовали за домомъ пророка, чтобы проливать кровь и совершать несправедливыя дѣла“. Шерикъ поднялъ возстаніе въ пользу Алидовъ; его сторону приняли представители арабской власти въ Бухарѣ и Хорезмѣ; за него стояло городское населеніе Бухары. Возстаніе было подавлено съ большою жестокостью; городъ былъ сожженъ и горѣлъ трое сутокъ; затѣмъ въ Самаркандѣ были побѣждены остальные мятежники.

Одновременно съ внутренними смутами Мавераннагръ подвергался большой опасности со стороны внѣшняго врага. Въ 748 г. китайцы вновь появились въ Ферганѣ и Шашѣ. Зіяхъ б. Салихъ, полководецъ Муслима, только что подавившій возстаніе Шерика, въ іюлѣ 751 г. разбилъ китайское войско подъ начальствомъ Гао-Сянь-Чжи. Эта битва въ исторіи Туркестана имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ ею былъ рѣшенъ вопросъ, которой изъ двухъ культуръ, китайской или мусульманской, должно было принадлежать господство въ странѣ.

Такимъ образомъ, Абу-Муслимъ одержалъ побѣду надъ внѣшнимъ и внутренними врагами; но его огромная популярность среди туземцевъ Хорсана, для которыхъ онъ былъ не только представителемъ государственной власти, но и вѣроучителемъ, возбудила опасеніе въ Абассидахъ: привлеченный ко двору халифа, Абу-Муслимъ въ 755 г. былъ измѣнически умерщвленъ. Послѣ этого сторонники Абу-Муслима сдѣлались врагами Абассидовъ. Руководители цѣлаго ряда шіитскихъ движеній въ персіи и Мавераннагрѣ такъ или иначе связывали свое дѣло съ именемъ Абу-Муслима. Отличительнымъ цвѣтомъ партіи (конечно, только во время открытыхъ движеній) сдѣлался бѣлый цвѣтъ одежды и знаменъ; такимъ образомъ, партія дѣйствовавшая во имя того, кому нѣкогда черное знамя было обязано своимъ торжествомъ, получила названіе Сепидъ-Джамеганъ („носящіе бѣлую одежду“, по арабски: ал-мубейда). Табари относитъ начало шіитскаго движенія въ Харасанѣ еще ко времени царствованія Омара II (717—720 гг.); но только въ 734 г. Харисъ б. Сурейджъ поднялъ черное знамя во имя „Книги Божіей и предписаній (сунны) пророка его“; онъ обѣщалъ „соблюдать договоры, заключенные съ иновѣрцами, не брать податей съ мусульманъ и никого не обижать“.

Первые представители династіи Абассидовъ были такими же свѣтскими правителями, какъ Омейяды, и открыто поддерживали греческую науку и раціоналистическое ученіе мутазилитовъ. Отъ Омейядовъ ихъ отличали главнымъ образомъ государственныя стремленія: тогдакакъ

Омейяды были прежде всего предводителями арабскаго народа, Аббасиды хотѣли создать государство, въ которое могли бы войти на равныхъ правахъ области съ персидскимъ и области съ арабскимъ населеніемъ. Образцомъ для нихъ служила стройная государственная система Сассанидовъ, казавшаяся арабамъ высшимъ образцомъ государственной мудрости. (Джагизъ+869 г. говоритъ, что сассанидскіе персы превосходили всѣ народы въ искусствѣ управлять государствомъ, какъ китайцы—въ ремеслахъ, греки—въ наукахъ, тюрки—въ военномъ дѣлѣ).

Въ эпоху Аббасидовъ мусульманскій государственный строй началъ принимать тотъ характеръ, который онъ въ общихъ чертахъ сохраняетъ до настоящаго времени. Задача абассидской политики заключалась въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону умѣренные элементы обѣихъ націй и съ ихъ помощью подавлять какъ возстанія арабовъ, не желавшихъ признавать равноправность покоренныхъ народовъ, такъ и антимусульманскія движенія арійскаго населенія во имя народныхъ вѣрованій. Надо было создать такой строй, чтобы всѣ составныя части населенія находили для себя полезнымъ поддерживать новый порядокъ. Примѣнивъ въ общихъ чертахъ персидскую бюрократическую систему управленія, Аббасиды взяли подъ свое покровительство исламъ, подъ условіемъ, однако, подчиненія духовной власти свѣтской. Такъ какъ власть Аббасидовъ не имѣла національной основы, то для охраны ея служила гвардія изъ иноземцевъ, главнымъ образомъ, изъ тюркскихъ рабовъ. Подданные представляли изъ себя лишь ту массу, которая была обязана давать государству денежныя средства—платить налоги.

Этимъ опредѣлялась также задача областныхъ намѣстниковъ, въ частности намѣстника Хоросана, которому по прежнему былъ подчиненъ Мавераннагръ.

Два раза во главѣ области, какъ при Сассанидахъ, былъ поставленъ сынъ главы государства, что объясняется важностью хоросанскаго намѣстничества, гдѣ борьба съ внѣшними и внутренними врагами представляла большія трудности. Задачи намѣстниковъ сводились къ укрѣпленію государственнаго строя въ духѣ сассанидскихъ традицій, къ объединенію всѣхъ сторонниковъ порядка и спокойствія, къ усмиренію безпокойныхъ элементовъ и къ войнѣ съ вассалами непокорными и ихъ степными союзниками. Полное подчиненіе страны мусульманскому владычеству и полное установленіе внѣшней и внутренней безопасности было достигнуто только тогда, когда во главѣ страны, вмѣсто часто смѣнявшихся намѣстниковъ, были поставлены наслѣдственные правители изъ туземныхъ аристократовъ (та хириды), хорошо знакомые съ мѣстными условіями и пользовавшіеся довѣріемъ населенія.

Само собой разумѣется, что эти правители дѣйствовали болѣе въ своихъ интересахъ, чѣмъ въ интересахъ Халифовъ, и что ихъ зависимость отъ послѣднихъ скоро сдѣлалась чисто номинальной.

Абассидскіе намѣстники, правившіе въ Хоросанѣ до начала династіи Тахиридовъ, должны были подавить цѣлый рядъ возстаній, какъ

со стороны арабовъ, такъ и со стороны персовъ. Послѣ усмиренія возстанія Шерика, нужно было усмирить цѣлый рядъ возстаній арабскихъ шіитовъ въ Бухарѣ.

Что касается „людей въ бѣлыхъ одеждахъ“, т. е. партіи Абу-Муслима, то ихъ дѣятельность никогда не прекращалась (секта существовала еще въ XII в.), хотя сравнительно рѣдко проявлялась въ открытыхъ возмущеніяхъ. О существованіи въ деревняхъ Мавераннагра религіи „людей въ бѣлыхъ одеждахъ“, обряды которыхъ походятъ на обряды зендиковъ (дуалистовъ), говоритъ также Махдиси; больше всего „людей въ бѣлыхъ одеждахъ“ было среди сельскаго населенія Илака.

Упомянемъ о возстаніи въ 806 г. Рафи б. Ляйса. Неизвѣстно, какими средствами Рафи удалось привлечь на свою сторону туземцевъ, убить самаркандскаго намѣстника и овладѣть Самаркандомъ. Жители Несефа сами просили у Рафи помощи противъ правительства; Рафи послалъ имъ „владѣтеля Шаша съ его тюрками“; кромѣ того Я'Кубы называетъ сторонниками Рафи жителей Ферганы, Ходжента, Осрушны, Саганіаны, Бухары, Хорезма и Хутталя. Даже токуз-огузы, карлуки и тибетцы прислали Рафи вспомогательные отряды. Возстаніе было подавлено только въ 810 г.; покинутый въ 809 г. тюрками, Рафи сдался Мамуну.

Необходимо отмѣтить еще одну мѣру абассидскихъ намѣстниковъ, несомнѣнно имѣвшую большое значеніе въ экономической жизни страны, именно—введеніе низкопробной размѣнной монеты. По разсказу Нершахи въ Бухарѣ первый сталъ чеканить серебряныя монеты (дигремы) бухаръ-худатъ Кана; монеты были введены имъ въ царствованіе Хамера Абу-Бекра (632—934 г.г.) дигремы чеканились изъ чистаго серебра, на нихъ былъ изображенъ бухаръ-худатъ съ вѣнцомъ на головѣ. Къ концу VIII в. эти монеты уже исчезли изъ обращенія и были вытѣснены хорезмійскими.

Недовольные этимъ бухарцы обратились къ намѣстнику Гитрифу б. Ата съ просьбой чеканить для нихъ серебряную монету того же вида, какъ дигремы бухаръ-худата, но такую, которая бы служила исключительно для мѣстныхъ потребностей и не могла быть вывезена изъ предѣловъ области. Такъ какъ серебро было дорого въ то время, то Гитрифъ, по соглашенію съ представителями города, сталъ чеканить монету изъ сплава шести металловъ: золота, серебра, свинца, олова, желѣза и мѣди. Монеты были чеканены съ прежними изображеніями, но съ именемъ Гитрифа; оттого монеты получили названіе гитрифа.

Гитрифійскія дигремы не были ни единственными, ни первыми монетами того рода. Кромѣ дигремовъ Хорезма историки и географы различаютъ три вида низкопробныхъ дигремовъ, которыми уплачивались подати въ Мавераннагрѣ, именно дигремы Мухамедди, Мусейяби и Гитрифа, при чемъ подати въ Шашѣ, Илакѣ и Хофиситѣ уплачивались мусейябійскими дигремами. На всѣхъ этихъ монетахъ были изображенія, рѣзко отличавшія ихъ отъ обычнаго типа мусульманскихъ монетъ, на Иби-Хоукомо также непонятныя письмена.

Нумизматическія данныя пока выяснили только фактъ, что въ Согдіонѣ въ V и въ VI в. начали чеканить дигремы въ подражаніе сассанидскимъ; если хронологическое указаніе Нершахи относительно чеканки монетъ въ Бухарѣ вѣрно, то бухаръ-худаты, вѣроятно, заимствовали типъ монетъ отъ своихъ согдійскихъ сосѣдей, а не непосредственно отъ Сассанидовъ (иначе они, какъ скоро послѣ того сдѣлали арабы, приняли бы за образецъ дигремы Хосроя II).

Крайнѣ любопытно, что еще въ концѣ VIII в., когда въ Мавераннагрѣ уже давно чеканились дигремы и фельсы кифическаго типа, потребность населенія въ размѣнной монетѣ пришлось удовлетворить посредствомъ дигремовъ стараго образца, съ языческими изображеніями.

Послѣднимъ крупнымъ военнымъ предпріятіемъ арабовъ въ Средней Азіи, о которомъ до насъ дошло извѣстіе, былъ походъ въ 822—23 г. на Осрушну,—область, простиравшуюся отъ Джизака почти до Ходжента. На сѣверо-востокѣ арабы доходили до Таласа, гдѣ въ 751 г. разбили китайское войско; потомъ арабы отказались отъ долины этой рѣки и отъ области Исфиджаб (Чимкентъ и его окрестности), а въ степи Каласъ, отдѣлявшей Исфиджабъ отъ Шаша (Ташкента) выстроили стѣну для защиты отъ набѣговъ кочевниковъ. Стѣна эта простиралась отъ Сыръ Дарьи до горъ Сайлыкъ. Остатки ея и по настоящее время замѣтны въ степи.

Вообще въ сѣверной области Мавераннагра, подчинившейся арабамъ только въ IX вѣкѣ, арабскій элементъ совсѣмъ не привился, и существенныя черты арійской культуры сохранились въ нихъ дольше. Къ такимъ областямъ принадлежитъ и Осрушна. Въ то время, когда во всѣхъ другихъ областяхъ уже водворились арабскіе переселенцы, въ Осрушнѣ ихъ не было, ибо ея населеніе не допускало къ себѣ на жительство арабовъ. Такимъ образомъ, Осрушна заслуживаетъ особаго вниманія при изученіи остатковъ древней культуры. Мѣстоположеніе столицы Осрушны, называемой арабами Бенджикентомъ (Пенджи хентъ), опредѣляется слѣдующими словами арабскихъ географовъ: „отъ Сабата (Савата) идутъ два фарсаха (фарсахъ=6—7 верстамъ) по равнинѣ и потомъ 5 фарсаховъ вверхъ по рѣкѣ, текущей около города; по обѣ стороны дороги находятся горы, покрытыя селеніями“. Судя по этому описанію, очень вѣроятно, что остатками столицы Осрушны слѣдуетъ признать интересныя развалины около селенія Тахристанъ, верстахъ въ 25 къ юго-западу отъ Ура-Тюбе.

Важныя перемѣны произошли, когда правителями Мавераннагра были назначены саманиды, подчиненные хорасанскому намѣстнику. Къ этой эпохѣ относится окончательное подчиненіе Мавераннагра мусульманскому владычеству, при поддержкѣ багдадскаго правительства. Въ 875 г. внукъ перса Саманъ-Худата, принявшаго мусульманство, получилъ отъ халифа Му'тамида дипломъ на управленіе всѣмъ Мавераннагромъ. Къ этому времени относится также возвышеніе вліянія тюрковъ во внутреннемъ управленіи Мавераннагромъ. Уже при Му'тасимѣ тюркская гвардія, въ составъ которой входили выходцы изъ Согда, Фер-

ганы, Осрушны и Шаша, сдѣлалась одной изъ опоръ престола. Это обстоятельство способствовало окончательному утвержденію мусульманскаго владычества въ странѣ. Жители были признаны добрыми мусульманами и сами начали принимать участіе въ борьбѣ „за вѣру“ со своими сосѣдями тюрками.

Но по своему аристократическому происхожденію и по своему положенію оффиціальныхъ представителей арабской власти Саманиды не могли сдѣлаться выразителями національныхъ и демократическихъ стремленій, подобно Абу-Муслиму и другимъ „да'и“ т. е. шіитскимъ проповѣдникамъ.

Особенно много сдѣлалъ въ государственномъ устройствѣ Мавераннагра въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма Исмаилъ б. Ахметъ (892—907 г.г.).

Въ 893 г. была низложена туземная династія Осрушны и эта область присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ Саманидовъ.

Къ этой эпохѣ относится полное сформированіе государственнаго устройства Мавераннагра и имѣются подробныя свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ населенія.

Во главѣ государства стоялъ самодержавный правитель, отвѣтственный только передъ Богомъ. Персидскіе историки иногда называютъ Саманидовъ „повелителями правовѣрныхъ“, т. е. даютъ имъ тотъ-же титулъ, какъ Халифамъ.

По персидскому идеалу самодержецъ прежде всего долженъ быть хорошимъ „хозяиномъ“ (кетхуда) своего государства и заботиться о его внѣшнемъ благоустройствѣ: о прорытіи каналовъ и подземныхъ арыковъ, о постройкѣ мостовъ чрезъ большія рѣки, о благосостояніи деревень и поддержаніи земледѣлія, возведеніи укрѣпленій и основаніи новыхъ городовъ, объ украшеніи городовъ высокими и красивыми зданіями, объ устройствѣ работъ на большихъ дорогахъ и т. п.

Большею частью, конечно, роль монарха сводилась къ выбору лицъ, которымъ могли бы быть поручены отдѣльныя отрасли управленія. Чрезъ всю систему восточно-мусульманской политической организаціи красною нитью проходитъ дѣленіе всѣхъ органовъ управленія на двѣ большихъ категоріи, на дергахъ (дворецъ) и диванъ (канцелярію). До эпохи Саманидовъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о существованіи въ восточно-мусульманскихъ государствахъ, какъ при дворѣ Аббасидовъ, личной гвардіи государя, состоящей изъ купленныхъ рабовъ, главнымъ образомъ, изъ тюрковъ. При дворѣ Исмаила и его преемникахъ мы уже находимъ подобную гвардію, хотя „люди дергаха“ въ эту эпоху не пріобрѣли такого значенія, какъ впослѣдствіи. Главныя военныя должности поручались не только начальникамъ гвардіи, но также представителямъ мѣстныхъ знатныхъ родовъ; въ составъ войска, кромѣ тюрковъ, входили также дихканы; вообще жители Мавераннагра въ то время большею частью еще носили оружіе.

Такъ пали значеніе и власть туземныхъ владѣтелей отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ Мавераннагра, и надъ всѣмъ Между-

рѣчьемъ утверждалась неограниченная власть дергаха и дивана съ системою бюрократическаго правленія.

Самая борьба съ феодалами велась благоразумно; въ большинствѣ случаевъ феодальныя владѣнія путемъ покупки переходили въ руки торгово-промышленнаго сословія.

Подъ властью мѣстныхъ династій, при чисто внѣшней зависимости отъ центральнаго правительства, въ эпоху Саманидовъ оставались только восточная часть нынѣшняго Бухарскаго Ханства (область Хутталь и Саганіанъ), Хорезмъ и тюркскія владѣнія въ Исфиджабѣ. Въ городѣ Тункетѣ, столицѣ этой области, жилъ, по выраженію арабскаго географа, „сильный дихканъ“, пользовавшійся даже правомъ чеканить монету.

Что касается народныхъ массъ, то положеніе ихъ въ эпоху Саманидовъ было довольно благопріятно, въ виду обезпеченія внѣшняго міра и значительнаго развитія промышленности и торговли. Изъ Самарканда вывозились ткани серебрянныя (симгукъ) и самаркандскія, большіе мѣдные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; изъ Джизака—хорошіе сорта шерсти и одежда изъ нея; изъ Бенакета—туркестанскія ткани; изъ Шаша-высокія сѣдла изъ лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимыя отъ тюрковъ и подвергаемыя дубленію), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлѣбное зерно, прекрасные луки, иголки низшаго качества, хлопчатая бумага, идущая къ тюркамъ, ножницы; изъ Самарканда—еще парча, вывозимая къ тюркамъ, и красныя ткани, извѣстныя подъ названіемъ мамарджиль, ткань спиниза (полотняная), много шелку и шелковыхъ тканей. орѣхи; изъ Ферганы и Исфиджаба—тюркскіе рабы, бѣлыя ткани, предметы вооруженія, мечи, мѣдь, желѣзо. Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже 1000 лѣтъ вырабатывалось въ здѣшнемъ краѣ то же самое, что и теперь.

Промышленность несомнѣнно развилась подъ вліяніемъ Китая. Арабскіе завоеватели нашли въ Мавераннагрѣ множество китайскихъ произведеній, сбытъ которыхъ, конечно, долженъ былъ уменьшаться съ развитіемъ мѣстной промышленности; впечатлѣніе, произведенное на мусульманъ искусствомъ китайскихъ ремесленниковъ, видно уже изъ того, что и впослѣдствіи арабы называли всѣ искусно сдѣланныя сосуды китайскими. Изъ произведеній Мавераннагра наибольшею извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ пользовались шелковыя и хлопчатобумажныя ткани долины Зеравшана и ферганскія металическія издѣлія, особенно оружіе, находившее себѣ сбытъ даже въ Багдадѣ. Развитію металлической промышленности въ Ферганѣ несомнѣнно способствовали каменноугольныя копи Исфаринскаго округа („горы изъ черныхъ камней, которыя горятъ, какъ уголь; пепелъ служитъ для бѣленія одежды“).

Самаркандская бумага имѣетъ большое значеніе въ исторіи культуры, какъ древнѣйшій извѣстный намъ образецъ тряпичной бумаги По мусульманскимъ извѣстіямъ самаркандцевъ научили приготовленію бумаги китайскіе ремесленники, взятые въ плѣнъ Зіядомъ б. Салихомъ

въ 750 году; но, по изслѣдованію проф. Карабачека, самаркандцы могли заимствовать у китайцевъ только идею приготовленія бумаги и самостоятельно нашли способъ выдѣлки ея изъ тряпья, такъ какъ въ Китаѣ тряпичная бумага появляется только съ 940 г. Къ концу X в. самаркандская бумага въ мусульманскихъ странахъ уже успѣла совершенно вытѣснить папирусъ и пергаментъ.

Большое значеніе всегда имѣла торговля съ кочевниками, отъ которыхъ получали въ большомъ количествѣ убойный и вьючный скотъ, кожи, мѣха и рабовъ. Торговля съ осѣдлыми народами столь же необходима кочевникамъ, получающимъ такимъ образомъ предметы одежды и хлѣбъ. Кочевники сами пригоняли свои стада къ границамъ сосѣднихъ поселеній, не дожидаясь прибытія каравановъ въ степь.

Наконецъ, развитію промышленности и торговли содѣйствовало отсутствіе обременительныхъ податей и пошлинъ.

Нужно отмѣтить, что Саманиды ограничивались уплатой жалованья и не раздавали воинамъ земельныхъ надѣловъ.

Благодаря описанной выше организаціи государства династія Саманидовъ могла продержаться около 100 лѣтъ въ Мавераннагрѣ.

При Саманидахъ усилилось шіитское движеніе въ Мавераннагрѣ, особенно въ послѣдній годъ царствованія Насра II б. Ахмеда (943 г.). Шіитская пропаганда въ Хоросанѣ, гдѣ находится одна изъ главнѣйшихъ святынь шіитовъ, никогда не прекращалась, и потомки Алія издавна пользовались большимъ вліяніемъ на населеніе. Средства шіитской пропаганды значительно усилились съ образованіемъ фатимидскаго Халифата (въ началѣ X в.); фатимидскіе эмиссары проникли въ Хоросанъ и обратили въ шіитство Хусейна б. Али Мервези, преемникомъ котораго былъ Мухаммедъ б. Ахмедъ Нахшеби. Исполняя завѣщаніе своего учителя, Нахшеби перенесъ свою дѣятельность въ Мавераннагръ, гдѣ имѣлъ успѣхъ сначала въ своемъ родномъ городѣ Несефѣ (Карши), потомъ и въ столицѣ. Ему удалось обратить въ свою вѣру нѣсколькихъ вельможъ, среди которыхъ были главный Ходжабъ Айташъ, приближенный секретарь (дебери Хасъ) Абу Бекръ б. Абу-Ашасъ, аризъ Абу-Мансуръ Чагани, бухарскій ренсъ, начальникъ финансоваго вѣдомства и правитель Илака (при Саманидахъ владѣтель Илака, глава мѣстныхъ дихкановъ, жившій въ Тункетѣ, на берегу Ангрена, не имѣлъ политической власти, но продолжалъ оказывать вліяніе на народъ, такъ что Махдиси называетъ его „сильнымъ дихканомъ“) Хусейнъ-Меликъ. Чрезъ нихъ онъ получилъ доступъ ко двору, и скоро самъ Эмиръ одѣлался „карматомъ“.

Увлеченіе Эмира шіитской ересью не могло быть одобрено духовенствомъ, которое обратилось къ своимъ обычнымъ союзникамъ, къ представителямъ тюркской гвардіи.

Это увлеченіе повело къ тому, что Эмиру пришлось отказаться
ола въ пользу своего сына Нуха.

Нухъ объявилъ, что до похода на невѣрныхъ тюрковъ надо уничтожить невѣрныхъ въ собственной странѣ; ихъ имущество, начиная съ казны впавшаго въ ересь Эмира, должно было перейти въ руки правовѣрныхъ. Было произведено избіеніе еретиковъ въ Мавераннагрѣ и Хоросанѣ, начиная съ Нахшеби и его знатныхъ приверженцевъ; при этомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы вмѣстѣ съ еретиками не были убиты (изъ личной вражды) правовѣрные. Съ тѣхъ поръ шіиты продолжали существовать въ Мавераннагрѣ только въ качествѣ тайной секты.

Къ эпохѣ Саманидовъ относится усиленіе тюрковъ. Вытѣсненные монголами, тюрки крѣпкимъ кольцомъ заняли земли, окружавшія Мавераннагръ. Установились оживленныя сношенія между тюрками и Мавераннагромъ. Купцы и проповѣдники начали проникать въ степь, а вмѣстѣ съ ними и мусульманство. Нѣкоторые военноначальники изъ рабовъ—тюрковъ при Саманидахъ пользовались большимъ вліяніемъ. Нѣкоторыя орды огузовъ (туркмены), по неизвѣстной причинѣ покинувшія свои земли, съ согласія правительства заняли въ Мавераннагрѣ часть земель, удобныхъ только для кочевниковъ, и за это обязались защищать границу отъ всякихъ нападеній. Другая вѣтвь туркменъ подъ начальствомъ Сельджука отдѣлилась отъ своихъ соплеменниковъ у низовьевъ Сыръ-Дарьи; Сельджукъ принялъ Исламъ и освободилъ мусульманскаго правителя, находившагося въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ потомкамъ Сельджука; послѣдніе были приняты Саманидами и поселились въ окрестностяхъ Нура (нынѣ Нуръ-ата, къ сѣверо-востоку отъ Бухары).

Въ IX в. Карлыкскіе илеки овладѣли Хатаномъ и Кашгаромъ и начали грозить Мавераннагру и, наконецъ, въ 999 г. илекъ Насръ рѣшилъ покончить съ послѣдними остатками Господства Саманидовъ въ Мавераннагрѣ.

По разсказу современника и очевидца событія, Саманиды рѣшили оказать врагамъ отчаянное сопротивленіе; по приказанію правительства хатибы бухарскихъ мечетей убѣждали народъ взяться за оружіе для защиты своей династіи. Въ то время бухарцы, какъ вообще жители Мавераннагра, еще носили оружіе; если-бы Саманидамъ удалось организовать народное движеніе въ свою пользу, то это причинило бы Караханидамъ серьезныя затрудненія, хотя едва ли можно было предотвратить паденіе династіи. Проповѣди Хатибовъ, однако, не имѣли никакого дѣйствія. Саманиды, не исключая самого Исмаила, никогда не старались пріобрѣсти довѣрія народныхъ массъ и сдѣлать ихъ опорой своего престола; о томъ-же свидѣтельствуетъ преслѣдованіе шіитскихъ движеній, несомнѣнно имѣвшихъ демократическій характеръ. Мы знаемъ, что ученіе шіитовъ и при послѣднихъ Саманидахъ имѣло въ Мавераннагрѣ тайныхъ послѣдователей, къ числу которыхъ принадлежали, между прочимъ, отецъ и братъ знаменитаго Авиценны. Сочувствіе суннитскаго духовенства, не смотря на всѣ заботы Саманидовъ о религіи и ея представителяхъ, также находилось не на сторонѣ династіи, а на сторонѣ

ея враговъ. Населеніе, не убѣжденное проповѣдью Хатибовъ, обратилось „къ тѣмъ, которые у нихъ считались факихами", т. е. къ представителямъ неофиціальнаго духовенства, всегда имѣвшаго на населеніе гораздо больше вліянія, чѣмъ назначенные правительствомъ хатибы и имамы. Какъ всегда бываетъ въ аналогичныхъ случаяхъ, суевѣрные кочевники, сравнительно недавно принявшіе исламъ, были гораздо болѣе усердными почитателями религіи и ея служителей, чѣмъ культурное правительство. Населеніе послѣдовало совѣту своихъ учителей и рѣшило, что „когда борьба идетъ изъ-за благъ сего мира", то мусульманамъ нѣтъ надобности „подставлять себя для убіенія".

Илекъ объявилъ, что идетъ въ Бухару; населеніе встрѣтило завоевателей совершенно пассивно; предводители бухарскихъ военныхъ силъ, Бехтузунъ и Эналъ-тегимъ, добровольно явились въ лагерь завоевателей, гдѣ были задержаны. Въ понедѣльникъ 23 октября 998 года илекъ безъ сопротивленія занялъ Бухару и овладѣлъ казной Саманидовъ Абд-алъ-Меликъ и всѣ прочіе члены династіи были отправлены въ Чзгендъ въ (Фергану), куда вернулся и самъ илекъ, оставивъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ своихъ намѣстниковъ; такъ, при всеобщемъ равнодушіи, совершилось паденіе знаменитой династіи. Едва-ли кто нибудь въ это время сознавалъ значеніе историческаго событія, положившаго конецъ господству туземнаго арійскаго элемента,

Владѣніе Караханидами Мавераннагромъ не было благопріятно; Государственное устройство было передѣлано, земледѣліе и промышленность начали приходить въ упадокъ.

Ханы продолжали вести кочевую жизнь, Шема-ал-мулькъ только зиму проводилъ съ своимъ войскомъ въ окрестностяхъ Бухары, причемъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы воины оставались въ своихъ шатрахъ и не притѣсняли жителей; послѣ захода солнца ни одинъ воинъ не смѣлъ оставаться въ чертѣ города. Не смотря на кочевой образъ жизни Караханиды исполняли и ту обязаность государей, которая выражалась „въ украшеніи городовъ высокими и красивыми зданіями, устройствѣ рабатовъ на большихъ дорогахъ и т. п."

Персидскій взглядъ на монарха какъ на единодержавнаго правителя государства, также былъ чуждъ кочевникамъ, въ глазахъ которыхъ имперія была собственностью всего ханскаго рода. Удѣльная система и неизбѣжныя при ней междуусобія получили широкое развитіе въ государствѣ караханидовъ. Столь же вредно должна была отозваться на интересахъ населенія система военныхъ леновъ, т. е. земельныхъ надѣловъ, раздававшихся войску взамѣнъ уплаты жалованья или части его. Въ восточной части мусульманскаго міра эта система получила широкое развитіе только послѣ тюркскаго завоеванія. Пожалованіе надѣла (икта') было обычнымъ фактомъ, но это явленіе не привело къ установленію крѣпостного права; Низамъ-Аль-Мулькъ напоминаетъ владѣльцамъ надѣловъ, что имъ только разрѣшается взимать съ жителей опредѣленную сумму и что, кромѣ того, они не имѣютъ никакихъ правъ на личность, имущество, женъ и дѣтей населенія.

Отъ безпорядковъ, вызванныхъ удѣльной системой, вѣроятно, также системой земельныхъ надѣловъ, преимущественно, конечно, страдалъ классъ землевладѣльцевъ. Очень возможно, что въ первое время господства новой династіи значеніе дихкановъ увеличилось, какъ показываетъ фактъ появленія монетъ плакскаго дихкана. Но въ разсказахъ о монгольскомъ завоеваніи мы уже не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о значеніи этого класса въ Мавераннагрѣ, тогда какъ въ Хорасанѣ по прежнему упоминаются землевладѣльцы, жившіе въ родовыхъ замкахъ; собирая по своему всегдашнему обычаю сельскихъ жителей для осадныхъ работъ, монголы посылали соотвѣтственныя приказанія землевладѣльцамъ.

Упадокъ класса землевладѣльцевъ въ Мавераннагрѣ, вѣроятно, былъ вызванъ крайнимъ обезцѣненіемъ земельной собственности, о которомъ говоритъ переводчикъ Першахи; въ его время землю, которая при Саманидахъ продавалась по 4,000 дигремовъ за джифтъ, никто не бралъ и даромъ; если находился покупатель, то земля все таки оставалась необработанной „вслѣдствіе жестокости (правителей) и немилосерднаго отношенія къ подданымъ".

При Меликъ-Ханѣ вся мусульманская Азія подчинялась одному государю: но въ это время къ восточнымъ границамъ мусульманскаго міра приближался народъ, впервые заставившій мусульманъ Мавераннагра признать надъ собою власть невѣрныхъ.

Кара-Китани (Кара-Киданн-тюрки), занимавшіе монголію, овладѣли всѣмъ бассейномъ Тарима. Во второй четверти XII вѣка, бѣжавшій изъ Киданьскаго сѣвернаго Китая, который завоевали въ это время чжурчжени, киданьскій князь Ѣлюй-Даши, составивъ себѣ армію изъ подобныхъ ему киданьскихъ бѣглецовъ и изъ тюрковъ разныхъ племенъ, подчинилъ уйгуровъ восточнаго Тяньшаня, обратившихся къ осѣдлости и потерявшихъ принаньшаньскія земли еще около 1028 г. Съ увеличившеюся, по мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ, привлекаемыми военною добычею тюрковъ, арміей Ѣлюй-Даши покорилъ западный Тяньшань и Мавераннагръ (разбивъ войско Махмудъ-хана при Ходжентѣ въ 1137 г.).

Мавераннагръ переживалъ въ эту эпоху тяжелую междуусобную войну. Харезмшахъ старался добиться гегемоніи надъ этими странами и пользовался помощью Кара-Китаевъ, отъ которыхъ онъ находился въ вассальной зависимости. Хорезмшахъ не могъ остаться вассаломъ невѣрныхъ Кара-Китаевъ и уже для поддержанія своего авторитета долженъ былъ принять на себя роль освободителей мусульманъ. (Обстоятельства были благопріятны для него, такъ какъ въ это время—въ началѣ XIII вѣка—произошло одно изъ самыхъ обширныхъ въ исторіи мусульманскихъ движеній, охватившее Восточный Туркестанъ, Семирѣчье, Кульджинскій край и Мавераннагръ).

Кара-китайское государство, имѣвшее центромъ долины р. Чу, гдѣ находилась столица Баласагунъ, существовало до 1211 г., когда послѣдній Кара-киданьскій Гурханъ былъ плѣненъ зятемъ своимъ, най-

манскимъ Кучлукъ-ханомъ, лишеннымъ монголами своихъ земель и находившимъ у киданей убѣжище. Не предпринимая завоевательнаго похода на Восточный туркестанъ, Кучлукъ три или четыре года къ ряду (т. е. съ 1211 по 1213 или 1214) вторгался въ страну во время жатвы и опустошалъ ее. Хорезмшахъ Мухамедъ въ это время отправлялъ отряды въ ту же область. Набѣги Кучлука вполнѣ достигли своей цѣли; въ странѣ начался голодъ, заставившій жителей выразить покорность Кучлуку. Судя по поведенію хорезмійцевъ въ другихъ мѣстахъ, можно думать, что присутствіе въ странѣ одновременно съ войсками Кучлука отрядовъ войскъ Мухаммеда только способствовало принятію жителями такого рѣшенія. Столь же мало Хорезмшахъ могъ остановить жестокое гоненіе, которому послѣ побѣды Кучлука подвергся исламъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Мухаммедъ не только не оказалъ помощь своимъ кашгарскимъ и хотанскимъ единовѣрцамъ, но даже не могъ защитить отъ Кучлука сѣверныя области Мавераннагра. По Ибн-ал-Асиру султанъ по крайней мѣрѣ до 1218 г. проводилъ лѣто въ Самаркандѣ, опасаясь нашествія Кучлука на Мавераннагръ; наконецъ жители Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана получили приказъ переселиться на юго-западъ, послѣ чего эти области были опустошены, чтобы онѣ не достались Кучлуку. Относительно Исфиджаба и Шаша извѣстіе Ибн-ал-Асира вполнѣ подтверждается словами Якута, который приводитъ ту же самую причину этой мѣры: Хорезмшахъ опустошилъ тѣ области потому, что не былъ въ состояніи удержать ихъ въ своей власти.

Вообще передъ монгольскимъ нашествіемъ государственная власть во владѣніяхъ Хорезмшаха была уже сильно пошатнута. Нуждаясь въ своей тюркской гвардіи, Мухаммедъ поневолѣ долженъ былъ употребить всѣ старанія, чтобы жить съ нею въ мирѣ. Наемныя войска составляли единственную военную силу Хорезмшаховъ; на народныя массы въ XII в. еще въ большей степени, чѣмъ прежде, смотрѣли какъ на рабочую силу, которую слѣдуетъ держать въ полномъ повиновеніи. Алкатибъ асъ-Самарканди приводитъ характерный анекдотъ о султанѣ Синджарѣ, который будто бы сказалъ, что огражденіе сильныхъ отъ обиды со стороны слабыхъ еще болѣе необходимо, чѣмъ защита слабыхъ отъ произвола сильныхъ; оскорбленіе слабыхъ сильными— только несправедливость, тогда какъ оскорбленіе сильныхъ слабыми—и несправедливость и позоръ. Если народныя массы выйдутъ изъ повиновенія, то произойдетъ полный безпорядокъ; „малые будутъ исполнять дѣла великихъ, а великіе не могутъ исполнять дѣла малыхъ“, т. е. простой народъ захочетъ вести жизнь знатныхъ людей, и некому будетъ исполнять работы, составляющія удѣлъ простолюдиновъ. Еще болѣе характерный отзывъ о классѣ ремесленниковъ и земледѣльцевъ мы находимъ въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ времени Синджара: „Они не знаютъ языка царей, и для нихъ недоступно понятіе о согласіи съ правителями или о возмущеніи противъ нихъ: всѣ ихъ дѣла имѣютъ только одну цѣль —добыть средство къ жизни и прокормить

женъ и дѣтей; ясно, что ихъ не за что упрекать и что они пользуются постояннымъ спокойствіемъ".

Такимъ образомъ, наемное войско составляло единственную опору престола, и государь въ собственныхъ интересахъ долженъ былъ отдать ему предпочтеніе передъ гражданскими элементами.

Система военныхъ леновъ, получившая распространеніе при Сельджукахъ, продолжала существовать.

Однимъ словомъ, восточно-политическій строй, созданный Абассидами, получившій дальнѣйшее развитіе при Сахиридахъ и Саманидахъ, теперь дошелъ до полнаго разложенія. Народъ, освобожденный Мухаммедомъ отъ ига невѣрныхъ, возсталъ противъ своихъ освободителей и былъ усмиренъ потоками крови.

Понятенъ исходъ борьбы между такимъ государствомъ и свѣжими силами кочевниковъ, объединенными въ это время однимъ изъ геніальнѣйшихъ организаторовъ всѣхъ временъ.

Этнографическій составъ населенія Мавераннагра передъ нашествіемъ монголовъ уже значительно измѣнился. Въ городахъ тюрки дали уже значительный классъ горожанъ. О разнообразіи этнографическомъ мы можемъ судить только приблизительно по составу арміи. Защитѣ Самарканда, главнаго города Мавераннагра, Хорезмшахъ придавалъ особенное значеніе; естественно, что здѣсь было сосредоточено больше войска, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. По Джувейни въ Самаркандѣ было до 110,000 войска, изъ нихъ 60,000 тюрковъ и 50,000 таджиковъ. По Несеви войска было только 40,000, Ибн-ал-Асиру 50,000, по Джузджани 60,000, со включеніемъ тюрковъ, таджиковъ, гурцевъ, халаджей и карлуковъ. Арабъ Эдризи, въ числѣ кочевниковъ, окружавшихъ Фергану, называетъ также Кипчаковъ (Хифтчакъ) и булгаровъ. Такимъ образомъ, нужно думать, что коренное населеніе Мавераннагра передъ нашествіемъ монголовъ уже успѣло значительно отуречиться.

Нашествіе монголовъ рѣзко отразились на Мавераннагрѣ какъ въ смыслѣ ухудшенія экономическаго благосостоянія населенія такъ и состава этнографическаго коренного населенія.

Начало осады Самарканда относятъ къ сентябрю 1219 года.

Несомнѣнно, что монголы Чингизъ-Хана находились на очень низкой степени культуры, даже по сравненію съ своими соплеменниками, кераитами и найманами; оттого, послѣ объединенія Монголіи, еще до покоренія культурныхъ областей, явилась необходимость сдѣлать заимствованія у покоренныхъ народовъ. Первыми представителями культуры при дворѣ Чингизъ-хана были мусульманскіе купцы. Письменное дѣлопроизводство возникло въ государствѣ Чингизъ-хана послѣ покоренія найманов (1206 г.); уйгуръ Ташатунъ, хранитель печати найманскаго хана, занялъ ту же должность при дворѣ Чингизъ-хана; кромѣ того, ему было поручено обучать уйгурской грамотѣ сыновей хана. Такимъ образомъ, первыми учителями монголовъ и первыми чиновниками монгольской имперіи были уйгуры; впослѣдствіи уйгурскіе чиновники вмѣ-

стѣ съ монгольскими завоевателями пришли въ культурныя страны и какъ въ Китаѣ, такъ и въ мусульманскихъ странахъ, успѣшно выдерживали конкурренцію съ туземцами, гораздо болѣе образованными.

Первый городъ, подвергшійся нападенію въ Мавераннагрѣ, былъ Нуръ. Городъ былъ взятъ; по требованію Субудая жители очистили городъ, взявъ съ собой только жизненные припасы, земледѣльческія орудія и скотъ; послѣ этого ихъ дома были разграблены монголами. Въ февралѣ 1220 г. Чингизъ-ханъ подошелъ къ Бухарѣ; городъ былъ взятъ. Жители должны были доставить монголамъ всѣ припасы, приготовленные для войска султана, и засыпать ровъ цитадели; послѣ взятія ея всѣ защитники были перебиты. Наконецъ всѣ жители, взявъ съ собой только ту одежду, которая была на нихъ, должны были выйти изъ города; ихъ имущество было разграблено монголами. Послѣ разграбленія городъ былъ сожженъ; уцѣлѣли только соборная мечеть и нѣкоторые дворцы, выстроенные изъ жженаго кирпича.

На пути изъ Бухары въ Самаркандъ монголы уже вели съ собою огромныя толпы плѣнныхъ. По свѣдѣніямъ Ибн-ал-Аспра участь этихъ плѣнныхъ была крайне тяжелой; они должны были пѣшкомъ слѣдовать за монгольской конницей; кто изнемогалъ по дорогѣ, того убивали. Кромѣ плѣнныхъ горожанъ, въ той толпѣ, несомнѣнно, были сельскіе жители; во всѣхъ странахъ, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать, монголы для осадныхъ работъ сгоняли крестьянъ окрестныхъ деревень.

Въ мартѣ монголы подошли къ Самарканду. Тюрки, служившіе въ войскѣ султана, предложили свои услуги монголамъ, на что послѣдніе сперва согласились. Городъ сдался, цитадель была взята приступомъ; ея защитники перебиты. Тюркскіе воины султана, которые сначала были приняты на службу монголами, теперь были окружены на ровномъ мѣстѣ и перебиты со всѣми своими предводителями. Что касается оставшихся жителей, то изъ нихъ 30000 ремесленниковъ были отданы сыновьямъ и родственникамъ Чингизъ-хана; столько же было уведено для осадныхъ работъ; остальные получили позволеніе вернуться въ городъ, при чемъ съ нихъ взяли выкупъ въ 200,000 динаровъ. Послѣ того еще нѣсколько разъ уводили жителей изъ города, такъ что онъ почти совсѣмъ опустѣлъ. Дошла очередь до Бенакета (около устья Ангрена). Монголы перебили гарнизонъ, а изъ жителей увели ремесленниковъ и отрядъ молодыхъ людей для осадныхъ работъ. Изъ Бенакета отрядъ пошелъ на Ходжентъ. Осада Ходжента представляетъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ военной исторіи. Начальникъ Ходжента Тимуръ-Меликъ не могъ удержаться въ городѣ и съ тысячью воиновъ укрѣпился на одномъ изъ острововъ Сыръ-Дарьи; есть основаніе предполагать, что имѣется въ виду островъ, расположенный въ верстѣ ниже Ходжента. Въ концѣ концовъ Тимуръ-Меликъ все таки долженъ былъ покинуть свой островъ; вѣроятно, запасъ провіанта и оружія приходилъ къ концу. Ночью Тимуръ-Меликъ посадилъ свой отрядъ на суда и при свѣтѣ факеловъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. У Дженда все таки потерялъ весь свой обозъ и всѣхъ своихъ спутниковъ и одинъ только

благополучно прибылъ въ Хорезмъ. О дѣйствіяхъ монголовъ повѣствуетъ еще исторія взятія Хорезма. По взятіи города жители были выведены въ поле; было объявлено, чтобы ремесленники стали отдѣльно; нѣкоторые исполнили это, другіе скрыли свое званіе, полагая, что монголы, какъ въ другихъ городахъ, уведутъ ремесленниковъ съ собой, а другимъ позволятъ остаться на родинѣ. По Джувейни ремесленниковъ было болѣе 100,000; ихъ увели въ „восточныя страны", гдѣ они образовали большое число поселеній. Малолѣтнихъ дѣтей и молодыхъ женщинъ увели въ плѣнъ; остальные жители были перебиты, при чемъ на каждаго монгольскаго воина будто бы пришлось 24 человѣка.

Выше уже было сказано о запустѣніи деревень и паденіи цѣнности на земли во время междуусобныхъ войнъ въ Мавераннагрѣ передъ монгольскимъ нашествіемъ. Во время же нашествія монголовъ были разрушены города, погибли ремесла, а вмѣстѣ съ городами погибла и масса коренныхъ жителей Мавераннагра.

Земли по обѣ стороны Тяньшаня и Мавераннагръ составили удѣлъ второго сына Чингизъ-Хана-Джагатая.

Не забудемъ, что монголы были кочевники. При занятіи Мавераннагра они должны были кочевать на занятыхъ земляхъ, особенно на предгоріяхъ, гдѣ зеленѣли обширныя пастбища и журчали обильные водою ключи и родники. Какъ и теперь, эти кочевники должны были повести за собой уничтоженіе зарослей кустарниковъ, при чемъ обнаженная почва предгорій не могла противостоять размытію водою весеннихъ и лѣтнихъ ливней. Все это немедленно вело къ уменьшенію площади удобныхъ пастбищъ и засоренію многихъ ключей. Такъ постепенно мѣнялась природа самой мѣстности.

Этнографическій составъ ближайшихъ сосѣдей Мавераннагра въ это время былъ слѣдующій: отъ р. Талосы до Сыръ-Дарьи кочевали Канглы (теперь родъ Большой Орды) и Карлыки; западный же Тяньшань занимали кыргизы, въ качествѣ аборигеновъ и кара-кыргизы.

Въ концѣ января 1223 г. ханская ставка была уже на правомъ берегу Сыръ-Дарьи; монголы уже возвращались, сдѣлавъ свое разрушительное дѣло. Власть ихъ надъ Мавераннагромъ уже никѣмъ не оспаривалась.

Хотя Джагатай получилъ изъ арміи отца и небольшое число, притомъ еще не вполнѣ омонголенныхъ тюрковъ, а потому военныя силы его состояли изъ подвластныхъ тюркскихъ племенъ, тѣмъ не менѣе власть джагатаидовъ была крѣпка, пока не исчезъ страхъ, внушенный завоевателемъ, и пока тюркскіе роды и племена, продолжавшія сохранять родовой бытъ и кочевой образъ жизни, не почувствовали свою силу, благодаря въ особенности раздорамъ между чингизидами за власть и удѣлы, при которыхъ одерживали обыкновенно верхъ тѣ, кто привлекалъ на свою сторону сильнѣйшіе роды тюрковъ. Сознаніе родами своей силы, при естественномъ ихъ стремленіи къ самостоятельности, неизбѣжно должно было привести къ разложенію улуса Джагатая. Уже во второй половинѣ XIV вѣка джагатаиды потеряли Мавераннагръ,

доставшійся сплотившему около себя мѣстныхъ тюрковъ Тамерлану и его потомкамъ.

Какъ извѣстно, Тамерланъ избралъ своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Самаркандъ. Тимуръ происходилъ изъ отуреченнаго монгольскаго племени Барулась. Во время его малолѣтства произошло распаденіе джагатайскаго царства. Въ Мавераннагрѣ съ 1346 г. власть принадлежала тюркскимъ эмирамъ и, возводившіеся ими на престолъ ханы правили только номинально. Мавераннагръ переживалъ самое смутное время; особенно тяжело было осѣдлому населенію. 10 апрѣля 1370 г. Тимуръ принялъ присягу отъ всѣхъ военноначальниковъ Мавераннагра. Первые годы своего царствованія посвятилъ установленію порядка въ странѣ и безопасности на ея границахъ. Самаркандъ былъ украшенъ великолѣпными постройками. Тимуръ заботился преимущественно о процвѣтаніи своего роднаго Мавераннагра, о возвышеніи блеска своей столицы—Самарканда, гдѣ были собраны изъ разныхъ странъ представители всѣхъ отраслей искусства и науки; только въ послѣдніе годы имъ принимались мѣры для поднятія благосостоянія другихъ областей государства, преимущественно пограничныхъ. На благоустройство гражданскаго управленія также обращалось вниманіе, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные случаи наказанія за лихоимство высшихъ сановниковъ въ Самаркандѣ, Гератѣ, Ширазѣ, Тавризѣ. Тимуръ оказывалъ внѣшній почетъ богословамъ и отшельникамъ, не вмѣшивался въ управленіе имуществами и духовенства, не допускалъ распространенія ересей (запрещеніе заниматься философіей и логикой), заботился о соблюденіи его поддаными предписаній религій, но лично не отказывалъ себѣ въ запрещенныхъ религіею, удовольствіяхъ и только во время предсмертной болѣзни велѣлъ разбить принадлежности своихъ пировъ. Устройство военнаго и гражданскаго управленія опредѣлялось почти исключительно законами Чингизъ-хана; впослѣдствіи богословскіе авторитеты отказались признать Тимура правовѣрнымъ мусульманиномъ, такъ какъ законы Чингизъ-хана онъ ставилъ выше предписаній религій.

Немедленно послѣ смерти Тимура разныя племена начали возвращать себѣ утраченныя владѣнія. Власть тимуридовъ слабѣла, такъ какъ было слишкомъ много соперниковъ; государство распалось на нѣсколько мелкихъ владѣній. Въ то время, какъ трое сыновей Махмуда—послѣдніе тимуридскіе владѣтели Мавераннагра—сражались между собою за остатки имперіи, приближалась новая сила, покончившая со всѣми мелкими владѣтелями въ Мавераннагрѣ и вновь установившая твердую власть послѣ періода анархіи. Это было въ 1503 году.—Тимуриды были изгнаны узбеками подъ начальствомъ Шейбана-Хана.

Имя узбековъ первоначально давалось тюркскимъ племенамъ восточной части джучіева улуса для отличія ихъ отъ джагатайцевъ. Ранѣе Узбекъ-хана, царствовавшаго съ 1312 по 1342 г., оно не встрѣчается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало отъ имени этого государя, памятнаго какъ по продолжительному тридцатилѣт-

нему царствованію, когда привыкли называть его подданныхъ узбековцами, такъ и по утвержденію между кочевыми его подданными мусульманства. Во второй половинѣ XV в., когда отложившіяся части тюркскихъ родовъ приняли именованіе вольницы, казаковъ, оставшіяся вѣрными Абулъ-Хаиръ-хану и его потомству части тѣхъ же родовъ удержали названіе узбековъ. Сохранилось оно за приверженцами шейбанидовъ и тогда, когда они очистили предѣлы джучіева улуса, перебравшись въ Мавераннагръ въ дружинахъ Шейбана-хана и его наслѣдниковъ. Узбеки Мавераннагра составились, такимъ образомъ, изъ частей тѣхъ же тюркскихъ племенъ, главныя массы которыхъ вошли въ составъ кыргизовъ—казаковъ, но въ составѣ узбековъ играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренныхъ монголовъ и сѣверо-восточныхъ тюркскихъ племенъ, составлявшихъ „полкъ“ Джучи, и жившее службою ханамъ и вообще чингизидамъ служилое сословіе. Сверхъ того въ составъ узбековъ, уже въ Мавераннагрѣ, не замедлили, конечно, войти перешедшіе на службу побѣдоносныхъ шейбанидовъ мѣстныя тюркскія племена, служившія дотолѣ тимуридамъ.

Узбеки нашли уже въ Мавераннагрѣ, Ферганѣ и Ташкентѣ многочисленное осѣдлое тюркское или отуреченное населеніе, котораго умноженіе продолжалось и при нихъ, вслѣдствіе осѣданія самихъ узбековъ и ихъ сліянія съ мѣстнымъ населеніемъ. (Среди шейбанидскихъ дружинниковъ встрѣчаются имена родовъ: маджаръ, уйшунъ, татаръ, уйгуръ, кунгратъ, салуръ-катакъ, дюрменъ, ямаликъ, отаджи, кіатъ, найманъ*).

Они завладѣли землею между рѣками-близнецами и подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, подвигались вверхъ по рѣкѣ, овладѣвъ Самаркандомъ и, наконецъ, Ферганою. Въ теченіе всего XVI в. Мавераннагромъ правили шейбаниды; они предоставили Хорезмъ (Хиву) особой династіи хановъ, тоже происходившей отъ Шейбани, а Хорасанъ уступили Сефевидамъ. Затѣмъ Джанаиды или Астраханская династія, родственники Шейбанидовъ по женской линіи, управляли той же постепенно уменьшавшейся областью въ теченіе XVII и XVIII в.в. Наконецъ, ихъ родственники по женской линіи, Мангыты, овладѣли Бухарскимъ ханствомъ, теперь значительно уменьшившимся вслѣдствіе образованія новаго Кокандскаго ханства, вслѣдствіе возникновенія независимыхъ владѣній въ Ташкентѣ, Ура-тюбе, Ходжентѣ, и другихъ мѣстахъ и вслѣдствіе возвышенія Дурранидовъ въ Аѳганистанѣ.

Въ 1758 году Китай снова овладѣлъ Ферганой до Ташкента, послѣ страшнаго истребленія калмыковъ въ Джунгаріи. Китайцы не долго оставались въ здѣшнихъ мѣстахъ и власть потомковъ Шейбани была возстановлена, пока Бухара, Хива и Кокандъ не пали передъ нашествіемъ русскихъ.

Прійдя въ Мавераннагръ, всѣ вообще узбеки долгое время вели исключительно кочевой, пастушескій образъ жизни; въ городахъ жили

*) Аристовъ стр. 147 и 159.

лишь беки, правившіе отдѣльными вилайетами, старшіе военные чины и др. лица правящаго сословія. Все остальное бродило со своими стадами въ разныхъ пунктахъ, перемѣняя время отъ времени свои мѣста въ зависимости отъ такихъ случайностей, какъ войны, и, въ особенности—войны междуусобныя.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ кустарныя заросли предгорій стали исчезать вслѣдствіе непрестаннаго истребленія ихъ кочевымъ населеніемъ, полоса эта стала обсыхать, а бывшія здѣсь пастбища начали уменьшаться. Населеніе возрастало какъ путемъ естественнаго прироста, такъ и эммиграціи узбековъ, а также таджиковъ изъ Каратегина и Гиссара.

Оскудѣніе пастбищъ принудило, въ концѣ концовъ, узбековъ обращаться къ земледѣлію, что являлось дѣломъ тѣмъ болѣе исполнимымъ, что въ то время вся почти земля, за исключеніемъ лишь надѣловъ, принадлежавшихъ таджикскимъ селеніямъ, находилась въ общинномъ, родовомъ владѣніи узбековъ-завоевателей. Обращаясь къ земледѣлію, часть узбековъ стала вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно переходить отъ кочевого и полукочевого образа жизни къ осѣдлому. Устраиваясь въ совершенно новой для нихъ обстановкѣ осѣдлаго земледѣльца и садовода, узбеки весьма естественно должны были обратиться къ чему либо уже существующему, готовому. Они такъ и сдѣлали. Они всецѣло восприняли выработанный, если не тысячелѣтіями, то, по крайней мѣрѣ, вѣками, культъ аборигена таджика; они позаимствовали отъ таджика не только способы и орудія обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разнаго рода производства, вмѣстѣ съ орудіями и способами тѣхъ производствъ.

Такимъ образомъ, усвоивая все это въ совершенно готовомъ уже видѣ, узбекъ явился въ данномъ случаѣ послушнымъ ученикомъ покореннаго имъ таджика. На этомъ основаніи, прикрѣпленный къ землѣ, узбекъ не остановился; пріобрѣтая отъ таджика тотъ или другой инструментъ, то или другое орудіе, для названія котораго въ собственномъ языкѣ его словъ не находилось, такъ какъ самаго предмета этого въ его прежнемъ кочевомъ быту не имѣлось, узбекъ сталъ называть этотъ предметъ такъ же, какъ называлъ его таджикъ, т. е. по персидски. Такимъ путемъ въ языкъ узбека вошла цѣлая масса персидскихъ словъ, наравнѣ съ чѣмъ новая, мусульманская религія съ своей литературой внесла не меньшее, если не большее, число арабскихъ терминовъ; единовременно съ измѣненіемъ быта сталъ измѣняться и языкъ*).

Такова культурная роль аборигеновъ края—таджиковъ.

*) Наливкинъ. Истор. Коканд. ханства стр. 16—19.

6 Значеніе слова „таджикъ“ и «гальча».

Слово „таджикъ“ происходитъ отъ персидскаго существительнаго таджъ, корона, и означаетъ „коронованный“, „увѣнчанный“. Болѣе подробное объясненіе этого слова и его исторію мы находимъ у Н. В. Ханыкова *).

— Таджекъ или таджикъ,—говоритъ г. Ханыковъ,—значитъ, коронникъ, человѣкъ носящій корону. Но само собой разумѣется, продолжаетъ г. Ханыковъ, что здѣсь дѣло идетъ не о царскомъ вѣнцѣ, а о томъ, который имѣетъ такое важное и мистическое значеніе въ Зороастровомъ ученіи и копмъ, несомнѣнно, прежде отличались послѣдователи этой вѣры отъ невѣрныхъ, подобно тому, какъ христіане доселѣ еще отличаются ношеніемъ креста, а мусульмане чалмою. „Изъ всего этого, мнѣ кажется, говоритъ Ханыковъ, позволено заключить, что слово таджикъ, какъ арабское слово салеби (крестникъ) или Бенусалибъ (сынъ креста), какъ наше слово крестьянинъ, т. е. крес...ійся, носящій крестъ, крещеный, не было сначала именемъ этническимъ, т. е. именемъ какого-нибудь отдѣльнаго племени, а просто означало всѣхъ послѣдователей ученія Зороастра“. Въ теченіе вѣковъ вѣра эта была особенно усвоена иранцами, поглотившими всѣ чуждыя національности, исповѣдывавшія ее; это также несомнѣнно, такъ какъ даже въ классической древности, въ спискѣ народовъ, населяющихъ Персію, со временъ Геродота и Дарієвой надписи, мы (Ханыковъ) безпрестанно видимъ эту внутреннюю, племенную работу. Новыя племена то появляются, то исчезаютъ, а общій этническій терминъ, Иранъ, постоянно растетъ и, во

*) Н. В. Ханыковъ. Прилож. VI. Примѣчаніе къ объясненію 2-му главы II Риттерова подлинника: жители восточнаго рубежа Ирана—аборигены и переселенцы. Иранъ К. Риттера. Перев. Ханыкова, СПБ. 1874 г. стр. 509 и слѣд.

времена сассанидовъ, входитъ уже въ титулъ царей, повелѣвающихъ Ираномъ и противоположнымъ ему, анъ-Ираномъ, т. е. не Ираномъ. Самое географическое распространеніе этого имени ручается намъ въ справедливости этого объясненія. Всего болѣе распространено это имя въ колыбели ученія Зароастра, или правильнѣе тамъ, гдѣ оно впервые сдѣлалось государственною вѣрою, въ древней Бактріи и Согдіанѣ. Дѣйствительно, въ Бухарѣ, Балхѣ и Афганистанѣ таджикъ—всякій, считающій персидскій языкъ языкомъ роднымъ. Въ Хоросанѣ и Сеистанѣ слово это уже теряетъ свое рѣзкое, опредѣлительное значеніе. Въ Западной Персіи и въ Закавказьи его вовсе не употребляютъ иначе, какъ въ сокращенной его формѣ тать, но что эта послѣдняя имѣетъ то же значеніе, въ этомъ намъ порукою свидѣтельство итальянскаго дворянина Pitro della Yall-, бывшаго на службѣ у шаха Аббаси, въ началѣ XVII вѣка. На стр. 469, т. II французскаго перевода его писемъ, напечатаннаго въ 1663 г. мы читаемъ: „Кызылбаши есть имя извѣстнаго племени, вторгшагося въ Персію и усплившагося тамъ, какъ я вамъ писалъ уже раньше, при шахѣ Исмаилѣ Софи; тогда какъ татъ есть названіе тѣхъ, которые инсходятъ, по прямой линіи, отъ истиннаго древняго персидскаго племени *). Такимъ образомъ, названіе таджикъ становится тѣмъ рѣже, чѣмъ мы болѣе удаляемся отъ центра ученія Зароастра".

„Переходя къ разбору исторіи самаго слова таджикъ, мы замѣтимъ, говоритъ Ханыковъ, что слово это происхожденія персидскаго". Въ персидскомъ какъ самое слово таджь, вѣнецъ,—таджьдаръ, имѣющій вѣнецъ, таджь-веръ, вѣнценосецъ, безъ сомнѣнія, очень стары, такъ какъ мы знаемъ по Дегинью, что въ китайскихъ лѣтописяхъ, подъ 122 г. до Р. Х., по отзыву полководца Танъ-Кіао, говорится о царствѣ Тіаоджи, дальнѣйшія же частыя упомпнанія о нихъ, китайскими лѣтописцами, не позволяютъ сомнѣваться, что тутъ дѣло дѣйствительно идетъ о таджикахъ. Кромѣ того, таджь очень давно усвоено армянами въ формѣ тагхъ, изъ него они сдѣлали таговуръ, вѣнценосецъ. Въ Индустанѣ оно по Forbes'у употребляется народомъ въ формѣ Thath. Греческое слово Tajos, встрѣчающееся уже у Есхила, обыкновенно производятъ отъ глагола Tassia, но я (Ханыковъ) не увѣренъ, чтобы оно не имѣло соотношенія съ таджемъ персіянъ. Какъ бы то ни было, слово это очень древнее и со всѣми своими производными было въ употребленіи за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Если же это такъ, мы непремѣнно должны найти упоминаніе о таджикахъ и у древнихъ греческихъ писателей. Дѣйствительно, въ III кн. § 91 ист. Геродота мы читаемъ, что сатта-

*) Вамбери говоритъ, что слово таджикъ встрѣчается въ Западной Азіи, а именно: армяне называютъ таджиками турокъ и арабовъ, т. е. вообще магометанъ, но только между собою, по секрету, и мнѣ кажется, что это не болѣе, какъ насмѣшливое названіе, даваемое притѣсненными своимъ тиранамъ, такъ какъ названіе это я (Вамбери) встрѣчалъ, рѣшительно у всѣхъ армянъ Малой Азіи, то мнѣ кажется, что этимъ именемъ называютъ не только магометанъ, но, вообще, всѣхъ послѣдователей иныхъ религій, и что это слово, по всей вѣроятности, древнее и въ послѣдствіи уже съ древнихъ обывателей Персіи, съ которыми при сассанидахъ армяне находились въ сношеніяхъ, перешло на арабовъ. А. Вамбери. Очерки Средней Азіи стр. 320 и 321.

гиды, гандарійцы, дадики и апахиты всѣ вмѣстѣ платили 170 талантовъ подати въ годъ, внося ее въ Сузѣ, и составляли 7-ю сатрапію. А такъ какъ Суза, о которой здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, не Сузіана западная, т. е. теперешній Шуштеръ, а Суза Арійская, гдѣ, по Арріану, Александръ Македонскій, на походѣ изъ Гиляна и Мазандарама въ Бактрію, назначилъ Сатиборзана сатрапомъ арійцевъ, то весьма вѣроятно, что дадики галикарнасскаго историка—хорассанскіе таджики, тѣмъ болѣе, что въ кн. VII, § 66 Геродотъ сравниваетъ ихъ, по вооруженію, съ бактрійцами. Хаммеръ того же мнѣнія объ этихъ дадикахъ. Далѣе, Риттеръ (Z. A. т. VII стр. 714) замѣтилъ уже, что Діонисій Периегетскій, современникъ Нерона и Трояна (54—93 г. по Р. Х.), упоминаетъ о нихъ подъ именемъ „Таспан".

Въ теченіе всего періода династіи сассанидовъ китайцы находились съ ними въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, и послѣдніе остатки этого царскаго рода нашли въ Китаѣ пріютъ отъ преслѣдованія арабовъ и не теряли надежды возвратить себѣ престолъ, съ помощью пекинскаго двора, до 771 г. по Р. Х., гдѣ объ нихъ въ послѣдній разъ поминается въ китайскихъ лѣтописяхъ. По мѣрѣ того, какъ китайцы знакомились съ болѣе западными областями персидской монархіи, они стали употреблять и слово Посе, для означенія персіянъ, не оставляя однако же и прежняго означенія ихъ именемъ Тіаоджи, такъ что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что слово это нисколько не считалось зазорнымъ при сассанидахъ. Какъ же объяснить теперь, что терминъ этотъ совершенно пропадаетъ съ подчиненіемъ Персіи арабамъ и съ принятіемъ персіянами мусульманской вѣры?

Я (Ханыковъ) нарочно искалъ его у арабскихъ географовъ первыхъ столѣтій хиджры, его нѣтъ даже въ персидскомъ переводѣ исторіи Табари, сдѣланномъ въ Бухарѣ. Болѣе того, не только Якутъ, послѣдній арабскій географъ до монгольской эпохи, но даже Ибнъ-Батута, первый арабскій путешественникъ, послѣ завоеванія Персіи монголами, не упоминаетъ о нихъ.

Вообще, повторяемъ, до эпохи Тимура, слово это какъ бы пропадаетъ изъ языка. Даже послѣ Тимура, напр., въ запискахъ Бабера, оно попадается всего два раза, а именно, онъ говоритъ: „Въ кабульскомъ государствѣ есть много различныхъ племенъ. Долины и равнины его заселены тюрками, еймаками и арабами. Въ городахъ, и въ большей части деревень, живутъ, главнымъ образомъ, таджики. Многія другія селенія и округа занимаютъ: пашаи, парачи таджики, береки и афганцы. Въ горной части области, къ западу, живутъ хезаре и нукдери. Между хезаре и нукдери (Нукодоре Марко Поло), есть еще племена, говорящія по монгольски".

Исчезновеніе этого слова изъ языка письменнаго, дѣйствительно, поразительно. Благодаря богатству рукописей британскаго музея и обязательности хранителя ихъ Г. Ріе, Ханыковъ пересмотрѣлъ множество старыхъ персидскихъ словарей, но нигдѣ не нашелъ ни малѣйшаго упоминанія о таджикахъ. Они начинаютъ попадаться въ лексиконахъ

со второй половины XVII ст., слѣдовательно, къ той же эпохѣ должно отнести вторичное возвращеніе этого слова письменному языку.

Такимъ образомъ, очевидно, что въ словѣ этомъ было что-то противное арабамъ, и если бы оно просто означало „народъ, говорящій по персидски", то, навѣрное, арабы не выключили бы его, но такъ какъ оно значило „тіарпикъ", т. е. послѣдній внѣшній знакъ исповѣдыванія религіи Зароастра, то не только ревностные мусульмане—завоеватели, но и обусурманившіеся, завоеванные, рады были отказаться отъ него. Затѣмъ, чтобы не смѣшивать ихъ съ тѣми частями пранскаго населенія, которыя, несмотря на притѣсненія, остались вѣрны ученію Зароастра, арабы назвали послѣднихъ кяфырами, т. е. беззаконными, изъ сего впослѣдствіи выработались: гяуръ и гебръ.

Впрочемъ, Вамбери говоритъ, что названіе таджикъ существовало въ Средней Азіи уже въ весьма раннюю эпоху—это всего лучше доказываетъ уйгурскій манускриптъ „Кудатку билигъ" (счастливое знаніе). Этотъ манускриптъ помѣченъ 465 годомъ гиджры и въ немъ слово таджикъ весьма часто упоминается въ противоположность слову турокъ *).

Такимъ образомъ, кажется несомнѣннымъ, что слово таджикъ, означавшее, съ глубокой древности и до покоренія Персіи арабами, приверженцевъ ученія Зароастра, вышло изъ употребленія, вслѣдствіе причинъ религіозныхъ, и вновь появилось въ письменномъ языкѣ уже послѣ того, какъ монголы, потоками крови, разбавили нѣсколько семитическій фанатизмъ, привитый арабами иранцамъ, въ такую эпоху, когда исламизмъ уже довольно окрѣпъ, чтобы не бояться старыхъ воспоминаній,—и появилось, дѣйствительно, въ смыслѣ термина этнографическаго „персоязычниковъ". Теперь таджиковъ не мусульманъ нѣтъ; но замѣчательно, что между ними болѣе, чѣмъ между другими иранцами, сохранилось много повѣрій, носящихъ печать того первобытнаго уваженія огня, которое должны были ощущать первые люди, понявшіе возможность примѣнить эту природную силу къ надобностямъ человѣка, такъ рѣзко отличающую теперь людской родъ отъ всего царства животныхъ.

Въ настоящее время таджики равнинъ, какъ истые горожане здѣшняго края, зовутъ себя именами обитаемыхъ ими городовъ: ташканди, ходжанди, самарканди и т. д.; напротивъ, таджики—горъ извѣстны въ долинахъ, по большей части, подъ однимъ названіемъ „гальча", хотя въ предѣлахъ территоріи своей, т. е. въ горахъ, тоже носятъ имена обитаемыхъ ими рѣкъ, напр., матча, или общимъ, какъ, напр., кара-тегинъ, или, наконецъ, ущелій и деревень.

Гальча въ переводѣ значитъ провозитель хлѣба (галля-хлѣбъ и пчт.—родъ занятій или мастерство). Названіе это даетъ понятіе о горныхъ таджикахъ въ томъ смыслѣ, что они, вслѣдствіе недостатка въ мѣстныхъ земледѣльческихъ продуктахъ, живутъ и могутъ существовать чужимъ хлѣбомъ, привозимымъ ими изъ ближайшихъ городовъ.

*) А. Вамбери. Очерки Средней Азіи. стр. 321

Поэтому таджики равнинъ объясняютъ слово „гальча“ въ смыслѣ „бѣдняки, жалкіе“.

7. О происхожденіи таджиковъ.

Древнѣйшими источниками свѣдѣній о Туркестанѣ служатъ индійскія и иранскія религіозно-этическія преданія. На нихъ основывается, между прочимъ, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестанъ съ юго-востока, была колыбелью арійскаго племени, которое разошлось отсюда въ разныя стороны.

Одна изъ вѣтвей арійцевъ, состоявшая изъ послѣдователей Зороастра, заняла Сагдіану (страну между рѣками Аму и Сыръ), Маргіану (Мервъ), Бактріану (Афганскій Туркестанъ), Аріану (Иранъ) и все Иранское плоскогоріе, весь Иранъ, а также и Хоразмъ (Хиву).

Арійцы, сохранившіеся въ Туркестанскомъ краѣ до настоящаго времени подъ именемъ таджиковъ, составляютъ коренное осѣдлое населеніе бассейновъ Аму и Сыръ-Дарьи, также какъ и Тарима въ Восточномъ Туркестанѣ.

Кочевое населеніе края, извѣстное въ древности подъ именемъ скиѳовъ, массагетовъ, саковъ и проч., было, по свидѣтельству греческихъ писателей, родственно осѣдлому, и, слѣдовательно, также арійскаго происхожденія.

Цивилизація арійцевъ въ Западномъ Туркестанѣ одна изъ самыхъ древнѣйшихъ. Древніе историки, описывая походъ царя ассирійскаго Нина въ Бактрію за 1200 лѣтъ до Р. Х., свидѣтельствуютъ о крайне ранней людности, политическомъ развитіи и цвѣтущемъ состояніи этой страны, и хотя, по возстановленіи Ассирійской монархіи, на основаніи клинописной литературы, личности Нина и Семирамиды оказываются легендарными, но сущность представленія о Бактріи, какъ о могущественномъ государствѣ въ древнія времена, сохраняетъ свое значеніе.

Древній Хоросанъ, простиравшійся до Китайской Татаріи, былъ основанъ и заселенъ арійскими колоніями, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ топографическая номенклатура.

Въ древности въ Хоразмѣ процвѣтала также высокая культура и, насколько вглубь вѣковъ хватаютъ наши свѣдѣнія, государство это имѣло вполнѣ развившуюся гражданственность. Что древнее населеніе Хивинскаго ханства принадлежало къ арійской семьѣ, въ этомъ согласны всѣ новѣйшіе изслѣдователи древней исторіи Хивы. Не особенно давно *) обнародованы были извлеченія изъ сочиненія знаменитаго математика и астронома Эль—Бируни (жившаго въ концѣ X и началѣ XI в.) „Асаръ-Эль-Бакійэ“, сочиненія, извѣстнаго до того лишь по названію. Въ немъ Эль-Бируни говоритъ, что солнечный календарь Хорезмскій есть лучшій изъ всѣхъ ему извѣстныхъ, что онъ вѣрнѣе

*) П. Веселовскій. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго СПБ. 1877 г. стр II и III.

греческаго и арабскаго; а ему, какъ знатоку своего дѣла, мы не вѣрить не можемъ. Тутъ-же находимъ названія 12 мѣсяцевъ, 30 дней каждаго мѣсяца, знаковъ зодіака и т. д.

Вся та номенклатура служитъ образчикомъ того языка, которымъ говорили въ Хорезмѣ; всѣ эти названія большею частью зендскія и притомъ въ формѣ, болѣе чистой той, какая сохранилась въ Персіи. На основаніи приведенныхъ нѣсколькихъ словъ древняго языка Хорезма, видно, что языкъ этотъ близко подходилъ къ зендскому, древнепарсскому и пеглевійскому, значитъ, древнее населеніе Хорезма принадлежало къ парсскому отдѣлу арійской семьи народовъ.

Начало развитія гражданственности въ Хивинскомъ оазисѣ теряется въ глубокой древности. Эль-Бируни, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, сообщаетъ, что эра, отъ которой велось здѣсь лѣтосчисленіе древнѣе селевкидской 989-ю годами; начиналась она, слѣдовательно, за 1292 года до Р. Х. (Селевкидская эра) началась съ 1-го октября 312 г. до Р. Х., со дня вступленія Селевка въ Вавилонъ.

Если мы при настоящихъ свѣдѣніяхъ и не можемъ рѣшить, насколько указаніе это заслуживаетъ вѣроятія, тѣмъ не менѣе имѣемъ полное право заключить, что культура древней Хивы была и родственна и одновременна съ культурою Бактріи; въ крайнемъ-же случаѣ развилась изъ древне-бактрійской.

Историческія свѣдѣнія намъ показываютъ, что уже въ глубокой древности осѣдлые жители этихъ мѣстъ подвергались нашествію сосѣднихъ народовъ, но удержались на своихъ мѣстахъ и сохранили свой родовой типъ. Можетъ быть, этому способствовало то, что нападавшіе кочевые народы были родственны осѣдлому населенію.

Ближайшіе къ государствамъ Средней-Азіи кочевники, тѣснимые болѣе отдаленными кочевыми народами, вторгались обыкновенно въ земли осѣдлаго населенія. Напоры ихъ были сильны и заставляли осѣдлыхъ подчиняться вторгшимся кочевникамъ.

Раньше вдругъ вторгся*), по китайскимъ источникамъ, въ осѣдлую область народъ сэ или сай, признанный всѣми изслѣдователями объ этомъ народѣ тождественнымъ съ саками греческихъ писателей. Саки разрушили Греко-Бактрійское царство и заняли страну народа Дахя, т. е. Согдіану и Бактріану,

Причина этого вторженія была та, что саки, жившіе въ Джунгаріи, сами подвергались напору другого кочевого народа—юечжей и ихъ усуней, которые, въ свою очередь, были тѣснимы хуннами, жившими отъ Гоби и Хуанъ-хе до Илійскаго края и области внутренне-азіатскихъ озеръ, и это напираніе дальнихъ кочевниковъ вызвало движеніе въ переднихъ. Вслѣдъ за саками обрушились на Междурѣчье юечжи. Вотъ какъ описываетъ это событіе Чжанъ-Цянъ (китайскій посолъ „въ Западный край“ въ концѣ II в. до Р. Х.): „Домъ Юечжи занималъ страну между Дунь-Хуанъ и хребтомъ Цилянь-Шань (нынѣш-

*) И. Веселовскій е. с. стр. 2 слѣд.

ній Тангуть); когда-же хунны поразили его, то удалился оттуда, ударилъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе, вслѣдствіе чего и утвердилъ свое мѣстопребываніе на сѣверной сторонѣ рѣки Гуй-Шуй (т. е. Аму-Дарьи)". Описывая землю, занятую юечжійцами, Чжанъ-Цянъ говоритъ, что она лежитъ „почти въ 3000 м. отъ Давана (Ферганы) на западъ, отъ рѣки Гуй-Шуй на сѣверъ. Отъ него на югъ лежитъ Дахя (Бактріана и Согдіана), на западъ Аньси (Парѳія), на сѣверъ Кангюй (нынѣшнія киргизскія степи"). Отсюда ясно, что юечжи поселились по правому побережью Аму-Дарьи въ Хорезмѣ. Эти юечьжи, по удаленію изъ предѣловъ Китая на западъ, стали называться у китайскихъ писателей Да-Юечжи, или по другому правописанію (можетъ быть, болѣе правильному) Да-Юэти, т. е. великіе (большіе)—Юейчжи или великіе-Юети.

— Что-же это за народъ Да-Юейти? спрашиваетъ П. Веселовскій. —Ни у греческихъ писателей, ни у римскихъ, продолжаетъ онъ, такого названія мы не встрѣчаемъ, между тѣмъ народъ этотъ не могъ имъ быть неизвѣстенъ. Дѣйствительно, греческіе и римскіе писатели знали юетійцевъ, но знали подъ другимъ именемъ. Ключомъ къ разъясненію этого предположенія служитъ китайское прилагательное да „великій", которому въ парсскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ прилагательное мазъ, масъ. Этимъ словомъ и начинается у древнихъ писателей имя кочевого народа массагетовъ, „Великихъ Гетовъ". Слѣдовательно, греки и римляне знали названіе юечжійцевъ (юетійцевъ), но только въ переводѣ.

Далѣе, китайскія извѣстія подтверждаютъ предположеніе о принадлежности населенія западной половины Средней-Азіи къ арійской семьѣ. „Отъ Давана на западъ до Аньси—передаютъ они--хотя говорятъ различными языками, но въ обыкновеніяхъ весьма сходствуютъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга. Жители вообще имѣютъ впалые глаза и густыя бороды". Этотъ послѣдній признакъ чрезвычайно важный; безбородымъ, съ глазами на выкатѣ, китайцамъ, конечно, наружность населенія бассейна Сыра Аму должна была показаться странною и они отмѣтили ее, какъ явленіе, выходящее изъ ряда вонъ. Для насъ-же эти характеристическія черты наружности населенія „Западнаго Края" служатъ неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что населеніе это принадлежало къ арійской семьѣ народовъ.

Юетійцы, осѣвъ въ сѣверной части Хорезма, по прежнему оставались кочевымъ народомъ: „жители со своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто".

Въ V в. по Р. Х. является у византійскихъ писателей народъ, называемый то хуннами-эфталитами, то хуннами-кидаритами или Бѣлыми хуннами. Вивьенъ Сенъ Мартенъ посвятилъ этому народу обширное изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ, что эфталиты суть прямые потомки юетійцевъ, завоевателей Трансоксіаны, и той именно отрасли ихъ, которая у китайскихъ писателей носитъ названіе „Ѣда".

По китайскимъ извѣстіямъ узнаемъ о нихъ слѣдующее. Владѣтельный домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода съ Большимъ Юечжи; (другіе сказываютъ, что Ѣда есть отрасль Гаогюйскаго племени). Городовъ не имѣютъ, а живутъ въ мѣстахъ, привольныхъ травою и водою, въ войлочныхъ кибиткахъ. Въ томъ владѣніи нѣтъ телѣгъ, а употребляютъ носилки; много лошадей и верблюдовъ. Народъ жестокій и смѣлый, способный къ сраженіямъ.

Подробности объ этихъ Ѣдасцахъ (эфталистахъ), сообщаемыя византійскими писателями, значительно разнятся отъ сообщаемыхъ китайскими. Главная разница состоитъ въ томъ, что Ѣда, по китайскимъ источникамъ,—владѣніе кочевое, хотя владѣтель ихъ и живетъ въ городѣ; по греческимъ—эфталиты -народъ осѣдлый. Можетъ, конечно, быть и то, что Ѣда, вначалѣ, несомнѣнно, кочевой народъ, поселившись въ Хорезмѣ, странѣ исконно осѣдой, не вдругъ перешелъ къ осѣдлости и продолжалъ кочевать въ окружающихъ Хорезмъ степяхъ и даже въ самомъ Хорезмѣ; но когда византійцы узнали объ эфталитахъ, они не были уже кочевниками, а византійцы ошибаться въ этомъ случаѣ не могли.

Китайцы-же по старой памяти продолжали считать ихъ народомъ кочующимъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ Прокопій: „Хотя эфталиты — народъ хуннскаго племени, но они не смѣшаны съ извѣстными намъ хуннами, но живутъ вмѣстѣ съ ними и не имѣютъ смежной съ ними области; они сосѣдятъ съ персами на сѣверѣ тамъ, гдѣ народъ, называемый Горго у самой персидской окраины, гдѣ между ними и персами часто происходитъ война за границы. Они не кочевники, подобно хуннскимъ племенамъ, но издревле населяютъ плодоносную страну, и никогда не нападали на римскія земли иначе, какъ вмѣстѣ съ войскомъ мидійскимъ. Изо всѣхъ хунновъ они однѣ бѣлы тѣломъ и небезобразны лицомъ. Состоятъ подъ управленіемъ одного царя, составляютъ благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и съ другими справедливость не хуже римлянъ или кого другого.

Эти эфталиты или „Бѣлые хунны“ извѣстны у мусульманскихъ историковъ Персіи (Мирхондъ) подъ именемъ Гаятеля, у армянскихъ писателей—теталы и т. д.

Отъ армянскихъ писателей мы узнаемъ, что бактрійскіе арсакиды, постоянно тревожившіе сѣверо-восточные предѣлы Персіи, были въ концѣ IV в. по Р. Х. покорены теталами; что эти теталы, въ свою очередь, начали производить опустошительные набѣги на Персію, чѣмъ отвлекали силы персидскихъ сассанидовъ въ ихъ борьбѣ съ римлянами. Изъ этого же источника можно видѣть, что и эфталиты признавали иногда власть сассанидовъ и должны были исполнять требованія этихъ послѣднихъ.

Эфталиты принимали дѣятельное участіе въ переворотахъ Персіи, а иногда и заставляли Персію платить дань. Такъ, Фируза Палашъ (488—491) два года платилъ дань эфталитамъ. Братъ Палаша, Кобадъ, овладѣлъ престоломъ при помощи 30-ти тысячнаго эфталистскаго вой-

ска. Сынъ Кобада, Нуширвалъ, покончивъ дѣла съ греками миромъ, обратилъ свое оружіе на Туркестанъ, Кабулистанъ и Саганіянъ; покорилъ землю эфталитовъ. Но не долго персы господствовали надъ эфталитами.

Въ VI ст. эфталиты были покорены новымъ средне-азіатскимъ народомъ—турками, по китайской транскрипціи—ту-кюэ.

Но вернемся назадъ. Послѣ выхода юечжи, усуни остались на Или и достигли тамъ большой силы и могущества *). Князь ихъ назывался Кюнъ-ми или Кюнъ-мо, а резиденція его, по китайскимъ источникамъ, Чи-гу-чинъ, т. е. городъ красной долины.

Она лежала къ Вотъ Янъ-Хая или Же-Хая, т. е. озера Иссыкъ-Куля. Китайскіе лѣтописцы полагаютъ тогдашнее число іеуней въ 120,000 семействъ и 630,000 человѣкъ, а войско ихъ, состоявшее подъ начальствомъ двухъ полководцевъ, называемыхъ Талу и Дару, въ 180,000. Здѣсь на Или, Балхашѣ и Иссыкъ-Кулѣ усуни занимали страну, принадлежавшую прежде народу сай и сэ. Страна ихъ, еще очень далеко распространявшаяся къ З. (до Ханъ-Кэу), какъ говорятъ китайцы, была пространная долина, изобиловавшая отличными пастбищами и стадами, составлявшими главное богатство іеуней. Она была однако-же холодна и дождлива, а горы ея поросли пихтовымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Народъ жилъ подобно хуннамъ (т. е. кочевою жизнью). Главное занятіе его было коневодство; богатые имѣли до 4 и 5000 лошадей. Китайцы называютъ іеуней грубыми, невѣжественными, вѣроломными и хищниками. Болѣе могущественные хунны часто нападали на нихъ, причемъ даже погибъ одинъ іеуньскій князь. Преданіе гласитъ, что сынъ этого князя былъ чудесно вскормленъ волчицею и что какая то птица снабжала его пищею. Шаньюй хунновъ, свѣдавшій о чудѣ, призналъ этого ребенка божественнымъ, воспиталъ его, возвратилъ ему царство отца его, съ титуломъ Кюнъ-ми, и сдѣлалъ его правителемъ своихъ западныхъ областей.

Это обстоятельство усилило могущество Іеуней, хотя хунны сохранили надъ ними верховное владычество. Китайцы искали ихъ союза. Для упроченія этого союза одна китайская принцесса была отдана въ замужество Усуньскому Кюнь-ми, какъ Кюнь-ди (т. е. королева), въ 107 г. до Р. Х.; тогда былъ выстроенъ первый китайскій дворецъ для несчастной принцессы, которой жалобныя пѣсни сохранилъ китайскій лѣтописецъ Мадуаньлинь. Приводимъ ихъ, какъ содержащія бытовыя черты: „Родные выдали меня замужъ и принудили жить въ далекой странѣ. Дворцомъ служитъ мнѣ бѣдная юрта, стѣны которой обиты войлокомъ; сырое мясо служитъ мнѣ пищею, а кислое молоко напиткомъ“. Могущество іеуней возросло; нѣсколько разъ нападали они, вмѣстѣ съ китайцами, на своихъ побѣдителей и не мало содѣйствовали ихъ ослабленію на западѣ. Но въ царствованіе внука упомянутой принцессы, именемъ У-цзы-ты (Уцзюту), произошло раздѣленіе іеуней на

*) П. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи. Китайская имперія, независимая татарія, Персія и Сибирь. СПб. 1859 г. стр. 128 и слѣд.

большой и малый Кюнъ-ми, вслѣдствіе чего и могущество ихъ ослабѣло. Малые Кюнь-ми удалились въ горы на сѣверъ въ нынѣшній Заилійскій илп, по крайней мѣрѣ, Цзунгарскій Алатау и, такимъ образомъ, покинули столицу Чи-гу-чинъ, которая находилась на южномъ берегу Иссыкъ-куля, на нынѣшней Кизылъ-су (красная рѣка), послѣ чего часть ихъ была оттѣснена безпрестанными нападеніями усиливавшихся на востокѣ сяньби, сѣверныхъ родовъ хунновъ, принявшихъ уже это народное названіе, такъ какъ сами находились въ подчиненіи у тунгузскаго или даже корейскаго, какъ полагаютъ нѣкоторые, племени сяньби. Сяньби вытѣснили часть усуней изъ кочевій и заставили ихъ удалиться на западъ, по слѣдамъ юэчжи, гдѣ они и заняли вмѣстѣ съ юэчжи мало по малу, къ половинѣ I вѣка до Р. Х., всѣ земли Бактрійскаго царства, даже за Гиндукушемъ. Около 555 г. усуньскія земли и ихъ населеніе были покорены Ту-кюэ (турками) и византійскій посолъ Зимархъ нашелъ въ 568 г. не только Западный Тянь Шань, но и Трансоксіану во власти турокъ.

Эти усуни (Хэу-сунь на древнемъ и Усунь на новѣйшемъ китайскомъ нарѣчіи), по свидѣтельству Аб. Ремюза, пріобрѣтаютъ высокій интересъ для этнографіи Азіи тѣмъ, что они принадлежатъ къ ряду народовъ центральной Азіи, очень различныхъ, судя по китайскимъ описаніямъ, отъ остальныхъ, къ расѣ голубо-глазыхъ и русоволосыхъ блондиновъ.

Юэчжи и усуни, а также турки были первыми народами въ историческія времена, явившимися въ наши земли съ Востока и вносившими черты измѣненія въ расовомъ типѣ коренныхъ жителей этихъ странъ.

Въ VII в. по Р. Х. завоевателями явились арабы.

Владычество арабовъ въ Средней Азіи не было ни прочно, ни продолжительно. Халифы не имѣли настолько силы, чтобы распоряжаться судьбою завоеванныхъ тамъ провинцій по своему произволу. Правители въ нихъ, ими поставленные, держали себя такъ самостоятельно, что стали передавать власть свою наслѣдственно дѣтямъ. Халифамъ оставалось только одно право инвеституры съ тѣмъ, впрочемъ, что своего выбора сдѣлать они не могли. Еще менѣе, слѣдовательно, было у нихъ возможности смѣнить не нравившихся имъ правителей.

Такимъ образомъ, скоро стали возникать въ Средней Азіи независимыя династіи, признававшія халифа не болѣе, какъ главу религіи. И вотъ началось отложеніе провинцій. Ранѣе другихъ отложились тагериды въ Хоросанѣ (въ самомъ началѣ III в. гиждры), за ними—соффариды въ Седжестанѣ (въ половинѣ III в.), саманиды—въ Мавераннагрѣ (въ концѣ III в.) и т. д. Всѣ они покровительствовали персидскому языку и персидской литературѣ, которая обязана имъ своимъ возрожденіемъ.

Но независимыми династіи оставались не долго. Уже къ эпохѣ саманидовъ относится возвышеніе вліянія турокъ во внутреннемъ управленіи. Прп Мутасимѣ турецкая гвардія сдѣлалась одной изъ опоръ престола. Нѣкоторые военноначальники изъ турокъ пользовались боль-

шимъ вліяніемъ. Нѣкоторые орды огузовъ (туркменъ), съ согласія правительства, заняли часть земель въ Мавераннагрѣ. Наконецъ, при карлыкскомъ илекѣ Насрѣ въ 999 году навсегда былъ положенъ конецъ господству туземнаго арійскаго элемента.

Владѣніе Мавераннагромъ караханидами не было благопріятно. Государственное устройство было передѣлано, земледѣліе и промышленность начали приходить въ упадокъ. Междуусобныя войны передъ монгольскимъ нашествіемъ повели къ запустѣнію деревень и паденію цѣнностей на землю.

Этнографическій составъ населенія Мавераннагра передъ нашествіемъ монголовъ уже значительно измѣнился. Въ городахъ турки дали уже значительный классъ горожанъ. Объ этнографическомъ разнообразіи можно судить только, приблизительно, по составу арміи. Защитѣ Самарканда, главнаго города Мавераннагра, Хорезмшахъ придавалъ особенное значеніе; естественно, что здѣсь было сосредоточено больше войска, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. По Джувейни—въ Самаркандѣ было до 110,000 войска изъ нихъ 60,000 тюрковъ и 50,000 таджик. По Несеви — войска было только 40,000, Ибн-ал-Асиру—50,000, по Джузджани—60,000, со включеніемъ тюрковъ, таджиковъ, гурцевъ, халаджей и карлуковъ. Арабъ Эдризи, въ числѣ кочевниковъ, окружавшихъ Фергану, называетъ также кипчиковъ (Хифтчакъ) и булгаровъ. Такимъ образомъ, нужно думать, что коренное населеніе Мавераннагра передъ нашествіемъ монголовъ уже успѣло значительно отуречиться.

Нашествіе монголовъ рѣзко отразилось на Мавераннагрѣ какъ въ смыслѣ ухудшенія экономическаго благосостоянія населенія, такъ и состава этнографическаго коренного населенія.

Во время нашествія монголовъ были разрушены города, погибли ремесла, а вмѣстѣ съ городами погибла и масса коренныхъ жителей Мавераннагра.

Ближайшими сосѣдями во время монгольскаго владѣнія съ сѣвера были канглы (теперь родъ большой орды), западный же Тянь-Шань занимали киргызы и кара-киргызы.

Въ 1503 году тимуриды были изгнаны и ихъ замѣнили узбеки, прочно осѣвшіе на мѣстахъ, занятыхъ коренными жителями—таджиками. Съ теченіемъ времени часть узбековъ стала постепенно переходить отъ кочевого и полукочевого образа жизни. Устраиваясь въ совершенно новой для нихъ обстановкѣ осѣдлаго земледѣльца и садовода, узбеки весьма естественно должны были обратиться къ чему либо уже существующему, готовому. Они такъ и сдѣлали. Они всецѣло восприняли выработанный, если не тысячелѣтіями, то, по крайней мѣрѣ, вѣками, культъ аборигена таджика; они позаимствовали отъ таджика не только способы и другія обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разнаго рода производства, вмѣстѣ съ орудіями и способами этихъ производствъ.

Такимъ образомъ, усваивая все это въ совершенно уже готовомъ видѣ, узбекъ явился въ данномъ случаѣ послушнымъ ученикомъ покореннаго имъ таджика.

Непосредственное сосѣдство узбека, принявшаго осѣдлый образъ жизни, должно было сильно сказаться на этнографическомъ типѣ аборигена—таджика. Дѣйствительно, такимъ въ настоящее время и представляется таджикъ, особено долинный.

Языкъ таджиковъ. Таджики говорятъ на персидскомъ языкѣ. Они принадлежатъ къ вѣтви иранцевъ, захватывающей народы, к-рые когда-то говорили по зендски, на языкъ Авесты или древне-персидской святой книги, равно какъ на языкъ клинообразныхъ надписей перваго разряда персидскихъ великихъ царей, или же состояли въ ближайшемъ родствѣ съ ними. Изъ зенда выработался, смѣшавшись съ элементами семитическими, пелеви, а изъ послѣдняго ново-персидскій *). Къ этой зендской группѣ примыкаютъ кардуши древнихъ, курды, современныхъ географовъ, расположенные въ окрайныхъ горахъ Ирана по направленію къ Месопотаміи и на высотахъ Арменіи; иранцы или осетины Кавказа, белуджи—въ Белуджистанѣ и, наконецъ, афганцы въ Афганистанѣ, называющіе себя пуштане, а языкъ свой —пашто. Всѣ таджики говорятъ различными персидскими нарѣчіями, начиная съ бухарскаго таджика, хвастающагося живостью и чистотою своего персидскаго нарѣчія и кончая сарикольцами и ваханцами, усвоившими себѣ непонятный образъ выраженій. Жители Ходжента, деревень Велекендазъ и Кисакузъ (близъ Ходжента) имѣютъ языкъ и по выговору и по грамматическимъ формамъ чище языка всѣхъ другихъ таджиковъ **). Это особенно замѣтно въ Ходжентѣ, гдѣ говорятъ языкомъ, въ которомъ сохранилось много формъ вродѣ тѣхъ, какія употреблялъ древній персидскій поэтъ Рудеки, родомъ бухарецъ.

Жители долинъ называютъ своихъ собратій, горныхъ таджиковъ —гальча, хотя сами горцы, именуютъ себя просто таджиками или по имени тѣхъ мѣстностей, которыя населяютъ. Кромѣ мѣстнаго нарѣчія, на которомъ горные жители объясняются почти исключительно только между собою, когда не желаютъ, чтобы ихъ понимали посторонніе люди, они говорятъ преимущество на персидскомъ языкѣ. Говоръ ихъ мягкій, звучный, мелодичный, особенно у жителей кишлаковъ, расположенныхъ на Пянджѣ и въ нижнихъ частяхъ долинъ Шахъ-Дарьи и Гунта, гдѣ почти совершенно не слышны киргизскія слова, довольно часто употребляемыя въ разговорахъ жителями верхнихъ частей названныхъ рѣкъ, сосѣднихъ съ Памиромъ. Горные таджики говорятъ немного нараспѣвъ, сопровождая свою рѣчь жестами и придавая ей нѣсколько странную, для европейскаго уха, интонацію***).

---

*) Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе Петерб. 1890 г. стр. 532 и 533.

**) Вамбери. пут. по Средней Азіи СПБ. 1865 г. стр. 189.

***) Серебренниковъ, Памиръ. Ежегодникъ Ферг. обл. т. I вып. 1902 г. стр. 153.

Къ гальча относятъ сарыкольцевъ, ваханцевъ и мугнанцевъ, народъ Мунджана, верхней части долины Лудхо и вудитсаевъ (народъ Санглиха и Ишкашима). Народы Гиссара, Дарваза и Каратегина, къ сѣверу отъ Оксуса и Бадахшана, въ близкомъ родствѣ съ этою группою, хотя они въ настоящее время говорятъ по персидски или тюрски и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получили значительную примѣсь узбекской крови *). Процессъ исчезновенія языка, вѣроятно, происходитъ такимъ образомъ, что племя сначала говоритъ на двухъ языкахъ, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ въ Сарыконѣ, Шугналѣ и Ваханѣ, гдѣ почти всякій, кромѣ своего языка, говоритъ по персидски, и въ долинахъ Сватъ Кунеръ и Пенджкора, гдѣ многія дардскія племена (общимъ именемъ Дардистана называютъ всѣ долины, лежащія между Западнымъ Пенджабомъ и Гинду Кушемъ), кромѣ своихъ нарѣчій, говорятъ на пушту. Съ теченіемъ времени сношенія съ сосѣдями побуждаютъ отдавать предпочтеніе наиболѣе распространенному изъ двухъ языковъ, который въ концѣ и вытѣсняетъ вполнѣ туземный. Этотъ процессъ ускоряется при отсутствіи письменности.

Языки, на которыхъ говорятъ племена гальча, повидимому, происходятъ отъ древне-персидскаго (зендскаго). Языкъ идгахъ, на которомъ говорятъ въ долинѣ Лидхо, есть только нарѣчіе мунджанскаго; по строенію онъ сходенъ съ языками гальча, грамматика которыхъ опубликована Шау. Подобно имъ, идгахъ отличается отъ другихъ дардскихъ языковъ частымъ употребленіемъ буквы *в* и тѣмъ, что въ немъ имѣется лишь одно время для выраженія настоящаго и будущаго.

Южнѣе ихъ по Инду, въ долинахъ Сватъ и Пенджкора и долины Кунеръ, говорятъ языкомъ болѣе близкимъ санскритскому.

Ховарскій языкъ (или читральскій) имѣетъ сходство съ языками только что упомянутыми и, вѣроятно, составляетъ промежуточное между ними звено.

Вообще признано, что Бадахшанъ и верхняя часть долины Оксуса были однимъ изъ первыхъ мѣстъ пребыванія арійской расы. Ихъ движеніе къ югу, вѣроятно, было постепенное и вначалѣ происходило болѣе, вслѣдствіе естественнаго роста, нежели отъ жажды завоеваній. По мѣрѣ занятій ими мѣстностей болѣе плодородныхъ и съ лучшимъ климатомъ, число ихъ должно было увеличиваться еще быстрѣе. Военныя предпріятія болѣе значительныя сдѣлались возможными и движеніе впередъ пошло скорѣе. Гальча, вѣроятно, потомки тѣхъ, которые остались на своихъ мѣстахъ, и въ позднѣйшее время, были постепенно втиснуты въ узкія долины, гдѣ они нынѣ находятся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, двигаясь въ долину Лудхо, они перешли большой хребетъ и осѣли на южной сторонѣ его въ сравнительно недавнее время.

Жители селеній, расположенныхъ по Ягобъ-Дарьѣ, кромѣ тад-

*) Маіоръ Биддельеръ. Народы, населяющіе Гинду-Куша. Перев. Асхабадъ 1886 г. стр. 21 и слѣд.

жикскаго языка, говорятъ еще на особомъ мѣстномъ нарѣчіи, совершенно непонятномъ для жителей долинъ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, а также и для всѣхъ горцевъ, обитающихъ въ верховьяхъ р. Зеравшана*). Сами ягнаубцы увѣряютъ, что языкъ ихъ—не письменный; книгъ, сказокъ, пословицъ и пѣсенъ на немъ не имѣется; не знаютъ они, когда и по какой причинѣ переселились сюда, но сохранилось смутное преданіе, что родина ихъ—Кашмиръ. Не сіягпуши. т. е. не кафиры ли они? (Ш. Акимбетевъ). Никто изъ племенъ, населяющихъ горы Зеравшана, не объясняется на этомъ нарѣчіи. Изъ ближайшаго изученія замѣчено, что языкъ ягнаубскій вымираетъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою самостоятельную физіологію. Окружающая его со всѣхъ сторонъ таджикская рѣчь горныхъ жителей вытѣсняетъ его. Къ этому выводу приводятъ слѣдующія данныя: въ разговорѣ у ягнаубцевъ часто встрѣчаются таджикскія слова, тогда какъ для тѣхъ же понятій они имѣютъ въ родномъ языкѣ свои слова; въ ихъ говорѣ попадаются не только одни таджикскія слова съ окончаніемъ ягнаубскимъ и наоборотъ—ягнаубскія слова съ окончаніями таджикской грамматики, но и цѣлыя таджикскія фразы съ присущими имъ грамматическими формами.

Говоръ у ягнаубцевъ отличается большою бѣглостью и неясностью выговора. Большинство окончаній словъ въ ихъ рѣчи сливается въ одно съ послѣдующимъ словомъ. Произношеніе самыхъ таджикскихъ словъ у ягнаубцевъ при разговорѣ является въ сильно искаженномъ видѣ.

Собранные образцы ягнаубской рѣчи г. Искандеромъ-тюря признаны спеціалистами принадлежащими къ иранскимъ нарѣчіямъ; въ ней сохранилось много чертъ древняго иранскаго языка, которыя въ другихъ современныхъ нарѣчіяхъ Туркестанскаго края являются лишь разрозненными.

Въ настоящее время на языкѣ этомъ объясняются обитатели слѣдующихъ ягнаубскихъ кишлаковъ: Дикалянъ 25 дворовъ, Киріонти 35, Кляси 38, Дибалянджъ 12, Гарамайнъ 18, Сакинъ 12, Искань 25, Ккунъ 30, Птинъ 20, Тагичинаръ 10, Каши 7, Пальдарауть 10, Чукатъ 3, Хсакидарау 12, Думзай 15, Шахсара 3, Вагинзай 5 и Мартугмайнъ 4, а всего 284 двора. Считая по 5 человѣкъ на дворъ, получится говорящихъ на этомъ языкѣ 1420 человѣкъ. Есть и въ остальныхъ 8 кишлакахъ нѣсколько человѣкъ, понимающихъ ягнаубскій языкъ, но такихъ мало.

8. Численность таджиковъ.

Точную цифру таджикскаго населенія въ настоящее время невозможно опредѣлить. Матеріалы, собранные всеобщей переписью 1897 г.,

---

*) Искандеръ-тюря Свѣдѣнія объ Ягнаубскомъ народѣ. Турк. вѣд. 1881 г. № 4. Реклю т. VI стр. 346. Ш. Акимбетевъ. Очерки Когистана. Турк вѣд. 1881 г. № 3.

до настоящаго времени не разработаны. Это лишаетъ насъ возможности судить о числѣ таджиковъ въ русскихъ владѣніяхъ. Еще больше трудно судить о числѣ таджиковъ въ сопредѣльныхъ съ Туркестанскимъ краемъ странахъ. Поэтому, на приводимыя ниже свѣдѣнія о количественномъ составѣ таджикскаго населенія, нужно смотрѣть лишь какъ на приблизительныя.

По отдѣльнымъ областямъ Туркестанскаго края имѣются слѣдующія данныя:

Въ Самаркандской области, согласно даннымъ всеобщей переписи 1897 года, таджиковъ считается 217000 *).

Въ Ферганской области таджиковъ считается 172200 **).

Въ Сыръ-Дарьинской области таджиковъ считается 130,000***).

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ русскихъ владѣній Средней Азіи таджиковъ считается 519200 человѣкъ.

Въ Бухарѣ съ Гиссарскимъ краемъ считается 240000 таджиковъ****) въ Каратегинѣ[5])—50,000, Дарвазѣ[6])—35,000, Рошанѣ[7])—5000, Шугнанѣ[8])—5448 и Ваханѣ[9])—3000.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ нужно считать въ Бухарѣ и ея владѣніяхъ 358000 таджиковъ.

Въ Афганистанѣ (Балхъ, Хульмъ, Кундузъ, Бадахшанъ и Кафиристанъ) считаютъ до 1 милліона таджикскаго населенія[10]).

Наконецъ, въ Кашгаріи, (считая въ томъ числѣ Шихну, Пахну и Чипанъ) опредѣляется таджикское населеніе въ 13100 чел.[11]).

Общая цифра таджиковъ, такимъ образомъ, опредѣляется въ 1890000 человѣкъ.

Съ наступленіемъ успокоенія въ послѣднее время въ горныхъ владѣніяхъ Бухары и Афганистана, а также уничтоженія невольничества, особенно также въ горныхъ владѣніяхъ, нужно думать, что явились болѣе благопріятныя условія для естественнаго увеличенія таджикскаго населенія. Общее успокоеніе дало возможность увеличенію матеріальнаго благосостоянія населенія; горные таджики безпрепятственно и безъ боязни имѣютъ теперь возможность спускаться съ горъ въ долины и равнины для заработковъ.

Улучшеніе матеріальнаго благостоянія также служитъ причиною естественнаго увеличенія населенія. Все это даетъ право считать таджикское населеніе въ настоящее время достигающимъ до 2 милліоновъ душъ.

---

*) Турк. Вѣд. 1906 г. № 45.

**) Ежегодникъ Ферг. области т. I вып. 1902 г.

***) Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область СПБ 1887 г.

****) Словарь Брокгауза т. стр. 5) Словарь т., 6) Рекогносцировка капитана Кузнецова 1902 г., 7) Словарь , 8) Словарь , 9) Словарь , 10) Словарь 11) Корниловъ. Кашгарія 1903 г. стр. 24.

9. Наружные признаки таджиковъ.

На зарѣ историческихъ свѣдѣній описаніе наружныхъ признаковъ таджиковъ встрѣчаемъ у китайцевъ. Такъ, путешественникъ VII вѣка Сюань-Цзань не очень благосклонно описываетъ красоту лицъ таджиковъ. По его описанію жители Ферганы и Осрушны стойки и мужественны; ихъ языкъ разнится отъ языка другихъ народовъ. Лица у нихъ безобразныя и гнусныя. У жителей Тухоло (Тахиристана) лица обыкновенныя и гнусныя. Н. Аристовъ, у котораго взято это описаніе, добавляетъ: „дѣйствительно, типъ арійской красоты далеко не соотвѣтствуетъ понятіямъ о красотѣ у монголовъ*).

Современные авторы относятся значительно благосклоннѣе къ красотѣ таджиковъ. Съ перваго взгляда легко отличить изящнаго и граціознаго таджика отъ мѣшковатаго, неуклюжаго узбека, говоритъ Реклю**); достаточно сравнить походку того и другого; однако, скелетъ таджика остается болѣе массивнымъ, чѣмъ скелетъ персіянина въ собственномъ смыслѣ; на сѣверѣ отъ горнаго узла Гинду-Кушъ рѣдко встрѣтишь тѣ тонкія и стройныя таліи, которыя такъ обыкновенны на Иранскомъ плоскогоріи. Что касается типа лица, то онъ тотъ же самый. Характеристическіе признаки таджиковъ—длинная голова съ высокимъ лбомъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій носъ, прямой у большинства, горбатый у нѣкоторыхъ; цвѣтъ лица румяный, волосы темно-русые, густые, борода обильно обросшая. Таджики верхней долины Аму-Дарьи поразительно похожи на жителей Кашмира. Топинаръ***) описываетъ таджиковъ, какъ имѣющихъ средній ростъ, продолговатое и овальное лицо, черты правильныя; лобъ у нихъ высокій и широкій, глаза большіе, брови черные, носъ выдающійся и прямой, или загнутый, ротъ большой съ тонкими губами, цвѣтъ лица бѣлый и румяный, волосы обильные на всемъ тѣлѣ, борода и усы черные, длинные и красиво растущіе; волосы на головѣ также черные и гладкіе. Всѣ ученые, исключая Шардена и Тавернье, признаютъ таджиковъ очень красивымъ типомъ. Повидимому, ихъ слѣдуетъ отнести къ числу длинноголовыхъ. Н. В. Ханыковъ ****) считаетъ таджиковъ самыми достовѣрными образчиками древней иранской расы. Н. В. Ханыковъ, сличая черепа таджиковъ съ черепами другихъ представителей иранской народности, старался прійти къ какому либо положительному заключенію о формѣ ихъ головы. Выводъ, къ которому привели его собственныя измѣренія, такъ и труды другихъ по этой части, формулировалъ такъ: типическій иранскій черепъ представляетъ костяную окружность значительной емкости. Она въ 2½ раза длиннѣе противу ея ширины. Высота ея менѣе значительна, чѣмъ у семитовъ, но превосходитъ

*) Н. Аристовъ. „Турк. Вѣд.“ 1889 № 40.
**) Реклю т. VI стр 345.
***) Топинаръ. Антропологія СПБ. 1879 г. стр. 446.
****) Н. В. Ханыковъ. Прим. VI къ Ирану К. Риттера СПБ. 1874 г. стр. 590.

высоту туранскаго черепа. Лобная кость мало развита, полукруглыя линіи висковъ довольно далеко отстоятъ другъ отъ друга. Черепъ этотъ плосковершиненъ; затылокъ его также мало изогнутъ. А. Вамбери не считаетъ выводы Ханыкова правильными. По Вамбери таджики обыкновенно средняго роста, съ широкими, крѣпкими костями и особенно широкими плечами. Лица ихъ, котораго иранскій типъ съ перваго взгляда бросается въ глаза, продолговатѣе, чѣмъ у турокъ, но по широкому лбу, толстымъ скуламъ, толстому носу и большому рту можно заключить, что это самая восточная отрасль иранскаго семейства имѣетъ какъ въ физіономіи, такъ и въ строеніи тѣла, много чуждаго, т. е. туранскаго, и потому ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться первоначальнымъ типомъ иранской расы, какъ думаетъ г. Ханыковъ. Только одни горные жители Бадахшана, именно ваханды въ менѣе доступной своей отчизнѣ наиболѣе сохранили свое племенное единство, ибо всѣ видѣнные Вамбери, фейзабадцы имѣютъ болѣе рѣзкіе признаки иранскаго типа, чѣмъ таджики и даже языкъ ихъ болѣе свободенъ отъ туранскихъ словъ и оборотовъ. И если можно предположить, что народъ, живущій совершенно изолировано, въ состояніи сохранить въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свой первоначальный типъ, то самыми чистыми остатками древнихъ восточныхъ иранцевъ можно считать единственно ваханцевъ, а не таджиковъ*) Описаніе наружныхъ признаковъ таджиковъ въ словарѣ Брокгауза весьма близко подходитъ къ только-что приведенному описанію, данному Вамбери. Авторъ статьи о таджикахъ говоритъ: „Въ наружныхъ физіономическихъ особенностяхъ таджиковъ ясно замѣчаются главныя черты иранскаго типа,—они обыкновенно средняго роста, съ широкими, крѣпкими костями; лицо ихъ продолговатѣе, чѣмъ у турокъ, но по широкому лбу, толстымъ скуламъ, толстому носу и большому рту можно заключить о значительной примѣси туранской крови. У таджиковъ высокій лобъ, выразительные глаза, черныя рѣсницы, густые темно-русые волосы, густая борода **)".

Болѣе подробное описаніе мы находимъ у Миддендорфа***) г. Ф. Миддендорфъ описываетъ наружные признаки таджиковъ такъ: черепъ спереди назадъ короткій (настолько брахицефалическій, что діаметръ по ширинѣ почти равенъ діаметру по длинѣ), волоса смыглые, радужная оболочка темная, очень тощія икры. Черепъ—емкій и высокій; темя—высокое, круглосводчатое, овальное; лобъ—благородный, высокій и широкій; надбровныя дуги—выступающія, густо и дугообразно, покрытыя волосами; разстояніе внутреннихъ глазныхъ угловъ—уже (чрезвычайно коротко у гальчи), чѣмъ прорѣзъ между вѣками; межбровье—возвышенное; переносье впадистое; глаза—европейскіе; носъ—толстый, высоко-выступающій, горбатый (у женщинъ чрезвычайно большой и въ особенности утолщенный—не красиво очерченный носъ, кажется, пред-

*) А. Вамбери. Очерки Средней Азіи стр. 316 и 317.
**) Словарь т. 63 стр. 474.
***) Очерки Ферганы. Стр. 394.

ставляетъ правило); яремныя дуги (челюсти)—сдавленныя на европейскій ладъ (криптозигитическія); жевательные органы: при разсматриваніи сбоку—отвѣсны, при разсматриваніи спереди—овальнаго очертанія. (Ортагнаты, прямозубые); зубы—европейскіе. Волосы—каштаново-черные, вьющіеся (а также каштаново-рыжіе или рыжіе); борода очень густая (волосяной покровъ на щекахъ, вокругъ рта и на бодбородкѣ); затылокъ среднетолстый. Наружный видъ—рослый (за исключеніемъ племени гальча); ноги и руки—умѣренной величины; тазъ—европейскій.

Въ горномъ поясѣ на юго-востокѣ Ферганской долины Уйфальви часто видѣлъ бѣлокурыхъ таджиковъ, такъ что въ Наукатѣ половина населенія состояла изъ бѣлокурыхъ голубоглазыхъ таджиковъ; у этихъ таджиковъ преобладалъ каштановый цвѣтъ волосъ.

Существованіе блондиновъ среди таджиковъ можно объяснить частью непосредственнымъ смѣшеніемъ съ первоначальнымъ бѣлокурымъ элементомъ (уссунами), частью смѣшеніемъ во второй степени—съ бѣлокурыми гальчами.

Какъ бы то ни было, таджики представляютъ совершенно опредѣленный, прочно установившійся типъ, и я (Миддендорфъ) не могу признать состоятельнымъ того, что говорится и повторяется на разные лады: таджики (долинные ли вообще, или самаркандскіе въ особенности) помѣсь персидской, арабской, узбекской, еврейской и даже киргизской кровей, и чѣмъ таджикъ знатнѣе и богаче, тѣмъ болѣе персидской и еврейской крови въ его жилахъ.

Пожалуй, относительно сартовъ, вообще, мы еще можемъ признать справедливость этихъ словъ; таджикъ же остается въ нашихъ глазахъ самымъ прочнымъ исходнымъ иранскимъ типомъ. Правда, въ дѣйствительности, часто очень трудно надежно отличить специфическій таджикскій типъ отъ его персидской разновидности и даже отъ центральноазіатскихъ еврейскихъ семитовъ, но мы должны стараться о томъ, чтобы удержать этотъ краеугольный камень въ нашихъ этнографическихъ сооруженіяхъ: таджики же именно представляютъ такой краеугольный камень, ибо они помѣщаются на крайнемъ концѣ имѣющихся въ Центральной Азіи типовъ. Но что къ таджикской крови примѣшался извнѣ и бѣлокурый элементъ, хотя и въ отдаленнѣйшее время, въ пользу этого говоритъ отсутствіе его у современныхъ персовъ. И такъ, изъ таджиковъ мы должны признать типичными лишь смуглоголовыхъ.

Др. Кушелевскій*) также описываетъ таджиковъ, какъ коротконоловыхъ, высокаго роста, съ правильными чертами лица, совершенно арійскаго типа. Волосы довольно длинные, борода черная, глаза черные, сложенія крѣпкаго и на видъ стройные.

Гальча, или горные таджики, встрѣчаются въ самыхъ неприступныхъ горныхъ долинахъ. Характеристическія особенности типа гальчей составляютъ: очень широкая голова, тонкій и красивый, слегка за-

*) Матеріалы для медицинской географіи и санитарнаго описанія Ферганской области т. II. стр. 138.

крівленный носъ, рѣзкое очертаніе губъ. Путешественникъ Уйфальви встрѣчалъ гальчей, похожихъ, какъ двѣ капли воды, на крестьянъ Романьи *). Д. Анучинъ описываетъ наружные признаки гальчей такъ: средняго или высокаго роста, съ обильною растительностью на лицѣ, съ черными, каштановыми, иногда бѣлокурыми волосами, гальча отличаются обыкновенно красивымъ овальнымъ типомъ лица, съ высокимъ лбомъ, правильнымъ, иногда орлинымъ носомъ, и красивыми черными или голубыми глазами. Гальча—крайніе брохищефилы; по измѣреніямъ Уйфальви, они превосходятъ, по относительной ширинѣ головы, всѣ другія, изученныя имъ племена какъ таджиковъ, такъ и узбековъ. Сохраненію большей чистоты племеннаго типа у гальчи много способствовали условія ихъ жизни—въ бѣдныхъ сакляхъ, дорога къ которымъ ведетъ по узенькимъ горнымъ тропинкамъ, вдоль отвѣсныхъ скалъ, надъ бездной. Женщины часто красивы, хотя обыкновенно ихъ костюмъ крайне грязенъ и оборванъ **). По описанію г. Серебренникова ***) – таджики памирскихъ ханствъ средняго или выше средняго роста, довольно стройны, крѣпкаго тѣлосложенія и производятъ по наружному виду пріятное впечатлѣніе, особенно молодые таджики, открытыя и довѣрчивыя лица которыхъ сразу подкупаютъ въ свою пользу.

Лица пожилыхъ таджиковъ, обрамленныя густою бородою и изрѣзанныя глубокими морщинами, производятъ съ перваго раза не особенно хорошее впечатлѣніе чего то слишкомъ суроваго, даже дикаго, особенно, если вы встрѣтите непривѣтливый взглядъ черныхъ глазъ изъ подъ густо нависшихъ бровей, но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними это впечатлѣніе скоро совершенно изглаживается и подъ суровою непривѣтливою наружностью вы увидите весьма симпатичныя черты добродушнаго и мирнаго хлѣбопашца, которыя располагаютъ въ свою пользу всякаго. Почти всѣ таджики бреютъ голову и носятъ усы и бороду, и лишь немногіе изъ нихъ заимствовали у афганцевъ обычай носить длинные волосы на головѣ. Нерѣдко можно встрѣтить старпковъ съ большими, окладистыми бородами, придающими имъ степенный видъ древнихъ библейскихъ старцевъ, тогда какъ короткія, вьющіяся бакенбарды юношей придаютъ имъ сходство съ евреями. Что же касается женщинъ таджичекъ, то въ молодости онѣ напоминаютъ больше всего грузинокъ и нерѣдко обладаютъ очень красивыми чертами лица и хорошо развитыми формами, а въ старости, которая для нихъ наступаетъ очень рано, обращаются въ отвратительныхъ старухъ, напоминающихъ по наружному виду цыганокъ.

Гальча жили все время при однообразныхъ условіяхъ окружающей ихъ природы. Смѣшеніе съ другими расами было не велико. Въ теченіе вѣковъ завоеватели—узбеки успѣли подвинуться, напр., вверхъ по Зерав-

*) Реклю, т. VI стр. 346.
**) Энц словарь 15 стр. 51.
***) Серебренниковъ. Памиръ. Ежегодн. Ферг. области т. I вып. 1902 г. стр. 143 и 144.

шану только до Суджины и Іори. Ихъ останавливалъ характеръ мѣстности, недостатокъ годной къ обработкѣ земли и громадность труда, представлявшагося здѣсь для земледѣльца. Вообще, завоевателей ничто не манило въ горы. Торговыхъ пунктовъ тамъ нѣтъ, богатства скопляться не могутъ, дороги плохи и небезопасны, горцы храбры, отважные охотники и болѣе энергичны при защитѣ своей собственности, нежели жители долины. Такимъ образомъ, гальча были предохраняемы отъ вторженія завоевателей и, слѣдовательно, отъ помѣсей насильственнымъ путемъ. Что же касается до обыкновеннаго способа смѣшенія племенъ—брака, то гальча черезчуръ бѣдны, чтобы имъ можно было брать въ жены женщинъ долинъ или жениться на женщинахъ другихъ племенъ. А такъ какъ у нихъ многоженство почти не встрѣчается, то, естественно, что имъ зачастую проходилось, напротивъ, продавать своихъ дочерей жителямъ долины. Наконецъ, управители ихъ были всегда природные гальча, такъ что и съ этой стороны помѣсей тоже быть не могло.

На видъ гальча рѣзко отличаются отъ таджика долинъ. Они не высокаго роста, крѣпкаго, сильнаго сложенія; голова не сжата, какъ у таджиковъ, на вискахъ; лобъ широкъ и по большой части высокій, глаза каріе, борода длинная, клиномъ. Гальча не любитъ другихъ племенъ и относится къ нимъ почти враждебно.

Приводимъ описаніе авторовъ наружныхъ признаковъ гальчей по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

Горцы, населяющіе Фальгорскую, Матчинскую, Искандеровскую, Кшутскую и Магіано-Фарабскую волости по Зеравшану, по сложенію, наружности и темпераменту носятъ общій таджикамъ отпечатокъ; они высокаго роста, широкоплечи, вообще, тѣлосложеніе ихъ сухое, но мускулистое, лицо овальное, съ большимъ орлинымъ носомъ, окладистой черной бородой; брови и волосы на головѣ густые и жесткіе; уши большія, выраженіе лица суровое. Народъ, вообще, горячій, вспыльчивый *). Какъ мрачна въ Ягнобѣ природа, пишетъ г. Ф. Коротковъ **), такъ суровы и мрачны грубыя и загорѣлыя лица его обитателей. Трудныя лѣтнія, малопродуктивныя работы въ полѣ, а зимой замкнутая со всѣхъ сторонъ, однообразная и лишенная всякихъ удобствъ, кишлачная жизнь, повидимому, выработали въ горцахъ такой суровый, своеобразный типъ.

Всѣ ягнобцы безъ исключенія—таджики, говорящіе своимъ особеннымъ горнымъ нарѣчіемъ. Они средняго роста, мускулисты и худощавы, съ рѣдкой бородой, часто темнорусаго и даже рыжаго цвѣта. Женщины передъ своими однокишлачниками не закрываются, но передъ постороннимиъ, и въ особенности передъ русскими, спѣшатъ броситься въ сторону и, присѣвъ на корточки, уткнуть лицо въ колѣни или отвернуть его въ сторону. „Самому мнѣ, говоритъ г. Коротковъ, въ корот-

---

*) Н. С. Кулчановъ. Сборн. мат. для стат. Самарк. обл. 1887—88 г. стр. 441.

**) Ф. Коротковъ. Турк. Вѣд. 1877 г. № 31.

кое пребываніе въ Ягнобѣ не удалось, хотя случайно, видѣть ни одной женщины, но, говорятъ, что онѣ красивы—и даже есть между ними грамотныя".

Матчинцы всѣ, безъ исключенія, таджики, средняго роста, худощаваго, но плотнаго сложенія. Костюмъ ихъ, образъ жизни и занятія совершенно тѣ же, какъ въ Ягнобѣ: природа одинаковымъ образомъ лишила и ихъ всѣхъ удобствъ жизни *).

Типъ дарвазцевъ и каратегинцевъ почти сходственный: кожа смуглая, волосы прямые, густые, черные, рыжіе и каштановые; глаза черные и свѣтло-каріе; лицо правильное, выразительное, съ открытымъ крутымъ или низкимъ лбомъ,—съ крутымъ носомъ; ростъ выше средняго, тѣлосложеніе крѣпкое, съ развитой грудью, съ сильной мускулатурой, съ тонкими икрами; станъ стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный. Между женщинами Дарваза и Каратегина не мало очень красивыхъ лицъ **).

Реклю жителей Вахана называетъ въ полномъ смыслѣ слова красавцами, съ тонкими чертами лица, отличающими персидскій типъ; но бѣлокурые волосы и голубые глаза тоже не рѣдкость между ними ***).

Г. В. Год—скій въ своихъ воспоминаніяхъ объ Алаѣ и Памирѣ говоритъ: „Выразительное и характерное лицо, съ крупными, правильными чертами, сразу указываетъ на арійское происхожденіе. Худощавый, высокаго роста, узкій въ плечахъ, съ тонкими и длинными руками и ногами—это таджикъ; онъ всегда стремится къ осѣдлости и отличается любовью къ культурѣ; къ кочевой жизни киргиза онъ совершенно не способенъ" ****).

Среди обитателей Ташъ-Кургана и Тагармы встрѣчаются типичные таджики, т. е. высокаго роста, съ окладистой черной бородой и рѣзко очерченными дугообразными бровями; встрѣчаются также субъекты съ ясно выраженной примѣсью киргизской крови; въ остальныхъ долинахъ Сарыкола характерными признаками типа населенія являются крѣпкое, плотное тѣлосложеніе, русые волосы и сѣрые глаза. Среди жителей бекствъ Шихпу, Пахпу и Чипана часто встрѣчаются люди съ свѣтлорусыми и рыжеватыми волосами и сѣрыми глазами, что сближаетъ ихъ съ таджиками сосѣднихъ долинъ Яркендъ-Дарьи, Вачи и Маріона*****). Роберъ Ша находитъ******), что таджики красивое племя. У нихъ высокіе лбы, большіе, выразительные глаза, осѣненные темными рѣсницами, тонкіе правильные носы, короткая верхняя губа и свѣжій цвѣтъ лица. Бороды у нихъ обыкновенно очень большія и густыя, русыя, а иногда съ рыжимъ оттѣнкомъ; они отличаются отъ высшихъ кастъ сѣверной Индіи только тѣмъ, что шире и сильнѣе сложены и

*) Турк. Вѣд. 1878 г. № 43.
**) Арандаренко, стр. 453.
***) Реклю, т. VI стр. 351.
****) В. Год—скій. Турк. вѣд. 1892 г. № 19.
*****) Корниловъ. Кашгарія стр. 241.
******) Робертъ Ша. Очерки верхней Тамаріи и т. д. стр. 27 и 28.

лица имѣютъ болѣе полныя. Родственное имъ племя, жители Бадахшана, еще болѣе похожи на сѣверныхъ индійцевъ.

„Несмотря на мѣстныя различія, еще сохранилось достаточно данныхъ, говоритъ г. Биддельфъ *), для доказательства тѣсной родственной связи племенъ дардовъ и гальча. Мужчины обыкновенно худые, подвижные, ростомъ отъ 5 ф. 5 д. до 5 ф. 8 д., хотя хорошо сложенные, они, вообще говоря, не одарены мускульнымъ развитіемъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ татаръ. Несмотря на ихъ суровую, простую жизнь, они не выносятъ продолжительнаго физическаго труда. Въ путешествіи и на охотѣ, по наблюденіямъ майора Биддельфа, они всегда уставали ранѣе туземцевъ изъ другихъ мѣстностей. Они, вообще, отличаются недостаткомъ жизненной силы, легко подвергаются болѣзнямъ и не выносятъ перемѣны климата.

Недостатокъ энергіи и предпріимчивости особенно замѣтенъ въ кастѣ шиновъ.

Молодыя женщины имѣютъ пріятную наружность, хотя онѣ не особенно красивы. Исключеніе составляютъ лишь хо, класса факиръ-мушкиновъ, въ Читралѣ, которые физически отличаются отъ остальныхъ дардовъ. Они индо-арійцы весьма совершеннаго типа, подобно шинамъ въ долинѣ Инда у Коли; но они красивѣе и имѣютъ овальныя лица и тонкія черты и, вообще выдержатъ сравненіе съ красивѣйшими типами Европы. Главное отличіе ихъ отъ остальныхъ дардовъ это большіе прекрасные глаза, напоминающіе англійскихъ цыганъ, съ которыми они раздѣляютъ также репутацію выдающихся воровъ. Кромѣ того, у нихъ необыкновенно прекрасные волосы, которыми они очень гордятся. Въ прежнее время Читральскія женщины очень высоко цѣнились за свою красоту на невольническихъ рынкахъ Кабула, Пешавера и Бадахшана. Самый свѣтлый цвѣтъ лица встрѣчается среди буришей, хунзы и ясина; между ними есть субъекты, которыхъ легко принять за европейцевъ. Люди съ рыжими волосами—не рѣдкость.

Проф. Богдановъ, на основаніи измѣренія череповъ пранцевъ Туркестана, переданныхъ ему Федченко, приходитъ къ заключенію, что они (черепа) принадлежали народонаселенію явственно и типично короткоголовому, не несущему на себѣ монголовидныхъ признаковъ и сохраняющему черты близкія къ европейцамъ; черепа среднихъ размѣровъ, но лобная часть развита хорошо и черепъ не несетъ на себѣ чего либо, указывающаго на грубыя примитивныя очертанія, свойственныя многимъ некультурнымъ племенамъ; лицо значительно развитое по продольной лицевой линіи, носъ узкій**).

---

*) Майоръ Биддельфъ. Народы, населяющіе Гинду-Кушъ пор. Асхабадъ. 1886 г. стр. 96, 97.

**) А. П. Богдановъ. Краніологическія замѣтки о Туркестанскомъ народонаселеніи. Изв. Имп. Общ. любит. Естествознан., Антроп. и Этнографіи т. XLIX вып. 3 стр. 243.

10. Жилища.

Типъ городовъ, селеній и отдѣльныхъ домовъ равнинныхъ таджиковъ ничѣмъ не отличается отъ подобныхъ же строеній сартовъ. Матеріалы для построекъ тѣ же, что употребляются и сартами. При поднятіи въ горныя долины, съ измѣненіемъ мѣстности, мѣняется и типъ построекъ. Въ горныхъ кишлакахъ таджиковъ измѣненія въ расположеніи кишлаковъ и отдѣльныхъ построекъ уже значительны. Такъ какъ о жилищѣ сартовъ и строительныхъ матеріалахъ, употребляемыхъ для нихъ, нами уже говорилось подробно ранѣе*), въ настоящее время необходимо остановиться на описаніи построекъ горныхъ таджиковъ.

Въ низовьяхъ долины Зеравшана жилыя постройки группируются преимущественно въ малыхъ селеніяхъ, называемыхъ здѣсь „мечеть“ (мачеть). Онѣ такъ часто расположены, что нерѣдко промежутки между ними не превосходятъ 100 саженъ, или заборы одного селенія сливаются съ заборами другого. Встрѣчается не мало отдѣльныхъ дворовъ, огороженныхъ высокими стѣнами, называемыхъ по мѣстному „курганча“ или „кала“. Большихъ селеній по занимаемому пространству и числу жителей сравнительно немного. Жители различаютъ четыре типа населенныхъ пунктовъ: 1) шааръ и шехръ (городъ), 2) курганъ (населенный пунктъ съ крѣпостною оградою вокругъ него), 3) кентъ (большое селеніе) и 4) мечеть (малое селеніе). Кварталы или части въ городахъ и селеніяхъ называются махалле.

Вглядываясь во внѣшній видъ, можно замѣтить двѣ рѣдкія противоположности. Въ однихъ селеніяхъ видны хорошія, по мѣстному, постройки съ весьма часто стоящими высокими зданіями и такими же заборами, содержимыми въ исправности, съ огромными службами при нихъ, съ чистыми, всегда выметенными улицами и колодцами по окраинамъ ихъ и, вообще ,полное благоустройство, тогда какъ другія, напротивъ, состоятъ изъ жалкихъ лачужекъ съ полуразвалившимися глиняными стѣнами и нечистотами всюду.

Жилыя постройки какъ въ селеніяхъ, такъ и городахъ, не размѣщаются по сторонамъ улицъ; онѣ спрятаны въ глубинѣ дворовъ, которыхъ бываетъ нѣсколько у каждаго хозяина, и изъ которыхъ для постороннихъ людей, даже знакомыхъ, доступны только первые; только торговля и ремесленныя помѣщенія ставятся на виду. Обыкновенно къ заборамъ улицъ пристраиваются разныя хозяйственныя помѣщенія и сараи для домашняго скота, а у богатыхъ, главнымъ образомъ, для лошадей. Ворота къ зданіямъ дѣлаются со стороны улицъ только въ караванъ-сараяхъ (постоялыхъ дворахъ) и торговыхъ дворахъ съ сельско-хозяйственными продуктами; послѣдніе имѣются, впрочемъ, лишь въ большихъ базарныхъ селеніяхъ, гдѣ скопляется большое количество хлопка и зерна. Для входа же въ обыкновенные дворы служатъ небольшія калитки, часто менѣе двухъ аршинъ вышины. Общимъ дво-

*) Сарты. ч. I стр. III и слѣд.

ромъ, для помѣщенія арбъ многихъ хозяевъ, служатъ небольшіе узкіе закаулки, или же арбы ставятся прямо на улицѣ, стѣсняя проѣздъ иногда до крайности. При такомъ характерѣ построекъ улицы немного отличаются отъ проселочныхъ дорогъ, по бокамъ которыхъ устроены стѣнки, для охраны полей. Небольшое отличіе заключается въ томъ, что стѣнки, примыкающія къ улицамъ, нѣсколько выше, прорѣзаны упомянутыми перемежающими калитками и въ мѣстахъ большого скопленія дворовъ въ большинствѣ очень узки. Во всѣхъ туземныхъ постройкахъ нѣтъ ни одного окна, выходящаго на улицу. Въ нѣкоторыхъ сараяхъ или, вѣрнѣе, кладовыхъ, видны полукруглыя, въ $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, отверстія для складыванія чрезъ нихъ прямо съ улицы самана. На крышахъ тѣхъ же сараевъ обыкновенно складываются снопы люцерны, хворостъ и пучки сорныхъ травъ и другихъ на топливо. Однообразіе улицъ въ селеніяхъ, да и въ городахъ, поразительное. Оріентирныхъ пунктовъ по зданіямъ почти нѣтъ: можно проѣхать по селенію нѣсколько разъ и не узнавать его. Только лавочки, мечети, арыки, вдоль улицъ стѣсняющіе проѣзды, и плохіе мосты иногда характеризуютъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ ряду построекъ весьма рѣзко бросается въ глаза всюду разбросанные и отдѣльно стоящіе по Зеравшанской долинѣ дворы (кала или курганча). Они въ большинствѣ имѣютъ четыреугольную форму, высоки, до 5 и болѣе аршинъ вышины стѣны, оканчивающіяся къ верху зубцами; по угламъ стѣнъ, а иногда и посрединѣ, выведены закругленныя на манеръ барбетовъ. Хорошая курганча имѣетъ видъ крѣпостцы малого размѣра, не обладая, однако, достоинствами послѣдней въ смыслѣ обороны. Ограда ея, имѣя тонкія глинобитныя стѣнки, можетъ защитить лишь отъ безоружнаго туземца или хищнаго звѣря. О подобныхъ древнихъ курганчахъ, которыхъ будто бы было много и тогда, имѣются указанія у арабскихъ писателей первыхъ вѣковъ магометанства; переводчики въ переводахъ своихъ почему то называли эти курганчи „замками“. Неизвѣстно, каковы были древнія, современныя же курганчи совсѣмъ не подходятъ подъ понятіе о средневѣковомъ замкѣ въ европейскомъ смыслѣ*).

При поднятіи по р. Зеравшану видъ кишлаковъ начинаетъ мѣняться. Такъ, кишлакъ Урмитанъ Фальгарской волости (4000 ф. надъ уровнемъ моря) одинъ изъ лучшихъ въ Фальгарѣ, какъ по своему положенію, такъ и по богатству садовъ; впрочемъ, вообще, всѣ кишлаки расположены въ красивыхъ мѣстахъ, въ небольшихъ долинахъ, между горъ, защищающихъ ихъ отъ пронизывающихъ горныхъ вѣтровъ и зимней стужи. Кишлаки другъ отъ друга отстоятъ недалеко; вблизи около каждаго, гдѣ только позволяетъ мѣстность, находятся пахатныя поля.

Мѣсто подъ кишлаки въ Ягнобѣ, также какъ и въ Фальгарѣ,

---

*) Ситняковскій. Замѣтки о Бухар. части дол. Зеравш. изв. Турк. отд. Имп. Р. Г. общ. т. I 1899 г. II стр. 158 и слѣд.

выбраны въ долинахъ подъ защитой высокихъ горъ. Издали видъ этихъ кишлаковъ имѣетъ много поэтическаго: надъ обрывистымъ берегомъ съ ревомъ пробивающейся между громадными валунами рѣки глазъ манитъ зеленыя площадки обработанныхъ пашенъ, между которыми группируются въ кучки сѣраго цвѣта жилища. Но вблизи видъ этихъ кишлаковъ далеко не такой, какъ въ Фальгарѣ: отсутствіе садовъ, высокія обнаженныя горы производятъ непріятное впечатлѣніе для глазъ, заставляя призадуматься надъ незатѣйливой, лишенной всякихъ удобствъ, жизнью ягнобцевъ. Есть кишлаки, расположенные очень высоко, амфитеатромъ. Вблизи кишлаковъ, часто на значительныхъ покатостяхъ, виднѣются запашки, по большей части усѣянныя камнями. Поля не очищаютъ отъ камня съ цѣлью доставить землѣ большее питаніе: безъ камней вода скоро бы стекала съ поля, камни же задерживаютъ, чѣмъ и заставляютъ углубляться внутрь земли.

Кишлаки въ Дарвазѣ и Каратегинѣ располагаются одни внизу, по берегамъ главныхъ рѣкъ и ихъ вѣтвей; другіе—почти на высотѣ вѣчнаго снѣга, всегда на такой покатости, которая представляетъ менѣе опасности отъ дождевого силя (ливня), отъ снѣжныхъ обваловъ (тарна), несущихъ цѣлыя скалы. По количеству домовъ селенія не велики (отъ 10 до 100 дворовъ), но зато многолюдны, потому что у горцевъ совершенно не практикуется выдѣлъ изъ хозяйства женившихся сыновей, не практикуется и раздѣлъ наслѣдства, а дѣйствуетъ кооперативный законъ. Типъ селеній горныхъ нѣсколько иной, чѣмъ въ долинѣ, потому что не имѣется дворовъ (въ особенности въ Дарвазѣ), а постройки связаны въ одно не только въ отдѣльномъ хозяйствѣ, но почти въ цѣломъ селѣ. Самыя постройки для людей и скота своеобразныя, каркасныя, съ толстыми стѣнами, низенькія, тѣсныя, съ одной общей земляной крышей, съ окномъ въ потолкѣ сакли для выхода дыма*).

Рошанскій кишлакъ имѣетъ такой видъ: улицъ нѣтъ, базаровъ тоже, сакли каждой семьи съ хозяйственными постройками и съ казна-хана расположены отдѣльно среди своихъ сказочно-миніатюрныхъ пашенъ и нѣсколькихъ кормильцевъ—урюковыхъ деревьевъ. Стѣны сакель сложены изъ камней безъ всякой связи и оштукатурены глиной. Въ крышахъ сакель продѣланы дымовыя отверстія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и окнами. Въ каждомъ кишлакѣ имѣется общественный домъ—михманъ-хана, состоящій всего изъ одной комнаты, сажени двѣ съ половиной въ квадратѣ. Вдоль стѣнъ михманъ-хана тянутся нары для спанья; внутреннее пространство занято очагомъ. Казна-хана-зернохранилище, небольшая оригинальная постройка, тщательно сложенная на каменныхъ глыбахъ изъ мелкой гальки **).

Состояніе всѣхъ дорогъ въ равнинахъ таково, что онѣ никогда не бываютъ исправны, ни лѣтомъ, ни зимою. Это одинаково относится какъ къ большимъ, такъ и къ малымъ дорогамъ. Въ зимнее время,

---

*) Арандаренко стр. 461—463.

**) В. Банковскій. Съ Памировъ. Турк. Вѣд. 1894 г. № 13.

благодаря необыкновенно рыхлой глиняной и солончаковой почвѣ, колеи отъ арбъ дѣлаются очень глубокими, доходя до полуаршина и болѣе, и въ нихъ образуются еще углубленія. Середина же между колеями, отъ ступней животныхъ, представляетъ собою какъ бы лѣстницу. При заморозкахъ свернуть въ сторону арбѣ весьма трудно, не изломавъ колесъ. Русскій экипажъ, съ болѣе узкимъ ходомъ, чѣмъ у туземной арбы, при такомъ состояніи дороги совсѣмъ идти по ней не можетъ. Животныя, особенно верблюды, скользя, падаютъ и загораживаютъ путь. Тамъ, гдѣ дороги проходятъ по солончакамъ, движеніе на арбахъ зимою вовсе прекращается.

Лѣтомъ на дорогахъ бываетъ толстый слой пыли. Разливъ воды по дорогамъ въ лѣтнее время обыкновенное явленіе на многихъ изъ нихъ. Дорожа очень землею, не вездѣ дѣлаютъ водосточныя канавы (Зауры) для спуска излишняго количества воды, когда таковая случайно попадаетъ на поля. Эту воду они по необходимости спускаютъ на дороги. Но бываетъ и такъ, что размываются берега арыковъ отъ переѣздовъ черезъ нихъ, и вода изъ своего русла устремляется на дороги бурными потоками, которые несутся между стѣнъ, окаймляющихъ дороги и улицы, не оставляя сухого мѣста не только для проѣзда верховому, но и прохода пѣшему. Эти случаи не единичные, а встрѣчаются очень часто при изобиліи воды. Несущаяся по дорогамъ вода закрываетъ всѣ неровности, отчего ѣдущій нерѣдко попадаетъ въ мѣста, гдѣ вода выше чѣмъ по брюхо лошади, или на поломанные и невидные изъ подъ воды мосты. Разливы по дорогамъ простираются на цѣлыя версты. Многочисленные мосты на колесныхъ и неколесныхъ дорогахъ по своей неисправности прямо указываютъ на полное неустройство путей сообщенія. Недостатокъ ли матеріала, или привычка породила то, что всѣ мосты строятся очень малые и узкіе. На колесныхъ дорогахъ ширина ихъ нерѣдко такова, что ѳдва умѣщается арба, и невѣрный шагъ лошади опрокидываетъ арбу съ моста. Настилка на небольшихъ мостахъ дѣлается иногда изъ дикаго камня и недостаточно прочно укрѣпляется въ берега, разрушаемые напоромъ воды; потому и прочность моста съ такой настилкой только кажущаяся. Тутъ также не рѣдкость встрѣтить, что изъ деревянной настилки недостаетъ брусьевъ или досокъ, какъ по окраинамъ, такъ и по серединѣ мостовъ. Нечего говорить, что подобное состояніе мостовъ сильно затрудняетъ движеніе по дорогамъ, а опрокинутыя около нихъ арбы и валяющіеся вьюки служатъ лучшимъ наглядымъ доказательствомъ дурного состоянія ихъ *).

Дороги горныхъ кишлаковъ, лежащихъ невысоко въ горахъ, чаще идутъ по берегу рѣки довольно густымъ лѣсомъ изъ молодого березняка, тала, шиповника и крѣпкаго дерева „багныхъ“ съ красными ягодами; попадаются также небольшія, кислыя, горныя яблоки, кусты черной смородины (каракатъ). По дорогамъ въ кишлаки, лежащіе на

*) Ситняковскій. Изв. Турк. Вѣд. И. Р. Г. О. т. I 1899 г. в. II стр. 177—178

большихъ высотахъ, деревья исчезаютъ; кругомъ видѣются снѣжныя вершины горъ; мѣстами попадаются цѣлыя полосы дикаго овса, крапивы; клеверу нѣтъ, а вмѣсто него высокая, сочная трава; изрѣдка видны кусты черной смородины; даже арча, непремѣнная обитательница мѣстныхъ горъ, и та исчезаетъ.

Пути сообщенія такихъ высоко лежащихъ бекствъ, какъ Дарвазское, исключительно вьючные, мѣстами даже пѣшіе. Они проходятъ въ большинствѣ случаевъ по карнизамъ, по балконамъ, по осыпямъ, по обваламъ и рѣдко по грунту склоновъ горъ. Искусственныхъ балконовъ и карнизовъ весьма много; обыкновенно ихъ устройство слѣдующее: почти къ отвѣсной скалѣ, гдѣ должна проходить дорога, подпираютъ въ углубленіе той же, или сосѣднихъ скалъ, нѣсколько подпорокъ, на которыя кладутъ или бревна, или доски и сверху ихъ покрываютъ камнемъ, землей и хворостомъ. Ширина такого балкона не болѣе 1—$1^1/_2$ шаговъ, а длина встрѣчается въ нѣсколько десятковъ саженей. Если такой балконъ долженъ служить въ то же время и подъемомъ на гору или спускомъ, то кладутъ поперечныя балки или же камни, образуя ими ступеньки. Искусственный карнизъ имѣетъ отъ балкона то отличіе, что вмѣсто дерева кладутъ ряды камней—плитъ одна на другую до высоты дороги. Иногда и карнизъ подпираютъ палками, дабы не развалились камни. Обыкновенно карнизы естественные, такъ же какъ и искусственные, представляютъ изъ себя крайне узкій участокъ дороги, съ одной стороны которой—почти отвѣсная скала, съ другой—пропасть, но за то полотно дороги — грунтъ или скала; при этомъ если это мѣсто дороги служитъ подъемомъ или спускомъ, то въ немъ вырублены ступеньки. Скалистое полотно дороги обыкновенно весьма скользко. Дорога по мелкой осыпи представляетъ то неудобство, что мелкіе камни изъ подъ ногъ лошади скатываются внизъ, увлекая при паденіи съ собой массу другихъ камней, и тѣмъ мѣняютъ почти ежедневно направленіе дороги. Дорога по обваламъ, т. е. по большимъ обрушившимся скаламъ и камнямъ, кромѣ неудобства движенія по скользкой ихъ поверхности, представляетъ еще то затрудненіе, что приходится часто обходить большіе камни и скалы, проходить по весьма узкимъ мѣстамъ между ними, и приходится дѣлать прыжки вверхъ и внизъ.

Вообще дороги весьма неудовлетворительны: карнизы и балконы мѣстами настолько узки, что приходится развьючивать вьюки и переносить ихъ на рукахъ; подъемы на перевалы и спуски извиваются, какъ змѣйки, чтобы облегчить движеніе лошади, но тѣмъ не менѣе многіе подъемы настолько круты, что лошадь съ трудомъ поднимаетъ всадника, дѣлая весьма частыя остановки, а спускается почти совсѣмъ на заду, даже скользитъ и ползетъ. При подъемахъ на перевалы съ осыпью, неудобство состоитъ въ томъ, что впереди идущіе роняютъ небольшіе камни, которые по дорогѣ захватываютъ другіе и все это сыплется на нижеидущихъ, вслѣдствіе чего при движеніи нужно быть крайне внимательнымъ и осторожнымъ.

Участки пѣшихъ дорогъ, называемые туземцами „оврынгъ", даже собственно затруднительно называть дорогой. Общая картина ихъ такова: представьте себѣ, что вы поднимаетесь по скаламъ на гору, цѣпляясь все время руками за выдающіеся выступы и, такимъ образомъ, подошли къ совершенно отвѣсной скалѣ и думаете, что дальше уже нѣтъ дороги, но послѣ тщательнаго осмотра или указанія проводника, оказывается, что дорога есть, только надо бокомъ пробраться по этой плоскости, для чего въ плоскости этой выдолблены углубленія для рукъ и ногъ, точь въ точь, какъ бываютъ щиты въ гимнастическихъ городкахъ. Перешли и это препятствіе; оказывается трещина въ скалѣ саженн 2—3 шириною, чрезъ которую перекинуты двѣ жерди; переходите по нимъ; вновь поднимаетесь и подходите къ совершенно отвѣсному спуску; здѣсь приставлена деревянная лѣстница самой первобытной конструкціи: ступени идутъ другъ отъ друга на 1—1½ арш. и привязаны онѣ къ жердямъ сухими вѣтками; такихъ ступеней четырнадцать или болѣе. Спустились; нужно обойти скользкую наклонную скалу; для этого въ скалѣ укрѣплены палочки и вѣтки, за которыя вы, держась руками, ползете на животѣ и спускаетесь такимъ образомъ.

Пути сообщенія въ Рошанѣ вьючные, мѣстами даже исключительно пѣшіе. Ширина долины Бартанга—около версты; часто рѣка бѣшено мчится узенькой полосой въ совершенно отвѣсныхъ берегахъ. Бартангъ—„узкій путь"—дѣлаетъ Рошанъ почти неприступнымъ. Дорога цѣпляется по карнизамъ, балконамъ, осыпямъ, оползнямъ, громаднымъ каменнымъ глыбамъ, по каменоломнѣ, состоящей изъ груды острыхъ навалениыхъ камней. Часто дорога такъ опасна, подъемы и спуски такъ страшно круты, что приходится развьючивать лошадей и вьюки переносить на людяхъ. При спускахъ съ осыпью нужно сильно растягиваться, такъ какъ лошади сталкиваютъ камни, которые захватываютъ на своемъ пути другіе и все это вмѣстѣ стремительно летитъ внизъ. Иногда приходится переправляться вплавь чрезъ 20 саженный Бартангъ, что возможно только при содѣйствіи туземцевъ и ихъ саначей, связанныхъ изъ 10 - 15 гипсаровъ *).

Отдѣльныя постройки долинныхъ зажиточныхъ таджиковъ отличаются нѣкоторыми особенностями отъ построекъ сартовъ.

Внутренность туземнаго двора, примыкающаго къ улицѣ, приблизительно такова: въ немъ имѣется постройка, называемая „михманъхана" (помѣщеніе для гостей); она имѣетъ самое меньшее - двѣ комнаты, изъ которыхъ одна большая съ двумя дверьми (обыкновенно всѣ двери дѣлаются двухстворчатыя), выходящими во дворъ, а гдѣ противоположная стѣна выходитъ въ садъ, то и въ ней тоже двѣ двери. Двери эти запираются изнутри безъ замка, цѣпочкой, налагаемой на пробой, вбитый въ верхній дверной косякъ. Меньшая же комната имѣетъ двѣ двери, одна во дворъ, а другая въ смежную гостиную; обѣ запираются съ помощью такихъ же цѣпочекъ и на замокъ. Обѣ эти комнаты

*) В. Баньковскій. Съ Памировъ Турк. Вѣд. 1899 г. № 13.

вытянуты въ одну линію по направленію главнаго фаса, по которому устраивается галлерея, какъ обязательный спутникъ михманъ-хане. Полъ въ этихъ гостиныхъ обыкновенно земляной, но встрѣчается и кирпичный, и всегда застланный или коврами, или кошмами. Встрѣчается не мало обширныхъ переднихъ дворовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вымощены жженымъ кирпичомъ, со многими зданіями и сараями, могущими дать пріютъ десяткамъ людей и лошадей. Зданія и дворы, отводимые для хозяина и его семьи, недоступны для обозрѣнія постороннаго.

Зажиточные люди строятъ высокіе дома, часто двухъ-этажные, съ тонкими стѣнами, хотя тоже съ плоскими крышами, оштукатуренные снаружи въ сѣрый глинистый цвѣтъ; съ внутренней стороны они красятся разными красками (бѣлой, зеленой, красной), полосами разной ширины и вычурными, ничего не выражающими, фигурами; попадаются и лѣпныя работы тоже неопредѣленными фигурами. Потолки выстилаются изъ тонкихъ, длиною около аршина, круглыхъ брусковъ, выкрашенныхъ въ такіе же цвѣта, какъ и стѣны; печей и очаговъ, по крайней мѣрѣ, въ гостиныхъ не выводятся; оконъ со стеклами нигдѣ не замѣчается, даже въ домахъ правителей провинцій. Иногда въ дверяхъ ставятъ рамы съ частымъ переплетомъ, на который наклеивается мѣстная грубая бумага. Какъ особенность въ постройкѣ можно отмѣтить то, что жители Зеравшанской долины чрезвычайно любятъ украшать двери въ домахъ и даже кладовыхъ рѣзьбой, которая дѣлается весьма мелкая и сплошь во всю доску, не оставляя нигдѣ пустого мѣста; хозяева кичатся своими разукрашенными рѣзьбою дверьми, на отдѣлку которыхъ они не жалѣютъ ни средствъ, ни труда; они не обращаютъ вниманія на то, что росписныя двери ихъ при затворѣ образуютъ громадныя щели по срединѣ между створками и по бокамъ ихъ. Таковыхъ сравнительно хорошихъ зданій встрѣчается много въ долинѣ какъ въ отдѣльныхъ курганчахъ, такъ и въ цѣлыхъ селеніяхъ.

Прочія постройки въ большинствѣ весьма плохи: выводятся онѣ изъ комковъ и напоминаютъ собою лачуги полуосѣдлыхъ киргизъ.

При отсутствіи оконъ въ помѣщеніи и темномъ колоритѣ внутреннихъ стѣнъ ихъ, освѣщеніе комнатъ помощью раскрытыхъ дверей крайне плохое. Какъ бы стѣны не были расписаны красками, видъ всѣхъ комнатъ—очень мрачный. Въ лѣтнее время днемъ въ нихъ можно укрыться отъ жгучихъ лучей и найти нѣкоторую прохладу, но оставаться въ нихъ на ночь немыслимо отъ массы мошекъ и другихъ насѣкомыхъ на земляныхъ и кирпичныхъ полахъ и стѣнахъ. Поэтому здѣсь лѣтомъ народъ поголовно спитъ на открытомъ воздухѣ, прямо на землѣ. Кровати составляютъ достояніе богатыхъ; особенно въ селеніи обладатели ихъ на счету, и, случайно попавшему на ночлегъ, русскому кровать достаютъ отъ бухарца, на котораго указываетъ собравшаяся любопытная толпа. Мебели нѣтъ нигдѣ никакой.

Неопрятность въ саклях простонародія поразительная: паутина тутъ всюду; нерѣдко сѣть ея расползается отъ потолка и угловъ на

цѣлые аршины; кошмы и ковры, застилающіе полъ, повидимому, вытряхиваются очень рѣдко, или никогда.

Устройство домовъ таково, что комнаты не всегда спасаютъ даже отъ вѣтра; обогрѣвать же ихъ нельзя за отсутствіемъ печи и каминовъ, и потому температура въ нихъ очень немного разнится отъ наружной.

Туземцы дровъ почти не употребляютъ; ихъ очень мало здѣсь; для обогрѣванія въ комнатахъ идетъ уголь, выжигаемый изъ саксаула и другихъ немногихъ породъ кривого лѣса, растущаго въ пескахъ; для приготовленія пищи жгутъ хворостъ. Очагъ для угля, называемый манкаль, устраивается совсѣмъ просто: уголь кладется въ желѣзный тазъ, который ставится подъ табуретъ, закрытый ватнымъ одѣяломъ. Желающій согрѣться, подсовываетъ подъ одѣяло руки и обнаженныя ноги и получаетъ для своихъ конечностей пріятную теплоту, хотя весь корпусъ въ то же время остается въ холодѣ и долженъ быть въ шубѣ или нѣсколькихъ ватныхъ халатахъ. Такъ какъ въ комнатѣ окопъ нѣтъ, то и днемъ необходимо освѣщать ее при закрытыхъ дверяхъ. Для освѣщенія—во всеобщемъ употребленіи мѣстный чирокъ (горѣлка съ растительнымъ масломъ), хотя свѣчи и керосинъ знакомы и начинаютъ входить въ употребленіе*).

Обыкновеннаго типа мечети построены такъ же и изъ того же матеріала, т. е. сырцоваго кирпича или комковъ, или же просто глинобитныя, какъ простыя зданія, только выше и обширнѣе послѣднихъ. Каждая мечеть заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: зимнее и лѣтнее. Послѣднее отличается отъ перваго тѣмъ, что не имѣетъ стѣны со стороны входа, которую замѣняетъ рядъ столбовъ для поддержки крыши. Принадлежности всякой мечети—дворъ, а посрединѣ его—прудъ, обсаженный деревьями, и небольшія постройки для проѣзжихъ и прохожихъ, имѣющихъ свободный входъ въ нихъ на ночлегъ.

Внутреннія стороны стѣнъ всѣхъ мечетей вообще раскрашиваются, какъ въ обыкновенныхъ домахъ, преимущественно въ верхнихъ частяхъ и на потолкѣ: земляные полы ихъ или вовсе ничѣмъ не покрываются, или застилаются камышевыми плетенками, поверхъ которыхъ иногда натягивается бѣлый грубый мѣстный холстъ (мата). Въ общемъ, никакого благолѣпія въ мечетяхъ нѣтъ; онѣ не всегда содержатся опрятно, и благоговѣйнаго отношенія мусульманъ къ домамъ молитвы не видно. Будучи открытыми, мечети являются пристанищемъ для птичьихъ гнѣздъ, увеличивающихъ неопрятность.

Постройки горныхъ таджиковъ значительно хуже построекъ долинныхъ таджиковъ. Хотя въ верховьяхъ, напр., Зеравшана, лѣсъ находится въ большомъ изобиліи, постройки сдѣланы съ такими же крышами, какъ обыкновенно строятся во всей Средней Азіи въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Стѣны ихъ состоятъ изъ грубо-сложенныхъ камней, комковъ глины. Постоянно закоптѣлыя, сырыя, нечисто содержимыя мазанки—скорѣе хлѣвы для скота, нежели жилища людей; да къ тому же

*) Ситняковскій. Извѣст. Турк. отд. И. Р. Г. О. т. I 1899 г. в. II стр. 161.

въ нихъ зачастую, вмѣстѣ съ людьми—особенно въ зимніе холода—живутъ ишаки и козы.

Жители Фальгара живутъ въ сакляхъ, сдѣланныхъ изъ комковъ глины пополамъ съ камнями; сакли ихъ темны и грязны; надворныя строенія и сады обнесены стѣнками изъ булыжника и щебня—того и другого матеріала очень много на всемъ пути по Фальгару. Насколько незатѣйливы жилища горцевъ—можно судить по бывшему бековскому помѣщенію. Въ кишлакѣ Урмитанѣ, на крутомъ берегу, Зеравшана сохранились остатки крѣпости, простой, самой обыкновенной постройки; крѣпость обнесена такой же стѣной съ башенками по угламъ и бойницами для стрѣлковъ. Внутри ея—небольшой дворъ съ саклями и конюшнями, раздѣленный на двѣ половины: лѣвая—помѣщеніе бека и правая—сарбазовъ и прислуги. На стѣнахъ и потолкахъ сакель незамѣтно слѣдовъ какихъ-либо украшеній; окна замѣняютъ небольшія отверстія съ простыми, грубой работы, деревянными ставнями. И это служитъ мѣстопребываніемъ властелина, бека. Теперь легко себѣ представить жилища неприхотливыхъ, привыкшихъ ко всевозможнымъ лишеніямъ, горцевъ.

Осматривая внѣшнюю форму построекъ въ Ягнобѣ, трудно сказать: четырехугольныя-ли онѣ, круглыя или овальныя. Сперва на занимаемой для дома площадкѣ врываются въ землю нѣсколько столбовъ, между которыми кладутся балки. Арчу для балокъ и другихъ частей постройки добываютъ или снизу, изъ Ягноба, или изъ Матчи. Столбы ставятся квадратомъ; затѣмъ кругомъ ихъ возводятъ стѣнки изъ мѣстныхъ неотесанныхъ камней, связываемыхъ между собою глиной съ щебнемъ (на лѣтовкахъ дома тоже сложены изъ камней, но не связанныхъ глиной).

Когда стѣны подведены подъ одинъ уровень со столбами, на поперечныя балки накладываютъ хворостъ, который, въ свою очередь, закрытый огромными плоскими и тонкими плитами изъ кремнистаго сланца, засыпается землей. Стѣнъ не штукатурятъ. Въ домѣ двѣ двери: одна ведетъ на улицу, а другая—въ рядомъ пристроенный указаннымъ способомъ домъ, называемый сензъ-ханэ. Сюда семья загоняетъ на зиму всю свою скотину, а весной—только молодую. Первый же домъ, состоящій изъ одной комнаты, служитъ для помѣщенія семейства. Тутъ же нерѣдко семья выращиваетъ новорожденный скотъ.

Первая комната, по нешмѣнію трубы, которую замѣняетъ небольшое отверстіе въ углу потолка, а иногда въ боковой стѣнѣ надъ очагомъ, обыкновенно сильно закопчена. Въ полуаршинѣ отъ порога начинается небольшое, въ $^1/_4$ аршина возвышеніе и идетъ во всю комнату. Тутъ же, по бокамъ очага, устроено въ рядъ нѣсколько глиняныхъ, съ тонкими стѣнками, сундуковъ для зернового хлѣба, муки, ячменя, платья и т. п. предметовъ. Сундуки эти бываютъ не болѣе полутора аршина длины, аршина вышины и $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина ширины. Кошма, постланная гдѣ-нибудь въ углу, да разбросанныя тутъ же одна или двѣ подушки, шуба и джамэ (халатъ) изъ шерсти служатъ постелью семьѣ.

Отсутствіе дерева заставляетъ жителей отапливать свои сакли навозомъ. Въ каждомъ попутномъ кишлакѣ видны передъ саклями, на дворахъ и крышахъ цѣлыя пирамиды кизяку—это обитатели заготовляютъ на длинную и суровую зиму топливо.

Мечети въ этихъ горныхъ мѣстахъ отличаются маленькой особенностью, чрезвычайно интересной въ религіозно-бытовомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ мечетью, часто подъ одной съ ней крышей, находится небольшое помѣщеніе, въ которомъ на полу, на особо отгороженномъ мѣстѣ, въ часы общей молитвы, разводится огонь, вокругъ котораго садятся молящіеся. Эти очаги составляютъ здѣсь непремѣнную принадлежность каждой мечети, и у мусульманъ другихъ мѣстностей Туркестана, кажется, нигдѣ не встрѣчаются. Туземцы говорятъ, что обычай молиться у огня ведется у нихъ съ незапамятныхъ временъ, но о томъ, откуда онъ ведетъ свое происхожденіе, у нихъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Однако, если принять во вниманіе, что таджики—выходцы изъ Ирана, изъ страны, служившей колыбелью древней религіи Зароастра, съ ея огнепоклонниками, то этотъ странный обычай, можетъ быть, и найдетъ свое объясненіе.

Весьма возможно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пережиткомъ старины, со слабымъ, безсознательнымъ отголоскомъ уже угасшихъ вѣрованій, прихотью судьбы внѣдрившимся въ новый религіозный культъ населенія*).

Жители Дарвава не живутъ кишлаками, здѣсь сакля каждой семьи расположена отдѣльно посреди своихъ пашенъ и къ ней примыкаютъ только различныя хозяйственныя постройки. Впрочемъ, кишлаки Чиль-Даринскаго и Сагри-Даштскаго аммлякдарствъ, а также низовьевъ р. Пянджъ еще имѣютъ нѣкоторое сходство съ кишлаками Туркестана.

Стѣны домовъ глинобитныя; вмѣсто оконъ пробиты лишь изрѣдка, не болѣе одного на комнату, отверстія вершковъ шести въ квадратѣ. Зимой отверстія эти закрываются просаленной бумагой или бычачьимъ пузыремъ, а иногда и просто тряпками. Крыша обыкновенно плоская; въ болѣе богатыхъ домахъ покрывается сначала балками, затѣмъ рѣшетникомъ и смазывается поверхъ глиной. Въ крышахъ всегда имѣется особое дымовое отверстіе. Иногда устраивается крыша и такъ: дѣлается квадратный срубъ изъ балокъ и кладется углами на стѣны дома, слѣдующій такой же срубъ, но меньшій по размѣрамъ, кладется углами на бока положеннаго уже сруба и т. д., пока верхній, самый маленькій, не образуетъ изъ себя уже дымового отверстія; пространство между срубами и стѣнками покрывается рѣшетникомъ и все это сверху смазывается глиной и получается, такимъ образомъ, сводчатая крыша.

Дома въ склонахъ горъ устраиваются въ видѣ землянокъ, по крышамъ которыхъ часто проходитъ дорога. У бѣдныхъ въ домѣ не болѣе двухъ комнатъ, такъ сказать, пріемной—общественной и хозяй-

*) В. Ф. Новицкій. Изв. Р. Г. общ. т. X вып. I-II стр. 9.

ской (пчкари)—собственно женской. У богатыхъ нѣсколько комнатъ и, кромѣ того, имѣется особая кухня. Для нагрѣванія воздуха въ комнатахъ зимой сдѣлано въ полу углубленіе, куда ставится особый желѣзный или мѣдный тазъ съ углями. Надъ тазомъ ставится особый табуретъ, поверхъ котораго кладутъ одѣяло или кошму. Желающіе обогрѣться садятся вокругъ накрытаго табурета, помѣщая свои ноги, а также и руки подъ эту настилку. Въ болѣе холодныхъ мѣстахъ Дарваза самые очаги приспособлены такъ, что дымъ ихъ идетъ не прямо на воздухъ, а проходитъ сначала подъ особыми нарами, устроенными близъ стѣнъ и, такимъ образомъ, нагрѣвая ихъ, нагрѣваетъ нѣсколько и внутренній воздухъ комнатъ. Къ домамъ обыкновенно примыкаютъ и всѣ хозяйственныя постройки, какъ-то: конюшни, загоны для овецъ, для быковъ, склады для пшеницы, ячменя, дровъ и т. п.; зимой почти весь скотъ держится при домѣ и кормится, заготовленной заранѣе, травой и листьями деревьевъ, рѣдко ячменемъ и тутовыми ягодами.

Вокругъ домовъ, въ большинствѣ случаевъ, насажены деревья, пашни, а иногда и огороды. Лѣтомъ, въ жару, жители не сидятъ въ домахъ, а помѣщаются или на крышахъ, или на камняхъ ближайшихъ горныхъ рѣчекъ, или же, наконецъ, устраиваютъ на деревьяхъ или столбахъ особые помосты, часто прикрытые сверху плетенками изъ тонкихъ вѣтокъ (вродѣ клѣтки). Это—единственное спасеніе отъ мухъ, мошекъ, земляныхъ блохъ, фалангъ и т. п., крайне опасныхъ, но, къ несчастью, весьма распространенныхъ насѣкомыхъ въ Дарвазѣ. Стѣнки огородовъ или пашенъ дѣлаютъ обыкновенно изъ древесныхъ вѣтвей, или же складываются изъ камней.

Стѣны прежнихъ крѣпостей (кала) Дарваза сдѣланы изъ камей въ перемежку съ стволами деревьевъ; связью служитъ, отчасти, глина, а, главнымъ образомъ, плетеные изъ хворосту жгуты. Подобное же устройство имѣютъ нѣкоторые дома.

Топливо составляютъ, отчасти, лѣсъ и трава колючка, кустарникъ-туляхъ и кизякъ.

У болѣе зажиточныхъ туземцевъ имѣются небольшіе цвѣтники. Къ цвѣтамъ туземцы питаютъ особое пристрастіе *).

Жители Шугнана живутъ бѣдно. Жилищемъ шугнанской семьи служитъ обыкновенно сложенная изъ камня полутемная или даже совершенно темная сакля, проникнуть въ которую можно чрезъ небольшую дверь. Для удобства устраиваются обыкновенно земляныя нары, на которыхъ зимой спитъ вся семья; лѣтомъ мужчины спятъ обыкновенно на воздухѣ. Рядомъ устраивается небольшое, сложенное изъ камня же, помѣщеніе, въ которое загоняется скотъ. Двѣ-три такихъ сакли, двѣ-три семьи шугнанцевъ составляютъ кишлакъ или селеніе. Крайне рѣдко кишлакъ состоитъ изъ 10—12 домовъ. Разумѣется, въ такомъ крохотномъ кишлакѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо базарѣ, вообще, о правильной торговлѣ.

---

*) Дарвазъ. Рекогносц. кап. Кузнецова, стр. 61 и слѣд.

Такимъ образомъ, шугнанецъ вынужденъ довольствоваться тѣмъ, что можетъ выработать самъ, жить продуктами своего хозяйства.

Продавая свои продукты лишь случайно и, конечно, по весьма недорогимъ цѣнамъ, шугнанецъ, наоборотъ, дорого платитъ за то, что ему въ свою очередь приходится покупать. Конечно, не часты и случаи для покупокъ чего бы то ни было, но все же, время отъ времени появляются тамъ купцы изъ Ферганы, или контрабанда изъ Бадахшана, наконецъ, при русскомъ укрѣпленіи въ Хорогѣ существуетъ оригинальная лавочка, въ которой можно купить что-нибудь*).

Постройки памирскихъ таджиковъ также не блестящи. Это—сакли, сложенныя изъ мѣстнаго камня—плитняка, на глинистомъ растворѣ и перекрытыя земляными крышами—потолками. Земляные полы ихъ нерѣдко углублены ниже горизонта земли для уменьшенія количества труда при возведеніи жилища. Освѣщеніе этихъ жилищъ производится, главнымъ образомъ, черезъ четырехугольное отверстіе въ потолкѣ, называемое по таджикски „руузъ“ и предназначенное также для выхода дыма изъ очага, на которомъ приготовляется пища. Въ холодное время руузъ закрывается деревяннымъ щитомъ и тогда сакли почти совершенно лишаются свѣта, такъ какъ небольшія оконца въ стѣнахъ имѣются далеко не во всѣхъ сакляхъ. Вдоль стѣнъ каждой сакли устраиваются обыкновенно широкія земляныя нары, носящія названіе „нэхъ“, на которыхъ таджики спятъ, сидятъ, ѣдятъ и пьютъ, такъ какъ никакой мебели у нихъ не имѣется. Около одной изъ стѣнъ вмѣсто нэхъ устраиваются очаги для приготовленія пищи, а посрединѣ другой располагается входная дверь, обыкновенно маленькая, низкая, закрывающаяся щитомъ, грубо сколоченнымъ изъ досокъ**).

Стѣны внутри обмазаны глиной руками женщинъ, которыя въ этомъ большія мастерицы; иногда изъ простой глины, смѣшанной съ мелкой соломой, выдѣлываются переносные ящики, даже особаго рода подсвѣчники, вышиною болѣе аршина, наконецъ, горшки и другая посуда.

Дома въ Ладакѣ имѣютъ плоскія крыши; они состоятъ изъ двухъ этажей и выстроены изъ огромныхъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; стѣны этихъ домовъ значительно наклонены внутрь, а двери и окна отдѣланы блестящей бѣлой и красной штукатуркой. Крыши обыкновенно уставлены рядами роговъ (отъ дикихъ звѣрей или отъ домашнихъ барановъ и козъ), въ которые воткнуты маленькіе флаги и тряпки изъ разноцвѣтной бумажной матеріи***).

Въ селеніяхъ Кашгара каждая семья помѣщается обыкновенно въ одной жилой комнатѣ, размѣры которой не велики: высота не превосходитъ $1^1/_2$ саж.; длина и ширина $2—2^1/_2$ саж.; къ саклѣ примыкаетъ нѣсколько коморокъ для склада запасовъ, одежды и проч. Въ стѣнахъ внутри дома устраивается ниши для домашней утвари. Двери однѣ,

*) Б. А. Федченко. Изв. И. Р. Г. Общ. 1902 г. в. III стр. 700 и слѣд.
**) Серебренниковъ. Ежегод. Ферг. обл. т. I. вып. 1902 г. стр. 150 и 151.
***) Робертъ Ша. Очерки верхней Татаріи и т. д. стр. 10.

одностворчатыя или двухстворчатыя, весьма низки. Для свѣта оставляется небольшое отверстіе, забранное рѣшеткой, въ крышѣ или сбоку дверей. Для отопленія устраивается каминъ; дымовой каналъ выводится въ стѣнѣ; въ нѣкоторыхъ сакляхъ, за отсутствіемъ печей, огонь раскладывается по серединѣ и дымъ уходитъ чрезъ оконное отверстіе. Полъ въ комнатѣ набивается изъ той же глины; въ задней части комнаты обыкновенно устраиваются широкія нары для спанья, приподнятыя на 1—1½ ф. Снаружи сакли, примыкая къ ней, или въ тѣни деревьевъ, устраиваютъ широкія и высокія леганки (супа), на которыхъ располагаются въ теплое время; тутъ же устраиваютъ обыкновенно хлѣбопекарныя печи, въ видѣ глиняныхъ кубовъ съ сферическою пустотою внутри и широкимъ верхнимъ отверстіемъ. Вокругъ сакли располагаются надворныя постройки, такія же низкія, темныя мазанки съ плоской кровлей; затѣмъ, вся усадьба окружается или невысокой глинобитной стѣнкой, или же живою изгородью.

Въ Сарыколѣ жилыя постройки отличаются тѣмъ лишь, что почти ¼ площади жилой комнаты занимаетъ глинобитный помостъ высотою до 2 арш., на которомъ устраиваются очагъ, хлѣбопекарная печь и располагается вся домашняя утварь, а вдоль остальныхъ стѣнъ идутъ широкія нары. Въ домахъ зажиточныхъ туземцевъ, кромѣ общей жилой комнаты, имѣются еще отдѣльныя комнаты для спанья и для гостей *).

Незатѣйливой постройкѣ горцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и домашняя обстановка.

Всю домашнюю утварь составляютъ нѣсколько корзинъ, ложекъ, чашекъ, сито,, чугунный котелъ и другія принадлежности кухни, валяющіяся у очага. Почти всѣ предметы домашней утвари и посуда сдѣланы изъ дерева и тыквы, которыми ягнобцевъ въ изобиліи снабжаютъ фальгарцы. Въ сейзханэ можно встрѣтить лопату, корыто, деревянный плугъ и другія орудія сельскаго хозяйства. Изъ металлическихъ вещей встрѣчается только чугунъ, ножъ, да у людей зажиточныхъ плуги, текмени и лопаты, вывозимыя изъ городовъ. Надобно замѣтить, что у ягнобцевъ нѣтъ никакихъ производствъ. Всю домашнюю утварь пріобрѣтаютъ они отъ сосѣдей или же иногда къ нимъ, въ лѣтнее время, появляются изъ городовъ туристы—ремесленники.

Домашняя утварь каратегинца состоитъ непзбѣжно изъ чугуннаго котла, такого же кумгана (родъ чайника) для кипяченія воды, изъ нѣсколькихъ разной величины глиняныхъ горшковъ для воды, для молока, для разной незатѣйливой стряпни, изъ 2—3 глиняныхъ самодѣльныхъ чашекъ, изъ мѣшочковъ съ съѣдобными и лекарственными травами, изъ небольшого запаса самодѣльнаго мыла, изъ сыромятной кожи, на которой заправляютъ тѣсто, крошатъ лапшу, изъ кожаннаго продовольственнаго мѣшка, неразлучнаго спутника горца при всѣхъ продолжительныхъ отлучкахъ изъ своего дома. Въ домѣ горца можно встрѣтить еще фитильное ружье, саблю, нѣсколько тонкихъ палокъ для ходьбы

*) Корниловъ. Кашгарія стр. 28 и 281.

черезъ перевалы, кольцеобразныя лыжи изъ тальника и высокія деревянныя галоши для зимы, первобытный небольшой ткацкій станокъ, прилѣпляемый въ углу сакли надъ ямой для сидѣнья ткача, запасъ въ 5 - 6 свѣтильныхъ лучинъ и—больше уже ничего найти невозможно.

Обстановка дарвазца также незатѣйлива. Домашняя посуда, утварь самая ограниченная и простая: желѣзный котелъ, иногда съ таганомъ, деревянная ложка (одна на всю семью), съ длинной ручкой и острымъ концомъ въ бокъ; ножи, носимые на поясахъ, корка тыквы—горлянка для воды, молока и другихъ жидкостей, деревянная тарелка (глубокая, родъ плоской чашки), нѣсколько деревянныхъ и глиняныхъ чашекъ и мѣдный или желѣзный кушганъ для чая—вотъ и все.

Описывать домашнюю обстановку другихъ горцевъ—повторять только что сказанное.

II. Одежда и оружіе.

На покрой одежды туземцевъ наибольшее вліяніе имѣютъ климатъ, особенности бытовыхъ условій и религія. Качество же матеріаловъ, изъ которыхъ дѣлается одежда, находится, понятно, въ зависимости отъ матеріальнаго достатка. Вообще, нужно замѣтить, что одежда равнинныхъ таджиковъ болѣе нарядна, имѣетъ болѣе яркіе цвѣта, нежели одежда горныхъ таджиковъ.

Одежда равнинныхъ таджиковъ та же, что и у сартовъ. На головѣ имѣется тюбитейка, которая шьется изъ разныхъ матерій; на тюбитейку навертывается чалма. Бѣлье таджика состоитъ изъ рубахи и штановъ. Выходя изъ дому, таджики одѣваютъ сапоги, обертывая ноги портянками. Чулокъ не имѣютъ. Во всякую погоду большинство носятъ галоши. Верхнюю одежду составляетъ халатъ. Число халатовъ на каждомъ состоятельномъ таджикѣ доходитъ до трехъ и они замѣняютъ жилетъ, сюртукъ и пальто. Нижній халатъ, а въ лѣтнее время у бѣдныхъ рубахи, подпоясываются прямо кушакомъ, который дѣлается изъ ремня съ различными на немъ украшеніями, а у бѣдныхъ кушакъ замѣняетъ длинный кусокъ матеріи, нѣсколько разъ обернутый вокругъ таліи, при чемъ длинные концы такого кушака затыкаются за самый поясъ.

Болѣе подробно объ одеждѣ туземцевъ равнинъ нами уже было сказано ранѣе, при описаніи одежды сартовъ.*)

Костюмъ таджички—также общій всей Средней Азіи. Волосы носятъ таджички въ нѣсколько косъ, изрѣдка наставленныхъ искусственными изъ чернаго шелка; ожерелья, широкая рубаха съ короткими и узкими рукавами, противоположными широкимъ и очень длиннымъ рукавомъ сартянокъ, камзолъ, черная вуаль (чимбетъ, чимматъ—сѣтки изъ чернаго конскаго волоса) и пораджи. Кольца, серги и браслеты предпочи-

*) Сарты, стр. 132 и слѣд.

таются изъ серебра съ позолотой и бирюзой; люди богатые покупаютъ женамъ своимъ и золотыя украшенія. Косметиками служатъ: розовая вода, мятное масло и мускусъ. Ногти крясятъ въ красный цвѣтъ; щеголихи или старыя кокетки брови сурмятъ, щеки бѣлятъ и румянятъ, но зубовъ не красятъ.

Одежду горцевъ составляютъ: армячинный халатъ, бязевая рубаха, изъ такой же матеріи штаны, на ногахъ горные сапоги, на головѣ —тюбитейка и небольшая бязевая чалма. Палка (асса) – непремѣнная принадлежность горца.

Женщины у горцевъ ходятъ съ открытыми лицами и своихъ мужчинъ не стѣсняются.

Костюмъ ягнобцевъ, приготовляемый изъ шерсти и хлопчатой бумаги, состоитъ изъ тѣхъ же частей, что и костюмъ другихъ горцевъ: куртэ-рубаха; шьется она вродѣ мѣшка, длинная, ниже колѣнъ, съ длинными прямыми рукавами. Ворота не имѣетъ, а только дѣлается прорѣзъ между плечами, который обшивается оторочкой. Лѣтомъ вмѣсто этой рубахи, которая у женщинъ бываетъ до пятокъ, мужчины носятъ яктакъ. Это нѣчто вродѣ халата, сшитаго изъ карбаза, безъ подкладки. Штаны, изаръ,—прямые, самаго незатѣйливаго покроя изъ того же карбаза, на изаръ-бендѣ (шнуркѣ). На этотъ нарядъ надѣваютъ джамэ – это тоже халатъ. Затѣмъ уже, сверху, чекмень. Бѣдный же классъ, не имѣя джамэ, носитъ одинъ чекмень. На голову надѣвается небольшая шапочка, вродѣ ермолки, называемая тупи. Затѣмъ нѣкоторые обматываютъ голову длиннымъ, отъ 2 до 4 аршинъ, полотномъ, вродѣ полотенца, называемымъ сальэ-амама (чалма). Ноги или обертываются грубою тканью пайхабэ изъ бязи, или зимой носятъ шерстяные чулки (джурабъ), привозимые изъ Каратегина. Затѣмъ надѣваютъ чарухъ—нѣчто вродѣ нашихъ лаптей, приготовляемые изъ невыдѣланной кожи домашней скотины, шерстью кверху, закрѣпляемые на ногахъ длинными завязками, идущими отъ задниковъ. Весь этотъ костюмъ завершаетъ поясъ-міанъ-бендъ, для котораго служитъ кусокъ бязи, аршина въ два длины.

Женскій костюмъ немногимъ отличается отъ мужского: такая же рубаха, съ той разницей, что она до пятокъ и съ разрѣзомъ посрединѣ груди. Затѣмъ штаны, изаръ; потомъ чарухъ-музэ, сапоги; вмѣсто халата надѣтъ кафтанъ съ таліей (муниcакъ), незавязывающійся спереди, и, наконецъ, чекмень. Женскій костюмъ шьется изъ бязи, шелка или адряса, смотря по состоянію, а чекмень изъ армячины. Голова завязывается платкомъ. Женщины не носятъ длинныхъ халатовъ, вродѣ носимыхъ жительницами равнинъ и не закрываютъ сѣткой лица.

Описанный костюмъ составляетъ обыкновенное одѣяніе ягнобца; состоятельные люди привозятъ съ собою съ сосѣднихъ базаровъ лучшія ткани, а для обуви отвозятъ кожи на выдѣлку въ города, но отъ этого измѣняется только качество матеріала, типъ же обуви остается одинъ и тотъ же, сообразный съ требованіемъ мѣстности. Вмѣсто упо-

мянутой обуви въ формѣ лаптей, нѣкоторые носятъ сапоги съ острыми носами, безъ каблуковъ*).

Вообще нужно сказать, что запасовъ одежды у горцевъ въ домѣ нѣтъ, потому что она состоитъ у каждаго горца изъ одной пары нижняго бѣлья, шерстяныхъ чулокъ, одной пары сапогъ, ермолки головной съ тряпкой бязевой вмѣсто чалмы, верхняго шерстяного халата (чекмень) съ шерстяными же штанами, все—на одинъ годъ для мужчины; а для женщины изъ одной пары нижняго бязеваго же бѣлья, изъ платка бязевого, изъ шерстяной верхней рубахи (ягта) и галошъ. При такомъ несложномъ гардеробѣ перемѣна бѣлья, разумѣется, не полагается, а стирка выполняется въ годъ три раза, и тогда горецъ и горянка или жмутся гдѣ нибудь въ углу голыми, закрывшись, конечно, тряпками, или же, какъ это бываетъ, впрочемъ, весьма рѣдко, выпрашиваютъ лишнюю рубаху у сосѣда.

Дарвазцы носятъ снизу матовую длинную рубаху и матовые же глухіе штаны, а поверхъ надѣваютъ халаты. Головной уборъ составляютъ—тюбитейка и чалма или мѣховая шапка. Обувь—сапоги, ичиги съ галошами, или же особые кожаные мягкіе чарухи. Ребятишки, лѣтъ до 10, лѣтомъ ходятъ совершенно голыми, лишь изрѣдка прикрываясь бараньими шкурами.

Костюмъ женщинъ такой же, какъ у мужщинъ, только онѣ ничего не носятъ лѣтомъ на головѣ, а ихъ растрепанная шевелюра служитъ и головнымъ уборомъ. Зимой голову онѣ повязываютъ или покрываютъ мѣховой шапкой.

Одежда шугнанца состоитъ изъ матовой рубахи и такихъ же штановъ; обувь—чулки и мягкіе чевяки; на головахъ тюбитейки. Зимой носятъ шубы, а на головы одѣваютъ мѣховыя шапки. Женщины лицъ не закрываютъ.

Рошанецъ одѣвается въ суконный бѣлый или сѣрый чапанъ, въ широкіе суконные штаны и въ оранжевые пехи-сапоги безъ подошвъ и каблука, сшитые изъ крѣпкой архарьей или кіичьей шкуры; на головѣ кое какъ сдѣланная повязка изъ небольшаго обрывка сукна и въ рѣдкомъ случаѣ подобіе тюбитейки. Сукно-домашняго приготовленія и отличается большимъ достоинствомъ. Мата почти неизвѣстна и идетъ исключительно на женскій костюмъ. Яркихъ цвѣтовъ почти нѣтъ. Первые халаты появились только съ приходомъ русскихъ **).

Вообще одежда горцевъ мужчинъ и женщинъ почти совершенно одинакова и состоитъ изъ рубахи и шароваръ, поверхъ которыхъ надѣваются халаты, сшитые, смотря по вкусу и достатку таджиковъ, изъ различныхъ матерій, большею же частью изъ грубой шерстяной, собственнаго издѣлія. Головной уборъ мужчинъ состоитъ изъ тюбитейки, называемой „токэ“ и надѣваемой на бритую голову, и чалмы, которыя у бѣдняковъ замѣняются простымъ платкомъ или кускомъ маты. Но-

---

*) Искандеръ-тюря. Турк. вѣд. 1881 г. № 4.

**) В. Баньковскій. Турк. Вѣд. 1894 г. № 13.

шеніе мѣховыхъ шапокъ распространено мало и чаще всего встрѣчаются сарыкольскія бараньи шапки. Женщины не носятъ ни токи, ни чалмы, а повязываютъ головы платками.

Обувь состоитъ обыкновенно изъ сапогъ на мягкой подошвѣ, сшитыхъ изъ некрашенной кожи мѣстнаго изготовленія, хотя болѣе зажиточные носятъ сапоги изъ чернаго товара съ высокими каблуками, привезенные изъ Ферганы. Нѣкоторые таджики носятъ галоши афганскаго образца съ загнутыми вверхъ острыми носками и жесткими подошвами, сплошь покрытыми широкими шляпками желѣзныхъ гвоздей, вбитыхъ въ подошву, вслѣдствіе чего такіе галоши носятся чрезвычайно долго, несмотря на сильно каменистую почву. Лѣтомъ, какъ таджики, такъ и ихъ жены, ходятъ въ большинствѣ случаевъ въ одномъ бѣлье и босикомъ *).

Однообразную, одинаковаго покроя, свободную шерстяную одежду носятъ въ Сарыколѣ, Ваханѣ, Зебакѣ, Читралѣ, Ясинѣ, Хунзѣ, Нагерѣ и въ долинахъ Ягестана. Тѣ, которымъ позволяютъ средства, лѣтомъ замѣняютъ ее хлопчато-бумажнымъ халатомъ, такого же покроя, со стеганными краями и вышитыми шелкомъ воротникомъ и передомъ. При надѣваніи въ первый разъ просторные рукава складываются въ видѣ мелкихъ складокъ до плеча. Въ долинѣ Инда, около Шинкари, мужчины носятъ чалмы и плотно облегающее платье и сохранили оригинальныя, описанныя Дрью, кожаныя повязки для ногъ; онѣ называются „товти“ и составляютъ особенность племенъ, говорящихъ на шина, а также торваликовъ и бушкариковъ въ Кухистанѣ, которыхъ вслѣдствіе этого сосѣди часто называютъ „товчингъ“. Въ Читралѣ носятъ сапоги изъ мягкой кожи.

Женщины носятъ ширскія шаровары, поверхъ нихъ просторную рубашу изъ грубо окрашенной бумажной ткани; она застегивается посрединѣ у шеи и опускается до колѣнъ. Застежка состоитъ изъ круглой пряжки, съ серебряной треугольной подвѣской, называемой „пешавезъ“; размѣры ея зависятъ отъ средствъ владѣлицы. На шеѣ обыкновенно носятъ одно или два ожерелья изъ янтаря или цвѣтныхъ бусъ. Болѣе богатыя носятъ ожерелья изъ серебряныхъ бусъ и серебряныхъ овальныхъ медальоновъ, посреднѣ которыхъ вдѣланы куски сердолика или бирюзы. Въ Читралѣ, Ваханѣ и Сыриколѣ мужчины носятъ очень узкія, небольшія чалмы. Въ Гильгитѣ, Асторѣ и большей части Ягестана въ общемъ употребленіи войлочныя шляпы. Женщины также носятъ просторныя войлочныя шляпы, обыкновенно темнаго цвѣта. У шиновъ незамужнія женщины отличаются бѣлымъ головнымъ уборомъ, который никогда не надѣваютъ у нихъ замужнія. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ множество талисмановъ, вышитыхъ яркими шелками и подвѣшенныхъ къ шляпѣ или платью небольшими мѣдными пряжками; иногда эти послѣднія сдѣланы съ большимъ вкусомъ.

Весьма оригинальную ткань прядутъ изъ пуха, преимущественно

---

*) Серебренниковъ. Ежегодн. Ферг. обл. т. I вып. 1902 г. стр. 149 и 150.

дикихъ птицъ и бо́льшого ястреба (д. himalayensis). Пухъ свиваютъ въ грубыя нитки, изъ которыхъ уже прядутъ обыкновеннымъ способомъ ткань.

Платье, сдѣланное изъ нихъ, очень теплое, но всегда имѣетъ пушистый, грязный видъ. Такое платье носятъ только люди богатые. Пухъ горнаго козла также въ большомъ спросѣ для теплаго платья, но, какъ кажется, оно всегда сохраняетъ сильный козій запахъ.

Молодые люди бреютъ средину головы, отъ лба чрезъ макушку до шеи; волосы съ обѣихъ сторонъ отпускаются свободно и собраны въ одинъ большой локонъ съ каждой стороны шеи; борода подстрижена. Эту моду у дардовъ также заимствовали балти. Молодые люди высшихъ классовъ бреютъ только верхъ головы въ видѣ полосы, у лба шириною около 2 дюймовъ и съуживающейся къ концу до полудюйма. Тѣ, которые не могутъ похвастать длинными локонами, носятъ прическу въ видѣ винтообразныхъ колечекъ кругомъ всей головы. (по Роулисону это древняя персидская мода). Люди среднихъ лѣтъ бреютъ, согласно магометанскому закону, всю голову и отпускаютъ бороду. Въ Читралѣ длинные, вьющіеся локоны часто имѣютъ очень живописный видъ*).

Женщины Ладака носятъ полосатыя, красныя съ голубымъ, юбки, суконные сапоги до колѣнъ и плотно охватывающія талію куртки съ барашковымъ капюшономъ (шерстью внутрь), иногда подбитымъ краснымъ сукномъ; головы у нихъ не покрыты и только уши защищены отъ рѣзкаго вѣтра странными суконными наушниками. Самое дорогое украшеніе ихъ состоитъ изъ такъ называемаго „перакъ“, т. е. широкаго куска кожи, висящаго съ головы вдоль по спинѣ, и усѣяннаго рядами крупной фальшивой бирюзы.

Мужчины всѣ безбородые; они носятъ такіе же сапоги, толстые шерстяные кафтаны, перевязанные у пояса и спускающіеся до икръ; прическа ихъ состоитъ изъ одной косы, а шляпы ихъ похожи на фригійскія шапки, висячій конецъ которыхъ служитъ для разныхъ цѣлей: въ защиту глазъ отъ солнечныхъ лучей, или же ушей—противъ холоднаго полуденнаго вѣтра**).

Оружіе. Древнее вооруженіе горцевъ состояло изъ лука и стрѣлы, сѣкиры и круглаго кожанаго щита. Тѣ, кому позволяли средства, носили также кольчугу и стальной шлемъ. Лукъ и сѣкира, замѣненные въ настоящее время кремневымъ ружьемъ и саблею, все еще иногда встрѣчаются. Хотя приготовленіе пороха не представляетъ затрудненій, но ружейные стволы получаются изъ Кашмира и Бадахшана, и потому для охоты все еще пользуются лукомъ и стрѣлами. Лукъ дѣлается изъ полосъ рога-ібеховъ, размягченныхъ въ водѣ и связанныхъ другъ съ другомъ, и составляетъ прочное, могучее оружіе. Сѣкиры въ разныхъ мѣстахъ разнаго вида; нѣкоторыя изъ нихъ высеребрены, на другихъ

*) Биддельфъ. Народы населяющіе Ганду Кушъ. Лехсбадъ. 1880 г. стр. 97 и слѣд.

**) Раберъ-Ша. Очерки в. Татаріи и т. д. стр. 10.

выгравированы узоры. Старое оружіе тщательно сохраняется и выставляется при брачныхъ церемоніяхъ, которыя безъ него были бы неполны. Женихъ, явившись къ своему будущему тестю безъ сѣкиры, отсылается за нею назадъ; и если онъ не въ состояніи достать таковую, то долженъ за это особо уплатить. Фитильныя ружья, получаемыя изъ Бухары, въ Ваханѣ носятъ названія „камуни фарханъ“, т. е. французскія или европейскія.

„Камуни сіяхъ“—черное ружье—мѣстнаго производства, главнымъ образомъ изъ Гиссара, Куляба и Дарваза. „Черныя ружья“ отличаются большимъ калибромъ, стрѣляютъ очень плохо, сильно отдаютъ. „Французскія“ отличаются болѣе длиннымъ стволомъ, малымъ калибромъ, значительно тяжелѣе, чѣмъ „черныя“, но стрѣляютъ лучше послѣднихъ.

Въ прежнія времена что ни щель въ горахъ, что ни котловина то и особое бекство. Матчинское бекство враждовало съ Ягнобскимъ и Урмитанскимъ, а это послѣднее—съ Кшутскимъ. Стражу, опору властей каждаго изъ этихъ мелкихъ владѣтелей, составляли десятокъ—другой джигитовъ и нѣсколько пѣшихъ стрѣлковъ. Въ случаѣ же какого нибудь набѣга, подымались всѣ жители бекства, всегда готовые поживиться чужимъ имуществомъ. Вооруженіе этихъ воиновъ состояло изъ нѣсколькихъ фитильныхъ ружей, сабель, пикъ и большого количества дубинъ изъ крѣпкаго иргая.

12. Пища и напитки.

Трудно говорить въ общихъ чертахъ о питаніи таджиковъ, живущихъ при столь разнообразныхъ условіяхъ. На способы питанія даннаго населенія существенное вліяніе имѣютъ климатическія и почвенныя условія, религіозныя вѣрованія, а также степень культурности и благосостоянія населенія. Такимъ образомъ, питаніе населенія данной страны находится въ непосредственной зависимости отъ окружающихъ данное населеніе условій, а также характеризуетъ его потребности и степень культурнаго развитія. Намъ извѣстно, что огромное большинство народонаселенія, кромѣ того, крайне стѣснено не только относительно выбора пищевого матеріала, но и относительно количества употребляемой каждымъ человѣкомъ пищи; существуютъ, какъ извѣстно, цѣлыя страны, населеніе которыхъ обречено на потребленіе почти исключительно одного какого нибудь пищевого средства—картофеля, хлѣба, риса или маиса, рыбьяго мяса и жира и проч. Точно также и таджики, особенно горные, крайне стѣснены въ выборѣ своихъ пищевыхъ средствъ не только въ качественномъ отношеніи и относительно ихъ разнообразія, но также и въ количественномъ отношеніи.

Можно сказать, что таджики равнинъ питаются также, какъ и сарты.

Въ лѣтнее время таджики равнинъ не требовательны къ пищѣ и довольствуются только лепешкой съ дыней или виноградомъ и чаемъ, и только наканунѣ праздника (пятницы) позволяютъ себѣ мясное. Въ зимнее время потребность въ мясной пищѣ и въ животныхъ жирахъ значительно повышается.

Употребляемый таджиками хлѣбъ выпекается изъ кислаго пшеничнаго тѣста по преимуществу въ видѣ лепешекъ. Другой хлѣбъ—кукурузный или джугаровый, выпекается изъ только что названной муки съ небольшою примѣсью пшеничной муки. Бываетъ много сортовъ

лепешекъ, отличающихся между собою величиною, формою и вкусомъ. Ржаная мука вовсе не употребляется для печенія хлѣба.

Выпечка хлѣба въ видѣ лепешекъ вполнѣ соотвѣтствуетъ сухому и жаркому климату. Величина лепешки не велика, такъ что съѣдается за одинъ разъ; кромѣ того, она окружена со всѣхъ сторонъ коркой, которая не даетъ возможности быстро сохнуть. Выпечка лепешекъ тутъ-же на базарѣ обыкновенно дѣлается нѣсколько разъ въ день, и потому всегда въ продажѣ можно найти горячія лепешки. Засохшія лепешки сдаются въ отдѣльныя лавки, торгующія такими лепешками; ихъ покупаютъ бѣдняки, а богатые—для скота и часто для раздачи милостыни на поминкахъ.

О выпечкѣ лепешекъ много было уже говорено подробно, а потому не буду возвращаться къ этому вопросу*).

Молоко въ большомъ употребленіи у таджиковъ, но за невозможностью его сохранять въ свѣжемъ видѣ, оно прокипяченое заквашивается и въ такомъ видѣ называется „катыкъ“. Изъ молока дѣлаютъ сыры, масло и сметану, которые употребляются въ пищу и служатъ предметомъ продажи.

Мясо употребляютъ всякаго животнаго, за исключеніемъ ишаковъ (ословъ), но предпочитаютъ баранину.

Домашнюю птицу таджики рѣдко употребляютъ въ пищу; куръ держатъ для яицъ, которыя всегда варятся въ крутую, ибо религія запрещаетъ все недовареное. Дикая пища: куропатки, улары, фазаны, перепелки, утки, гуси – употребляются только богатыми людьми или тѣми, которые сами охотятся и не имѣютъ возможности продать.

Рыба даже бѣдняками употребляется рѣдко.

Овощи—морковь, лукъ, тыква, рѣдька, рѣпа служатъ приправой къ кушаньямъ, но иногда онѣ кладутся въ такомъ количествѣ, что составляютъ главное основаніе пищи.

Любимымъ блюдомъ слѣдуетъ считать палау, который считается лучшимъ и даже до нѣкоторой степени аристократическимъ блюдомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кушанье это одно изъ дорогихъ, а потому бѣдный классъ можетъ пользоваться имъ не часто. Въ средѣ малосостоятельнаго городского населенія принято приготовлять его разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ вечеромъ.

Горячія блюда изъ продуктовъ растительнаго происхожденія приготовляютъ слѣдующія: ширъ-гурунджъ—молочная рисовая каша; куча или куджа—жидкая кашица изъ джугары (сорго) или ишена (рѣже изъ кукурузы или ячменя) съ примѣсью катыка—составляетъ, особенно въ кишлакахъ, исключительную почти пищу не только малосостоятельнаго и бѣднаго населенія, но даже и семей зажиточныхъ; унъ-ашъ —лапша, сваренная въ водѣ безъ мяса съ примѣсью катыка. Если лапша не крошится ножомъ, а рвется руками, она называется узмаашъ; гурда—жидкая кашица изъ риса на водѣ съ катыкомъ; машъ-

*) Сарты, ч. I стр. 156 и слѣд.

гурунджъ—жидкая кашица на водѣ изъ риса (гурунджъ) и чечевицы (машъ) съ рѣпой, морковью, лукомъ, перцемъ и катыкомъ (или баранинной); называется также машъ-хурда; аталя—болтушка изъ муки, имѣющая видъ жидкаго киселя; мука поджаривается на салѣ и затѣмъ разводится водой; ширъ-каду (молоко—тыква)—похлебка на молокѣ съ тыквой и рисомъ; лягманъ или бишбарманъ—тѣсто на салѣ, раскатанное очень тонко и длинно; варится въ водѣ, которая сливается прочь. Тѣсто ѣдятъ съ мясомъ, мелко рубленнымъ и поджаренымъ на салѣ съ перцемъ, лукомъ, рѣпою, а въ настоящее время и съ капустою. Изъ кислаго тѣста приготовляются шарики и жарятся въ салѣ или маслѣ; это кушанье называется баурсакъ и подается гостямъ къ чаю. Точно также изъ слоенаго тѣста дѣлаются блины и жарятся въ маслѣ; они называются котлама. Сумалякъ—въ видѣ жидкаго киселя приготовляется изъ солода. Здѣсь приготовленіе суманка имѣетъ чисто обрядовый характеръ. Варятъ его всегда ранней весной изъ муки и солода, для приготовленія котораго искусственно проращиваютъ пшеницу. На сумалякъ приглашаются обыкновенно однѣ лишь женщины и дѣвушки, большинство которыхъ приносятъ съ собою понемногу солода и муки. Собираются вечеромъ. Старухи въ продолженіе всей ночи варятъ сумалякъ, произнося надъ котломъ различныя молитвы, а молодежь, бабы и дѣвушки, угощаются пловомъ, изюмомъ, орѣхами и чаемъ. Въ случаѣ прихода посторонняго мужчины, женщины и дѣвушки, собравшіяся на сумалякъ, не прячутся. На утро, поѣвъ сумаляка и забравъ часть его въ чашки, компанія расходится. Очень часто на этихъ сборищахъ высматриваются невѣсты и сходятся любовники.

Изъ мяса приготовляются слѣдующія блюда; шавла—рисовая размазня на салѣ съ морковью, лукомъ и мелкими кусочками баранины; шурпа—супъ изъ баранины или другого сорта мяса, съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой или тыквой и заправляется иногда еще катыкомъ. Весною прибавляютъ молодые листья люцерны. Кульчатай—похлебка изъ мелко-крошеннаго мяса и тѣста, приготовленнаго въ видѣ широко нарѣзанной лапши. Мастова—похлебка изъ мелко рубленаго мяса, риса, лука и кислаго молока, съ прибавленіемъ перца. Чичвара или чичпара—пельмени. Начинка состоитъ обыкновенно изъ лука и очень незначительнаго количества баранины съ крѣпкою приправою изъ перца. Тѣ же пельмени, но изъ болѣе толстаго тѣста, называются обэ. Тѣ и другія варятся въ водѣ, но недолго. Базарныя пельмени, называющіяся мантъ или манту, приготовляются тутъ же въ лавочкѣ, варятся посредствомъ пара и продаются горячими; довольно вкусны, но жирны и содержатъ весьма много перца.

Такія мясныя кушанья, какъ каурма—поджареные въ салѣ кусочки баранины, асынъ—колбасы изъ баранины, печенки и риса и козы—калбасы изъ конины съ кусками конскаго жира, приготовляются только въ наиболѣе состоятельныхъ домахъ.

Плоды у таджиковъ въ большомъ употребленіи. Уже ранней весной на нихъ набрасывается все населеніе какъ бѣдное, такъ и богатое,

и поѣдаетъ ихъ въ большомъ количествѣ даже въ незрѣломъ видѣ. Особенно пользуется почетомъ незрѣлый урюкъ (абрикосъ).

Плоды употребляются какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушеномъ. Дыни, арбузы, урюкъ, персики, яблоки, груши, черешни, виноградъ, гранаты употребляются въ изобилiи. Сушеные фрукты—изюмъ, урюкъ, вяленныя на солнцѣ дыни—въ большомъ употребленiи и составляютъ необходимую принадлежность угощенiя (достархана), подаваемаго гостямъ; къ нему еще прибавляютъ орѣхи, фисташки и миндаль.

Тутовыя деревья доставляютъ съѣдобные плоды, изъ которыхъ дѣлается патока. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ неурожаи, эти плоды заготовляются въ большомъ количествѣ на зиму. Плоды бѣлаго тута, высушеные и истолченные въ темно-бурую сладкую массу, составляютъ важный суррогатъ хлѣба, называемый тутъ-толканъ. Изъ этихъ плодовъ приготовляется и похлебка, которая, по словамъ туземцевъ, довольно питательна. Конечно, какъ тутъ-толканъ, такъ и похлебка изъ него служатъ пищею только бѣдному населенiю.

Вообще же, нужно сказать, что туземцы мало требовательны къ пищѣ, особенно лѣтомъ. Обычная пища рабочаго населенiя лѣтомъ—чай, дыня и лепешка. Ежедневно варятъ пищу только болѣе состоятельное населенiе. Весьма плохо питаются горные таджики. Матчинецъ, получающiй зачастую вмѣсто посѣянной пшеницы рожь (рабахунъ), а часто и ничего не получающiй отъ посѣяннаго, откапываетъ на высотѣ 11000 ф. надъ ур. моря корень та-торанъ, который и замѣняетъ ему хлѣбъ во всѣхъ его образахъ, твердыхъ и жидкихъ. Жители Польдарака (7960 надъ ур. моря), не имѣющiе представленiя о фруктахъ, овощахъ, дыняхъ, арбузахъ, отрываютъ весною на берегахъ верхняго Зеравшана и ѣдятъ съ наслажденiемъ какую-то дикую сладкую луковицу. Оббурданцы пьютъ чай изъ корня дикой клубники, фальгарцы сосутъ дикiй кислый корень-раватчь, бѣдняки долины все лѣто пробавляются только даровыми плодами растущихъ по улицамъ, при мечетяхъ и календари-хана тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ*). Ягнобцы употребляютъ въ пищу чистыя ячменныя лепешки, а иногда съ примѣсью бурчака, затѣмъ катыкъ, каймакъ, ширъ-роганъ (кипяченое козье и коровье молоко съ бараньимъ саломъ) и шурпу. Мясо—большая рѣдкость. Пища таджиковъ Алая и Памира состоитъ изъ яицъ и лепешки, приготовляемой на половину изъ пшеничной муки и на половину изъ тута; мяса они почти не ѣдятъ. Лѣтомъ лакомятся овощами, тутомъ и особенно вишнею, называемою тагъ-алача. Таджики Рошана питаются аталей—похлебкой изъ кислыхъ плодовъ горнаго урюка и рѣпы. Урюкъ и рѣпа—обычная ихъ пища. Мясо употребляютъ рѣдко. Безхвостый баранъ, гадикъ, чрезвычайно малъ, неплотенъ, къ тому-же дорогъ. Лепешки у нихъ приготовляются изъ голаго гималайскаго ячменя съ примѣсью гороха, и рѣдко-пшеничныя. Соли нѣтъ; если соль попадается рошанцу, онъ смакуетъ ее, какъ дорогое лакомство**).

---

*) Арендаренко. Досуги въ Туркестанѣ стр. 405.
**) В. Баньковскiй. „Турк. Вѣд.“ 1894 г. № 13.

Дни жителя Дарваза проходятъ такъ: семья встаетъ въ 4—5 часовъ утра, хозяйка разогрѣваетъ на тлѣвшихъ всю ночь угольяхъ небольшого очага похлебку изъ горсти муки съ небольшимъ количествомъ горнаго луку, моркови; когда наступитъ время ѣды, всѣ усаживаются въ саклѣ въ кружокъ и, передавая ложку одинъ другому, завтракаютъ этой постной лепешкой изъ пшеничной или ячменной муки, выпеченной кое-какъ въ котлѣ и часто съ примѣсью къ мукѣ шелковицы или муки корня дикаго растенія татинъ, очень распространеннаго, очень употребительнаго по своей питательности, очень любимаго горцами, хотя и горьковатаго. Въ полдень дарвазцу приходится съѣсть ту же лепешку въ 1/4 ф. не болѣе для взрослаго, а вечеромъ—или ту же похлебку, или лапшу (аши-ардъ) съ кислымъ молокомъ и травами, или просто комокъ тутовой муки, какъ довольствуется большинство бѣдняковъ. (Въ Дарвазѣ зажиточная семья изъ шести ѣдоковъ употребляетъ въ годъ около 100 пудовъ муки). Мясо скотское, или баранье, а также дичь дарвазцу приходится ѣсть умѣренно, не болѣе двухъ разъ въ годъ у себя дома, не болѣе пяти разъ у сосѣдей по случаю празднествъ—свадебныхъ, поминальныхъ или обрѣзальныхъ. Въ голодные годы, когда нѣтъ достаточнаго привоза пшеницы, ѣдятъ корни особыхъ травъ, собираемыхъ для этой цѣли въ горахъ; травы эти слѣдующія: коревшъ, галалятичъ, зиркъ, поп-пурмишъ, мушундъ, гурусокъ, турумаки-агу, зиркъ-зурхъ, гишимъ-тухмакъ, пишумъ, тазъ-куги, гульбуй, матаръ, самтичъ, сагоса, човоры, камаръ, корикъ, таронъ, татаронъ, гуларъ, котъ, зубудъ, зифи.

Вообще, нужно сказать, что пища горцевъ крайне однообразна и недостаточна.

Переходимъ къ напиткамъ. Достаточный классъ избѣгаетъ пить сырую воду и старается замѣнить ее чаемъ. Рабочій классъ воды не боится. Особенно много пьютъ арычную воду лѣтомъ, когда подъ палящими лучами солнца испытываютъ сильную жажду. Женщины также безъ всякаго опасенія пьютъ арычную воду и тутъ же стираютъ грязное бѣлье, подмываютъ дѣтей, моютъ посуду, купаютъ скотъ и проч. Горцамъ, понятно, нечего бояться пить воду горныхъ рѣкъ и ручьевъ.

Чаю, особенно лѣтомъ, выпивается громадное количество какъ въ городахъ, такъ и въ кишлакахъ. Пьютъ преимущественно зеленый чай, привозимый изъ Бомбея. Иногда чай приготовляется кипяченіемъ въ котлѣ съ примѣсью молока, масла, соли и перцу. Въ послѣднемъ случаѣ онъ носитъ названіе ширъ-чая. Настоящій китайскій чай (фамиль-чай) пьютъ только болѣе зажиточные люди. Бѣдняки вмѣсто чая пьютъ сборъ различныхъ травъ. Имѣется въ продажѣ хошакъ-чай, заключающій въ себѣ 5 составныхъ частей: зерновой перецъ, корицу, чубъ-чай и два сорта высушеной травы. Этотъ чай употребляется бѣднымъ туземнымъ населеніемъ по вечерамъ ввидѣ ужина и эта смѣсь варится съ молокомъ, а иногда съ саломъ и солью. Одна изъ составныхъ частей чубъ-чая—спитой чай, а хошакъ—въ переводѣ—трава. Для просушки употребляютъ дикорастущія травы, называемыя туземцами гіе —

кизылъ-чубъ, акъ-чубъ. Употребляютъ еще одинъ сортъ чая въ прессованномъ видѣ, который состоитъ изъ спитаго чая, айвы миндаля, листьевъ розъ и гранатъ.

Второй изъ общеупотребительныхъ напитковъ—это айранъ, состоящій изъ кислаго кипяченаго молока, разведеннаго водою, причемъ взбалтываніемъ называютъ лишь свертываніе, а не осажденіе козсина. Напитокъ этотъ служитъ для утоленія жажды во время жары и освѣженія. Вслѣдствіе содержанія углекислоты онъ имѣетъ нѣсколько острый вкусъ.

Таджики равнинъ употребляютъ и опьяняющіе напитки. Хотя такіе напитки, какъ водка, вино и пиво преслѣдуются религіей, но тѣмъ не менѣе явное, открытое потребленіе ихъ туземцами, особенно пива въ городахъ, съ каждымъ годомъ дѣлается все больше и больше.

Къ числу распространенныхъ опьяняющихъ напитковъ и даже питательныхъ относится буза, пиво туземнаго приготовленія. Буза дѣлается одуряющимъ напиткомъ только при искусственной примѣси одуряющихъ веществъ (дурмана или бѣлены, а также гашише).

Буза не заготовляется въ прокъ, а производится постепенно, въ теченіе всего года, по мѣрѣ потребленія. Поэтому и самое производство ея носитъ какъ бы кустарный характеръ: по всей киргизской степи и по всему осѣдлому Туркестану по ауламъ и кишлакамъ можно встрѣтить 2—3 кибитки, занимающихся бузоваренiемъ *).

Табакъ въ большомъ употребленіи у туземцевъ. Курительный табакъ—акъ-тамаку—получается изъ листьевъ табаку, выросшаго при весьма умѣренномъ орошеніи, часто даже вовсе безъ орошенія на земляхъ безъ искусственнаго орошенія. Для куренія листья табаку не крошатся, а только растираются между ладонями и накладываются въ трубку чилима (кальяна). Зеленый табакъ—кокъ-тамаку—идетъ на приготовленія табаку, который кладутъ туземцы въ ротъ подъ языкъ. Для употребленія зеленый табакъ тщательно растирается въ ступѣ въ порошокъ для полученія такъ называемаго насъ-тамаку. Туземцы медленно высасываютъ изъ этого табаку дѣйствующее начало, а самый табакъ выплевываютъ.

Этотъ табакъ обычно хранятъ въ табакеркахъ, сдѣланныхъ изъ небольшихъ горлянокъ (носъ-кавакъ). Пробка такой табакерки бываетъ иногда снабжена небольшой ложечкой, которой и достаютъ табакъ; въ большинствѣ же случаевъ табакъ изъ табакерки прямо высыпается на ладонь и ловкимъ привычнымъ движеніемъ вносится въ ротъ.

Изъ собственно наркотическихъ туземцы, въ томъ числѣ и таджики, употребляютъ кокнаръ. Маковыя головки—кокнаръ, вываренныя въ водѣ, даютъ наркотическій напитокъ. Начинающіе кокнари сперва пьютъ кокнаръ изъ небольшого количества головокъ, но скоро привыкаютъ и перестаютъ чувствовать удовольствіе отъ пріема привычной дозы и увеличиваютъ ее. Привыкшій къ употребленію кокнара въ

---

*) Подробно о бузоваренiи. „Сарты“ т. I стр. 176 и слѣд.

большихъ дозахъ, при желаніи отстать отъ пагубной привычки, дѣлаетъ это постепенно, изо-дня въ день уменьшая пріемы; но большей части кончаютъ тѣмъ, что становятся горькими пьяницами, т. е. начинаютъ употреблять кокнаръ въ гораздо большихъ дозахъ, чѣмъ употребляли прежде.

Таджики употребляютъ также наша или гашишъ. Наша приготовляется изъ мелкихъ прицвѣтниковъ или цвѣтковыхъ частей конопли, содержащихъ въ значительномъ количествѣ смолистое эфирное начало. Собранныя цвѣтковыя части и прицвѣтники спрыскиваютъ водою и, подогрѣвая ихъ надъ огнемъ, разминаютъ въ рукахъ, при чемъ мелкія части сливаются и образуютъ массу, которую употребляютъ при куреніи вмѣстѣ съ табакомъ, вкладывая небольшой кусочекъ въ трубку чилима. Передъ тѣмъ, какъ положить кусочекъ этой массы въ трубку, его вновь разминаютъ въ пальцахъ, подогрѣвая надъ огнемъ. Кромѣ того, нашу употребляютъ и внутрь въ смѣси съ саломъ и сахаромъ. И. Левитовъ говоритъ, что гашишъ среди мусульманскаго населенія въ Россіи вообще сильно распространенъ и считаетъ до 3 милліоновъ мусульманъ потребителей его *).

Рауганы-кейфъ приготовляется изъ наши съ бараньимъ саломъ. Дѣйствіе рауганы-кейфъ такое-же, какъ и наши, но слабѣе. Такъ употребляютъ нашу тѣ, которые не хотятъ быть замѣченными въ употребленіи наши, по большей части юноши и женщины, которымъ употребленіе наши строго воспрещено.

Гюль-кандъ приготовляется изъ рауганы-кейфъ съ сахаромъ и представляетъ собою любимое лакомство туземныхъ женщинъ, разъ его отвѣдавшихъ, къ тому-же запрещенное.

Изъ наркотическихъ средствъ употребляютъ также опій. Др. Пропащихъ **) говоритъ, что въ послѣднее время опій входитъ въ большое употребленіе среди таджиковъ горныхъ владѣній Бухары. Въ настоящее время, говоритъ онъ, употребленіе опія больше всего развито въ Шугнанѣ и Рошанѣ,—въ провинціяхъ болѣе близкихъ къ основнымъ бухарскимъ владѣніямъ; въ болѣе отдаленномъ же Ваханѣ опій употребляется единичными личностями. Наибольшее распространеніе опій получилъ въ кишлакахъ Хорогѣ, близъ котораго расположенъ штабъ Памирскаго отряда, и Поршневѣ, отстоящемъ отъ перваго на 16 верстъ, ближе къ Кала-и-Вамару, резиденціи бухарскаго бека. За послѣдніе 7—8 лѣтъ употребленіе опія настолько укоренилось среди таджиковъ, особенно жителей двухъ вышеназванныхъ кишлаковъ, что имъ начали злоупотреблять даже женщины, чего ранѣе, по словамъ туземцевъ, не было. Въ настоящее время почти каждый таджикъ, несмотря на то, что земли у него совсѣмъ мало, все-таки ухитряется урѣзать небольшую площадку для посѣва снотворнаго мака. Посѣвомъ этого растенія занимаются, главнымъ образомъ, люди, сами не употребляющіе опія. Въ настоящее

*) И. Левитовъ. Необходимость гашишной реформы въ Россіи. СПБ. 1907 г.
**) Др. Пропащихъ. „Турк. Вѣд.“ 1903 г. № 43.

время бухарскія власти изобрѣли новый видъ налога, взимая зякетъ за бираво посѣва этого растенія. Опій употребляется въ двухъ формахъ Первая, въ противоположность Китаю и Персіи, распространена среди тухарцевъ и небольшого числа мѣстныхъ таджиковъ и состоитъ въ томъ, что опій ѣдятъ въ чистомъ видѣ, безъ всякой обработки и примѣси индиферентныхъ вкусовыхъ веществъ, къ какимъ прибѣгаютъ въ Китаѣ и Персіи. Принимаютъ опій слѣдующимъ образомъ: берутъ кусочекъ опія, скатываютъ его пилюлю, величиною съ горошинку, и проглатываютъ. Начинающій опіафагъ въ теченіе перваго года такихъ пилюль принимаетъ ежедневно по одной два раза: утромъ, запивая ее какою-либо жидкостью, и въ 5 –6 часовъ вечера. Черезъ годъ доза эта оказывается недостаточной, почему она отъ времени до времени увеличивается до трехъ пилюль на пріемъ; послѣдній пріемъ считается максимальнымъ среди мѣстныхъ жителей. Въ дальнѣйшемъ опіафагъ, принимая конечную дозу въ теченіе неопредѣленнаго времени, конечно, въ концѣ концовъ, не бываетъ удовлетворенъ, начинаетъ страдать, а большій пріемъ не рискуетъ принять изъ опасенія погибнуть, такъ какъ отъ увеличенія дозы бывали смертные случаи; чаще же всего у него не хватаетъ средствъ на пріобрѣтеніе опія.

Другая и наиболѣе распространенная форма употребленія опія— куреніе. Курятъ изъ самодѣльныхъ трубокъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ частей: 1) мундштука, выдѣлываемаго изъ дерева или металла, въ зависимости отъ зажиточности курильщика, длиною немного болѣе 1/2 аршина; 2) металлическаго шарообразнаго резервуара, величиною съ яблоко, съ отверстіемъ для вставленія мундштука; резервуаръ этотъ дѣлается еще изъ мягкаго мѣстнаго камня; по срединѣ выпуклости резервуара находится небольшое сквозное чрезъ стѣнку резервуара отверстіе, величиною меньше горошины. Необходимыми принадлежностями къ трубкѣ считаются: 3) особая лампочка, въ которую вставляется свѣча; послѣдняя накрывается 4) металлическимъ колпачкомъ, имѣющимъ сверху отверстіе для притока воздуха; 5) металлическій стилетъ такой толщины, чтобы конецъ его безпрепятственно проходилъ чрезъ отверстіе трубки. Курильщикъ обыкновенно беретъ кусочекъ опія, скатываетъ его шарикомъ, величиною также съ горошину, прокалываетъ его стилетомъ и затѣмъ нѣкоторое время подогрѣваетъ надъ лампочкой, разминая его по мѣрѣ нагрѣванія между большимъ и указательнымъ пальцами. Когда опій приметъ среднюю консистенцію, тогда курильщикъ этотъ же стилетъ съ опіемъ на концѣ вставляетъ въ отверстіе резервуара трубочки и пальцами снимаетъ со стилета опій, который и прилипаетъ къ стѣнкѣ резервуара вокругъ отверстія. Затѣмъ стилетъ вынимается, отчего сквозное отверстіе резервуара сохраняется, лишь только длина канала его увеличивается отъ приставшей снаружи массы опія.

Для полученія полнаго эффекта курильщикъ ложится на постель, ставитъ рядомъ съ собою лампочку съ зажженою свѣчею, затѣмъ мундштукъ беретъ въ ротъ, а шарообразный резервуаръ наклоняетъ къ лампочкѣ стороною съ отверстіемъ, вокругъ котораго находится опій.

Послѣдній подвергается медленному сгоранію; продукты сухой перегонки опія проходятъ сначала черезъ отверстіе въ реворвуаръ, а затѣмъ проникаютъ черезъ мундштукъ въ легкія курильщика, который вдыхаетъ ихъ съ жадностью, держась дрожащими руками за трубку и предвкушая то наслажденіе, которое онъ получитъ черезъ полчаса послѣ куренія. Опытный курильщикъ въ одну затяжку выкуриваетъ цѣлый шарикъ. Первоначальная доза для курильщика та же, что и для опіофага, т. е. два шарика на два раза куренія. Въ теченіе года курильщикъ доходитъ до 5—6 шариковъ на пріемъ, снаряжая всякій разъ трубку отдѣльнымъ шарикомъ и увеличивая дозу по мѣрѣ привычки и появленія чувства неудовлетворенности. Самая высшая доза у мѣстныхъ курильщиковъ—десять шариковъ за разъ.

Опія мѣстнаго изготовленія не хватаетъ, и большая часть его доставляется изъ сосѣдняго Афганистана. Въ бухарскія владѣнія опій доставляется изъ афганской провинціи Ишкашимъ, главнымъ образомъ, бадахшанскими купцами, а также изъ города Фейзибада чрезъ перевалъ Ихъ-урда. Здѣсь же нужно упомянуть, что нѣкоторыми единичными лицами, побывавшими въ Ферганѣ, употребляется для куренія сгущенный и очищенный опій, который приготовляется по способу, перенятому отъ дунганъ, въ городѣ Ошѣ. Способъ этотъ, между прочимъ, въ настоящее время очень распространенъ въ Афганистанѣ, главнымъ образомъ, въ Кабулѣ. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: берется кусокъ обыкновеннаго опія величиною, напримѣръ, со стаканъ, кладется въ посудину, въ которую вливается два стакана воды, и все кипятится въ теченіе десяти минутъ, послѣ чего процѣживаютъ черезъ матерію (мату); осадокъ съ матеріей снова опускаютъ въ сосудъ, заливаютъ опять двумя стаканами воды, снова кипятятъ десять минутъ и процѣживаютъ; новый осадокъ еще разъ кипятятъ съ двумя стаканами воды и процѣживаютъ. Затѣмъ три фильтрата, полученные послѣ процѣживанія, смѣшиваютъ вмѣстѣ и кипятятъ до тѣхъ поръ, пока общая масса не сгустится и не получится ея съ полстакана.

Такой опій имѣетъ черный цвѣтъ, обладаетъ очень сильнымъ дѣйствіемъ.

Какъ зажиточные, такъ и бѣдные люди здѣсь прибѣгаютъ къ опію только ради кратковременнаго опьяняющаго его дѣйствія, сопровождающагося появленіемъ въ представленіи курильщика соблазнительныхъ галлюцинацій эротическаго характера, въ которыхъ самъ курящій играетъ главную роль, и все совершается для его услажденія.

Маленькій кусочекъ опія, взятый въ ротъ, или одна затяжка изъ трубки мгновенно мѣняютъ настроеніе опіиста, придаютъ ему блаженный видъ и оживленіе. Вообще куреніе опія продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ потеря сознанія и опійный сонъ. Полное дѣйствіе опія при ѣдѣ его наступаетъ чрезъ 1—2 часа, при куреніи же—скорѣе; длится отъ 5 до 6 часовъ.

Въ виду того, что среди мѣстныхъ таджиковъ преимущественно распространено куреніе опія, а въ этой формѣ потребленія опій дѣй-

ствуетъ на организмъ во много разъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ при принятіи его чрезъ желудокъ, то, понятно, больныхъ людей, разрушившихъ свое здоровье потребленіемъ опія, здѣсь очень много.

Др. Пропащихъ описываетъ такъ жалобы, съ которыми обращаются къ врачебной помощи: полнѣйшая потеря аппетита, рвота, желудочныя боли и упорные запоры. Намъ извѣстенъ, говоритъ др. Пропащихъ, одинъ больной, который цѣлые мѣсяцы питается только кислымъ молокомъ и чаемъ съ лимонной кислотой. Являясь къ врачу, онъ проситъ только лимонной кислоты и утверждаетъ, что она ему очень помогаетъ.

Со стороны другихъ органовъ чаще всего больные жалуются на слизе-теченіе изъ носа и глазъ, затрудненное мочеиспусканіе, общую слабость и исхуданіе, страшныя костевыя боли, особенно въ локтевыхъ и колѣнныхъ суставахъ, дрожаніе рукъ, ногъ и головы, общую вялость въ движеніяхъ, безсонницу, импотенцію и жестокія невралгическія боли. По наружному виду курильщикъ узнается легко: исхудалый, съ землистымъ цвѣтомъ лица; руки и ноги дрожатъ; глаза впали; выраженіе ихъ тупое и безсмысленное; умственныя способности притуплены, апатиченъ; физическія силы въ страшномъ упадкѣ.

Употребленіе опія отзывается на матеріальномъ благосостояніи мѣстныхъ таджиковъ. Опій продается здѣсь на вѣсъ серебра, т. е. покупающій кладетъ на одну чашку вѣсовъ какую-либо серебряную монету, а продавецъ на другой чашкѣ вѣсъ серебряной монеты уравниваетъ опіемъ. Для начинающаго курильщика такая цѣнность опія кажется въ началѣ необременительной; когда же доза опія начинаетъ увеличиваться, карманъ опіиста съ каждымъ днемъ пустѣетъ; наконецъ, денежные рессурсы исчезаютъ совершенно, и на сцену появляется сначала движимое, а потомъ и недвижимое имущество; въ концѣ концовъ, субъектъ дѣлается совершенно голякомъ. Поправить свое состояніе здѣсь нѣтъ никакой возможности, такъ какъ заработка никакого нѣтъ; другихъ источниковъ дохода—также. Физическія же страданія требуютъ пріемовъ опія, и вотъ такой субъектъ обыкновенно пресмыкается у своихъ родныхъ и ждетъ конца страданій.

13. Землевладѣніе.

Вопросъ о правѣ на земельную собственность въ мусульманскихъ странахъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Одинъ изъ изслѣдователей мусульманскаго права, Нофаль, говоритъ, что всюду, гдѣ господствуетъ мусульманское право, нѣтъ и не можетъ быть другой собственности, какъ только въ видѣ извѣстнаго, постояннаго и непрерывнаго нахожденія ея отъ верховной власти. Отъ нея зависитъ продлить или прекратить по своему произволу свое изволеніе, которое устанавливаетъ право собственности и составляетъ единственную причину самаго его существованія. Всякій личный владѣлецъ, собственно говоря, есть только какъ-

бы временный владѣлецъ и владѣлецъ одного только разрѣшенія пользоваться вещью на опредѣленныхъ и обязательныхъ условіяхъ для него, но на случайныхъ и необязательныхъ для верховной власти. Актъ, которымъ государство лишаетъ кого-либо собственности, или которымъ, выражаясь сильнѣе, оно отнимаетъ свое позволеніе пользоваться вещью, не есть актъ насильственнаго отобранія или конфискаціи, а лишь только взятіе государствомъ назадъ дарованной имъ милости и возстановленіе общественнаго достоянія; при этомъ государство не стѣсняется свойствомъ побужденій, приведшихъ его къ тому, чтобы примѣнить на дѣлѣ свое право взять обратно данную имъ милость; побужденія эти могутъ быть по своему существу справедливыми и несправедливыми, и государство одно отвѣтственно за нихъ передъ Богомъ. О. А. Шкапскій говоритъ *), что это право государственной собственности есть ни что иное, какъ остатокъ сѣдой старины, когда существовала семейная, а затѣмъ сосѣдская община, домоправитель которой (патріархъ по библіи) управлялъ обширнымъ имуществомъ. Мусульманство, создавшее теократическое государство, перенесло на имама, т. е. на правителя того государства, всѣ права древнихъ патріарховъ. По ученію шаріата, изложенному въ книгахъ „Гидаэ“ (Хидая по Гродекову), владѣніе землею обусловлено дозволеніемъ имама. „Кто оживитъ землю съ дозволенія имама, тотъ владѣетъ ею; кто оживитъ ее безъ дозволенія имама, тотъ не владѣетъ“. Оживлять же дозволяется только земли мертвыя, „мавать“, т. е. такія, которыя по мусульманской терминологіи составляютъ имущество свободное, дозволенное къ пріобрѣтенію „мюбохъ“. У барона Торнау, въ его книгѣ „Мусульманское право“, приведено крайне интересное толкованіе слова „мюбохъ“ по Perron'y. Это толкованіе доказываетъ, что мусульманское право свой принципъ государственной собственности унаслѣдовало отъ древней общины. „Слово „мюбохъ“, говоритъ словами Perran'a Торнау, производное, страдательное причастіе, заключаетъ въ себѣ значеніе предмета, дозволеннаго къ пріобрѣтенію и значеніе дѣйствія правильной законной передачи сего права. Въ сущности право собственности человѣка въ предметахъ „мюбохъ“ есть ничто иное, какъ юридическая фикція—въ отношеніи къ настоящему собственнику надъ имуществомъ. Богъ одинъ—настоящій собственникъ онаго.

Мюбохъ считается три вида: 1) имущества, которыя никогда никому не принадлежали, 2) имущества, бывшія во владѣніи кого-либо, но за симъ вышедшія изъ владѣнія по волѣ хозяина или инымъ способомъ и сдѣлавшіяся свободными и 3) имущества и даже личности неправовѣрныхъ. Есть, однако, предметы, которые, вышедши и по волѣ хозяина изъ владѣнія, не могутъ сдѣлаться свободными; это—имущества, которыя посвящаются на богоугодные предметы, вакфи. Дѣйствіемъ сими имущества возвращаются къ первому, единственному соб-

*) Сборн. матеріал. для стат. Сыръ-Дарьинск. обл. 1900 г. т. VIII стр. 88 и слѣд.

ственнику—къ Богу, и посему никакому за симъ отчужденію подлежать не могутъ.

Усваивая взглядъ на землю, какъ на достояніе Бога, мусульманское право въ то же время усвоило и другой взглядъ, говоритъ г. Шкапскій, по которому трудъ является основою собственности, что видно изъ приведенной выше цитаты кн. „Хидая" о дозволеніи имама на владѣніе землею. Это дозволеніе давалось на право оживленія мертвой земли, т. е. на право приведенія земли въ культурное состояніе. А чтобы совершить это необходимо или оросить мертвую землю и обработать ее или, если она представляетъ болото, осушить и также обработать. Другими словами, трудъ, потраченной на оживленіе мертвой земли, давалъ право на владѣніе этой землею тому лицу, которое произвело это оживленіе. При этомъ мусульманское право допускаетъ производить оживленіе не только единичнымъ личностямъ, но также и юридическимъ.

Трудъ, потраченный на оживленіе земли, даетъ оживителю право владѣнія не только на оживленную землю, но также и на прилегающее къ ней пространство. Это послѣднее, называемое харимомъ оживленной земли, по ученію мусульманскихъ юристовъ, простирается на разстояніе полета стрѣлы, или на разстояніе, на которомъ слышенъ голосъ человѣка, т. е. съ того мѣста, гдѣ упадетъ стрѣла, или гдѣ уже не слышенъ крикъ человѣка, стоящаго на границѣ оживленнаго пространства; съ того мѣста начинается земля маватъ, могущая быть оживленною другимъ лицомъ. Значеніе такихъ харимовъ понятно: земледѣльческой семьѣ необходимо имѣть мѣсто для выгона скота, а также для расширенія культуры при увеличеніи семьи (или общины).

Предоставляя оживителю право на оживительную землю и на ея харимъ, мусульманское право въ то же время ставитъ обязательнымъ условіемъ осуществленія этого права непрерывность культуры на оживленной землѣ. „Кто поставитъ на землѣ знакъ (заявки, дабы воспрепятствовать другимъ заняться оживленіемъ выбраннаго участка) и не населитъ ее въ теченіе трехъ лѣтъ, у того имамъ отбираетъ землю и отдаетъ другому. Основаніе къ этому заключается въ томъ, что предоставленіе семьи оживителю имѣетъ [illegible] обработку ея, вслѣдствіе чего для мусульманскаго общества [illegible] мѣсто, приносящее пользу въ видѣ десятины (ушри или дахтаръ по переводу); если же этой пользы не получается, то земля передается другому въ видахъ достиженія предположенныхъ выгодъ.

Равнымъ образомъ, оживитель теряетъ право на владѣніе землею, если прекратитъ и въ теченіе трехъ лѣтъ не возобновитъ обработку ея. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ видно изъ словъ Ferronia, такая земля становится мюбохъ и потому можетъ быть передана имамомъ или, что равносильно, государемъ мусульманскаго государства другому лицу.

Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что относительно землевладѣнія мусульманское право опирается на два принципа: на принципъ принадлежности земли Богу и мусульманскому государству

и на принципъ труда, какъ основы собственности. Послѣдній принципъ, первоначально дававшій право лишь на владѣніе землею и на пользованіе произведеніями труда, постепенно привелъ къ праву частной собственности на землю. Принципъ государственной собственности на землю сохраняется въ настоящее время лишь въ теоріи (въ постановленіяхъ шаріата), да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ теократическое мусульманство государства идетъ на уступку духу времени.

Справедливость только что приведеннаго взгляда на право земельной собственности многими оспаривается. Вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще въ мусульманскихъ странахъ частная земельная собственность, говорятъ они, принадлежитъ къ числу такихъ, которые при различныхъ условіяхъ рѣшаются не одинаково, такъ какъ при рѣшеніи этого вопроса вступаютъ въ столкновеніе два, совершенно своеобразныхъ міровоззрѣній: европейское, выработавшееся политической и научной жизнью народовъ, и магометанское, выведенное схематически изъ теократическихъ положеній вѣроученія. Кромѣ того, при обсужденіи вопроса о землевладѣніи въ магометанскихъ странахъ, несомнѣнно, отражается нерѣдко и извѣстное политическое настроеніе, какъ напр., при занятіи Индіи англичанами, Алжира—французами и Туркестанскаго края—русскими. Народности, принявшія магометанскія законоположенія, являются при этомъ побѣжденными, и весьма естественно, когда побѣдитель старается объяснить явленія мѣстной жизни, въ смыслѣ расширенія сферы своего вліянія, въ смыслѣ внесенія въ смѣтную жизнь тѣхъ началъ, съ которыми онъ сроднился въ своемъ отечествѣ. По этому встрѣчается тотъ фактъ, который, внѣ приведенныхъ соображеній, могъ бы показаться непонятнымъ, именно: что въ странахъ, гдѣ господствовалъ магометанскій кодексъ, съ водвореніемъ европейцевъ, вводятся не одинаковыя формы землевладѣнія.

Справка относительно первоначальныхъ распоряженій англійскихъ администраторовъ въ Индіи даетъ намъ то поучительное указаніе, что теорія объ отсутствіи частной земельной собственности, по магометанскому законодательству, есть изобрѣтеніе чисто-политическаго характера, причемъ въ доказательство ея весьма ловко были выдвинуты бывшіе чиновники магометанской имперіи въ Индіи, лично заинтересованные въ упроченіи этого ученія. И этотъ политическій пріемъ былъ довѣрчиво принятъ человѣкомъ науки, Мэномъ, (Древнія общины на востокѣ и западѣ, пер. Кутейникова СПБ. 1876 г.) за научную истину. Подобныя этому обстоятельства объясняютъ замѣчаніе, сдѣланное барономъ Торнау, что относительно права частныхъ лицъ на поземельную собственность и возрѣнія, выведенныя изъ магометанскаго законодательства европейскихъ ученыхъ, положительно не согласны съ постановленіями о семъ предметѣ корана и хедисовъ, ниже шаріатскихъ книгъ".

Лица, разсматривавшія постановленія шаріата внѣ какихъ либо политическихъ вліяній, какъ Торнау, положительно утверждаютъ существованіе права частной собственности въ магометанскихъ странахъ на

земли, принадлежащія не только мусульманамъ, но и мѣстнымъ жителямъ странъ, покоренныхъ мусульманами, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. „Съ оставленіемъ земель во владѣніи мѣстныхъ жителей, говоритъ Торнау, имъ предоставляется полное право собственности надъ ними. Въ шаріатскихъ книгахъ положительно указано, что они могутъ отчуждать земли, дарить, закладывать, завѣщать и посвящать, т. е. распоряжаться ими всѣми тѣми способами, которые въ запасныхъ государствахъ предоставляются только полнымъ собственникамъ земли". Что же касается мнѣнія о томъ, что трехлѣтнее запущеніе хозяйства, по шаріатскимъ постановленіямъ, равносильно отказу владѣльца отъ дальнѣйшаго пользованія землею, то оно принадлежитъ къ числу столь же ошибочныхъ, какъ и мнѣніе о несуществованіи частной земельной собственности. Безхозяйственная земля по шаріату почитается мертвою, на основаніи обычая (это замѣчаніе какъ-бы подчеркивается) въ томъ случаѣ, когда она не имѣетъ хозяина, или хозяинъ, который хотя бы и существовалъ въ магометанскихъ странахъ, но лично неизвѣстенъ; при этомъ земли эти могутъ быть относимы къ числу мертвыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда необработанность ихъ существуетъ продолжительное время, которое въ частности не опредѣляется. Трехлѣтній же срокъ въ шаріатѣ установленъ для того случая, когда сдѣлана заявка о намѣреніи оживить мертвую землю, но самое оживленіе не состоялось: тогда, сдѣлавшій заявку, теряетъ свои права. Но заявка, какъ замѣчаетъ категорически шаріатъ, не есть оживленіе, на основаніи коего земля поступаетъ во владѣніе *).

Эта индивидуализація собственности на землю можетъ быть хорошо прослѣжена на существующихъ въ настоящее время формахъ землевладѣнія. Культурныя земли въ отношеніи правъ земледѣльческаго населенія на обрабатываемые имъ участки дѣлятся на земли падшалыкъ, т. е. государственныя и на земли милькъ, т. е. частно-владѣльческія.

Владѣютъ землею горцы Когистана на правѣ частной собственности. Общинное землевладѣніе также существуетъ, но только по отношенію выгоновъ, которые исконнымъ обычаемъ подѣлены между обитателями отдѣльныхъ кишлаковъ или же нѣсколькихъ. Никто изъ жителей въ отдѣльности не имѣетъ исключительнаго права на выгонъ; право это принадлежитъ обществу цѣлаго кишлака или даже нѣсколькихъ кишлаковъ. Только въ Искандерской волости есть выгоны свободные, не составляющіе ни частной, ни общественной собственности. На такіе-то свободные выгоны пригоняютъ пасти свой скотъ жители другихъ волостей Зеравшанскаго округа, а также жители Джизака, Заамина, Гиссара и Каратегина.

Богарныя земли (бялыми) состоятъ въ частномъ владѣніи, а не общинномъ, въ большинствѣ волостей долины. Но лицамъ одного и того же кишлака не возбраняется, съ вѣдома хозяина и безъ платежа аренды, посѣять хлѣбъ на чужой землѣ, если самъ хозяинъ не желаетъ или

*) „Турк. Вѣд." 1885 г. №№ 27, 28 и 29.

не имѣетъ средствъ къ этому. Въ Кшутской волости, въ аксакальствѣ Мизари-Шарифъ есть земля вакуфъ-ханъ, принадлежащая потомкамъ Ходжа-Мухамеда-Бахтера. Другихъ вакуфовъ въ предѣлахъ Когистана нѣтъ. Кромѣ того, въ описываемыхъ волостяхъ есть земли казенныя, состоящія въ постоянномъ пользованіи туземцевъ съ платою установленной разъ на всегда ничтожной подати. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить одну характеристическую особенность благотворительности земледѣльцевъ—горцевъ: существуетъ довольно распространенное обыкновеніе—не завѣщать земли въ вакуфъ, а взамѣнъ того, въ угоду Всевышнему, отдавать, если есть у кого лишняя земля, въ безвозмездное, пожизненное пользованіе, какому нибудь бѣдному, многосемейному родственнику *).

Въ Дарвазѣ и Каратегинѣ повсемѣстно пахотная арычная и дождевого орошенія [illegible] земля состоитъ также на правѣ полной собственности [illegible], пастбищная же земля въ отдѣльномъ районѣ считается собственностью всего населенія. Хотя переходъ земли къ наслѣдникамъ и покупателямъ совершается всегда безъ всякихъ документовъ, простой словесной сдѣлкой при двухъ—трехъ свидѣтеляхъ, тѣмъ не менѣе случаи поземельныхъ споровъ весьма рѣдки и всегда оканчиваются не судебнымъ понужденіемъ, а посредствомъ сельскихъ стариковъ.

Густота населенія какъ въ Дарвазѣ, такъ и въ Каратегинѣ, доказывающая давность здѣсь культурной жизни, настолько значительна, что земледѣліе заняло все, что только можно поднять сохой (джуфтъ) въ низинѣ на [illegible], на высотѣ 9,000 ф., но крупныхъ собственниковъ не встрѣчается **).

Право на землю у ягноубцевъ наслѣдственно, но основано также не на документахъ, а на давности обработки участки земли, и въ случаѣ какой либо тяжбы поземельный вопросъ рѣшается свидѣтельствомъ сосѣдскихъ жителей даха (деревни).

Всѣ земли подраздѣляются у ягноубцевъ на маль-хуръ-зерхари (купленныя на золото) и вакуфныя. Вакуфныя земли находятся въ ничтожномъ количествѣ; онѣ обрабатываются наемнымъ трудомъ и весь доходъ съ нихъ поступаетъ въ пользу того учрежденія, которому онѣ завѣщаны ***).

Нужно упомянуть, что въ культурномъ отношеніи горцы всецѣло зависятъ отъ сосѣднихъ, болѣе богатыхъ мѣстностей, Шушанъ и Дарвазъ, находящихся на границѣ столкновеній сильныхъ самостоятельныхъ владѣній, каковы Бухара, Афганистанъ и Китай. Это промежуточное состояніе заставляло мелкихъ хановъ примыкать къ той странѣ, которая въ данную минуту являлась наиболѣе могущественною. Отсюда было ихъ вассальное положеніе; но внутри, у себя, владѣтели ханствъ были деспотами, и деспотами мелкими, вносившими свой произволъ во

*) Ш. Акимбетевъ. „Турк. Вѣд.“ 1881 г. № 3.
**) Араида ренко. е. с. стр. 455.
***) Искандеръ-тюря. „Турк. Вѣд.“ 1881 г. № 7.

всѣ подробности народнаго быта. Такимъ порядкомъ сложился крѣпостной строй. Ханъ дѣлилъ свои владѣнія на помѣстья и распредѣлялъ ихъ между своими дѣтьми, племянниками и т. д. Каждый бекъ, родственникъ хана, являлся управителемъ двухъ—трехъ селеній, живущимъ на счетъ оброка барщины. По отношенію къ Шушану и Рошану надъ горнымъ таджикомъ тяготѣла еще одна злоба; онъ былъ шіитъ, тогда какъ владѣтели его и сильные сосѣди были суннпты, правовѣрные мусульмане *).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ институтъ права собственности на ирригаціонную воду. Такъ, изученіе вакуфныхъ документовъ, сосредоточенныхъ въ Самаркандскомъ областномъ правленіи и относящихся къ имуществамъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Ходжентскаго уѣзда, раскрываетъ передъ нами любопытную особенность земледѣльческаго быта нѣкоторыхъ мѣстностей этого уѣзда, —право собственности на ирригаціонную воду отдѣльно отъ орошаемой сю земли.

Къ сожалѣнію, говоритъ г. В. В. **), указанный письменный матеріалъ, твердо устанавливая самый фактъ существованія означеннаго права, не даетъ въ достаточной мѣрѣ подробностей для всесторонняго освѣщенія его деталей. Кромѣ того, весь этотъ матеріалъ захватываетъ относительно небольшой періодъ времени,—приблизительно съ конца XVII вѣка и до занятія русскими города Ходжента, т. е. около двухъ столѣтій.

Однако, несомнѣнно, что упомянутый характеръ водовладѣнія, вызванный мѣстными особенностями, сложился въ болѣе раннее время, на что есть указанія въ тѣхъ же вакуфныхъ документахъ. Ходжентскіе вакуфные документы, за исключеніемъ небольшого числа ихъ, касающихся неземельныхъ имуществъ, можно раздѣлить на три отдѣла. По однимъ документамъ пожертвованы были опредѣленныя земельныя площади, съ указаніемъ ихъ границъ и количества оросительной воды, получаемой изъ поименованныхъ въ нихъ водныхъ источниковъ; по другимъ обращены были въ вакфъ извѣстные объемы проточной воды, но съ неопредѣленнымъ пространствомъ земли (въ документахъ значится глухо: „съ соотвѣтствующею этой водѣ землею“), по третьимъ, завѣщана была въ вакфъ исключительно текущая вода, безъ всякаго упоминанія о землѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ точно обозначена мѣра обращенной въ вакфъ воды. Не трудно замѣтить, что особенно тщательно описаны въ документахъ границы тѣхъ земельныхъ участковъ, которые расположены вблизи большихъ населенныхъ пунктовъ и не описаны границы участковъ, и даже совершенно не указано на землю при обращеніи въ вакфъ воды въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ, съ большимъ пространствомъ одинаково удобныхъ для разработки подъ пашни земель, но съ относительно недостаточнымъ количествомъ воды, которою могла быть

*) Д. Анучинъ. Эну. Сл. Брокх. т. 15 стр. 51.
**) „Турк. Вѣд“. 1903 г. № 76.

орошена только ничтожная часть означенныхъ земель. При такихъ естественныхъ условіяхъ земля сама по себѣ, безъ воды, могла имѣть цѣнность въ земледѣльческомъ отношеніи только самую ничтожную, и то лишь въ смыслѣ близости ея отъ населенія, источника и другихъ удобствъ, т. е. цѣнность не абсолютную, а относительную. Такимъ образомъ, произошло совершенное измѣненіе во взглядѣ населенія на оцѣнку земли и воды; земельная цѣнность другихъ мѣстностей здѣсь полностью перенесена была на воду, почему объектомъ разнаго рода юридическихъ сдѣлокъ являлась не земля, а вода. Богатство землевладѣльца опредѣлялось не количествомъ тонаповъ принадлежащей ему земли, а исключительно объемомъ находящейся въ его распоряженіи ирригаціонной воды. Если въ другихъ мѣстностяхъ землевладѣлецъ имѣлъ по отношенію къ землѣ право собственности, а по отношенію къ водѣ изъ общественныхъ каналовъ или источниковъ право пользованія, то здѣсь, наоборотъ, онъ являлся юридическимъ владѣльцемъ воды, а землею лишь пользовался.

Означенный избытокъ земли, которая могла обслуживаться ирригаціонною водою, создалъ свободное землепользованіе. Каждый вправѣ былъ распахивать землю тамъ, гдѣ пожелалъ, или гдѣ успѣлъ захватить, и уводилъ туда изъ общаго ирригаціоннаго канала принадлежащее ему количество воды. На такихъ пространствахъ хозяйство велось переложное.

Только этимъ и можно объяснить, почему многіе документы совершенно умалчиваютъ о землѣ. Наличность свободной земли подразумѣвалась, такъ какъ самая цѣнность воды обусловливается исключительно примѣненіемъ ея въ цѣляхъ ирригаціонныхъ. Правомъ собственности на проточную воду вполнѣ устанавливалось и право пользованія землею.

Забота совладѣльцевъ воды, размѣщенныхъ въ системѣ даннаго источника или арыка, заключалась въ правомѣрномъ распредѣленіи между собою воды въ теченіе вегетаціоннаго періода. Періодъ этотъ захватывалъ приблизительно три мѣсяца – мартъ, апрѣль и май. То обстоятельство, что всякаго рода земельныя, по существу юридическія сдѣлки, въ дѣйствительности производились водою, и мѣриломъ состоятельности являлась въ земледѣльческомъ быту именно вода,—выработало систему измѣренія проточной воды, доведенную до очень мелкаго дѣленія. За единицу была принята „давра“ (даура), очередное пользованіе водою въ теченіе сутокъ въ извѣстный періодъ времени; по документамъ періодъ этотъ въ разныхъ арыкахъ показанъ разный,—отъ 11 до 19 сутокъ. „Даура“ или „Обь“ дѣлилась на „Нимъ“—двѣ половины (по 12 часовъ пользованія водою); половину „Нима“ составляла „Юхча“; половину „Юхчи“—„Чакса“; половину „Чаксы“ —„Нимъ-чакса“ и половину „Нимъ-чаксы“—„Нимъ нимъ чакса“ ($^3/_4$ часа водопользованія). Далѣе—„Чакса“ дробилась на части $^1/_8$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ и т. д. Кромѣ того, къ измѣренію воды примѣнялась и обычная туземная линейная мѣра „Кобза-ва-якъ-бормакъ“,—кулакъ сжатой руки съ вытянутымъ

вертикально большимъ пальцемъ. Въ этомъ случаѣ принималась за единицу измѣренія площадь сѣченія воды при ширинѣ всего арыка и при высотѣ кулака съ пальцемъ, поставленнымъ стоймя.

Въ документахъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, является ли право водовладѣнія правомъ обычнымъ, или же оно регламентировано въ шаріатѣ. Въ одной изъ шаріатныхъ книгъ „Хазинатъ-уль-муфтіинъ“ имѣется статья, которою разрѣшается продавать воду безъ земли, но лишь въ томъ случаѣ, если въ данной мѣстности такая продажа является издавна установившимся обычаемъ.

Въ качествѣ иллюстраціи къ этой статьѣ приведено указаніе на то, что шейхи Балха допускали продажу оной воды безъ земли, потому что между балхцами въ силу необходимости такой обычай существовалъ отъ древнихъ временъ.

Въ настоящее время земли, годныя къ обработкѣ, раздѣляются на мильки (владѣнія)—ушри, хераджи и хурри-халисъ. Различія между этими видами мильковъ податныя. Милькъ-ушри облагались десятинною податью ($^1/_{10}$ урожая), милькъ-херджи облегались денежною податью въ размѣрѣ 10 тенегъ (2 р.) съ каждаго танапа сада и 5 тенегъ (1 р.) съ каждаго тонапа остальной земли, а милькъ-хурри-халисъ были вовсе освобождены отъ платежа податей. Имѣются два объясненія происхожденія милькъ-хурри-халисъ. По одному объясненію происхожденіе этихъ мильковъ относится къ временамъ очень давнимъ, когда правительство за обрабатываемыя массы пустопорожнихъ земель отдавало часть въ пользу оживителя и освобождало его отъ платежа всякаго рода поземельныхъ податей (хурри-халисъ значитъ—свободный отъ податей), а другую оставляло себѣ, населяя ее вѣчными арендаторами. По другому же объясненію такіе мильки образовались путемъ продажи государственной земли, къ чему правители прибѣгали во время войнъ или въ другихъ случаяхъ нужды въ деньгахъ. Покупатель выплачивалъ стоимость земли, но затѣмъ $^2/_3$ купленной земли возвращалъ въ казну, а $^1/_3$ поступала въ собственность покупателя, который затѣмъ навсегда освобождался отъ платежа податей.

Помимо происхожденія мильковъ по праву оживленія или путемъ покупки земель, существовали пожалованія ихъ съ освобожденіемъ отъ платежа податей и укрѣпленія земельной собственности также съ освобожденіемъ отъ платежа податей.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ землевладѣнія существуетъ землевладѣніе вакуфное, т. е. съ пожертвованіемъ земель на богоугодныя дѣла. Завѣщаніемъ въ вакфъ земля возвращается къ единственному собственнику земли, Богу, а учрежденіямъ, въ пользу которыхъ посвящена земля, предоставляется лишь право пользованія доходами съ земли.

Въ виду недостаточно выясненнаго до сихъ поръ значенія слова „вакфъ“, считаетъ долгомъ привести толкованіе юристовъ-мусульманъ по этому поводу, какъ это выразилось въ книгѣ „Хидая“.

1) Абу-Ханифа говоритъ: „право собственности учредителя вакфа на предназначенное въ вакфъ имущество отчуждается не иначе, какъ

томъ состоится постановленіе надлежащей власти, или когда учредитель вакфа ставитъ вакфъ въ зависимость отъ своей смерти". Имамъ Махомедъ говоритъ: „не отчуждается до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначенъ къ вакфу распорядитель и вакфъ не будетъ переданъ ему". Кудири говоритъ: „лексическое значеніе слова вакфъ есть—сбереженіе". Въ шаріатѣ же, по Абу-Ханифа, этимъ словомъ означается сбереженіе имущества въ собственности учредителя вакфа и пожертвованіе дохода, на подобіе ссуды имущества. Основываясь на такомъ пониманіи, можно разсуждать такъ: доходы не есть нѣчто реальное; поэтому пожертвованіе нереальнаго неправильно; вслѣдствіе этого можно придти къ выводу, что вакфъ совсѣмъ не дозволяется по ученію Абу-Ханифа. Но правильнѣе будетъ думать, что Абу-Ханифа считаетъ вакфъ дозволительнымъ, но только безъ обязательства оставлять имущество неприкосновеннымъ, на подобіе ссуды имущества.

По ученію же Абу-Ханифа и Имамъ-Магомета—сбереженіе имущества имѣетъ то основаніе, что оно присуждается въ собственность Всевышняго Бога; поэтому отъ учредителя вакфа право собственности отчуждается и переходитъ къ Всевышнему Богу въ томъ смыслѣ, что доходъ съ этого имущества обращается въ пользу рабовъ Божіихъ; отсюда слѣдуетъ, что сбереженіе имущества необходимо, и оно не подлежитъ ни продажѣ, ни даренію, ни наслѣдованію.

Выраженіе „вакфъ" есть общее, относящееся одинаково какъ къ ученію Абу-Ханифа, такъ и къ ученіямъ Абу-Юссуфа и Имамъ-Магомета; поэтому, на основаніи значенія этого слова нельзя опредѣлить, какое изъ этихъ мнѣній заслуживаетъ предпочтенія; это можетъ быть обнаружено только сравнительной силой доказательствъ. Доказательства въ пользу мнѣнія Абу-Юссуфа и Имамъ-Магомета заключаются въ словахъ пророка Омару, когда онъ хотѣлъ пожертвовать принадлежащую ему землю, называемую Самгъ: „жертвую вполнѣ, чтобы она не могла быть продана, наслѣдована, подарена". Другое доказательство въ пользу необходимости сбереженія посвященнаго Богу имущества заключается въ томъ, что учредитель вакфа имѣетъ своей цѣлью полученіе вѣчной награды, и эта цѣль можетъ быть достигнута отчужденіемъ имущества изъ собственности его и передачей Всевышнему Богу; подобные примѣры есть въ шаріатѣ, какъ напр., постройка мечети. Посему и здѣсь поступаютъ такимъ же образомъ. Доказательствами въ пользу мнѣнія Абу-Ханифа служатъ слова пророка о томъ, что сбереженіе не входитъ въ число обязательныхъ повелѣній Всевышняго Бога. Далѣе, Абу-Ханифа ссылается на то обстоятельство, что по Шураиху, Мухаммедъ пришелъ къ продажѣ опредѣленнаго на сбереженіе. Еще доводъ состоитъ въ томъ, что владѣніе имуществомъ остается у учредителя вакфа; сему доказательствомъ служитъ то, что ему дозволяется пользоваться этимъ имуществомъ для земледѣлія, для жительства и т. д., причемъ право собственности имуществомъ принадлежитъ ему.

Не очевидно-ли, что ему принадлежитъ власть распоряжаться имъ, употреблять зерно на опредѣленныя надобности, назначить эконома надъ

нимъ, онъ только жертвуетъ доходъ съ этого имѣнія, а потому учрежденіе вакфа становится подобнымъ ссудѣ имущества. Еще доказательство: если необходимо, чтобы пожертвованіе урожая было постоянное, то оно можетъ осуществляться не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы имѣніе оставалось въ собственности учредителя вакфа. Еще доказательство: невозможно, чтобы право собственности учредителя вакфа отчуждалось и переходило къ другому собственнику, потому что это былобы несогласно съ шаріатомъ—и въ то же время требовать, чтобы имущество оставалось въ завѣдываніи учрежденія, подобно тому, какъ при пожертвованіи имущества по обѣту, на случай выздоровленія отъ болѣзни или благополучнаго возвращенія изъ путешествія; напротивъ того, при освобожденіи рабовъ право собственности прекращается, потому что оно именно заключается въ уничтоженіи владѣнія рабомъ; точно также при учрежденіи мечети, такъ какъ она воздвигается исключительно для Всевышняго Бога, то по этой причинѣ не дозволяется пользованіе ею; здѣсь же, т. е. при учрежденіи вакфа, право раба Божія на вакфъ не уничтожается, и вслѣдствіе того вакуфное имущество не становится исключительно принадлежащимъ Всевышнему Богу. Что касается изложеннаго въ текстѣ Кудури положенія о томъ, что владѣніе учредителя вакфа прекращается не иначе, какъ состоится о томъ постановленіе правительственной власти, или когда учредитель вакфа поставилъ его въ зависимость отъ своей смерти, то оно правильно: положеніе относительно постановленія правительственной власти (необходимо) потому, что оно есть рѣшеніе объ имуществѣ, относительно котораго могли возникнуть споры; постановленіе вакфа въ зависимости отъ смерти учредителя правильно потому, что право собственности отъ него не отчуждается, а только жертвуются доходы имѣнія на вѣчныя времена; посему учрежденіе вакфа становится подобно завѣщанію доходовъ на вѣчныя времена и на этомъ основаніи дозволяется. Правительственная власть значитъ—высшая власть.

Что касается третейскаго суда, то мнѣнія о правѣ его дѣлать постановленіе объ отчужденіи имущества изъ собственности учредителя вакфа различны. Если кто либо учреждаетъ вакфъ въ смертельной болѣзни, то, говоритъ Атъ-Та-Хави, это имѣетъ значеніе завѣщанія на случай смерти. Но правильно мнѣніе Абу-Ханифа, что въ этомъ случаѣ учрежденіе вакфа не дозволяется. По Абу-Юсуфу и Имамъ-Магомету учрежденіе вакфа допускается, но только допускается одна треть, въ здоровомъ же состояніи все имущество можетъ быть обращено въ вакфъ. Когда право собственности отчуждается по ученію Абу-Юсуфа и Имамъ-Магомета, то отчуждается на основаніи вышеприведеннаго изреченія Абу-Юсуфа, которое принимаетъ также и Шафи, по примѣру освободителей рабовъ, потому что оно есть уничтоженіе права собственности. По ученію Имамъ Магомета непремѣнно требуется передача вакуфнаго имущества экопому, потому что право Всевышняго Бога утверждается надъ имуществомъ путемъ вручепія его рабу Его, ибо передача во владѣніе Всевышняго Бога, который есть владѣтель всѣхъ

предметовъ, не становится дѣйствительной отъ одного только намѣренія, причемъ самое имущество подчинялось-бы другому. Посему и принимается это мнѣніе Имамъ-Магомета, выведенное путемъ аналогіи съ ямкетомъ и милостыней.

2) Когда вакфъ учрежденъ правильно, то вакуфное имущество отчуждается изъ владѣнія учредителя вакфа и не поступаетъ въ собственность того, въ чью пользу учрежденъ вакфъ. Ибо, если-бы имущество поступило въ собственность того, въ пользу котораго учрежденъ вакфъ, то оно могло-бы не сохраниться, могло-бы быть продано, какъ и другое, принадлежащее имущество. Другой доводъ: если-бы кто и получилъ во владѣніе имущество, то не могъ-бы отчуждать его, на основаніи условія, опредѣленнаго прежнимъ владѣльцемъ, какъ всякое другое имущество свое. Выраженіе „отчуждается изъ владѣнія учредителя вакфа“, какъ необходимо допустить на основаніи предшествовавшаго изложенія, должно считатся также съ мнѣніемъ Абу-Юсуфа и Имамъ-Магомета.

3) Назначеніе въ вакфъ имущества нераздѣльнаго дозволяется, по Абу-Юсуфу, потому что раздѣлъ нуженъ для того, чтобы получить въ распоряженіе; по ученью же Абу-Юсуфа полученіе въ распоряженіе не составляетъ необходимаго условія; вслѣдствіе этого, надобности въ предварительномъ раздѣлѣ имущество не обнаруживается.

4) Но Имамъ-Магометъ говоритъ, что назначеніе въ вакфъ нераздѣльнаго имущества не дозволяется. Потому что сущность его ученія состоитъ въ томъ, что принятіе въ распоряженіе есть необходимое условіе правильности вакфа, а если такъ, то предварительный раздѣлъ необходимъ. Это разнорѣчіе во мнѣніяхъ относится къ тѣмъ случаямъ, когда раздѣлъ возможенъ; когда же раздѣлъ невозможенъ, то дозволяется и по Имамъ-Магомету назначеніе въ вакфъ имущества хотя бы нераздѣльнаго, потому что онъ разсматриваетъ вакфъ, какъ дареніе и пожертвованіе дохода. Но относительно мечети и кладбищъ, какъ скоро нельзя сдѣлать раздѣлъ, и по ученію Абу-Юсуфа не могутъ быть назначаемы въ вакфъ имущества нераздѣльныя, потому что если остаются права товарищескія по отношенію къ имуществу, то это препятствуетъ назначенію имущества исключительно для Всевышняго Бога; установленіе очереди въ пользованіи имуществомъ были бы въ настоящемъ случаѣ чрезвычайно дурно, какъ напр., если бы одинъ годъ на землѣ хоронили мертвецовъ, а другой годъ распахивали бы ее подъ посѣвы, или напр., когда одно и то же зданіе служило бы въ извѣстное время для молитвы, а въ другое время—для конюшни. Напротивъ, въ другихъ родахъ вакфа допускаются имущества нераздѣльныя, въ виду возможности собиранія и раздѣла дохода съ нихъ. Если бы было назначено въ вакфъ цѣлое имѣніе, а послѣ кто нибудь сталъ бы требовать часть этого имѣнія, то по Имамъ-Магомету вакфъ недѣйствителенъ и въ отношеніи къ остальной безспорной части, потому что съ ней связана нераздѣльная часть, какъ и въ дареніи. Напротивъ того, когда дарителъ беретъ назадъ часть или наслѣдники берутъ себѣ двѣ трети

послѣ смерти больного, между тѣмъ какъ даръ или вакфъ совершенъ въ смертной болѣзни, и относительно имущества мелкаго, вакфъ остается дѣйствительнымъ, потому что нераздѣльность обнаруживается только впослѣдствіи. Или если предъявится претензія на точно опредѣленную часть назначеннаго въ вакфъ имущества, то вакфъ не становится недѣйствительнымъ по отношенію къ остальной, безспорной части, потому что нераздѣльность въ этомъ случаѣ не существуетъ, поэтому дозволяется назначеніе безспорной части въ вакфъ, какъ дозволялось въ началѣ, до предъявленія претензіи. На этомъ же основаніи поступаютъ во владѣніе даръ и милостыня.

б) По Абу-Ханифа и Имамъ-Магомету вакфъ не почитается учрежденнымъ окончательно до тѣхъ поръ, пока учрежденіе, въ пользу котораго онъ назначенъ, на будущее время не будетъ поставлено въ такое положеніе, что существованіе его не прекратится никогда. Абу-Юсуфъ говоритъ: „дозволяется и тогда, когда означенное въ немъ учрежденіе можетъ прекратить свое существованіе; послѣ того вакфъ поступаетъ въ пользу бѣдныхъ, хотя бы о нихъ именно и не было обозначено“.

Мнѣніе Абу-Ханифа и Имамъ-Магомета вытекаетъ изъ того положенія, что для существованія вакфа необходимо отчужденіе изъ собственности, независимо отъ передачи владѣнія и это отчужденіе должно быть на вѣчныя времена, какъ и при освобожденіи рабовъ. Поэтому, когда учрежденіе, въ пользу котораго вакфъ учреждается, можетъ прекратить свое существованіе, то въ отношеніи къ нему не будетъ вполнѣ исполнено намѣреніе учредителя вакфа; по этой причинѣ учрежденіе вакфа на время недѣйствительно, какъ недѣйствительна сдѣлка при куплѣ-продажѣ на время. Мнѣніе Абу-Юсуфа доказывается тѣмъ, что цѣль учрежденія вакфа есть приближеніе къ Всевышнему Богу и эта цѣль вполнѣ достигается въ томъ случаѣ, когда имущество жертвуется въ пользу учрежденія, которое остается на вѣчныя времена; поэтому вакфъ правиленъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Есть мнѣніе, что правило о постоянномъ существованіи учрежденія, въ пользу котораго назначенъ вакфъ, какъ необходимое условіе правильности вакфа, есть общепринятое, кромѣ Абу-Юсуфа, по ученію котораго упоминаніе о постоянномъ существованіи учрежденія не составляетъ необходимаго условія, потому что самое выраженіе „вакфъ“, „милостыня“ указываетъ на это условіе, какъ мы объяснили это, говоря объ отчужденіи собственности, независимости отъ передачи самаго имущества, поставивъ въ аналогію съ освобожденіемъ рабовъ. На этомъ основаніи въ книгѣ своей, въ объясненіе своего выраженія, онъ сказалъ: „по прекращеніи существованія учрежденія, вакфъ поступаетъ въ пользу бѣдныхъ, хотя бы о нихъ и не было обозначено“. Этотъ выводъ правиленъ.

По ученію же Имамъ-Магомета упоминаніе о [illegible] существованіи есть необходимое условіе, потому что вакфъ есть пожертвованіе дохода или урожая; это пожертвованіе можетъ быть сдѣлано навсегда; вообще же понятіе о пожертвованіи не заключаетъ въ себѣ по-

нятія о непрекращаемости, вслѣдствіе чего точное обозначеніе этого условія необходимо.

6) Дозволяется назначеніе въ вакфъ недвижимыхъ имѣній, такъ какъ всѣ спутники пророка (асхабы) назначили ихъ въ вакфъ.

7) Не дозволяется назначенія въ вакфъ предметовъ движимыхъ и измѣняемыхъ при томъ положеніи Кудури дѣлаетъ ссылку на Абу-Ханифа.

8) Абу-Юсуфъ говоритъ: „когда назначается въ вакфъ пахотная земля съ рабочимъ скотомъ, съ работниками и рабами учредителя вакфа, то вакфъ дозволяется". Такимъ образомъ, допускается въ вакфъ и прочіе земледѣльческіе инструменты, потому что они находятся въ зависимости отъ земли, имѣя своимъ назначеніемъ достиженіе результата обработки земли, хотя сами по себѣ они не могли-бы служить объектомъ вакфа, какъ орошеніе при куплѣ-продажѣ и постройки при вакфѣ, но въ силу зависимости ихъ отъ земли, необходимо сдѣлать вывозъ о томъ, что назначеніе ихъ въ вакфъ допускается.

Имамъ-Магометъ присоединяется къ тому ученію Абу-Юсуфа, потому что если онъ допускаетъ назначеніе въ вакфъ нѣкоторыхъ движимыхъ имуществъ, то само собой разумѣется, дозволяетъ въ назначеніе въ вакфъ такихъ предметовъ, которые находятся въ зависимости отъ недвижимости.

9) Имамъ-Магометъ говоритъ: „дозволяется сбереженіе лошадей и оружіе, то есть назначеніе этихъ предметовъ въ вакфъ путемъ Божіимъ". Это ученіе выведено путемъ сравнительныхъ доводовъ; но путемъ аналогіи должно заключить, что назначеніе лошадей и оружія въ вакфъ не дозволяется на основаніи того, что мы выше объясняли. Методъ сравнительныхъ доводовъ имѣетъ основаніе въ извѣстномъ преданіи о томъ, что по словамъ пророка, Хамидъ наложилъ запрещеніе на свою кольчугу ради Всевышняго Бога, а по другой редакціи—и на коней своихъ. Такъ какъ рѣчь идетъ о конницѣ, то, слѣдовательно, сюда же нужно причислить и верблюдовъ, потому что арабы ведутъ на нихъ священную войну, а если такъ, то и оружіе, потому что оно навьючивается на верблюдовъ.

Есть мнѣніе Имамъ-Магомета, что дозволяется назначеніе въ вакфъ тѣхъ движимыхъ предметовъ, относительно которыхъ существуетъ обычай, какъ, напр., топора, котменя, мотыги, пилы, порожнихъ носилокъ, савана, чугунныхъ котловъ, котловъ каменныхъ и мѣдныхъ, книгъ корана.

По мнѣнію же Абу-Юсуфа назначеніе въ вакфъ подобныхъ предметовъ не дозволяется, потому что, какъ скоро существуетъ преданіе, аналогія не имѣетъ мѣста; преданіе существуетъ только относительно лошадей и оружія, посему ими и слѣдуетъ ограничиться. Но Имамъ-Магометъ говоритъ: „аналогія не имѣетъ мѣста при существованіи обычая, какъ, напр., въ ремеслахъ; относительно же поименованныхъ предметовъ обычай существуетъ". Сюда относится примѣръ Нусайра-бекъ-Ахъя, который назначилъ въ вакфъ свои книги; такъ какъ онѣ имѣ-

ютъ такое же значеніе, какъ и коранъ, то назначеніе ихъ въ вакфъ правильно, потому-что какъ коранъ, такъ и эти книги сохраняются ради религіи, въ видахъ обученія другихъ, или для личнаго назиданія и для чтенія вслухъ. Большая часть правовѣдовъ Египта приняла ученіе Имамъ-Магомета. Тѣ предметы, относительно которыхъ обычая не существуетъ, по нашему ученію, назначать въ вакфъ не дозволяется. Но Шафи говоритъ, что дозволяется назначить въ вакфъ всѣ предметы, которые могутъ приносить доходъ, оставаясь капиталомъ и продажа коихъ дозволяется, потому что возможно получить доходъ съ нихъ, вслѣдствіе чего они становятся подобными недвижимымъ имѣніямъ, лошадямъ и оружію. По нашему же мнѣнію, назначеніе въ вакфъ предметовъ, которые не имѣютъ свойства оставаться постоянными, безусловно зависитъ отъ того, что мы выше объяснили, такъ какъ такіе предметы должно разсматривать, какъ драхмы и динаріи, въ противоположность недвижимымъ имѣніямъ. Разнорѣчія не существуетъ ни въ преданіяхъ, ни въ обычаѣ, поэтому оно остается лишь только въ сущности аналогическаго метода, и именно въ томъ обстоятельствѣ, что недвижимое имущество можетъ оставаться постоянно, священная же война имѣетъ цѣлью возвеличеніе религіи, вслѣдствіе чего то и другое, въ виду важности значенія, сближаются.

10) Когда вакфъ учреждетъ неправильно, то по ученію Абу-Юсуфа не дозволяется продажа вакуфнаго имущества и передача владѣнія имъ; только въ томъ случаѣ, когда оно есть имущество нераздѣльное, товарищъ можетъ требовать раздѣла и тогда выдѣлъ доли его правиленъ.

Относительно воспрещенія передачи владѣнія мы уже объяснили. Что же касается относительно раздѣла, то онъ заключается въ сущности въ опредѣленіи доли нераздѣльнаго имущества; относительно же тѣхъ предметовъ, которые не могутъ быть раздѣлены взвѣшиваніемъ и измѣреніемъ, выдѣлъ заключается въ замѣнѣ; въ интересахъ вакфа мы устанавливаемъ тѣ способы выдѣла, которые доставляютъ вакфу наиболѣе выгодъ: поэтому то и не допущена продажа и передача владѣнія назначеннаго въ вакфъ имущества. Затѣмъ, если кто либо назначаетъ въ вакфъ свою долю недвижимаго имущества, состоящаго въ товарищескомъ владѣніи, то этому лицу принадлежитъ право выдѣлить долю своего товарищества, потому что власть надъ вакфомъ поступаетъ къ учредителю вакфа, а послѣ его смерти къ опекуну. Если кто назначитъ въ вакфъ половину недвижимаго имѣнія, принадлежащаго ему въ полную частную собственность, то раздѣлъ производятъ казіи, или же доля, которую учредитель оставляетъ себѣ, продается какому либо лицу, послѣ чего покупщикъ производитъ выдѣлъ, а затѣмъ учредитель вакфа покупаетъ эту выдѣленную долю, потому что не дозволяется, чтобы одно и то же лицо производило выдѣлъ остающейся у него доли и отдѣляло бы долю, поступающую въ вакфъ. Когда при раздѣлѣ оказывается излишекъ, за который уплачиваются деньги, то если деньги получаетъ учредитель вакфа, это не дозволяется, такъ какъ продажа вакфа запрещается; если же учредитель вакфа уплачиваетъ деньги, то дозволяется, такъ какъ онъ здѣсь является покупщикомъ за извѣстную сумму денегъ.

11) Необходимо, чтобы вакуфные доходы прежде всего употреблялись на устройство зданій, независимо отъ того, поставилъ ли это условіе учредитель вакфа или нѣтъ, потому что намѣреніе учредителя вакфа заключается въ томъ, чтобы расходованіе дохода продолжалось вѣчное время; но они не оставались бы вѣчно, если бы не было зданія; потому само собой является заключеніе, что устройство зданій есть необходимое условіе. Другой доводъ есть тотъ, что полученіе дохода налагаетъ и обязанности, становится аналогичнымъ съ пользованіемъ работъ, служба которою завѣщена; посему поддержаніе построекъ падаетъ на обязанность того, кто получаетъ пользу съ нихъ. Если вакфъ учрежденъ въ пользу бѣдныхъ, у которыхъ почти нѣтъ никакого имущества, кромѣ вакуфнаго дохода, то все таки необходимо устройство зданій отнести на этотъ доходъ. Если вакфъ учрежденъ въ пользу какого нибудь извѣстнаго лица съ тѣмъ, чтобы послѣ него поступалъ въ пользу бѣдныхъ, то постройки относятся на имущество этого лица, какое бы ни случилось при жизни его, изъ вакуфнаго же дохода не берется, потому что этотъ доходъ имѣетъ опредѣленное назначеніе и можетъ быть потребованъ бѣдными, если это лицо окажется состоятельнымъ. Поэтому устройство зданій справедливо отнести на счетъ этого лица въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ пользуется, и содержаніе своей части въ томъ видѣ, въ какомъ зданіе поступило въ вакфъ. Если зданіе разрушится, то онъ возстанавливаетъ его такимъ же образомъ; въ настоящемъ случаѣ это зданіе разсматривается какъ доходъ, расходуемый на нужды того, въ пользу кого учрежденъ вакфъ.

Что же касается расширенія вакуфныхъ зданій, то нельзя относить ихъ на счетъ этого лица, потому что долю, на которую онъ имѣетъ право, не дозволяется расходовать на что нибудь другое, помимо его согласія. Если вакфъ учрежденъ въ пользу бѣдныхъ, то, по мнѣнію однихъ, точно также не дозволяется употреблять излишекъ доходовъ на расширеніе зданій; по мнѣнію же другихъ—разрѣшается. Первое мнѣніе правильнѣе, потому что расходъ на устройство зданій вызывается необходимостью, чтобы вакфъ оставался постоянно; въ расширеніи же зданій необходимости нѣтъ*).

Вышеприведенныя толкованія юристовъ-мусульманъ даютъ возможность имѣть понятіе о значеніи слова „вакфъ“.

Въ предѣлахъ Туркестанскаго края законы о землевладѣніи изложены въ положеніи объ управленіи Турк. краемъ и объ этомъ болѣе подробно нами было говорено въ другомъ мѣстѣ**).

Владѣльцы земель милькъ-хераджи, милькъ-ушри и милькъ-хурихалисъ имѣютъ право отчуждать ихъ—продажею, даромъ, завѣщаніемъ. По смерти владѣльцевъ таковыя земли переходятъ къ ихъ законнымъ наслѣдникамъ. Владѣлецъ милька-хури-халисскаго, не сдѣлавши духовнаго завѣщанія, можетъ оставить землю и прочее имущество въ общее

---

*) Г. Вакфъ. Изъ книги Гидая. „Турк. Вѣд.“ 1887 г. № 38 и 39.

**) Сарты т. I стр. 192 и слѣд.

владѣніе наслѣдниковъ, не обязывая ихъ совершать немедленно раздѣлъ. Это есть мялькъ-мушп (владѣніе смѣшанное). Наслѣдники не обязаны сохранять общее владѣніе вѣчно. Если они малолѣтніе, то раздѣлъ можетъ быть совершенъ чрезъ казп по требованію опекуна (васи); это бываетъ въ большей части случаевъ тогда, когда дѣти умершаго происходятъ отъ разныхъ матерей, т. е. когда братья, хотя и единокровные, но не единоутробные, или наоборотъ, или когда происходитъ отдача земли въ аренду по участкамъ. Если одинъ изъ малолѣтнихъ сдѣлается совершеннолѣтнимъ, то можетъ потребовать выдѣленія своей части изъ милька-мушп. По согласію всѣхъ наслѣдниковъ мялькъ-мушп можетъ оставаться таковымъ неопредѣленное время. Согласія на раздѣлъ не требуется отъ всѣхъ совладѣльцевъ.

Необходимо указать на нѣкоторыя особенности при наслѣдованіи. Въ Гильгитѣ, и прилегающихъ долинахъ, земля, по смерти владѣльца, дѣлится не поровну между его сыновьями, какъ слѣдовало бы по шаріату, а на равныя части между семействами его женъ; такъ, напр., если у кого либо останется одинъ сынъ отъ одной жены и три отъ другой, то первый изъ нихъ получаетъ половину всей земли, а остальные три другую половину, которая уже подраздѣляется между ними. Если бы одна жена имѣла сыновей, а другая только дочерей, то земля дѣлится только въ семействѣ первой, такъ какъ въ приданое, на которое имѣютъ право дочери, не входитъ земля. Если по смерти кого либо остаются только дочери, то земля переходитъ къ ближайшему наслѣднику мужского пола; но дѣлается весьма интересное исключеніе въ случаѣ, если остается только одна дочь, которая тогда получаетъ всю землю въ приданое. Это считается милостью, а не правомъ и, вѣроятно, есть остатокъ болѣе древняго порядка, при которомъ признавалось наслѣдованіе женщинъ. Изъ исторіи этихъ странъ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда, за отсутствіемъ мужскихъ потомковъ, правленіе страною переходило въ руки женщинъ.

Въ Ваханѣ и Сарыколѣ дочери участвуютъ на равныхъ правахъ при раздѣлѣ всего, кромѣ земли, которая переходитъ къ сыновьямъ. Въ Читралѣ и Сватѣ слѣдуютъ шаріату, по которому всѣ сыновья получаютъ равныя части. Дочери при выходѣ замужъ получаютъ приданое, въ которое не входитъ земля. Въ Торвалѣ дочери получаютъ одинаковыя части земли, какъ и сыновья*).

Мусульманское населеніе знаетъ двѣ формы держанія чужой земли: музораатъ-держаніе земли изъ доли урожая и иджоратъ-аренда. Безвозмездная ссуда земли для пользованія ею—аріатъ. Собственники земли носятъ названіе „дихкановъ“, а дольщики называются „шериками“, а иногда „чарыками“ и „карандами“. Съ точки зрѣнія шаріата съемка полевыхъ угодій для обработки ихъ изъ доли урожая есть товарищество между капиталомъ и трудомъ, относительно продукта. Владѣлецъ недвижимости участвуетъ въ долѣ продукта по стольку, поскольку онъ

*) Биддельфъ. е. с.

вноситъ въ операцію капиталъ въ видѣ земельной собственности и сѣмянъ; съемщикъ же имѣетъ свою долю въ продуктѣ по стольку, по сколько онъ вноситъ свой трудъ. Объектомъ сдѣлки можетъ быть исключительно только урожай. Этотъ принципъ проводится настолько строго, что, напр., владѣльцу земли запрещено по сдачѣ земли съемщику производить на ней какія либо работы; съ другой стороны съемщикъ, участвуя въ дѣлѣ лишь своимъ личнымъ трудомъ, не имѣетъ права вносить въ него какой либо капиталъ, напр., сѣмена; онъ можетъ имѣть только свой рабочій скотъ, который въ такомъ случаѣ разсматривается, какъ инструментъ труда; когда же онъ вноситъ и рабочій скотъ и сѣмена, то договоръ уже разсматривается, какъ аренда земли, за извѣстную часть урожая.

Постановленія о дольщикахъ, помимо того, что касаются значительной части земледѣльческаго населенія, въ высшей степени интересны въ томъ отношеніи, что онѣ основаны не на религіозныхъ постановленіяхъ, доказываются не изрѣченіемъ корана и хедисами, а заключаютъ въ себѣ существующіе среди населенія обычаи, игнорировать которые большинство мусульманскихъ законовѣдовъ не нашло возможнымъ. При этомъ существуетъ много основаній заключить, что эти обычаи наблюдались и вносились въ законодательный кодексъ, главнымъ образомъ, въ Хоросанѣ и другихъ частяхъ Персіи. Поэтому остается предположить, что въ настоящемъ случаѣ имѣется дѣло съ арійскими, или точнѣе—съ иранскими народными представленіями объ отношеніяхъ между землевладѣльцами и съемщиками, разумѣется, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ эти представленія сохранились неприкосновенными во время систематической обработки ихъ подъ угломъ зрѣнія магометанскаго вѣроученія и подъ дѣйствіемъ схоластическихъ пріемовъ.

Мусульманскіе законовѣды внесли въ свой кодексъ народные обычаи, и, такимъ образомъ, сдѣлали шаріатъ не со всѣмъ собраніемъ исключительныхъ и неприкосновенныхъ постановленій, во всѣхъ безусловно частяхъ санкціонированныхъ каноническими доводами корана и хедисовъ. Напротивъ, какъ постановленія о дольщикахъ, такъ равно и постановленія объ оживленіи мертвыхъ земель, объ орошеніи, о проведеніи оросительныхъ каналовъ и т. п. заключаютъ въ себѣ несомнѣнные слѣды того, что въ нихъ выражены только уже существовавшіе факты въ жизни народностей Востока.

Въ шаріатѣ терминомъ „музораат„ обозначается гражданскій договоръ относительно обработки земли подъ посѣвъ изъ части урожая.

Абду-Ханифъ говоритъ: „обработка земли подъ посѣвы изъ одной трети или изъ одной четверти тщетна и договоры этого рода должны считаться недѣйствительными“. Но по Абу-Юсуфу и Имамъ-Магомету этого рода договоры дозволяются, на основаніи преданія о томъ, что пророкъ дозволилъ населенію Хайбера обработывать землю изъ половины урожая древесныхъ плодовъ и полевыхъ посѣвовъ. Другое доказательство заключается въ томъ, что какъ сдѣлка между капиталомъ и трудомъ они дозволяются, по примѣру договоровъ товарищества отно-

сительно обращенія капиталовъ изъ прибыли; соединившись вмѣстѣ, трудъ и капиталъ уничтожаютъ нужду одинъ въ другомъ.

Такимъ образомъ, въ заключеніи этого договора имѣютъ надобности какъ владѣлецъ капитала, не имѣющій возможности лично работать, такъ и тотъ, кто можетъ работать, но не имѣетъ капитала. Но сюда не могутъ быть причислены договоры объ отдачѣ изъ половины прибыли гуртовъ овецъ, домашней птицы и шелковичныхъ червей, на томъ основаніи, что въ получаемой отъ нихъ прибыли нѣтъ никакого слѣда личнаго труда человѣка, взявшаго подобное имущество въ пользованіе, вслѣдствіе чего товарищество не оправдывается.

Другой доводъ въ пользу мнѣнія Абду-Ханифа: обработка земли подъ посѣвъ есть договоръ, въ которомъ имѣется въ виду полученіе наемной платы въ видѣ части продуктовъ, добытыхъ трудомъ. Такимъ образомъ, онъ становится подобнымъ, по значенію, отдачѣ мельнику извѣстной мѣры зерна за перемолъ.

Еще доказательство въ защиту того же мнѣнія: договаривающійся объ обработкѣ земли не знаетъ точно дохода, который можетъ получить; этотъ доходъ, въ моментъ заключенія сдѣлки, для него не существуетъ. Всѣ же сдѣлки подобнаго рода подлежатъ расторженію. Что же касается преданія о племени Хайберъ, то по Абу-Ханифа, племя это подчинилось пропорціональному хараджу путемъ помпованія и мирнаго договора, что дозволительно. Поэтому, по ученію Абду - Ханифа, если договоры объ обработкѣ подъ посѣвъ изъ части урожая подлежатъ расторженію, то тотъ, кто поливалъ землю и обрабатывалъ ее, достоинъ получить плату за свой трудъ, хотя бы урожая и не было, ибо тогда этотъ договоръ получаетъ значеніе найма, не согласнаго съ шаріатомъ. Такъ должно поступать въ томъ случаѣ, когда сѣмена даны хозяиномъ земли; но когда сѣмена далъ тотъ, кто обрабатывалъ землю, то онъ платитъ хозяину земли арендную плату за землю; урожай-же въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ тому, чьи сѣмена, потому что выросшее изъ сѣмянъ составляетъ собственность владѣльца ихъ; другая же сторона получаетъ наемную плату за трудъ или за землю, какъ объяснено выше. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю важность приведенныхъ разсужденій Абу-Ханифа, основаніемъ для судебныхъ рѣшеній должно признать мнѣніе Имамъ-Магомета и Абу-Юсуфа, такъ какъ оно наиболѣе удовлетворяетъ потребностямъ людей, а также и вслѣдствіе очевиднаго существованія въ народѣ обычая отдавать землю подъ обработку изъ части урожая; наконецъ, въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто то основаніе, что какъ скоро существуетъ обычай, то необходимо оставить логическій методъ выводовъ, какъ это практикуется по отношенію къ ремесламъ.

Доводы объ обработкѣ земли изъ части урожая для того, чтобы быть правильными, на основаніи ученія тѣхъ, которые дозволяютъ ихъ (т. е. Имамъ-Магомета и Абу-Юсуфа) должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) Земля должна быть способна къ земледѣлію, ибо безъ этого условія не достигалась бы цѣль обработки ея. 2) Владѣлецъ

земли и снимающій землю для обработки должны быть лицами правоспособными къ совершенію гражданскихъ сдѣлокъ. По отношенію обработки земли изъ части урожая не существуетъ никакой особой правоспособности, между тѣмъ всякій гражданскій договоръ можетъ почитаться дѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, когда онъ заключенъ между правоспособными лицами. 3) Долженъ быть объявленъ срокъ договора, такъ какъ договоръ относится къ доходу съ земли и къ доходу отъ труда. Срокъ же есть опредѣленіе времени для обработки земли, которое должно быть извѣстно договаривающимся сторонамъ. 4) Должно быть обозначено, на чей счетъ относятся сѣмена, дабы предупредить возможность тяжбы въ этомъ отношеніи, и для того, чтобы договоривающіеся точно знали размѣръ прибыли, которую дастъ земля, и той прибыли, которую дастъ работа. 5) Должна быть обозначена доля, которую получаетъ тотъ, кто не дастъ сѣмянъ, такъ какъ на основаніи условія, ему принадлежитъ право на плату, по мѣрѣ его участія, въ операціи капиталомъ или трудомъ; поэтому необходимо, чтобы эта доля была точно извѣстна; на то же, что неизвѣстно, онъ не можетъ предъявлять правъ по условію договора. 6) Владѣлецъ земли обязанъ очистить землю такъ, чтобы на ней никого не оставалось, кромѣ съемщика, въ такой мѣрѣ, что если бы условіемъ было постановлено, что на землѣ будетъ работать и владѣлецъ ея, то договоръ расторгается вслѣдствіе того, что не существуетъ очищенія земли. 7) Должно быть опредѣлено товарищество въ урожаѣ послѣ снятія его, потому что договоромъ устанавливается такое по окончаніи операціи, и когда это товарищество нарушается, тогда расторгается и самый договоръ. 8) Долженъ быть обозначенъ родъ сѣмянъ съ тою цѣлью, чтобы это было извѣстно договаривающемуся на обработку земли.

По Абу-Юсуфу и Имамъ-Магомету существуетъ четыре вида обработки земли изъ части урожая: 1) когда земля и сѣмена принадлежатъ одному, а рабочій скотъ и трудъ другому, обработка земли изъ части урожая дозволяется, потому что рабочій скотъ есть инструментъ труда, подобно тому, какъ когда нанимается швецъ съ тѣмъ, чтобы онъ шилъ своей иглой. 2) Когда земля принадлежитъ одному, а трудъ, рабочій скотъ и сѣмена другому, договоръ дозволяется, потому что въ этомъ случаѣ является аренда земли за извѣстную часть урожая; поэтому договоръ дозволителенъ одинаково, какъ и въ томъ случаѣ, если бы земля была арендована за извѣстную цѣну деньгами. 3) Когда одному принадлежитъ земля, рабочій скотъ и сѣмена, а другой дастъ только трудъ, договоръ дозволяется, потому что въ этомъ случаѣ нанимается трудъ съ инструментомъ отъ нанимателя, подобно тому, какъ нанимаютъ швеца съ иглами отъ хозяина или мѣсильщика глины съ китмемъ отъ хозяина. 4) Когда земля и рабочій скотъ принадлежатъ одному, а трудъ и сѣмена другому, договоръ—недѣйствителенъ. Объ этой недѣйствительности договора въ данномъ случаѣ мнѣнія согласны. Впрочемъ, по мнѣнію Абу-Юсуфа этотъ договоръ также дозволяется, такъ какъ если онъ дозволяется тогда, когда сѣмена и рабочій скотъ даются

со стороны одного, то нѣтъ причины не дозволять его и въ вышеприведенномъ случаѣ, какъ, вообще, если бы было условлено со стороны обрабатывающаго что нибудь одно, т. е. или сѣмена или рабочій скотъ. Въ потвержденіе же общаго мнѣнія о недѣйствительности договора въ приведенномъ случаѣ, приводятся слѣдующія доказательства: польза, доставляемая скотомъ, не одного рода съ пользой, получаемой отъ земли, ибо польза отъ земли заключается въ присущей ей способности производить растенія, польза же скота заключается въ способности его производить работу. Все это сотворено Всевышнимъ Богомъ. Какъ скоро то и другое не одного рода, то и невозможно, чтобы то или другое принимали на себя чуждыя имъ свойства. Напротивъ, когда на сторонѣ обрабатывающаго находится и рабочій скотъ, то свойство пользы, приносимой обоими (т. е. способности къ работѣ человѣка и скота) одинаковы На этомъ основаніи то и другое—трудъ человѣка и рабочій скотъ, могутъ быть на одной сторонѣ. Кромѣ этого, есть еще два, относящіеся сюда, случая, о которыхъ не упомянуто. Случай первый: если сѣмена принадлежатъ одному, а земля, рабочій скотъ и трудъ другому, то договоръ недѣйствителенъ, потому что тогда окончивалось бы товарищество между сѣменами и трудомъ, а этого въ шаріатѣ не встрѣчается. Случай второй: если сѣмена и рабочій скотъ на одной сторонѣ, то договоръ также недѣйствителенъ. Если договоръ не дозволяется, когда на одной сторонѣ то или другое, т. е. или одинъ рабочій скотъ, или одни сѣмена, то онъ не дозволяется равнымъ образомъ и тогда, когда и то и другое вмѣстѣ на одной сторонѣ. По одному мнѣнію въ обоихъ случаяхъ урожай принадлежитъ владѣльцу сѣмянъ, какъ и, вообще, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ договоръ объ обработкѣ земли изъ части урожая признается несостоявшимся. Но по другому мнѣнію, урожай принадлежитъ владѣльцу земли, который представляется тогда берущимъ сѣмена ссудообразно для того, чтобы приложить ихъ къ землѣ

Неправильна съемка земли изъ части урожая безъ опредѣленія срока, какъ мы объяснили выше, потому что она есть договоръ относительно платы, получаемой отъ труда.

Неправильна съемка земли и тогда, когда урожай остается не распредѣленнымъ между договаривающимися; основаніе къ этому заключается въ значеніи товарищества

Договоръ недѣйствителенъ и въ этомъ случаѣ, когда двое условливаются, что кто либо одинъ имѣетъ получить опредѣленное количество зерна, а другой беретъ то, что остается, потому что при этомъ уничтожались бы товарищескія отношенія, и, во вторыхъ, потому что земля какъ бы обязывается производить не больше опредѣленнаго количества; договоръ въ этомъ случаѣ становится подобнымъ тому, какъ если бы въ товариществѣ для обращенія капитала изъ прибыли было обусловлено такимъ образомъ, что одинъ изъ товарищей получаетъ опредѣленную сумму (а не долю изъ общей прибыли).

Договоръ дѣйствителенъ также и въ томъ случаѣ, когда договаривающіеся условливаются, что хозяинъ сѣмянъ получаетъ сѣмена, а

остающаяся часть дѣлится между обоими пополамъ въ томъ случаѣ, когда урожай не превышаетъ количество сѣмянъ. Подобенъ настоящему и тотъ случай, когда договариваются, что одинъ принимаетъ на себя уплату хараджа, когда земля хараджная, а остающаяся часть поступаетъ въ раздѣлъ между обоими договаривающимися, потому что хараджъ есть величина опредѣленная. Напротивъ того, договоръ остается въ силѣ, когда земля десятинная и договаривающіеся уславливаются, что хозяинъ сѣмянъ беретъ себѣ или отдаетъ другому одну десятину урожая, а остальное поступаетъ въ раздѣлъ между обоими, потому что тогда доля каждаго остается опредѣленной и не ведетъ къ уничтоженію товарищества; тоже самое и въ томъ случаѣ, когда одинъ принимаетъ на себя уплату десятины, а остающееся количество поступаетъ въ раздѣлъ.

Договоръ недѣйствителенъ также и тогда, когда онъ относится къ землямъ, находящимся на оросительныхъ каналахъ, т. е. когда въ немъ постановляется, что кто либо одинъ пользуется урожаемъ съ этихъ земель, потому что тогда постановляется условіе о томъ, чтобы одному получать урожай съ опредѣленнаго мѣста. Также постановленіе клонится къ уничтоженію товарищества, такъ какъ можетъ случиться, что урожай получится на одномъ только мѣстѣ. Подобно этому было бы также условіе о томъ, чтобы одинъ получилъ урожай съ одной стороны участка, а другой—съ другой стороны.

Договоръ недѣйствителенъ и тогда, когда въ немъ поставляется, что одинъ получаетъ зерно, такъ какъ можетъ случиться, что, вслѣдствіе атмосферическихъ причинъ, зерно не уродится, а получится одна только солома.

Договоръ недѣйствителенъ, когда уславливаются раздѣлить солому пополамъ, а зерно получитъ кому либо одному, потому что такое условіе ведетъ къ уничтоженію товарищества, поскольку цѣль его заключается въ полученіи зерна. Когда уславливаются зерно раздѣлить пополамъ, а о соломѣ не упоминаютъ, то договоръ дѣйствителенъ, потому что при этомъ условіи опредѣляется товарищество, именно въ томъ отношеніи, въ какомъ заключается цѣль его. Въ такомъ случаѣ солома предоставляется хозяину сѣмянъ, потому что она выросла изъ предмета, составляющаго его собственность, и относительно правъ его на солому нѣтъ надобности заключать особое условіе; напротивъ того, если бы включить въ условіе пункта о соломѣ, то тѣмъ нарушилось бы право хозяина сѣмянъ, потому о соломѣ и умалчивается.

Впрочемъ, шейхи Балха говорятъ, что солома должна раздѣляться между договаривающимися, какъ и зерно, по обычаю земледѣльцевъ, на сколько это выяснено въ условіяхъ договаривающихся, такъ какъ солома принадлежитъ зерну и эта принадлежность ставитъ ее въ одинаковыя съ нимъ условія въ договорѣ.

Когда въ договорѣ опредѣляется зерно раздѣлить пополамъ, и солому предоставить хозяину сѣмянъ, то договоръ дѣйствителенъ, на основаніи поставленныхъ въ немъ условій. Когда же поставляется, что

солома поступаетъ не хозяину сѣмянъ, то договоръ расторгается, потому что ведетъ къ уничтоженію товарищества въ томъ случаѣ, когда не уродится ничего, кромѣ соломы; поэтому тогда, согласно условію, осуществлялось бы право только одного, и при томъ не хозяина сѣмянъ.

При правильности и дозволительности договора объ обработкѣ земли изъ части урожая, относительно урожая существуютъ слѣдующія условія: когда земля ничего не уродитъ, то обрабатывающій не получитъ ничего, потому что права его осуществляются въ товариществѣ, а когда нѣтъ урожая, тогда нѣтъ и товарищества. Но если онъ условился работать за наемную плату, то получаетъ эту условную плату и сверхъ ея ничего не можетъ требовать. Напротивъ, когда договоръ о товариществѣ признается недѣйствительнымъ, то обрабатывающій землю получаетъ плату по соразмѣрности роботы его, обязанность уплатить наемную плату не уничтожается и въ случай неурожая.

Когда же договоръ признается недѣйствительнымъ, то урожай принадлежитъ хозяину сѣмянъ, потому что урожай есть продуктъ его собственности, право же другой стороны требовать выговоренную долю основано на договорѣ, который признанъ недѣйствительнымъ, вслѣдствіе чего остающійся продуктъ сполна принадлежитъ хозяину сѣмянъ. Если же сѣмена были со стороны хозяина земли, то обрабатывающему землю предоставляется заработанная имъ плата. Но эта плата не должна превосходить установленнаго для него размѣра, потому что онъ самъ согласился на несуществованіе излишка; такъ учатъ Абу-Ханифа и Абу-Юсуфъ; но по Имамъ-Магомету ему принадлежитъ плата, пропорціональная его труду, хотя-бы она превышала договоренную въ условіи, потому что право на вознагражденіе за трудъ онъ получаетъ по расторженію договора; поэтому возникаетъ необходимость возмѣстить стоимость труда, между тѣмъ какъ равнозначащаго не существуетъ. Объясненіе этого постановленія находится въ книгѣ о наймѣ. Когда же сѣмена были со стороны обрабатывающаго, то хозяину земли предоставляется арендная плата за землю, потому что право требовать вознагражденіе онъ получаетъ по расторженію договора. Это вознагражденіе, несомнѣнно, ему слѣдуетъ, но невозможно получить его натурою, въ видѣ предмета, равнозначащаго производительной способности земли; поэтому остается только удовлетворить его стоимостью этого качества принадлежащей ему земли. Что же касается вопроса о томъ, можетъ ли онъ получить больше, чѣмъ было условлено въ расторгнутомъ договорѣ, то объ этомъ мнѣнія также различны, какъ уже выше было упомянуто.

Если до времени расторженія договора земля и рабочій скотъ были вмѣстѣ, то обрабатывающій обязанъ уплатить арендную плату какъ за землю, такъ и за рабочій скотъ. Это правильно на томъ основаніи, что рабочій скотъ есть также предметъ найма и въ данномъ случаѣ употребленіе его въ работу имѣетъ значеніе найма.

Если владѣлецъ земли, по расторженію договора, потребуетъ себѣ весь урожай за сѣмена свои, то онъ можетъ получить весь урожай на томъ основаніи, что онъ есть продуктъ, выросшій на землѣ, при-

надлежащей ему въ собственность. Если же урожай потребуетъ себѣ обрабатывающій, то онъ получаетъ изъ него количество своихъ сѣмянъ и количество, равное арендной платѣ за землю, а излишекъ жертвуетъ, потому что растенія произрастаютъ изъ сѣмянъ и выходятъ изъ земли; при расторженіи же договора въ отношеніи владѣнія продуктами земли, опредѣленныя въ договорѣ условія прекращаются; поэтому то, что вручается обрабатывающему по мѣрѣ участія его въ операціи, какъ равноцѣнность—дозволяется; то же, что составляетъ излишекъ—жертвуется.

Когда заключенъ договоръ на обработку земли изъ части урожая, и хозяинъ сѣмянъ отказывается отъ работы, то онъ не принуждается къ ней, потому что нельзя настаивать на исполненіи договора помимо того случая, когда это дозволяется вслѣдствіе проистекающаго отъ неисполненія договора—вреда; этотъ случай подобенъ тому, какъ если-бы кто либо нанялся для сломки дома.

Если отказывающійся отъ обработки не есть хозяинъ сѣмянъ, то онъ принуждается къ исполненію договора правительственною властью, потому что исполненіе договора не причинитъ ему никакого вреда, а между тѣмъ оно необходимо, подобно тому, какъ въ договорѣ найма; исключеніе допускается только тогда, когда существуетъ ссылка на такое обстоятельство, которымъ уничтожается договорная плата; тогда и самый договоръ объ обработкѣ земли уничтожается.

Если будетъ отказываться отъ договора хозяинъ земли и сѣмянъ уже послѣ того, какъ земля запахана, то работавшему ничего не предоставляется за его трудъ по запашкѣ. Такъ рѣшается дѣло судомъ, но по совѣсти и справедливости работавшій можетъ требовать вознагражденія за трудъ свой, потому что онъ обманутъ. Если умретъ одинъ изъ договаривавшихся, то договоръ прекращается, какъ и въ договорѣ найма. Основанія этому объяснены въ книгѣ о наймѣ.

Если кто либо отдалъ землю на три года и владѣлецъ земли умретъ въ первый годъ, когда посѣянное выросло, но еще не сжато, то земля остается въ распоряженіи обрабатывающаго ее до окончанія жалобы и урожай дѣлится согласно условія, а на послѣдующіе годы договоръ прекращается. Договоръ остается въ силѣ въ первый годъ во вниманіе къ правамъ обѣихъ договаривающихся сторонъ; напротивъ, во второй и третій годы отъ прекращенія договора для обрабатывающаго землю нѣтъ никакого вреда. Это правило получается путемъ логическаго вывода (кыясъ).

Если владѣлецъ земли умретъ прежде посѣва, но послѣ того, какъ земля уже запахана, и оросительные каналы выкопаны, то договоръ прекращается, потому что въ этомъ случаѣ не пропадаетъ никакое имущество договаривающихся; обработавшему же землю за произведенную имъ работу ничего не представляется. Объ этомъ будетъ объяснено ниже.

Если договоръ объ обработкѣ земли изъ части урожая прекращается вслѣдствіе долга, падающаго на владѣльца земли, такъ что оказа-

лось необходимымъ продать землю и она продается, то эта продажа дозволяется, какъ въ договорѣ найма; обработывавшему же землю не предоставляется права требовать что либо за произведенную имъ работу при вспашкѣ земли и копаніи оросительныхъ каналовъ на томъ основаніи, что польза, которую онъ имѣлъ получить, вытекала изъ договора, договоръ же основывался на урожаѣ; но какъ скоро нѣтъ урожая, то и нѣтъ необходимости давать ему, что либо. Когда же посѣянное на землѣ растетъ, но еще не сжато, то земля за долгъ не продается до тѣхъ поръ, пока не будетъ собранъ съ нея урожай, потому что немедленная продажа нарушила бы права обрабатывающаго, замедленіе же въ полученіи долга легче, чѣмъ это нарушеніе правъ обрабатывающаго. Если при этомъ должникъ заключенъ за долги подъ стражу, то казн освобождаетъ его, такъ какъ если и оказывается препятствіе къ немедленной продажѣ земли, то въ этомъ нѣтъ притѣсненія со стороны должника; заключеніе же подъ стражу есть наказаніе за притѣсненіе.

Когда срокъ договора объ обработкѣ земли кончился и результатъ обработки еще не выяснился (т. е. когда жатва еще не поспѣла), то договорившійся на обработку земли обязанъ вознаградить владѣльца земли, соотвѣтственно доли его, до того времени, когда наступитъ жатва; расходы же на дальнѣйшую обработку земли относятся на счетъ обоихъ, соразмѣрно правамъ ихъ, до времени жатвы, потому что при оставленіи земли въ распоряженіи обрабатывающаго, до окончанія жатвы, при условіи уплаты соотвѣтствующей аренды, заключается справедливость и благо обѣихъ сторонъ; вслѣдствіе этого и должно такъ поступать. Расходы же по дальнѣйшей обработкѣ земли относятся на счетъ обоихъ на томъ основаніи, что договоръ уже кончился съ окончаніемъ установленнаго срока и эти работы относятся уже къ имуществу товарищества. Напротивъ того, когда владѣлецъ земли умираетъ въ то время, когда посѣянное еще растетъ, то работа относится на счетъ обрабатывающаго, потому что въ этомъ случаѣ договоръ остается еще въ предѣлахъ его срока, а по условію договора требуется, что бы работы производилъ обрабатывающій. Въ первомъ же случаѣ срокъ договора кончился, посему договоръ уже не продолжаетъ существовать; вслѣдствіе этого на обрабатывающемъ землю уже болѣе не остается обязанности производить работу на свой счетъ.

Если одинъ изъ товарищей производитъ расходы безъ дозволенія другого товарища, или безъ приказанія казія, то онъ добровольно принимаетъ эти расходы на одного себя, потому что никто не заставлялъ его дѣлать это.

Если владѣлецъ земли пожелалъ бы получить посѣвъ еще несозрѣвшій, то право на это ему не предоставляется, потому что въ этомъ заключался бы ущербъ для договорившагося на обработку земли. Если же договорившійся на обработку земли пожелаетъ получить недозрѣвшій посѣвъ, то говоритъ владѣльцу земли: „сорви посѣвъ и пусть онъ будетъ раздѣленъ между нами, или выдай мнѣ причитающуюся мнѣ до-

лю, или прими на себя расходы на обработку земли, и то, что тобою израсходовано, возьми себѣ изъ моей доли".

При этомъ основаніемъ служитъ то, что когда обрабатывающій землю отказывается отъ работы, то не принуждаетъ къ ней. Затѣмъ, если продолженіе договорныхъ отношеній послѣ срока, опредѣленнаго въ договорѣ, есть благо и для обрабатывающаго землю, то, отказываясь отъ договора, онъ самъ оставляетъ свое благо. Владѣльцу же земли предоставляется выбрать тотъ или другой изъ указанныхъ способовъ, по его усмотрѣнію, потому что каждый изъ нихъ клонится къ уничтоженію ущерба для него.

Если договаривавшійся объ обработкѣ земли изъ части умретъ въ то время, когда посѣянное произрастаетъ, и наслѣдники его пожелаютъ продолжать работу до окончанія жатвы, а владѣлецъ земли на это не согласится, то наслѣдникамъ предоставляется право продолжать обработку земли, потому что въ этомъ для владѣльца земли нѣтъ никакого ущерба.

При этомъ наслѣдникамъ не слѣдуетъ никакой платы за произведенную ими работу, потому что для блага ихъ мы оставили продолженіе существованія договора. Если же они пожелаютъ получить несозрѣвшій посѣвъ, то не принуждаются къ продолженію обработки земли, какъ мы выше объяснили, и владѣлецъ земли можетъ выбрать для расчета съ ними одинъ изъ выше указанныхъ способовъ.

Равнымъ образомъ, издержки на жнитво, свозъ на токъ, молотьбу и провѣваніе относятся на счетъ обоихъ договаривающихся, по соразмѣрности долей ихъ. Если въ договорѣ обусловлено, что эти расходы должны падать на обрабатывающую землю, то договоръ уничтожается. Это правило не относится къ тому, что мы выше сказали касательно опредѣленнаго договоромъ срока и зрѣлости посѣва; оно имѣетъ общее значеніе въ цѣломъ договорѣ объ обработкѣ земли изъ части, независимо отъ срока и зрѣлости посѣва. Правило это установлено на томъ основаніи, что договоръ оканчивается съ наступленіемъ зрѣлости посѣва, по причинѣ достиженія цѣли его. Послѣ того остается товарищеское имущество, подлежащее раздѣлу между обоими договаривающимися; договоръ же не существуетъ, а полученный доходъ необходимо распредѣлить между обоими.

Если въ договорѣ относительно прибыли заключается односторонее условіе, именно: чтобы прибыль предназначалась кому либо одному, то договоръ расторгается подобно тому, какъ когда въ немъ заключается условіе, чтобы перевозка или перемолъ продукта возлагались на обязанность обрабатывающаго землю. Но по мнѣнію Абу-Юсуфа договоръ дозволяется, когда на обязанность обрабатывавшаго возлагаются подобныя операціи, на основаніи обычая по примѣру ремесленниковъ. Это же мнѣніе раздѣляютъ и шейхи Балха. Шамсуль Эйгома Сарахси говоритъ: „это мнѣніе правильно для нашихъ странъ". Несмотря на то, должно остановиться на томъ, что операціи, которыя требуются раньше озрѣванія посѣяннаго, какъ орошеніе земли, охраненіе поля, относятся

на счетъ обрабатывающаго землю; операціи же, производимыя послѣ поспѣванія, но до раздѣла урожая, какъ то: жнитва, молотьба и пр., на счетъ обоихъ договорившихся, на основаніи безпорныхъ римаятовъ, о чемъ мы выше уже объяснили. Существующій въ этомъ отношеніи обычай аналогиченъ съ тѣмъ, по которому прежде поспѣванія древесныхъ плодовъ орошеніе, прививка, охраненіе сада, относятся на счетъ съемщика сада; работы же, производимыя послѣ поспѣванія плодовъ, какъ-то: срываніе ихъ, сохраненіе, относятся на счетъ обоихъ. Если же заключается такой договоръ, по которому срываніе плодовъ относится на счетъ съемщика сада, то по общему мнѣнію мутэтегидовъ этотъ договоръ не дозволяется, такъ какъ подобнаго обычая не существуетъ. Работы, производимыя послѣ раздѣла урожая, относятся на счетъ обоихъ, потому что урожай есть имущество товарищеское, и договоръ уже не существуетъ. Если въ договорѣ ставится условіе, что жнитво относится на счетъ владѣльца земли, то по общему мнѣнію, договоръ не дозволяется, по причинѣ не существованія такого обычая.

Если оба договорившіеся, по обоюдному согласію, пожелаютъ срѣзать то, что подлежитъ срѣзкѣ, или оборвать незрѣлые финики или собрать зрѣлые финики, то эти работы относятся на счетъ ихъ обоихъ, потому что договоръ оканчивается въ то время, когда они оба порѣшили срѣзать посѣянное, или оборвать финики и, такимъ образомъ, стали между собой въ такія отношенія, которыя наступили-бы послѣ поспѣванія*). Этимъ закончимъ перечисленіе постановленій о дольщикахъ.

Вторая форма держанія земли, аренда (иджоратъ), основывается на договорѣ, который можетъ быть письменный и словесный. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ договоръ аренды обусловливается цѣлымъ рядомъ постановленій шаріата. Въ силу этихъ постановленій въ договорѣ аренды долженъ быть указанъ срокъ и размѣръ арендной платы, причемъ послѣдняя можетъ быть денежной или въ продуктахъ урожая, но только не въ долѣ, а въ опредѣленномъ количествѣ тѣхъ или иныхъ продуктовъ.

Послѣдній прекращается или окончаніемъ срока аренды, или смертью кого либо изъ сторонъ, или въ случаяхъ невозможности дальнѣйшаго существованія договора вслѣдствіе того, что земля по естественнымъ причинамъ придетъ въ негодное для воздѣлыванія состояніе, или вслѣдствіе отъѣзда арендатора, хотя въ послѣднемъ случаѣ, временно уѣзжая, арендаторъ можетъ отъ себя передать право аренды другому лицу.

Изъ числа этихъ условій расторженія договоровъ аренды смерть арендатора ведетъ къ прекращенію аренды только въ томъ случаѣ, если послѣдняя краткосрочна, т. е. не болѣе трехъ лѣтъ. Долгосрочная же аренда до окончанія срока является наслѣдственной и потому можетъ быть сравнена съ римскимъ эмфитевзисомъ, ибо какъ эмфитев-

*) Г. постановл. мусульм. законод. о дольщикахъ „Турк. Вѣд.“ 1886 г. № 33.

черъ, такъ и арендаторъ должны уплачивать поземельную подать и нести общественныя повинности, связанныя съ землепользованіемъ.

Въ постановленіяхъ шаріата предоставлена возможность краткосрочной аренды переходить въ безсрочную. Это постановленіе таково: если кто нибудь нанимаетъ домъ съ условіемъ „платить диграмъ каждый мѣсяцъ", то такой договоръ дѣйствителенъ на одинъ мѣсяцъ, но недѣйствителенъ на послѣдующіе мѣсяцы, если не опредѣлено число мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ долженъ дѣйствовать. Доказательство этого положенія основаны на значеніи словъ арабскаго языка. Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ разсматриваемый договоръ дѣйствителенъ только на одинъ мѣсяцъ, то хозяинъ и наемщикъ могутъ расторгнуть договоръ къ концу мѣсяца, ибо къ этому времени дѣйствующій договоръ представляется исполненымъ и оконченымъ. Поэтому, если арендаторъ, по истеченіи перваго мѣсяца, остается въ домѣ на одну только секунду, то договоръ остается въ силѣ на второй мѣсяцъ и хозяинъ не вправѣ выселить его до окончанія этого мѣсяца (то же правило примѣняется относительно каждаго мѣсяца, въ началѣ котораго арендаторъ продолжаетъ жить въ домѣ), потому что, когда арендаторъ продолжаетъ жить въ домѣ слѣдующій мѣсяцъ, то договоръ представляется возобновленнымъ по соглашенію сторонъ. По Захира-Ривояту право расторгнуть договоръ остается за обѣими сторонами до окончанія перваго дня слѣдующаго мѣсяца, ибо, если принимать въ расчетъ первый моментъ мѣсяца, то въ виду краткости времени, невозможно будетъ осуществить право расторженія договора.

Это постановленіе шаріата исключаетъ необходимость возобновлять договоръ каждый разъ по истеченіи строка и въ то же время не лишаетъ и собственника земли, и арендатора права расторгнуть договоръ, разъ въ томъ является необходимость. Такимъ образомъ, фактически всѣ краткосрочныя аренды являются безсрочными. Поэтому на всякаго рода аренды можетъ быть распространено сравненіе съ римскимъ эмфитевзисомъ. Исключенія представляютъ лишь долгосрочныя (свыше трехъ лѣтъ) аренды вакуфныхъ земель. Эти послѣднія можно сравнить съ чиншемъ.

Арендаторъ вакуфной земли послѣ трехъ лѣтъ аренды можетъ продать землю другому лицу, которое становится въ такомъ случаѣ арендаторомъ вакфа. Собственно говоря, по мусульманскому праву, вакуфныя имущества никакому отчужденію подлежать не могутъ, разрѣшенье же долгосрочнымъ арендаторамъ вакуфныхъ земель продавать послѣднія основано на правѣ арендатора продавать результаты своего труда (посадки и посѣвы). По толкованію кази, арендаторы продаютъ не самую землю, а лишь обработанную ими поверхность земли съ насажденіями и посѣвами. Такая продажа поверхности земли,—ни что иное, какъ фикція. Въ дѣйствительности же продается сама земля. При этомъ всякій арендаторъ, какъ старый такъ и новый, долженъ уплачивать на нужды вакуфнаго учрежденія $^1/_{10}$ часть урожая, а затѣмъ и все то, что должно поступать въ вакфъ по волѣ завѣщателя. Эти пла-

теки неизмѣнны. Поэтому то такую аренду вакуфной земли можно смѣло сравнить съ чиншѐмъ. Арендая плата во всѣхъ другихъ случаяхъ можетъ быть измѣняема передъ наступленіемъ новаго срока аренды.

Арендатцы могутъ пользоваться землею только для обработки ея, а потому и не могутъ возводить построекъ или производить насажденій (разъ это не обусловлено договоромъ), такъ какъ такія дѣйствія могутъ сдѣлать часть земли негодной къ обработкѣ. Возведеніе построекъ и насажденіе деревьевъ допускается лишь съ разрѣшенія собственника, который въ такомъ случаѣ принимаетъ на себя расходы по постройкамъ*).

Въ Средней-Азіи, гдѣ—вода, тамъ и осѣдлая жизнь и правильная обработка полей, а потому постановленія о пользованіи водой имѣютъ существенное значеніе. Мусульманское законодательство касается двухъ видовъ пользованія водой: а) для личнаго потребленія и, б) для орошенія посѣвовъ и насажденій. Каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ свое собственное основаніе. Вода, въ ея естественномъ состояніи, составляетъ имущество свободное, tes nullius, общее достояніе людей. Вода же, заключенная въ вмѣстилищахъ, произведенныхъ трудомъ человѣка, какъ колодцы, оросительные каналы, сосуды, становятся частною собственностью и объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ. Принципъ товарищества сохраняется въ правѣ пользованія водою для личнаго потребленія, распространяющійся на воду, независимо отъ того, находится ли она въ естественномъ состояніи или составляетъ частную собственность. По отношенію же къ пользованію водой для орошенія посѣвовъ и насажденій, строго проводится принципъ неприкосновенности частной собственности.

Если кому-либо принадлежитъ оросительный каналъ, колодезь или подземный каналъ, то не предоставлено этому лицу воспрещать кому-бы то ни было пользованіе водою ихъ для питья (буквально возбранять уста. Выраженіе уста означаетъ пользованіе водою для питья людей и животныхъ). Должно знать, что воды бываютъ различныя. Во первыхъ, воды морей, которыми имѣетъ право пользоваться каждый человѣкъ какъ для личнаго потребленія, такъ и для орошенія земли въ такомъ размѣрѣ, что если-бы кто пожелалъ вывести изъ моря оросительный каналъ на землю свою, то это ему не воспрещается. Пользованіе водою морей подобно пользованію солнцемъ, луной, воздухомъ и не воспрещается пользоваться ею всякимъ способомъ, какъ захотятъ. Во вторыхъ, воды великихъ рѣкъ, какъ, напр., Сихуна (Сыръ-Дарьи), Джуйхуна (Аму-Дарьи), Тигра, Ефрата. Для личнаго потребленія каждый свободно имѣетъ право пользоваться ими. Употребленіе воды ихъ для орошенія земли находится въ зависимости отъ тѣхъ же условій, какія существуютъ для копанія оросительныхъ каналовъ для оживленія

*) О. А. Шкапскій. Сб. мат. для статистик. Сыр.-Дарьин. области 1900 г. т. VIII стр. 88 и слѣд.

мертвой земли, именно: когда земля не нужна для населенія и когда оросительный каналъ не находится во владѣніи какого-либо лица, то она почитается имуществомъ свободнымъ, равнымъ образомъ, когда затопленіе водою не допускаетъ мѣсту быть въ чьемъ либо владѣніи. Но если употребленіе воды для орошенія можетъ сопровождаться вредомъ для населенія, какъ, напр., когда вода направляется въ такую сторону, гдѣ можетъ разрушить загражденія, затопить селеніе и землю, то оно не дозволяется, въ видахъ устраненія вреда для населенія, подобно тому, какъ то же соображеніе имѣетъ мѣсто при устройствѣ мельницъ; отводъ канала при устройствѣ мельницы подобенъ отводу его для орошенія. Въ третьихъ, воды, входящія во владѣльческіе участки. Право пользованія этими водами для личнаго потребленія сохраняется. Основаніе къ тому заключается въ словахъ пророка: „люди суть товарищи въ трехъ вещахъ: водѣ, травѣ и огнѣ“. Вода на основаніи этого изреченія, составляетъ общее достояніе до тѣхъ поръ, пока она остается въ естественномъ своемъ мѣстѣ, гдѣ получила бытіе, по сотвореніи Всевышнимъ Богомъ; тогда она находится въ свободномъ состояніи. Но какъ скоро она будетъ собрана и помѣщена, напр., въ мѣхъ, то она становится частною собственностью и можетъ составлять предметъ торговли, подобно тому, какъ дичь становится собственностью, вслѣдствіе овладѣнія ею. Растенія, т. е. травы, которыя произростаютъ сами собой, независимо отъ чьего нибудь посѣва и ухода, не могутъ почитаться собственностью хозяина земли, по той только причинѣ, что находятся на землѣ его. Ихъ получаетъ въ собственность и присваиваетъ себѣ тотъ, кто срѣзалъ и собираетъ. Только тѣ растенія, которыя выращиваетъ владѣлецъ земли, орошая свою землю, вспахивая ее и ухаживая за растеніями, предназначая ихъ для своего скота, составляютъ его собственность и посторонніе лица не имѣютъ права пользоваться ими, безъ согласія его; причина та, что онъ добылъ ихъ своимъ трудомъ, а продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Растущія на чьей либо землѣ деревья составляютъ собственность владѣльца земли, хотя и существуютъ дровесные виды, не требующіе орошенія. Травой же почитаются тѣ растенія, которыя безъ орошенія стелятся по лицу земли. Товарищество относительно огня заключается въ пользованіи свѣтомъ его и жаромъ. Тотъ, кто развелъ огонь, не имѣетъ права воспретить другимъ лицамъ зажигать отъ него. Но если бы кто пожелалъ воспользоваться углями отъ разведеннаго огня, то это ему не предоставлено, такъ какъ угли составляютъ собственность разведшаго огонь; угли суть дрова и перегорѣлыя части ихъ собираетъ тотъ, кто зажегъ огонь. Впрочемъ, когда посторонній береть угли отъ огня, то надо обращать вниманіе на то, составляютъ-ли они имущество, имѣющее цѣнность. Если хозяинъ углей назначаетъ имъ какую нибудь цѣну, то онъ имѣетъ право требовать возврата взятаго; если же взятое не имѣетъ никакой цѣнности, то требовать возврата онъ права не имѣетъ, ибо въ общежитіи не принято препятствовать пользоваться такими предметами и если-бы кто сталъ препятствовать, то обнаружилъ бы только упрямство, которое шаріа-

томъ воспрещается. Товарищество по отношенію къ водѣ можетъ заключиться въ пользованіи ею для орошенія и для личнаго потребленія. Первый изъ этихъ видовъ пользованія, въ которомъ вода является какъ частная собственность, сюда не входитъ; это постановленіе относится лишь ко второму виду пользованія водой для личнаго потребленія. По общему мнѣнію муджтегидовъ, выдѣленіе перваго вида пользованія водой, именно для орошенія, въ чистую собственность, основано на томъ обстоятельствѣ, что дозволено обращать воду въ предметъ торговли и по нѣкоторымъ ривоятамъ, потому что вода можетъ служить объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ. Но, съ другой стороны, вода, подобно дикому звѣрю, который выкопалъ себѣ логовище на чьей либо землѣ, составляетъ имущество свободное до тѣхъ поръ, пока не заключена въ яму и т. п., имѣющую назначеніемъ сохраненіе ея; только тогда она поступаетъ во владѣніе. Далѣе, необходимость предоставить каждому право пользованія водою для личнаго потребленія обусловливается тѣмъ, что люди не могутъ добывать для себя воду на любомъ мѣстѣ, а между тѣмъ она необходима для нихъ. Поэтому, если бы разрѣшено было не допускать къ водѣ, то это причинило бы большія затрудненія. Если кто либо захотѣлъ взять воду для орошенія своей земли, то хозяева оросительнаго канала могутъ не дозволить этого, несмотря на то, будетъ ли отпускъ воды сопровождаться вредомъ для нихъ или нѣтъ; хозяева канала имѣютъ на него право собственности и никакія соображенія не могутъ ихъ поставить въ необходимость удовлетворить требованія постороняго лица; напротивъ, если бы мы допустили подобныя требованія, то лишили бы владѣльца канала пользованія своимъ правомъ употребленія воды для орошенія. Въ четвертыхъ, вода, собранная въ сосуды, становится собственностью того, кто собралъ ее, именно по причинѣ труда собиранія. Право другихъ лицъ на такую воду уничтожается, какъ на пойманную дичь. Право пользованія этою водою для личнаго потребленія другимъ лицамъ предоставляется до того предѣла, что если въ мѣстности, гдѣ воды недостаточно, кто нибудь украдетъ воду на сумму одного писаба (не свыше 10 тенегъ=2 р.), то руки ему не отрѣзаются.

Если существуетъ колодезь, источникъ или оросительный каналъ въ чьемъ нибудь владѣніи, то владѣльцу предоставляется право воспрещать желающему пользоваться водой, входъ во владѣніе его, въ томъ случаѣ, если вблизи этой находится другая вода, не состоящая ни въ чьемъ владѣніи. Если же такой воды не находится, то нуждающійся въ водѣ говоритъ хозяину оросительнаго канала: „дай мнѣ самъ воды для моего личнаго потребленія, или же: допусти меня взять воду подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не разрушать береговъ оросительнаго канала“. Это постановленіе основывается на ривоятѣ Ат-тахви и одобрено муджтегидами въ томъ смыслѣ, когда оросительный каналъ выкопанъ въ собственномъ владѣніи кого либо; но если каналъ выкопанъ въ мертвой землѣ, то право воспрещать пользованіе водою изъ него, для личнаго употребленія, владѣльцу канала не предоставляется, потому что мертвая

земля есть товарищеская и копаніе на ней, съ цѣлью оживленія, есть право товарищеское; поэтому и по орошенію къ пользованію водой товарищеское право не прекращается. Если же кому либо запрещается пользованіе водой для личнаго потребленія въ то время, когда его одолѣваетъ жажда до такой степени, что возникаетъ опасеніе за жизнь, то ему дозволяется бить воспрещающаго оружіемъ, ибо въ этомъ случаѣ лишеніе права пользованія водою, для личнаго потребленія равнозначуще намѣренію погубить жаждущаго.

Вода въ колодцахъ есть свободная, не составляетъ собственности, въ противоположность водѣ, собранной въ сосуды; по отношенію къ послѣдней, въ случаѣ спора, не дозволяется бить оружіемъ, потому что вода эта составляетъ личную собственность, подобно тому, какъ это не дозволяется для полученія пищи, въ случаѣ наступленія голода. Впрочемъ, относительно колодцевъ и т. п. существуетъ другое мнѣніе, по которому предпочитается, чтобы въ случаѣ спора не употреблять оружія, кромѣ палки, потому что недающій воды совершаетъ проступокъ, и удары палки при этомъ являются равнозначущими тагзиру, т. е. ударамъ плетью раиса (отъ 3 до 39 разъ).

Пользованіе водою для личнаго потребленія, по мнѣнію муджтегидовъ, не воспрещается и въ томъ случаѣ, когда всѣ приходятъ къ водѣ, между тѣмъ, какъ потокъ небольшой, и верблюды и другія животныя, приходя къ нему въ большомъ числѣ, питьемъ своимъ истощаютъ воду его. Основаніе къ этому постановленію заключается въ томъ, что верблюды не ходятъ къ водѣ во всякое время, слѣдовательно, устанавливается какъ бы очередь въ пользованіи ею, причемъ воды оказывается достаточно для ея распредѣленія.

Но есть другое мнѣніе, по которому владѣльцу предоставляется въ подобномъ случаѣ воспрещать пользованіе водой, подобно тому, какъ когда вода требуется для орошенія посѣвовъ и насажденій, ибо цѣлое стадо уничтожаетъ право его на воду.

Люди имѣютъ право брать воду для оросительныхъ каналовъ, для религіозныхъ омовеній и мытья одежды. Это мнѣніе болѣе справедливо, чѣмъ то, по которому дозволяется совершать религіозныя омовенія и мыть одежду только въ самомъ оросительномъ каналѣ, не унося изъ него воды, потому что правило относительно совершенія омовеній и мытья одежды только въ самомъ каналѣ привело бы, какъ говорятъ нѣкоторые, къ затрудненіямъ, которыя подлежатъ устраненію.

Если кто либо пожелаетъ оросить деревья или огородъ въ своемъ дворѣ посредствомъ лейки, то ему дозволяется брать воду для этого. Это мнѣніе есть наилучшее, ибо люди этому виду пользованія водой не придаютъ значенія и запрещеніе брать воду для указанной надобности причисляютъ къ подлости.

Не дозволяется кому-бы то ни было орошать свою землю, или финиковую плантацію, или деревья изъ оросительнаго канала или колодца, или изъ подземнаго канала, принадлежащихъ другому лицу, безъ яснаго дозволенія владѣльца, которому предоставлено право во-

спрещать употребленіе воды его на указанныя надобности. Основаніе этого постановленія заключается въ томъ, что товарищество въ пользованіи водою совершенно прекращается съ тѣхъ поръ, какъ вода поступаетъ въ раздѣлъ. Если-бы вода была оставлена во всеобщее пользованіе, то пресѣклось бы право владѣльца ея на пользованіе ею для себя. Затѣмъ, мѣсто, по которому протекаетъ вода, принадлежитъ владѣльцу ороспительнаго канала; ему же принадлежитъ право на берега канала, почему безъ согласія невозможно ни пускать воду по каналу, ни раскапывать берега его.

Если же владѣлецъ ороспительнаго канала разрѣшитъ другому лицу пользованіе принадлежащей ему водою, то это не составляетъ проступка, ибо право принадлежитъ ему и передается свободно, подобно тому, какъ передается право на воду, заключенную въ сосудѣ.

Положеніе объ управленіи Турк. краемъ опредѣляетъ только, что „воды въ главныхъ арыкахъ, ручьяхъ, рѣкахъ, озерахъ предоставляются населенію въ пользованіи по обычаю“. Такимъ образомъ, закона о водѣ для Туркестана еще нѣтъ.

Что же именно устанавливается обычаемъ и какихъ сторонъ ирригаціоннаго дѣла онъ касается? Вообще говоря, въ каждой данной мѣстности, говоритъ Н. Дингельштедтъ*), обычай а) опредѣляетъ мѣру измѣренія воды; устанавливаетъ обязанность для владѣльцевъ земель пропускать чрезъ свои владѣнія воду въ чужія земли; в) опредѣляетъ право участія частнаго и общаго въ выгодахъ и пользованіи чужою водою или землею въ извѣстныхъ случаяхъ (арыштутъ); г) устанавливаетъ разстояніе между каналами, ведущими воду изъ одного источника, дабы взаимная близость каналовъ не уменьшала въ нихъ воду чрезъ подпочвенное просачиваніе; д) опредѣляетъ слѣдуемое лицу, обществу, селенію, городу, вакуфу и т. д. Количество воды и очередь пользованія ею; е) устанавливаетъ порядокъ борьбы съ водою въ случаѣ ея изліянія: ж) устанавливаетъ, въ зависимости отъ количества воды, роды посѣвовъ и количество подлежащей посѣву земли; з) опредѣляетъ порядокъ и очередь пользованія водою при ея недостаткѣ или скудности, и) указываетъ разные способы разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, возникающихъ изъ-за пользованія водою; к) устанавливаетъ солидарность интересовъ всѣхъ участниковъ одного канала или рѣчнаго бассейна и вырабатываетъ способы и мѣры къ огражденію интересовъ этихъ участниковъ отъ противоположныхъ интересовъ сосѣдей или вышележащихъ поселеній.

По всѣмъ только что перечисленнымъ пунктамъ, обычай въ теченіе вѣковъ выработалъ цѣлую систему болѣе или менѣе твердыхъ положеній, мѣняющихся не произвольно, а въ зависимости отъ условій, вызываемыхъ жизнью, стихіями и обстоятельствами. По многимъ изъ этихъ пунктовъ законъ не даетъ и не можетъ дать никакихъ указаній. Нашъ законъ, напр., ничего не говоритъ объ обязанности пропускать воду

*) Пользованіе водою по обычаю „Турк. Вѣд.“ 1887 г. № 17 и 18.

черезъ чужія земли (т. X. ч. 1 ст. 575, 593, допускаетъ экспропріацію въ интересахъ государства, а не частныхъ лицъ), между тѣмъ обычай твердо устанавливаетъ обязанность этого правила.

Законъ нашъ также не даетъ никакихъ указаній о минимальныхъ разстояніяхъ между параллельно идущими каналами, между тѣмъ, обычай разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Важнѣйшій вопросъ воднаго права, вопросъ о порядкѣ пользованія водой, объ установленіи очередей въ пользованіи, о распредѣленіи воды между соучастниками, объ опредѣленіи допускаемыхъ или недопускаемыхъ посѣвовъ и размѣрѣ ихъ подробно разрѣшается обычаемъ отчасти на основаніи опыта вѣковъ, а частью согласно религіозныхъ возрѣній народа.

У сунніттовъ, какъ и у шіттовъ, имѣется собственно пять главныхъ основныхъ постановленій по этому предмету: а) вода не можетъ быть предметомъ частной собственности; право пользоваться водою, если ея достаточно, предоставляется всѣмъ; б) при недостаткѣ воды право пользованія ею утверждается за тѣмъ, кто раньше другихъ воспользовался такимъ правомъ; в) при одинаковыхъ условіяхъ относительно времени пріобрѣтенія права на воду, преимущество въ случаѣ недостатка воды, отдается, смотря по положенію орошаемой земли, выше или нижележащимъ землямъ; но выше или ниже - это разрѣшается различно: иногда преимущество признается за вышележащими, а иногда наоборотъ; г) при неодинаковости условій, относительно времени заселенія и разстоянія отъ источника, преимущество въ правѣ пользованія между многими претендентами разрѣшается судьбою, т. е. жребіемъ; д) распредѣленіе воды въ нѣкоторыхъ случаяхъ производится по пространству подлежащихъ орошенію земель.

Затѣмъ, кромѣ этихъ постановленій, обычай выработалъ еще и другія практическія правила въ пользованіи водою. Такъ, напр.: 1) преимущество въ правѣ на воду принадлежитъ тому, кому она нужна для питья, передъ тѣмъ, кому она потребна для поливки полей. 2) Владѣлецъ воды вправѣ воспрепятствовать своему сосѣду пользоваться водой, если тотъ можетъ достать себѣ воду изъ другого источника; въ противномъ случаѣ долженъ дать воду или провести ее. 3) Ни мельницы, ни расширеніе каналовъ, ни отводъ изъ нихъ воды, ни поливки земли, прежде не орошавшейся, не могутъ быть, согласно обычая, допущены безъ согласія сопользователей и совладѣльцевъ. 4) Вода не отчуждается продажей, дарственными записями, пожертвованіями (хотя бы богоугодными), кабинными актами, откупомъ промѣномъ и т. д.

Такимъ образомъ, обычай, выработанный вѣками, даетъ отвѣтъ почти на всѣ практическіе вопросы жизни. Его видимыя преимущества передъ писаннымъ закономъ, при настоящемъ строѣ туземной жизни и условіяхъ ирригаціи, слишкомъ ясны: а) обычай соотвѣтствуетъ юридическимъ возрѣніямъ народа и приноровленъ къ такой измѣнчивой и непостоянной стихіи, какъ вода; законъ же обладаетъ твердостью и непоколебимостью и приспособляться къ обстоятельствамъ не можетъ;

б) обычай подвиженъ; способъ къ урегулированію, быстрому возстановленію при нарушеніи, основанъ большею частью на здравомъ смыслѣ, простой справедливости и чуждъ казуистическихъ началъ; в) обычай простъ и общепонятенъ.

Что же касается распредѣленія воды, то нужно сказать, что измѣрять количество воды туземцы не умѣютъ, но дѣлятъ сравнительно хорошо.

Единицами объема воды служатъ тегерманъ или ташъ и кулакъ.

Тегерманъ (мельница) или ташъ есть такое количество воды, которое можетъ привести въ дѣйствіе жерновъ (тегерманъ-ташъ, въ переводѣ мельничный камень). При опредѣленіи величины тегермана и таша туземцы не принимаютъ во вниманіе ни высоты паденія воды (по желобу), ни величины жернова, ни скорости его вращенія. Такое опредѣленіе, очевидно, не можетъ выражать объема воды, а только показывать работу, выраженную въ пудофутахъ, или въ какихъ либо другихъ мѣрахъ.

„Кулакъ“ есть такое количество воды, которое проходитъ въ отверстіе величиною въ кулакъ; при этомъ величина напора не принимается во вниманіе, и кулакъ, какъ туземная единица объема воды, есть величина довольно шаткая.

Дѣлить же воду туземцы умѣютъ; въ Самаркандской области для этой цѣли употребляются, такъ называемые, кобуры, или, по нашему, дѣлители (вододѣлители). Въ ходжентскомъ уѣздѣ кобуры существуютъ съ незапамятныхъ временъ и работаютъ въ настоящее время превосходно.

Кобуры устраиваются слѣдующимъ образомъ: поперекъ арыка, на дно его кладется одно или нѣсколько бревенъ на высотѣ (смотря по уклону), притесанныхъ между собою, и отъ нихъ вверхъ по арыку во всю ширину его, на днѣ устраивается изъ соломы, травы и земли ровная площадка, сливающаяся вверхъ по арыку съ дномъ его. Вода, встрѣчая на своемъ пути устроенную, такимъ образомъ, запруду, умѣряетъ свое теченіе и идетъ спокойно и равномѣрно по всей ширинѣ арыка; бревно же, уложенное поперекъ арыка горизонтально, дозволяетъ водѣ сливаться ровнымъ слоемъ. Получается, такимъ образомъ, полный водосливъ (рѣдко не полный). Къ береговымъ концамъ устроеннаго, такимъ образомъ, порога врубаются двѣ стѣнки изъ нѣсколькихъ бревенъ по высотѣ, идущія около берега внизъ по арыку, чтобы падающая съ порога вода не размывала берега; высота этихъ стѣнокъ выше горизонта воды надъ порогомъ. Для отдѣленія соотвѣтствующей части всей воды арыка въ какой либо отводъ, дѣлятъ длину порога на двѣ части, пропорціональныя площадямъ земель, которыя должны быть орошены водою отвода и остающеюся водою въ арыкѣ, и по линіи раздѣла врубаютъ въ порогъ стѣнку изъ нѣсколькихъ по высотѣ бревенъ, притесанныхъ плотно между собою. Стѣнка эта идетъ вдоль арыка, а у нижняго конца ея, въ большинствѣ случаевъ раздвоенною (вилка), начинается дамба отвода, сложенная изъ дерна, соломы и камня. Верхнія

бревна дѣлительной стѣнки кладутся на порогъ водослива и возвышаются надъ горизонтомъ воды надъ порогомъ. Вмѣсто одной дѣлительной стѣнки, устраиваются двѣ, три, смотря по тому, на сколько отводовъ нужно раздѣлить данный арыкъ.

Такимъ образомъ, при дѣленіи воды кобурами, количество ея въ арыкѣ или рѣкѣ, гдѣ устраивается кобуръ, не принимается во вниманіе, и вода дѣлится пропорціонально площадямъ орошаемыхъ земель по линейному измѣренію. Наибольшая единица линейнаго измѣренія называется у туземцевъ „пальцемъ“ и равна величинѣ пальца, поставленнаго ребромъ. Слѣдующая единица — „кулакъ“ равна четыремъ „пальцамъ“, т. е. высотѣ пальцевъ руки, сложенныхъ въ кулакъ. Кулакъ съ тремя пальцами соотвѣтствуетъ кулаку съ большимъ пальцемъ, поставленнымъ вертикально, и называется кулакомъ съ испа. Слѣдующая линейная единица у туземцевъ есть „газъ“; одни считаютъ его равнымъ 7 кулакамъ съ испа, а другіе—9 кулакамъ съ испа. Кулакъ, слѣдовательно, не выражаетъ объема воды, и есть линейная мѣра. Количество воды, выдѣленное кобуромъ по длинѣ кулака, въ разныхъ арыкахъ пропорціонально глубинѣ воды надъ порогомъ, а въ одномъ и томъ же арыкѣ обратно пропорціонально длинѣ кобура (порога), т. е. чѣмъ кобуръ длиннѣе, тѣмъ количество воды, выдѣленное по длинѣ кулака, мельче и, наоборотъ, чѣмъ кобуръ короче, тѣмъ это количество воды больше.

Въ настоящее время туземцы перенесли названіе кулака на небольшіе арыки, берущіе воду изъ другихъ арыковъ, большею частью магистральныхъ.

Кромѣ дѣленія воды кобурами, проектируется еще способъ дѣленія воды по времени пользованія. Пользованіе водою всего арыка въ продолженіе сутокъ или 24 часовъ называется пользованіемъ су или бяръ-су; въ продолженіе 12 часовъ или полусутокъ—нимъ-су или ярымъ-су; въ продолженіе 6 часовъ—іокча; 3 часовъ—нимъ-іокча; $1^1/_2$ час.—чакса и $^3/_4$ часа—нимъ-чакса.

Если водою арыка пользуются, напр., 30 человѣкъ, и если у каждаго изъ нихъ такое количество земли, что для поливки ея необходимо имѣть въ пользованіи всю воду арыка въ теченіе сутокъ, то въ такомъ случаѣ устанавливается 30-дневная очередь, т. е. каждый изъ нихъ, поливъ свою землю, имѣетъ право на слѣдующую поливку черезъ 29 дней; въ этомъ случаѣ говорятъ, что въ данномъ арыкѣ 30 су, т. е. 30 очередей. Есть арыки въ 20, 15, 10 су. Вмѣсто 30 человѣкъ, приведенныхъ въ примѣръ, въ дѣйствительности, бываетъ 100, 150 и т. д. человѣкъ, и, при тридцатидневной очереди пользованія водою, они составляютъ 30 группъ, изъ которыхъ каждая пользуется водою всего арыка въ теченіе сутокъ.

На практикѣ, дѣлежъ воды по времени, сводится, иногда, къ выдѣленію ея кобурами, черезъ которые она идетъ уже постояннымъ токомъ, и, нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ туземцевъ производятъ расчетъ величины отвода, при помощи кобура, довольно хорошо. Напр.,

изъ арыка, имѣющаго 30-ти-дневную очередь, надо выдѣлить воду на землю, имѣющую право на 2 іокча такъ, чтобы вода текла уже постоянно на эту землю. Чтобы опредѣлить размѣръ кобура, туземцы поступаютъ такъ: при 30-дневной очереди въ арыкѣ считается 30 су или 120 іокчей (су=4 іокча); земля же, на которую нужно выдѣлить воду, имѣетъ 2 іокчи; слѣдовательно, изъ 120 частей надо выдѣлить двѣ части. Для этого у даннаго отвода устанавливаютъ кобуръ длиною въ 30 кулаковъ или 120 пальцевъ, и выдѣляютъ два пальца; при кобурѣ же длиною въ 15 кулаковъ (60 пальцевъ) выдѣляютъ одинъ палецъ и т. д. *).

Нужно упомянуть, что въ равнинѣ въ землевладѣніи, замѣчается склонность къ дробленію земельныхъ участковъ. У горныхъ таджиковъ земельные участки, вообще, не велики. При дробленіи земельныхъ участковъ не замѣчается въ то же время концентраціи земельной собственности въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ малоземелье доходитъ уже до такой степени, что земля не можетъ доставить своему владѣльцу полнаго обезпеченія. Послѣднее ведетъ къ задолженности населенія. Многіе ростовщики, ссужая нуждающихся деньгами подъ громадные проценты (35%—50%), ссуду обезпечивали залогомъ земель. Послѣдній, съ юридической стороны, т. е. на основаніи казійныхъ документовъ, является ничѣмъ инымъ, какъ покупкою земель съ отдачею послѣднихъ въ аренду ссужаемому деньгами за плату, составляющую условленный процентъ за ссуду. Фактически владѣльцемъ земли является прежній хозяинъ, но юридически—онъ уже безземельный ярымчи **).

14 Земледѣліе.

Таджики принадлежатъ къ древнѣйшимъ земледѣльцамъ края; они были учителями въ этомъ дѣлѣ всѣхъ другихъ народовъ, осѣдавшихъ здѣсь. Узбеки—покорители, устраиваясь въ совершенно новой для нихъ обстановкѣ осѣдлаго землевладѣльца и садовода, весьма естественно должны были обратиться къ чему-либо уже существующему, готовому. Поэтому они всецѣло восприняли выработанный вѣками культъ оборигена таджика и позаимствовали отъ него не только способы и орудія обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разнаго рода производства, вмѣстѣ съ орудіями и способами этихъ производствъ.

Земледѣліе таджиковъ, гдѣ позволяютъ почвенныя и климатическія условія, достигло высокой степени совершенства. Уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ, что особенной высоты обработки полей достигла въ такихъ густо населенныхъ оазисахъ, какъ Фергана и Зеравшанскій округъ, а также и вокругъ старыхъ культурныхъ центровъ,

---

*) Н. П. Петровскій. Туземная единица объема воды и способы дѣленія ея. Справ. книж. Самарк. обл. 1897 г., вып. V, стр. 198 и слѣд.

**) О. А. Шкапскій, с. с.

какъ Ходжентъ и Ташкентъ*). Говорить о земледѣліи равнинныхъ таджиковъ все равно, что говорить о земледѣліи сартовъ. Поэтому въ данномъ случаѣ необходимо обратить большое вниманіе на земледѣліе горныхъ таджиковъ, а также таджиковъ нижней части долины Зеравшана.

Въ Бухарской части долины Зеравшана все культурное пространство раздѣлено на небольшія клѣтки, отдѣленныя одна отъ другой или глиняными стѣнками или канавами, по которымъ струится вода; рѣдко—рѣдко гдѣ встрѣтятся двѣ рядомъ лежащія полоски, засѣянныя однороднымъ зерномъ. Въ общемъ, бываетъ такъ: на одной полоскѣ снимаютъ дозрѣвшій злакъ, а на смежной съ одной стороны всходъ только что выровнялся, съ другого же бока пока пустующее поле. Неравномѣрность высоты стебля злаковъ также очень рѣзко раздѣляетъ поля; высокіе и толстые стебли джугары, вытягиваясь до 5 аршинъ высотъ и заслоняя отъ взора впереди лежащія отъ нихъ пространства, расположены рядомъ съ полемъ люцерны, тонкіе стебельки которой едва поднимаются до аршина надъ землею.

Болѣе часто попадающіяся площадки съ хлопкомъ, стебли котораго немного напоминаютъ стебли картофеля, разбросаны между всѣми посѣвами. Точно также пятнами встрѣчаются поля арбузовъ, дынь, луку, моркови чечевицы и т. п. Изъ всѣхъ полей болѣе продолжительное время бываетъ яркая зелень на поляхъ люцерны, которая жнется очень искусно 3—4 раза въ лѣто. Итакъ, въ общемъ, вся обработанная при искусственномъ орошеніи земля уподобляется какъ бы шахматной доскѣ, на которой произведена окраска не въ два, а во много цвѣтовъ со столицами на ней различной величины фигурами, также разнообразно окрашенными. По окраинамъ полей, у канавъ и вдоль заборовъ насажены деревья въ родѣ бордюровъ или по одну, или по обѣ стороны ихъ. Эти посадки, вблизи селеній большія, а вдали отъ нихъ меньшія, хотя и затемняютъ горизонтъ, но чередуясь съ фруктовыми деревьями въ періодъ цвѣтенія и созрѣванія плодовъ, увеличиваютъ красу бордюровъ полей. Поля, примыкающія къ многочисленнымъ положеннымъ по долинѣ дорогамъ, покрываются пылью, отъ которой цвѣтъ ихъ обращается въ непривлекательный—зелено-пепельный. Такого же цвѣта—и растущія здѣсь деревья.

Обработка земель, за малыми зимними перерывами, идетъ почти круглый годъ. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить посреди лѣта туземца, распахивающаго поле, когда рядомъ съ нимъ его сосѣдъ жнетъ свою полосу. Жатва на поляхъ начинается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и оканчивается въ ноябрѣ. Первымъ созрѣваетъ ячмень, который начинаютъ снимать въ концѣ апрѣля мѣсяца, или въ началѣ мая. Одновременно или нѣсколько ранѣе жнутъ люцерну, которая, за истощеніемъ зимняго запаса для прокормленія лошадей, срѣзается до расцвѣта; первый съемъ дѣлается сравнительно торопливо еще потому, что въ немъ содержится

*) Сарты т. I стр. 205.

много сорныхъ травъ; второй и третій съемы считаются лучшими, а послѣдній 4-й часто и не дозрѣваетъ, т. е. не зацвѣтаетъ. Пшеница, хотя созрѣваетъ въ западной части долины къ концу мая, но уборка ея растягивается на продолжительное время. Зерно держится на колосѣ крѣпко и не осыпается, а потому не рѣдкость встрѣтить поле съ неубранной пшеницей и въ сентябрѣ. На ростъ пшеницы, а также и ячменя производятъ иногда гибельное вліяніе горячіе вѣтры (гармъ-силь) въ періодъ наливанія колоса. Если такой вѣтеръ охватитъ поля, цѣны на оба продукта возвышаются сразу почти наполовину противъ существовавшихъ. Рисъ дозрѣваетъ или въ августѣ, или въ началѣ сентября, что зависитъ отъ источника, изъ котораго получается полями вода для орошенія. Рисовыя поля, которыя заливаются родниковою и рѣчною водою, вытекающей не изъ ледниковъ, засѣваются ранней весной и дозрѣваютъ первыми, рисовыя же поля, ожидающія (обыкновенно въ серединѣ мая) ледниковой воды, засѣваются позже и, если таяніе ледниковъ очень запаздываетъ, а заморозки наступаютъ рано, рисъ на нихъ не дозрѣваетъ. Зерно отъ вторыхъ полей считается лучшимъ и цѣнится дороже. Сезонъ сбора хлопка, засѣваемаго не позже апрѣля, начинается съ сентября и продолжается до поздней осени, т. е. до времени, когда поля уже покрываются снѣгомъ. Джугара поспѣваетъ одновременно съ среднимъ сборами хлопка, хотя засѣвается гораздо позже его. Разновидные сорта очень вкусныхъ дынь начинаютъ идти въ употребленіе съ половины мая; болѣе нѣжные и лучшіе сорта дозрѣваютъ въ августѣ *).

Глинисто-солончаковая почва требуетъ удобренія, которое здѣсь получается двоякое: искусственное и естественное. Послѣднее въ видѣ свѣжаго почвеннаго наноса приносится въ большомъ количествѣ мутными, глинистыми водами Зеравшана все время, пока стоитъ половодье, т. е. въ то время, когда рѣка питается ледниками. Возможно, что только благодаря этому естественному безпрерывному освѣженію почвы, здѣшнія земли, обрабатываемыя съ рѣдкими отдыхами въ теченіе тысячелѣтій, не утратили силы производительности. Искусственное удобреніе, получаемое со дворовъ, имѣется здѣсь въ небольшомъ количествѣ, потому что осѣдлое населеніе, за неимѣніемъ пастбищъ, держитъ настолько мало домашняго скота, что его едва достаточно для нуждъ по обработкѣ земель и для молочныхъ продуктовъ. Какъ обыкновенный способъ удобренія служитъ также свозъ на поля земли, добываемой съ разрытыхъ бугровъ, овраговъ и т. п. свободныхъ площадей. Къ мѣрамъ искусственнаго удобренія относится и то, что на рисовыхъ поляхъ при жатвѣ стебли срѣзаются высоко для того, чтобы все оставшееся на корню и залитое водой до новой распашки дало перегной. Употребляется иногда и такой пріемъ: въ серединѣ лѣта, когда имѣется избытокъ воды и есть возможность получить ее не въ очередь, поле за-

*) Н. Ф. Ситняковскій. Извѣс. Турк. отд. И. Р. Г. О. т. I 1899 г. вып. II стр 155 и слѣд.

сѣвается рисомъ, который, конечно, не созрѣваетъ къ концу лѣта. Осенью, когда стебли поднимутся почти до нормальной высоты, поле перепахивается, а на слѣдующій годъ, засѣянное тѣмъ же злакомъ, оно даетъ необыкновенно большой урожай, возможный только въ теплыхъ странахъ. Такой же способъ удобренія примѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ новямъ на сплошной каменистой почвѣ.

Выше въ горахъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ каменистый и скалистый грунтъ, плодородной земли настолько мало, что приходится устраивать поля изъ приносной земли, благодаря чему тяжелый трудъ земледѣльца еще болѣе увеличивается и остается только удивляться, насколько сильна у таджиковъ любовь къ землѣ. Скудная почва нуждается, конечно, въ удобреніи навозомъ и, чтобы собрать его возможно больше, таджики держатъ свой скотъ всю зиму въ особыхъ хлѣвахъ и выпускаютъ его оттуда лишь на водопой. Всѣ поля таджиковъ—поливныя и орошеніе ихъ производится посредствомъ арыковъ, ведущихъ воду обыкновенно изъ боковыхъ ущелій, причемъ затрачивается немало труда не только на проведеніе арыковъ нерѣдко издалека, но также иногда на устройство приспособленій для проведенія воды по деревяннымъ желобамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скалистый грунтъ не позволяетъ сдѣлать простой арыкъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится вести арыкъ въ обходъ скалъ, употребляютъ деревянные желоба, подвѣшенные къ уступамъ скалъ или укрѣпленные на подпоркахъ, достигающихъ нерѣдко высоты 3—5 саж. Само собой разумѣется, что на такое устройство потребовалось немало времени и силъ. Въ другихъ случаяхъ арыки проведены или на искусственной насыпи, или же выдолблены въ цѣлой скалѣ *).

Въ горныхъ волостяхъ, вслѣдствіе того, что почва повсемѣстно покрыта камнемъ и галькой, воздѣлываніе пахотныхъ полей требуютъ усиленнаго труда и многократнаго хорошаго удобренія. Пахотныя поля, даже и старыя, каждый годъ требуютъ значительной очистки отъ камней; поля эти вспахиваются отъ 6 до 8 разъ; для удобренія одного танапа (1/6 десятины) кладется отъ 300 до 400 пшаковъ навоза. Въ Ягнобѣ, вслѣдствіе суроваго климата и непродолжительности лѣта, пшеница не вызрѣваетъ, поэтому жители этой мѣстности сѣютъ только ячмень, который рано созрѣваетъ и даетъ сравнительно удовлетворительный урожай **). На такихъ высокихъ мѣстахъ для полей не требуется искусственное удобреніе, почему и не приходится рыть арыковъ, исключая нѣкоторыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе трудъ земледѣльца великъ; земля, какъ уже говорили, требуетъ уналаживанія, такъ какъ подъ паромъ ей не приходится оставаться, а весенніе дожди и снѣговыя воды изрываютъ пашни глубокими вымоинами, сносятъ съ нихъ тучный пластъ земли и, слѣдовательно, уничтожая предшествовавшій трудъ земледѣльца, заставляютъ его начинать работу снова. Рѣдко кто изъ горцевъ

*) А. Серебренниковъ. „Турк. Вѣд.“ 1896 г. № 58 и „Ежегодн. Ферг. Обл.“ т. I, вып. 1902 г. стр. 144 и 145.

**) Кулчановъ, е. с.

имѣетъ быковъ или коровъ, а потому запашка производится при помощи ишаковъ; высокія же мѣста, на которыя трудно ввести рабочій скотъ, воздѣлываются лопатами.

Долины главныхъ рѣкъ стѣснены горами, то подходящими вплоть къ берегу, то отступающими версты на три. Обыкновенно жители, чтобы не застраивать пахотную землю домами, обстраиваются у самыхъ тѣсninъ или лѣпятся по склонамъ горъ, поля же ихъ занимаютъ вырѣзы долины до слѣдующаго уступа, а также ущелья, площадки на возвышенностяхъ и проч. Однимъ словомъ, всѣ горныя мѣста, хотя немного годныя для хлѣбопашества, давно высмотрѣны, извѣстны и имѣютъ владѣльцевъ. Нерѣдко, по разсказамъ гальчи, хлѣбъ засѣвается на высокихъ, трудно доступныхъ горахъ. Бѣдность въ пахатной землѣ такъ велика, что жители нѣкоторыхъ кишлаковъ имѣютъ свои пашни за нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ, фанцы запахиваютъ берега Искандеръ-Куля и предгорья Сарытага, т. е. слишкомъ за 50 верстъ отъ своихъ жилищъ, по трудной горной дорогѣ.

По добытымъ свѣдѣніямъ, разумѣется, не совсѣмъ точнымъ, но все же настолько близкимъ къ истинѣ, что по нимъ возможно сдѣлать общій выводъ, земли удобной для хлопкопашества, въ предѣлахъ Когистана, насчитывается въ танапахъ*):

	Оби (поливной.)	Ляльми (подъ дождь).	Въ танапахъ на 1 жат.
Въ Фальгарской волости	2700	50	0,36
„ Матчинской „	2872	190	0,6
„ Искандеровской „	2025	2035	1,2
„ Кшутской „	1138	5170	2

Климатъ Когистана суровѣе, зима тамъ продолжительнѣе, лѣто короче, чѣмъ въ Заравшанской долинѣ; почва, за весьма малыми исключеніями, сильно каменистая; одна и та же пашня засѣвается ежегодно, безсмѣнно, а потому почва, не имѣя отдыха и не получая достаточнаго удобренія, истощена сильно. Эти то неблагопріятныя почвенныя и климатическія условія, въ связи съ недостаткомъ удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ, объясняютъ въ достаточной мѣрѣ тотъ несложный, сравнительно съ долинами, сѣвооборотъ, какой существуетъ въ Когистанѣ, а главное-тотъ ничтожный урожай хлѣбныхъ продуктовъ, какой наблюдается въ горахъ.

Вспахиваніе полей производится посредствомъ деревянныхъ плуговъ—сыпаръ—примитивнаго устройства, работающихъ съ двумя волами; устройство ихъ тоже, что омача сартовъ. Въ тѣхъ же мѣстечкахъ, гдѣ незначительные размѣры поля не позволяютъ пахать волами, обработка его производится въ ручную особымъ инструментомъ, называ-

*)Ш. Акимбетевъ. Очерки Когистана. Турк. вѣд. 1881 г. № 2 и 3.

емымъ „чокъ“, къ помощи котораго прибѣгаютъ бѣдняки, не имѣющіе воловъ.

Бороньба производится тѣмъ же плугомъ—сыпаръ, положеннымъ на бокъ, и имѣетъ цѣлью размельчать глыбы волокушей. Эта волокуша работаетъ отчасти какъ волокуша, отчасти же какъ катокъ. Часть глыбы распадается въ порошокъ, тогда какъ другая вдавливается въ мелкую пыльную массу поля. Такимъ образомъ, удается получить поле не только мелко разборонованное, но и на столько выравненное, что оно напоминаетъ полъ.

Для бороньбы употребляется и спеціальное орудіе—малла—, состоящее изъ толстой и широкой доски, до 2-хъ аршинъ длинною, въ которую вдѣланы изогнутые, заостренные, съ передняго края желѣзные зубья, расположенные въ два ряда. Боронятъ обѣими сторонами, т. е. тою, которая снабжена зубьями, ровно и обратною ея стороною, для приданія полю совершенно ровной поверхности.

Кромѣ этихъ земледѣльческихъ орудій для обработки земли употребляется кетмень (мотыга, сапа). Орудіе это имѣетъ весьма обширное примѣненіе. Какъ въ полевыхъ, такъ и, вообще, въ земляныхъ работахъ, туземцы владѣютъ имъ и пользуются весьма совершенно

При уборкѣ хлѣба и травы служитъ серпъ-ураkъ, который не имѣетъ, какъ нашъ серпъ, зазубринъ и дѣйствуетъ при работѣ какъ ножъ, а не какъ пила.

Собранная жатва не вывозится съ полей, а обмолачивается тутъ же. Молотятъ помощью лошадей, рогатаго скота и даже верблюдовъ, которые ходьбой вокругъ столба, утвержденнаго посреди площадки съ снопами, вытаптываютъ зерно изъ колосьевъ. Нельзя сказать, чтобы при этомъ способѣ молотьбы все зерно выдѣлялось изъ колосьевъ, но зато стебли превосходно измельчаются, образуя, называемый по мѣстному, саманъ, который составляетъ главный зимній кормъ рогатаго скота, а у менѣе зажиточныхъ и лошадей. Обыкновенная же солома получается только изъ стебля риса, и гдѣ его нѣтъ, тамъ и соломы нѣтъ. Зерно не оставляется въ снопахъ на зиму или же въ запасъ въ скирдахъ, а весь сборъ, достаточно высыхающій въ жаркое время на поляхъ, обмолачивается до наступленія зимы. Въ горахъ молотятъ хлѣбъ также при помощи орудія, называемаго „джумачукъ“, представляющаго собою гладко-обструганную палку длиною около 1¼ арш. съ ручкою на одномъ концѣ.

Вообще, нужно сказать, что трудъ земледѣльца вознаграждается въ нижнихъ частяхъ долины рѣкъ довольно хорошо, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно верхнихъ частей, гдѣ короткое лѣто и раннее наступленіе холодовъ служатъ причиною того, что иногда не успѣваютъ созрѣвать даже такіе необходимые злаки, какъ ячмень, причемъ не только трудъ земледѣльца пропадаетъ даромъ, но также и сѣмена. Это обстоятельство заставляетъ жителей верхнихъ кишлаковъ заниматься, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и сѣять хлѣбъ только

въ самомъ ограниченномъ количествѣ, едва достаточномъ для удовлетворенія собственныхъ своихъ нуждъ *).

15. Полеводство.

О полеводствѣ равнинныхъ таджиковъ говорить нѣтъ надобности, такъ какъ это было-бы повтореніемъ того, что сказано о полеводствѣ сартовъ **). Въ данное время главное вниманіе будетъ обращено на полеводство жителей нагорнаго района, преимущественно вверхъ по р. Зеравшану.

Рисъ сѣется только въ Кштутской волости, въ одномъ кишлакѣ Гусарѣ, который по топографическому положенію правильнѣе было-бы отнести скорѣе къ поселеніямъ равнинным, чѣмъ горнымъ.

Жители нагорнаго района, отъ Пенджакента (3200′ надъ уровнемъ моря) внизъ по долинѣ Зеравшана, воздѣлываютъ: 1) пшеницу озимую (траман), арычнаго орошенія (обп), 2) пшеницу яровую (загары) атмосфернаго орошенія (ляльми), 3) пшеницу озимую красную, крупно-зернистую (хабытъ, сурхакъ); засѣвается въ Магіанѣ и Фарабѣ, 4) ячмень—траман, 5) ячмень — богары, 6) просо обыкновенное, 7) просо мелкое (кунакъ), замѣняющее въ горахъ рисъ, 8) мелкій плоскій горохъ (машъ), 9) крупный бѣлый горохъ (лубія), 10) джугару, 11) кукурузу (мекке—джугара) и 12) кахутъ).

Посѣвы маслянничныхъ растеній дѣлаются исключительно для полученія масла; сѣютъ 1) ленъ (зыгиръ), 2) коноплю (бангъ), 3) индау 4) кунжутъ, масло котораго замѣняетъ баранье и 5) макасаръ.

Отъ Пенджакента, вверхъ по Зеравшану, въ горахъ Фальгара (крайнее селеніе Урмитанъ 4100′ и Самтичъ 6000′) сѣютъ: озимую и яровую пшеницу, озимые ячмень, нарудъ, кунчь (Iathyrus sativus), бакала—(vicia fusa), машъ, тарыкъ, итальянское просо (setaria italica), индау и зыгиръ. Въ Матчѣ, на истокахъ Зеравшана, воздѣлываютъ (крайнее селеніе Оббурданъ 6020 ф. и Пальдаракъ 7960 ф.) озимыя пшеницу и ячмень, бакала (бобы), горохъ сладкій (мулкъ), кунчь, наскъ (мелкій горохъ), тарыкъ и зыгиръ. Предѣлъ воздѣлыванія двухъ послѣднихъ растеній - Мадрушкатъ, 7000 ф. Кромѣ того, здѣсь воздѣлываютъ: черный овесъ (Ласичъ), который сѣютъ вверхъ отъ кишлака Пакшифъ (7800 ф.). Вообще нужно сказать, что хлѣбопашество, по неимѣнію удобной земли и хорошаго удобренія, не приноситъ горцу никакихъ избытковъ; напротивъ того, многимъ даже не хватаетъ на собственное пропитаніе, отчего въ Фальгарѣ и болѣе всего въ кишлакахъ Кшикетъ, Дардаръ, Вишкентъ и Дархъ, встрѣчается много гадаевъ (нищихъ), которые прокармливаютъ свои семьи, собирая подаянія; каждый изъ нихъ имѣетъ и землю, но урожая не хватаетъ даже для собственнаго продовольствія.

---

*) Серебренниковъ, е. с.

**) Сарты, т. I, стр. 214 и слѣд.

Отъ селенія Хршатанъ (7560' надъ у. м.), вверхъ по Ягнобу, до селенія Кирiонте, сѣютъ озимую пшеницу, озимый ячмень; яровыя: бурчакъ, бакала, наскъ, пндау, зыгиръ. По долинѣ Кштутъ, отъ селенія Кулляи до сел. Пенджрутъ (5620') воздѣлываютъ: пшеницу—траман и богары, ячмень—траман, зыгиръ, арбузы, дыни, лукъ, морковь. По рѣкѣ Искандеръ-дарьѣ отъ селенія Саратачъ (7100') до селенія Анзобъ (6700'), на рѣкѣ Ягнобѣ, недалеко отъ соединенія ея съ Искандеръ-су, обрабатываютъ посѣвы озимыя: ячмень, пшеницу,—яровыя: зыгиръ, пндау, нахутъ, бурчакъ, морковь и лукъ въ небольшомъ количествѣ *).

Несмотря на значительный трудъ, затрачиваемый ягнобцами на воздѣлываніе тѣхъ небольшихъ участкахъ земли, которые предоставила имъ природа, сборъ съ пашенъ не даетъ имъ достаточно средствъ, чтобы прокормить всю зиму семью.

Недостатокъ земли, удобной для пашни, побуждаетъ ягнобцевъ пользоваться каждымъ годнымъ для поля клочкомъ земли. Замѣтивъ гдѣ нибудь участокъ рыхлой земли, они заботливо очищаютъ его отъ осыпей и, вообще, камней, свалившихся съ горы. Близъ кишлака постоянно можно встрѣтить большія кучи щебня, собранныя въ одинъ бутъ. Иногда изъ такихъ камней образуютъ ограду для пашни. Иногда затраченный трудъ пропадаетъ по другой причинѣ: часто случается, что недозрѣвшій хлѣбъ мерзнетъ на корню и есть цѣлыя семьи, которыя на зиму отправляются въ Гиссаръ на заработки, лѣтомъ же снова возвращаются домой, въ надеждѣ, что, авось, земля сжалится надъ ними и не заставитъ на этотъ разъ покинуть родныя горы. Гадаевъ (нищихъ) и въ Ягнобѣ много, но ихъ какъ-то незамѣтно среди массы оборваннаго люда. Съ наступленіемъ зимы, заготовивъ себѣ топливо, ягнобцы замыкаются по кишлакамъ, такъ какъ съ появленіемъ снѣга, пути прекращаются и только въ исключительныхъ случаяхъ одни пѣшеходы пускаются куда нибудь въ путь **).

Жители Дарваза и Каратегина занимаются исключительно хлѣбопашествомъ. Земледѣльческія орудія самыя первобытныя—деревянный плугъ и деревянная съ желѣзными гвоздями борона; пашутъ и боронятъ волами, лошадьми и ишаками. Очень часто пашутъ и боронятъ особой киркой (киляндъ) руками; это на мѣстахъ высокихъ, куда трудно взобраться даже волу. Колосья для молотьбы свозятъ къ кишлакамъ на быкахъ, для чего послѣднихъ запрягаютъ въ особо сдѣланныя сани изъ вѣтвей и, такимъ образомъ, на этихъ саняхъ возятъ по землѣ, иногда съ большихъ и крутыхъ склоновъ горъ ***). Какъ въ Каратегинѣ, такъ и въ Дарвазѣ землепашество исключительно весеннее, съ атмосфернымъ орошеніемъ, безъ арыковъ, которые встрѣчаются только въ садахъ нижнихъ селеній.

Горецъ привыкъ къ своему дѣлу и не считаетъ для себя труд-

---

*) Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. СПБ. 1889 г. стр. 308 и 309.

**) Искандеръ-Тюря. „Турк. Вѣд." 1881 г. № 4 и Ф. Коротковъ. „Турк. Вѣд." 1877 г. № 31.

***) Кузнецовъ е. с. стр. 67 и 68.

нымъ подыматься на крутизну въ 6—10 т. футовъ съ легкой сохой, съ мѣшкомъ сѣмянъ за спиною, съ парой быковъ или ишаковъ (ословъ) для распашки и засѣва въ половинѣ мая, для жатвы затѣмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Преобладающій посѣвъ—пшеница и ячмень, но въ Хулясѣ, Вахіи и на Ванчѣ сѣютъ также просо, бобы и даже мелкій хлопокъ. Въ Каратегинѣ, нужно сказать, урожайность слабая, вслѣдствіе запашки безъ отдыха земли, безъ удобренія, вслѣдствіе также частаго бездождія лѣтомъ, въ особенности въ нижней части этого бекства.

Нужно только удивляться той энергіи и тому труду, который употребляется жителями, чтобы посѣять себѣ что нибудь. Сплошь и рядомъ можно видѣть, буквально, нѣсколько квадратныхъ саженей вспаханныхъ и засѣянныхъ на такой высотѣ и съ такими крутыми склонами, что трудно понять, какъ только туда можетъ забраться человѣкъ, вспахать киляцдомъ этотъ кусочекъ земли, не имѣя по близости даже воды! Но несмотря на весь этотъ дѣйствительно гигантскій трудъ, хлѣба въ Дарвазѣ для населенія не хватаетъ и его, также какъ и рисъ, привозятъ ежегодно изъ Кулябскаго и Каратегинскаго бекствъ. За недостаткомъ хлѣба приходится иногда голодать и тогда помимо тута, который и въ обыкновенный урожайный годъ составляетъ главную пищу населенія, ѣдятъ корни травъ.

Клевера сѣютъ такъ мало, что для скота его не хватаетъ и жители на зиму заготовляютъ помимо травы, если таковая есть, еще саманъ и листья деревьевъ. Лошадей кормятъ также ячменемъ и тутовыми ягодами.

Обработка полей даетъ право примѣнить къ жителямъ Шугнана испанскую пословицу: „каталонецъ изъ камня дѣлаетъ хлѣбъ“. Дѣйствительно, здѣсь обработка клочка поля въ какихъ нибудь нѣсколько квадратныхъ саженей требуетъ большой затраты времени и труда. Прежде всего его надо очистить отъ множества камней (отчего поля имѣютъ видъ мѣста, огороженнаго каменными стѣнами); затѣмъ, скатъ, часто крутой, нужно выровнять, провести воду по арыку, часто за нѣсколько верстъ. Чтобы вода не терялась даромъ, внизу пашни приготовляется другая пашенка. Часто пашенки образуютъ нѣсколько террасокъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь хлѣба родится настолько, что жители имѣютъ еще возможность сбывать излишекъ киргизамъ Алигура, а прежде сбывали и киргизамъ мургабскимъ*). Г-нъ Б. А. Федченко говоритъ, что при впаденіи р. Тагузъ-булакъ въ р. Гунтъ на высотѣ около 10500′ появляются посѣвы шугнанцевъ—сразу появляются ячмень, горохъ; почти на той же высотѣ видны посѣвы ранса (Brassica Napus var. oleifera) и пшеницы. Но и выше, приблизительно до 11,000′ замѣтны слѣды прежнихъ посѣвовъ. Удобныхъ мѣстъ для посѣвовъ въ долинѣ р. Гунтъ имѣется очень немного. Кромѣ ячменя, гороха, ранса и пшеницы, сѣютъ здѣсь еще рожь (по шугнански—лашакъ). Рожь эта нѣсколько отличается отъ нашей, главнымъ образомъ, твердостью срав-

*) Александровичъ. „Турк. Вѣд.“ 1895 г. № 12.

нительно мелкаго зерна. Идетъ она преимущественно въ кормъ скоту и, какъ примѣсь, и въ пищу людямъ. Шугнанцы сѣютъ ее часто въ смѣси съ нѣкоторыми бобовыми растеніями—какъ-то vicia fala (русскіе бобы), lathyrus sativus (горошекъ), cicer arictinum, такъ что поле получаетъ особый характеръ и съ перваго взгляда кажется, будто оно заросло сорными травами. Кромѣ перечисленныхъ бобовыхъ, растетъ въ этихъ посѣвахъ немало и настоящихъ сорныхъ травъ. Всѣ эти растенія въ свое время срѣзываются серпами и затѣмъ снопы обмолачиваются самыми примитивными способами посредствомъ воловъ. Полученныя сѣмена—эта пестрая смѣсь ржи, бобовъ, сорныхъ травъ—все это мелется и въ такомъ видѣ служитъ для приготовленія лепешекъ*).

Въ Рошанѣ жителямъ надо затратить еще больше труда, чтобы имѣть пашню. Рошанецъ чрезвычайно трудолюбивъ и очень привязанъ къ своей искусственно созданной землѣ. Созданіе рошанскихъ кишлаковъ шло слѣдующимъ образомъ: тамъ, гдѣ долина Бартанга чуть-чуть расширялась, таджикъ исполнялъ, съ терпѣніемъ Сизифа, замѣчательную работу—онъ бралъ песокъ со дна рѣки и заполнялъ имъ промежутки между каменными глыбами; на этомъ основаніи, послѣ многолѣтней работы, онъ ставилъ саклю и, чтобы придать горизонтальную поверхность своимъ пашнямъ, складывалъ ящики изъ камней и заполнялъ ихъ рѣчнымъ иломъ. Работа эта такъ продолжительна, а труда требуетъ такъ много, что неудивительно, если таджикъ гордится своей пашней въ пять-шесть шаговъ въ квадратѣ, на которой только и можно посѣять полъ-горсти ячменя**).

Таджики Сарыкола живутъ въ лучшихъ условіяхъ; они живутъ довольно крупными селеніями, группируясь въ расширенныхъ частяхъ долинъ; занимаются земледѣліемъ и въ подспорье ему скотоводствомъ. Въ началѣ или серединѣ мая большая часть жителей сарыкольскихъ селеній уходитъ со стадами въ верховья долинъ, гдѣ остаются до осени, ведя кочевой образъ жизни. Въ селеніяхъ остаются только бѣднѣйшіе, не имѣющіе скота***).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ посѣвахъ горцевъ преобладаютъ бобы и горохъ—бакала (vicia fuba), кунчъ (lathyr safiv), гамукъ, наскъ (мелкій горохъ). Озимыхъ хлѣбовъ сѣется меньше, чѣмъ ярового. Въ селеніяхъ долины Зеравшана урожай главныхъ хлѣбныхъ продуктовъ доходитъ: пшеницы до самъ 40, ячменя даже нѣсколько больше; въ Когистанѣ же въ счастливые годы онъ не превышаетъ для пшеницы самъ 8 и для ячменя самъ 10 и это только въ одной Кштутской волости; въ остальныхъ же трехъ волостяхъ урожай еще ниже, а именно: высшій самъ 7, средній самъ 4.

---

*) Извѣст. И. Р. Г. О. 1902 г. вып. III, стр. 297.
**) Баньковскій. „Турк. Вѣд.“ 1894 г. № 13.
***) Корниловъ. Кашгарія, стр. 243.

16. Садоводство.

Главная особенность Туркестанскаго края заключается въ томъ, что на громадной его территоріи отсутствуетъ естественный строевой лѣсъ, а для строительныхъ работъ прибѣгаютъ къ искусственно-разведенному лѣсу на усадебныхъ участкахъ. Поэтому садоводство здѣсь имѣетъ цѣлью не только разведеніе плодовыхъ деревьевъ, но также и полученіе строительнаго матеріала. Кромѣ того, въ горахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ плоды деревьевъ замѣняютъ собою хлѣбные злаки и въ перемолотомъ видѣ идутъ на приготовленіе хлѣба. Эти особенности края наложили свою печать и на устройство садовъ и, вообще, насажденій. Наибольшее значеніе въ хозяйственномъ отношеніи имѣютъ талъ и тополь.

Количествомъ деревьевъ и разнообразіемъ примѣненія въ хозяйствѣ талъ (ветла, salix) занимаетъ въ ряду другихъ породъ, безспорно, первое мѣсто въ культурномъ оазисѣ. Это дерево преобладаетъ въ посадкахъ надъ другими, благодаря своимъ прекраснымъ качествамъ: быстрый ростъ, непритязательность къ почвѣ, и къ поливкѣ, а главное—продуктивность. Дѣйствительно, ни одно дерево не даетъ съ такою быстротою той массы отростковъ, послѣ весенняго съема вершины, какую даетъ талъ. Посаженный кое какъ, кольями, по арыкамъ, на пахотной межѣ, талъ представляетъ собою чрезъ 15 лѣтъ солидное дерево, въ два аршина въ обхватѣ, съ большой тѣнистой кроной, которая въ теченіе тридцати лѣтъ жизни дерева можетъ быть снята 10 разъ, давая въ каждый съемъ достаточно кольевъ для разсадки, нѣкоторое количество дровъ и хвороста, употребляемаго на корзины, имѣющіе такое обширное примѣненіе въ хозяйствѣ земледѣльцевъ.

У сельскаго населенія талъ служитъ также для постройки сакель, конюшенъ, амбаровъ и для разныхъ незначительныхъ подѣлокъ въ

хозяйствѣ. Изъ этого же тала выжигаютъ уголь, имѣющій примѣненіе у кузнецовъ, мѣдниковъ. Тотъ же талъ служитъ, какъ фашинникъ, для возведенія арычныхъ плотинъ, для укрѣпленія береговъ, для водопроводныхъ желобовъ. Главная же роль тала—въ отопленіи. Уступая по своимъ горючимъ свойствамъ другимъ породамъ деревьевъ, талъ беретъ количествомъ и дешевизной.

Второе мѣсто послѣ тала занимаетъ тополь (терекъ, populus). Въ долинѣ Зеравшана преобладаетъ тополь кук-терекъ, какъ отличающійся лучшими качествами древесины сравнительно съ красивымъ пирамидальнымъ тополемъ (аръ-аръ), весьма быстро растущимъ, но зато меньше дающимъ матеріала. Оба вида тополя или разсаживаются черенками (калашча), или развиваются отъ корней срубленныхъ деревьевъ, или сѣянцами и саженцами, и въ пятнадцати лѣтнемъ возрастѣ даютъ бревна въ двѣнадцать аршинъ длины, до двадцати двухъ вершковъ толщины, а изъ вѣтвей получаются также балки для сакель и значительное количество дровъ. Разнымъ образомъ, и до своего полнаго возраста тополь даетъ не мало топлива каждогодной очисткой отъ лишнихъ вѣтвей. Какъ стропительный матеріалъ, тополь—единственное дерево въ краѣ и для капитальныхъ построекъ, и для подѣлокъ простой дешевой мебели, и для потребностей туземнаго хозяйства. Для стропительнаго дѣла тополь годенъ только до тридцати лѣтняго возраста, а затѣмъ онъ дѣлается дуплистымъ и быстро гніетъ, отживая свой вѣкъ.

Красивый шатковидный карагачъ-чинны (ulmus campestris var.), какъ и обыкновенный карагачъ-нароки, пользуется спросомъ исключительно для подѣлокъ, для досокъ и рѣдко для другихъ стропительныхъ потребностей, хотя по своей крѣпчайшей древесинѣ, онъ годенъ для балокъ и для каркаса туземныхъ сакель. Особенно широкое употребленіе нарока-карагача для постройки арбъ и экипажныхъ колесъ. По своей роскошной, густой кронѣ, дающей непроницаемую тѣнь уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ, чинны-карагачъ находитъ для себя въ каждомъ хозяйствѣ лучшее мѣсто во дворѣ, по берегамъ прудовъ, при мечети; такія деревья переживаютъ обыкновенно нѣсколько людскихъ поколѣній. Карагачъ не особенно требователенъ къ водѣ; но выращенный хотя бы десятки лѣтъ при постоянной водѣ, онъ затѣмъ быстро гибнетъ, если лишится ее. Карагачъ-чинны растетъ и съ орошеніемъ довольно медленно, достигая въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ до 26 футовъ высоты и 18 вершковъ толщины. Напротивъ, нароки карагачъ растетъ очень быстро, вытягиваясь въ десятилѣтнемъ возрастѣ до 30 футовъ. Этотъ видъ карагача доставляетъ лучшіе ободья для колесъ какъ арбяныхъ, такъ и экипажныхъ. Оба вида карагача достаточно распространены какъ въ низменной, такъ и въ возвышенной, безводной части долины.

Какъ о стропительномъ и главнымъ образомъ подѣлочномъ деревѣ небходимо упомянуть о грецкомъ орѣхѣ, принадлежащемъ главнымъ образомъ садамъ и о джигдѣ, дикой маслинѣ (eleagnos hortenhy), растущей преимущественно по сторонамъ дорогъ и по окраинамъ пашенъ.

Оба названныя дерева растутъ сравнительно медленно, при чемъ въ возрастѣ сорока лѣтъ орѣхъ обильно раскидываетъ свои вѣтви и даетъ до 6000 плодовъ съ одного дерева, а серебристая джигда въ этомъ же возрастѣ уже клонится къ старости, но все же даетъ съ одного дерева до 8 пудовъ мучнистыхъ плодовъ, очень питательныхъ и очень любимыхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ противоположность орѣху, джигда мало прихотлива къ почвѣ и встрѣчается какъ въ мѣстности солончаковой, суглинистой, такъ и на песчанныхъ мѣстахъ. При случаѣ дерево джигды служитъ строительнымъ матеріаломъ, но, вообще, этимъ деревомъ дорожатъ за его плодоносность и легкую распространяемость отъ тоненькихъ черенковъ, втыкаемыхъ какъ придется, по обочинамъ дорогъ.

Чинаръ (platanus orientals), пользующійся въ Самаркандѣ, какъ и повсюду въ Средней Азіи, большимъ почетомъ со стороны мусульманъ въ особенности тамъ, гдѣ онъ хранитъ подъ своей грандіозной кроной могилу кокого-нибудь хазрета, святого, распространенъ въ немногихъ низменныхъ многоводныхъ мѣстностяхъ долины и, по праву священнаго дерева, живетъ нѣсколько вѣковъ, служа, иногда, квартирою какому нибудь дервишу, муллѣ и его дѣтской школѣ, уютно устраиваемой въ дуплѣ такого гиганта, который подъ сѣнью своихъ вѣтвей можетъ укрыть отъ палящаго солнца сотни людей. Въ силу такого исключительнаго уваженія къ чинару, это дерево при своемъ быстромъ ростѣ изъ черенковъ и не особенной притязательности къ почвѣ, распространено слабо, такъ какъ туземецъ не очень склоненъ удѣлять на своей землѣ мѣсто такому мертвому капиталу. Чинаръ даетъ прекрасный подѣлочный матеріалъ только отъ своихъ вѣтвей и очень рѣдко рубится самое дерево какимъ нибудь окончательно обѣднѣвшимъ хозяиномъ, причемъ ему не мало приходится выслушивать отъ сосѣдей всякой укоризны. Поэтому матеріалъ изъ чинара встрѣчается въ продажѣ весьма рѣдко и цѣнится сравнительно дорого, отъ двухъ рублей за доску въ три аршина длины и 1,5 вершка толщины. Въ Зеравшанской долинѣ наибольшее количество чинаровъ группируется въ Дагбитѣ, въ окрестностяхъ Самарканда, при могилѣ магометанскаго святого Ходжа-Ахрара и въ Ургутѣ. Въ этихъ чинаровыхъ рощахъ имѣются вѣковые экземпляры 26 аршинъ въ объемѣ нижней части ствола, съ вѣтвями въ шесть аршинъ въ обхватѣ. Конечно, эти старцы, служащіе теперь пріютомъ калѣкамъ-нищимъ, укрывающіе въ своей тѣнистой кронѣ массы птицъ, проживутъ еще долго, пока, можетъ быть, ихъ не свалитъ вѣтеръ; но уже никакой дерзновенный топоръ не коснется ихъ, безмолвныхъ свидѣтелей погребенія здѣсь чтимыхъ мусульманъ, превратившихся въ великихъ святыхъ, на поклоненіе которымъ стекаются отовсюду толпы странниковъ и мѣстныхъ почитателей.

Второе мѣсто послѣ тала въ насажденіяхъ, особенно по дорогамъ и по границамъ полей, принадлежитъ шелковицѣ (тутъ, morgus nigra et alba), хотя медленно растущей, но весьма соотвѣтствующей для такихъ посадокъ. Дѣло въ томъ, что шелковица, какъ дерево плодовое и при томъ дающее листья

для питанія шелковичныхъ червей, искони пользуется у туземцевъ подобающимъ почетомъ, охраняющимъ его отъ истребленія и всякой порчи, гдѣ бы оно ни росло. О распространеніи этого, безспорно полезнаго дерева, настойчиво заботились еще ханы и беки, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ многія вѣковыя аллеи шелковицы въ окрестностяхъ Самарканда. Въ подражаніе своимъ правителямъ находились и частныя лица, дѣлавшія такія же насажденія съ благотворительной цѣлью (худаи) при мечетяхъ, странноприимныхъ домахъ (каляндарь-хана) и по дорогамъ; и вотъ такія тѣнистыя аллеи и сады тута, составляя общее достояніе, даютъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ своими сахаристыми, свѣжими плодами пропитаніе значительной части бѣдняковъ и, въ особенности, пришлыхъ поденщиковъ, для которыхъ ягоды тута съ лепешкой замѣняютъ и супъ и мясо. Зная такія благодѣтельныя свойства шелковицы, туземецъ рѣшается срубить дерево въ своемъ саду только въ крайности, а растущія по дорогамъ деревья остаются положительно неприкосновенными, достигая трехсотлѣтняго возраста (въ с. Дагбитѣ).

Особенно огромное значеніе имѣетъ шелковица въ хозяйствѣ горцевъ. Благодаря свойствамъ мергелевой почвы и теплому климату, въ горахъ шелковица растетъ скорѣе, разбрасываетъ свою крону шире, даетъ плоды крупнѣе и сахаристѣе. А такъ какъ землепашество горныхъ селеній самое ограниченное, не болѣе двухъ десятинъ на семью въ среднемъ распредѣленіи, то высушеный тутъ (тутъ-манзъ) и приготовленная изъ него мука (тутъ-талканъ) положительно составляетъ для мѣстныхъ жителей суррогатъ хлѣба, причемъ одно сорокалѣтнее дерево въ урожайный годъ даетъ до 160 фунтовъ сушеныхъ ягодъ. При такихъ условіяхъ, усиливающихся еще значительнымъ развитіемъ въ горныхъ осѣдлостяхъ шелководства, тутовыя деревья, гдѣ бы они не росли, составляютъ въ горахъ личную, а не общественную собственность и весьма часто бываютъ въ отдѣльности предметомъ продажи, аренды, завѣщанія или наслѣдства, какъ это замѣчается и въ Бухарѣ, гдѣ всякое дерево, растущее и на дорогѣ, имѣетъ собственника.

При своей непритязательности къ водѣ, шелковица встрѣчается повсюду, не исключая и маловодныхъ нагорныхъ селеній, а въ волостяхъ, ближайшихъ къ Самарканду, какъ имѣющихъ въ каждомъ селеніи исконное значительное шелководство, она мѣстами преобладаетъ количествомъ надъ всѣми другими породами деревьевъ, причемъ во многихъ хозяйствахъ ягоды тута также собираются, высушиваются и поѣдаются, какъ лакомство.

Къ этимъ отличительнымъ свойствамъ шелковицы, поддерживающимъ постоянный спросъ на нее, присоединяются также и прекрасныя качества прочности, не подающейся сырости и гніенію древесины ея, имѣющей не малое примѣненіе въ строительномъ дѣлѣ, въ особенности для фундамента и связей сакель, мечетей, для мостовыхъ устоевъ и свай, для укрѣпленія береговъ общественныхъ цистернъ, и для разныхъ подѣлокъ. Естественно, что такое широкое и разнообразное при-

мѣненіе этого дерева, вѣками окрѣпшее, издавна пріучило туземцевъ цѣнить его, пріучило и разводить разныя породы тута.

Изъ многихъ породъ шелковицы наиболѣе распространены: хассакъ-тутъ, дикая шелковица, разводимая посѣвомъ и служащая для прививки къ ней другихъ видовъ; балхъ-тутъ привитая, дающая крупныя ягоды и отличающаяся густой кроной съ толстыми, глянцевитыми листьями; марварилакъ, выдающійся высокимъ стволомъ, мелкими листьями, продолговатыми ягодами, и ша-тутъ, царская шелковица, приземистая, густолиственная, съ темно-красными кисловатыми ягодами, употребляемыми туземцами, какъ лекарство и также для окраски пряжи въ синій цвѣтъ. Послѣдній видъ тута, какъ имѣющій ограниченное примѣненіе, встрѣчается очень рѣдко, отдѣльными экземплярами въ садахъ; при мечетяхъ безъ прочихъ породъ тута наиболѣе распространенъ балхъ и затѣмъ хассакъ-тутъ, какъ дающій мелкіе листья, наиболѣе любимые шелковичными червями.

По своему значительному спросу хассакъ-тутъ разводится ежегодно въ огромномъ количествѣ. Деревца хассакъ-тутъ, служащія дичками для прививки другихъ породъ, получаются посѣвомъ сѣмянъ шелковицы. Обыкновенно для такихъ питомниковъ выбираютъ въ саду участокъ о-бокъ съ виноградникомъ, не затѣняемый деревьями. Съ февраля мѣсяца, унавозивъ землю, пропахавъ ее 5—8 разъ, разбивъ пятикрайною бороньбою или кетменемъ оставшіеся комья, приготовляютъ параллельныя низкія грядки (собзы, джуя), проводятъ по окраинамъ ихъ борозды и въ концѣ марта высѣваютъ прошлогоднія сѣмена шелковицы, предварительно выдержавъ ихъ одинъ сутки въ водѣ. На нелистоценной землѣ, достаточно воздѣланной удобреніемъ и многократной вспашкой, всходы показываются чрезъ три недѣли и, при частой поливкѣ, чрезъ каждые 10 дней; сѣянцы достигаютъ къ концу года роста около одного фута, при чемъ требуется выпалываніе сорныхъ травъ, по крайней мѣрѣ, восемь разъ въ теченіе лѣта. Эти годовые сѣянцы оставляются еще на годъ, а затѣмъ выкапываются въ мартѣ мѣсяцѣ изъ чащи, для посадки въ отдѣльный питомникъ, изъ котораго они продаются рѣдко въ двухлѣтнемъ, чаще въ трехлѣтнемъ и нерѣдко въ пятилѣтнемъ возрастѣ.

Этотъ послѣдній питомникъ съ двухлѣтними саженцами особенной обработки не требуетъ, но рядовая посадка саженцевъ дѣлается на разстояніи одного фута одинъ отъ другого, а поливки и очищеніе отъ сорныхъ растеній требуются значительно рѣже нежели въ первые годы.

Виноградники весьма распространены. Они разведены не только у селеній, гдѣ ихъ обыкновенно обносятъ стѣнками, но и на поляхъ. Сорта винограда очень разнообразны, и на вкусъ здѣшній виноградъ очень пріятенъ и соченъ. Главная масса винограда сушится, и въ видѣ изюма вывозится въ Россію и отчасти Сибирь.

Лозы здѣшняго винограда длинныя. Кусты сажаются двумя параллельными рядами, разстояніе между которыми (кустами) въ 4—5 арш. Между двумя такими рядами кустовъ изъ сырыхъ таловыхъ жердей

устраиваются дуги, концы которыхъ врываются въ землю; высота дугъ выше роста человѣка.

Дуги соединяются между собою тонкими жердями; къ послѣднимъ привязываются лозы и если виноградникъ уже взрослый, то получается сплошь закрытый корридоръ, стѣны и крыша котораго образуются изъ мелкихъ вѣтвей и листьевъ виноградника. Если такихъ коридоровъ нѣсколько, то они примыкаютъ другъ къ другу своими продольными стѣнами вплотную, ибо побѣги отъ куста чаще растилаютъ на двѣ сосѣднія дуги. При поспѣваніи кисти винограда спускаются внутрь корридора.

На дворахъ посадка виноградныхъ лозъ производится иначе. Обыкновенно устраивается четырехугольный навѣсъ изъ рѣшетника на столбахъ. Виноградныя вѣтви пропускаются на навѣсъ и подъ этими навѣсами во время знойнаго лѣта семья проводитъ лѣто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградныя лозы не поднимаются (Бухарская часть долины Зеравшана), а стелются по землѣ, расползаясь на значительную длину и сплетаясь одна съ другой, и по наружному виду виноградныя площади походятъ скорѣе на поля, чѣмъ на сады.

Въ садахъ равнинъ таджиками въ большомъ количествѣ разводятся яблоки, груши, айва, абрикосъ, вишни, сливы, черешни, винныя ягоды, грецкій орѣхъ и персикъ.

Въ горахъ сады помѣщаются въ ущельяхъ около кишлаковъ и, вообще, вездѣ, гдѣ есть проточная вода. Роскошныя яблоки, персиковыя, тутовыя, фисташковыя и орѣховыя деревья достигаютъ немыслимой въ долинахъ высоты. Несмотря на значительную высоту этихъ мѣстъ, въ нѣкоторыхъ садахъ есть виноградныя лозы, а по горамъ виноградъ растетъ въ дикомъ видѣ; толщина лозъ доходитъ иногда до 1 фута въ діаметрѣ.

Туземцы приходятъ въ неописуемый восторгъ при одномъ воспоминаніи о прелестяхъ садовъ въ горахъ. Они отчасти правы, потому что послѣ утомительнаго путешествія по узкимъ тропинкамъ, карнизамъ и балконамъ, пролегающихъ вдоль крутыхъ, голыхъ склоновъ сланцовыхъ и конгломерамовыхъ горъ,—зеленые сады и пашни, окружающіе невзрачные кишлаки, дѣйствительно производятъ на утомленнаго путешественника довольно пріятное впечатлѣніе.

Горныя яблоки и персики славятся во всемъ Зеравшанскомъ округѣ по своей величинѣ и вкусу. Сушеные персики изъ садовъ между Урмитаномъ и Варзминоромъ привозятся въ значительномъ количествѣ на базары въ Ура-тюбе, Самаркандъ, Зааминъ, Джизакъ, и Пенджекентъ. На эти же базары изъ горъ вывозятъ въ большомъ количествѣ „тутъ-маназъ“, т. е. массу, приготовляемую изъ тутовыхъ плодовъ. Говоря о роскоши горныхъ садовъ, нельзя не упомянуть и о роскоши вообще всей горной флоры. Склоны горъ почти круглый годъ покрыты цвѣтами. „Голова кружится отъ удовольствія, когда смотришь на Матчинскія горы“, говорятъ жители.

Въ горахъ разводится самый лучшій сахарный урюкъ, который,

высушеный, по освобожденію отъ косточекъ (аштакъ), въ большомъ количествѣ поступаетъ въ продажу на городскихъ базарахъ. По заявленію туземцевъ, одно большое урюковое дерево можетъ дать сухихъ плодовъ болѣе 4 пудовъ въ годъ.

Не менѣе полезенъ и тутъ; изъ ягодъ его приготовляютъ „тутъ-маизъ", кромѣ того, тутовыя ягоды въ большомъ количествѣ уничтожаются въ сыромъ видѣ, а также собираютъ ихъ на зиму, высушиваютъ, мелютъ на мельницахъ и получаютъ тутовую муку (тутъ-толканъ). Вообще, въ горахъ Фальгара урюку и туту масса. Едва ли найдется такой бѣдпякъ, у котораго не было бы по одному дереву того и другого, но не мало и такихъ, которые имѣютъ до 10—15 и болѣе деревьевъ. Не будетъ никакой натяжки, если предположить, что среднимъ числомъ у каждаго фальгарца есть по одному урюковому и по одному тутовому дереву, которыя дадутъ ему въ годъ дохода minimum 3 пуда сухого урюка и 4 пуда тутъ-маиза, составляющихъ цѣнность 14 пудовъ пшеницы. Такимъ образомъ, фальгарецъ однимъ садоводствомъ, помимо другихъ занятій, уже имѣетъ возможность пополнить ежегодный недостатокъ продовольственнаго хлѣба*). Время сбора плодовъ въ долинѣ Зеравшана въ половинѣ іюня, въ горной части съ 20 іюля.

Въ предѣлахъ Матчинской волости, отъ Оббурдана до Мадрушката включительно, туту и урюку также достаточно, хотя меньше, чѣмъ въ Фальгарѣ; и здѣсь, слѣдовательно, жители посредствомъ продажи плодовъ могутъ выручить часть денегъ, которыя имъ необходимы для пополненія своего продовольствія, недостающаго отъ занятія земледѣліемъ. Въ верхней Матчѣ, начиная отъ сел. Мадрушкатъ до Зеравшанскаго глетчера и въ Ягнобѣ садовъ нѣтъ; отсутствіе въ этой мѣстности фруктовыхъ садовъ объясняется суровымъ климатомъ: изрѣдка встрѣчается талъ и тополь, но и разведеніе ихъ требуетъ большого ухода; эти деревья отъ морозовъ защищаются тѣмъ, что корни ихъ на зиму обкладываются навозомъ, иначе—мерзнутъ и погибаютъ.

По Ягнобу во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ окрестностяхъ селеній, встрѣчаются кусты дико-растущей черной смородины, съ крупной и сочной ягодой; кусты эти мѣстными жителями тщательно оберегаются, а собираемыя ягоды сушатся на мѣстѣ и вывозятся на продажу.

Въ ущельѣ Фана и въ долинахъ рѣкъ Пасть-руда, Искандера, Артуча и Вору тутъ и урюкъ произрастаютъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Фальгарѣ; ихъ можно видѣть подъ перевалами Конджрага и Анзобъ, въ сторонѣ отъ бассейна Ягнау, именно въ кишлакахъ Маргибъ и Марзичъ. Созрѣваютъ плоды здѣсь въ концѣ августа. Яблонь, вишень и орѣха въ горахъ мало. Изъ другихъ деревьевъ, неплодовыхъ: чаще всего встрѣчаются въ горныхъ садахъ тополь и талъ, карагачей же очень мало.

Въ ягноубскихъ кишлакахъ фруктовыхъ деревьевъ нѣтъ и лишь

*) Ш. Акимбетевъ. Очерки Когистана. Турк. вѣд. 1881 г. № 2 и 3.

кое гдѣ изрѣдка встрѣчаются одиноко растущими деревья бидъ (талъ). Въ горахъ лѣса находятся только въ ущельяхъ, но и то въ ограниченномъ размѣрѣ; они группируются небольшими рощицами на едва доступныхъ высотахъ и изрѣдка на берегу горныхъ ручьевъ. Послѣднія по преимуществу сопровождаются кустарниками. Въ августѣ и въ сентябрѣ, въ началѣ осени, почти всѣ жители занимаются заготовленіемъ не плодовъ, а топлива, такъ какъ въ послѣдующее время доступъ въ ущелья, за снѣгами и сильными холодами, бываетъ совершенно невозможенъ.

Б. А. Федченко говоритъ: „постепенно поднимаясь вверхъ по Пянджу, мы могли наблюдать смѣну растительности и запозданіе въ развитіи нѣкоторыхъ видовъ. Въ Хорогѣ (7200') мы имѣли, говоритъ онъ, зрѣлые плоды альчи, урюка, но вишня уже сошла. Выше въ кишлакѣ Пшитѣ, были также зрѣлые плоды урюка: еще выше, около кишлака Казыды (9000') урюкъ былъ еще совершенно не зрѣлый. Здѣсь, по видимому, и крайній предѣлъ распространенія урюка. Дикорастущая флора по Пянджу принадлежитъ преимущественно къ зонѣ широколиственныхъ деревьевъ—напр. орѣхи (Juhlans regia), а отчасти развиты здѣсь кустарники—въ изобиліи разныя розы, жимолости, заманиха, облѣпиха и горная вишня; послѣднія три созрѣлыми съѣдобными плодами; также здѣсь были и бобовые-colutea arboresceus, Hallmodeu drou argeuleum*)".

Въ самыхъ нижнихъ частяхъ долинъ рѣкъ Гунта и Шахъ-Дарьи, встрѣчаются урюкъ, яблоки и груши, тутъ, орѣхъ и виноградъ, плоды которыхъ употребляются какъ лакомство въ сыромъ видѣ, а также служатъ и для приготовленія сладкихъ кушаній.

Считаемъ не лишнимъ привести постановленія мусульманскаго законодательства о съемкѣ садовъ изъ доли, какъ это изложено въ книгѣ Гидая (Хидая**). Абу-Ханифа говоритъ: „съемка сада изъ части урожая плодовъ тщетна". Но Имамъ-Магометъ и Абу-Юсуфъ говорятъ, что она дозволяется, когда въ договорѣ обозначенъ опредѣленный срокъ, и когда упомянута извѣстная часть изъ валоваго урожая плодовъ.

Съемка садовъ изъ части плодовъ есть обычай относительно деревьевъ, и къ этого рода договорамъ относится все то, что сказано относительно обработки земли изъ части урожая. Шафи говоритъ: „эти договоры дозволяются также, какъ и договоры объ обработкѣ земли изъ части урожая, только вслѣдствіе зависимости отъ этого обычая. Въ сущности, эти сдѣлки суть то же, что товарищество относительно отдачи денегъ въ оборотъ и существующій обычай подобенъ этого рода договорамъ, такъ какъ имъ устанавливается товарищество, относительно прибыли, а не самаго капитала. Если въ договорѣ объ обработкѣ земли изъ доли включается условіе, которымъ опредѣляется товарищество на урожай, за исключеніемъ съмянъ, которыя относятся къ

*) Изв. И. Р. Г. О. 1902 г. вып. III стр. 302.
**) „Турк. Вѣд." 1886 г. № 33.

основному капиталу операціи, то договоръ въ этомъ случаѣ расторгается. Вслѣдствіе этого въ настоящемъ случаѣ основаніемъ нашего ученія мы беремъ существующій обычай и дозволили обработку полей изъ части урожая въ зависимости отъ обычая, подобно тому, какъ мы ввели постановленія относительно орошенія при продажѣ земли, или относительно движимыхъ имуществъ при посвященіи въ вакфъ. Что же касается условія о срокѣ, то оно въ настоящемъ случаѣ выведено путемъ аналогіи, потому что эти сдѣлки имѣютъ значеніе найма, какъ и въ обработкѣ полей изъ доли. На основаніи же общихъ логическихъ соображеній, эти сдѣлки допускаются даже и тогда, когда въ договорѣ срокъ не объявленъ; срокъ этотъ наступаетъ при первомъ выходѣ плодовъ, потому что для плодовъ время поспѣванія ихъ извѣстно; разница между сроками поспѣванія незначительна, почему приблизительно точное опредѣленіе срока сдѣлки всегда возможно. Созрѣваніе сѣмянъ люцерны на корню, при съемкѣ садовъ, подобно поспѣванію плодовъ, потому что срокъ его извѣстенъ; потому здѣсь нѣтъ необходимости устанавливать особыя условія относительно срока. Въ противоположность садамъ, при обработкѣ полей начало работать приходится далеко не въ одинаковое время: полевыя работы начинаются и осенью, и лѣтомъ, и весной; поэтому и окончаніе операціи полеводства приходится въ разное время, вслѣдствіе чего относительно сроковъ является неопредѣленность.

Но въ томъ случаѣ, когда сдается съемщику земля для посадки деревьевъ, съ объясненіемъ порядка посадки, причемъ плоды въ обычное время не поспѣваютъ, то сдача земли дозволяется не иначе, какъ съ объясненіемъ срока, потому что существуетъ явная разница между землями сильными и слабыми.

Напротивъ того, когда сдается съемщику финиковыя плантаціи или люцерна на корню для ухода за ними о орошеніяхъ ихъ до тѣхъ поръ, пока окончится растительный періодъ и исчезнутъ корни ихъ, или когда для люцерны не опредѣленъ срокъ съемки ея, то сдѣлка расторгается, потому что въ подобныхъ случаяхъ не существуетъ опредѣленнаго предѣла, такъ какъ растеніе продолжаетъ зеленѣть, пока остается въ землѣ, вслѣдствіе чего срокъ сдѣлки остается неизвѣстнымъ.

Въ договорѣ должна быть обозначена опредѣленная доля, изъ общаго количества уродившихся плодовъ, какъ объяснено въ книгѣ объ обработкѣ полей изъ доли; когда же условливаются объ извѣстномъ количествѣ плодовъ независимо отъ урожая, то товарищество уничтожается. Если договоромъ устанавливается такой срокъ, въ которомъ завѣдомо плоды поспѣть не могутъ, то договоръ расторгается,— такъ какъ не существуетъ объекта его, который долженъ заключаться въ товариществѣ относительно дохода.

Если же въ договорѣ назначается такой срокъ, въ который плоды могутъ поспѣть, но иногда случается, что поспѣваютъ позднѣе, то договоръ дозволяется, потому что при этомъ не имѣлось въ виду, что цѣль договора не будетъ достигнута. Въ настоящемъ случаѣ, если пло-

ды поспѣваютъ въ обозначенное время, то они составляютъ достояніе товарищества, такъ какъ договоръ остается въ цѣлости; если же созрѣваніе плодовъ запоздаетъ, то, такъ какъ договоръ прекращается, съемщихъ имѣетъ право на полученіе платы, какъ наемщикъ, пропорціонально труду, потому что въ назначеніи срока въ договорѣ обнаружилась ошибка, вслѣдствіе чего возникло точно такое же положеніе, какъ если бы съ самаго начала, при заключеніи договора, было извѣстно, что въ назначенное время плоды не поспѣваютъ.

Въ томъ же случаѣ, когда плоды совершенно не уродятся, будучи уничтожены вредными атмосферическими вліяніями, и такимъ образомъ нарушеніе договорнаго срока не обнаруживается, то договоръ остается въ цѣлости, и ни одному изъ договаривающихся съ другого ничего не слѣдуетъ.

Съемка дозволяется относительно финиковыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, люцерны и корней баклажановъ. Но Шафи въ книгѣ „Эль-Джадиди“ говоритъ, что съемка не дозволяется, исключая финиковъ и виноградниковъ; эти послѣднія дозволяется снимать на основаніи преданія, въ которомъ они обособлены: преданіе это о племени хайберъ. Для насъ же эта дозволительность основывается на нуждѣ, которая обща всѣмъ садовымъ растеніямъ. Что же касается преданія о племени хайберъ, то ни виноградники, ни финиковыя плантаціи въ немъ не обособлены; напротивъ, населеніе Хайбера поступало одинаково въ отношеніи всѣхъ садовыхъ растеній, не исключая и люцерны. Если бы мнѣніе Шафи дѣйствительно основывалось на каноническомъ источникѣ, то, конечно, оно имѣло бы полную доказательную силу.

Владѣльцу виноградника не предоставляется право отказывать съемщику безъ приведенія на то достаточнаго повода, потому что въ исполненіи договора для него нѣтъ никакого вреда. Равнымъ образомъ и съемщику не предоставляется право оставлять работу безъ достаточнаго оправданія, въ противоположность постановленіямъ, объ обработкѣ земли изъ доли, гдѣ принимается во вниманіе владѣлецъ сѣмянъ, какъ мы объяснили.

Если сдается изъ доли финиковая плантація съ плодами на ней, и впослѣдствіи трудами съемщика количество плодовъ увеличивается, то сдѣлка дозволяется; когда же она заключается по окончаніи періода производства плодовъ, то не дозволяется.

Здѣсь то же основаніе, какъ и при сдачѣ полевого посѣва въ то время, когда онъ представляетъ только растущій злакъ; въ этомъ случаѣ сдѣлка и сдача дозволяется. Но когда посѣвъ уже сжатъ или поспѣлъ, то не дозволяется, потому что съемщикъ пріобрѣтаетъ права своей работой; когда же онъ снялъ бы въ то время, когда растительный періодъ кончился и посѣянное поспѣло, то работа его не имѣла бы на урожай никакого вліянія: поэтому если бы мы допустили съемку зрѣлыхъ плодовъ, то дали бы право съемщику предъявлять право безъ затраты труда, что шаріатомъ не допускается. Напротивъ, въ первомъ

случаѣ, т. е. когда посѣвъ еще не созрѣлъ, оправданіемъ служитъ нужда въ трудѣ.

Когда договоръ нарушается, то работающему предоставляется право на пропорціональную труду наемную плату въ томъ же значеніи, какъ въ расторгнутыхъ договорахъ найма; стало быть, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поступать также, какъ при договорѣ объ обработкѣ земли изъ доли, когда договоръ этотъ расторгается.

Договоръ о съемкѣ садовъ прекращается со смертью, потому что онъ имѣетъ значеніе найма, какъ уже было объяснено нами. Если владѣлецъ сада умретъ въ то время, когда урожай еще не созрѣлъ, то съемщикъ имѣетъ право оставаться, какъ онъ оставался до смерти владѣльца сада, до тѣхъ поръ, пока плоды не созрѣютъ, хотя бы этого и не желали наслѣдники владѣльца сада. Договоръ остается въ силѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы съемщикъ не потерпѣлъ ущерба въ то время, когда для другой стороны отъ этого никакого вреда нѣтъ.

Если же съемщикъ согласится на уничтоженіе договора, то наслѣдникамъ умершаго владѣльца сада предоставляется выбрать одинъ изъ слѣдующихъ способовъ расчета: или раздѣлить недозрѣваніе плоды на основаніи условія, или выдать съемщику стоимость его доли незрѣлыхъ плодовъ, или же принять на себя издержки по уходу за садомъ до тѣхъ поръ, пока плоды не созрѣютъ, съ тѣмъ, чтобы возвратить эти издержки изъ доли плодовъ, причитающейся съемщику, такъ какъ для съемщика ни одинъ изъ этихъ способовъ не сопровождается ущербомъ, какъ мы уже объяснили подобный случай въ книгѣ объ обработкѣ земли изъ доли.

Если съемщикъ умретъ ранѣе окончанія договорнаго срока, то его наслѣдники могутъ продолжать его работу, хотя бы этого не желалъ владѣлецъ сада, потому что въ этомъ заключается польза для обѣихъ сторонъ. Если же наслѣдники пожелаютъ собрать недозрѣвшіе плоды, то владѣлецъ сада можетъ выбрать одинъ изъ трехъ вышеупомянутыхъ способовъ расчета.

Если умрутъ оба контрагента, то наслѣдники съемщика, такъ какъ они заступаютъ мѣсто его, имѣютъ право выбора по отношенію къ имуществу, составляющему предметъ наслѣдства; поэтому они могутъ требовать, чтобы плоды оставались на деревьяхъ до тѣхъ поръ, пока не поспѣютъ. Если же наслѣдники съемщика откажутся продолжать работу его, то наслѣдники хозяина сада могутъ выбрать способъ для расчета, какой объявленъ нами выше.

Когда обычный срокъ окончился, а плоды еще не созрѣли и остаются зелеными, то съемщикъ можетъ оставаться при работѣ до того времени, когда плоды созрѣютъ; но получить за излишнее время плату онъ не имѣетъ права, потому что нельзя же требовать плату съ дерева. При обработкѣ земли изъ доли, въ противоположность настоящему случаю, при продолженіи обработки земли, по истеченіи договорнаго срока, съемщикъ разсматривается, какъ арендаторъ земли.

Такимъ образомъ, при съемкѣ сада вся работа послѣ договорнаго срока до созрѣванія плодовъ относится на счетъ съемщика, при обработкѣ же земли изъ доли по окончаніи договорнаго срока, если на съемщика необходимо отнести арендную плату за землю, то нѣтъ основанія требовать отъ него же и работу; здѣсь же, при съемкѣ сада, арендной платы нѣтъ, вслѣдствіе чего позволяется требовать отъ съемщика продолженія работъ, какая требовалась до истеченія договорнаго срока.

Договоръ подлежитъ прекращенію, вслѣдствіе нѣкоторыхъ поводовъ, какъ мы объяснили въ книгѣ о наймѣ, гдѣ также приведены основанія этимъ поводомъ. Къ числу этихъ поводовъ относится тотъ, если съемщикъ воръ и есть основаніе опасаться, что онъ будетъ воровать вѣтви или плоды, прежде чѣмъ они созрѣютъ, потому что отъ этого для хозяина сада можетъ послѣдовать вредъ, съ его стороны ничѣмъ не вызываемый. Къ числу такихъ же поводовъ относится болѣзнь съемщика, ослабляющая его до такой степени, что онъ не можетъ работать и является необходимость нанимать; наемъ же влечетъ за собою убытокъ для хозяина сада, въ которомъ онъ не причиненъ. Потому такое обстоятельство и включается въ число поводовъ для расторженія договора.

Если съемщикъ пожелаетъ оставить работу, то составляетъ-ли это обстоятельство поводъ къ прекращенію договора? Объ этомъ случаѣ существуютъ два мнѣнія: по одному, принимается за основаніе то, что договоромъ обусловливается работа собственными руками; потому въ силу такого условія отказъ отъ работы составляетъ поводъ къ прекращенію договора.

Если кто-либо сдаетъ другому лицу землю бѣлую (т. е. незасѣянную) на опредѣленное число лѣтъ, для насажденій на ней деревьевъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы земля и деревья были раздѣлены между владѣльцемъ земли и насаждателемъ деревьевъ пополамъ, то договоръ не дозволяется, такъ какъ имъ обусловливается товарищество по отношенію къ тому, что уже существовало на лицо ранѣе составленія товарищества, а не есть результатъ труда того, кто обрабатываетъ; въ такомъ случаѣ всѣ плоды и насажденія принадлежатъ владѣльцу земли, а тотъ, кто занимается посадкой, получаетъ стоимость саженцевъ и наемную плату за произведенную имъ работу. Саженцы не возвращаются обрабатывающему натурой, вслѣдствіе связи ихъ съ землей; отсюда вытекаетъ необходимость въ уплатѣ стоимости ихъ, отдѣльно отъ наемной платы за трудъ, потому что трудъ не входитъ въ стоимость саженцевъ, которые имѣютъ цѣну сами по себѣ.

17. Огородничество.

Огородничества, какъ отдѣльной отрасли хозяйства, въ нагорномъ районѣ не существуетъ, сѣютъ же огородныя овощи на уголкахъ пашенъ, рядомъ съ хлѣбными растеніями, въ ничтожныхъ размѣрахъ,

только для собственнаго потребленія и то не вездѣ, напр., выше Мадрушката вверхъ по Зеравшану и выше Хитартаба на Ягнау, посѣвовъ огородныхъ овощей нѣтъ; тамъ-же, гдѣ ихъ сѣютъ, созрѣваютъ они не раньше конца августа. Обыкновенно воздѣлываются слѣдующія огородныя овощи: лукъ (піазъ), морковь (сабзы), огурцы (бадрингъ), свекла (лябля-би), рѣпа (шалганъ), рѣдька (турпъ), капуста (карамъ), арбузы (тарбузъ), дыни (кавунъ), тыква фигурная (ташъ-каду) и тыква съѣдобная (апъ-каду).

Въ равнинѣ огородничество составляетъ значительную отрасль сельскаго хозяйства и поставлено на весьма раціональныхъ началахъ. Культурныя работы, какъ-то: удобреніе, поливка, разрыхленіе почвы, окучка растеній, уборка растеній и проч. ведутся таджиками весьма тщательно. Особенно славится культура дынь. Дыни въ лѣтнее время являются главнымъ пищевымъ продуктомъ для рабочаго населенія. Фигурныя тыквы въ пищу не употребляются, а разводятся въ значительномъ количествѣ для приготовленія изъ нихъ извѣстнаго рода посуды. Для этого туземцы вынимаютъ изъ нея мякоть, а наружная оболочка служитъ кувшиномъ для воды или масла. Въ маленькихъ горлянкахъ держатъ табакъ, закладываемый за щеку. Изъ нихъ же выдѣлываютъ чилимы (кальяны). Эти же дыни служатъ днемъ клѣтокъ для птицъ.

Сѣютъ также красный перецъ (калампуръ), укропъ (бадіанъ), чернушку (сіа-дока), кашничъ (coriandrium sativum), фасоль (лубіаги), употребляемые въ приправѣ.

18. Скотоводство.

Въ долинахъ, гдѣ земля орошена, земледѣліе заняло все пространство, годное для посѣвовъ или древесныхъ насажденій.

Остались только незначительные клочки выгоновъ (подаятанъ), имѣющихся при каждомъ почти селеніи, побережья камышевыхъ озеръ, да узенькія полоски доступной для скота пастьбы по берегамъ арыковъ.

Пастбищами пользуются на общинномъ правѣ; побережьемъ озеръ пользуются ближайшіе кишлаки, а пастбищами по арыкамъ довольствуются тѣ селенія, у которыхъ земледѣліе поглотило, съ общаго согласія, даже скудные выгоны.

Если отмѣтить еще, что, по мѣрѣ уборки хлѣба въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ, скотъ выгоняется на освободившіяся отъ жатвы поля, а лошади выпускаются нѣкоторыми хозяевами въ сады и рощицы (чакалокъ) съ весьма слабой пастьбой, то этимъ и ограничиваются крайне ничтожные размѣры площадей подножнаго корма, съ весьма небольшимъ разнообразіемъ травъ, имѣющихъ у туземцевъ слѣдующія названія и распредѣленія: а) для рогатаго скота—лола-казакъ, шури, бугдоякъ, аджракъ, когора, соукъ-кувокъ, камгакъ, лотахоръ, вошвоши, пудино, хорхоръ, бутрокъ, гиль-хойри; б) для лошадей—аджрикъ, бугдоякъ, соукъ-кувокъ, кунакъ; в) для верблюдовъ—коррокъ, янтакъ.

исмалакъ, читеръ, кокро, шура, камгакъ; для овецъ—чатыръ, исмалакъ, коррокъ, шивакъ, куррокъ, кизъ-кулакъ, ляля-кизакъ, акъ-чиперъ, таранъ, ривачъ, акъ-башъ, бурганъ, саганъ, акъ-куйро, джузганъ, балыгъ-кузы, тортманъ, копка-ситаки. Конечно, этихъ кормовыхъ средствъ, не всегда одинаково обильныхъ вслѣдствіе бездождій, было-бы весьма недостаточно и на самое ограниченное количество скота, если-бы въ подспорье не служили случайныя пастбища, какъ паръ (гоудгоръ), жнивье и также искусственное травосѣяніе клевера (бпда), поздней джугары (кукбашъ). Словомъ, долины представляютъ такую бѣдность кормовыхъ средствъ, при которой скотоводство возможно въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, съ самымъ стѣснительнымъ выборомъ породъ скота.

Въ болѣе широкихъ размѣрахъ скотоводство возможно только въ горахъ, и то не вездѣ, гдѣ жители имѣютъ возможность пользоваться болѣе обширными пастбищами.

Разведеніе верблюдовъ стоитъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, для примѣненія этихъ животныхъ для цѣлей хозяйственныхъ, да изрѣдка для перевозки тяжестей. Преобладающая въ Зеравшанской долинѣ порода—одногорбые верблюды, рослые, ширококостные, курчаво-коротко-шерстые нары, подымающіе 16 пудовъ караванной тяжести. Верблюженокъ наръ, оставаясь при матери неотлучно до двухлѣтняго возраста, съ этого времени получаетъ общее названіе—буталокъ и начинаетъ работать, выдерживая въ пятилѣтнемъ возрастѣ тяжесть до 12 пудовъ.

Зимою животное, кромѣ полевого корма, получаетъ еще съ вечера саманъ (измельченную пшеничную или ячменную солому), рисовую солому, довольствуясь жвачкою (каушакъ) на цѣлую ночь, когда ихъ укладываютъ, окутывая въ холодное время въ войлочныя попоны (джигадъ).

Здѣшній наръ, требуя заботливаго ухода на мѣстѣ и въ пути, способенъ оставаться лѣтомъ безъ водопоя не долѣе трехъ сутокъ, способенъ при нормальныхъ условіяхъ содержанія и передвиженія, проходить въ день съ 12 часовъ утра до 5 ч. вечера, безъ приваловъ, обыкновеннымъ караваннымъ ходомъ до 18 верстъ.

Ишакъ (оселъ). Маленькое вьючное животное это, при своей способности подымать почти такія же тяжести (въ шесть пудовъ), какія подымаетъ и лошадь, издавна получило въ хозяйствѣ земледѣльца такое универсальное примѣненіе, которое отводитъ ему больше дѣла, чѣмъ остальнымъ вьючнымъ животнымъ, и приземистый, длинноухій, тонкокопытый ишакъ, съ такою же терпѣливостью къ пинкамъ своего обладателя, съ такимъ же стоическимъ усердіемъ тащится изъ Бухары въ Оренбургъ, съ какимъ карабкается подъ тяжестью въ пять пудовъ по скалистымъ снѣжнымъ перевалам горъ.

Вездѣ почти въ здѣшней полосѣ какъ горной, такъ и равнинной, ишакъ одинъ и тотъ же. Голова несообразно велика, скуласта, хвостъ пропорціональный, цвѣтъ шерсти—мышистый съ крестообразными чер-

ными полосами на хребтѣ; рѣдко цвѣтъ шерсти черный, еще рѣже бѣлый, столь высоко почему-то цѣнимый туземцами. Значительно терпѣливое животное это, служа исключительно какъ средство передвиженія и подъема тяжестей, имѣется у каждаго почти землевладѣльца, нерѣдко и у совершенно безземельныхъ, промышляющихъ однимъ лишь тричилыкомъ, т. е. прозябаніемъ.

Ишакъ немногимъ довольствуется: онъ получаетъ въ сутки зимою у хорошихъ хозяевъ до 15 ф. саману, до 3 фунтовъ ячменя и никакой подстилки, никакой покрышки, кромѣ плоскихъ подковъ для продолжительной горной ходьбы.

Рогатый скотъ. Наружность скота горнаго представляется несравненно привлекательнѣе и общимъ типомъ, и однообразіемъ масти черной, бурой, рыжей, сѣрой, чѣмъ въ долинѣ.

А между тѣмъ для спеціалиста породы скота горнаго и скота долины кажутся одинаковыми, происшедшими, какъ признаетъ проф. Чернопятовъ, отъ помѣси крупнаго рогатаго скота съ породою зебу (Bas indi·n), распространенною въ долинѣ Сыръ-Дарьи.

Естественно, что при совершенно одинаковыхъ примитивныхъ условіяхъ воспитанія скота, ухода за нимъ, безъ малѣйшихъ стремленій у туземцевъ къ улучшенію породъ подборомъ и другими заботами, горный скотъ выработалъ въ себѣ лучшія качества единственно вліяніемъ природы. Скудна природа долины, поддерживающей растительную жизнь однимъ лишь искусственнымъ орошеніемъ, едва достаточнымъ для землепашества, и нѣтъ въ ней условій для лучшаго скотоводства, нѣтъ въ долинѣ и хорошаго рогатаго скота, ибо пастбища—главное для него средство.

Въ долинѣ пастбищными выгонами для рогатаго скота служатъ мѣста окончательно неудобныя для земледѣлія,—мѣста, на которыхъ, по условіямъ жаркаго, сухого климата, кое какая рѣдкая низкая трава держится только до половины мая мѣсяца; остальной періодъ лѣта до снятія жатвы, несчастный скотъ бродитъ за нѣсколько верстъ отъ своихъ селеній положительно впроголодь, не получая ни стебля клевера или соломы отъ своихъ хозяевъ и по возвращеніи съ поля. Только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ туземцы какъ будто проявляютъ нѣкоторую заботливость о рогатомъ скотѣ, равно настолько, насколько требуется для поддержанія существованія бѣднаго животнаго, получающаго въ теченіе года общую кормовую дачу, по крайней мѣрѣ, на половину менѣе нормальной дачи.

Смотря на скотъ только какъ на рабочую силу, какъ на средство для полученія навоза, туземцы вовсе не озабочиваются не только объ улучшеніи породы для полученія большей продуктивности (молочность, сыроваренie), но и о поддержаніи силъ животныхъ. Только лишь рабочіе кастрированные быки (гукузъ) пользуются нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны своихъ владѣльцевъ, но и то передъ рабочей порой, чтобы не отстать обработкой поля, уборкой жнива; въ остальное время ихъ житье—та же голодовка, та же зависимость желудка отъ весеннихъ травъ,

отъ количества остатковъ на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ, т. е. отъ такихъ условій, которыя далеко не всегда одинаковы, какъ зависимыя отъ количества весеннихъ дождей, отъ степени полевой урожайности.

Отличительныя, бросающіяся въ глаза, наружныя формы туземныхъ коровъ долины, это—угловатость костнаго скелета, вызываемая торчащими изъ подъ кожи костями, отвислость брюха, заостренность спины и малость вѣса, недостатокъ пропорціональности въ частяхъ, доходящій до видимой уродливости, тощій, изнуренный видъ, взъерошенная шерсть, поразительно разнообразная шерсть съ преобладаніемъ пестроты, печальный взглядъ, слезящіеся глаза, шаткая походка. Характеристическіе признаки черепа слѣдующіе: лобъ значительно длиннѣе своей ширины, между глазными впадинами онъ сильно вдавленъ; начиная отъ уровня верхнихъ частей глазныхъ впадинъ, по шву лобныхъ частей идетъ возвышеніе, которое, по мѣрѣ приближенія къ макушечному гребню, постепенно дѣлается выше и шире, опускаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ обѣ противоположныя стороны вогнутыми плоскостями. У макушечнаго гребня средина лба значительно выдается впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно опускается съ обѣихъ сторонъ вогнутыми плоскостями къ основанію роговъ и вискамъ. Надглазничныя борозды у выходныхъ отверстій артеріи весьма глубоки и узки, но къ носовымъ костямъ сказанныя борозды быстро расширяются, дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ все мельче и мельче, такъ что ихъ почти совсѣмъ незамѣтно у шва лобныхъ костей съ носовыми.

Рога сидятъ на шероховатыхъ удлиненіяхъ лобныхъ костей. Роговые стержни, имѣя почти круглую форму, при выходѣ своемъ отъ удлиненій лобныхъ костей, расходятся въ обѣ стороны, постепенно поднимаясь надъ макушечнымъ гребнемъ и мало по малу загибаясь впередъ. Рога короткіе, съ тонкими концами, слегка загнутыми впередъ. Беззубая передняя часть нижней челюсти нѣсколько длиннѣе ряда коренныхъ зубовъ. Задняя беззубая часть нижней челюсти короче передней. Коренные зубы длинны и узки.

Таковъ типъ здѣшняго рогатаго скота, типъ очень непригожій для коровъ вообще и достаточно сносный для рабочихъ быковъ, оставляемыхъ изъ лучшихъ телятъ и содержимыхъ въ лучшихъ сравнительно условіяхъ.

У хорошихъ хозяевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ (диконторъ) встрѣчаются быки и крупнаго склада и рѣзко типичной наружности, съ короткими расходящимися рогами; у такихъ быковъ голова легкая, глаза большіе съ кроткимъ выраженіемъ, затылокъ хорошо развитый, шея средней длины съ широкимъ гребнемъ и мало развитымъ подгрудкомъ, холка широкая; спина прямая, широкая; крестецъ достаточно длинный, полный, мускулистый; хвостъ присажень довольно высоко; грудь глубокая; плечи правильныя; переднія ноги широко поставлены; реберный сводъ крутой; шерсть короткая, блестящая, плотно прилегающая къ тѣлу; преобладающая масть черная, безъ отмѣтинъ.

Ни одна отрасль скотоводческой промышленности не сосредоточи-

ваетъ на себѣ столько относительнаго вниманія, столько заботъ и труда, какъ овцеводство. Можно сказать, что это единственный видъ промышленности, заставляющій предпринимателей напрягать все вниманіе и стараніе къ удержанію его на той степени развитія, съ которой только и возможно полученіе значительныхъ прибылей, какими въ дѣйствительности и пользуются изучившіе это дѣло туземцы. Въ здѣшнемъ краѣ единственно возможны породы овецъ киргизская—курдючная и каракульская (арабская, короткохвостая). Объ эти породы овецъ прекрасно выносятъ климатъ, довольствуются скуднымъ въ зимнее время подножнымъ кормомъ, чрезвычайно быстро откармливаются въ теченіе лѣта и даютъ такіе продукты, которые покрываютъ всѣ потребности мѣстнаго населенія, удовлетворяютъ и широкому спросу ближайшаго запада на каракульскую мерлушку.

Каракульская овца даетъ только мерлушку барашковъ и вообще несравненно менѣе продуктивна, несравненно менѣе распространена въ одномъ и томъ же оазисѣ, чѣмъ овца курдючная. Область наибольшаго распространенія этой послѣдней породы—подгорныя окраины, представляющія условія, необходимыя для овецъ сухія возвышенныя пастбища, покрытыя нѣжными злаками и клеверными породами, перемѣшанными, какъ въ горахъ, съ тысячелистникомъ, тминомъ и другими обильными разнообразіемъ пахучими породами. Въ культурной части равнины, занятой высокоинтенсивнымъ хлѣбопашествомъ, овцеводства совершенно не существуетъ, такъ какъ для него нѣтъ здѣсь и мѣста среди густой обработки, нѣтъ и необходимыхъ условій, соотвѣтствующихъ пастбищъ. Однако, и здѣсь можно встрѣтить въ каждомъ почти селеніи одного—двухъ промышленниковъ, откармливающихъ десятокъ—другой барановъ только въ зимнее время, для продажи на мясо въ ближайшихъ базарныхъ пунктахъ.

Овцеводство выражается также въ болѣе или менѣе постоянномъ содержаніи гуртовъ овецъ для полученія приплода и продуктовъ, въ откармливаніи барановъ (бурдаки) для рѣзниковъ.

Съ давнихъ временъ населеніе Зеравшанской долины включительно до Бухары, поддерживая болѣе частыя сношенія съ кочевымъ населеніемъ Пріаму-дарьинскимъ, чѣмъ Присыръ дарьинскимъ, ведетъ съ нимъ дѣятельную торговлю сбытомъ произведеній обрабатывающей промышленности (шелковыя, бумажныя ткани, обувь, шубы) и пріобрѣтеніемъ, въ свою очередь, скота. Наибольшимъ вниманіемъ скотопромышленниковъ пользуются, какъ замѣтно, подгорныя мѣстности лѣваго берега Аму-Дарьи: Кундузъ, Хульмъ, Рустекъ въ Афганскомъ Туркестанѣ (Чаръ-вилайетъ), гдѣ, по общему мнѣнію, у кочевниковъ-котагановъ существуютъ лучшія породы и мелкаго и крупнаго скота.

Отправивъ изъ Бухары красный товаръ, алачу и бязь (мату) съ верблюжниками (тюячи), которые проходятъ обыкновенно въ Кундузъ черезъ Келифъ на восемнадцатый день, скотопромышленники выѣзжаютъ въ январѣ мѣсяцѣ сами.

Оставаясь въ Кундузскомъ бекствѣ до половины марта мѣсяца,

скупщики барановъ вступаютъ въ сдѣлки съ туземцами, обмѣнивая товаръ и прибавляя нѣкоторую долю бухарскаго серебра, пріобрѣтаемаго размѣномъ у сарафовъ (мѣнялъ) исключительно на русскіе полуимперіалы. Пріобрѣтаемые такимъ образомъ бараны-самцы обходятся на мѣстѣ: четырехлѣтки—3 р. 90 к. и двухлѣтки—по 1 р. 80 к. Распредѣливъ все количество барановъ по 1000 штукъ въ каждый гуртъ, въ концѣ марта гонятъ ихъ въ Ургутскія и Каратюбинскія горы. По проходѣ въ Ургутскія горы (Зеравшанскій хребетъ) всѣхъ барановъ отдаютъ въ стрижку особымъ стригачамъ (кыркичи), получающимъ за $1^1/_2$ дня работы 80 к. со 100 штукъ. Въ эту весеннюю (умокъ) стрижку, получаемая шерсть (съ 40 барановъ 60 фунтовъ— 4 р.) связывается, подвѣшивается и служитъ для приготовленія кановъ (мѣшковъ), куржумовъ (переметныхъ сумокъ), попонъ, аркановъ, чекменей (зимнихъ халатовъ). Вторая лѣтняя стрижка (кузь) даетъ шерсти въ половину менѣе и притомъ низшихъ качествъ, для приготовленія кошмы.

Покончивъ первую стрижку, хозяева сами распредѣляютъ въ горахъ всѣхъ своихъ барановъ въ гурты, по 500 штукъ (сурукъ) въ каждомъ, что считается необходимымъ для правильной пастьбы. Къ каждому такому суруку назначается пастухъ съ подпаскомъ. Бараны остаются въ горахъ до 1 іюля, получая для болѣе скораго откармливанія по одному пуду соли въ недѣлю на 500 штукъ. Въ началѣ августа хозяинъ снова отправляется въ горы, выдѣляетъ изъ каждаго сурука худыхъ, не откормившихся слабыхъ барановъ и, оставляя этихъ еще на поправку, всѣхъ остальныхъ гонитъ въ большіе города.

Промышленники входятъ въ сдѣлки съ капиталистами мясниками (кассанъ), которые и расплачиваются, обыкновенно черезъ 15 дней, передавая скупленныхъ барановъ джалофамъ (барышникамъ), распродающимъ по базарамъ.

Закупивъ на наличныя и отчасти шестимѣсячный кредитъ краску (ниль), ситецъ, адрясъ, тикъ, бараноторговцы возвращаются домой, чтобы весной слѣдующаго года снова приняться за то же выгодное дѣло.

Съ баранами, выдѣленными передъ угономъ, распоряжаются такъ: окончательно слабыхъ гонятъ на зиму въ степь, а достаточно поправившихся въ теченіе лѣта назначаютъ для откорма въ зимнихъ загонахъ. Для этого, подкармливая этихъ барановъ, ранней осенью, по пригонѣ изъ горъ, въ садахъ, рощицахъ (чекалокъ), на поляхъ хлѣбныхъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отдѣляютъ по 40 штукъ въ каждый просторный крытый загонъ (агыхъ-хана) съ устроенными глиняными яслями (ахуръ). Остригши предварительно всѣхъ барановъ, назначенныхъ къ откармливанію (бордокъ), получивъ съ 40 штукъ $1^1/_2$ пуда шерсти, ихъ запираютъ въ такой теплый загонъ на четыре зимнихъ мѣсяца, подъ наблюденіемъ одного человѣка, обязанность котораго не малая. Съ утра и до утра баранамъ-бордокамъ приходится подкладывать безъ перерывовъ сѣчку изъ клевера, въ полдень—головки обмолоченнаго льна (тупонъ), къ вечеру $2^1/_2$ ф. на каждаго барана ячменя, а на ночь снова тупанъ и клеверную сѣчку. При этомъ ставятся въ одномъ углу агыль-

ханы корыто съ водою, въ другомъ—корыто съ солью, никогда совершенно не опоражнивающееся, сколько бы бараны не пожрали. Всю ночь въ овчарнѣ горитъ свѣча и караульщикъ остается въ ней неотлучно.

Козы, будучи особенно распространены въ горахъ верхняго Зеравшана (Фарабъ, Магіанъ, Кштутъ, Фалыгаръ, Фанъ, Матча, Ягнобъ) и немного въ долинѣ, даютъ, прекрасный пухъ (тибытъ) для лучшихъ тканей и шерсть (джюны) для аркановъ.

Коневодство. Существуетъ три породы лошадей: карабапръ, туркменская и арабская. Спросъ на лошадей замыкается довольно ограниченными потребностями: извознымъ арбянымъ промысломъ (джагудеры, арбакеши), земледѣліемъ вообще, народными забавами въ скачкахъ съ терзаніемъ козла на кокъ-бури. По характеру каждой изъ трехъ названныхъ потребностей выработался въ послѣднее время и типъ лошади.

Арбакеши стараются пріобрѣтать лошадей тяжелыхъ, крѣпкихъ, хотя и некрасивыхъ; земледѣлецъ держитъ лошадь какую придется, такъ какъ, по условіямъ здѣшняго мелкаго паханья, лошадь бываетъ нужна въ хозяйствѣ для молотьбы, для уборки хлѣба, для отвоза продуктовъ на базаръ и рѣдко для запашки; любителямъ бѣшенаго и безобразнаго ристалища на кокъ-бури (раздираніе козла) требуется лошадь и никакъ не представительная, никакъ не скаковая, а только увертливая, сильная, чтобы пробить себѣ путь чрезъ плотное кольцо состязающихся.

Наилучшими скаковыми качествами, физической крѣпостью, выносливостью, способностью къ большимъ и продолжительнымъ передвиженіямъ отличается въ долинѣ Зеравшана карабапръ. Лучшія скаковыя лошади этой породы проходятъ четырехверстный кругъ ипподрома въ шесть минутъ, сохраняя способность скакать и на тридцать верстъ, какъ испытывались эти лошади на скачкахъ степныхъ у киргизъ. Карабапры способны проходить подъ верхомъ по сто верстъ въ день, съ небольшими отдыхами для разстоянія въ 1000—1500 верстъ; эти лошади дѣлаютъ въ арбяной запряжкѣ съ тяжестью въ тридцать пудовъ по 40 верстъ въ сутки и на большихъ разстояніяхъ. Не обладая способностью бѣга рысью, карабапры имѣютъ правильный галопъ и часто большой шагъ, до 9½ в. въ часъ. Горное ура-тюбинское и кулябское коннозаводство даетъ наибольшее, сравнительно съ другими мѣстностями, число хорошихъ лошадей съ аллюромъ, называемымъ здѣсь хода (джурга), т. е. особенной иноходью, развивающейся у нѣкоторыхъ до способности бѣга этой спокойной для всадника переступью по шестнадцати верстъ въ часъ.

Представители этого аллюра имѣютъ ростъ 2 арш. 1 в., правильный, крѣпкій складъ и оригинальный поставъ заднихъ ногъ подъ значительнымъ угломъ. У этихъ то карабапровъ и встрѣчаются тѣ завитки шерсти на головѣ, на груди, на пахахъ и ягодицахъ, которыя обращаютъ нерѣдко вниманіе знатоковъ лошадей, какъ признаки, отличающіе хорошія качества лошади. Что касается до лошадей обыкно-

венныхъ, имѣющихся у каждаго туземца для хозяйственныхъ собственно потребностей, то онѣ хотя и не особенно красивы, не особенно высоки, не особенно развиты складомъ корпуса, какъ выродившаяся порода карабаировъ, тѣмъ не мѣнѣе, эти лошади также выносливы въ продолжительныхъ передвиженіяхъ, какъ и вообще здѣшняя степная лошадь.

Разумѣется, что типичность земледѣльческихъ лошадей не повсюду однообразна. У туземцевъ зажиточныхъ, хорошо подкармливающихъ дворовыхъ лошадей въ зимній періодъ и во время полевыхъ работъ, лошади бываютъ рослѣе, здоровѣе, чѣмъ у недостаточныхъ земледѣльцевъ. У этихъ послѣднихъ, встрѣчающихся, впрочемъ, въ ограниченномъ числѣ, отъ скуднаго питанія и плохого помѣщенія лошади истощаются въ теченіе зимы до такой степени, что едва передвигаютъ ноги: но съ появленіемъ первой травы, выпущенныя въ поле, онѣ быстро поправляются и дѣлаются способными къ работѣ.

Жеребята носятъ названіе по возрасту: однолѣтній—тай, двухлѣтній—кальта-тай, трехлѣтній съ остриженной гривой и хвостомъ—гунакъ, четырехлѣтній—дунакъ, пятилѣтній—атъ, т. е. лошадь. Жеребятъ не отнимаютъ отъ матокъ до слѣдующаго приплода, не запираютъ ихъ даже во дворъ, предоставляя дѣтямъ съѣдать кальта-тая.

Что же касается до содержанія лошадей у зажиточныхъ городскихъ туземцевъ, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ отвѣчающее, закрытіемъ попонами и постоянной чисткой вѣникомъ, условіямъ жаркаго, сухого климата—какъ вырабатывающее кактаромъ стройныхъ поджатыхъ, чуткихъ, поворотливыхъ, мягкоуздыхъ скакуновъ, которымъ нѣтъ соперниковъ въ европейскихъ лошадяхъ на двадцати-верстномъ ипподромѣ.

Уходъ туземцами за лошадьми такой: послѣ нѣсколькихъ час. ѣзды, отпустивъ нѣсколько сѣдельныя подпруги, подтянувъ достаточно свободно голову закинутымъ на луку сѣдла поводомъ, выхаживаютъ лошадь въ продолженіе полутора часа. Закрывъ затѣмъ теплой кошеменной попоной сверху легкой покрышки, набрасываемой во время выводки, подтягиваютъ голову на уздечкѣ, привязывая такимъ образомъ лошадь на выстойку (кокъ-таръ) въ теченіе 4—6 часовъ, смотря по усталости животнаго, причемъ многіе любители моютъ ноги лошади соленой водой. Задавъ послѣ выстойки рубленный клеверъ, чрезъ часъ или два напоивъ лошадь, даютъ ячмень или джугару (сорго) въ количествѣ на 3 ф. менѣе противъ порціи ячменя.

Вычистивъ вѣниками и тряпкою лошадь съ самаго утра, въ 6 часовъ даютъ клеверъ и въ 7 часовъ, напоивъ лошадь, ставятъ ее на кокъ-таръ до полудня зимой—до 2 часовъ лѣтомъ, давая въ это время клеверъ съ саманомъ и умѣренное количество воды, послѣ чего оставляютъ лошадь на выстойкѣ до восьми часовъ вечера въ лѣтній періодъ. Вычистивъ на ночь коня, давъ ему постоять нѣкоторое время безъ попоны, задаютъ клеверъ, поятъ и кормятъ полной суточной дачей ячменя въ 10 ф. Съ одиннадцати часовъ вечера и на всю ночь уздечка

подтягивается слабо, поводъ отпускается свободно, чтобы лошадь могла ложиться, чѣмъ нерѣдко злоупотребляютъ конюха (сонцы), оставляя лошадь съ подтянутой головой на всю ночь, чтобы избавиться отъ утренней чистки. При такомъ уходѣ за лошадью съ постояннымъ оставленіемъ ее на кокъ-тарѣ, она дѣлается чрезвычайно чувствительна къ поводу *).

Вообще, принято считать, что въ горахъ скотоводство развито въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ равнинѣ; но это мнѣніе далеко не соотвѣтствуетъ истинѣ. Вотъ приблизительныя цифры разнаго рода домашняго скота въ горныхъ областяхъ, добытыя путемъ тщательныхъ распросовъ г. Акимбетевымъ **).

	Лошадей	Ишаковъ	Рогатаго скота	Барановъ	Козловъ
Въ Матчинской вол. . .	300	500	900	2500	1200
„ Искандеровской „ . . .	262	463	1250	7000	3500
„ Кштутской „ . . .	133	364	615	3550	2065
„ Фальгарской „ . . .	150	1000	2000	11000	700

Обиліе пастбищныхъ мѣстъ, выставляемое какъ главный аргументъ въ пользу широкаго развитія скотоводства въ горахъ, еще не есть доказательство, что у горцевъ скота дѣйствительно много. Нужны деньги на покупку скота, а ихъ то у него меньше всего. Наконецъ, зимою, продолжающейся въ горахъ до 6 мѣсяцевъ, скотъ нельзя выгнать на пастьбу, а запасти сѣна на полгода для большаго количества скота не подъ силу бѣдному горцу.

Далеко не во всѣхъ волостяхъ и обиліе пастбищъ; такъ, напр., фальгарцы лѣтомъ пригоняютъ своихъ барановъ и козъ на пастьбу въ окрестности Искандеръ-куля и въ долину Пастърудскую. Несмотря, однако, на недостатокъ кормовъ у себя дома, фальгарцы имѣютъ барановъ болѣе, чѣмъ искандеровцы, имѣющіе обширныя пастбищныя мѣста. Происходитъ это опять-таки отъ того, что фальгарцы, вообще, зажиточнѣе искандеровцевъ, умѣютъ наживать деньги своими оборотами скотомъ и кое какою торговлею, тогда какъ искандеровцы лишены этой торговой дѣятельности. Двѣ остальныя волости—Матчинская и Кштутская—также не могутъ похвастаться обширностью своихъ выгоновъ. Въ Матчинской волости кишлакъ съ кишлакомъ чуть не ежедневно ссорятся изъ за права пользованія выгонами, ведя между собою нескончаемую тяжбу у казіевъ. Выгонами, дѣйствительно, богата только одна Искандеровская волость.

---

*) Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. СПБ. 1889 г., стр. 84 и слѣд.

**) „Турк. Вѣд." 1881 г. № 2 и 3.

Вообще, въ горахъ бросается въ глаза недостатокъ лошадей и этотъ недостатокъ не особенно ощутителенъ, благодаря тому, что лошадей съ большимъ успѣхомъ замѣняютъ пшаки, какъ нельзя болѣе приспособленные къ горной мѣстности. Дѣйствительно, пшакъ и въ долинахъ много значитъ въ хозяйствѣ земледѣльца, а въ горахъ онъ еще болѣе незамѣнимъ. Твердой, увѣренной поступью съ вьюкомъ проходитъ пшакъ узкой тропой по самымъ труднымъ, скалистымъ мѣстамъ. Крѣпкія, какъ сталь, копыта его не нуждаются въ подковахъ. Пришло время пахать—тотъ же пшакъ впрягается въ плугъ и работаетъ безъ устали съ утра до вечера. За всю его работу его же самого заставляютъ отыскивать себѣ кормъ и воду.

Почти у каждаго ягнобца есть по нѣсколько козловъ и барановъ, а также и по пшаку; лошади же въ Ягнобѣ—рѣдкость: на цѣлый кишлакъ въ 10—15 дворовъ двѣ, три лошади не болѣе, а потому и самыя дороги приспособлены болѣе для ѣзды на пшакахъ и для пѣшеходовъ. Землю обрабатываютъ быками.

Между домашними животными въ Дарвазѣ первое мѣсто занимаетъ довольно мелкій рогатый скотъ; затѣмъ идетъ мелкая порода некурдючныхъ (гадикъ) овецъ, козъ, отличающихся превосходнымъ пухомъ. Лошади и ослы имѣются въ самомъ незначительномъ количествѣ только у служилыхъ или очень зажиточныхъ горцевъ, и то не болѣе одинъ у домохозяина.

Въ Шугнанѣ изъ домашнихъ животныхъ разводятъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ,ословъ. Лошади изъ некрупной породы, но довольно выносливы, часто имѣютъ хорошій ходъ и для путешествій по труднымъ горнымъ тропинкамъ весьма пригодны. Коровы мелки, служатъ одновременно и мяснымъ, и молочнымъ скотомъ. Бараны также весьма некрупной породы, безъ курдюковъ.

Въ Рошанѣ скота очень мало. Держатъ барановъ-гадиковъ, коровъ и пшаковъ. Скудный кормъ сильно отзывается на ростѣ скота. Зарѣзанный гадикъ съ снятой шкурой не превосходитъ зайца. Коровы-карлики, меньше нашихъ телокъ. За то пшаки превосходны: безъ проводника, съ громаднымъ вьюкомъ, они легко карабкаются по рошанскимъ тропамъ. Лошадей почти совсѣмъ нѣтъ; только въ нѣкоторыхъ кишлакахъ попадается одна—двѣ лошади *).

Вскорѣ послѣ посѣва хлѣба большая часть народонаселенія Памира оставляетъ свои зимнія жилища и уходитъ со своими стадами изъ долинъ въ мѣста болѣе возвышенныя, гдѣ невозможна уже культура, но гдѣ имѣется зато подножный кормъ. Каждый кишлакъ имѣетъ отдѣльное мѣсто для пастбищъ, называемыхъ по таджикски „ель“ и извѣстныхъ болѣе подъ киргизскимъ именемъ „джайляу“. На своихъ джайляу таджики живутъ семьями цѣлое лѣто въ шалашахъ, устраиваемыхъ изъ вѣтвей деревьевъ и травы, а иногда—просто подъ откры-

*) В. Баньковскій. „Турк. Вѣд.“ 1894 г. № 13.

тымъ небомъ. Для поливки засѣянныхъ полей и для окарауливанія ихъ остается кто-нибудь изъ мужчинъ семейства.

Стада таджиковъ состоятъ, преимущественно, изъ особой породы барановъ-гадиковъ, которыхъ даже у бѣдныхъ имѣется по 10—20—30 головъ, козъ немного въ меньшемъ количествѣ, коровъ, воловъ и лошадей.

Послѣднія разводятся въ незначительномъ количествѣ и даже у зажиточныхъ таджиковъ ихъ имѣется лишь по 3—4, а бѣдные ограничиваются одной лошадью, которая служитъ для передвиженія на дальнія разстоянія и для перевозки тяжестей при перекочевкахъ на джайляу.

Таджики держатъ мало лошадей, потому что всѣ полевыя работы производятъ на волахъ, а излишекъ лошадей на выгодныхъ условіяхъ сбываютъ киргизамъ сосѣдняго Памира, гдѣ лошадей очень мало и, по климатическимъ условіямъ, жеребята не выживаютъ даже. Этимъ объясняется то обстоятельство, что у таджиковъ имѣются почти исключительно только кобылы, которыхъ они держатъ для приплода, жеребцы же всѣ сбываются. По наружному виду лошади таджиковъ очень невзрачныя, низкорослыя, но онѣ отличаются замѣчательною выносливостью и во время путешествій въ горахъ незамѣнимы. Дѣля со своимъ конемъ трудъ, таджики, сами замѣчательные пѣшеходы, совершаютъ на своихъ невзрачныхъ лошадяхъ громадиѣйшіе переходы въ горахъ и передвигаются по убійственнымъ дорогамъ съ такою скоростью, что не знаешь, чему болѣе удивляться—выносливости ли всадника и его коня, или ловкости и смѣлости, съ которыми они преодолѣваютъ встрѣчающіяся на пути препятствія*).

Такъ какъ земля здѣсь требуетъ большого и ежегоднаго удобренія, то для того, чтобы собрать побольше навоза, существуетъ особый способъ содержанія скота въ зимнее время: по сосѣдству съ домомъ строятся маленькія конурки, въ которыхъ скотъ находится все время и выпускается только на водопой. Отъ духоты въ такихъ помѣщеніяхъ непривычный человѣкъ можетъ задохнуться.

19. Охота.

Охота въ горахъ, изобилующихъ разнаго рода звѣрями, могла бы занять весьма видное мѣсто въ ряду средствъ пропитанія и благосостоянія горца. Между тѣмъ, ею занимаются только немногіе изъ нихъ. Причину этого нужно искать въ недостаткѣ пороха, свинца, огнестрѣльнаго оружія и въ несовершенствѣ послѣдняго, а также въ плохомъ сбытѣ пушныхъ звѣрей.

Гальча прежде всего—бѣднякъ: онъ спѣшитъ выручить деньги за свою добычу, спросъ же на пушный товаръ въ Средней Азіи весьма и весьма ограниченъ; чтобы выгодно сбыть его, необходимо выждать время, чего гальча ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не можетъ. Такимъ об-

*) Серебренниковъ. Памиръ. Еж. Ферг. об. т. 1 вып. 1902 г. стр. 146.

разомъ, охотникамъ приходится навязывать свою добычу покупателямъ, а въ случаѣ нужды въ деньгахъ, заранѣе запродать и будущую добычу. Самый дорогой мѣхъ въ здѣшнихъ странахъ—выдра и куница—продается охотниками барышниками за безцѣнокъ.

Въ прежнее время пушныхъ звѣрей убивалось больше, такъ какъ горцы были обязаны посылать ихъ въ подарокъ эмиру и бекамъ самаркандскому и ура-тюбинскому.

Охота, сопряженная въ горахъ съ физическими трудностями, съ лишеніями, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, недоступности мѣстъ, для горца - охотника составляетъ тѣмъ не менѣе такое же любимое занятіе, какъ и для каждаго истого охотника степной долины: обиліе дичи и звѣря этому способствуетъ.

Изъ хищныхъ животныхъ здѣсь водятся: тигръ (не часто онъ заходитъ изъ Гиссара), барсъ, дикая кошка, рысь, медвѣдь и особенно много волковъ и шакаловъ; изъ пушныхъ—выдра (по Зеравшану и искандеръ-кулю), куница, лисица, корсакъ хорекъ; нѣкоторые показываютъ, что около Искандеръ-куля встрѣчается выхухоль. Кромѣ того, водятся архары, теке, которыхъ путъ весьма цѣнится, дауозенъ (олень), агу (по таджикски, кіикъ —по узбекски), заяцъ, дикообразъ: упомянемъ еще кулановъ.

Въ Кштутскихъ горахъ есть большая впадина Куль-куланъ (озеро кулановъ), иначе Аухана-куль (сухое озеро). Вода въ немъ бываетъ только послѣ сильныхъ дождей и таянія снѣговъ; дно и берега его покрыты хорошей сочной травой, а склоны впадины поросли лѣсомъ. Въ теченіе круглаго года на этомъ сухомъ озерѣ пасутся тысячи кулановъ. Въ былыя времена Куль-куланъ было любимымъ мѣстомъ охоты ближайшихъ бековъ. Изъ птицъ въ горахъ встрѣчаются: горныя куропатки во всѣхъ горахъ, гуси и утки, орлы бѣлоголовые, грифы, соколы и разныя мелкія птицы.

У горцевъ охота на звѣрей составляется или облавой (халкъ-шикоръ), или въ одиночку скрытою (дузы-шикоръ). Первый видъ охоты въ районѣ горъ, ближайшихъ къ селенію, практикуется тогда, когда достаточно убѣдятся въ появленіи стада дикихъ барановъ или козловъ. Въ этомъ случаѣ, разсчитывая возможно больше принести домой добычи, собираются на облаву всѣ старые и малые одного селенія или нѣсколькихъ кишлаковъ, распредѣляются на партіи и, подъ руководствомъ старыхъ, опытныхъ охотниковъ, оцѣпляютъ съ своими собаками нѣсколько возвышенностей, стараясь направить дичь по указанному пункту на засаду стрѣлковъ (мергень), роль которыхъ выжидать на своей позиціи и бить изъ фитильныхъ ружей въ разстояніи 40—80 шаговъ. Такая охота, если оканчивается, какъ бываетъ часто, добычей въ день 5—6 штукъ дичи, вызываетъ всегда пиръ не только участниковъ охоты, но всѣхъ сельчанъ, а разговоровъ послѣ облавы остается на нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ способъ охоты не такъ утомителенъ, потому что облава оканчивается обыкновенно въ одинъ день, начинаясь съ разсвѣтомъ. Гораздо рискованнѣе, не говоря о трудности, охота въ

одиночку, воровская охота (дузы-шикоръ), какъ выражаются горцы. Для такой охоты одиночки стрѣлокъ (мергенчи), прикрѣпивъ на спинѣ небольшой кожаный мѣшокъ съ хлѣбомъ, съ нѣсколькими комками тутовой муки, съ запасомъ сѣрныхъ спичекъ для разведенія, гдѣ придется, огня, пристроивъ сбоку своеобразныя лыжи-кружки изъ лозы по размѣрамъ ступни, взявъ палку и ружье, углубляется, несмотря на время года, на погоду, въ самыя недоступныя ближайшія или отдаленныя на сотню верстъ горы и, выслѣживая медвѣдя, барса или барановъ, бьетъ ихъ навѣрняка, близко подкравшись. Ружья (мултуки) употребляются на подпоркахъ съ фитильнымъ запаломъ. Плохія качества ружей—мултуковъ, стрѣляющихъ на незначительное разстояніе, и самодѣльнаго пороха, заставляютъ охотниковъ прибѣгать къ различнаго рода уловкамъ: прятаться въ особо устроенныхъ шалашахъ и выжидать прихода животныхъ на водопой и т. д. Но за то стрѣляютъ они обыкновенно безъ промаха.

При скоромъ успѣхѣ охотникъ волокетъ свою добычу домой, и если въ два три дня удается свалить нѣсколько штукъ козловъ или барановъ, охотникъ зарываетъ ихъ, приводитъ изъ дому людей и затѣмъ уже оканчиваетъ охоту.

При неудачѣ же, охотникъ-горецъ пропадаетъ въ горахъ, бродитъ въ глубокихъ снѣгахъ, ночуя въ норѣ или подъ кампемъ, недѣлю и больше, пока не истощится провизія.

Серьезной опасности охотникъ-горецъ подвергается, если наткнется неудачно на медвѣдя, не приготовивши свой фитильный мултукъ, если промахнется выстрѣломъ въ барса, который настолько отважный (гайрятъ) звѣрь, что бросается въ такомъ случаѣ на грудь охотнику и, опеломивъ ударами своего длиннаго хвоста по головѣ жертвы, кончаетъ съ нею, какъ это нерѣдко и бываетъ.

Весьма распространенная въ Каратегинѣ охота на лисицъ производится обыкновенно въ осеннее и зимнее время, съ собаками, облавой и оканчивается всегда успѣшно, а куницъ залавливаютъ на приманку въ особые капканы, устроенные изъ камней или сѣтей.

Охота на горныхъ куропатокъ съ палками, на утокъ съ ястребами по берегамъ рѣкъ, также довольно развитая, составляетъ любимое занятіе горцевъ, въ особенности въ Каратегинѣ и въ Хулясѣ по р. Хингобу. Часто, впрочемъ, куропатокъ (киклимовъ), ловятъ довольно простымъ и незатѣйливымъ способомъ: зимою когда горы покрыты снѣгомъ, киклики, не находя себѣ корма, слетаются въ кишлаки и иногда залетаютъ даже въ сакли. Этимъ пользуются туземцы: они стараются не отпугивать кикликовъ отъ своего дома, допускаютъ ихъ свободно залетать въ курятникъ и клевать кормъ, вмѣстѣ съ курами. Птицы скоро привыкаютъ къ курятнику, гдѣ онѣ находятъ себѣ кормъ. Когда ихъ собирается довольно много, хозяинъ запираетъ дверь курятника, а вечеромъ, со свѣчою, переловливаетъ ихъ, а потомъ везетъ на базаръ, для продажи.

Другихъ враговъ пашенъ, дикихъ гусей, туземцы ловятъ силками, довольно нехитраго устройства. Такой силокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ волосяныхъ (конскаго волоса) петель, прикрѣпленныхъ къ вбитымъ въ землю колышкамъ. Разставивъ силки, охотникъ вырываетъ яму и ложится въ нее. Силки ставятся обыкновенно на сырыхъ, затопленныхъ водою, пашняхъ, куда, преимущественно, и слетаются гуси. Какъ извѣстно, гуси собираются на пашнѣ вечеромъ и поднимаются рано, на зарѣ. Обыкновенно они летятъ большимъ стадомъ, которое, спускаясь на землю, разбивается на нѣсколько мелкихъ стадъ. Каждое стадо летитъ уже на свое избранное мѣсто.

Гуси запутываются въ силкахъ ногами и очень рѣдко — головою. Когда, попавшійся въ силокъ, гусь замахаетъ крыльями, вся семья поднимается не высоко и отлетаетъ на короткое время. Тогда охотникъ поскорѣе беретъ гуся, несетъ домой и тамъ, обрѣзавъ крылья, выкармливаетъ для продажи. На базаръ промышленники обыкновенно привозятъ битыхъ гусей. Подобные же силки употребляются и для ловли дикихъ утокъ. Силки эти иногда навязываются на бичевку, протянутую надъ разливомъ, арыкомъ и небольшимъ болотомъ, куда слетаются по вечерамъ утки. Бичевка съ петлями протягивается надъ водою настолько низко, что утки, проплывя надъ бичевкою, должны немедленно попасть въ петлю головою. Такой силокъ называется каманча-тузакъ.

Распространена также охота съ собаками-щейками на сурковъ (сугуръ), живущихъ большими семействами въ норахъ, на границѣ вѣчнаго снѣга; эта охота доставляетъ массу шкурокъ, скупаемыхъ для ковровъ или шубъ.

Вообще же, охота для горцевъ составляетъ столько же потребность духовную, какъ развлеченіе въ однообразной жизни, сколько подспорье въ очень уже ограниченныхъ средствахъ къ существованію, вслѣдствіе замкнутости и недостатка рынковъ для сбыта своихъ произведеній земледѣлія по такимъ цѣнамъ, которыя позволяли бы пополнять хотя скромный домашній инвентарь съ одеждой и постелью.

Существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя артели охотниковъ; таковыя существуютъ въ Матчѣ, Фальгарѣ и Искандръ-кулѣ, отчасти въ Пенджекентской волости, спеціально занимающіяся ловлею лисицъ, козъ, горныхъ рысей и куницъ. Охота на звѣрей производится зимой, послѣ выпаденія снѣга; на козъ—лѣтомъ. Изъ птицъ, исключительно для охоты, служатъ куропатки и улары, удачная охота на которыхъ бываетъ зимою. Охотятся также съ соколами.

Куропатки, кромѣ продажи, идутъ въ пищу; изъ кожи сайги шьютъ лучшаго сорта чарыки, и кабановъ уничтожаютъ какъ хищныхъ, вредныхъ звѣрей, поѣдающихъ лѣтомъ хлѣбные посѣвы. Случается, что молодыхъ кабановъ приносятъ на продажу русскимъ

Лѣса Ягнобскихъ горъ изобилуютъ также звѣрями, но пушнаго товара вывозится на базары чрезвычайно мало, такъ какъ ягнобцы не любятъ охоты и, вообще, трусливы. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ почти нѣтъ.

20. Ремесла и кустарные промыслы.

Въ равнинѣ Средней Азіи большая часть ремеселъ сосредоточена въ рукахъ таджиковъ и сартовъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, чѣмъ другія народности Средней Азіи. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и, что весма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствоваться въ своихъ работахъ, перенять лучшіе пріемы, инструменты подражать хорошимъ образцамъ.

Нѣкоторыя работы производятся на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія —въ домахъ.

Въ большинствѣ случаевъ таджикъ въ одно и тоже время и работникъ, и предприниматель, и продавецъ. Но болѣе счастливый и богатый соперникъ не стѣсняется забрать въ свои руки мелкихъ ремесленниковъ тѣми же пріемами, какіе практикуются повсюду.

Ремесла, которыми занимаются таджики, суть слѣдующія; 1) ткацкое и вязальное, 2) кузнечное. мѣдничное и пр., 3) кожевенное, 4) плотничное, столярное и токарное, 5) сапожное, шорное, сѣдельное и проч. 6) краспльное, 7) гончарное, и 8) швейное.

Такъ какъ ремесла таджиковъ равнинъ почти тѣ же, что и у сартовъ, о чемъ уже раньше было подробно говорепо, то въ настоящее время остановимся только на тѣхъ ремеслахъ, которыя или значительно распространены, или же имѣютъ мѣстное значеніе, преимущественно для горныхъ таджиковъ.

а) *Производство тканей изъ хлопка и шелка.* Таджики ткутъ канаусъ (шаи), адрясъ, алачу, каламу, мату, хосу, чалмы, опояски. Для своихъ ткацкихъ станковъ они употребляютъ шелкъ и хлопчатую бумагу; шерсть же и пухъ для выдѣлки матерій употребляютъ исключит. горные таджики. Алача, полосатая бумажи. матерія, состоитъ изъ полосокъ разныхъ цвѣтовъ ширины; она бываетъ двухъ сортовъ: алача простая, бумажная и алача ифеклыкъ или алача—абрешимъ, т. е. шелковая алача. Лучшій сортъ простой алачи называется зибакъ. Въ лавкахъ алача—ифеклыкъ продается привозная изъ Бухары. Кромѣ того, алача дѣлается изъ туземной бумажной пряжи и изъ привозной (русской или англійской) и въ послѣднемъ случаѣ называется алача—фаренги. Въ Ходжентѣ, гдѣ центръ таджикскаго населенія, алача фаренги и алача ифеклыкъ не встрѣчаются въ продажѣ.

Почти все производство алачи сосредоточивается въ г. Ургутѣ; въ Самаркандѣ и Катта-Курганѣ ее ткутъ мало. Катта-Курганская алача славится своей добротностью.

Ургутъ ведетъ торговлю алачей съ округомъ, шахризябскимъ бекствомъ, Гиссаромъ и другими мѣстами верховьевъ Аму.

б) Калама, бумажная матерія, состоящая изъ одноцвѣтныхъ полосокъ, по бѣлому фону. Цвѣтъ полосъ бываетъ синій, красный и зеленый. Калама (по персидски—сусп, по узбекски—ала-мата) въ болѣе

значительномъ количествѣ производится въ слѣдующихъ мѣстахъ, поставленныхъ по порядку величины производства: въ Самаркандѣ, Чилекѣ, Пейшамбе, Катта-Курганѣ, Дагбитѣ и меньше всего въ Ургутѣ. Въ Бухарѣ производство и вывозъ каламы также значительны.

в) Фата, бумажная матерія, употребляемая для чалмы и опоясокъ, по узбекски называется бель-бау, состоитъ изъ весьма мелкихъ синихъ клѣточекъ; она приготовляется въ большомъ количествѣ въ Самаркандѣ. Фата ткется какъ изъ туземной пряжи, такъ и привозной. Для чалмы двѣ фаты сшиваются вмѣстѣ, по длинѣ. Для опоясокъ употребляется одна фата. Таджикскія женщины фаты не употребляютъ вовсе, мужчины же носятъ одну фату 2—3 года.

г) Хоса, въ родѣ маты, бѣлая бумажная матерія, употребляемая для обвиванія тѣла покойниковъ, на чалмы и подкладки у хорошихъ халатовъ. Его выдѣлываютъ въ Самаркандѣ, Дагбитѣ и Яны-Курганѣ; лучшая производится въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ; сбывается въ Бухару и Хиву. Туркменскія женщины дѣлаютъ изъ нея чалмы для себя.

д) Пянджа, широкая ткань, бѣлая; лучше хосы и даки.

е) Дака, плотная бумажная ткань изъ привозной пряжи; выдѣлывается въ Дагбитѣ и Яны-Курганѣ и мало въ Самаркандѣ. Вывозится въ Бухару и Хиву.

ж) Табитъ-сальи (табитъ—пухъ, сальи—чалма). Изъ шерсти и пуха выдѣлываютъ въ Самаркандѣ полушерстяную матерію табитъ-сальи или табитъ фата, на опояски и чалмы. Въ этой ткани основа бумажная, а утокъ—пуховый.

Изъ полушелковыхъ матерій выдѣлываются:

и) Пари-паша носится женщинами и употребляется на фарепджи, т. е. членскіе халаты, обыкновенно бѣлые съ синимъ. Пари-паша бываетъ, впрочемъ, и шелковая (высшій сортъ).

і) Пасма—полушелковая матерія съ широкими полосками и бикачабъ, такая же ткань съ болѣе узкими полосками.

к) Адрясъ и аль чимбаръ различаются шириною ткани; адрясъ бываетъ до 6 вершковъ ширины, а аль-чимбаръ—до 10 вершковъ. Всѣ полушелковыя ткани набиваются „муаре“ особыми мастерами на базарахъ. Инструментъ, которымъ производятся узоры „муаре“, называется кундунгъ; это довольно тяжелый молотокъ съ полукруглою, выдающеюся частью, изъ крѣпкаго дерева зирань. Столъ, на которомъ растягивается набиваемая матерія, также имѣетъ полукруглое, небольшое возвышеніе изъ зирань. Канаусъ (шаи) бываетъ трехъ сортовъ: судурга (гладкій), чала (полосатый) и абардукъ (цвѣтной, узорчатый).

Басма (сукно) изъ верблюжьей шерсти для зимнихъ халатовъ. Басма и табитъ—также ткань, но пополамъ съ пухомъ; гораздо мягче и изящнѣе.

Ткаными бязи, чалмъ, опоясокъ и приготовленіемъ грубаго сермяжнаго сукна заняты также и горцы. Три четверти года въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ приходится проводить безвыходно въ своихъ

кишлакахъ. Почти восемь мѣсяцевъ у ягнобцевъ бываютъ прерваны всѣ пути сообщенія съ сосѣдними обитателями горъ. Всѣ горные перевалы и тропинки заваливаются непроходимыми снѣгами. Единственная возможность къ сношенію съ ближайшими кишлаками представляется по рѣкѣ, покрытой льдомъ и то не надолго—мѣсяца на три.

Все это время горные жители проводятъ въ приготовленіи для себя одежды. Они занимаются мотаніемъ и крученіемъ нитокъ изъ шерсти, получаемый съ собственнаго скота. Изъ крученыхъ нитокъ мужщины ткутъ шерстяную ткань, называемую барака, употребляемую на чекмени и рѣдко на штаны. Изъ хлопчатой бумаги приготовляютъ ткань, называемую карбазъ, родъ бязи, которая идетъ на рубашки, штаны и друг. предметы одѣянія, шитьемъ которыхъ занимаются женщины.

На производство мѣстныхъ матерій рѣшительное вліяніе оказалъ привозъ русскихъ фабрикантовъ. Правда, переходъ къ употребленію русскихъ ситцевъ обошелся не безъ отчаянной борьбы, еще и нынѣ продолжающейся. Почувствовавъ опасную для себя конкурренцію русской фабрики, туземцы стали выдѣлывать болѣе тонкія и прочныя ткани, употребляя на нихъ сначала только основу, а впослѣдствіи—основу и утокъ пряжи русскихъ бумагопрядиленъ; причемъ и въ окраскѣ полосатыхъ, напримѣръ, тканей подражали русскимъ издѣліямъ подобнаго рода.

Относительно совершающейся замѣны мѣстныхъ шелковыхъ тканей —нашими ситцами можно сказать, что производство ихъ падаетъ не потому исключительно, что мѣстный потребитель сталъ зажиточнѣе, а потому, главнымъ образомъ, что мѣстный шелкъ сталъ значительно дороже, почти вдвое, противъ того, что стоилъ ранѣе. Съ другой стороны, замѣна шелковыхъ халатовъ—суконными, какъ уступка модѣ и подражаніе русскому платью, также имѣла сильное вліяніе на сокращеніе производства шелковыхъ тканей.

Вообще, у горцевъ выдѣлка разныхъ матерій имѣетъ цѣлью приготовленіе предметовъ для домашняго обихода, а потому выдѣлываютъ разнаго рода бумажную матерію, пуховыя и шерстяныя чалмы, чулки, ковры, армячину на халаты, мѣшки, кошмы и проч. Изъ этихъ мѣстныхъ издѣлій, по своей прочности и непромокаемости, отличаются матчинскіе армячные халаты, а по отдѣлки—пуховыя чалмы и фальгарскіе чулки, которые составляютъ даже предметъ вывоза въ сосѣдніе города.

Между отраслями кустарнаго производства болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе гончарное производство у горцевъ. Это производство значительно развито и въ равнинѣ, такъ какъ почти вся посуда, даже котлы, среди бѣднаго туземнаго населенія изъ глины.

б) *Гончарное производство.* Относительно гончарнаго производства существуетъ среди кустарей такая легенда. Послѣ сотворенія земли, Богъ послалъ на нее ангела Хизрета Джабраила (Архангелъ Гавріилъ) съ другими четырьмя ангелами. Ангелы эти сотворили изъ земли Адама, а жизнь ему далъ самъ Богъ. При этомъ у Хазрета Джабраила оста

лись отъ сотворенія Адама земля, изъ которой онъ сдѣлалъ кувшинъ и научилъ этому ремеслу Адама. Отсюда считается начало возникновенія промысла.

Гончарный промыселъ по роду издѣлія можно подраздѣлить на два производства, именно: одни кустари производятъ неглазированныя издѣлія, другія же—глазированныя.

Сырымъ матеріаломъ при выдѣлкѣ неглазированныхъ издѣлій служитъ обыкновенная гончарная глина. Мастерская представляетъ собою обыкновенную саклю, съ тѣмъ различіемъ, что стѣны мастерской дѣлаются выше, чѣмъ въ жилыхъ сакляхъ. Глину сначала высушиваютъ на солнцѣ, зимою же около обжигательной печи, что дѣлается, по мнѣнію туземцевъ, на томъ основаніи, что глина, высушеная предварительно, а потомъ размоченная, лучше удерживаетъ въ себѣ обыкновенную почвенную землю, прибавленіе которой необходимо, иначе посуда при обжигѣ не выходитъ, будто бы, гладкой. Глину, привезенную на одномъ ишакѣ, приблизительно вѣсомъ до 4 пудовъ, послѣ сушки, размачиваютъ до жидкой консистенціи, въ цилиндрической ямѣ, вырытой въ полу мастерской, размѣрами 1 арш. въ діаметрѣ и ½ арш. глубины. Въ эту массу прибавляютъ, при постепенномъ размѣшиваніи, конской шерсти приблизительно 1 фунтъ на вышеуказанное количество глины, причемъ разминаніе съ шерстью производится руками для полученія большой однородности массы. Послѣ тщательнаго смѣшенія глины съ шерстью, прибавляютъ обыкновенной почвенной земли, еще размельчаютъ и доводятъ массу до желаемой густоты. При достаточномъ уплотненіи, смѣсь выбрасываютъ кетменями на убитый до плотна полъ мастерской, предварительно выметенный и посыпанный сухой землей, чтобы масса, вынутая изъ ямы, не пристава̀ла къ полу мастерской. Здѣсь приготовленную массу мнутъ ногами, приблизительно часа три, до сильной плотности, а потомъ скатываютъ въ комья и въ такомъ видѣ оставляютъ лежать до слѣдующаго утра. Утромъ, на землю, гдѣ уминалась ногами глина, посыпаютъ жженой известью приблизительно фунта два (въ Ходжентѣ этого не дѣлаютъ, такъ какъ глина употребляемая тамъ, содержитъ въ себѣ достаточное количество извести), что придаетъ глинѣ важное для гончаровъ свойство, заключающееся въ легкости обработки. Послѣ прибавки извести, глину снова мѣшаютъ ногами и когда она получитъ желаемую густоту, однородность и требуемую пластичность, тогда мастеръ беретъ опредѣленную порцію, смотря по величинѣ изготовляемой посуды, кладетъ ее на доску, раскатываетъ комъ въ жгутъ, складываетъ его въ два, три раза, еще мнетъ, руками и такимъ образомъ повторяетъ эту операцію нѣсколько разъ; потомъ кладетъ на смоченный водою станокъ, который имѣетъ слѣдующее устройство. На деревянномъ вертикальномъ стержнѣ толщиною вершка полтора, опирающемся въ коническое углубленіе на камнѣ, положенномъ на земляной полъ мастерской, насаживается на верхнемъ концѣ деревянный полушаръ, на плоской горизонтальной поверхности котораго и кладется масса для вылѣпки посуды. Стержень въ нижнемъ концѣ

стачивается на концѣ и вершина этого конца находится какъ разъ въ вершинѣ обратнаго конуса, выточеннаго въ камнѣ, такъ какъ эта послѣдняя и служитъ точкой опоры для стержня. Этимъ устройствомъ достигается возможное уменьшеніе тренія при вращеніи стержня. Четвертый на полторы отъ нижняго конца стержня на него плотно насаживается деревянный дискъ діаметромъ приблизительно въ одинъ аршинъ, при толщинѣ отъ одного до полутора вершковъ. Передъ описаннымъ станкомъ садится мастеръ на скамьѣ, поставленной на достаточной высотѣ (вся вышина станка около двухъ аршинъ). Мастеръ, опираясь ногами на деревянный дискъ, вращаетъ станокъ, а руками, при вращеніи, придаетъ массѣ желаемую форму: кувшина, чашки и проч. При надавливаніи большими пальцами обѣихъ рукъ на средину формовальной массы, въ ней образуется отверстіе, которое измѣняетъ свою форму сообразно раздвиганью пальцевъ. Руки во время работы держатся мокрыми. Станокъ вращается обыкновенно со скоростью оборотовъ тридцати въ минуту.

Хорошій мастеръ можетъ дѣлать въ день до пятидесяти мелкихъ издѣлій, а плохой не болѣе двадцати. Когда на станкѣ получится желаемое издѣліе, мастеръ указательнымъ пальцемъ правой руки какъ-бы срѣзываетъ, при вращеніи станка, приготовленный предметъ, лѣвою же рукою держитъ его и, по снятіи со станка, желѣзнымъ шаблономъ обдѣлываетъ неровности; потомъ деревянной палочкой наноситъ незатѣйливые удары. Далѣе, посуда поступаетъ въ сушку лѣтомъ на солнце, въ среднемъ дня на три-четыре, весной и осенью въ мастерской на полкахъ, пользуясь теплотой, исходящей отъ обжигательной печи. Эти мастерскія, не выдѣлывающія глазурованной посуды, занимаются выдѣлкой не только мелкихъ издѣлій, но и крупныхъ, напр., корчагъ, печей для лепешекъ и проч. Эти большіе предметы выдѣлываются слѣдующимъ образомъ. Половину предмета дѣлаютъ описаннымъ выше способомъ на станкѣ; потомъ, немного просушивши, осторожно накладываютъ одну половину на другую, причемъ внутри по шву держатъ одной рукой глиняный инструментъ въ формѣ маленькой выпуклой наковальни, а другой рукой убиваютъ шовъ съ наружной стороны круглой лопаточкой; далѣе производится сушка на солнцѣ приблизительно четыре, пять дней. Такихъ большихъ издѣлій, какъ печи, хорошій мастеръ въ состояніи изготовить не болѣе двухъ въ день.

Печи не требуютъ обжога по самому назначенію ихъ, другіе же предметы—корчаги, кувшины, горшки и проч. обжигаются въ глинобитныхъ печахъ куполообразной формы. Дно такой печи круглое, въ діаметрѣ до одной сажени, вышина ея тоже до одной сажени; въ центрѣ днища оставляется круглое отверстіе діаметромъ до трехъ четвертей аршина, вокругъ котораго концентрируется много другихъ мелкихъ отверстій. Топка располагается подъ упомянутымъ днемъ и горячіе газы изъ нее выходятъ чрезъ указанное отверстіе. Топливомъ служитъ навозъ, пометъ, въ небольшомъ количествѣ солома и хворостъ. Печь нагружается издѣліями, черезъ лазъ въ стѣнкѣ печи, такимъ образомъ,

чтобы надъ большимъ отверстіемъ дна оставался цилиндрическій вертикальный каналъ, который служитъ дымовымъ ходомъ. Продукты горѣнія, попадая въ этотъ дымоходъ непосредственно изъ топки, а также выходящіе отсюда черезъ малыя отверстія, распространяются по нагруженной печи и затѣмъ черезъ трубу въ куполѣ печи выходятъ наружу. Самый процессъ обжога производится слѣдующимъ образомъ. Послѣ нагрузки посуды, печь растапливаютъ въ теченіе шести-семи часовъ, послѣ чего, уменьшая постепенно подачу топлива, замазываютъ лазъ, служащій для нагрузки, и топочное отверстіе и въ такомъ состояніи оставляютъ печь на два дня. По достаточномъ охлажденіи печи, изъ нея выгружаютъ сбожженную посуду. Въ такую печь уходитъ, въ среднемъ, до ста штукъ мелкой посуды. Посуда, находящаяся внизу печи, выходитъ лучше обожженной, а верхніе ряды обжигаются хуже.

Расходовъ на добываніе главнаго сырого матеріала—глины у кустарей почти нѣтъ, такъ какъ ее они добываютъ сами и перевозятъ въ мастерскую вьюкомъ на лошади или ишакѣ, которые служатъ и другую службу въ хозяйствѣ. Добыча глины облегчается тѣмъ, что ее копаютъ близко, у мастерской. Навозъ и пометъ, употребляемые въ топливо, кустарю обходятся также безъ денежной затраты: онъ собираетъ ихъ на базарныхъ площадяхъ, на улицахъ и проч., хворосту же и соломы при каждомъ обжогѣ идетъ приблизительно на шесть тенегъ; такъ что вся стоимость выдѣлки издѣлій въ размѣрѣ полной нагрузки печи выразится въ сказанной цифрѣ, другіе же расходы по производству очень ничтожны. Работа обыкновенно производится шесть, восемь мѣсяцевъ въ году, за исключеніемъ зимняго и части осенняго и весенняго времени. Нѣкоторые кустари работаютъ, впрочемъ, и зимой, но тогда посуда, обслуживаемая на полкахъ мастерской, выходитъ хуже и цѣнится много ниже посуды, выдѣланной при солнечной сушкѣ; поэтому мастерскія, работающія зимой, представляютъ рѣдкое исключеніе. Если обжигаютъ одновременно съ мелкой посудой и крупную, напр., корчаги для воды, то такихъ корчагъ ставятъ въ печь не больше трехъ, причемъ мелкой посуды помѣщается не болѣе сорока штукъ.

Считая, такимъ образомъ, восемь мѣсяцевъ работы въ году и принимая во вниманіе, что на изготовленіе издѣлій, въ количествѣ полной нагрузки печи, употребляется до десяти дней, стоимость кустарю издѣлій, вырабатываемыхъ въ теченіе года, выразится въ суммѣ до 150 тенегъ. Гончарныя издѣлія рѣдко продаются самими производителями; въ большинствѣ случаевъ всю изготовленную посуду они сбываютъ скупщикамъ, которые за полную груженную печь даютъ не болѣе 40 тенегъ; такъ что кустарь получаетъ за восемь мѣсяцевъ работы, въ которые успѣваетъ сдѣлать не болѣе двадцати пяти обжиговъ, до 1000 тенегъ, что составляетъ 150 рублей, считая теньгу ровной 15 копѣйкамъ, а за вычетомъ изъ нихъ до 25 руб. расхода на производство, чистая годовая прибыль его въ среднемъ выразится въ суммѣ не свыше 125 рублей, или около 35 к. поденно, при работѣ съ одной печью. Между

тѣмъ, рыночная цѣна издѣлій его почти вдвое выше противъ той, за какую онъ продаетъ ихъ скупщику; слѣдовательно, послѣдній за свое нетрудное посредничество беретъ у кустаря почти половину его дохода. Несмотря на столь очевидную невыгоду, кустарь, не обладая запасными средствами, не въ состояніи, однако, избѣжать услуги скупщика, потому что послѣдній обыкновенно даетъ деньги впередъ кустарю, постоянно нуждающемуся въ нихъ, и при этомъ самъ назначаетъ заранѣе цѣну, по какой онъ будетъ принимать издѣлія.

Глазурованныя издѣлія изготовляются отдѣльными кустарями. Для производства употребляется обыкновенная гончарная глина и еще огнеупорная, пластичная глина-гульбута, привозимая, главнымъ образомъ, изъ ташкентскаго уѣзда; есть и мѣстные сорта ея, но по качеству уступаютъ привозной.

Глина сначала высушивается, потомъ въ такой же цилиндрической ямѣ, какъ и при предыдущемъ промыслѣ, размѣшивается съ водой до жидкой консистенціи; далѣе, при перемѣшиваніи прибавляютъ пухъ съ камышевыхъ головокъ, который играетъ роль связующаго элемента также, какъ и шерсть, употребляемая при выработкѣ неглазурованныхъ издѣлій; шерсть здѣсь не употребляется, потому что на этомъ родѣ издѣлій до высушиванія ихъ наносятся, посредствомъ выдавливанія палочкой, довольно мелкіе узоры и шерсть, зацѣпляясь за палочку, портила бы форму узора; камышевый же пухъ гораздо нѣжнѣе и не мѣшаетъ выведенію рисунка. Послѣ смѣшенія съ пухомъ, прибавляютъ обыкновенно земли до желаемой густоты, приготовленную массу вынимаютъ на гладкій и чисто выметенный земляной полъ мастерской и топчутъ ногами часъ или полтора, а затѣмъ перемѣшанную и уплотненную массу скатываютъ въ комья, которые оставляютъ лежать сутки; по истеченію сутокъ, ее снова мнутъ около часа ногами, подсыпая на полъ немного жженой извести; далѣе, всю массу эту раскатываютъ на доскѣ руками въ жгуты, складываютъ ихъ раза въ три, опять раскатываютъ и производятъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока масса не будетъ годна для приготовленія издѣлій. Тогда мастеръ беретъ опредѣленную порцію и на описанномъ вращающемся станкѣ придаетъ глинѣ желаемую форму. Обыкновенно изготовляется мелкая посуда—чашки, горшки, блюда, кувшины и проч.; крупная посуда выдѣлывается по особымъ заказамъ. По снятіи со станка изготовленнаго предмета, мастеръ обдѣлываетъ разныя неровности на днѣ и наноситъ острой деревянной палочкой удары, послѣ чего посуда поступаетъ въ солнечную сушку не болѣе двухъ дней.

Мастерскія обыкновенно раздѣляются на три этажа, изъ которыхъ верхній находится на поверхности земли, полъ второго этажа аршина на три ниже въ землѣ и нижній углубляется еще аршина на два. Глинобитная печь для обжига посуды проходитъ чрезъ два нижнихъ этажа, причемъ въ послѣднемъ располагается топка; во второмъ этажѣ находится вращающійся станокъ для выдѣлки посуды, а также небольшой жерновой поставъ для размалыванія неочищенной соды (ишкаръ),

употребляемой для глазури. Въ верхнемъ этажѣ находятся полки для сушки посуды при выработкѣ ее зимой, хотя работа зимой производится въ рѣдкихъ случаяхъ, и проходитъ дымовой боровъ отъ печи. Печь имѣетъ цилиндрическую форму около двухъ аршинъ въ діаметрѣ и высотой до трехъ аршинъ. Топка находится въ нижней части печи, и въ потолкѣ ея (или иначе въ днѣ печи) сдѣлано одно круглое отверстіе до трехъ четвертей аршина въ діаметрѣ, кругомъ котораго располагаются концентрически нѣсколько мелкихъ. Встрѣчаются, однако, печи и иной конструкціи: дѣлаютъ печи четырехугольной формы, причемъ мелкія отверстія въ нихъ расположены по угламъ печи, а не концентрически съ большимъ центральнымъ отверстіемъ. На высушеной посудѣ наносятся красками рисунки. Употребляются, главнымъ образомъ, слѣдующія краски: синяя, черная, красная, желтая, зеленая и др. Синяя краска, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ окись кобальта и при прибавленіи песка даетъ болѣе свѣтлые тона; для черной краски употребляютъ желѣзный купоросъ, для красныхъ цвѣтовъ употребляется глина, содержащая въ себѣ окислы желѣза; для желтаго цвѣта берется желѣзная руда, привозимая изъ горъ и называемая чуянъ-укъ; для зеленаго цвѣта употребляется ярь мѣдянка, для фіолетоваго цвѣта перекись марганца и т. д. Краски размачиваются съ водой, нѣкоторыя въ ней растворяются, и въ смѣсь или въ растворъ прибавляютъ абрикосоваго клея. Рисунки наносятся иногда очень сложные, но большею частью однообразные. Послѣ нанесенія красокъ кистями и высыханія, посуда обливается глазурью. Есть два рода глазури: свинцовая и кремнекислая щелочь. Первую приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: свинецъ растапливаютъ и пережигаютъ, получающуюся окись свинца смѣшиваютъ съ пескомъ и глиной, прибавляютъ немного пшеничнаго крахмала, для клейкости, и размѣшиваютъ съ водою. Кремнекислую щелочь (глазурь) приготовляютъ такъ: ишкаръ (соду), получаемую пережиганіемъ травянистаго растенія (кыркбузгучъ) разводятъ въ водѣ, очищаютъ отъ нерастворимыхъ примѣсей, смѣшиваютъ съ пескомъ, глиной и пшеничнымъ крахмаломъ до такой густоты, чтобы масса могла свободно стекать. Послѣ обливанія глазурью и по высыханіи на солнцѣ, посуда обжигается въ печахъ. При обжиганіи на окрашенныхъ мѣстахъ образуется цвѣтное остеклованіе, а на мѣстахъ неокрашенныхъ—бѣлое. Посуда нагружается въ печь слѣдующимъ образомъ: на дно печи ставятся уже обожженныя глиняныя подставки, на которыя вверхъ дномъ накладывается посуда. На дно посуды кладутся глиняные обожженные треножники, на послѣдніе опять глиняныя подставки, на нихъ посуда и т. д.; въ срединѣ подъ центральнымъ отверстіемъ между посудой оставляется цилиндрическій вертикальный каналъ. Благодаря описанному размѣщенію посуды въ печи, вокругъ нея свободно могутъ проходить горячіе газы. Въ печь уходитъ до двухсотъ штукъ мелкой посуды —чашекъ, блюдъ и проч. При производствѣ глазурныхъ издѣлій въ топливо употребляютъ дрова, хворостъ и древесную кору, навозъ же и пометъ здѣсь не идутъ потому, во первыхъ, что это топливо даетъ

менѣе тепла, которое при данномъ производствѣ должно быть значительно выше, чѣмъ при обжиганіи неглазурованныхъ издѣлій, а во вторыхъ, потому, что навозъ и пометъ даютъ много сажи.

Печь постепенно растапливается часовъ двѣнадцать, потомъ растопку прекращаютъ, замазываютъ отверстія въ печи (топочное и лазъ для выгрузки) и оставляютъ печь стынуть; затѣмъ, черезъ двое сутокъ, посуда считается достаточно обожженой и ее выгружаютъ.

Выдѣлка глазурованныхъ издѣлій производится, въ общемъ, не болѣе восьми мѣсяцевъ въ году, но иногда кустари работаютъ и зимой. Въ этомъ случаѣ сушка посуды производится въ помѣщеніи мастерской, пользуясь теплотой обжигательной печи.

Въ настоящемъ промыслѣ на приготовленіе двухсотъ штукъ мелкихъ издѣлій нужно положить до десяти дней, и хотя эта посуда, послѣ формованія, сушится вдвое меньше, чѣмъ неглазурованная, но здѣсь тратится время на окраску и высыханіе красокъ.

Добываніе глины здѣсь, какъ и въ предыдущемъ промыслѣ, кустарю почти ничего не стоитъ. Топливо (тонкаго тополя, древесной коры и хвороста) при каждомъ обжигѣ потребляется, приблизительно, на 20 тенегъ или на 1 р. 80 к., а годовой расходъ на краски, свинецъ, соду и проч., при одной печи, не превосходитъ въ среднемъ 80 руб.; такъ что годовой расходъ такой мастерской простирается, въ общемъ, до 125 руб. (1 р. 80 к. × 25 — число обжиговъ въ году = 80 р.).

Издѣлія большей частью сбываются также скупщикамъ, при чемъ, производители получаютъ за все количество издѣлій, въ размѣрѣ полной нагрузки печи, не болѣе 80 тенегъ и, такимъ образомъ, при восьмимѣсячной работѣ, годовой заработокъ кустаря не превышаетъ 2000 тенегъ или 300 руб., а исключая отсюда расходъ въ 125 р., ему остается чистой прибыли 175 рублей. Здѣсь скупщикъ отнимаетъ у кустарей много дохода, такъ какъ, предлагая такую низкую цѣну—80 тенегъ за весь товаръ, находящійся въ печи, не разбирая его по качеству, онъ, затѣмъ, покупку тщательно сортируетъ и, на хорошо удавшейся по глазуркѣ и окраскѣ, онъ выручаетъ до 100 проц. свыше стоимости ея. Покупая товаръ, скупщикъ, чтобы понизить цѣну, указываетъ кустарю на всякій мало-мальскій изъянъ, на всякую царапину и едва примѣтную трещину въ издѣліи, а сбывая товаръ на рынкѣ, умѣетъ ловко обойти покупателя,—вручая ему бракъ за настоящую цѣну. Чтобы изъяны въ посудѣ не особенно бросались въ глаза, продавецъ предварительно осматриваетъ ее и найденныя въ ней трещинки, свищи и т. п. замазываетъ подходящей глиной и закрашиваетъ *).

Въ Ягнобѣ гончарное производство достигло значительнаго совершенства; здѣсь вся посуда, даже и котлы изъ глины; встрѣчаются разной формы кувшины, подсвѣчники, крынки и т. д. съ разными фигурками и другими украшеніями, по прочности не уступающіе лучшимъ

*) И. А. Кирпичниковъ. Справочн. кн. Самарк. обл. 1897 г. вып. V стр. III и слѣд.

гончарнымъ работамъ въ Средней Азіи. Обжиганіе посуды производится самымъ простымъ способомъ, безъ печей, на открытомъ воздухѣ. Большою особенностью въ этомъ производствѣ является то, что изготовленіемъ глиняной посуды занимаются исключительно женщины. Не меньшую особенность составляетъ здѣсь и купля-продажа посуды: покупатель уплачиваетъ продавщицѣ столько хлѣбнаго зерна, сколько умѣщается въ покупаемой посудѣ.

Среди населенія Памировъ приготовленіемъ различныхъ гончарныхъ издѣлій занимаются также преимущественно женщины, дѣлающія глиняную посуду превосходнаго качества и различной формы и величины. Встрѣчаются образцы посуды замѣчательно искусной работы, особенно котловъ, стѣнки которыхъ, несмотря на ничтожную толщину, отличаются большой прочностью и при постукиваніи по нимъ издаютъ металлическій звукъ *).

в) *Издѣлія изъ дерева.* Въ тѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется лѣсъ, выдѣлываютъ изъ дерева корыта, лопаты и башмаки, которые здѣсь замѣняютъ козлиную обувь. Даже беки и тѣ носятъ тѣ же деревянные башмаки, съ тою только разницею, что изъ орѣховаго дерева **).

Долина Зеравшана богата лѣсами: нѣкоторые кряжи и котловины сплошь покрыты ими. Лѣса начинаются отъ Пенджакента въ 5—12 верстахъ по лѣвому берегу Зеравшана и почти на одной высотѣ и по правому; но, вообще, лѣвая половина богаче. Чѣмъ дальше вверхъ по Зеравшану, тѣмъ лѣса становятся разнообразнѣе по породамъ деревьевъ, ихъ составляющихъ, а деревья—толще и выше.

Лѣса горъ принадлежатъ всѣмъ и каждому: кто хочетъ, тотъ ими и пользуется, а пользоваться всякій можетъ такъ, какъ ему угодно. Угольщикъ рубитъ тысячи деревьевъ и нажигаетъ 20—30 пудовъ угля. Обдирающіе кору портятъ сотни деревьевъ, чтобы набрать вьюкъ коры и продать его на Самаркандскомъ базарѣ за 40—50 коп., а на мѣстѣ порубки строеваго лѣса остаются гнить массы вѣтокъ и верхушекъ деревьевъ, такъ какъ тутъ же обдѣлывается въ обыкновенныя сакельныя балки строевой лѣсъ. Однимъ словомъ, гальчи истребляютъ лѣсъ съ такой энергіей, точно ихъ строго обязали уничтожить его въ самое короткое время.

Вывозъ лѣса изъ горъ на пристани производится круглый годъ. Этимъ дѣломъ занимаются преимущественно бѣдные гальчи, имѣющіе одного—двухъ ишаковъ. Доставка изъ горъ лѣса чрезвычайно затруднительна и даже опасна. Обыкновенно на мѣстѣ вырубки лѣса бревна обрубаютъ по длинѣ обыкновенной сакельной балки и придаютъ имъ форму четырехграннаго бруска. Два такихъ бруска вьючатъ на ишака. Такъ какъ вырубка лѣса для построекъ, для угольевъ и на дрова совершается безъ всякой системы, то въ настоящее время уже вырубленъ

---

*) Серебренниковъ. „Еж. Ферг. обл." т. I, вып. 1902 г. стр. 147.

**) В. Год—скій. „Турк. Вѣд." 1892 г. № 19.

весь лѣсъ въ мѣстахъ болѣе доступныхъ. Теперь за строевымъ лѣсомъ нужно взбираться на вершины высокихъ скалъ, или спускаться на дно пропастей и овраговъ. Пока ишакъ вывезетъ изъ горъ пару бревенъ, ему часто приходится обрываться, падать съ крутизны и зачастую разбиваться. Болѣе опасныя мѣста ишаки переходятъ развьюченными, а бревна перетаскиваются на рукахъ, или просто скатываются. Подобныя затрудненія заставляютъ лѣсопромышленниковъ соединяться въ небольшія партіи, для взаимной помощи. Такими же партіями они производятъ порубку лѣса: рубитъ и отдѣлываетъ одна часть партіи, а перевозитъ—другая.

Съ 10 (приблизительно) марта начинается постройка плотовъ, а съ апрѣля—сплавъ ихъ внизъ по рѣкѣ. Вязкою плотовъ и сплавомъ ихъ занимаются однѣ и тѣ же личности. Три работника связываютъ плотъ въ 3—4 дня; за связку и доставку плота въ Бухару платятъ отъ 6 до 10 рублей каждому рабочему. Больше получаютъ уже не разъ сплавлявшіе и потому хорошо знающіе всѣ опасныя мѣста по Зеравшану и его рукавамъ. Въ плотъ входитъ до 200 бревенъ, связанныхъ въ 3 ряда—бревно на бревнѣ. Основныя бревна, держащія плотъ, врубаютъ одно въ другое, а прочія—прикрѣпляются къ нимъ деревянными гвоздями, веревками и крутелями изъ тала. Плотомъ управляютъ при помощи длинныхъ шестовъ. До Чапанъ-аты эти шесты служатъ также для задерживанія хода плота, такъ какъ теченіе рѣки до этого мѣста настолько еще быстро, что бываетъ опасно для плохосдѣланныхъ плотовъ. Далѣе же, Чапанъ - аты, когда плоты входятъ въ Акъ и Кара - Дарью, теченіе настолько слабо, что плотомъ обыкновенно управляетъ одинъ человѣкъ. Нѣкоторые владѣльцы плотовъ держатъ на плотахъ по три рабочихъ только до Чапанъата, а далѣе внизъ имѣютъ по одному.

Многіе изъ жителей Фальгары занимаются плетеніемъ изъ растущаго по берегу Зеравшана молодого тальника аркановъ, которые служатъ для сплачиванія арчевыхъ плотовъ, сами же фальгарцы, за исключеніемъ лѣваго берега, добычей арчи на продажу не занимаются, по неудобству пути, а слѣдовательно, и сбыта ея на мѣстныхъ базарахъ.

г). *Золотопромышленность.* Разработка пріисковъ ведется въ Бухарѣ съ незапамятныхъ временъ и въ нужное время производилась въ болѣе широкихъ размѣрахъ, что видно изъ громадныхъ отваловъ на мѣстѣ старыхъ работъ. Въ настоящее время промыселъ принадлежитъ къ свободнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, и потому точно опредѣлить границы района, гдѣ производится добываніе золота, нельзя; вообще говоря, промывка золота ведется почти по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ восточной (горной) Бухары (отроги и предгорья Гиссарскаго и Дарвазскаго хребта), въ составъ которой входятъ бекство Дарвазское, Бельджуанское и Кулябское. Содержаніе золота ничтожное —должно считаться единицами долей въ 100 пудахъ песка. Пріиски съ большимъ содержаніемъ золота обложены податью въ пользу казны; они расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ сѣверо восточной ча-

сти Бельджуанскаго бекства, по рѣкамъ Мазаръ-су и Яхъ-су, носящей въ верховьяхъ названіе р. Тальборъ, со впадающими въ нее рѣками Шунгау, Сафетъ-дарьей, Пиль-дара др.; 2) въ сѣверной части Кулябскаго бекства по р. Ніоу; 3) въ сѣверо-западной части Дарвазскаго бекства по Килимѣ и Агбѣ, притокомъ рѣки Сары-абъ, близъ кишлака Сагры-даштъ и 4) въ юго западной части того же бекства по Чобсон, притоку рѣки Рогнау, близъ кишлака Ровнау.

Добыча золота частными предпринимателями весьма незначительна и производится главнымъ образомъ по рѣкѣ Зеравшану. Разсказываютъ, что въ прежнее время его вымывали больше, чѣмъ теперь. Золото вымывается изъ песковъ Зеравшана и Искандеръ-су. Наиболѣе богатымъ мѣстомъ считается Вишкентъ. Сколько можно добыть золота при томъ несовершенномъ способѣ промыванія, который здѣсь существуетъ, точно сказать нельзя. Никто при прежнемъ правительствѣ не рѣшался показывать много, а, напротивъ, всегда уменьшали. Болѣе другихъ этимъ промысломъ занимаются урмитанцы и фанцы. Первые бродятъ лѣтомъ по руслу Зеравшана и вездѣ пробуютъ песокъ*).

Золотосодержащая порода—конгломератъ, состоящій изъ обкатанныхъ и округленныхъ скопленій галекъ и валуновъ гранита, діобаза, кварца и зелено-каменныхъ породъ, величиною отъ 1/2 дюйма до 1/2 аршина, связанныхъ глинисто-песчанымъ цементомъ или просто одною глиною; цвѣтъ конгломерата измѣняется отъ сѣраго до красноватаго. Золото, по наблюденіямъ туземцевъ, находится въ цементѣ сѣраго конгломерата, который они преимущественно и подвергаютъ промывкѣ; бросая въ отвалъ, между прочимъ, кварцевую гальку, отчасти тоже золотоносную.

Промывка золота производится изъ песка, оставляемаго по берегамъ рѣкъ послѣ спада водъ. Она производится весною, сейчасъ же послѣ таянія снѣговъ; замѣчено, что песокъ тѣмъ богаче золотомъ, чѣмъ короче былъ періодъ таянія. Въ мѣстахъ, гдѣ берега рѣкъ состоятъ изъ золотоноснаго конгломерата, разработкѣ подвергаются самые когломераты, для чего, въ нихъ проводятъ длинные (отъ 3 до 8 саженей) разрѣзы, глубиною въ 2—3 сажени; конгломераты разрыхляютъ; крупные валуны отбрасываютъ, цементъ и гальку сносятъ на берегъ рѣки и здѣсь промываютъ. Близъ селенія Кола—и Ходжа добываніе конгломератовъ производится не только посредствомъ открытыхъ разработокъ, но и штольнями. Французская экспедиція ознакомилась въ бассейнѣ Ях-су съ работами таджиковъ какъ открытыми, такъ и подземными; послѣднія, снабженныя подземными водоотводными каналами, называемыми „мурья“, дѣйствительно, достойны замѣчанія. Они свидѣтельствуютъ, во первыхъ, о большой неустрашимости рабочихъ, такъ какъ всѣ эти работы производятся въ легко обваливающихся галечникахъ безъ всякаго крѣпленія, а во вторыхъ, о прекрасномъ знакомствѣ съ возрастаніемъ богатства галечниковъ по мѣрѣ углубленія.

---

*) „Турк. Вѣд“. 1876 г. № 41.

Золотоносные пласты, имѣющіе дѣйствительную цѣнность, лежатъ ниже современнаго уровня рѣкъ. Все, что находится выше этого уровня, въ условіяхъ, благопріятныхъ для разработки туземными золотопромышленниками, было уже разработано нѣсколько разъ, и для новаго промышленнаго предпріятія здѣсь не остается ничего, даже для примѣненія усовершенствованныхъ способовъ, тѣмъ болѣе, что разработкамъ таджиковъ предшествовали работы монголовъ, вліяніе которыхъ на способы извлеченія, примѣняемые таджиками, хорошо видно тому, кто знакомъ съ китайскими и корейскими способами извлеченія золота.

Золото сконцентрировалось въ современныхъ долинахъ послѣ того, какъ оно было перенесено на большія разстоянія тѣми медленно движущими рѣками, которыя называются ледниками; доказательствомъ этому служитъ то, что золото восточной Бухары плоско, имѣетъ видъ чечевицы или пластинокъ, вообще, очень малыхъ размѣровъ, такъ что самородки въ 5—6 золотниковъ, которые обыкновенны во многихъ золотоносныхъ странахъ, въ восточной Бухарѣ представляютъ большую рѣдкость.

Плоская форма способствовала увлеченію золота водою и объясняетъ присутствіе золота по всему теченію рѣкъ, берущихъ начало въ конгломератахъ или маренахъ. Это явленіе дало имя Зеравшану; золото промывается въ арыкахъ этой рѣки близъ Самарканда.

Французская экспедиція достигла Мазаръ-суйскаго пояса золотоносныхъ конгломератовъ. Эти конгломераты занимаютъ всю верхнюю часть долины Оби-санги-Хергау, притока рѣки Кизилъ су, сѣверные склоны долины рѣки Мазаръ-су и простираются къ сѣверо-востоку почти до одного изъ притоковъ Хингау *).

Право на разработку пріисковъ на извѣстной рѣкѣ, хотя и не санкціонированное закономъ, принадлежитъ исключительно жителямъ расположенныхъ по ней или на ея притокахъ селеній.

Для работъ жители соединяются въ артели отъ 3 до 9 человѣкъ въ каждой; пріемъ въ артель дѣлается съ согласія всѣхъ ея членовъ; доля въ добытомъ золотѣ одинакова для всѣхъ, независимо отъ рода работъ. Существуетъ обычай, въ силу котораго никто не имѣетъ права нанимать для себя рабочаго, а долженъ участвовать въ трудахъ артели личнымъ трудомъ, но этотъ обычай на каждомъ шагу нарушается мѣстными богачами и чиновниками, которые не только нанимаютъ рабочихъ, но и захватываютъ насильно лучшія мѣсторожденія золота, ссужаютъ артели деньгами подъ будущую добычу золота и являются такимъ образомъ, полными хозяевами промысла.

Причина широкаго развитія золотопромышленности, несмотря на ея малодоходность при существующихъ пріемахъ разработки, заключается въ томъ, что по мѣстнымъ условіямъ населеніе не можетъ прокормиться однимъ земледѣліемъ.

Подать, уплачиваемая населеніемъ за право добычи золота, различ-

*) Э. Леватъ. „Турк. Вѣд.“ 1903 г. № 9.

па: населеніе по рѣкамъ Тальбоу, Шунгау и Сафемъ-дарьѣ уплачиваетъ по 1 тиллѣ въ годъ съ каждаго двора, что составляетъ всего около 700 тиллей; кромѣ того, населеніе обязано содержать въ порядкѣ вьючныя дороги; населеніе по рѣкѣ Ніоу платитъ незначительныя подати; прочія же селенія, занимающіяся золотопромышленностью, за право добычи золота подать не платятъ. Продажа золота въ Бухарѣ свободная; главные скупщики—пріѣзжіе афганцы.

Незатѣйливый способъ промывки золота заключается въ слѣдующемъ: вашгердъ у туземцевъ замѣняется деревянною, выгнутою рамою, изъ тонкихъ таловыхъ жердей; наклонъ выпуклой части рамы къ горизонту бываетъ около 35°; поперекъ рамы прикрѣпляется рядъ прутьевъ или весьма тонкихъ жердей, на довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой. Вышина всей рамы—до двухъ аршинъ, а ширина—$^1/_2$ аршина. На эту раму, прочно установленную на землѣ, натягивается обыкновенный паласъ или коверъ; на немъ то и производится промывка золотоноснаго песка. Чтобы задерживать золото, имѣющее гораздо большій удѣльный вѣсъ, на паласѣ нашиты, поперекъ его длины, арканы изъ толстаго конскаго волоса. На разостланный, такимъ образомъ, паласъ высыпаютъ мѣшокъ золотоносной земли или песка и затѣмъ поливаютъ его водою, помѣшивая небольшою палочкою. Попадающіеся камешки отбрасываются при этомъ въ сторону тою же палочкою. Когда, такимъ образомъ, промыто пудовъ 8 или 10 песку, начинаютъ собирать съ паласа все, что на немъ осталось послѣ промывки. Для того паласъ снимаютъ съ рамы, свертываютъ его складками (плоятъ), и въ такомъ видѣ подвергаютъ дальнѣйшей промывкѣ. Для этой цѣли берутъ особую деревянную чашку, въ видѣ лодочки, шириною—въ ширину паласа, такъ, чтобы, сложенный складками, онъ могъ весь въ ней помѣститься, и затѣмъ чашку, вмѣстѣ съ паласомъ погружаютъ въ воду гдѣ нибудь въ небольшомъ заливцѣ рѣки, тамъ, гдѣ вода не имѣетъ быстраго теченія. Подымая паласъ, складку за складкою, рабочій обмываетъ его, причемъ все оставшееся отъ первой промывки на паласѣ, спускается на дно чашки или лодочки.

Когда паласъ весь начисто обмытъ, тогда рабочій вынимаетъ изъ воды чашку и быстро, судорожными движеніями руки вправо и влѣво, выплескиваетъ изъ чашки воду, а съ нею и легкія частицы песку. Время отъ времени онъ прибавляетъ воды въ чашку и нѣсколько часовъ сряду неутомимо продолжаетъ свою работу. По мѣрѣ того, какъ золото, находящееся въ чашкѣ, освобождается отъ постороннихъ, болѣе легкихъ примѣсей, движенія рабочаго становятся искуснѣе и осторожнѣе. Вся задача въ томъ, чтобы оставить въ чашкѣ одно только чистое золото, въ какомъ-бы не было оно незначительномъ количествѣ. Когда уже промывка въ чашкѣ кончена, рабочій, обмакнувъ палецъ въ воду, впускаетъ въ чашку каплю воды, а вмѣстѣ съ нею выливаетъ промытое золото въ особую небольшую фарфоровую чашечку*).

---

*) Костенко. Турк. кр., СПБ. 1880 г., т. III, стр. 182, 183.

Въ Дарвазѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ промывка золота производится нѣсколько иначе, а именно: на берегу рѣки, на наклонной плоскости, кладутъ кошму, а поверхъ ея ставятъ на ножкахъ особое рѣшето; берутъ лопатой съ береговъ песокъ, сыплютъ его въ рѣшето, а затѣмъ поливаютъ водой особымъ черпакомъ; крупныя гальки остаются въ рѣшетѣ, мелкія смываются съ кошмы потоками воды, а золотой песокъ остается на кошмѣ.

д). Туземцы Дарваза добываютъ желѣзную руду; руда добывается только изъ верхнихъ слоевъ земли. Обжигаютъ руду въ особо устроенныхъ печахъ, при чемъ изъ двухъ пудовъ руды получается желѣза полпуда. Въ Дарвазѣ добываютъ также каменную соль и, въ небольшомъ количествѣ, серебро, свинецъ и олово.

Изъ кустарнаго производства обращаетъ на себя вниманіе только выдѣлка ножей.

е) *Добыча нашатыря.* Въ верстѣ отъ Фана, на правомъ берегу Искандеръ-су, возвышается гора Канъ-тау; она составляетъ оконечность длиннаго и высокаго хребта, тянущагося между рѣками Матча (верхній Зеравшанъ) и Ягноу. Въ половинѣ горы, по показанію жителей, есть небольшое отверстіе, ведущее въ пещеру, въ родѣ обыкновенной печи, высотою футовъ въ семь. Пещера эта находится на откупѣ. Желающіе ею пользоваться, арендуютъ ее на три мѣсяца за 60 таллей. Изъ пещеры, равно какъ и изъ всѣхъ щелей горы, выходитъ паръ. Арендаторъ плотно закрываетъ входъ въ пещеру и оставляетъ ее въ такомъ положеніи на три мѣсяца. За это время пещера наполняется пластами нашатыря, имѣющими форму обыкновенныхъ ледяныхъ сосулекъ, какъ кажется, образовывающими на потолкѣ пещеры и потомъ падающими на ея полъ. Въ пещерѣ такъ жарко, что люди, выгребающіе изъ нея лопатами нашатырь, должны сплошь закутываться въ овчину, шерстью вверхъ, смоченною водою. Собранный въ пещерѣ нашатырь свозятъ въ лежащіе у подошвы горы кишлаки, гдѣ его очищаютъ отъ посторонннихъ примѣсей. Затѣмъ его продаютъ частью въ Гиссаръ, частью въ Самаркандъ и другія мѣста Туркестанскаго края. Въ годъ, слѣдовательно, въ четыре раза, нашатыря добываютъ до 120 пудовъ.

ж) Наконецъ, горцы занимаются, особенно фальгарцы, отыскиваніемъ корня таранъ, употребляемаго кожевниками для дубленія кожи.

з) Гораздо большаго развитія, чѣмъ домашніе промыслы и ремесла, у горцевъ достигаютъ промыслы отхожіе, проявляющіеся исключительно въ поденной работѣ (работа на поляхъ, землекопы, частью плотники). Весною горцы толпами спускаются съ своихъ горъ въ долину Зеравшана и Сыръ-Дарьи, доходятъ даже до Бухары, Коканда и далѣе, и возвращаются оттуда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, снова къ своему очагу съ заработкомъ. Иногда заработокъ не великъ, но и эта сумма въ глазахъ горца значительна, а потому неудивительно, что несмотря на отдаленность экскурсіи, нужда гонитъ бѣдный людъ съ каждымъ

годомъ все больше и больше на добычу изъ голодныхъ и холодныхъ горъ въ болѣе теплыя и хлѣбородныя мѣста.

Горцы занимаются также нищенствомъ; преимущественно нищенствуютъ фальгарцы, но не потому однакоже, чтобы они были бѣднѣе своихъ сосѣдей, а больше по привычкѣ, вслѣдствіе чего нищенство обратилось у нихъ въ профессію.

21. Торговля.

Среди туземцевъ равнины торговля сильно развита; число торговцевъ достигаетъ болѣе 3% всего населенія. Постоянные базары существуютъ только въ большихъ городахъ. Въ селеніяхъ же торговля бываетъ только въ опредѣленные дни, когда съѣзжаются на базарныя площади торговцы *).

На каждомъ изъ базаровъ нѣтъ опредѣленнаго контингента торговцевъ, пріѣзжающихъ каждый день и посѣщающихъ только одинъ извѣстный базаръ; насборотъ, составъ торговцевъ постоянно мѣняется: каждый базарный день можно встрѣтить новыхъ торговцевъ, ранѣе не бывавшихъ тамъ; но, тѣмъ не мѣнѣе, эта перемѣнчивость и подвижность торговли имѣетъ свои предѣлы. У каждаго торговца, разъѣзжающаго по базарамъ, имѣется свой районъ, который имъ посѣщается по преимуществу, уклоняясь отъ него лишь въ исключительныхъ случаяхъ; районъ этотъ обыкновенно заключаетъ въ себѣ нѣсколько базаровъ, изъ которыхъ одинъ - главный,—наиболѣе посѣщаемый. Благодаря тому, что на смежныхъ базарахъ торговля происходитъ не въ одинъ, а въ разные дни недѣли, торговцы переѣзжаютъ съ одного базара на другой до тѣхъ поръ, пока не истощится запасъ товаровъ, имѣющихся у нихъ съ собою; въ этомъ случаѣ они возвращаются въ большой городъ для возобновленія этого запаса и, затѣмъ, приступаютъ вновь къ своимъ круговымъ поѣздкамъ.

За весьма немногими исключеніями базарная площадь расположена внѣ селенія, въ разстояніи 200—300 саж., а иногда и болѣе отъ по-

---

*) С. П. Мансыревъ. Справ. кн. Самарск. обл. 1898 г. стр. 97 и слѣд.

слѣдняго. Въ культурныхъ мѣстностяхъ площадь эта равна пространству величиною отъ 4 до 5 саженей, иногда обсаженная деревьями и окруженная канавами для стока воды; канавы эти содержатся по большей части очень небрежно, благодаря чему въ сырое время года на базарахъ стоитъ почти непролазная грязь, увеличивающаяся отъ громадной массы народа, конныхъ и пѣшихъ, толпящихся на базарѣ и размѣшивающихъ своими ногами и безъ того разжиженную почву. Нѣкоторая часть площади, приблизительно до ½—1 дес. предназначается для помѣщенія пріѣзжающихъ торговцевъ съ ихъ товарами. Для этого устроены ряды изъ небольшихъ, вышиною до 1 арш. земляныхъ насыпей, на которыхъ торговцы и располагаются, занимая каждый пространство отъ 4 до 6 кв. саж. На центральныхъ рядахъ этихъ помоловъ или насыпей устроены, кромѣ того, крытыя помѣщенія, землянки самаго примитивнаго характера. Одна стѣна (задняя) дѣлится каркасною, передняя же отсутствуетъ и замѣняется тонкими жердями, поддерживающими настилку изъ хвороста съ землею; это замѣняетъ крышу; поперечныхъ перегородокъ большею частью нѣтъ, лишь въ немногихъ случаяхъ устраиваются тонкія глинобитныя стѣнки. Въ такого рода помѣщеніяхъ располагается лишь небольшая часть базарныхъ торговцевъ, именно—галантерейщики и мануфактуристы, иногда продавцы обуви. Эти навѣсы или землянки существуютъ впрочемъ даже не на всѣхъ базарахъ, а лишь на наиболѣе крупныхъ; здѣсь они большею частью устраиваются самими же торговцами, безъ всякаго участія средствъ даннаго селенія, а въ случаѣ замѣны одного торговца другимъ переходятъ безплатно или за самое ничтожное вознагражденіе. Такое отсутствіе какихъ-либо крытыхъ помѣщеній весьма плохо вліяетъ на торговлю и ея размѣры.

Товары, особенно мануфактурные, въ непогоду портятся, линяютъ и теряютъ свою цѣнность; этимъ объясняется, между прочимъ, и то, что зимою, въ январѣ-февралѣ, мануфактурный товаръ всегда стоитъ на сельскихъ базарахъ процентовъ на 10—15 дороже, чѣмъ въ лѣтнее время. Переплачивать эту разницу приходится, разумѣется, потребителямъ. Для нѣкотораго числа торговцевъ навѣсовъ и земляныхъ помостовъ не имѣется, такъ что они должны располагаться уже прямо на землѣ; это главнымъ образомъ торговцы керосиномъ, растительными маслами, веревками и т. п.

Нѣсколько поодаль отъ торговцевъ товарами находится хлѣбный рынокъ. На многихъ базарахъ никакихъ навѣсовъ нѣтъ и весь хлѣбный рынокъ помѣщается безъ всякихъ приспособленій подъ открытымъ небомъ. Весьма понятно, что въ случаѣ ненастной погоды, осенью и зимой, т. е. именно въ то время, когда происходитъ наиболѣе оживленный сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, эти послѣднія подвергаются сильной порчѣ.

Остальная часть общей базарной площади занята рынкомъ различнаго скота: лошадей, верблюдовъ, ишаковъ, коровъ и барановъ, приводимыхъ на продажу. Въ этой части, конечно, не устроено никакихъ навѣсовъ или стойлъ, что вполнѣ понятно, по значительному числу

животныхъ; поэтому часто случается, что лошади, незадерживаемыя ничѣмъ, выходятъ изъ предназначеннаго для нихъ мѣста, мчатся по базару, производя переполохъ между торговцами и иногда портятъ ихъ товары.

Первое мѣсто между всѣми разрядами торговцевъ занимаютъ мясники—кацапы. Торговля производится главнымъ образомъ бараниной. Отъ продажи зарѣзаннаго барана выручается слѣдующая сумма: 1) кожа и кишки, поступающія къ скупщикамъ - 68 коп., 2) сало (курдюкъ) —до $^1/_2$ пуда вѣсомъ, идущее какъ скупщикамъ, такъ и потребителямъ —2 р. 72 коп., 3) мясо, котораго въ баранѣ отъ 60 до 90 фунтовъ, среднимъ числомъ—75 ф., по весеннимъ цѣнамъ—7 р. 50 к., а по осеннимъ - 4 р. 50 к., 4) голова и ноги, покупаемыя отчасти бѣднѣйшими потребителями, отчасти мелкими туземными мыловарами—17 коп. Всего отъ 1 штуки выручается весною 11 р. 7 к., а осенью - 7 р. 87 коп.

Второе мѣсто въ базарной торговлѣ занимаютъ торговцы мануфактурою, по туземному—базосъ. Въ первое время послѣ занятія русскими Туркестана напи ситцы и др. хлопчатобумажныя издѣлія были почти неизвѣстны туземному населенію, которое въ одеждѣ вообще предпочитало или мѣстныя, грубыя бумажныя ткани (мата, калама), или же шелковыя и полушелковыя матеріи, опять-таки туземнаго производства. Незначительное число ситцевъ, обращавшихся въ торговлѣ, было главнымъ образомъ англійскаго, отчасти французскаго происхожденія. Съ теченіемъ времени положеніе измѣнилось. Съ одной стороны русскимъ мануфактуристамъ удалось, не безъ помощи правительства, вытѣснить англійскіе ситцы изъ обращенія, замѣнивъ ихъ своими, а съ другой—мѣстное населеніе, сдѣлавшись зажиточнѣе, повсемѣстно начало отъ своихъ мѣстныхъ, грубыхъ, непрочныхъ и некрасивыхъ тканей переходить къ употребленію русскихъ ситцевъ. Въ настоящее время описываемая отрасль торговли весьма быстро развивается и уже теперь занимаетъ весьма солидное положеніе между прочими разрядами базарныхъ торговцевъ.

Между предметами мануфактурнаго торга первое мѣсто занимаютъ ситцы, преимущественно яркихъ или пестрыхъ цвѣтовъ и крупнаго узора; обыкновенная цѣна ихъ-отъ 9 до 12 коп. арш., смотря по доброкачественности, а отчасти и времени года. Далѣе, продаются нанка, тикъ, дешевыхъ сортовъ бумазея, иногда чертова кожа и нѣкоторые другіе. Весьма небольшое количество торговцевъ занимается продажею исключительно бумажныхъ, болѣе дорогихъ и тонкихъ тканей мѣстнаго производства; эти послѣдніе русскихъ товаровъ не держатъ. Средній годовой оборотъ базиса можно опредѣлить въ 2000 - 2500 руб. при 12—15% прибыли; продающіе чалмы имѣютъ оборотъ меньшій, не свыше 1500 руб., но зато прибыль у нихъ рѣдко ниже 25%.

Третье мѣсто въ базарной торговлѣ, по количеству, принадлежитъ т. наз. аттарамъ—торговцамъ довольно оригинальнаго мѣстнаго характера и происхожденія. Этимъ именемъ называются продавцы мелкихъ галантерейныхъ и москательныхъ товаровъ. Слова „аттаръ" арабское

и значить собственно продавецъ пряностей. Мало по малу къ первоначальному виду товаровъ присоединились другіе, продажа которыхъ и заняла постепенно главное мѣсто въ операціяхъ аттаровъ. Въ настоящее время главный ихъ товаръ—галантерейный: бусы, нитки, шнуры, металлическія бездѣлушки, маленькія зеркальца, иногда—тюбитейки; рядомъ съ ними—шведскія спички, получившія довольно широкое распространеніе между сельскимъ населеніемъ,—перецъ, пахучія травы, краски и, наконецъ, туземныя лекарственныя средства, секретъ составленія которыхъ до сихъ поръ весьма мало изслѣдованъ; приготовленіе этихъ лекарствъ и способъ ихъ употребленія передается отъ отца къ сыну и обыкновенно держится въ секретѣ отъ постороннихъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, профессія аттаровъ наиболѣе устойчивая, ведется зачастую всю жизнь и переходитъ преемственно, несмотря на незначительную прибыльность подобной торговли; этому помогаетъ и то, что аттары вообще считаются между туземцами обладающими высшею, сравнительно, степенью знанія и, вслѣдствіе того, пользуются нѣкоторымъ почетомъ, составляя вмѣстѣ съ базисами базарную аристократію. Средній оборотъ каждаго аттара не превышаетъ 800—900 руб.; прибыльность же составляетъ до 20—25% въ годъ.

Слѣдующее мѣсто занимаютъ торговцы простыми мѣстными хлопчато-бумажными тканями, извѣстными подъ разными названіями: мата, калама, бузъ и др. Къ нимъ же примыкаютъ земледѣльцы—кустари, продающіе исключительно ткани собственнаго производства, въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Весьма распространенный типъ торговцевъ на базарѣ т. н. баккалы. Названіе это трудно переводимо на русскій языкъ, по неимѣнію соотвѣтствующаго русскаго типа торговли, да и въ туземномъ быту подъ нимъ разумѣются собственно два довольно различныхъ представленія. Во первыхъ, баккалами называются многочисленныя, въ особенности въ подгородныхъ волостяхъ и въ большихъ селеніяхъ постоянныя лавочки, въ которыхъ продаются овощи, сухіе фрукты; орѣхи, небольшое количество ячменя, муки и сухой люцерны, а также табакъ, свѣчи и спички; однимъ словомъ—нѣчто въ родѣ мелочной русской лавочки, разсчитанной на самыхъ невзыскательныхъ потребителей. На торговыхъ путяхъ эти лавочки нерѣдко находятся вмѣстѣ съ постоялыми дворами.

Независимо отъ постоянныхъ лавочекъ слово баккалъ употребляется также въ примѣненіи къ передвижнымъ базарнымъ торговцамъ, продающимъ исключительно сушеные фрукты, миндаль, орѣхи. Число ихъ довольно значительно осенью и въ первой половинѣ зимы; затѣмъ, оно сокращается и въ первой половинѣ весны они представляютъ уже на базарахъ довольно рѣдкое явленіе. Такого рода баккалы называются также мансфрушъ—продавецъ изюма. Оборотъ каждаго составляетъ приблизительно 600—700 руб., а прибыль до 20%.

Торговля чаемъ на сельскихъ базарахъ сильно развита. Этотъ продуктъ представляетъ собою въ Туркестанѣ предметъ первой необ-

ходимости населенія, причемъ, разумѣется, потребляются низшіе сорта чая, не дороже 1 р. 50 к. за фунтъ, притомъ преимущественно зеленаго; покупка рѣдко производится цѣлыми фунтами, но почти всегда частями послѣдняго: 1/2, 1/4, нерѣдко 1/8 ф. съ установленіемъ высокой таможенной пошлины на остъ-индскіе зеленые чаи, масса населенія отказалась, по нуждѣ, отъ употребленія среднихъ сортовъ зеленаго чая и, взамѣнъ его, распространились суррогаты чая подъ названіемъ наузугуръ, альма-чай и, наконецъ, сталъ пользоваться особою распространенностью „кавказскій" чай, называемый въ народѣ кара-чай, приготовляемый изъ листа черничника; всѣ эти сорта чайныхъ суррогатовъ продаются дешево, отъ 25 до 80 коп., лучшій же сортъ наузугура не дороже 1 р. 50 к. Часто покупаютъ 1, 2, 3, 4 золотника и тогда обвѣсъ бываетъ весьма значительный. Обороты чайныхъ торговцевъ весьма значительны; есть такіе, которые продаютъ чая на сумму до 1800—2000 руб. въ годъ, но есть и такіе, оборотъ которыхъ не превышаетъ 500—600 р.; среднимъ размѣромъ можно считать 1200—1300 р. прибыль же никогда не меньше 18—20%.

Кромѣ описаннаго вида, чайная торговля на базарахъ представлена еще другимъ образомъ—это чайханэ, мѣстныя трактирныя заведенія, служащія для потребленія чая на мѣстѣ, причемъ посѣтителямъ предлагается и чилимъ (кальянъ). Районъ дѣйствія одной чайханэ значительно тѣснѣе и рѣдко заключаетъ въ себѣ болѣе трехъ базаровъ, ближайшихъ другъ къ другу. Большая часть чайханэ на базарѣ помѣщается въ открытомъ помѣщеніи, иногда защищенномъ легкимъ навѣсомъ, и занимаетъ довольно большое пространство, что необходимо при массѣ потребителей чая въ базарный день, располагающихся на полу, сидя или лежа; многіе приходятъ со своимъ чаемъ и пользуются только кипяткомъ; бываютъ и такіе, которые сидятъ для компаніи, такъ какъ здѣсь же заключаются торговыя сдѣлки, ведутся дѣловые разговоры. Обыкновенная утварь базарной чайханэ—одинъ или два большихъ тульскихъ самовара, полдюжина чайниковъ, необходимое количество чашекъ, да два—три чилима. Оборотъ ихъ достигаетъ до 1000—1200 р., на что получается прибыли 12—15%.

Прочіе виды торговли на базарѣ представлены меньшимъ числомъ лицъ.

1) Торгъ солью бываетъ двухъ видовъ, или кусками, полученными отъ непосредственной добычи этого продукта въ горахъ бухарскаго ханства (розовая соль, окрашенная мирганцемъ), а также озерная соль, или размельченной въ порошокъ; одинъ изъ самыхъ незначительныхъ видовъ торга, доставляющій оборотъ до 300—400 руб. въ годъ и дающій прибыли до 25%.

2) Торгъ мыломъ туземнаго производства въ видѣ небольшихъ конусообразныхъ кусковъ, вѣсомъ отъ 3/4 до 1 ф. Оборотъ 500—600 р.; прибыли до 20%.

3) Хлопковымъ, кунджутнымъ, льняннымъ и др. растительными маслами, а также хлопковыми выжимками, торгуютъ значительное чи-

сло лицъ. Оборотъ 500—600 р., а прибыль 15—20%. Торговля растительными маслами, употребляемыми преимущественно въ пищу, производится въ большинствѣ случаевъ мѣною масла на сѣмена, изъ которыхъ добывается масло. Кромѣ продажи масла, тутъ же нерѣдко продаются своеобразные легкіе, непроницаемые кувшины для масла, выдѣлываемые туземцами изъ какихъ-то животныхъ покрововъ.

4) Послѣдніе годы начинаетъ быстро развиваться торговля керосиномъ, ранѣе почти не употреблявшимся между сельскими жителями-туземцами. Оборотъ около 500 р., а прибыли около 20%.

5) Довольно значительное число торговцевъ туземными лакомствами: халвою, леденцами и такъ наз. кандалятомъ, родомъ конфектъ, приготовляемыхъ на мѣстномъ меду (виноградная патока) или изъ сахарнаго песка. Оборотъ 600—700 р., а прибыли 15—20%.

6) Табакомъ мѣстнаго изготовленія торгуютъ въ двухъ видахъ: или крошеным изъ табачныхъ листьевъ, для раскуриванія въ чилимѣ, или тертымъ, съ примѣсью растительнаго масла, для засыпки въ ротъ подъ языкъ (носовой). Вмѣстѣ съ послѣднимъ продаются также горлянки для его храненія, сдѣланныя изъ выдолбленныхъ фигурныхъ тыквъ. Оборотъ 600—800 р., а прибыли 15 - 20%.

7) Въ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ селеніяхъ, гдѣ притомъ велико относительное число безземельныхъ жителей, издавна существуютъ съ промышленною цѣлью пекарни для изготовленія лепешекъ-единственнаго вида печенаго хлѣба, потребляемаго туземцами. Эти пекарни, не ограничиваясь сбытомъ лепешекъ на мѣстѣ, разсылаютъ свои издѣлія по всѣмъ базарамъ, для продажи. Оборотъ до 600 р., а прибыли 15%.

8) Довольно значительно на базарахъ число торговцевъ обувью мѣстнаго производства и разныхъ наименованій. Галоши какъ дорогихъ, такъ и дешевыхъ сортовъ продаютъ почти исключительно горожане; сапоги же (ичиги, ташговакъ, муки) большею частью изготовляются въ селахъ. Оборотъ торгующихъ сапогами 700—800 р., а галошами—отъ 1500 до 1800 руб., прибыль тѣхъ и другихъ 15%.

9) Кромѣ обуви на базарахъ продаются и другія кожевенныя издѣлія, какъ напр., ремни, уздечки вмѣстѣ съ потниками и др. принадлежностями верховой ѣзды, а также кожи выдѣланныя и сыромятныя. Послѣдній родъ торговли—одинъ изъ выгоднѣйшихъ.

10) Кошмы, курджумы, веревки и попоны продаются иногда вмѣстѣ; большею же частью торговля кошмами представляетъ особую спеціальность.

11) Шелковою пряжею торговля не велика.

12) Торговля готовыми халатами и др. готовыми предметами одежды туземцевъ въ уѣздѣ развита мало, бѣднѣйшая часть населенія приготовляетъ эти предметы дома, собственными средствами; болѣе зажиточные имѣютъ возможность пріобрѣтать ихъ въ большихъ городахъ.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, встрѣчающихся болѣе или менѣе на всѣхъ, по крайней мѣрѣ, значительныхъ базарахъ, попадаются еще въ видѣ исключенія нѣкоторые другіе предметы торга:

колыбельки, грабли, кровати, игрушки и т. д. Торговля скотомъ, хлѣбомъ, хлопкомъ въ большихъ размѣрахъ производится только на тѣхъ базарахъ, которые находятся въ районѣ этихъ производствъ.

Въ районѣ производство хлопка главное оживленіе базарной торговли замѣчается осенью, когда происходитъ уборка хлѣба; сюда является масса скупщиковъ этого продукта какъ изъ окрестныхъ кишлаковъ, такъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Въ то же время населеніе, обладая наибольшими денежными средствами, полученными отъ продажи хлопка и частью хлѣба, закупаетъ предметы первой необходимости, почему особенно бойко идетъ торговля мануфактурными товарами и обувью.

Въ районѣ производства хлѣба весь излишекъ хлѣбныхъ продуктовъ, не потребляемый населеніемъ, поступаетъ къ многочисленнымъ мелкимъ и крупнымъ скупщикамъ; благодаря этимъ обстоятельствамъ цѣны, установленныя на бозарахъ района хлѣбнаго производства, имѣютъ значеніе для всѣхъ окрестныхъ селеній.

Базары, примыкающіе къ степнымъ мѣстностямъ, служатъ ареною обширной торговли рогатымъ скотомъ, баранами, верблюдами, лошадьми и яшаками. Въ связи съ этимъ, находится обширная торговля битымъ скотомъ (зимою), невыдѣланными шкурами и сыромятными кожами, а также кошмами и веревками изъ верблюжей шерсти.

Среди горцевъ торговля до сихъ поръ почти исключительно мѣновая. У дарвозцевъ бараны, а равно продукты охоты, составляющей одинъ изъ главныхъ родовъ занятій, служатъ предметами мѣноваго торга. Изъ Куляба на двухъ—трехъ лошадяхъ торговцы привозятъ бязь и другія грубыя ткани для халатовъ и на 12 аршинъ бязи вымѣниваютъ лисью шкуру. Въ долинѣ рѣки Ванча, равно какъ и во всемъ Дарвозѣ, только бухарскіе чиновники пьютъ чай, а коренное населеніе позволяетъ себѣ эту роскошь лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при семейныхъ торжествахъ.

Населеніе долины Ванча находится въ такомъ же первобытномъ состояніи, какъ и прочее населеніе Дарвоза. Деньги, мѣры и вѣсъ имъ почти неизвѣстны; торговля исключительно мѣновая. При опредѣленіи цѣнности кокого либо предмета единицею служитъ карбасъ, кусокъ мѣстной грубой бумажной ткани, а мѣрою сыпучихъ тѣлъ—тюбитейка. Вообще опредѣленіе цѣнности предметовъ на деньги представляетъ въ Дарвазѣ не мало затрудненій и возможно лишь съ приблизительною точностью.

Пшеница, ячмень, клеверъ, мясо, масло, куры и яйца имѣются на мѣстѣ; хлѣба печенаго въ продажѣ нѣтъ, но для печенія можно нанимать поденщика. Яшакъ зерна, безразлично какого (яшакъ=10 тюбитейкамъ—приблизительно 4 пуда), стоитъ отъ 4 до 6 телѣгъ. Мука стоитъ приблизительно столько же, а мясо коровье продается не на вѣсъ, а по частямъ, приблизительно по 2 теньги за каждую часть. Большой баранъ стоитъ отъ 6 до 7 тенегъ; малый—4 теньги. Масло коровье 5 ф. 1 теньга. Растительнаго масла нѣтъ. Сало въ одной цѣ-

ли съ масломъ. Курица 10 к., яйца 64 шт. на теньгу. Стоимость клевера отъ 25 до 30 сноповъ на теньгу. Соль дорога, такъ какъ привозится изъ Куляба: за одну мѣру соли даютъ 4 мѣры зерна. Рисъ покупается въ Кала-и-Хумбѣ; стоимость его, сообразно съ наличнымъ количествомъ, колеблется отъ 4 до 5 теней за 5 ф.

Въ зимнее время фуражъ и даже провизія достаются съ трудомъ и потому на зиму слѣдуетъ заготовлять запасъ съ осени. Обувь (чарыки, полусапожки) и платье, потребное туземцамъ, изготовляются на мѣстѣ; первая изъ грубо выдѣланной кожи, второе изъ вышеупомянутаго карбаса и изъ грубо шерстяной ткани, выдѣлываемой женщинами. Матеріи, кромѣ того, привозятся также изъ Шугнана и Рошана, откуда получаются также шкуры лисьи и кульи. Сапоги покупаются жителями въ Кала-и-Хумбѣ. Туземныя шерстяныя и бумажныя ткани и шкуры лисьи и кульи приносятся пѣшеходами небольшими партіями, тайно отъ афганцевъ, изъ Шугнана и Рошано, гдѣ запрещено вывозить мѣстныя произведенія въ иныя мѣста кромѣ Куляба. Чай и другіе индійскіе товары изъ Шугнана и Рошана вовсе не привозятся; небольшое количество ихъ получается изъ Бадахшана чрезъ Куфъ и Кала-и-Хумбъ, а главнымъ образомъ чрезъ Кулябъ.

Изъ долины Ванчи вывозятъ только желѣзо, добываемое въ рудникахъ, на верховьяхъ рѣки Ванча, и отчасти также зерно; послѣднее вывозится въ смежныя мѣстности Дарваза. Вывозъ направляется исключительно чрезъ Кала-и Хумбъ. Количество ежегодно вывозимаго желѣза опредѣлить нельзя, такъ какъ мѣстныя власти не имѣютъ никакого представленія о цифрѣ вывоза*).

Торговля памирскихъ таджиковъ съ киргизами и жителями Бадахшана производится почти исключительно также мѣновая. Въ послѣднее время стало входить въ употребленіе авганское серебро, тогда какъ ранѣе имѣли нѣкоторое распространеніе китайскіе ямбы и бухарскіе и кокандскіе теньги и коканы. Таджики мѣняютъ рогатый скотъ, лошадей и хлѣбъ на соль, мату, арканы, ситецъ, куржумы, попоны и т. п. предметы, доставляемые киргизами изъ Ферганы, Кашгара и Бадахшана.

22. Характеристика таджиковъ.

Трудно уловить черты характера таджиковъ и дать полную и вѣрную оцѣнку. Эта трудность еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что таджики живутъ какъ въ равнинахъ Туркестана, концентрируясь въ большихъ городахъ, древнѣйшихъ въ край, съ установившеюся древнею азіатскою цивилизаціей и культурою, съ ея добродѣтелями и пороками, такъ и въ неприступныхъ горныхъ трущобахъ, гдѣ условія жизни отличаются своею нетронутостью и первобытностью. Поэтому и

*) И. Юхновскій. „Турк. Вѣд.“ 1894 г. № 65.

авторы, писавшіе о нравственной природѣ таджика, характеризовали ее различно, смотря по тому, при какихъ условіяхъ приходилось наблюдать жизнь таджика—аборигена здѣшняго края.

Уже древній писатель, китайскій путешественникъ VII вѣка Сюян-Цзанъ, описываетъ различно нравы таджиковъ, какъ это ему пришлось наблюдать въ разныхъ странахъ, населенныхъ этимъ народомъ- „Въ Хатанѣ, говоритъ онъ, господствуетъ благопристойность и честность, жители ея благонравны. Они любятъ знанія и отличаются умѣлостью и прилежаніемъ. Живутъ въ достаткѣ и удовольствіи, счастливы своей судьбой". „Жители Самагань (Самарканда) отличаются великимъ умѣньемъ въ искусствахъ и ремеслахъ. Климатъ пріятный и умѣренный; нравы внушаютъ силу и храбрость. Владѣніе это составляетъ средоточіе варварскихъ странъ. Въ отношеніи всего, что касается нравственнаго поведенія и правилъ приличія, народы сосѣдніе и далекіе принимаютъ это владѣніе за образецъ". Иную характеристику авторъ даетъ о жителяхъ Гешуана (Карши): „Характеръ у нихъ мягкій, трусливый. Лицемѣріе и лживость составляютъ преобладающую черту въ ихъ нравахъ и большая часть изъ нихъ предается мошенничеству и плутовству. Вообще они крайне скупы. И отецъ и сынъ только и мечтаютъ объ обогащеніи; кто богаче, тѣхъ больше уважаютъ, но ничто не отличаетъ богатаго отъ бѣднаго. Имѣющій даже огромное состояніе носитъ старое платье и питается грубою пищею. Половина населенія обрабатываетъ поля, а другая предается торговлѣ". Вотъ дополненія о бытѣ владѣнія Канъ (Самаркандъ) по исторіи династіи Тханъ: жители пристрастны къ винѣ, любятъ пѣсни и пляски на улицахъ. Родившемуся мальчику языкъ намазываютъ каменнымъ медомъ а на ладони кладутъ клей, чтобы онъ былъ сладкорѣчивъ и крѣпко держалъ денежку. Искусны въ торговлѣ и корыстолюбивы. Мужчины, достигшіе 20 лѣтъ, уѣзжаютъ въ сосѣднія владѣнія и вездѣ побываютъ, гдѣ предвидятъ выгоду.

„Жители горной страны Тухоно (Тахиристана) характера мягкаго трусливаго. Они имѣютъ нѣкоторое понятіе о честности и справедливости и другъ друга не обманываютъ".

Таджики втеченіе тысячелѣтій были игрушкой въ рукахъ разнузданнѣйшихъ, безжалостныхъ всемірныхъ завоевателей, вслѣдствіе чего въ странѣ господствовалъ восточно-варварскій порядокъ вещей и полный деспотизмъ правителей, наводящій ужасъ на все населеніе. Находясь столь продолжительное время подъ гнетомъ алчныхъ и жестокихъ правителей, не будучи увѣренными въ завтрашнемъ днѣ, относительно своего состоянія, семьи и собственной жизни, нравственныя качества не могли сохраниться въ той чистотѣ, въ какой они были присущи этому народу въ его первобытной, тихой, трудовической жизни. Несмотря на различные перевороты, робкіе таджики, говоритъ г. Кушелевскій*), все-таки удержали за собой духовное господство. Таджики по природѣ

*) Очерки Ферганы т. II стр. 399—401.

честные, правдивые, послушные и трудолюбивые. Таджики, подобно евреямъ, отличаются большою нетребовательностью и хозяйственностью, страстью къ наживѣ, наклонностью къ торгашеству, къ искусствамъ и наукамъ; но таджики во многомъ превосходятъ евреевъ въ ловкости и умѣлости относительно ремеслъ и промысловъ, а также способности къ земледѣлію и садоводству, благодаря чему послѣдніе достигаютъ въ этой странѣ такого совершенства, что составляютъ благосостояніе края.

Н. Енгельгардтъ утверждаетъ *), что о способностяхъ таджиковъ къ упорному земледѣльческому труду нечего и говорить. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть сравниваемы только съ китайцами. Суровая природа лесса воспитала сильно работающій, не боящійся никакихъ трудовъ народъ. Въ неутомимой обработкѣ почвы, совершающейся уже втеченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, въ веденіи высокоинтенсивнаго сельскаго хозяйства видитъ таджикъ лучшій залогъ сохраненія плодородія этой почвы на вѣчныя времена. Земледѣліе въ высшей степени способствовало развитію въ таджикѣ превосходныхъ физическихъ и духовныхъ способностей. Духовная и тѣлесная выносливость, которыя такъ необходимы въ земледѣльческомъ трудѣ, сдѣлали его способнымъ къ самымъ разнообразнымъ ремесламъ: и къ такимъ, которыя требуютъ величайшаго терпѣнія и внимательности (напр. выдѣлка шелковыхъ тканей, ювелирное дѣло и т. д.) и къ такимъ, которыя требуютъ большого физическаго труда (напр. кузнечное ремесло, плотничье). Благодаря своему духовному превосходству, порабощенные таджики всегда имѣли нравственный и умственный перевѣсъ надъ своими поработителями узбеками, которые приняли даже религію побѣжденнаго народа. Изъ среды таджиковъ образовались не только высшее интеллигентное сословіе страны—духовенство, ученые, учителя народныхъ школъ, судьи, законодатели, но по временамъ нѣкоторые изъ нихъ, стоя близко у кормила правленія, захватывали верховную власть въ свои руки и становились властителями.

Въ настоящее время въ лицѣ таджика соединяется: превосходный земледѣлецъ—работникъ, мелкій предприниматель—торговецъ и искусный ремесленникъ—кустарь.

Хотя вѣковая тиранія имѣла большое вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ большихъ недостатковъ и пороковъ, замѣчаемыхъ у таджиковъ, но они почти ступевываются передъ ихъ превосходными способностями и наклонностью къ добру. Земледѣліе, это древнее, облагораживающее характеръ народовъ занятіе, помимо вліянія на развитіе духовныхъ и физическихъ силъ таджиковъ, сообщило поэтическую мягкость ихъ характеру.

Таджикамъ равнинъ принадлежатъ ремесла, торговля, религія и развратъ. Привиллегированный классъ Самарканда—таджики; большинство ходжа и сеидовъ, т. е. потомковъ пророка или первыхъ халифовъ—таджики; большинство купцовъ и ремесленниковъ—таджики; ог-

*) „Турк. Вѣд.“ 1887 г. № 44.

ромное большинство святыхъ, что лежатъ въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ—таджики; приверженцы проституціи во всѣхъ видахъ—издревле таджики.

Въ таджикскомъ населеніи трудъ принадлежитъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ, говоритъ г. Хорошхинъ *). Привиллегированный же классъ большую часть дня и ночи отдаетъ бездѣйствію, сну и удовольствіямъ. Послѣднія весьма неприхотливы и заключаются въ сборищахъ въ чай-ханэ, гдѣ пригожій мальчикъ подаетъ чай, на родинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, похоронахъ, сборищахъ по поводу какого-либо обѣщанія передъ Богомъ, причемъ рѣжется баранъ, сборищахъ для чтенія священныхъ книгъ, въ особенности во время рамазана, по поводу какой либо интриги противъ кого либо изъ зазнавшихся собратій; для пляски батчи и, наконецъ, для безсмысленнѣйшихъ и циническихъ до отвращенія бесѣдъ въ обществѣ нѣсколькихъ выштукатуренныхъ и подкрашенныхъ проститутокъ. Сборища послѣдняго характера развились недавно и особенно любимы купеческими сыновьями, зачастую женатыми. Впрочемъ, есть и сановитые, бѣлобородые старики, не чуждающіеся этихъ собраній.

Во главѣ непривиллегированныхъ таджиковъ стоятъ земледѣльцы, въ большинствѣ народъ далеко не богатый и кроткій. Второй видъ непривиллегированнаго таджика городовъ—мелочники и ремесленники всевозможныхъ наименованій. Они лукавѣе и фанатичнѣе земледѣльцевъ, при томъ же соблазны города постоянно передъ ними.

Въ карманѣ есть нѣсколько денегъ, сидѣнье съ утра до ночи въ мастерской или въ лавочкѣ надоѣдаетъ, и таджикъ этой категоріи не отказываетъ себѣ въ національныхъ забавахъ, въ особенности если онъ холостъ или если жена ему надоѣла. Но и въ средѣ этихъ таджиковъ нѣкоторые заходятъ далеко: дѣлаютъ фальшивую монету. Тѣмъ не менѣе эта категорія таджиковъ занята дѣломъ и жупруетъ по средствамъ, изрѣдка только прибѣгая къ способамъ пріобрѣтенія въ родѣ изложеннаго выше, или вообще къ плутнѣ. Совсѣмъ другое и далеко не отрадное явленіе представляетъ собою третій видъ городского таджика. Это народъ не всегда богатый, но и отнюдь не бѣдный, или точнѣе, не нуждающійся, частью довольно самостоятельный и смирный съ виду; а на самомъ дѣлѣ эти люди воры, грабители, иногда днемъ—нищіе, а ночью —убійцы, частью люди бездомные, захожіе, часто—притонодержатели, скупщики воровскихъ вещей, поборники проституцій во всѣхъ ея видахъ.

Г. Биддельфъ считаетъ таджиковъ спокойнымъ, трудолюбивымъ народомъ **). Реклю ***) считаетъ таджиковъ за умственную аристократію Туркестана и говоритъ, что всѣ, кто имѣетъ претензію на хорошіе манеры въ прибрежныхъ городахъ Сыра и Аму, стараются подражать ихъ языку. Но сколько париковъ гнѣздится на днѣ этого вѣжливаго,

*) Сборникъ статей стр. 217 и 218.
**) Путеш. по Закаспійск. краю. Перев. „Турк. Вѣд.“ 1893 г. № 41.
***) Т. VI, стр. 345.

покрытаго внѣшнимъ лоскомъ общества! Сколько есть таджиковъ, вполнѣ заслуживающихъ обвиненія, несправедливо взводимаго противъ всей расы, о которой говорятъ, что эти люди безъ идеала, необузданные любители чувственныхъ наслажденій, существа сладострастныя и жестокія, живущія только для наживы, игры и разврата!

По духовнымъ качествамъ таджики стоятъ много выше своихъ татарскихъ завоевателей—узбековъ. Бухара только потому сдѣлалась средоточіемъ средне-азіатской цивилизаціи, что тамъ съ древнихъ временъ таджики составляли преобладающее большинство населенія, которое, хотя и покоренное, непереставало играть роли цивилизаторовъ по отношенію къ своимъ повелителямъ. Какъ въ первые вѣка по принятіи ислама на поприщѣ религіозныхъ знаній и философіи отличались болѣе всего таджики, такъ и теперь еще въ Бухарѣ, Кокандѣ и Кашгаріи извѣстнѣйшіе муллы и знатнѣйшіе ишаны принадлежатъ къ таджикамъ. Они же были устроителями ирригаціи въ оазисахъ Туркестана*).

Въ населеніи Бухары и Самарканда высшею цѣлію дѣйствій является матеріальное пріобрѣтеніе, говоритъ В. В. Радловъ**). Не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на связи крови или другія отношенія, когда могутъ пріобрѣсти какую-либо матеріальную выгоду; поэтому главное занятіе жителей городовъ—торговля. Послѣ жадности и страсти къ пріобрѣтенію, главная черта горожанъ - скупость. По причинѣ скупости самые богатые живутъ также худо, какъ и бѣдные и питаются тою же пищею. Кромѣ жадности и скупости, отличительныя черты ихъ характера: трусость, лютость и лицемѣріе.

Подъ словомъ таджикъ татарское населеніе Туркестана, говоритъ А. Вамбери***), разумѣетъ человѣка, унижающагося, скупого, корыстолюбиваго, хитраго, хвастуна, однимъ словомъ все, что представляетъ противоположность съ узбекскою откровенностью, прямодушіемъ и честностью. Таджикъ, несмотря на свою бѣдность, всегда хочетъ казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и потому дома, въ своей семьѣ онъ скупъ и умѣренъ, въ обществѣ же почти всегда старается играть роль богача и щедраго человѣка. Не менѣе изысканъ и самый его разговоръ: выраженія вѣжливости и комплименты, имъ употребляемые, хотя и отзываются чѣмъ то татарскимъ для уха, привыкшаго къ персидской тонкости, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ узбекомъ, его можно считать истымъ джентельменомъ. Предназначенные природою къ мирнымъ занятіямъ, таджики выказываютъ всюду склонности къ земледѣлію, торговлѣ, промышленности и ненавидятъ войну, а иногда по неволѣ берутся за оружіе, но рѣдко бываютъ храбры, а жестоки—часто. Они также не обладаютъ тѣмъ чувствомъ національности, которое такъ часто проявляется у узбековъ. Они хотя и живутъ всегда вмѣстѣ, но это болѣе происходитъ вслѣдствіе необходимости во взаимной поддерж-

*) Энциклоп. Сл. т. 63, стр. 474.

**) Зап. И. Р. Г. общ. по отдѣл. этногр. т. VI СПБ. 1886 г. стр. 74 и 75.

***) Очеркъ Средней Азіи стр. 318 и 319.

къ притѣсняемой расы, чѣмъ вслѣдствіе особаго стремленія къ поддержкѣ своей національности.

Бухара только потому сдѣлалась средоточеніемъ средне-азіатской цивилизаціи, продолжаетъ А. Вамбери, что тамъ съ древнѣйшихъ временъ таджики составляютъ преобладающее большинство населенія, которое, продолжая слѣдовать культурнымъ стремленіямъ доисламитскаго періода, хотя и было лишено владычество, не переставало однако играть роли цивилизаторовъ по отношенію къ своимъ повелителямъ. Какъ въ первые вѣка, по принятіи ислама, на поприщѣ религіозныхъ знаній и философіи отличались болѣе всего таджики, такъ и теперь извѣстнѣйшіе муллы и знатнѣйшіе ишаны принадлежатъ именно къ этой національности.

Болѣе подробную характеристику таджиковъ даетъ А. Ф. Миддендорфъ*) таджики, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ А. Ф. Миддендорфъ, представляютъ единственный на нашей планетѣ примѣръ столь упорнаго существованія, пробивающаго себѣ путь, несмотря на враждебныя, въ теченіе столѣтій, воздѣйствія противъ нихъ. По своему устройству, голова таджика представляетъ образъ высокаго благородства и ума; тоже должно сказать и объ ихъ врожденныхъ духовныхъ способностяхъ; однако, какъ это ни странно, характеръ ихъ совершенно лишенъ силы и способности къ сопротивленію. Только потому, что таджики—народъ совершенно невоинственный, покорный, они въ теченіе тысячелѣтій постоянно переходили отъ одного къ другому.

„Слабые и трусливые"—вотъ какъ прозвалъ ихъ старый китайскій изслѣдователь; другой говоритъ тоже, но другими словами; „они чувствуютъ отвращеніе къ пролитію крови". Ихъ отвращеніе къ кровопролитію не есть плодъ религіознаго убѣжденія, какъ у меннонитовъ; это—тоже самое врожденное чувство страха, которое овладѣваетъ персомъ при видѣ туркмена, или какое испытываетъ нашъ еврей передъ предаціемъ въ рекруты. Но это не есть собственно страхъ смерти. Подобно тому, какъ трусливый въ битвѣ монголъ съ величайшимъ равнодушіемъ, съ величайшимъ презрѣніемъ къ жизни принимаетъ веревку, которою долженъ удавить самъ себя, или кинжалъ, которымъ долженъ распороть самъ себѣ животъ, также точно таджики относились до настоящаго времени съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и пассивною покорностью къ тому, что тираны-повелители рѣзали и изводили ихъ цѣлыми толпами, стадами—въ истинномъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе, одинъ новѣйшій наблюдатель уже слишкомъ преувеличиваетъ, восклицая: „таджикъ никогда не берется за оружіе для своей защиты, никогда онъ не сражался за свою родину".

Чтобы составить себѣ понятіе о духовныхъ качествахъ таджиковъ, нашъ (Миддендорфъ) стоитъ только припомнить столь близко стоящихъ къ намъ евреевъ-съ ихъ большой нетребовательностью и хозяйственностью, никогда не дремлющею страстью къ наживѣ и наклонностью къ

*) Очерки Ферганской долины стр. 399—402.

торговлѣ, съ ихъ неутомимостью, лихорадочною подвижностью, приспособляемостью и находчивостью, съ ихъ способностями къ духовной дѣятельности, къ искусствамъ и наукамъ. По таджикъ еще болѣе, чѣмъ еврей, съ которымъ онъ такъ сходенъ во многихъ отношеніяхъ, отличается ловкостью и умѣлостью въ ремеслахъ и промыслахъ, склонностью къ домашней жизни и къ усовершенствованіямъ; но что болѣе всего возвышаетъ таджика надъ евреемъ—такъ это превосходныя способности къ земледѣлію и садоводству, его удивительная производительность на этомъ поприщѣ, благодаря чему онъ сдѣлался въ Центральной Азіи, среди чистѣйшихъ номадовъ, учителемъ и защитникомъ этой основы всего государственнаго благосостоянія. Если компетентные люди говорятъ, что таджикъ занимается земледѣліемъ, какъ предприниматель, то этимъ они заявляютъ лишь о его предпріимчивости, ибо ошибочно, на основаніи этого, умолять значеніе таджика, какъ земледѣльца; да это и подтверждается слѣдующими словами: „тѣмъ не менѣе, поля таджиковъ находятся въ лучшемъ состояніи, нежели поля узбековъ“. Духовная и тѣлесная выносливость, необходимая при земледѣліи, сдѣлала его способнымъ также и къ такимъ ремесламъ, въ которыхъ требуется ниточку прикладывать къ ниточкѣ, съ внимательностью и терпѣніемъ, пока не получится ткань, или работать тяжелымъ молотомъ изо всѣхъ силъ. Во всякомъ случаѣ, даже при такомъ внутреннемъ импульсѣ къ дѣятельности у нихъ проявляется лѣнность, обуславливаемая климатомъ, равно какъ и потребность болѣе частаго отдыха, которую такъ хорошо сумѣла усилить религія Магомета. Въ самомъ дѣлѣ, даже прилежнѣйшій человѣкъ, послѣ тяжкой недѣльной работы, шабашитъ съ полудня въ четвергъ до вечера пятницы; онъ, или отправляется въ мечеть для совершенія религіозныхъ предписаній, или проводитъ время въ шатаньи, или же, усѣвшись чрезвычайно не эстетически, присѣвъ на свои пятки, впирается въ одну точку, пьетъ чай и куритъ, давая волю лишь своему языку. Конечно, обязательные, строгіе посты часто сильно истощаютъ.

Въ виду вышесказаннаго, продолжаетъ г. Ф. Миддендорфъ, мы можемъ теперь судить и о прочихъ качествахъ таджика, поставляемыхъ ему въ упрекъ и часто совершенно противорѣчащихъ одно другому. Тиранія сдѣлала его послушнымъ, низкопоклоннымъ, замкнутымъ, скрытнымъ, недовѣрчивымъ, лгуномъ; будучи мельникомъ, онъ занимается фальсификаціею муки и постнаго масла; будучи шелководомъ, онъ продаетъ песочныя зерна за грену шелковичнаго червя; будучи „ученымъ“ онъ поддѣлываетъ документы и монету. Какъ человѣкъ ловкій и алчный, онъ, если занимаетъ высокій постъ, лучше всякаго европейскаго дипломата проявляетъ свое мастерство въ лжи и обманѣ; онъ—виртуозъ въ искусствѣ невозможныхъ извращеній и хитросплетеній. Какъ житель большихъ городовъ, онъ въ низостяхъ всякаго рода далеко превосходитъ европейца—жителя этихъ гнѣздъ порока.

Если это такъ, но, само собой разумѣется, объясняется обстоя-

тельствами; вмѣстѣ съ тѣмъ сказанное даетъ намъ ключъ къ пониманію того, какимъ образомъ одинъ и тотъ же даровитый и точный наблюдатель въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что „иранцы отличаются чистотою нравовъ“, а затѣмъ, послѣ перечисленія различныхъ пороковъ, немногими страницами ниже, говоритъ: „всѣ единогласно отрицаютъ хорошія наклонности у таджиковъ.

На самомъ дѣлѣ, надлежитъ сопоставить два контраста: развратника-горожанина и ведущаго патріархальную жизнь селянина.

Точно также, рядомъ съ общею жалобою, что таджику никогда нельзя довѣрять, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе, испытаннаго знатока и врача (д-ръ Шалыгинъ): между таджиками есть безусловно честные люди, чего нельзя сказать о киргизахъ. Также и относительно жестокости характера. Уйфальви также признаетъ ее; я же рѣшительно стою за мягкость характера, который былъ вообще извращенъ тираніею и духовенствомъ. При разумномъ европейскомъ управленіи, эти люди съ характеромъ и предусмотрительностью, по прошествіи корсткаго времени, сдѣлались бы совсѣмъ не тѣмъ, что они есть въ настоящее время“.

Если поставить на счетъ таджику всѣ вышеупомянутые пороки, то нельзя не отвернуться отъ него съ ужасомъ; но чертъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. При всемъ томъ, таджики остаются столь же богато одаренными; при всякомъ болѣе близкомъ, личномъ знакомствѣ съ ними хотя бы въ теченіе только немногихъ часовъ, причемъ, конечно, не должно быть и тѣни чиновьячьяго отношенія, вы откроете у таджика, кромѣ того, пылкую, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень добродушную натуру.

Только благодаря своему превосходству въ духовномъ отношеніи, также какъ во всякой житейской практикѣ, таджикъ и могъ сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность къ работѣ и великое искусство подчинять себѣ природу тяжелымъ трудомъ и обращать негостепріимныя пустыни въ райскіе оазисы выработали въ этихъ людяхъ особую выносливость, которой переходъ изъ рукъ въ руки, отъ одного тирана къ другому, придалъ еще большую эластичность. Несмотря на непрерывныя порабощенія; несмотря на историческія событія, которыя, казалось, складывались такъ, чтобы уничтожить всякія типическія особенности, какъ духовн., такъ и физическ.; несмотря на изолированность отъ главной массы западно-иранскихъ единоплеменниковъ, персовъ, изъ страны которыхъ ни одна освѣжающая историческая волна не достигала таджиковъ, съ той древнѣйшей эпохи, когда обѣ группы раздѣлились, — несмотря на всѣ эти насильственныя вліянія, сохранился своеобразный укладъ, такъ что классическое изрѣченіе: graccia victa ferrum victorem cepit, гораздо болѣе подходитъ къ таджикамъ, нежели къ грекамъ. Нападенія дѣлали то варварскія, кочевыя орды, то народы, стоявшіе въ культурномъ отношеніи выше, носители культуры—китайцы, македонскіе греки; но всѣ они опять уходили, или, по крайней мѣрѣ, должны были отойти совсѣмъ на задній планъ.

Такимъ-то образомъ, ограбленные и порабощенные таджики, благодаря своему духовному превосходству, всегда опять становились у кормила, а изъ ихъ рядовъ выходили заправители (какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ) „сѣдобородые“ (аксакалы), сборщики податей, учителя, ученые знатоки священнаго писанія, монахи и духовенство, и даже столь важные по своему значенію „казн“, т. е. судьи и законодатели. Слѣдовательно, они представляли собою высшее сословіе. По временамъ, они, будучи въ числѣ приближенныхъ тирана, брали перевѣсъ и даже становились властителями страны.

О горцахъ-таджикахъ нѣтъ того разнорѣчія во мнѣніяхъ наблюдателей мѣстной жизни, какъ мы встрѣчаемъ въ отзывахъ относительно таджиковъ равнинъ. Горецъ —дитя суровой, дикой природы. Его типъ, его характеръ, міровозрѣніе—все отражаетъ на себѣ вліяніе физическихъ особенностей страны, съ которыми приходится вести вѣчную борьбу, приходится и приспособляться. Древніе аборигены Средней Азіи не утратили и теперь свою типичность древне персидскихъ временъ. Горца никакъ не слѣдуетъ считать такимъ же таджикомъ-метисомъ, представители которыхъ, горожане Ходжента, Ургута и др. осѣдлостей Туркестана, рѣзко отличаются отъ каратегинцевъ, въ особенности отъ дарвазцевъ, какъ типомъ, такъ и строемъ рѣчи, обильной въ горахъ провинціализмами настолько, что жители Средняго Дарваза мало понимаютъ чисто-персидскую рѣчь каратегинцевъ, затрудняются объясняться съ горцами Ванча, совершенно не понимаютъ рѣчь сосѣднихъ шугнанцевъ.

Какъ у всѣхъ первобытныхъ, неиспорченныхъ народовъ, въ характерѣ горцевъ особенно выдается добродушіе съ общественнымъ призрѣніемъ сиротъ, вспыльчивость, кровомщеніе (хундаръ), уваженіе къ старшимъ, къ чужой собственности, правдивость въ словѣ, отважность на всѣ случаи опасности съ полнымъ презрѣніемъ трусовъ, терпѣливость, стоическая выносливость всяческихъ лишеній въ борьбѣ съ природой, съ соціальными явленіями, расположеніе къ гостепріимству до готовности съ каждымъ подѣлиться, хотя-бы и съ случайнымъ гостемъ, послѣдними крохами домашняго хозяйства.

Умственныя способности горцевъ выражаются большею понятливостью, наклонностью къ наблюденіямъ, обширною памятью, которою отличаются дарвазцы и каратегинцы, и въ знаніи своей генеалогіи, преданій, легендъ и въ изученіи восточныхъ наукъ, привлекающихъ въ бухарскіе и самаркандскіе медрессе множество молодыхъ людей, оканчивающихъ полный курсъ наукъ и скорѣе и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ товарищи изъ туземцевъ равнины, просиживающихъ обыкновенно въ медрессе надъ зубреніемъ богословія, законовѣдѣнія, восточной философіи 16—25 лѣтъ*).

По своему характеру таджикъ представляется весьма симпатичнымъ: онъ добръ, честенъ, трудолюбивъ и чуждъ корыстолюбія. Женщины у

*) Аранларенко в. с., стр. 471.

таджиковъ-горцевъ ходятъ съ незакрытымъ лицомъ, но прячутся отъ посторонннхъ *).

Своимъ прямодушіемъ и простотой гальчи составляютъ совершенную противоположность съ лукавыми сартами и таджиками равнины. У нихъ гостепріимство священно, и въ каждомъ изъ ихъ селеній есть особый домъ для пріема странниковъ. Рабство несуществуетъ и никогда не существовало въ землѣ гальчей; всѣ жители ея люди вольные и управляются между собой: ихъ старшины, обязанные этимъ титуломъ уваженію, которое они пріобрѣли своей правотой, нелицепріятной справедливостью; должны преклоняться передъ рѣшеніями народнаго собранія **).

Трудолюбіе и неутомимость на работахъ гальчей вошли въ поговорку: „не нанимай узбекъ сто работниковъ—найми одного гальча".

Относительно сектантовъ я долженъ сказать, говоритъ гр. Бобринскій, они произвели на моихъ спутниковъ и на меня вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Строгая, нравственная дисциплина, къ которой пиры въ продолженіе долгаго времени пріучали своихъ подчиненныхъ, выработала въ нихъ извѣстную выдержку и сдержанность въ обращеніи съ людьми. Между собою они держатся съ достоинствомъ и съ самоуваженіемъ. Къ старшимъ относятся съ почтеніемъ, но безъ униженія.

Характеръ горца покойный, мягкій; онъ съ любовью относится къ своей сектѣ и къ своимъ пирамъ, привязанъ къ своему гнѣзду. На переселеніе горецъ рѣшается только подъ гнетомъ крайне тяжкихъ обстоятельствъ ***).

Таджики Каратегина, говоритъ Васильевъ, по природѣ очень добры, спокойны, миролюбивы и нѣсколько трусливы.

По словамъ А. Серебренникова, кромѣ трудолюбія, этого присущаго всѣмъ таджикамъ Шугнана качества, слѣдуетъ отмѣтить поразительную привязанность ихъ къ осѣдлой жизни, къ землѣ, которую они обрабатываютъ и которая въ большинствѣ случаевъ вознаграждаетъ ихъ трудъ крайне скудно.

Ближайшее знакомство съ таджиками и изученіе ихъ нравовъ, обычаевъ и образа жизни невольно заставляетъ симпатизировать этому трудолюбивому народу, перенесшему въ своей жизни такъ много гоненій и страданій, что приходится только удивляться, какимъ образомъ, несмотря на все это, онъ не только не исчезъ съ лица земли, но даже сохранилъ въ чистотѣ свои племенныя особенности ****).

Таджики Вахана, Шугнана и Рошана по натурѣ робки; подъ вліяніемъ бѣдности, притѣсненій и поборовъ представляютъ собою людей забитыхъ и загнанныхъ *****).

На своихъ невозможныхъ горныхъ тропинкахъ рошанецъ чувству-

---

*) В. Новицкій. Изв. И. Р. Г. О. т. XL 1904 г. вып. I—II стр. 10.

**) Реклю т. VI стр. 346.

***) Гр. Бобринскій. Секта Исмаилья. Типогр. обозр. 1902 г. № 2 стр. 19.

****) Серебренниковъ. „Турк. Вѣд." 1896 г. № 58 и 61.

*****) Д-ръ Пропащихъ. „Турк. Вѣд." 1903 г.

етъ себя также легко, какъ и горный козелъ и безъ малѣйшаго утомленія дѣлаетъ 50—70 верстные переходы; во время нашего движенія таджики переносили на своихъ плечахъ четырехпудовые мѣшки съ провіантомъ, которые едва были бы по силамъ вьючнымъ лошадямъ. Но при всей своей силѣ и выносливости народъ этотъ крайне вялый и миролюбивый. Никогда между ромашцами незамѣтно ни дракъ, ни ссоръ, ни даже сильнаго возвышенія голоса и только въ экстренныхъ случаяхъ слышится укоризненное „Э“ *).

Главнѣйшія особенности характера таджиковъ памирскихъ ханствъ составляютъ ихъ замѣчательная способность къ упорному труду и любовь къ осѣдлости и къ земледѣлію. Упорство таджиковъ въ борьбѣ съ природой поистинѣ удивительно. Чтобы обработать даже ничтожный клочекъ земли, встрѣчающійся въ узкихъ долинахъ рѣкъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, имъ приходится предварительно совершить гигантскую работу, чтобы очистить поле отъ крупныхъ и мелкихъ камней, удобрить его и оросить. Кучи камней, собранныхъ съ поля и сложенныхъ по краямъ его, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что владѣлецъ его добываетъ свой хлѣбъ въ полномъ смыслѣ въ потѣ лица **).

Не взирая на войны, тиранію, рабство бадахшанскіе таджики описываются въ лестныхъ чертахъ рѣдкими путешественниками, которые отваживались проникнуть въ ихъ страну. У бадахшанцевъ сильно развито чувство равенства, несмотря на различіе происхожденія и состоянія; всѣ они отличаются хорошими манерами, и даже ребенокъ подходитъ съ важностью къ пожилымъ людямъ, чтобы засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе; женщины, между которыми много бѣлокурыхъ, привѣтливы, дѣятельны, хорошія хозяйки и, хотя мусульманки, пользуются, по крайней мѣрѣ принадлежащія къ бѣдному классу, полной свободой открывать лицо и разговаривать съ мужчинами, знакомыми ихъ семейства.

Бадахшанцы очень гостепріимны, скромны, хотя и любопытны въ глубинѣ души, имѣютъ веселый нравъ, несмотря на важный видъ; но ихъ природныя качества вполнѣ развиты только въ „возмутившихся“ округахъ, т. е. въ тѣхъ округахъ, гдѣ населеніе сохранило свою первоначальную независимость ***)

Племена, населяющія Гинду-Кушъ, имѣютъ мягкій и спокойный характеръ, склонны къ веселью и забавамъ, не жестоки и не сварливы и охотно подчиняются властямъ. Страшныя жестокости во время войнъ Ясеня съ Кашмиромъ совершались, исключительно, классомъ ясенскихъ и чигпральскихъ ашимадековъ, которые весьма не выгодно отличаются въ этомъ отношеніи отъ другихъ племенъ. Нигдѣ въ разсказахъ о нападеніяхъ канджутцевъ на караваны или о войнахъ, въ которыхъ принимали участіе Хунза и Нагеръ, не упоминается о напрасной жестокости и истязаніяхъ ****).

*) Баньковскій. „Турк. Вѣд.“ 1894 г. № 13.
**) Серебренниковъ. Еж. Фер. обл. т. I вып. 1902 г. стр. 144.
***) Реклю. т. VI стр. 356.
****) Биддельфъ. Народы, насел. Гинду-Кушъ. Асхабадъ. пер. 1886 г. стр. 96

23. Преступленія и пороки.

О преступности равнинныхъ таджиковъ свѣдѣнія можно имѣть изъ разсмотрѣнія дѣлъ, поступающихъ въ общія судебныя учрежденія и народный судъ. Недостатокъ этихъ свѣдѣній тотъ, что они относятся ко всему населенію, а не къ таджикамъ только, и потому могутъ характеризовать общій характеръ преступности туземнаго населенія, преимущественно горожанъ. Сдѣлавши эту оговорку, укажемъ на проступки, поражающіе своимъ разнообразіемъ, которые имѣютъ видъ уголовныхъ преступленій. Преступленія эти таковы: сопротивленіе властямъ, оскорбленіе должностныхъ лицъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, побѣгъ арестантовъ, поддѣлка и сбытъ фальшивой монеты, педерастія, лжесвидѣтельство, смертоубійство, покушеніе на убійство, нанесеніе увѣчій и ранъ, изнасилованіе и покушеніе на него, разбой и грабежъ, кража со взломомъ, кража вооруженная и простая, мошенничество и растрата суммъ, подлогъ актовъ, обязательствъ и векселей, поджогъ, захватъ чужого имущества, преступленія по должности, поддѣлка паспортовъ, составленіе подложныхъ указовъ и предписаній, скотоложство, оскорбленіе чести, растлѣніе, самоуправство, злоупотребленіе правами супружескими, покушеніе на кражу; истребленіе и поврежденіе чужого имущества, присвоеніе неподлежащаго званія, лишеніе свободы, насиліе, обольщеніе замужней женщины, двумужество, государственныя преступленія, продажа въ рабство, угроза на словахъ лишить жизни, сводничество, лжеприсяга, возбужденіе къ неплатежу податей, самовольное присвоеніе власти и подлогъ въ оффиціальныхъ бумагахъ.

У казіевъ и на съѣздахъ разсматривались слѣдующія дѣла: кража и укрывательство похищеннаго, похищеніе женщинъ и мальчиковъ и покушеніе на такое преступленіе, распутство мужчинъ и женщинъ, нанесеніе побоевъ и ранъ, драки и нарушеніе общаго спокойствія, оскорбленіе туземныхъ должностныхъ лицъ, оскорбленіе мусульманской религіи, насильственное вторженіе въ чужой домъ, оскорбленіе частныхъ лицъ, пьянство, буйство и дурное поведеніе, обманъ и мошенничество, клевета и ложная жалоба, захватъ чужого имущества, азартная игра, самоуправство, растрата чужого имущества, скотоложество, подлогъ и утайка документовъ и ложная присяга*).

Кражи разныхъ видовъ и оттѣнковъ составляютъ самое разорительное хроническое бѣдствіе; кражи скота преобладаютъ, кражи имущества со взломомъ, кражи обрѣзываніемъ кармановъ (кисабури), грабежи, разбои, вооруженныя нападенія на женщинъ, даютъ наибольшій процентъ случаевъ въ районахъ осѣдлаго населенія съ большимъ числомъ базарныхъ пунктовъ.

По роду преступленій, согласно однодневной переписи, въ самаркандской городской тюрьмѣ содержалось 165 туземца (въ томъ числѣ одна женщина) по слѣдующимъ категоріямъ: по убійствамъ 20 муж. и

*) И. Емельяновъ. „Турк. Вѣд.“ 1886 г. № 11.

1 женщина, по грабежамъ—33, по разбоямъ—72, кражамъ со взломомъ —9, кражамъ простымъ—17, за побѣгъ изъ тюрьмы—3, побѣгъ изъ Сибири—4, за продажу въ рабство туземцевъ—2 и за поддѣлку монетъ—2*).

Заслуживаютъ объясненія довольно частыя случаи лжеприсяги въ русскихъ судахъ. По ученію шаріата клятва (касамъ или яминъ) бываетъ трехъ родовъ: касами-гамусъ, касами-мунакыда и касами-лагвъ. Касами-гамусъ есть клятва, произносимая въ подтвержденіе или отрицаніе событія уже совершившагося, при этомъ показаніе по существу дѣла предшествуетъ приносимой клятвѣ. Этотъ родъ присяги допускается шаріатомъ въ судебныхъ дѣлахъ по отношенію лишь тяжущихся сторонъ, и предоставляется ею воспользоваться какъ доказательствомъ, по указанію судьи истцу или отвѣтчику, для подтвержденія или отрицанія иска. Эта присяга для мусульманина имѣетъ весьма важное религіозное значеніе по той причинѣ, что въ случаѣ противоистиннаго принятія ея, тяжущійся, свидѣтельствуя именемъ Господа завѣдомую ложь, совершаетъ клятвопреступленіе, причисляемое ученіемъ Мухаммеда къ такъ называемымъ „смертнымъ грѣхамъ“, для которыхъ нѣтъ искупленія, ибо, сказалъ пророкъ: „кто клянется ложно, того Господь присудилъ къ аду“.

Не рекомендуется шаріатомъ прибѣгать къ этой присягѣ даже въ подтвержденіе истины въ тяжебныхъ дѣлахъ, ибо произносимое тяжущимся имя Господа настолько велико и свято, что къ нему не слѣдуетъ мусульманину обращаться изъ-за личныхъ жизненныхъ интересовъ. Вотъ почему всякій добропорядочный мусульманинъ бываетъ готовъ удовлетворить хотя-бы неправое требованіе своего противника, лишь-бы избѣжать непріятной для него присяги. Этимъ же объясняется существующій презрительный взглядъ мусульманъ нашихъ, кто принимаетъ передъ казіемъ клятву касами-гамусъ.

Второй родъ клятвы касами-мунакыда дается относительно событія, которое должно совершиться. Къ этой категоріи относятся клятвенныя обѣщанія—сдѣлать или не сдѣлать того-то. Нарушеніе такой клятвы особенно важныхъ послѣдствій для клятвонарушителя не имѣетъ, такъ какъ тутъ не свидѣтельствуется именемъ Господа завѣдомая ложь, а усматривается лишь неисполненіе обѣта, даннаго именемъ Бога. Исходя изъ того соображенія, что человѣкъ, какъ слабое, сравнительно, съ его творцомъ существо, не можетъ предрѣшать своего будущаго, а потому и не всегда можетъ исполнить то, что онъ обѣщалъ исполнить; шаріатъ снисходитъ къ подобному нарушенію клятвы и причисляетъ послѣднее къ грѣхамъ „мубахъ“, т. е. безразличнымъ, которые требуютъ все же искупленія. Искупленіе это состоитъ въ томъ, что клятвонарушитель обязывается: или отпустить раба на волю, или одѣть, или накормить 10 бѣдныхъ, или же, при несостоятельности исполнить хотябы одного изъ этихъ условій,—поститься три дня.

---

*) Арандаренко е. с. стр. 181.

Третій родъ клятвы—касами-лагвъ (пустой, вздорный), произносимой по опрометчивости противъ истины, но съ убѣжденіемъ, что содержаніе даваемой клятвы согласно съ дѣйствительностью, грѣховнаго значенія не имѣетъ. Если ко всему сказанному прибавить, что шаріатъ не только не обязываетъ свидѣтелей къ принятію присяги, но напротивъ, положительно освобождаетъ ихъ отъ нея, то станетъ ясно, что проведеніе свидѣтелей, согласно требованію русскаго закона, къ предварительной присягѣ представляется мусульманину совершенно чуждымъ его понятію и вѣрованію явленіемъ. Исполняя, однако, это требованіе закона и согласуя его съ ученіемъ религіи, мусульмане относятъ такую присягу ко второй категоріи клятвы (муна-кыда), такъ какъ объектомъ ея служитъ не событіе, по которому должно даваться показаніе, а самое клятвенное обѣщаніе. Отсюда сплошь и рядомъ выходитъ то, что свидѣтель передъ судомъ торжественно даетъ клятвенное обѣщаніе показать сущую правду по данному дѣлу, а затѣмъ, по тѣмъ или другимъ личнымъ побужденіямъ, онъ не исполняетъ своего обѣщанія, такимъ образомъ, принимаетъ на свою душу грѣхъ, относимый шаріатомъ, какъ уже сказано, къ степени „мубахъ". Надо замѣтить, что для мусульманина всякое постановленіе шаріата, будь оно религіозно-нравственнаго, или политико-юридическаго, или просто частно-семейнаго характера, одинаково имѣетъ силу божественнаго закона. Законъ этотъ повелѣваетъ клятвонарушителю искупить свой грѣхъ, а искупленіе, какъ уже сказано, кончается роздачей 10 лепешекъ или трехдневнымъ постомъ. Совершивъ такую сдѣлку съ совѣстью, освященную будто-бы божественнымъ закономъ, неразвитый клятвонарушитель по присущей ему привычкѣ придерживаться не духа, а буквы закона, спокоенъ душою и не испытываетъ боли угрызенія совѣсти. Отсюда ясно, что современное русское процессуальное законодательство, создавая изъ присяги для мусульманина лишь простую формальность, предоставляетъ ему широкій просторъ къ злоупотребленію присяжными свидѣтельскими показаніями *).

То, что преступно и наказуемо при однихъ правовыхъ возрѣніяхъ, можетъ быть не преступно и не наказуемо при другихъ. Поэтому мусульманское законодательство должно оказывать большое вліяніе на міровоззрѣніе туземцевъ.

Уголовное право мусульманъ совершенно противорѣчитъ тѣмъ основнымъ началамъ, которыя признаются европейскими законодателями. По той жестокости, которая лежитъ въ основѣ этого права, едва-ли оно можетъ быть сравниваемо съ кодексомъ другихъ народовъ. Цѣль наказанія, которую преслѣдуетъ мусульманское уголовное право—возстановить равновѣсіе, воздавъ преступнику за сдѣланное имъ зло, или внушить страхъ передъ наказаніемъ; вторая цѣль уже—возвращеніе потерянаго чрезъ содѣянное зло. По мусульманскому праву, вытекающему изъ корана, преступленія раздѣляются на три категоріи: 1) джи-

*) Серъ-Али—Лапинъ. „Турк. Вѣд." 1900 г. № 33.

наятъ, къ которымъ принадлежатъ: убійство, нанесеніе ранъ въ широкомъ значеніи слова; 2) хаддъ, т. е. такія преступленія, за которыя кораномъ опредѣляются извѣстнаго рода наказанія и 3) таазиръ, за которыя слѣдуетъ арбитрарное, исправительное наказаніе.

Къ первой категоріи относятся преступленія: лишеніе жизни, увѣчья и нанесеніе ранъ. За смерть—наказаніемъ смерть же, хотя представляется возможность откупиться деньгами у родственниковъ убитаго. Убійство безъ умысла подвергается двухмѣсячному посту и уплатѣ вѣры. Допускается кровавая месть, которая даже распространяется далѣе положенной кораномъ, а у арабовъ доведена до 5-го колѣна; она приводитъ иногда къ междуусобной войнѣ между племенами. Кровавой мести избѣгаютъ: женщины беременныя, до разрѣшенія, родственники убитаго по восходящей линіи, но съ уплатою вѣры и рабовладѣльцы, убившіе своихъ рабовъ; избавляются также несовершеннолѣтніе и безумные, но съ наложеніемъ поста и уплатою вѣры. Убившій же невѣрующаго, не подлежитъ кровавой мести.

Соучастниками преступленія считаются только принимавшіе дѣйствительное участіе въ совершеніи преступленія; принимавшіе же участіе послѣ совершенія преступленія или скрывавшіе его и давшіе возможность преступнику избѣжать наказанія, подвергаются исправительному наказанію. Скрывшіе украденное поэтому не считаются участниками воровства.

Въ шаріатѣ не существуетъ никакихъ особыхъ постановленій относительно повторенія преступленія и о покушеніи на преступленіе. Уплачиваемыя виры бываютъ 2-хъ родовъ: тяжелыя, когда убійство было совершено въ области Хиджаса или въ мѣсяцы—Мухарранъ, Раджабъ, Зуль-Кадатъ и Зуль-Хиджадъ, а также близкими родственниками. Стоимость тяжелой виры опредѣляется въ 1000 верблюдицъ, а легкой—въ 100 верблюдовъ. Уплата легкой виры, если неизвѣстенъ убійца, распространяется на жителей деревни, квартала или дома, а также на владѣльца земли, гдѣ найденъ былъ трупъ. Также поступаютъ при отравленіи и утопленіи.

Вотъ какъ коранъ говоритъ объ убійствѣ: „Не убивайте человѣка, о которомъ Богъ далъ запрещеніе, кромѣ того, кто повиненъ этому. Кто будетъ убитъ несправедливо, за того право мстить мы предоставили родственнику его; но этотъ не долженъ переступать мѣры въ отмщеніе за убійство, потому что и тѣ находятся подъ защитой". „Въ немъ мы (т. е. к.) предписали имъ душу за душу, око за око, носъ за носъ, ухо за ухо, зубъ за зубъ; раны должны быть местью, но кто проститъ ее, какъ милостыню, тому послужитъ это очищеніемъ отъ грѣховъ".

Наказать, по нѣкоторымъ толкованіямъ (школа Шафія), требуется такимъ же образомъ, какъ было совершено преступленіе, а по другимъ (Абу-Ханифа)—наказаніе нѣсколько смягчается въ томъ смыслѣ, чтобы жертва подвергалась меньшимъ мученіямъ.

Ко второй категоріи относятся слѣдующія преступленія: прелюбодѣяніе, наказаніемъ за которое служитъ побіеніе камнями: „позволяйте

(XXIV с.) вступать въ бракъ безбрачнымъ между вами, добрымъ слугамъ и служанкамъ вашимъ. Если они бѣдны, Богъ обогатитъ ихъ отъ щедротъ своихъ. Богъ благотворителенъ, премудръ. А тѣ, которые не вступили въ бракъ, должны жить воздержанно, покуда Богъ не обогатитъ ихъ отъ щедротъ своихъ."

За употребленіе вина или другихъ напитковъ виновный подвергается наказанію 40 ударовъ плетью; это число можетъ быть удвоено каѣмъ, по его усмотрѣнію. „Вѣрующіе! Вино, игра въ жеребьи, кумиры стрѣлованье — гнусны; это дѣло сатаны; потому устраняйтесь отъ этого: можетъ быть, будете счастливы".

За присвоеніе себѣ чужой вещи наказаніемъ служатъ отсѣченіе правой руки. „Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ воздаяніе за то, что сдѣлали они, въ назиданіе отъ Бога". Во второй разъ пойманнаго въ воровствѣ заключаютъ въ темницу, въ 3-й разъ—отсѣкаютъ лѣвую руку, въ 4-й разъ—правую ногу и, кромѣ того, возвращается украденное или уплачивается стоимость его.

За разбой, совершенный шайками на дорогѣ или въ жилищахъ, наказаніемъ служитъ тюрьма, а если при этомъ совершено убійство,— повѣшеніе или обезглавленіе.

За воровство, соединенное съ убійствомъ, подвергаются такому же наказанію или распинанію.

Весьма важнымъ преступленіемъ признается вѣроотступничество, наказаніемъ за которое—нравственная и гражданская смерть. Три дня вѣроотступникъ, заключенный въ темницѣ подвергается увѣщаніямъ муллъ и др. лицъ и по прошествіи этого времени надъ нимъ совершается смертная казнь; бракъ его расторгается, а имущество конфискуется и онъ лишается права на погребеніе по мусульманскому обряду. За мятежъ противъ государя или неисполненіе религіозныхъ обязательствъ виновный также подвергается смертной казни. Затѣмъ, по 3-ей категоріи полагается исправительное наказаніе, которое состоитъ въ увѣщаніи, наказаніи плетью, заключеніи въ тюрьму, денежномъ штрафѣ и изгнаніи. Такое наказаніе полагается за слѣдующіе проступки: бѣгство съ поля сраженія, ложное свидѣтельство, ложное обвиненіе и нѣкоторые другіе.

Наказанія за преступленія противъ нравственности строги, но строгость этихъ постановленій сильно умѣряется трудностью доказать вину, такъ какъ прелюбодѣяніе, не говоря уже о сознаніи, доказывается также четырьмя свидѣтелями мужчинами, которые должны видѣть всю процедуру, во всѣхъ ея подробностяхъ. Сверхъ того, сознаніе должно быть, по мнѣнію Абу-Ханифа, повторено четыре раза, а по мнѣнію всѣхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, оно должно быть сдѣлано лицомъ совершеннолѣтнимъ, должно быть обставлено приличными мотивами и разсказано во всѣхъ подробностяхъ. Но свѣтила мусульманскаго права, Абу-Ханифа и большинство шафіитовъ допускаютъ и отказъ отъ сознанія. Совершеніе запрещенныхъ любострастныхъ дѣйствій съ женщи-

ною, кромѣ сожитія, какъ бы онѣ не были безнравственны, не наказываются.

Вообще, нужно сказать, что таджики, какъ, впрочемъ, и всѣ туземцѣ, находящіеся въ русскомъ подданствѣ, въ смыслѣ выработки устойчиваго правосознанія, находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Причиною тому являются смѣшанность подсудимости мѣстнаго населенія съ одной стороны русскому суду, а съ другой—народному суду. Согласно положенія объ управленіи Турк. краемъ ст. 141, 142, 143, 173, 208, 209, 210, 211 и 212 подсудность туземнаго населенія опредѣляется: 1) принадлежностью обвиняемаго къ той или другой народности, 2) родомъ совершеннаго преступленія, 3) мѣстомъ, гдѣ оно совершено и 4) народностью лица, противъ котораго оно совершено. При существованіи этихъ четырехъ условій подсудности одно и тоже лицо, въ предѣлахъ, исключительно, Туркестанскаго края, за совершеніе совершенно однородныхъ проступка и преступленія можетъ подлежать суду русскому или суду народному, смотря по тому лишь, гдѣ совершено имъ это правонарушеніе и противъ какихъ лицъ, причемъ отвѣтственность измѣняется совершенно. Стоитъ туземцу перейти границу, отдѣляющую русскую часть города Ташкента отъ азіатской его части, и онъ судится какъ всякій гражданинъ русскаго государства, но возвратясь за эту границу, т. е. переходя небольшой мостъ на арыкѣ Боссу, и попавъ въ старый городъ, онъ судится по шаріату и ривоятамъ *).

Въ русскихъ предѣлахъ Туркестанскаго края изъяты изъ вѣдѣнія народнаго суда только дѣла объ измѣнѣ, нападеніи на почты и военные транспорты, убійствѣ христіанъ, убійствѣ должностныхъ лицъ, разбояхъ, грабежахъ, нападеніяхъ на купеческіе караваны, побѣгѣ въ чужія владѣнія поджогахъ, явномъ сопротивленіи властямъ, дѣланіи и переводѣ фальшивой монеты, убійствѣ, похищеніи казеннаго имущества. Всѣ гражд. дѣла возникающія изъ правоотношенія туземцевъ одной народности и всѣ уголовныя дѣла, предусмотрѣнныя уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и уложеніемъ о наказаніяхъ подлежатъ народному суду (выборному). Внѣ русскихъ предѣловъ судебный персоналъ состоитъ изъ казія—судьи и муфтіевъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, вступаютъ въ должности не по выбору народа, а по назначенію эмиромъ, или, въ небольшихъ районахъ, бекомъ, изъ муллъ, окончившихъ ученіе въ медрессе и выдержавшихъ испытаніе въ знаніи корана и шаріата.

Обязанность казіевъ при мусульманскомъ правленіи заключается: наблюдать чрезъ своихъ мирзъ и муфтіевъ за правильнымъ дѣйствіемъ на всѣхъ базарахъ торговой мѣры, вѣса и проч., выслушивать просителей, разбирать гражданскія и уголовныя дѣла и постановлять рѣшенія, утверждать имущественныя сдѣлки и договоры на всякую сумму и по всѣмъ предметамъ, утверждать акты брачные, бракоразводные, завѣща-

*) С. Б. Народные судьи „Турк. Кур.“ „Турк. Вѣд.“ 1896 г. № 81.

тельные, охранять имущество послѣ умершихъ и распредѣлять его (тахсимъ) между наслѣдниками (ворисъ), съ назначеніемъ, въ случаѣ надобности, опекуновъ (воси) къ малолѣтнимъ или неправоспособнымъ по физическимъ и духовнымъ недостаткамъ.

Обязанности муфтія состоятъ въ изложеніи письменныхъ просьбъ истцовъ по дѣламъ всякаго рода, въ составленіи договоровъ, подлежащихъ утвержденію казіевъ, въ участіи съ казіемъ по дѣламъ охранительнымъ, въ распредѣленіи имущества послѣ умершихъ, въ составленіи письменныхъ рѣшеній казія, въ подысканіи въ шаріатѣ, для каждаго обращающагося, будь то истецъ или отвѣтчикъ, постановленій (ривоятъ), соотвѣтствующихъ положенію псковаго дѣла.

Въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ аглямы, компетентные юристы, назначеніе которыхъ—утверждать своею печатью, при возникновеніи сомнѣнія у казія, каждый правильный ривоятъ, дающій въ такихъ случаяхъ рѣшительное и обязательное направленіе рѣшенію.

Казій пользуется высокимъ общественнымъ положеніемъ, сами стремятся создать себѣ имя безупречной дѣятельностью, находятся подъ контролемъ вліятельнаго класса общества и властей, не упускающихъ изъ виду книжныхъ положеній, требующихъ отъ казія знанія шаріата, высокихъ нравственныхъ качествъ и обязанности жить скромной, несуетливой жизнью, слѣдовать которой можетъ не каждый правовѣрный.

Въ книгѣ хилоса, опредѣляющей все, что касается частной жизни казіевъ, говорится: правители обязаны назначать на должности казіевъ людей, твердыхъ отъ всякихъ соблазновъ, усвоившихъ хорошо науки, выдержавшихъ диспутъ (низагъ) съ законовѣдами. Казій не долженъ быть безпечнымъ, гордымъ, вспыльчивымъ и несговорчивымъ. Казій не долженъ заниматься другими дѣлами по должности общественной, кромѣ дѣлъ судейскихъ. Казій не долженъ принимать ни отъ кого подарковъ, не долженъ ходить по гостямъ, но можетъ принимать участіе въ общественномъ празднествѣ и посѣщать больныхъ, уклоняясь, однако, въ обоихъ случаяхъ отъ всего соблазнительнаго. На судѣ казій долженъ быть не суровъ, но серьезенъ. Безъ улыбокъ, безъ шутокъ онъ долженъ терпѣливо выслушивать тяжущихся, относясь одинаково и къ ученому, и къ неучу, и къ богачу, и къ бѣдному, и къ властному, и къ безсильному, причемъ тяжущіеся должны сидѣть рядомъ, насупротивъ казія, который обязанъ относиться къ нимъ вѣжливо, но не говоритъ по секрету и не угощать.

Казій, уличенный въ намѣренномъ неправосудіи, въ принятіи отъ кого-либо взятки, въ вымогательствѣ отъ тяжущихся: платы больше той, какая установлена нормою, — въ употребленіи горячительныхъ (хамръ) напитковъ, въ развратномъ поведеніи—немедленно долженъ быть отрѣшенъ начальствующими отъ должности.

Въ тѣхъ видахъ, чтобы казій, занимаясь дѣлами судейскими, не терялъ познаній въ наукахъ, правителямъ предоставляется оставлять ихъ въ должностяхъ не болѣе трехъ лѣтъ и затѣмъ опредѣлять на

нѣкоторое время въ высшія школы мударисами, допуская, впослѣдствіи, вновь на судейскія должности.

Получившій должность казія взяткою, недостойнымъ ухищреніемъ, не можетъ оставаться въ этой должности, и всѣ дѣйствія его недѣйствительны настолько, что каждый правильно избранный казій вправѣ перерѣшить опредѣленіе, постановленное лже-казіемъ.

По всѣмъ дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, истецъ обращается къ казію по мѣсту жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика.

Возсѣдая на полу, окруженный муфтіями и мирзами, казій выслушиваетъ усѣвшагося, съ поджатыми ногами, просителя или просительницу при открытыхъ дверяхъ своей сакли, на порогѣ которой, соблюдая тишину, толпятся обыкновенно сторонники тяжущихся и праздные любители развлеченій.

Если оба тяжущіеся имѣются на лицо, казій, приступая безотлагательно къ разбору дѣла, предлагаетъ истцу обратиться къ одному изъ муфтіевъ для написанія прошенія (махзаръ), передающаго только сущность дѣла: я, Узакъ-бай, по сему прошенію, пишу отъ Мирза-НурЪ-Магомедова, проживающаго въ селеніи такомъ-то, принадлежащаго мнѣ быка, выкраденнаго и находящагося нынѣ въ рукахъ отвѣтчика. Почему прошу васъ, казій, приказать отвѣтчику возвратить мнѣ быка. Муфтій Камамеддинъ, приложившій къ махзару сему печать, прошу казія о допущеніи Узакъ-бая къ разбору этого дѣла и объ удовлетвореніи истца, если заявленіе будетъ доказано[a].

Принявъ исковое прошеніе, оплаченное истцомъ 20—40 коп., казій старается склонить тяжущихся къ миру, что весьма часто и достигается, какъ въ самой камерѣ (казы-хана), такъ и внѣ ея, при содѣйствіи родственниковъ и людей постороннихъ, авторитетныхъ.

При неуспѣхѣ въ примиреніи, казій, разбирая дѣло, выслушиваетъ возраженія отвѣтчика, требуетъ доказательствъ (далиль) отъ истца. Доказательствами въ каждомъ искѣ могутъ быть документы, не оспариваемые въ подлинности, или два нравственныхъ, добросовѣстныхъ свидѣтеля (шагитъ) мужского пола (допускается въ свидѣтели двѣ женщины, вмѣсто одного мужчины, но съ тѣмъ, чтобы былъ и одинъ свидѣтель мужского пола), или непринятіе отвѣтчикомъ принудительной (гамусъ) присяги (касамъ) въ опроверженіе иска.

Такъ разрѣшаются въ полчаса времени всѣ почти мелкіе иски, когда истецъ является со своими свидѣтелями, а отвѣтчикъ добровольно слѣдуетъ за нимъ къ казію.

Но иски сложные, по торговымъ расчетамъ по возстановленію правъ нарушеннаго владѣнія, по дѣламъ о наслѣдствѣ, объ установленіи опеки, по дѣламъ бракоразводнымъ (талакъ) и браковѣнчальнымъ (никохъ), продолжаются нѣсколько дольше и порядокъ судопроизводства дѣлается сложнѣе.

При неявкѣ отвѣтчика по иску, заявленному письменнымъ прошеніемъ, казій дѣлаетъ ему словесный вызовъ (чакру) чрезъ своего по-

сыльнаго (мулязимъ), получающаго въ вознагражденіе съ призываемаго 80 коп. за каждые 5 верстъ сдѣланнаго разстоянія.

Отвѣтчикъ или обвиняемый, не являющійся и послѣ двукратнаго вызова, приводится чрезъ полицейскую власть и можетъ быть наказанъ, по усмотрѣнію административной власти, арестомъ за ослушаніе казія.

Въ огражденіе интересовъ истца, обыкновенно такого ненадежнаго отвѣтчика казій съ перваго же дня судебнаго разбирательства или отдаетъ на поруки (кофиль), или обязываетъ его ходить неотлучно съ истцомъ (мулазамотъ), или, при несогласіи на это отвѣтчика, подвергаетъ его аресту (ховзъ).

Заочныхъ рѣшеній не существуетъ по шаріату, исключая случаевъ: оставленіемъ мужемъ жены своей безъ всякихъ средствъ, случаевъ иска къ имуществу безвѣстно отсутствующаго.

Относительно повѣренныхъ мусульманское законодательство ограничиваетъ право тяжущихся требованіемъ, чтобы они передавали защиту своихъ правъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ шаріатомъ; случаи эти слѣдующіе: несовершеннолѣтіе, умственная и старческая немощь, неопытность и угнетенность, подмѣченная самимъ казіемъ, ненахожденіе на мѣстѣ, а также болѣзни, препятствующія явиться въ камеру суда.

Только эти условія, при неоспаривавіи ихъ другой стороной, допускаютъ замѣстительство тяжущихся на судѣ повѣренными ихъ.

Передача правъ повѣренному совершается или словеснымъ объявленіемъ объ этомъ подлежащему казію, или же письменною довѣренностью (хата-аукалятъ), засвидѣтельствованнаго какимъ бы то ни было казіемъ. Каждому казію, однако, предоставляется отстранять и не допускать къ разбору дѣла такихъ повѣренныхъ, которые извѣстны въ обществѣ за людей сомнительной нравственности, за людей, живущихъ на счетъ обмановъ (фирибъ). Равнымъ образомъ, казій обязанъ устранить и такого повѣреннаго, въ дѣйствіяхъ котораго по исковому дѣлу обозначилась злонамѣренность въ ущербъ интересамъ довѣрителя. Другихъ поводовъ устраненія повѣренныхъ для суда по шаріату не представляется.

Обязанности повѣреннаго ограничиваются поддержаніемъ правъ своего довѣрителя въ предѣлахъ довѣренности, причемъ довѣрителю предоставляется право устраненія повѣреннаго при всякомъ положеніи дѣла и безъ права для послѣдняго вступать повѣреннымъ противной сторонѣ.

Сказавъ, что никакое заявленіе тяжущихся о намѣреніи представить ривоятъ, соотвѣтствующій положенію дѣла, не можетъ быть отвергнутъ казіемъ, поясняетъ, что послѣднему предоставляется шаріатомъ право назначить тяжущимися срокъ исполненія заявленія, срокъ отъ одного дня до двухъ мѣсяцевъ, сообразно съ характеромъ дѣла и серьезностью доказываемаго или опровергаемаго ривоятами случая или довода.

Хотя поводовъ къ составленію защитительныхъ ривоятовъ въ каждомъ исковомъ дѣлѣ, по характеру судопроизводства у казіевъ, можетъ представляться весьма много для каждой изъ сторонъ, тѣмъ не менѣе никому нигдѣ не приходится слышать, чтобы туземцы злоупотребляли этимъ правомъ свободной защиты на судѣ.

Ривоятъ есть письменная справка—указаніе судьямъ на законъ, соотвѣтствующій положенію тяжебнаго дѣла, поступившаго на разсмотрѣніе суда.

Ривоятъ, признанный казіемъ правильнымъ, получаетъ юридическую силу, даетъ требуемое направленіе дѣлу, вовсе не нуждаясь въ санкціонированіи его приложеніемъ печати казія; наоборотъ, справка, несоотвѣтствующая положенію разсматриваемаго судомъ дѣла, остается безъ всякаго на него вліянія и возвращается предъявителю ея.

Для составленія правильнаго ривоята, муфтію требуется хотя поверхностное знаніе обстоятельствъ дѣла, требуется, главное, знаніе шаріата. Такіе муфтіи, при добросовѣстномъ отношеніи къ обязанностямъ защитника, пользуются громадною популярностью въ обществѣ, имѣютъ огромную юридическую практику.

Руководительнымъ началомъ къ отличію правильныхъ ривоятовъ, къ постановленію законныхъ опредѣленій, служитъ основное правило, по которому казіи и муфтіи, по каждому возбуждающемуся дѣлу, должны подыскивать подходящіе законы сначала въ книгахъ матунъ (коренные законы), какъ-то: мухтасаръ-викая, никая, кудури, ашба, канзульдакаскъ, тавируль-абзаръ, ваери и другихъ.

Если въ этихъ основныхъ законахъ разъясняющихъ статей не отыщется, въ такомъ случаѣ обязательно обращаться за справками къ поясненіямъ (шархи) основныхъ законовъ, кои изложены въ книгахъ хидая, тарикатъ, шархи-викая, джамуль-рамузъ, абдулъ-селій, мулла алій-коры, шамуни, джалялъ гурэмири, фахрэдини-айни и другихъ.

Если же и эти книги не дадутъ требуемыхъ разъясненій, въ такомъ случаѣ судьи должны подыскивать справки въ другихъ судебныхъ книгахъ, какъ-то: хуласа, имамъ-казыхалъ, мухитъ, захира, хизаматуль, муфтіинъ, мульта-котъ, кинія, баззазія, бурхани, алятъ-гири, съ тѣмъ, чтобы разъясняющіе тексты въ этихъ послѣднихъ судебныхъ уставахъ были обозначены отмѣтками: „биги-юфна“ —въ этомъ было сдѣлано постановленіе, „валауль-фатва“—на этомъ постановлено, „Хуваль сагихъ“ оно твердо, т. е. правильно, „Хуваль-асхъ“—оно вполнѣ правильно. Если, однако, на одинъ и тотъ же юридическій вопросъ въ книгахъ послѣдней категоріи встрѣтятся два различныя толкованія, то судъ обязательно отдаетъ предпочтеніе тому изъ нихъ, въ которомъ имѣется отмѣтка „биги-юфна“, и вообще предшествующій терминъ, въ порядкѣ, выше постановленномъ, имѣетъ юридическую силу преимущественно надъ послѣднимъ.

Необходимо замѣтить здѣсь, что преступленія и проступки вообще не вмѣняются шаріатомъ въ вину несовершеннолѣтнимъ, т. е. не достигшимъ 12 лѣтъ для муж. и 9 лѣтъ для женщ. Карательную власть

надъ ними мусульманское законоположеніе оставляетъ родителямъ, слагая съ нихъ, однако, обязанность удовлетворить потерпѣвшихъ вознагражденіемъ за ущербъ, нанесенный какимъ-бы то ни было преступленіемъ, хотя-бы убійствомъ.

Такое вознагражденіе взыскивается изъ собственности обвиненныхъ, при полученіи ими таковой по достиженіи совершеннолѣтія.

При опредѣленіи наказаній за проступки, согласно шаріата, казій сообразуется съ общественнымъ положеніемъ обвиняемаго, принимая за основаніе тотъ мотивъ, что людямъ развитымъ, людямъ высшаго общественнаго положенія, одно сознаніе о совершенномъ ими проступкѣ и въ особенности приводъ въ камеру суда составляетъ уже чувствительное наказаніе, равнозначущее съ тѣми карательными взысканіями, которыя налагаются, по установленной шаріатомъ градаціи, на простой классъ. Казію, однако, предоставляется отличать, при опредѣленіи наказаній, и въ высшемъ классѣ людей совѣсти отъ безнравственныхъ людей.

Послѣ длиннаго отступленія возвращаемся снова къ преступленіямъ и порокамъ таджиковъ, на этотъ разъ—горныхъ таджиковъ. Всѣ авторы, писавшіе по этому вопросу, единогласно утверждаютъ, что горные таджики въ нравственномъ отношеніи стоятъ несравненно выше своихъ соплеменниковъ—горожанъ, равнинъ. Это объясняется тѣмъ, что горные таджики до сихъ поръ довольствуются своими скудными средствами и въ ихъ средѣ отсутствуетъ испорченное городское населеніе, въ средѣ котораго, какъ извѣстно, больше проявляется кумарбазовъ (игроковъ въ кости) и джоинбазовъ (любителей батчей),—страсти, которыя въ большинствѣ случаевъ служатъ поводами къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ. Въ горахъ, если и бываютъ убійства, то это ничто иное, какъ проявленіе дикихъ, необузданныхъ, болѣе животныхъ страстей—ревности или родовой мести. Иногда и самая обыденная ссора, безъ корыстныхъ цѣлей, влечетъ за собой кровавую развязку, при помощи кетменя или топора, что прямо свидѣтельствуетъ о младенческомъ состояніи тамошнихъ жителей. Эта патріархальность народа и, пожалуй, безхитростность его даютъ возможность скоро и легко обнаружить преступленія и виновниковъ ихъ*).

Такія преступленія, какъ убійство и воровство случаются у таджиковъ Памира весьма рѣдко и наказываются весьма строго; еще рѣже преступленія противъ супружеской вѣрности, а нѣкоторые виды преступленій, какъ, напр., дѣтоубійство, можно сказать, совершенно неизвѣстны, такъ какъ подобныхъ случаевъ не запомнятъ даже старожилы.

По суду казія виновный обязанъ возвратить пострадавшему, въ случаѣ воровства, въ $1^1/_2$ раза болѣе украденнаго и уплатить самому казію за разбирательство дѣла двѣ теньги. При этомъ, разумѣется, похитителю дѣлается наставленіе, сопровождаемое иногда даже тѣлеснымъ наказаніемъ.

Еще рѣже бываютъ случаи убійства, повторяющіяся 1—2 раза въ

---

*) „Турк. Вѣд.“ 1878 г. № 43.

10 лѣтъ и наказываются штрафомъ въ 1000 тенегъ въ пользу семьи убитаго. За разбирательство дѣлъ объ убійствахъ казій получаетъ вола или его стоимость. Въ случаѣ несостоятельности убійцы, у него отбирается все движимое и недвижимое имущество. Хотя, по понятіямъ бѣдняковъ—таджиковъ, сумма въ 1000 тенегъ, т. е. около 250 рублей, является весьма значительной, тѣмъ не менѣе и она считается недостаточной оцинокой человѣческой жизни, вслѣдствіе чего допускается и нерѣдко практикуется въ этихъ случаяхъ кровавая месть—хунъ.

Самоубійства и дѣтоубійства, по увѣреніямъ таджиковъ, никогда не бываетъ среди нихъ.

Чрезвычайно интересны взгляды таджиковъ на преступленія противъ супружеской невѣрности, кстати сказать, случающіяся весьма рѣдко. Мужъ, заставшій свою жену съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія, имѣетъ право убить ее и ея любовника, и не преслѣдуется какъ убійца, но если онъ убьетъ только одного изъ виновниковъ прелюбодѣянія, то считается убійцей и обязанъ уплатить штрафъ въ пользу семьи любовника въ 1000 тенегъ, а въ случаѣ убійства жены, въ пользу ея семьи—500 тенегъ.

Переходя къ вопросу о порокахъ, распространенныхъ среди таджиковъ Памира, нужно сказать, что пьянство у нихъ совершенно отсутствуетъ и въ настоящее время даже не употребляется никакихъ спиртныхъ напитковъ. Во времена хановъ выдѣлывалось въ ничтожномъ количествѣ виноградное вино, предназначавшееся для самаго хана и его приближенныхъ, а простой народъ и тогда, какъ и теперь, не имѣлъ понятія о винѣ и другихъ спиртныхъ напиткахъ, запрещенныхъ къ тому же кораномъ. Запрещеніе кораномъ употребленія спиртныхъ напитковъ заставило, вообще, всѣхъ мусульманъ обратиться къ другимъ наркотическимъ средствамъ, но и эти послѣднія имѣютъ весьма незначительное распространеніе среди таджикскаго населенія. Изъ нихъ наиболѣе распространенъ табакъ. Табакъ употребляется не только мужчинами, но и женщинами, а куреніе опіума распространено весьма мало*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ судъ, при помощи испытанія огнемъ, практикуется до настоящаго времени. Отмѣривается разстояніе въ 7 шаговъ, и раскаленный до красна обухъ топора кладется на зеленый листъ, лежащій на ладони обвиненнаго. Онъ долженъ положить топоръ на назначенное мѣсто въ семи шагахъ и, если у него на рукѣ окажется ожогъ, то это служитъ доказательствомъ его вины. Векиль тзума Хунзы однажды предлагалъ подвергнуть себя такому испытанію въ присутствіи г. Биддельфа, чтобы очистить своего господина отъ ложнаго обвиненія**).

---

*) Серебренниковъ. Еж. Ферг. Обл. т. I, вып. 1902 г., стр. 157.

**) Биддельфъ. Народы, населяющіе Гинду-Кушъ, стр. 124.

24 Религія и обряды.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религію шіитскаго толка. Они не отличаются особенною религіозностью, но недостатокъ ея въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ большинство, или, лучше сказать, недостатокъ набожности не мѣшаетъ таджикамъ быть въ довольно высокой степени нравственными.

Главными представителями и хранителями религіи въ средѣ таджиковъ являются духовныя лица—муллы, халифы и пирры. Всякій грамотный, умѣющій читать и писать, носитъ названіе муллы и можетъ совершать богослуженіе и справлять требы, но, за неимѣніемъ достаточнаго числа грамотныхъ, обязанности муллы нерѣдко исполняются людьми совсѣмъ неграмотными, избираемыми изъ почетныхъ стариковъ. Каждый районъ имѣетъ своего наставника въ вѣрѣ, такъ называемаго „халифа", назначеннаго на этотъ постъ высшимъ духовнымъ лицомъ—пирромъ. Халифы въ большинствѣ случаевъ имѣютъ сильное вліяніе на гражданъ своего прихода, которые обращаются къ нимъ за совѣтомъ во всѣхъ сколько нибудь выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ случаяхъ.

Историческія судьбы иранцевъ, ихъ древняя культура и національный характеръ имѣли существенное значеніе въ принятіи таджиками не чистаго ислама, а ученія мусульманскихъ раскольниковъ шіитовъ. Иранъ, какъ одно изъ древнѣйшихъ государствъ, жилъ не своими только идеями, но и идеями другихъ болѣе цивилизованныхъ въ свое время странъ. Особенно это нужно сказать относительно его религіозной жизни. Въ доисторическое время въ Ираиѣ господствующею религіею было грубое звѣздопоклонство. Явился Зороастръ и далъ свою болѣе возвышенную, болѣе духовную религію.

Ученіе Зороастра сдѣлалось религіей древнихъ жителей Ирана, первоначально мидійцевъ и бактрійцевъ, затѣмъ персовъ временъ

ахемнидовъ и сассанидовъ. Основаніемъ ея считается Заратуштра (у греч. авт.—Зороастръ, у персовъ—Зардушъ или Зердуштъ). По этому ученію вся природа распадается на два царства: свѣта и добра — съ одной стороны, мрака и зла—съ другой.

Культъ парсизма выражается въ богослуженіи, жертвоприношеніяхъ, очищеніяхъ и множествѣ обрядовъ. На первомъ планѣ находится служеніе огню, какъ представителю свѣта на землѣ, какъ стихіи чистой и всеочищающей. Первоначально союзникъ бога, огонь мало по малу сдѣлался почти ему равнымъ и символомъ его; культъ его чрезвычайно развился и существуетъ до настоящаго времени. У таджиковъ до сихъ поръ справляется праздникъ огня или солнца, во время котораго зажигаютъ костры, подобно тому, какъ у европейскихъ народовъ зажигаютъ костры или смоляныя бочки на Ивановъ день, и эти огни, также какъ и у насъ въ Европѣ, предназначаются для того, чтобы очищать своимъ пламенемъ всѣхъ. Больные должны три раза обойти вокругъ костра, затѣмъ перешагнуть трижды чрезъ огонь; если же чающій исцѣленія слишкомъ слабъ, чтобы выполнить эти предписанія, то ему нужно, по крайней мѣрѣ, пристально смотрѣть на пламя въ то время, какъ надъ нимъ произносятъ заклинанія для того, чтобы прогнать болѣзнь къ „пустынямъ и озерамъ“. У горныхъ таджиковъ запрещено дуть на огонь, ибо нечистое дыханіе человѣка не должно прикасаться къ пламени, чистотѣ по преимуществу; туземцы пріобрѣли привычку гасить лучины, служащія имъ свѣтильникомъ, производя теченіе воздуха маханіемъ руки. Вокругъ колыбели новорожденнаго, вокругъ одра умирающаго постоянно носятъ горящій факелъ.

Жертвоприношенія у древнихъ послѣдователей состояли, главнымъ образомъ, изъ произведеній растительнаго царства: хлѣба, зерна, цвѣтовъ, плодовъ вѣтокъ хаома (растенія, изъ котораго приготовляется опьяняющій напитокъ), благовоній; сожженіе на огнѣ жертвенныхъ животныхъ было бы величайшимъ оскорбленіемъ этой стихіи.

Въ ученіи парсизма мы находимъ высокія нравственныя требованія. Авеста постоянно настаиваетъ на чистотѣ мысли, слова и дѣла. Ложь, обманъ, зависть—созданіе злого духа и составляютъ величайшее зло природы, съ которымъ слѣдуетъ всѣми силами бороться. Напротивъ, душевная чистота—великое благо, отъ котораго зависитъ процвѣтаніе всей матеріальной природы и человѣческаго общества. Авеста внушаетъ человѣку противленіе злу физическому и духовному, побуждаетъ къ борьбѣ съ неблагопріятными условіями природы (безводіемъ почвы, засухой, вредными животными, болѣзнями), вызываетъ энергію къ труду, учитъ, думать, говорить и поступать правдиво. Она предписываетъ человѣку занятіе земледѣліемъ, насажденіе полезныхъ растеній, проведеніе каналовъ для орошеніе почвы, вообще утилизацію природы на пользу человѣка.

При Кирѣ, когда древняя Бактрія была присоединена къ Персіи, религія Зороастра потерпѣла измѣненіе отъ религіи маговъ, которая была господствующею у мидянъ. Кромѣ того, вслѣдствіе сношеній съ

Индіей и Греціей, еще задолго до мухаммеданства, въ Персію проникли буддизмъ и греческія философско-религіозныя идеи, по преимуществу мистическаго характера; и все это, соотвѣтствуя душевному строю персовъ, удобно привилось у нихъ. Такимъ образомъ въ Ираиѣ образовалось и существовало уже множество религіозныхъ сектъ, въ ученье которыхъ вносили разнообразные элементы: магизмъ, мазуензмъ, буддизмъ, неоплатонизмъ и нѣкоторыя другія секты, между которыми слѣдуетъ отмѣтить двѣ. Объ одной изъ нихъ упоминается въ Дабистанѣ (произведеніи неизвѣстнаго автора), какъ о такой сектѣ, которая болѣе чѣмъ за столѣтіе до Магомета, была уже въ Персіи и держалась чисто буддійскихъ началъ; это именно секта джемшастіановъ; другая секта была основана также столѣтіемъ ранѣе Магомета, магомъ Мазуакомъ, который съ манихейскимъ ученіемъ объ абсолютномъ дуализмѣ связалъ основоположеніе строгаго воздержанія, съ одной стороны, и уничтожающаго всякую нравственность моральнаго индифферентизма съ другой. Изъ всѣхъ этихъ религій и сектъ у персовъ привилось по преимуществу то, что носило на себѣ характеръ необычайнаго, сверхъестественнаго и мистическаго. Такъ, изъ буддизма у персовъ особенно привилась идея боговоплощенія, олицетворенная персами въ третьемъ сынѣ Зороастра, Саошохѣ, который, по ихъ вѣрованію, при концѣ міра опять явится и побѣдитъ Аримана. А отъ маговъ персы усвоили главнымъ образомъ различныя мистическія дѣйствія, каковы заклинанія, заговоры, гаданія, искусственныя средства приводить человѣка въ возбужденное состояніе и тому подобное. Послѣ всего того становится понятнымъ, почему въ Персіи не могло привиться мухаммеданство въ своемъ простомъ чувственномъ видѣ, проповѣдующее только единство Божества и чисто формальное исполненіе внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, словомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ его самъ Магометъ, а утвердилась въ ней, измѣнившись въ шіитскую вѣру, которая болѣе соотвѣтствовала характеру и религіозному состоянію персовъ. Но утвердившись здѣсь и въ такомъ видѣ, мухаммеданство все-таки продолжало измѣняться подъ вліяніемъ прежнихъ вѣрованій и возрѣній персовъ и раздѣлилось на множество сектъ, изъ которыхъ каждая носила на себѣ отпечатокъ извѣстнаго посторонняго элемента*).

Къ мугаммеданскому символу вѣры: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мугаммедъ пророкъ его“, шіиты добавляютъ: „и Алій намѣстникъ Бога“. Правда, что прямо воплощеніемъ Божественнаго существа считаютъ Алія только члены особой секты, именуемой „Али-Илахи“,—т. е. боготворители Алія,—но въ сущности для всѣхъ остальныхъ не Аллахъ и его пророкъ, а Алій настоящій предметъ религіознаго поклоненія. Какъ видно, къ явному отрицанію первыхъ халифовъ здѣсь присоединяется и молчаливое устраненіе арабскаго пророка. Та же черта, отнимающая у лицъ и предметовъ ихъ истинное арабско-исламійское зна-

*) П. Позднеевъ. Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ 1886 г. стр. 34—36.

ченіе, ясно замѣтно и въ другихъ частяхъ религіознаго значенія шіитовъ. Правда, за кораномъ признается значеніе Божьяго слова, но его прямой смыслъ извращенъ аллегорическимъ толкованіемъ, которое въ сути своей сводится къ подсовыванію разныхъ преданій и сказаній объ. Али тѣмъ же самымъ стремленіемъ по возможности дальше отстранить все арабское былъ вызванъ и шіитскій догматъ объ „имаматѣ". Правда, сунниты въ настоящее время вѣрятъ, что первые преемники Мухамеда—Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ, были отмѣчены особенными божьими дарами и милостью, но имъ и въ мысль не приходитъ отказывать Алію въ тѣхъ же свойствахъ. Кромѣ того, одновременно съ названными четырьмя лицами они признаютъ выдающуюся степень святости еще за цѣлымъ рядомъ другихъ товарищей пророка. Историческіе факты настолько уважаются ими, что они уже не оспариваютъ больше ни у омайядовъ, ни у аббасидовъ законности ихъ бывшаго владычества. Съ тѣхъ поръ какъ сунна замѣстила собою прямой авторитетъ халифа, какъ главы общины (имамъ), все это не имѣетъ уже больше существеннаго религіознаго значенія. Совершенно иначе у шіитовъ. Легитимистическая теорія проведена шіитами съ такой послѣдовательностью, что они вмѣсто первыхъ халифовъ, омайядовъ и аббасидовъ, считаютъ имамомъ Алія и одиннадцать его потомковъ, и признаютъ этихъ имамовъ, т. е. опять таки отрицаніе арабскаго владычества стало у нихъ религіознымъ догматомъ и именно догматомъ существенной важности *).

Что же касается сектанства, то исторія возникновенія и развитія суфизма въ исламѣ очень проста. Въ Аравіи религія Мугаммеда возникла подъ вліяніемъ христіанства и іудейства естественнымъ историческимъ путемъ. Введенная затѣмъ насильно въ странахъ съ арійской культурой (въ Персіи, теперешнемъ Афганистанѣ и Средней Азіи) съ населеніемъ, отличающимся отъ семитовъ по бытовымъ особенностямъ, духовному складу и языку, она не могла произвести внутренней ломки и радикальнаго измѣненія старыхъ народныхъ вѣрованій, сложившихся вѣками. Исламъ—религія нетерпимости, а потому старымъ вѣрованіямъ пришлось выдержать жестокую борьбу съ его строгою ортодоксальностью. Нигдѣ, кажется, не было столько противоисламскихъ движеній, какъ въ упомянутыхъ странахъ. Достаточно припомнить движенія Абу-Муслима и Моканны, причинившимъ мусульманамъ въ самую раннюю пору ислама не мало огорченій. Въ концѣ концовъ, послѣ продолжительной и упорной борьбы побѣда осталась на сторонѣ старыхъ вѣрованій. Но они должны были приспособиться къ новой духовной и гражданской жизни. Имъ пришлось прикрыть себя текстами корана, который имѣетъ массу недомолвокъ и темныхъ мѣстъ и даетъ самое широкое поле для всевозможныхъ толкованій и заключеній. Эта особенность корана и дала возможность приверженцамъ старой вѣры облечь самый широкій размахъ мысли въ желательный текстъ священной книги, и то, что

*) А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ т. III, стр. 10 и слѣд.

раньше называлась не иначе, какъ бидаатъ (ересь), теперь уже никого не смущало и признавались, какъ кость отъ кости ислама.

По существу своему шіитизмъ представляетъ собою отрицаніе ислама. Главный догматъ ученія—отрицаніе законности существованія первыхъ трехъ халифовъ—Абу-Бекра, Омара и Османа, а также отрицаніе исходящихъ отъ нихъ и окружающихъ изъ суннитскихъ преданій, и замѣщеніе авторитетности этихъ преданій преданіями (хадисами), приписываемыми Алію его приверженцами.

Въ коранѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ прямо говорилось бы, что Мухаммедъ назначилъ своимъ непосредственнымъ преемникомъ Алія. Между тѣмъ, это послѣднее и составляетъ самый важный и спорный пунктъ между шіитами и суннитами. И вотъ, чтобы утвердить свое ученіе на авторитетѣ корана, шіиты, по своей любви къ аллегоріи, стараются путемъ аллегорическаго толкованія корана, найти въ немъ благопріятствующія себѣ мѣста. Сунниты же для подтвержденія своего вѣрованія ссылаются не на коранъ, а на преданія, и такъ какъ эти преданія дѣйствительно говорятъ въ ихъ пользу, то шіиты отвергаютъ ихъ подлинность, собираютъ другія преданія, которыя говорятъ за нихъ. Нужно дабавить, что въ той страстности, съ которою еще до сихъ поръ шіиты ненавидятъ особенно Омара, завоевателя Персіи, слышенъ отзвукъ старой злобы великаго народа противъ чужеземнаго владычества.

По ученію мухаммеданъ вообще, имамъ есть законный представитель Мухаммеда, а потому онъ есть духовный и свѣтскій глава и руководитель мусульманскаго міра; но вопросъ въ томъ, какъ узнать, что извѣстное лицо есть законный имамъ? Сунниты признаютъ законными всѣхъ имамовъ, избранныхъ цѣлымъ обществомъ или государствомъ, а потому справедливо признаютъ законными имамами и первыхъ трехъ халифовъ — Абу - Бекра, Омара и Османа, такъ какъ они были избраны одинъ за другимъ именно такимъ образомъ. Между тѣмъ, какъ шіиты утверждаютъ, что законнымъ имамомъ можетъ быть только потомокъ Алія, четвертаго халифа, потому что самъ Мухаммедъ, назначивъ Алія своимъ непосредственнымъ преемникомъ, тѣмъ самымъ выразилъ желаніе, чтобы его представителями (имамами) въ обществѣ мусульманъ были его же собственные потомки, каковыми и являются только одни дѣти и потомки Алія. Въ силу этого, шіиты признаютъ незаконными имамами и узурпаторами халифскаго достоинства первыхъ трехъ халифовъ и всѣхъ другихъ, не происходящихъ отъ Алія, а вмѣсто этихъ признаютъ законными имамами иныхъ лицъ, и притомъ только двѣнадцать.

Первымъ халифомъ и законнымъ имамомъ шіиты признаютъ Алія; вторымъ перваго сына Алія отъ Фатимы, единственной дочери Мухаммеда, Хасана; третьимъ—второго сына Алія—Хусейна. Хасанъ былъ отравленъ и его тѣло было погребено въ Мединѣ, а Хусейнъ былъ убитъ Езидомъ, сыномъ Маавіи и погребенъ въ Кербелѣ. Четвертымъ имамомъ былъ Алій II, прозванный „Зейнъ-эль-Абединъ“ (украшеніе благочестивыхъ), сынъ Хусейна, убитый Меруаномъ, сыномъ Езида, и

погребенъ въ Мединѣ; пятымъ—Мухаммедъ-Эль-Бакиръ (искатель правды; былъ убитъ Гушамомъ, сыномъ Абдулъ-Малики и погребенъ въ Мединѣ; шестымъ—Джафаръ-Асъ-Садыкъ (правдивый), былъ убитъ Мансуръ-и-Куфромъ и погребенъ въ Мединѣ; седьмымъ—Муса-эль-Касымъ (владѣющій собой); былъ отравленъ Гарунъ-аль-Рашидомъ и погребенъ въ Багдадѣ; восьмымъ—Али-Муса Эль Риза (любимецъ Аллаха); былъ убитъ Халифомъ Маймуномъ и погребенъ въ Хоросанѣ; девятымъ—Мухаммедъ-Таги Эль-Джевадъ (великодушный), былъ убитъ халифомъ Мостакимомъ и погребенъ въ Семарѣ—близъ Багдада; десятымъ—Али-Хакъ Эль Аскерій (воинъ); былъ убитъ халифомъ Муста Кимомъ и погребенъ въ томъ же мѣстѣ; одиннадцатымъ—Хасанъ II, былъ убитъ халифомъ Мутаммидомъ и погребенъ на томъ же мѣстѣ; двѣнадцатымъ—Имамъ Магда; онъ, говорятъ, тайнымъ образомъ скрылся въ 15 день Сагбана, въ 266 году гиджры въ Семарѣ, гдѣ находится пещера, изъ которой, по вѣрованію шіитовъ, онъ опять явится для возстановленія царства Божія на землѣ въ послѣдніе дни міра, передъ свѣтопреставленіемъ.

Всѣ эти лица были дѣти имама Хусейна.

Мечеть въ Мешхедѣ близъ Туса, гдѣ схороненъ Али-Муса-эль Риза, наравнѣ съ святынями Неджефа и Кербелы, гдѣ погибли Алій и Хусейнъ, и часовней надъ гробницами седьмого имама, Мусы, и дочери его, Фатимы, въ мидійскомъ мѣстечкѣ Куммѣ,—свидѣтельствуютъ о высочайшемъ почитаніи, съ которымъ шіиты относятся ко всему, имѣвшему какое либо касательство къ ихъ двѣнадцати имамамъ, почитаніи, основанномъ только на томъ, что эти имамы считаются ими жертвами суннитской несправедливости и преступности. Величайшій праздникъ ихъ—мухарремскій, празднуемый въ воспоминаніе о кончинѣ Хусейна, умерщвленнаго въ Кербелѣ въ 680 г. въ одной изъ битвъ съ омайадами.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ пунктовъ, есть еще другіе, которыми отличаются шіиты отъ суннитовъ, но они касаются лишь обрядовой стороны и самими послѣдователями ихъ признаются не важными.

Объ остальныхъ догматахъ и религіозныхъ заповѣдяхъ, предписываемыхъ исламомъ, можно сказать въ общемъ, что шіитизмъ менѣе всего измѣнилъ тѣ изъ нихъ, которыя не интересовали персовъ. Относительно понятія о Богѣ, персидскіе богословы держались различныхъ взглядовъ по вопросу, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ вести рѣчь о божественныхъ свойствахъ, но это у нихъ не считается вовсе существеннымъ вопросомъ. Также и на опредѣленіе они смотрятъ довольно широко и свободной человѣческой волѣ у нихъ все еще оставленъ широкій просторъ. Въ настоящее время у нихъ обращается весьма мало вниманія на эти метафизическія умствованія: образованные классы исповѣдуютъ большею частью довольно пантеистическія возрѣнія, которыя пастари нашли въ Персіи плодородную почву и сильно развились, особенно благодаря распространенному здѣсь суфизму. Ученіе о послѣднихъ событіяхъ даже въ день воскресенія мертвыхъ удѣляетъ Алію

наряду съ Мухаммедомъ первое выдающееся мѣсто; въ качествѣ заступника, онъ присуждаетъ къ мученіямъ ада въ числѣ другихъ невѣрующихъ и всѣхъ противниковъ двѣнадцати имамовъ.

Своеобразно то, что изъ числа религіозныхъ обязанностей, придается несоразмѣрное значеніе очищенію: оно считается собственно среди всѣхъ религіозныхъ обрядовъ самымъ существеннымъ. Молитвы разнятся лишь въ незначительныхъ чертахъ отъ формулъ, употребляемыхъ суннитами; болѣе всего замѣчательна та разница въ призывѣ къ молитвѣ, особенно вслѣдствіе добавленія словъ: „собирайтесь для лучшаго изъ дѣлъ", т. е. такихъ словъ, которыя часто изображаютъ собою настоящій шибболетъ (слово, по произношенію котораго можно узнать принадлежность даннаго лица къ извѣстному племени или партіи. См. кн. судей, XII, 6) шіитскаго вѣроисповѣданія. Молитва по пятницамъ въ мечети вообще не обязательна и произносится благочестивыми людьми всегда въ одиночку, такъ какъ, со времени исчезновенія двѣнадцатаго имама, нѣтъ того, который имѣлъ быть заступникомъ и молельщикомъ всего народа. Постъ въ мѣсяцѣ Рамаданѣ по виду исполняется еще строже шіитами, чѣмъ суннитами. Паломничество къ святымъ мѣстамъ—излюбленная мечта персовъ, но путь въ Мекку открылся для нихъ лишь недавно, да и теперь персы направляются туда очень рѣдко. Вслѣдствіе наслѣдственной ихъ вражды къ туркамъ, послѣдніе закрывали шіитамъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій проѣздъ въ Аравію. Только въ царствованіе султана Абдулъ-Меджида (1839—1861 гг.) имъ разрѣшено вступать на турецкую территорію въ обликѣ паломниковъ въ Мекку. Но лишь немногіе пользуются этимъ разрѣшеніемъ; большинство же довольствуется возможно частымъ посѣщеніемъ священныхъ гробницъ своихъ имамовъ, въ особенности же гробницъ Алія и Хусейна въ Неджефѣ и Кербелѣ и Али-Риза въ Мешхедѣ. Посѣщеніе этихъ мѣстностей кажется имъ настолько желаннымъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ благочестивые персы, владѣвшіе нужными для того средствами, завѣщали перевести свой прахъ и похоронить его въ подобныхъ священныхъ мѣстностяхъ.

Вообще же нужно сказать, что законы корана соблюдаются въ шіитскихъ земляхъ слабѣе, чѣмъ въ суннитскихъ, и вообще религія играетъ роль, повидимому, менѣе значительную. Жители городовъ большею частью преданы индиферентизму; духовенство пользуется невысокимъ значеніемъ. Несомнѣнно, что въ низшихъ классахъ религія должна корениться глубже; на это указываетъ энтузіазмъ, явственно обнаруживающійся во время религіозныхъ празднествъ*).

Необходимо сказать, что въ шіитскихъ странахъ, какъ и въ суннитскихъ распространено въ сильной степени сектанство. Это религіозно-философское ученіе, носителями и распространителями котораго являются ишаны, оказывало въ своемъ историческомъ прошломъ гро-

---

*) А. Мюллеръ. Исторія ислама т. III, стр. 10—17. Поздневъ. Дервиши въ мусульм. мірѣ. Оренбургъ. 1866 г. стр. 36—39. Гаури. Ислам. и т. д. стр. 142 и слѣд.

мадное вліяніе на жизнь мусульманскихъ народовъ, отчасти перешедшее въ качествѣ духовнаго наслѣдія къ народамъ, въ настоящее время исповѣдующимъ ислямъ. Ученіе это, носящее у мусульманъ названіе тасавуфа, а у европейцевъ—дервишизма и суфизма, въ основѣ своей ничего общаго не имѣетъ съ исламомъ. Мало того, оно прямо противоположно корану, который проповѣдуетъ строгій монотеизмъ, тогда какъ суфизмъ, въ которомъ нельзя не признать слѣдовъ древне-индійской теософіи, устанавливаетъ пантеизмъ въ широкомъ значеніи этого слова.

Кромѣ пантеизма, составнымъ элементомъ въ суфизмѣ входитъ аскетизмъ, присущій индійскимъ вѣрованіямъ, но обязанный своимъ возникновеніемъ и широкимъ распространеніемъ въ исламѣ христіанскимъ монахамъ, основавшимъ не мало монастырей въ Аравіи и имѣющимъ столь значительное вліяніе на арабовъ, что не только простые арабы, но даже царьки ихъ, нерѣдко обращались въ монашество еще до появленія ислама. Такимъ образомъ, суфизмъ какъ ученіе, состоитъ изъ трехъ элементовъ,—пантеизма, аскетизма и мистицизма, неизбѣжнаго спутника первыхъ двухъ элементовъ.

Суфизмъ за весь болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ своего существованія не представлялъ чего-либо законченнаго, неизмѣннаго. Онъ непрерывно развивался въ отдѣльныхъ, хотя и несущественныхъ частяхъ, особенно во внѣшней организаціи.

Признанный самими мусульманами за ученіе чисто исламское, суфизмъ быстро распространился во всѣхъ странахъ халифата. Съ этого момента замѣчается быстрый ростъ разнаго рода суфическихъ орденовъ. Появленіе на первыхъ же порахъ этихъ орденовъ, отличившихся разными особенностями, можно объяснить тѣмъ, что мысль, скованная слѣпою вѣрою въ ученіе корана, будучи выведена суфизмомъ на путь свободнаго изслѣдованія, терялась въ необычной для нея обстановкѣ и впадала въ односторонность, создавая расколъ. Первые суфическіе ордена и возникшіе впослѣдствіи, ничѣмъ не отличались по основной мысли, а лишь въ деталяхъ. Причинами возникновенія новыхъ орденовъ служили: требованія большей или меньшей строгости въ уставѣ ордена, введеніе новаго обряда въ ритуалъ радѣній и проч. Впрочемъ, изрѣдка создавались ордена, представлявшіе новые пути въ основахъ своего ученія.

Ученіе суфіевъ весьма обстоятельно изложено въ обширной суфической литературѣ, въ прозѣ и стихахъ, на арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкахъ. Какъ было сказано, ученіе отдѣльныхъ орденовъ рѣдко гармонируетъ между собою въ деталяхъ. Нѣкоторыя, кромѣ того, отличаются туманностью и неопредѣленностью. Сущность ученія суфіевъ въ краткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

Богъ есть единое бытіе, разлитое во всѣхъ его твореніяхъ, и все заключается въ Богѣ. Онъ вѣчно обнаруживается, проявляется, т. е.—вѣчно творитъ. Поэтому природа вѣчна и всякое твореніе по существу своему вѣчно, одно и тоже и только измѣняется по формѣ, которая сотворена во времени. Въ сущности, форма природы, т. е. матеріи, не

существуетъ. Видимое нами есть кажущееся для нашихъ чувствъ и, если мы видимъ оболочку, то единственно отъ произволенія Божія. Всѣ твари, мѣняя послѣдовательно форму, переходя изъ одного состоянія въ другое, должны возвратиться къ своему первоисточнику - Богу. Цѣль сотворенія человѣка—служеніе Богу. Исканіе истины—совершеннѣйшая часть этого служенія. Открывшій истину получаетъ познанія, которыя даютъ ему возможность окончательно устранить то пространство, которое мѣшаетъ ему слиться съ Божествомъ.

Ученіе суфіевъ о предопредѣленіи почти тождественно съ кораномъ.

Зло въ мірѣ существуетъ потому, что люди, находясь на разныхъ ступеняхъ приближенія къ Божеству, мыслятъ разно и впадаютъ въ заблужденія. Ученіе о раѣ и адѣ скорѣе въ духѣ буддизма, чѣмъ ислама. Взглядъ на коранъ, евангеліе и библію, хотя и похожъ на изложенный въ священной книгѣ мусульманъ, но имѣетъ еще своеобразныя аллегорическія толкованія. Людей разныхъ религій разъединяетъ только форма, а соединяетъ чисто духовное тождество ихъ. Высшая религія –исламъ, явившійся на смѣну іудейства и христіанства. Послѣдній изъ пророковъ—Мухаммедъ передалъ пророческій даръ Алію и Абу-Бекру, основателямъ суфизма, завѣщавъ имъ передать этотъ даръ ихъ преемникамъ. Суфіи, по ихъ мнѣнію, получили отъ пророка особую благодать, безъ которой человѣкъ не можетъ познать путь, ведущій къ соединенію съ Божествомъ. Одна наука безсильна дать человѣку даруемое благодатью; поэтому, чтобы достигнуть конечной цѣли, необходимо вступить въ сулюкъ (орденъ), гдѣ особыми усиліями и упражненіями подъ руководствомъ ишана (пира) проходится извѣстный искусъ, направляющій новичка къ совершенству, къ полному уничтоженію его индивидуальности и сліянію съ Божествомъ. Впрочемъ, благодать эта передается только суфіямъ, достигшимъ извѣстной ступени искуса.

Суфизмъ—по истинѣ самая выдающаяся сторона религіозной жизни мусульманскихъ народовъ за весь болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ ихъ историческаго существованія подъ мощною властью ишана. Ошибочно было-бы допустить, что суфизмъ представлялъ или представляетъ нѣчто обособленное, чуждое народной жизни, общество или разрядъ людей, по своему міровоззрѣнію отличныхъ отъ остальной массы. Напротивъ, онъ съ самаго начала представлялъ явленіе типическое, т. е. выражалъ собою тотъ идеалъ, который жилъ въ народной массѣ персидской націи еще до порабощенія ея исламомъ и который затѣмъ распространился на весь мусульманскій міръ. Его чувствовали на себѣ не только тѣ, которые ради спасенія отрекались отъ грѣховнаго міра и поступали въ сулюкъ (орденъ), но и тѣ, которые жили въ міру и по мірски. Разница только въ томъ, что первые, чрезъ свое отреченіе отъ міра и его благъ, имѣютъ возможность удобнѣйше, скорѣйше и совершеннѣйше достигнуть идеала. По этой причинѣ нѣтъ основанія считать суфіями исключительно лицъ, живущихъ въ орденѣ и по уставу ордена. Суфіями называются всѣ тѣ, которые признали надъ собою руко-

водство того или другого ишана, выразили готовность состоять подъ его духовнымъ воздѣйствіемъ, чрезъ вложеніе своей руки въ руки ишана.

Суфизмъ представляетъ въ полномъ своемъ развитіи философскую систему, надъ разработкою, законченностью и примиреніемъ которой съ кораномъ трудились лучшіе умы въ мусульманствѣ. Въ этой формѣ онъ доступенъ пониманію лишь усвоившихъ себѣ своеобразную логику мышленія ишановъ и людей сулюка, а не народной массѣ.

Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать того обстоятельства, что народъ, все духовное развитіе котораго находилось подъ строгимъ моральнымъ вліяніемъ суфизма, вырабатывалъ свое міровоззрѣніе, свой жизненный идеалъ именно подъ его вѣковымъ давленіемъ.

Вмѣстѣ съ началомъ паденія исламской культуры въ Средней Азіи, съ конца эпохи тимуридовъ, неудержимо началъ падать и суфизмъ, насильно связанный съ кораномъ. Какъ выше уже было сказано, тотъ первоначальный суфизмъ, въ основу котораго легли былыя народныя вѣрованія, съ теченіемъ времени утратился въ самой народной средѣ, растерянный по пути исторической жизни народа, видоизмѣнившейся и затертой исламомъ. Теперь очередь дошла до суфизма, возведеннаго въ философскую систему, въ цѣлую науку. Паденіе мусульманской науки и образованности неблагопріятно отразилось и на суфизмѣ въ томъ смыслѣ, что въ орденахъ, старавшихся пополнять контингентъ своихъ членовъ людьми образованными, теперь по необходимости пришлось мириться съ людьми, мало удовлетворяющими требованіямъ орденскихъ уставовъ. Разумѣется, не замедлили обнаружиться результаты этого: въ орденахъ быстро началось уменьшеніе количества людей ученыхъ и просто болѣе или менѣе образованныхъ, такимъ образомъ, въ составѣ іерархіи орденовъ по необходимости пришлось терпѣть людей неразвитыхъ и невѣжественныхъ, число которыхъ съ приближеніемъ къ нашему времени все увеличивалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало количественное и качественное обѣднѣніе суфистической литературы, которая вращалась все въ болѣе и болѣе узкихъ горизонтахъ, при маломъ знакомствѣ съ сущностью трактуемаго предмета *).

Среди таджиковъ наибольшее значеніе имѣетъ секта измаилитовъ. Эти сектанты увѣряютъ, что ихъ секта основана Ишамъ Джафаромъ-ая-Садыкомъ (шестымъ имамомъ), потомкомъ Алія отъ дочери пророка, умершимъ въ 148 г. гиждры. Впрочемъ, Абу-Магометъ Гуссейнъ пишетъ въ Зубдатъ-уль-ахбаръ, что Магомедъ, прозванный Махди, шестой потомокъ имамъ Джафара, основалъ секту, извѣстную подъ именемъ измаилитовъ (по имени Измаила, сына Имамъ Джафара) въ Египтѣ въ 299 г. гиждры. Его послѣдователи прозвали его двѣнадцатымъ имамомъ и цитировали будто бы сказанныя пророкомъ слова, что каждые 300 лѣтъ солнце будетъ всходить на западѣ, объясняя, что проповѣдь Магомета Махди въ 300 г. составляетъ исполненіе того пророчества. Абу-

*) „Турк. Вѣд.“ 1898 г. №№ 60, 61, 63 и 64.

Ісзидъ, мулла, не признававшій происхожденія Магомета Махди отъ Джафара-ая Садыка, на основаніи того, что единственный сынъ Измаила умеръ бездѣтнымъ, былъ объявленъ Деджалъ (антихристомъ). Покореніе Египта султаномъ Сала - удинъ - Юсуфомъ положило конецъ силѣ секты въ этой странѣ. Она въ это время управлялась Азидомъ, потомкомъ Магомеда Махди. Между тѣмъ догматы этой секты были занесены въ Персію Гассана-Собба, арабомъ племени Химіаръ въ Іеменѣ, который позже поселился въ Аламотѣ, гдѣ его внукъ, на 7 день Рамазана 555 г., открыто объявилъ необязательнымъ соблюденіе постовъ и другихъ обрядовъ шіитовъ.

Догматы и обряды ихъ ученія мало извѣстны, такъ какъ согласно одной изъ ихъ поговорокъ „человѣкъ долженъ скрывать свою вѣру и женщинъ“. Въ краткихъ чертахъ содержаніе ученія этой секты слѣдующее: Богъ, подлинное естество котораго остается для человѣка сокровеннымъ и неисповѣдимымъ, выслалъ въ свѣтъ семь воплощеній своего существа въ видѣ пророковъ, чтобы возвѣстить міру свою волю; соотвѣтственно этому зовутъ ихъ „Натикъ“ (проловѣдникъ), ихъ имена слѣдующія: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ, Мухаммедъ и, наконецъ, Мугаммедъ Магдій, сынъ Измаила Ибнъ Джафара. Каждый изъ нихъ замѣнялъ проповѣдываемую ранѣе религію своего предшественника болѣе возвышенной и совершенной догмой. Для распространенія въ мірѣ и сохраненія проповѣдуемаго каждымъ „натикомъ“ вѣроученія, назначаются имамы. У каждаго „натика“ есть свой помощникъ, прозываемый самитъ „молчальникъ“, потому именно, что самъ отъ себя онъ не можетъ ничего проповѣдывать, но лишь повторяетъ слова натика и закрѣпляетъ ихъ въ сердцахъ людей: это имамъ извѣстнаго религіознаго періода. Таковыми помощниками были: Сетъ у Адама, Симъ у Ноя, Измаилъ у Авраама, Аронъ у Моисея, Петръ у Іисуса, Алій у Мухамеда. Для продолженія преемства проповѣднической дѣятельности впредь до появленія слѣдующаго натика, у каждаго имама должно быть по шести преемниковъ, такъ что на 7 натиковъ приходится 7×7 имамовъ. Такъ, напр., седьмымъ имамомъ періода Моисея былъ Іоаннъ Креститель, за которымъ слѣдуетъ Іисусъ, новый основатель религіи. Алій завѣщалъ также точно имаматъ въ наслѣдство Хасану, Хусейну, Алію, сыну Хусейна, Мухамеду, сыну Алія, Джафару, сыну Мухамеда и Измаилу, сыну Джафара. Сынъ послѣдняго, Мухамедъ Магдій, становится, такимъ образомъ, натикомъ; онъ то и служитъ авторитетомъ для настоящаго времени, поэтому называютъ его „владыкою вѣка“. Помощникомъ у него является Абдулла Ибнъ Майшунъ. Всякій обязанъ, конечно, неуклонно слѣдовать предписаніямъ махдія и его имамовъ, продолжающихъ проповѣдывать и распространять его ученіе. Махдій не умеръ, но онъ сталъ только не видимъ, но къ концу временъ снова вернется къ своимъ*).

Суниты называютъ этихъ сектантовъ кафирами и рафизи, но са-

*) А Мюллеръ, т. II стр. 288 и слѣд.

ми они не отказываются молиться или ѣсть съ суннитами. Они отвергаютъ будущую жизнь и вѣрятъ въ переселеніе душъ. Дурныя дѣянія наказываются отправленіемъ души въ собаку или другое низкое животное; напротивъ, добрыя дѣла награждаются будущимъ воплощеніемъ въ великаго и святого человѣка. Они не признаютъ никакой связи съ другими мусульманскими сектами, говоря, что сунниты—собаки, а шіиты—ослы. Они подвергаютъ сомнѣнію божественный характеръ корана, хотя и вѣрятъ, что онъ былъ порученъ ангелу Гавріилу для передачи Алію, но по ошибкѣ былъ переданъ Мухаммеду.

Коранъ они замѣняютъ персидскою книгою Калами-пиръ, которую показываютъ только послѣдователямъ своего ученія. Наиболѣе часто приводятъ они слѣдующее правило: человѣкъ долженъ ослѣпить себя, чтобы не чувствовать зависти при видѣ счастья ближняго; онъ долженъ обезсилить свои руки, дабы онѣ не могли взять что либо принадлежащее другимъ и изуродовать себя, дабы не быть въ состояніи ослушаться пира. Скотъ, который зайдетъ въ посѣвы, нельзя оттуда выгнать, пока онъ не насытится. Истинный сектантъ считается уже какъ бы умершимъ и потому молитвы и посты не нужны. Если бы была сдѣлана попытка заставить его насильственно поститься, то онъ, чтобы не допустить этого, проглотитъ щепотку пыли. Единственное предписываемое хожденіе на поклоненіе, это къ живому главѣ ихъ вѣры, котораго называютъ Имами-земанъ или Сагибп-земанъ. Брачную церемонію можетъ совершать всякій человѣкъ съ сѣдою бородою. Онъ садится, имѣя жениха по правую руку и невѣсту—по лѣвую, беретъ нѣсколько кусочковъ жареной бараньей печени въ обѣ руки и, скрестивъ ихъ, даетъ мужчинѣ лѣвою рукою, женщинѣ—правою. Затѣмъ, взявъ чашку воды, даетъ половину ея женщинѣ и говоритъ нѣсколько словъ изъ каламипиръ; этимъ кончается вся церемонія.

Пропаганда секты идетъ такъ: проповѣдникъ (дай—призыватель, глашатай) требуетъ отъ жаждающаго познанія истины прежде всего дать ему святое обѣщаніе соблюденія молчанія передъ непосвященными, а также безусловной откровенности по отношенію къ нему, представителю святого дѣла. При малѣйшемъ колебаніи слушателя, дай рѣдко обрываетъ свою проповѣдь; если же собесѣдникъ готовъ подчиниться всѣмъ его требованіямъ, наступаетъ дальнѣйшее испытаніе доброй воли прозелита; отъ него требуется внесенія, соразмѣрно средствамъ, со отвѣтствующей суммы денегъ.

На основаіи данныхъ разума и преданій, дай старается доказать, что Божья воля сознается и совершаема, а исполненіе предписываемыхъ обязанностей можетъ быть пріятно Всевышнему въ такомъ только случаѣ, когда совѣстью правовѣрнаго руководитъ не ложное ученіе обыденныхъ богослововъ, причинившихъ уже столько зла на этомъ свѣтѣ, а наставленіе имамовъ, которыхъ Богъ поставилъ истолкователями своей вѣчной правды и пастырями надъ людьми. Слушателю указываютъ на Алія и его потомство, какъ на единственныхъ истинныхъ имамовъ,

затѣмъ, предлагаютъ безусловно и свято почитать Мухаммета Ибнъ-Измаила, какъ „владыку вѣка".

Усвоивъ твердо всѣ положенія шіитизма, новообращенный окончательно перестаетъ быть муслимомъ, ибо отавитъ Мухаммета на одну доску со всѣми прочими пророками, а еще болѣе дерзновенное утвержденіе, что послѣднимъ и наивысшимъ пророкомъ является вмѣсто него Магдій, противорѣчитъ окончательно казенному догмату ислама.

Помимо твердаго усвоенія четырехъ положеній шіитизма установлены сверхъ того еще пять наивысшихъ степеней познанія; эти степени доступны лишь для лицъ съ сильной волей и одаренныхъ большими способностями. Пятая степень внушала, между прочимъ, что настоящій внутренній смыслъ корана не имѣетъ ничего общаго съ внѣшнимъ буквальнымъ значеніемъ священныхъ словъ; такимъ образомъ, проторена была дорожка для самаго широкаго аллегорическаго толкованія, совершенно упразднявшаго положительное вѣроученіе и дававшаго полную свободу философскому взгляду на все сущее. Шестая степень учитъ понимать въ иносказательномъ смыслѣ также и религіозные обряды, значеніе которыхъ въ глазахъ посвященныхъ чисто символическое. Слѣдуя толкованію измаилитовъ, пророки настаивали на обязательномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ при молитвѣ, омовеніи и т. п.. При этомъ мало по малу умаляется еще болѣе значеніе пророковъ по сравненіи съ философіей и этимъ какъ бы подготовляется переходъ къ тремъ послѣднимъ высшимъ степенямъ, въ которыхъ вообще и помину болѣе нѣтъ о такъ называемой положительной религіи. Седьмая степень состояла въ сліяніи древне-персидскаго дуализма съ гностическимъ ученіемъ о демiургѣ, создавшемъ міръ и подчиненномъ высшему существу; прозелитъ приходитъ къ тому убѣжденію, что изъ этихъ двухъ высшихъ существъ одно, предвѣчное, есть первоисточникъ вещества, второе проистекающее изъ перваго—создатель всевозможныхъ формъ, въ которыхъ вещество появилось въ видимомъ мірѣ. Но преждесущее высшее существо должно было возникнуть изъ какого-то основнаго принципа, невѣдомаго ни по имени, ни по его качествамъ, такъ какъ оно обсолютно непознаваемо.

Съ этимъ ученіемъ рука объ руку идетъ опять таки изъ Индіи почерпнутое представленіе, что каждый данъ можетъ, по мѣрѣ самосовершенствованія, по чистотѣ познанія и дѣйствій стать имамомъ, натикомъ, зиждателемъ, наконецъ, творцомъ, высшимъ божествомъ,—извѣстное возрѣніе буддистовъ, легко вытекающее изъ принциповъ абсолютнаго пантеизма. Когда, такимъ образомъ, была совершенно сглажена разница между божескимъ и человѣческимъ естествомъ, легко уже усвоивались истины девятой, высшей степени. По ученію этой послѣдней всѣ религіозныя возрѣнія должны быть разсматриваемы, какъ смутныя представленія о сущности вещей, подтверждающія одну только вѣчность матеріи. Потому можно было считать и всѣ догматы степеней лишь аллегорическими. Такъ, напримѣръ, вторичное пришествіе магдія въ дѣйствительности состоитъ только въ познаваніи исходившей отъ него

истины и въ распространеніи его ученія среди человѣчества. Что же касается всѣхъ остальныхъ пророковъ, были они простые, часто ошибавшіеся люди, слѣдовательно, проповѣдываемые ими религіозные и нравственные законы нисколько не обязательны для посвященнаго.

Секту исмаилитянъ называютъ мауліи, моулан, мавалли, мугли, что производятъ отъ арабскаго слова маула, что значитъ Богъ, владыко.

Вначалѣ секта составляла одно изъ развѣтвленій шіитскаго толка. Въ 864 году Абдаллатъ, прозванный Каддахъ, настолько измѣнилъ первоначальное ученіе секты, что сами шіиты признали ее предною, и всякаго, присоединившагося къ ней, считали безбожникомъ.

Секта же равъ подверглась преслѣдованіямъ. Въ 1256 году, въ Персіи, она подверглась особенно усиленному преслѣдованію со стороны монголовъ. Хулагу-ханъ, между прочимъ, при разгромѣ секты уничтожилъ ея главный оплотъ, Аламотъ, причемъ предалъ огню чудную библіотеку послѣдователей секты исмаилитовъ. Несмотря на частые разгромы, секта въ Персіи не была уничтожена, и послѣдователей ея можно найти по сіе время въ нѣкоторыхъ нижнихъ частяхъ Персіи. Въ настоящее время, кромѣ Персіи, секта существуетъ на западномъ берегу Индіи и въ окрестностяхъ Бомбея. Въ самомъ городѣ живетъ глава секты, оффиціально признаваемый таковымъ англичанами. По англійскимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что секта имѣетъ послѣдователей въ горахъ по сбоимъ склонамъ Гиндукуша.

Секта распространена въ Ваханѣ, Зебакѣ, Мунджанѣ, Читралѣ, Канджутѣ, Ишкашимѣ, Горонѣ, Шугнанѣ, по обѣимъ сторонамъ Пянджа, Рошанѣ и въ Сарыханѣ. Общее количество послѣдователей секты, живущихъ въ русско-бухарскихъ предѣлахъ (не считая Дарваза, Ферганы и вообще городовъ низменности) распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ваханѣ съ Ишкашимомъ 219 домовъ, въ Шугнанѣ 542 домовъ, въ Рошанѣ 683 дома и въ Орошпрской волости 116 домовъ. Въ Яркендѣ 1500 домовъ, на Язгулемѣ 5—6 домовъ сектантовъ и домовъ 30 Асна-ашарія (Эсна-Ашеріе, т. е. двоенадесятники, такъ называютъ шіитовъ, признающихъ 12 имамовъ). Въ Дарвазѣ, на афганской сторонѣ, сектанты живутъ въ кишлакахъ Варфъ, Гумай, Омурдъ, Джамарчъ. Ниже Калай-Хума съ афганской стороны можно найти сектантовъ въ кишлакахъ Ходора, Дзингиріо. Кишлакъ Іождъ, на этой сторонѣ Пянджа, состоитъ на половину изъ маулан, на половину изъ Асна-ашарія. Въ Катаганѣ, въ кишлакѣ Гури, нѣсколько человѣкъ Исмаилья, остальные жители сунни, (Чоръ-Іори). Этимъ прозвищемъ (Чоръ-Іори) шіиты и Исмаилья называютъ суннитовъ. Племя Хаз. ра около Кабула большею частью маулан и незначительная только часть Асна-ашарія. Въ Бухарѣ, въ Ошѣ, Кокандѣ находятся выходцы изъ Шугнана и Вахана, которые также принадлежатъ къ сектѣ исмаилитовъ.

Глава секты называется Ага-ханъ (Ого-хонъ у горцевъ). Должность эта наслѣдственная. Родъ Ага-хана ведется отъ Алія и Фатимы чрезъ Шо Исмаила и сына его Мухаммета. Ага-ханъ есть воплощеніе

Алія; въ немъ его душа. Ага-ханъ живетъ въ Бомбеѣ. Имя настоящаго Ага-хана-султанъ Мухамметъ Шо (родился въ Карачи, 2 ноября 1877 г., получилъ прекрасное вполнѣ европейское образованіе); отца его—Али-Шо, дѣда Шо Сандъ Хасанъ. Переселились они изъ Хоросана, изъ кишлака Махалота.

Роль пировъ или старцевъ въ жизни сектантовъ—огромная. Пиръ является полнымъ хозяиномъ души и тѣла своего подчиненнаго; онъ полновластный руководитель сектанта въ его духовной, семейной и гражданской жизни. Всѣ страны, заселенныя послѣдователями секты Исмаилья, распредѣлены между извѣстнымъ количествомъ пировъ. Каждый послѣдователь секты обязанъ подчиняться которому нибудь изъ нихъ.

Всѣ пиры между собой равны; каждый изъ нихъ сносится непосредственно съ Ага ханомъ. Черезъ годъ—черезъ два посылаются ему подарки, главнымъ образомъ, деньги. Для этого снаряжается кто-нибудь изъ жителей, иногда же одинъ изъ помощниковъ (Халифа) пира. Должность пира наслѣдственная. Пиру наслѣдуетъ не обязательно старшій сынъ, а наиболѣе достойный. Недостаточно быть наслѣдникомъ пира, чтобы занять его мѣсто, необходимо согласіе общества подчиненныхъ умершаго пира и утвержденіе его приговора Ага-ханомъ. Когда прямыхъ наслѣдниковъ у пира-санда нѣтъ, то жители имѣютъ право выбирать кого нибудь изъ его родственниковъ и просить объ утвержденіи его Ага-ханомъ. Пиры могутъ быть не санды. Ага-ханъ можетъ утверждать пиромъ не санда, а всѣми уважаемаго муллу, по просьбѣ жителей, или просто по своему личному усмотрѣнію. Ага-ханъ въ правѣ смѣщать кого-угодно и когда ему угодно.

Ага-ханъ рѣшаетъ всѣ дѣла единолично. При немъ совѣта нѣтъ. При поѣздкахъ къ Ага хану по дѣламъ, обращаются не къ нему лично, а къ его служащимъ, и черезъ нихъ получаютъ приказанія и распоряженія главы секты.

Къ Ага-хану пріѣзжіе допускаются только для представленія и на поклонъ. Иногда, послѣ доклада какого нибудь дѣла, Ага-ханъ выражаетъ желаніе повидать докладчика. Въ такомъ случаѣ пріѣзжій имѣетъ возможность бесѣдовать лично съ главой своей секты.

Каждый пиръ имѣетъ своихъ помощниковъ, которые распредѣляются по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ у него находятся подчиненные или мюриды.

Называются эти помощники Халифа. Они служатъ посредниками между пиромъ и его мюридами. Главная ихъ обязанность собирать подаянія, предназначенныя пиру, а также, отчасти, справлять нѣкоторыя требы. Назначаются халифы пиромъ, который предпочтительно выбираетъ ихъ изъ сандовъ. Халифа зависитъ только отъ своего пира. Онъ не имѣетъ права ни судить, ни дѣлить по наслѣдству, все это лежитъ на обязанности пира.

Пиры полные хозяева надъ своими подчиненными; судятъ ихъ по своему шаріату. Въ настоящее время, какъ и прежде, къ пиру ходятъ

за всякимъ дѣломъ: за свѣтомъ, на исповѣдь и на судъ. Въ Шугнанѣ всегда существовали судьи (кази-кади); къ нимъ ходятъ судиться для вида, или же недовольные судомъ пира.

Разбросанность подчиненныхъ мюридовъ у одного и тоже пира объясняется частными переселеніями горцевъ. Причинъ, послужившихъ поводомъ къ подобнымъ передвиженіямъ въ горахъ, было не мало: обиды и притѣсненія, которыя горцы постоянно терпѣли отъ своихъ правителей, постоянныя распри между сосѣдними ханами, жестокія расправы съ побѣжденнымъ краемъ, недостатокъ земли, тѣснота въ родномъ кишлакѣ и просто семейныя обстоятельства.

Покидая родину, послѣдователи секты ни въ какомъ случаѣ не мѣняютъ пировъ, а всегда продолжаютъ подчиняться своему старому пиру, оставшемуся на мѣстѣ. Мѣнять пировъ строго воспрещено сектой и считается большимъ грѣхомъ (ганда-вонь, скверно). Подчиненный принадлежитъ тому пиру, предкамъ котораго подчинялись его собственные предки.

Гр. А. А. Бобринскій, со словъ пира Саидъ Ахмета въ кишлакѣ Реджисъ въ Шугнанѣ, приводитъ слѣдующія данныя: *). Четыре главныхъ пира проповѣдывали ученіе Исмаилья. Ша-Али-Муса и Риза (Муса-Риза) въ Хоросанѣ, шейхъ Фарабъ Шакаръ Ганчъ (ферабъ Шекяръ Гянджъ) въ Индустанѣ, Ходжи Ахметъ Ясави въ Туркестанѣ и Саидъ Насиръ Хосрау (Насиръ и Хосровъ) въ Кухистанѣ (въ горахъ).

Когда Ша Насиръ пришелъ въ горы, то засталъ здѣсь людей разной вѣры: шіитовъ и суннитовъ. Среди нихъ началъ онъ проповѣдь свою очень осторожно; ничего не отвергалъ изъ ихъ ученій, ничего не отрицалъ: ни молитвы, ни постовъ, ни праздниковъ, ни рая, ни ада. Съ шіитами былъ шія, съ суннитами—сунни.

Говорилъ онъ о Богѣ, о добродѣтели, объ уваженіи къ старцамъ. Болѣе близкимъ своимъ ученикамъ понемногу открывалъ истинное ученіе секты. Признавая молитву, онъ поясняль, что истинная молитва заключается въ томъ, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всемъ поступать. Не отвергая праздниковъ, говорилъ, что истинный праздникъ для послѣдователей секты—посѣщеніе своего наставника, пира, бесѣды съ нимъ, хорошій поступокъ, совершенный человѣкомъ. Не отказываясь отъ постовъ, говорилъ, что Богъ требуетъ не воздержанія желудка, а воздержанія нравственнаго, что и есть истинный постъ. Не отрицая рая и ада, онъ говорилъ, что они обрѣтаются не гдѣ-нибудь на небѣ, а находятся здѣсь, на землѣ, въ душѣ каждаго человѣка.

Послѣ смерти Ша Насира ученики его продолжали начатое имъ дѣло. Проповѣдники дѣйствовали крайне осторожно. Присоединеніе къ

*) Секта Исмаилія въ русс. и бухар. предѣлахъ Средней Азіи. Этнограф. Обозр. 1902 г. № 2.

сектѣ горнаго народонаселенія происходило безъ насилія и очень медленно, въ продолженіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ.

До сего времени горцы, по привычкѣ, соблюдаютъ много старинныхъ обычаевъ, ничего съ сектой не имѣющихъ. Иногда, по необходимости, и только для вида, въ присутствіи чужихъ, горцы справляютъ обряды суннитовъ и шіитовъ. Мы (пиръ) имъ этого не запрещаемъ дѣлать, считая все это не важнымъ. Важно быть хорошимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Въ дѣйствительности у сектантовъ нѣтъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни намазовъ, ни общихъ молитвъ, ни мечетей. По пятницамъ, вечеромъ, у пира или у халифа, собираются старики, старухи, а изъ молодежи мужчины и женщины, болѣе достойные. Читаютъ книгу Калами-пиръ (букв. рѣчь старца или слово старца), объясняютъ читальное, разговариваютъ, поютъ извѣстныя мѣста изъ книги на память, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и тутъ же ужинаютъ и, такимъ образомъ, просиживаютъ до разсвѣта. Главную книгу, Ваджхидинъ (лицо вѣры—главное изложеніе вѣры) или Калами-пиръ написалъ пиръ Каланъ Маулана Ша Нузаръ (также Низаръ), сынъ Маликъ Соломъ, въ Хоросанѣ, въ Маалотъ-шааръ (шехръ). Ша Наспръ Хосрау перевелъ эти книгу на языкъ Кухистана, Ша Али Муса и Риза на языкъ Хоросана, Шейхъ Фарабъ Шакаръ-Ганчъ на языкъ Индустана и Хаджи Ахмедъ-Ясави на языкъ Туркестана.

Ша Наспръ въ продолженіе 72 лѣтъ прочиталъ четыре книги: Таурото-Мусо, Енжилъ-Исо, Забуръ-Дауръ и Фирконъ Магомета (пятикнижіе, евангеліе, псалмы и коранъ). По прочтеніи этихъ книгъ Ша Наспръ нашелъ, что во всѣхъ нихъ написано одно и то же и все, что въ нихъ написано, можно найти въ Калами-пиръ.

Изъ Калами-пиръ Ша Наспръ составилъ болѣе удобную для чтенія и для пониманія книгу „Ишхаръ“ (возвѣщеніе, распространеніе). Умеръ онъ въ кишлакѣ Іемгонъ и тамъ же похороненъ въ пещерѣ. Но, по книгѣ, его тѣла въ этой пещерѣ нѣтъ. Говорятъ, что она сквозная. Вѣрятъ, что онъ вошелъ въ пещеру со стороны Бадахшана, а вышелъ со стороны Читрала. Что съ нимъ стало послѣ—неизвѣстно.

На вопросъ гр. Бобринскаго: существуетъ-ли у нихъ обрѣзаніе, пиръ отвѣтилъ: „чтожъ у насъ сохранилось-бы отъ мусульманства, если-бы мы уничтожили и этотъ обрядъ!“

По поводу переселенія душъ пиръ Саидъ Мурсалъ изъ кишлака Сучонъ на Гунтѣ, въ Шугнанѣ сообщилъ гр. Бобринскому нѣкоторыя подробности. По его словамъ, въ одномъ роду одна душа. Душа отца переходитъ къ сыновьямъ, причемъ пиръ пояснилъ образно, какъ понять переходъ одной души отца, къ нѣсколькимъ сыновьямъ. Въ домѣ горитъ нѣсколько огней, въ очагѣ—большой огонь, въ свѣтильникахъ —малые, но какъ въ очагѣ, такъ и въ свѣтильникахъ свѣтится одно и то же пламя, происходящее отъ одного и того же огня. Вообще душа постоянно блуждаетъ. При смерти душа переходитъ въ землю, изъ

земли въ траву, изъ травы въ животное, изъ животнаго опять въ человѣка.

Тотъ же пиръ говоритъ, что люди должны быть какъ братья, другъ друга не обижать. Важно быть добрымъ, честнымъ. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны,—справлять мы ихъ не запрещаемъ. Все это дѣлается для вида. Воръ, который будетъ поститься и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать свое ремесло, поступаетъ одинаково скверно, какъ и воръ, промышляющій тѣмъ же, но безъ поста. Одинаково дурно поступаетъ человѣкъ, который съ одной стороны грѣшитъ, съ другой—молится, надѣясь безъ раскаянія, одной молитвой, отмолить грѣхи. Человѣкъ, который согрѣшилъ, долженъ прійти къ пиру, искренне раскаяться, помолиться съ пиромъ, и тогда только Богъ можетъ ему простить. Для того, чтобы человѣкъ не забывалъ совершеннаго имъ грѣха и чтобы удержать его отъ подобнаго же поступка въ будущемъ, пиръ накладываетъ на него извѣстную пеню, размѣръ которой сообразуется съ совершеннымъ грѣхомъ. За большой грѣхъ взимается лошадь, за менѣе важный проступокъ—корова, за болѣе легкія прегрѣшенія—баранъ, птица, яйца и т. д.

Человѣкъ, который не пожелаетъ сознаться въ совершенномъ грѣхѣ, Богомъ не будетъ прощенъ и грѣхъ всей тяжестью своею ляжетъ на немъ.

Въ честь Имама-земана (живого главы вѣры) повторяется чаще всего слѣдующая поэма:

Помоги! о, Али.

О, талисманъ жизни, ты слава, Согиби-земанъ; да прославится твое имя непрестанно

Сагиби-земанъ.

Ты повелитель обоихъ міровъ съ востока до запада; всѣ короли, въ сравненіи съ тобою—нищіе.

Сагиби-земанъ.

Солнце небесъ свѣтитъ твоею красотою, солнце и луна твоимъ свѣтомъ

Сагиби-земанъ.

Когда прекратятся злодѣянія и ссоры Деджала (антихриста), если не будетъ твоего повеленія

Сагиби-земанъ.

Я надѣюсь, что моему сердцу удастся освѣтиться подъ пылью твоихъ ногъ

Сагиби-земанъ.

Когда придетъ мой послѣдній день, я буду произносить тебѣ хвалы

Сагиби-земанъ.

Наступило время, когда твоя труба должна быть услышана всѣмъ свѣтомъ

Сагиби-земанъ.

Отъ Кафа до Кафа возьми весь міръ въ твою покоряющую міръ руку

Сагиби-земанъ.

Примѣчаніе. Нельзя не согласиться съ слѣдующими словами гр. Бобринскаго: въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаилья, Бабидовъ), но даже шіизмъ, какъ будто наша цѣль—объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ. Нашъ прямой политическій разсчетъ признавать за всѣми рсщае-

племіями мусульманства права на оффиціальную и самостоятельную жизнь и, какъ послѣдствіе этого признанія, считать обязательнымъ для насъ охрану этого права, даннаго для всѣхъ, отъ посягательства на него со стороны болѣе сильнаго и боеваго исповѣданія. Этногр. обозрѣн. 1902 г. № 2.

Наступило время для вѣрующихъ опоясать чресла и слѣдовать за тобою Сагиби-земанъ.

Никто не будетъ поклоняться Богу и почитать его, не поклоняясь также тебѣ Сагиби-земанъ.

Другіе пойдутъ своею дорогою, а я останусь вѣренъ тебѣ Сагиби-земанъ

Я, Сулимъ, съ помраченнымъ разсудкомъ, обращаюсь къ твоей благости. Сагиби-земанъ.

Маулаи не нетерпимы и, гдѣ имъ позволяютъ, живутъ дружно съ суннитами и шіитами, съ которыми вступаютъ въ браки совершенно свободно. Шіиты къ нимъ вообще относятся хорошо, вѣроятно, вслѣдствіе почитанія, оказываемаго ими Алію, хотя они и не прославляютъ мученичество Хосана и Хусейна.

Когда умретъ маулаи, то лучшіе предметы изъ его движимой собственности откладываются для Имама-земана. Въ домѣ не варятъ пищи отъ трехъ до восьми дней, смотря по положеніи, которое занималъ покойный, а въ это время для семейства приготовляютъ пищу гдѣ либо на сторонѣ. Кушанья также помѣщаютъ на деревья и другія открытыя мѣста, гдѣ ихъ клюютъ птицы. Вечеромъ въ назначенный день въ домъ является халифа и тогда приготовляютъ пищу и подносятъ ему. Онъ съѣдаетъ глотокъ и затѣмъ кладетъ кусокъ хлѣба въ ротъ наслѣднику умершаго; послѣ этого уже принимаютъ участіе въ трапезѣ остальные члены семейства. Затѣмъ, зажигаютъ свѣтильникъ (отчего вся церемонія называется „чирогъ рошонъ“), и при звукахъ шестиструнной гитары, называемая герба, всю ночь продолжаются пѣсни*).

Во многихъ мѣстахъ Гильгита и Астора, въ долинахъ Бадахшана и въ Шугнанѣ сохранились остатки буддійскихъ каменныхъ алтарей, подобные столь часто встрѣчающимися въ Лидакѣ. Въ деревняхъ (кишлакахъ) сохранились большіе камни, которые, болѣе или менѣе, служатъ предметомъ поклоненія. Въ каждой деревнѣ этотъ камень имѣетъ особое имя; клятва, данная на немъ, часто считается болѣе священною, нежели данная на коранѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ежегодно возлѣ камня приносятся въ жертву козлы, и камень обрызгивается ихъ кровью. Въ деревняхъ Шугнана эти камни обыкновенно бываютъ облиты масломъ; иногда на камнѣ насыпана небольшая горсть какого нибудь зерна (не нужно смѣшивать священныхъ камней съ мельничными, которые иногда встрѣчаются около кишлаковъ). По словамъ горцевъ, они

*) Майоръ Биддельфъ е. с. стр. 142 и слѣд.

почитаютъ священные камни съ разрѣшенія пировъ, въ память Сабзи-пушъ и другихъ святыхъ мужей.

Въ горахъ сохранилось также почитаніе гробницъ своихъ святыхъ. Такъ, г. Серебренниковъ говоритъ, что въ Шугнанѣ на берегу Шахъ-Дары имѣется гробница святаго мужа Бобо-Абданя, настолько чтимаго жителями Шахъ-Дары, что они, желая выразить святому свое уваженіе, проѣзжая мимо, слѣзаютъ съ лошадей и идутъ нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ. Въ Дарвазѣ наибольшимъ почитаніемъ отличаются могилы: Хазремъ-и-Бурхъ на р. Оби-Мазаръ, Пой-Мазар-Хазретъ-Садыръ-Сеидъ въ верховьяхъ р. Ванчъ и Ходжа-и-Мирабашъ-Султанъ-Сеидъ на сѣверномъ склонѣ Дарвазскихъ горъ, противъ кишлака Кальнъ.

Вообще горцы не отличаются особой набожностью, но тѣмъ не менѣе, почти каждый горецъ имѣетъ на своемъ платьѣ зашитую молитву, которая, по ихъ словамъ, предохраняетъ отъ несчастій въ пути.

Духовныя лица получаютъ крайне скудное вознагражденіе отъ прихожанъ за исполненіе своихъ требъ вѣнчанія, погребенія, за обученіе мальчиковъ грамотѣ. Весь годовой доходъ имама въ Дарвазѣ и Каратегинѣ съ приношеніями (фитирпрузъ) въ постъ уразы по одной чайной чашкѣ хлѣбнаго зерна съ каждой души прихода, по одной шкурѣ барана, козла, убиваемыхъ жертвоприношеніемъ въ годовой праздникъ Курвонъ-байрамъ, едва составляетъ на деньги 20 руб. Имаму прихожане помогаютъ, однако, въ обработкѣ земли, въ уборкѣ жатвы, въ заготовленіи топлива на зиму, съ большимъ трудомъ добываемаго въ скалистыхъ высочайшихъ горахъ, за три—четыре перехода отъ селенія.

Въ Ягнобѣ г. Коротковъ нашелъ кишлаки, гдѣ грамотные цѣлую зиму занимаются переписки корана и другихъ книгъ на продажу, продавая отъ 3—10 руб. за экземпляръ *).

Горцы вѣрятъ въ различныхъ злыхъ духовъ—пери, аджина, амасты (албасты тюрковъ). За хорошее средство противъ этихъ духовъ считаютъ траву „испандъ". Испандъ или Хазаристандъ, какъ называютъ ее бухарцы, извѣстная въ Средней Азіи трава, употребляемая отъ отогнанія злыхъ духовъ. Семь коробочекъ (плодовъ) этой травы, зашитыя въ тряпочку, привѣшиваютъ на шею лошади, какъ амулетъ, для предохраненія отъ дурного глаза. Часто можно встрѣтить также какого нибудь монаха, ходящаго по базару съ дымящейся жаровней и обводящаго ею вокругъ встрѣчныхъ, приговаривая (обращаясь къ духамъ): „кет, чик, гипага ур, дарахтча ур, суга ур майданга кет (уйди, выйди, бросься въ холмъ, бросься въ дерево, воду, уйди въ поле). Существуютъ также заговоры на хазористандъ.

Сватовство. Необходимо сказать, что горцы-таджики почти поголовно бѣдны. Бѣдность эта настолько велика, что утрачиваются даже внѣшнія различія людей по костюму. Житейскіе же обряды и обычаи

*) Поѣздка на горы Фальгара, Ягноба и на Искандеръ-Куль. „Турк. Вѣд." 1877 г. № 31.

равнинныхъ таджиковъ немногимъ отличаются отъ сартовскихъ и отъ узбекскихъ вообще. Благодаря бѣдности горцевъ, у нихъ нищенство даже пріобрѣло форму обычая. Задумавъ жениться, горецъ-таджикъ отправляется предварительно нищенствовать въ долины. Не побывавшій съ этою цѣлью въ городахъ, встрѣчаетъ разныя серьезныя препятствія со стороны родителей той, которую избрало его сердце. Родители предполагаютъ въ немъ человѣка негоднаго къ труду, человѣка безъ средствъ—и вотъ онъ беретъ нищенскую суму и идетъ въ ближайшіе пункты болѣе культурной жизни. Благодаря большому спросу, въ послѣднее время на рабочія руки въ культурной части Туркестана, горецъ всегда находитъ работу и, конечно, зарабатываетъ больше, нежели ему можетъ дать нищенская сума. Заработавъ извѣстную сумму, таджикъ покупаетъ принадлежности костюма и подарки и возвращается къ невѣстѣ, которая вскорѣ дѣлается его женою. Горцы женятся рано. Бываютъ случаи, что богатые родители женятъ своихъ сыновей, когда имъ лѣтъ 10. Обыкновенно юноша до 20 лѣтъ уже бываетъ женатъ. Само собой разумѣется, что и невѣсты соотвѣтствуютъ такому раннему возрасту—жениховъ. Таджики разсказываютъ про случаи, когда выдаютъ замужъ 8 лѣтнихъ; обыкновенный же возрастъ невѣсты 10—14 лѣтъ. Старѣе 16 лѣтъ дѣвушки встрѣчаются очень рѣдко.

Невѣстъ просватываютъ родители или въ дѣтскомъ возрастѣ (говоро-бахшъ), и это служитъ часто поводомъ къ тяжбамъ по сватовству, если дѣвица отказывается выйти замужъ за назначеннаго ей отцомъ жениха (даматъ), или же сватовство совершается по достиженіи дочерью совершеннолѣтія, безъ всякаго принужденія родителей, и такой брачный союзъ всегда почти устанавливаетъ правильную семейную жизнь. Въ первомъ случаѣ за обѣщанную въ невѣсты калымъ уплачивается женихомъ будущему тестю постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, во второмъ—сватовство сопровождается предварительными справками, иногда секретными свиданіями сватающагося съ своимъ предметомъ, переговорами съ родителями невѣсты.

Заручившись свѣдѣніями о сговорчивости родителей невѣсты, посылаютъ къ нимъ 2—3 близкихъ родственниковъ въ качествѣ сватовъ (заучи—по каратегински, гобрасонь—по дарвазски, ходжа хиджибъ—по ваханскп). Если родители намѣченной въ невѣсты изъявятъ согласіе, сваты приглашаются остаться и угощаются разными яствами, отвѣчающими, конечно, зажиточности хозяина. По объявленіи довѣрителямъ согласія другой стороны, этимъ же сватамъ предстоитъ чрезъ 3—4 дня, пристроиться къ посольству уже въ 8—10 человѣкъ сосѣдей, отправляемыхъ въ домъ невѣсты съ блюдами лепешекъ, каши молочной (ширъ брюнчъ), пилава, сушеныхъ фруктовъ и проч. Всѣ гости усаживаются въ саклѣ, читаютъ предварительно про себя молитву и затѣмъ уже залпомъ привѣтствуютъ хозяина дома поздравленіемъ. Подпесенные дары отправляются на женскую половину, чтобы, послѣ нѣкотораго переформированія, явиться снова для угощенія посланцевъ, которые, не вдаваясь въ отвлеченности, вступаютъ въ переговоры от-

носительно размѣра калыма, т. е. платы женихомъ родителямъ невѣсты, причемъ усердно рядятся съ обѣихъ сторонъ. Сваты уговариваютъ родителей невѣсты умѣрить свои требованія, говоря, напримѣръ, что это будетъ богоугодное дѣло, которое имъ зачтется на томъ свѣтѣ и т. д., а тѣ приводятъ свои доводы. Наконецъ, соглашаются и условливаются о днѣ, когда нужно будетъ представить выкупъ за невѣсту.

Плата за жену (калымъ) въ Ягнобѣ не велика: за богатую даютъ быка, трехъ козловъ, 8 аршинъ ситцу и галоши; быкъ и козлы поступаютъ во владѣніе родителей; за самую бѣдную—довольствуются нѣсколькими козлами и даже однимъ; ситецъ замѣняютъ алачей; галоши въ обоихъ случаяхъ необходимы, разница только въ стоимости ихъ.

Въ Машгѣ калымъ больше, нежели въ Ягнобѣ; за богатую и болѣе почетную приходится заплатить: пять батмановъ пшеницы, одинъ батманъ рису, одного быка, 4 козловъ, 4 барановъ, двѣ штуки адрясу, невѣстѣ на платье ситцу, 8 паръ алачи и алачевый халатъ; за бѣдную —5 барановъ и козловъ, 2 батмана пшеницы, $^1/_2$ батмана рису, одну пару адрясу, ситцу на рубашку и 4 пары алачи. Отецъ невѣсты жертвуетъ на свадьбу 3 козловъ.

Въ Вахани разницы калыма также бываютъ различны и находятся въ зависимости отъ богатства родителей жениха и достоинствъ невѣсты. Если родители богаты, то калымъ состоитъ приблизительно изъ 2-хъ хорошихъ лошадей, 2 лошадей поплоше, 2 паръ быковъ, 4 коровъ, 3—4 телятъ, 3 барановъ, 1 ружья называемаго „камунь-фархангъ“, 1 ружья „камуни-сіяхъ“, 20 „красныхъ тряпокъ“, 2—3 манъ (батмановъ) пшеницы, 1-го карчигай (родъ ястреба), 1 быка, называемаго „гауи сукумъ“ на мясо для угощенія. Иногда дается пика.

Калымъ людей средняго достатка составляетъ: 1 хорошая лошадь, 1 лошадь похуже, 3 быка, 2 коровы, 9 „красныхъ тряпокъ“, 1 ружье „камуни-сіяхъ“, 2 теленка, 2 мана пшеницы, 1 баранъ, 1 быкъ на мясо для угощенія. Бѣдные даютъ за невѣсту 1 лошадь, 2 быка, 1 корову, 1 теленка, 1 сіяхъ-камуни, 7 „красныхъ тряпокъ“, 1—$1^1/_2$ мана пшеницы, 1 быкъ на мясо.

При дешевизнѣ скота и при неособенно высокомъ качествѣ экземпляровъ, входящихъ въ калымъ, расходы на выкупъ невѣсты не такъ велики, какъ могло-бы казаться съ перваго взгляда. Ружья, всегда входящія въ число предметовъ калыма, мѣстнаго производства, исключительно фитильныя. Изъ другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ калыма, пика включается главнымъ образомъ для славы— „сколько разговоровъ-то, что за дочь такого въ калымъ дана пика“,— говорятъ таджики. Съ прекращеніемъ междуусобій пики за послѣднее время въ странѣ довольно рѣдки.

Свадьба сопровождается множествомъ церемоній, отличающихся въ каждой мѣстности. Въ селеніяхъ, по Зеравшану, къ вечеру дня, назначеннаго для вѣнчанія, собираются въ домъ родителей невѣсты сосѣди или всѣ кишлачные, пріѣзжаетъ женихъ съ своими товарищами, всѣ усаживаются, кое о чемъ потолкуютъ, а затѣмъ мулла спрашиваетъ

невѣсту, чрезъ двухъ довѣренныхъ отъ нея (подарь-вакиль), по своей ли волѣ рѣшается выходить замужъ за такого-то и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спрашиваетъ также жениха, бралъ ли онъ въ жены такую-то и сколько уплатилъ въ мэхръ (обезпеченіе жены). Составивъ вѣнчальный актъ (никохъ-хатъ), со включеніемъ въ него свѣдѣній о сдѣланныхъ женихомъ издержекъ, мулла читаетъ молитву (худба)—и обрядъ вѣнчанія надъ отсутствующей въ другой саклѣ невѣстой совершенъ. Этотъ вечеръ гости мужской и женской половины обильно угощаются лапшей (угра) въ кисломъ молокѣ съ зеленью, молочной кашей и въ заключеніи пловомъ. Къ 10 часамъ вечера пиръ оканчивается, женихъ получаетъ отъ родителей невѣсты халатъ и отправляется въ свой домъ, подъ пѣсни товарищей, получасомъ раньше выступленія изъ дома родителей процессіи кишлачныхъ женщинъ, сопровождающихъ „молодую“ въ домъ жениха при факельномъ освѣщеніи. Здѣсь, въ отдѣльной комнаткѣ, перегороженной на тотъ случай занавѣской, „молодой“, въ первый разъ, наскоро привѣтствуетъ свою жену и предоставляетъ ей оставаться эту ночь съ своими подругами, угощающимися отъ всего усердія и достатка домохозяина. На другой день изъ дома невѣсты доставляется приданое, за которое молодой отплачиваетъ родителямъ скромными подарками. Черезъ 15 – 20 дней молодые навѣщаютъ родителей невѣсты съ принощеніемъ барана, 100 лепешекъ, сладостей и получаютъ въ отвѣтъ корову, одного козла, пять барановъ, одинъ платокъ, галоши. Далѣе жизнь идетъ проторенной вѣками колеей.

Въ Ваханѣ свадьба бываетъ устраиваема нѣсколько сложнѣе. Наканунѣ свадьбы, съ вечера начинаютъ собираться гости въ домъ родителей жениха и устраивается „шау-туй“ (ночной пиръ), который продолжается до полночи. Въ полночь зажигаютъ факелы, приготовленные изъ разныхъ тряпокъ, намоченныхъ въ маслѣ и привязанныхъ къ палкамъ и при свѣтѣ ихъ съ пѣніемъ 2 и 4 пѣвцовъ (хофазавъ) гости отправляются съ женихомъ въ домъ родителей невѣсты. Тамъ всѣмъ предлагается угощеніе. Женихъ садится посреди народа; по бокамъ его усаживаютъ двухъ юношей. Къ жениху, называемому „ша“—князь, всѣ относятся съ большимъ почтеніемъ, всякое его приказаніе должно быть исполняемо немедленно и безпрекословно. Самъ женихъ съ окружающими не говоритъ, а передаетъ всѣ приказанія чрезъ двухъ, сидящихъ рядомъ съ нимъ юношей. Свиваютъ жгутъ „дыра“ и подносятъ съ поклонами къ князю-жениху, предлагая ему выбрать себѣ „ясаула“. Женихъ чрезъ юношей предлагаетъ одному изъ гостей принять этотъ санъ. Выбранный, съ выраженіемъ почтенія приближается къ жениху, беретъ жгутъ, читаетъ фатиху (короткая благословенная молитва), удаляется, пятясь задомъ, чтобы оставаться лицомъ къ „князю“ и садится сзади него. Если изъ присутствующихъ кто либо не угодитъ „князю“, или ослушался его приказаній. „Ша“ приказываетъ „ясаулу“ (опять таки черезъ юношей) наказать виновнаго, назначая число ударовъ и даже опредѣляя мѣсто, куда они должны быть направлены: спина, лобъ и др. Если ясаулъ плохо исполняетъ

свои обязанности или чѣмъ нибудь не угодилъ „князю“, послѣдній его смѣняетъ, назначаетъ другого на его мѣсто, наказываетъ и т. д. До самаго разсвѣта поются присутствующими пѣсни, смѣняясь пляской, которую танцуютъ женщины подъ звуки бубна и пѣсни играющаго на немъ музыканта. Мужчины только смотрятъ на танцы, но сами участія не принимаютъ. Невѣста въ продолженіе пира сидитъ въ углу комнаты, окруженная дѣвицами и женщинами. На разсвѣтѣ жениха провожаютъ обратно въ его домъ и затѣмъ гости расходятся. Проведя безсонную ночь, всѣ ложатся спать. Около полудня въ домѣ жениха варится пища и снова собираются гости. Послѣ ѣды мужчины готовятся къ отправленію за невѣстой, но въ путь не трогаются, пока не покажется посланный отъ невѣсты, называемый „ша-джахръ“ (приглашеніе князю). „Шаджахръ“ еще издали, увидѣвъ жениха, кричитъ „шаі олямъ, моджахтляръ“ (о, царь міра, я приглаштель) и затѣмъ, проговоривъ эту фразу, бросается со всѣхъ ногъ бѣжать, такъ какъ этого посланца съ радостною вѣстью по обычаю всякій старается облить водою или обсыпать золой послѣ того, какъ онъ, проговоривъ свое приглашеніе, бросается въ бѣгство.

Многіе любители еще заранѣе, притаившись на крышахъ или въ подходящихъ углахъ, поджидаютъ его появленія.

Послѣ того, какъ послѣдовало приглашеніе, поѣздъ трогается. Жениха сопровождаетъ одна женщина, единственная въ поѣздѣ, называемая „мурова“. Изъ гостей, у кого есть лошади—ѣдутъ верхомъ, неимѣющіе—идутъ пѣшкомъ. Самъ женихъ ѣдетъ на красивомъ богатоубранномъ конѣ, который для такого случая, если въ домѣ нѣтъ хорошей лошади, достается со стороны. Подъѣхавъ къ дому невѣсты поѣздъ останавливается. „Мурова“ входитъ въ домъ и смѣшивается съ женщинами, среди которыхъ находится невѣста. Ожидающему жениху и поѣзжанамъ изъ дома невѣсты выносится угощеніе. Женихъ ѣстъ, сидя съ двумя „нукяри-ша“ (слугами князя). Послѣ ѣды начинается игра съ зарѣзаннымъ козломъ.

Въ то время, когда публика развлекается игрой, около дома идутъ приготовленія къ отвозу невѣсты. Имамъ совершаетъ формальности общемусульманскаго характера и замѣняетъ также казія, который обыкновенно живетъ очень далеко. Затѣмъ, женихъ входитъ въ домъ невѣсты, подходитъ къ ней и наступаетъ своей лѣвой ногой на ея правую. Послѣ этого невѣсту съ закрытымъ лицомъ выводятъ въ сопровожденіи еще одной „муровы“ съ ея стороны и сажаютъ на лошадь. Обыкновенно невѣста горько плачетъ и отказывается ѣхать; ее уговариваютъ. Небольшой поѣздъ, кромѣ жениха и невѣсты, составляютъ: 2 „муровы“, 2 „нукяри-ша“ 1 „сарджилябъ“, ведущій подъ узды лошадь невѣсты и назначаемый съ ея стороны.

Въ домѣ жениха уже заранѣе приготовленъ отдѣленый занавѣсомъ уголъ для помѣщенія невѣсты. Какъ только поѣздъ подъѣхалъ къ дому жениха, отецъ жениха, его старшій братъ, дядя или какой нибудь другой близкій родственникъ подходитъ къ невѣстѣ, снимаетъ ее съ

лошади и относитъ за занавѣсъ. Послѣ этого туда входитъ „ша“, снимаетъ покрывало съ невѣсты и уходитъ, оставляя ее въ обществѣ „муровы“ и другихъ женщинъ. „Мурова“ находится вмѣстѣ съ молодой за занавѣсомъ 3 дня. По истеченіи этого времени занавѣсъ снимаютъ и „мурова“ удаляется.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы молодая отправляется вмѣстѣ съ мужемъ къ своимъ родителямъ и получаетъ отъ нихъ подарки, называемые „патахѣ“, состоящіе изъ коровы, нѣсколькихъ барановъ и разныхъ предметовъ домашней утвари *).

Въ Читралѣ и Сарыколѣ день свадьбы назначаютъ родителями жениха. Послѣ предупрежденія частнымъ образомъ, нарядно одѣтый другъ жениха посылается объявить, что этотъ послѣдній явится въ такой то день за полученіемъ невѣсты. При этомъ происходитъ обмѣна подарковъ. Въ назначенный день женихъ, въ сопровожденіи своихъ друзей, вооруженный лукомъ, стрѣлами и сѣкирой направляется къ дому невѣсты.

Невѣста остается во внутреннихъ покояхъ, одѣтая въ праздничное платье, и съ повязкою изъ раковинъ на головѣ. Это украшеніе, говорятъ, введено шинами, и среди нихъ оно обязательно. При входѣ въ домъ, сожигаютъ кедровыя вѣтви на желѣзномъ блюдѣ, и прибывшихъ обсыпаютъ мукою. Когда всѣ сядутъ, большое блюдо съ хлѣбомъ подается жениху; онъ раздаетъ хлѣбъ присутствующимъ и кладетъ на блюдо свое ружье или саблю, которые остаются въ подарокъ подававшему блюдо. Въ Гильгитѣ двое друзей невѣсты садятся напротивъ двухъ друзей жениха и передаютъ другъ другу хлѣбъ; каждый изъ друзей невѣсты отламываетъ отъ него кусокъ, который оставляется на блюдѣ, а друзья жениха кладутъ на него свои чалмы или шапки, въ знакъ того, что ихъ головы въ распоряженіи невѣсты. Блюдо посылается къ ней и она возвращаетъ чалмы назадъ. Прежде, въ это время, женихъ и невѣста ѣли вмѣстѣ хлѣбъ и это служило завершеніемъ брачной церемоніи; причемъ считалось, что кто первый успѣетъ съѣсть кусокъ хлѣба, будетъ главою въ семействѣ; вслѣдствіе этого происходила борьба.

Каждый обрядъ сопровождается обмѣномъ подарковъ, условленныхъ заранѣе. Друзья же обѣихъ семействъ проводятъ этотъ день и всю ночь снаружи дома въ пѣніи и пляскѣ. Послѣ передачи семейству невѣсты, выкупа за нее и условленныхъ подарковъ, является мулла и читаетъ брачную молитву, согласно шаріату. Въ Читралѣ послѣ этого молодой направляется съ новобрачною къ себѣ домой.

Въ Гильгитѣ женихъ и невѣста послѣ свадьбы не встрѣчается, а на слѣдующій день происходитъ „калакъ малакъ“, составляющій особенность Гильгита. Онъ считается утвержденіемъ брака и состоитъ въ оцѣнкѣ всѣхъ подарковъ, данныхъ съ начала до конца. Два друга съ каждой стороны оцѣниваютъ всѣ подарки жениха. Три толу золотого

---

*) М. С. Андреевъ. Вахіе. „Турк. Вѣд“. 1899 г. № 93.

песка, т. е. около 24 рупій, представляютъ стоимость самой невѣсты. Затѣмъ ея отецъ даетъ большой котелъ, кровать, уборы, платья, блюда и остальные предметы для хозяйства. Тогда призывается невѣста и ей предоставляется выбрать какіе либо два предмета, которые не войдутъ въ оцѣнку. Затѣмъ, опредѣляется стоимость остального, не забывая цѣну подарковъ обмѣненныхъ при помолвкѣ и разницу немедленно уплачиваетъ непремѣнно женихъ или его отецъ.

Покончивъ всѣ эти вопросы, приступаютъ къ выдачѣ невѣсты. Женихъ и его друзья становятся кругомъ двери и всѣхъ посыпаютъ мукой. Въ Читралѣ мать выводитъ невѣсту и передаетъ ее жениху, отъ котораго взамѣнъ получаетъ подарокъ. Въ Гильгитѣ родственницы невѣсты провожаютъ молодыхъ, осыпая жениха бранью и бросая въ него грязью; прослѣдовавъ такимъ образомъ около мили, женихъ даетъ подарокъ матери невѣсты, и затѣмъ ему позволяютъ удалиться спокойно. Иногда при выходѣ изъ дома передъ молодыми убиваютъ козла. Обсыпаніе мукою дѣлается повсемѣстно и нѣсколько разъ въ теченіе свадебныхъ церемоній. Этотъ обычай въ Гильгитѣ называется дубонъ.

Нѣсколько дней спустя родители навѣщаютъ новобрачную, гдѣ ихъ встрѣчаютъ, обсыпая мукою; это повторяется также при первомъ посѣщеніи его своихъ родителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вскорѣ послѣ свадьбы, молодые переселяются къ роднымъ новобрачной и живутъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Ваханѣ и Читралѣ мужъ, отведя новобрачную, самъ возвращается и кладетъ на очагъ подарокъ, состоящій изъ ружья или сабли. Въ Мунджанѣ и Лудхо всѣ женщины деревни съ плясками и пѣснями сопровождаютъ молодыхъ до ихъ дома, гдѣ ихъ оставляютъ въ теченіе семи дней однихъ; въ это время имъ приносятъ пищу, но никто не входитъ въ домъ и имъ не позволяется выходить изъ него.

Въ Торванѣ жениха сопровождаютъ, переодѣтые женщинами, мужчины, которые танцуютъ и въ увеселеніи принимаетъ участіе вся деревня. На слѣдующій день послѣ свадьбы къ новобрачной приходятъ родственницы мужа, которымъ она должна представить доказательства, что она не внесла въ семейство „разбитую чашку“. Въ этомъ случаѣ ее поздравляютъ и хвалятъ; но если бы она не была въ состояніи представить требуемыя доказательства, то къ ней будутъ относиться съ презрѣніемъ.

Хотя молодые люди часто уговариваются между собой ранѣе, нежели спросятъ разрѣшенія родителей, но разъ дѣло рѣшено, имъ болѣе не позволяется видѣться. При случайной встрѣчѣ внѣ дома, приличіе требуетъ, чтобы они разошлись, не говоря ни слова и даже не смотря другъ на друга.

Иногда при заключеніи брака молодые приглашаютъ одного изъ общихъ друзей сдѣлаться ихъ пріемнымъ отцомъ. Узы утверждаются въ то время, когда женихъ и невѣста ѣдятъ вмѣстѣ хлѣбъ. Они садятся другъ противъ друга; избранный пріемный отецъ помѣщается между ними и, взявъ по куску хлѣба въ каждую руку, скрещиваетъ ихъ, на-

блюдая, чтобы правая рука была выше лѣвой и кладетъ хлѣбъ въ ротъ обоимъ. Съ этой минуты онъ становится ихъ пріемнымъ отцомъ*).

Полигамія, конечно, признанное учрежденіе, но къ разводу прибѣгаютъ вообще не часто.

Получившая разводъ судейскимъ, казіевскимъ актомъ пользуется правомъ полной свободы выхода за мужъ за другого, какъ это всегда и бываетъ, потому что разведенная стоитъ дешевле, да и разводъ подготовляется тайнымъ вліяніемъ какого-нибудь возлюбленнаго, хотя, надо сказать, случаи нарушенія супружеской вѣрности вообще очень рѣдки между горцами.

Убѣганіе молодыхъ женъ въ домъ родителей своихъ, вслѣдствіе неуживчивости, практикуется также и въ горахъ, но чаще оканчивается примиреніемъ безъ всякихъ судебныхъ понужденій, которыхъ вообще избѣгаютъ горцы, какъ народъ незлобивый, хотя и очень вспыльчивый до самозабвенія.

Мужъ, недовольный женою, отсылаетъ ее на неопредѣленное время къ отцу или матери — это первая степень развода. Провинится послѣ этого жена - она снова отсылается въ домъ родительскій; это — вторая степень развода. Затѣмъ, идетъ третья и окончательная степень, послѣ которой сожительство уже невозможно.

Погребеніе. Въ настоящее время въ употребленіи обыкновенный мусульманскій способъ погребенія. Небольшая плоская земляная насыпь, около 2 футовъ длиною, аккуратно укладывается на могилахъ, на которыхъ первое время (не вездѣ) поддерживается по ночамъ огонь, подъ предлогомъ удаленія дикихъ звѣрей, пока земля не успѣетъ окрѣпнуть. О старыхъ могилахъ не заботятся вовсе и видъ ихъ, большею частью, крайне неряшливый вслѣдствіе того, что сводчатыя покрытія провалились. Практикуются погребальныя поминки съ раздачею на кладбищѣ пищи и подарковъ на память (иртынъ). Поминки продолжаются въ теченіе года, выражаясь жертвователемъ имаму и молящимся прихожанамъ большой чашки супа и десяти лепешекъ каждую пятницу.

Обычаи. У горцевъ имѣются тайники, куда складываются деньги, металлическіе сосуды, женскія украшенія и вообще цѣнныя вещи. По временамъ хозяинъ украдкою пробирается къ своему тайнику, откуда вещи берутся для употребленія только на время празднествъ. Не считается постыднымъ присвоить себѣ чужое сокровище, если случайно оно будетъ найдено; по этому поводу возникаютъ частые споры. Сокровища часто погибаютъ, въ случаѣ внезапной смерти владѣльца, когда онъ не успѣлъ открыть своему сыну мѣсто, гдѣ онѣ спрятаны.

Интересенъ обычай привѣтствія при встрѣчѣ. Привѣтствія у высшихъ классовъ послѣ долгаго отсутствія изящны и любезны. Послѣ объятій встрѣчающіеся подаютъ другъ другу руки и каждый цѣлуетъ руку другому.

---

*) Биддельфъ. Народы, насел. Гинду-Кушъ. стр. 103—107.

Высшихъ привѣтствуютъ какъ при встрѣчѣ, такъ и при разставаніи или цѣлованіемъ руки или прикосновеніемъ къ ногѣ. Въ Читралѣ, при встрѣчѣ лицъ разныхъ классовъ, низшій цѣлуетъ руку высшему, который отвѣчаетъ поцѣлуемъ въ щеку. Подобный обычай, говорятъ, существовалъ у древнихъ персовъ.

При посѣщеніи какимъ-либо начальникомъ другого, происходитъ довольно интересная церемонія, называемая „кобахъ“. По прибытіи, гостя проводятъ на шаваранъ, и свита обоихъ начальниковъ состязается въ ловкости, стрѣляя съ лошади на полномъ курьерѣ въ цѣль, установленную на длинномъ шестѣ. Послѣ этого приводятъ теленка, которому гость долженъ отрубить голову однимъ ударомъ сабли; иногда онъ поручаетъ это кому-либо изъ своей свиты, которой и отдается убитое животное. Обычай этотъ существуетъ въ Шугнанѣ, Бадахшанѣ, Ваханѣ, Читралѣ, Ясинѣ, Гильгитѣ, Хунзѣ и Нагерѣ. Въ послѣднемъ теленка убиваютъ изъ лука стрѣлою. Въ послѣдніе годы обычай нѣсколько измѣнился, вслѣдствіе болѣе строгаго соблюденія мусульманскаго закона; обыкновенно часто передаютъ теленка живымъ, чтобы было возможно ему перерѣзать шею по правовѣрному способу; но иногда и въ настоящее время начальникъ, желающій показать свою силу и качество своей сабли, предпочитаетъ старый обычай.

Здѣсь, отчасти, стоитъ привести одинъ чисто таджикскій обычай, перешедшій и къ узбекамъ. Украдены, напр., у кого-либо деньги; на кого-нибудь падаетъ подозрѣніе; обокраденный заявляетъ объ этомъ старикамъ; собирается сходъ, начинается увѣщаніе подозрѣваемаго, но онъ, конечно, запирается. Тогда старики рѣшаются кончить дѣло посредствомъ хакъ-партау. Народъ расходится по домамъ, но скоро снова собирается къ дому обокраденнаго, причемъ каждый приноситъ въ полѣ халата немного земли съ своего двора, которую одинъ по одному и высыпаетъ въ указанное стариками мѣсто въ конюшнѣ или въ саклѣ. Когда всѣ уйдутъ, хозяинъ разрываетъ кучу и, по большей части, находитъ въ ней завернутыя въ какую-нибудь тряпицу деньги или, иногда, часть ихъ. Этотъ обычай зовется хакъ-партау, отъ таджикскаго слова хакъ—пыль, прахъ и глагола пардидень—бросать.

Молочное родство признается среди всѣхъ владѣтельныхъ семействъ и его узы почитаются болѣе тѣсными, нежели узы крови. По рожденіи сына или дочери, дитя передается кормилицѣ и остается у нея въ домѣ, такъ что часто отецъ не видитъ своихъ дѣтей до шести или семилѣтняго возраста; всѣ члены семейства кормилицы въ распоряженіи питомца, съ которымъ до конца жизни неразрывно связана ихъ судьба, каковы бы не были впослѣдствіи несчастія и даже преступленія его. Они за нимъ слѣдуютъ въ изгнаніе и, наоборотъ, если питомецъ достигнетъ впослѣдствіи высокаго положенія, то пріемный отецъ дѣлается наиболѣе близкимъ совѣтникомъ его, а его молочными братьями даются самыя важныя порученія.

Обычай этотъ теперь нѣсколько ослабѣваетъ. Вообще молоку женщины придаютъ важное значеніе. Молоко женщины считается лучшимъ

лекарствомъ отъ бѣльма и другихъ глазныхъ болѣзней. Обращеніе къ нему также устанавливаетъ навсегда молочныя узы.

Представляетъ интересъ обычай „фидія“—расплаты за неисполненныя религіозныя обязанности. Въ книгахъ „Раддуль Мухтаръ и Джамуррамузъ“ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія, какъ долженъ исполняться наслѣдниками умершаго эта религіозная обязанность по отношенію къ неисправности умершаго въ исполненіи молитвъ.

Если умретъ мусульманинъ, говорится въ этихъ книгахъ, который при жизни не исполнилъ въ точности всѣ свои религіозныя обязанности по отношенію намаза (молитвы) и поста, и если имъ было завѣщено, что за каждую неисполненную во время молитву и за каждый день пропущенный во время поста, наслѣдники обязываются сдѣлать „фидія“, то наслѣдникамъ надлежитъ исполнить это завѣщаніе на счетъ одной трети имущества, оставшагося послѣ умершаго.

„Фидія“ должна быть исполнена до погребенія, но разрѣшается исполнить это и послѣ похоронъ умершаго. За каждый пропущенный во время поста день, или неисполненную своевременно молитву, надлежитъ раздать бѣднымъ $^1/_2$ „саха“ или $4^1/_2$ ф. пшеницы, или $8^1/_2$ ф. ячменя, или муки изъ этихъ продуктовъ. Это количество замѣняется въ случаѣ надобности $3^1/_2$ фун. фиников или изюма, наконецъ, взамѣнъ передачи продуктовъ въ натурѣ, бѣднымъ можетъ быть уплачена деньгами стоимость соотвѣтствующаго количества продуктовъ; деньгами уплачивать всего лучше, потому что бѣднякъ лучше можетъ удовлетворить свои нужды.

Для того, чтобы опредѣлить общее количество „фидіи“, необходимо прибѣгнуть къ разсчету, а именно: изъ возраста умершаго вычесть 12 лѣтъ для мужчины и 9 лѣтъ для женщины и, затѣмъ, вычислить сколько было пропущено молитвъ (считая по шесть въ день) и дней поста, полагая ежегодно по одному мѣсяцу поста въ 30 дней. Когда число подлежащихъ оплатѣ молитвъ и постныхъ дней будетъ опредѣлено, слѣдуетъ вычислить количество продуктовъ, долженствующихъ быть выданными въ „фидію“ или ихъ стоимость и сразу раздать бѣднымъ изъ трети оставшагося послѣ смерти почившаго наслѣдства.

Если наслѣдство настолько незначительно, что нѣтъ возможности сразу внести всю сумму вычисленнаго вышеуказаннымъ способомъ „фидіи“, то разрѣшается исполнить эту обязанность слѣдующимъ образомъ: изъ всего опредѣленнаго ранѣе времени подлежащаго оплатѣ выдѣляютъ нѣсколько лѣтъ или мѣсяцевъ и слѣдующую за этотъ періодъ „фидію“ передаютъ какому нибудь бѣдняку. Бѣднякъ, принявъ извѣстное количество продуктовъ, или ихъ стоимость, въ свою очередь, даритъ все это наслѣдникамъ умершаго. Эти послѣдніе, снова передаютъ то же количество или сумму денегъ бѣдняку за слѣдующій періодъ жизни умершаго, чтобы вновь получить уплаченное въ даръ (хлѣба) отъ бѣдняка. Путемъ такой послѣдовательной передачи однимъ и тѣмъ же количествомъ продуктовъ, или одной и той же суммой денегъ, оплачиваются всѣ пропущенныя покойнымъ молитвы и постные дни.

Можетъ случиться, что умершій настолько бѣденъ, что послѣ его смерти въ распоряженіи наслѣдниковъ совершенно не оказывается имущества, которое они могли бы передать бѣдняку. Въ такомъ случаѣ разрѣшается занять $^1/_2$ саха ($4^1/_4$ ф.) зерна и, путемъ послѣдовательныхъ передачъ бѣдняку и полученія отъ него въ даръ этого количества зарна, оплатить понемногу пропущенныя покойнымъ молитвы и постные дни. Если покойный не оставилъ завѣщанія, то наслѣдники могутъ и по своему почину сдѣлать „фидію“, но въ такомъ случаѣ для нихъ обязательно при каждой передачѣ упомянуть, что „фидія“ дается за такого-то, сына такого-то, а принимающій „фидію“ бѣднякъ каждый разъ долженъ заявлять свое согласіе на принятіе „фидіи“.

— —

25. Раздѣленіе на классы

Въ таджикскихъ бывшихъ ханствахъ не существуетъ дѣленія на классы и сословія и прямые потомки правителей, такъ называемыхъ „ша“, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ, чему, напр., въ Шугнанѣ, не мало способствуетъ почти поголовная бѣдность. Но это не вездѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рожденіе и образованіе даетъ извѣстныя привилегіи. Н. Г. Маллицкій сообщаетъ слѣдующее: въ 1898 г. при производствѣ топографическихъ работъ въ долинѣ Пянджа: М. А. Кирхговъ нашелъ въ 3—4 верстахъ отъ селенія Шидъ (въ Рушанѣ) внизъ по Пянджу хорошо сохранившуюся надпись, высѣченную на скалѣ надъ рѣкою. Надпись состоитъ изъ „таарпха“, т. е. хронограммы событія въ стихахъ, текста и приписки справа. Переводъ хронограммы: „о, Али, царь небесъ, о, Али, пріятный сердцу повѣствующаго, о, Али, мы утѣшили нуждавшихся: схватили мы рукою полу Али (т. е. прибѣгли подъ покровительство Али). Переводъ текста-Смыслъ написаннаго тамъ, что было воскресенье 14 шеввала, по счисленію (гиджры) тысяча—1177—сто семьдесятъ седьмого года (5 апрѣля 1764 года), когда, по повелѣнію Всемогущаго Творца, послѣдовало соизволеніе (на разработку) берега сего, а 7 числа Зюлькаде (27 мая 1764 г.) съ помощью духовъ горы (дѣло это) достигло окончанія. Завѣдывалъ работами ничтожный передъ чертогомъ (Господнимъ) Ша Гада (буквально князь—нищій), сынъ Ходжи Салмони, изъ потомства Сяйидъ Назаръ Хысрау и отъ сѣмени Сяйидъ Сахрабъ Вали и Баба Умаръ Манкора, а разрабатывали берегъ сей (вѣроятно, тропу) люди Шиза (нынѣ Шидъ, кишлакъ на правомъ берегу Пянджа, между устьями р.р. Бартанга и Тангъ-шивы), писалъ же худой бѣднякъ мулла Гулатъ Насыръ, сынъ муллы Мухамедъ Садыка“. Переводъ приписки справа—стихъ: „Я много значу въ твоей памяти,—не забудь меня, пожалуйста. Ничтожный

передъ чертогомъ (Господнимъ) казій Хушаль-бекъ изъ урочища Шизъ".

Надпись, говоритъ г. Маллицкій, характеризуетъ общественный строй общины рушанскихъ горцевъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Во главѣ общины стоитъ „ша" (князь), потомокъ феодальной аристократіи края, съ гордостью вычисляющій своихъ предковъ; извѣстно, что „ша" припамирскихъ странъ возводили свою родословную къ самому Александру Македонскому. На ряду съ „ша", по происхожденію, повидимому, узбекъ, насколько о томъ можно судить по имени. Узбеки долго владѣли Бадахшаномъ и, вѣроятно, прилегающими припамирскими странами. Ниже этихъ двухъ представителей власти стоятъ прочіе члены общины, люди Шида и представитель мѣстной интеллигенціи, мулла Гулатъ Наыръ *).

26. Міросозерцаніе таджиковъ.

Міровоззрѣніе горцевъ, отличная полной замкнутости ихъ жизни, отсутствію правильныхъ понятій о естественныхъ законахъ природы, исполнено суевѣрія и боязни злого духа, мстительнаго (лятторъ) и покровительственнаго (потахгорь).

Въ Дарвазѣ не знаютъ ни года магометанской эры, ни названія странъ свѣта. Въ мірѣ свѣтилъ солнце (афтобъ) считаютъ источникомъ жизни, свѣта; луну—убѣжищемъ усопшихъ, полярную звѣзду (куторъ) —указательницей пути. Молнію и громъ приписываютъ попыткѣ черта подняться на небо, при чемъ ангелы бросаютъ въ него огненные камни. Весна и лѣто посылается Богомъ изъ отдѣленія рая, а осень и зима изъ ада. Землетрясеніе, часто причиняющее своею продолжительностью горные обвалы и гибель цѣлыхъ селеній (мумиръ-абадъ), приписываютъ вздрагиванію ада отъ мукъ грѣшниковъ **).

Космическія воззрѣнія туземцевъ весьма скудны; по нихъ—молнію, вселенную (дунія) составляютъ: земля, солнце, луна, небо съ большими и малыми звѣздами, земля въ два раза, а луна въ $1^1/_2$ раза менѣе солнца; земля представляетъ шаръ (кури), остающійся неподвижнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ нагромоздилъ на него горы, составляющіе, такимъ образомъ, приколъ (казыкъ) этого шара; солнце также неподвижно, но распространяетъ на землю свѣтъ и теплоту, оставленную тамъ Богомъ, чрезъ облака, которыя обходятъ вмѣстѣ съ луною вокругъ солнца и земли по двѣнадцати колеямъ (бурджа), оттого и бываетъ, что луна, очутившись позади земли, не свѣтитъ; затменіе же солнца посылается Аллахомъ за очень тяжкіе грѣхи людей.

О распредѣленіи на земномъ шарѣ суши и морей составляютъ представленіе, бросая въ прудъ (хаусъ) тыкву: насколько тыква выдается изъ воды, столько на землѣ суши, остальное—моря, $^1/_4$ часть всей

*) „Турк. Вѣд." 1900 г. № 6.

** Арандаренко с. с. стр. 472.

земли обитаема людьми (рубій маскумъ), а остальные $^3/_4$—пустыни (джазира). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ, что землетрясеніе производятъ ангелы, по приказанію Бога, за грѣхи людей; по ученью муллы допускаетъ, однако, что оно бываетъ и вслѣдствіе стремленія подземныхъ испареній (бухоротъ) прорваться наружу, молнія (чакмакакъ) и громъ происходятъ отъ борьбы между собою облаковъ (блудъ); градъ —явленіе необъяснимое.

Это міровоззрѣніе постигаютъ очень немногіе изъ туземцевъ, именно только тотъ классъ пытливыхъ людей, которые вопреки одной изъ суръ корана, дерзаютъ разбирать тайны міра или самостоятельнымъ мышленіемъ, или по запрещеннымъ для мусульманъ книгамъ-ильми-хикметъ, китаби-нуджумъ (астраномія), встрѣчающимся въ Бухарѣ у нѣкоторыхъ муллъ какъ библіографическая рѣдкость.

Каждый почти городъ, каждое большое селеніе имѣютъ не то метеоролога, не то астронома (хисанданъ), у киргизовъ-исыпчи). Показанія этого хисандана существенно необходимы для цѣлей религіозныхъ: правильнаго опредѣленія дней годовыхъ праздниковъ (Рамазанъ, Курбанъ, Санль), для точныхъ разсчетовъ землепашцевъ времени посѣва разныхъ хлѣбныхъ злаковъ. Ихъ дѣятельность ограничивается точнымъ опредѣленіемъ по лунымъ склоненіямъ начала каждаго магометанскаго мѣсяца, наступленія праздниковъ, а предсказанія погоды основываются на заключеніяхъ стариковъ (калягаръ).

Если въ послѣдніе часы мѣсяца сауръ (апрѣль), говорилъ одинъ хисандалъ въ Пенджкентѣ, до пополудня 9 мая по старому стилю, небо будетъ облачно, то надобно ожидать суровой, снѣжной зимы; если первые дни мая (джауза) дождливы, то будутъ дожди и въ ноябрѣ (кауз), а въ противномъ случаѣ надо ожидать дождей въ началѣ октября (окрапъ). Если горячій вѣтеръ (гармсиль) начнется около 25 мая по старому стилю, то октябрь будетъ очень холодный, если же въ половинѣ октября разразится снѣгъ и холодъ, то надо ожидать очень многоснѣжной зимы.

По наблюденію Пенджекентскихъ хисандановъ, весеннему (въ мартѣ) дождю предшествуетъ западный (кибла) вѣтеръ; апрѣльскіе дожди предсказываются тучами на южной сторонѣ небосклона; молнія (чакмакакъ) и громъ (мама кулдракъ) происходятъ отъ ударовъ плетью по облакамъ надсмотрщикомъ, ангеломъ Каркаплемъ; гроза никакихъ предсказаній не даетъ, а градъ (джаля) есть просто: „Алланы и берганъ офорь (Богомъ посланная кара неба); гармсиль (горячій вѣтеръ) по общему заключенію, прорывается въ Зеравшанскую долину изъ Голодной степи, чрезъ ущелье Джеланъ-ута (въ Джизакскихъ горахъ), огибаетъ порою западные склоны Туркестанскаго кряжа на Зеравшанѣ и устремляется въ ущелья Фальгара, проникая также по пути въ боковыя горныя щели Мигіана и Кштута. Туманность горъ Фальгара въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ служитъ, по наблюденіямъ туземцевъ, вѣрнымъ предсказаніемъ за нѣсколько дней впередъ движеніе съ запада горячаго вѣтра, продолжитель котораго здѣсь не бываетъ болѣе трехъ по-

рывовъ въ день, при чемъ случается, что гармсиль дуетъ нѣсколько дней сряду, носится по вершинамъ горъ и это обозначается половодьемъ Зеравшана.

Горцы Фальгара и Киптута замѣчаютъ еще, что сгущеніе облаковъ наблюдаемое въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцевъ, предшествуетъ грозѣ (раадъ); что облака перовидныя предвѣщаютъ въ апрѣлѣ дождь, а въ ноябрѣ—снѣгъ, что бездождная весна (съ 15 марта по 2 апрѣля) обѣщаетъ дожди въ іюлѣ, августѣ мѣсяцахъ и сильные сухіе холода зимою.

Въ цвѣтахъ радуги туземцы видятъ сочетаніе яда (зеленый цвѣтъ) съ кровью (красный цвѣтъ). Зеленый цвѣтъ—это ядъ, которымъ былъ отравленъ своею женою внукъ Магомета, Хасанъ, а красный цвѣтъ есть кровь второго внука пророка, Хусейна, убитаго.

Многоснѣжная зима (съ декабря по 15 февраля) считается земледѣльцами истиннымъ благодѣяніемъ, какъ покрывало (курпе) для озимыхъ посѣвовъ и источникъ лѣтняго половодья рѣкъ. Ранніе, весенніе дожди безусловно полезны для землепашества, но частые дожди въ первой половинѣ апрѣля неблагопріятны для злаковыхъ посѣвовъ на тучной, перегнойной почвѣ по берегамъ Зеравшана; отъ излишней сырости посѣвы эти подвергаются болѣзни, называемой зерда (родъ ржавчины).

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мастча горцы умилостивляютъ природу въ ниспосланіи снѣжной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (тироман) пшеница (гондумъ) хорошо уродилась, слѣдующимъ дикимъ обычаемъ, аккуратно выполняемымъ каждогодно осенью, въ праздникъ Рамазанъ. Послѣ полдневнаго намаза, которымъ заканчивается мусульманскій 30-ти дневный постъ, все населеніе кишлака прямо изъ мечети отправляется на площадь, куда выносятъ большое корыто (корсанъ), съ мѣшанкою изъ муки, называемою атала. Каждый изъ присутствующихъ, малый и большой, долженъ попробовать это даровое угощеніе затѣмъ толпа схватываетъ кого-нибудь изъ стариковъ, кладетъ его въ корыто, гдѣ онъ добровольно и лежитъ, пока эта оригинальная колыбель не будетъ раздавлена ногами всѣхъ присутствующихъ, умилостивляющихъ такою жертвою Аллаха.

У ближайшихъ сосѣдей, горцевъ Фальгара, Фана и Ягноба этого обычая нѣтъ. Можно догадываться, что этотъ обычай есть грубое извращеніе установленія (угощенія бѣдныхъ), дѣйствующаго въ долинѣ. Въ Пенджекентѣ это дѣлается три раза въ годъ и имѣетъ цѣлью также умилостивленіе Аллаха къ ниспосланію дождя. Обыкновенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подъ впечатлѣніемъ бездождья, столь губительнаго для большинства посѣвовъ, условливаются сдѣлать въ опредѣленный день угощеніе бѣднымъ. Извѣщенные объ этомъ прихожане мечети отправляютъ добровольныя жертвованія деньгами, мукой, лепешками и овцами. Распорядитель покупаетъ припасы, приглашая повара, приготовляетъ въ большомъ количествѣ пшеничную кашу съ мясомъ (ходиса) и въ назначенный часъ раздастъ эту пищу чашками каждому прихожанину. Затѣмъ, послѣ угощенія (дарваишъ-ана) молятся Богу о ниспосланіи дождя.

Отдѣльно дѣти до 11-ти лѣтняго возраста, обнаживъ головы, умилостивляютъ Аллаха передъ каждымъ домомъ хоровою пѣснею;

Янгуръ Яксунъ,	т. е. въ переводѣ:	Дождикъ, иди.
Сусь хатымъ	„ „	Подай, хозяйка.
Арпа писшунъ	„ „	Ячмень дозрѣвай,
Сусь хатымъ	„ „	Подай, хозяйка.
Сіиръ ійсунъ	„ „	Корова, наѣдайся.
Сусь хатымъ	„ „	Подай, хозяйка.

Каждый увѣренъ, что мольбы безгрѣшныхъ (гунамзъ) дѣтей будутъ услышаны Богомъ; высылаютъ такому разгуливающему по городу хору мальчиковъ, кто—одну чеку ($^1/_3$ коп.), кто—яичко, кто—лепешку, кто—горсть муки.

Въ Зеравшанской долинѣ, во время продолжительной засухи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ практикуется также и такое средство умплостивленія Аллаха: мулла подвѣшиваетъ къ вѣтвямъ деревьевъ (обыкновенно на талѣ) тумаръ, т. е. свертокъ молитвы, и безмолвно побрызгиваетъ на него снизу водою, по крайней мѣрѣ, въ теченіе около получаса; это дѣлается въ увѣренности, что Богъ въ свою очередь окропитъ сверху дождемъ тумаръ, оставленный на деревѣ*).

Созвѣздіе „Большой Медвѣдицы" называется „тѣло дѣвушки", предполагается, что четыре угловыя звѣзды представляютъ собою гробъ; малая звѣзда выше средней звѣзды хвоста называется „звѣздою жизни", такъ какъ есть повѣрье, что она становится невидимою для человѣка за 40 дней до смерти. Плеяды называются стадомъ барановъ; комета, или „звѣзда съ хвостомъ", по повѣрью, предвѣщаетъ смерть правителя. Млечный путь называется „слѣдъ коровы и лошади", по повѣрью, въ широкой части около середины лошадь упала, вслѣдствіе быстраго бѣга, а корова прошла весь путь благополучно. Предполагается, что литъ покоится на рогахъ коровы, которая иногда покачиваетъ головою вслѣдствіе людскихъ грѣховъ; это и есть причина землетрясеній.

О западѣ и о югѣ всегда говорятъ, какъ о лежащихъ вверху, а о сѣверѣ и востокѣ—какъ о лежащихъ внизу. Человѣкъ, отправляющійся въ какое-нибудь мѣсто на сѣверъ или на западъ, говоритъ, что онъ поднимается на него**).

Представляютъ интересъ нѣкоторыя вѣрованія. По мнѣнію мусульманъ ночь имѣетъ преимущество передъ днемъ; они вѣрятъ, что при наступленіи первой ночи Рамазана Богъ повелѣваетъ ангелу райскаго входа (развалъ) отворить райскія врата до конца Рамазана, разукрасить и убрать рай для постящихся послѣдователей Мухаммеда; ангелу ада (маликъ) повелѣвается въ то же время закрыть врата ада до окончанія Рамазана, и не впускать въ адъ постящихся мусульманъ, а ангелу Гавріилу заковать въ цѣпи всѣхъ дьяволовъ и злыхъ духовъ, находящихся на землѣ, чтобы они не возмущали держащихъ уразу, не причиняли имъ вреда, не соблазняли и не сбили ихъ съ истиннаго

*) Арандаренко. l. c. стр. 285 и слѣд.
**) Биддельфъ. l. c. стр. 122 и слѣд

пути. Мусульмане вѣруютъ, что рай ежедневно украшается при наступленіи Рамазана; когда наступитъ первая ночь Рамазана, изъ подъ престола Бога (аршъ) повѣетъ пріятный легкій вѣтерокъ (иначе называемый мушире, т. е. приводящій въ движеніе), отъ дуновенія котораго шелестятъ листья на райскихъ деревьяхъ, а кольца, петли, двери и окна райскихъ дворцовъ приходятъ въ движеніе; отъ сотрясенія ихъ слышенъ тихій звукъ, лучше и пріятнѣе котораго не можетъ быть никакой гармоніи. Черноокія райскія гуріи (хуръ-ул-эйнъ), въ это время услыша райскіе звуки, выбѣгаютъ на средину террасъ рая и съ удивленіемъ спрашиваютъ ангела райскаго входа: „Что за ночь сегодня!?“ Ангелъ отвѣчаетъ: „о, доброта, и зенитъ красоты! Сегодня наступила первая ночь Рамазана и поэтому Всеславный Богъ повелѣлъ мнѣ открыть райскія врата!“. По закатѣ солнца, при разговѣньи, въ каждую ночь Рамазана, Богъ освобождаетъ семдесятъ тысячъ мусульманъ отъ мученій ада.

Мусульмане вѣруютъ, что 27 числа Рамазана, во 2-мъ году гиджры, когда Мухаммедъ съ 360 своими сподвижниками, жителями Медины, сражался при колодцѣ Бедрѣ, съ своими противниками, 950 мекканскими воинами, во главѣ которыхъ былъ злѣйшій врагъ Мухаммеда, Абду-Джалахъ, то въ этотъ, печальный для Мухаммеда день, сошли съ неба 1000 ангеловъ, съ архангеломъ Гавріиломъ во главѣ, которые и помогли Мухаммеду въ сраженіи, вслѣдствіе чего онъ одержалъ блестящую побѣду надъ своими врагами, мекканцами.

Наканунѣ праздника инди-фитръ Богъ повелѣваетъ архангелу Гавріилу сойти на землю съ ангелами, и до наступленія разсвѣта благословлять всѣхъ спящихъ, сидящихъ и совершающихъ намазъ послѣдователей Мухаммеда и, укрѣпивъ ихъ силы, помогаетъ имъ молиться. А когда наступитъ утро для праздника, архангелъ Гавріилъ взываетъ, обращаясь къ ангеламъ: „воротитесь, воротитесь!“. Ангелы, собравшись въ одну толпу, спрашиваютъ: „о, архангелъ Гавріилъ! скажи намъ, какую милость оказалъ Всевышній Богъ для правовѣрныхъ и вѣрующихъ въ него?“ Архангелъ отвѣчаетъ: „Всеблагій Богъ, будучи владыкою славы и величія, въ эту ночь излилъ свою неистощаемую благодать на нихъ и простилъ грѣхи вѣрующихъ въ него“.

Когда наступаетъ день праздника, Богъ опять посылаетъ на землю своихъ ангеловъ, которые, стоя на дорогахъ, говорятъ мухаммеданамъ: „о, глубоко вѣрующіе въ Бога мусульмане! Выходите, идите и обращайтесь къ своему милостивому и питающему всѣхъ Богу, который, награждая васъ, проститъ ваши великіе грѣхи“. А когда послѣдователи Мухаммеда идутъ для совершенія общественной праздничной молитвы въ большую соборную мечеть или на ідъ-га, т. е. къ открытому мѣсту, гдѣ должно совершаться общественное, праздничное богослуженіе, тогда Богъ, обращаясь къ нимъ, говоритъ: „о, мои рабы! просите отъ меня то, что вы желаете. Я, по своему милосердію и величію, дамъ все то, чего вы хотите и исполню ваши желанія какъ въ этомъ лѣтѣ, такъ и въ будущемъ“.

Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ книгахъ духовнаго содержанія· напр., въ Аджайбуль-Махлукатѣ (чудеса лѣта) сказано, что въ мѣсяцѣ Рамазанѣ прощаются грѣхи послѣдователей мусульманскаго вѣроученія; будто бы въ третью ночь Рамазана патріарху Аврааму дана съ неба книга Мусхабъ (т. е. свитокъ), въ 13-ю ночь Рамазана Богъ послалъ Давиду псалмы (зябуръ), Евангеліе (инджиль) дано Іисусу Христу тоже въ 13-ю ночь Рамазана, а въ 15 ю ночь Мухаммедъ получилъ съ неба, черезъ архангела Гавріила, коранъ (куръ анъ, иначе называемый мусульманами каляму-алла, т. е. слово Божіе*).

До сихъ поръ среди горныхъ таджиковъ сильно распространена вѣра въ духовъ, какъ это, между прочимъ, видно изъ надписи въ Рушанѣ, сдѣланной по поводу проложенія тропы по берегу рѣки.

Волшебницы и демоны, живущіе въ пещерахъ среди горъ или въ пустынныхъ мѣстахъ, занимаютъ также видное мѣсто въ числѣ вѣрованій. По повѣрью, сумасшествіе происходитъ, когда демонъ направитъ свою тѣнь на человѣка; напротивъ, тѣнь волшебницы сообщаетъ даръ пророчества. Чтобы соблазнить людей и погубить ихъ, демоны принимаютъ человѣческій образъ, но ихъ можно узнать, потому что ихъ ноги обращены назадъ**.

Прорицаніе также практикуется въ горахъ. Дайналь, или гадатели, бываютъ обоихъ половъ, но чаще встрѣчаются женщины. Даръ ясновидѣнія они получаютъ по повѣрью, вслѣдствіе того, что на нихъ во снѣ упала тѣнь какой нибудь баранъ или фенъ. Они встрѣчаются чаще среди пастушескаго населенія и не трудно понять, что одиночество между дикими скалами Гинду Куша развиваетъ вѣрованіе въ силу сообщаться съ невидимымъ міромъ. Совершенно молодые люди дѣлаются дайпіаль и даръ прорицанія, по повѣрью остается у нихъ на всю жизнь***).

Чрезвычайно оригиналенъ обычай носить талисманы, называемые таджиками тумаръ. „Тумаръ“ представляетъ собою молитву, написанную Халифой на обыкновенной бумагѣ, завернутую для сохранности въ восковую бумагу и зашитую въ мѣшочекъ изъ матеріи или кожи. Въ этихъ молитвахъ испрашивается у Бога и святыхъ выздоровленіе отъ разныхъ болѣзней. Тумары носятъ и мужчины и женщины, привязывая ихъ веревочками и шнурками, украшенными бусами, противъ больныхъ мѣстъ. Въ случаѣ общаго недомоганія, тумаръ носится на шеѣ и чаще всего можно встрѣтить именно такіе талисманы, помогающіе отъ всѣхъ болѣзней. Многіе носятъ нѣсколько штукъ тумаровъ сразу. За написаніе тумара халифа получаетъ, конечно, подарокъ. Такіе тумары привязываются также къ гривѣ любимой лошади.

Нѣкоторые ручьи, какъ предполагаютъ, имѣютъ силу произвести бурю, если въ нихъ опустить что либо нечистое, напр., кожу коровы. Какъ кажется, это очень древнее и распространенное повѣрье. Баберъ

---

*) Ю. Казбековъ. „Турк. Вѣд.“ 1878 г. № 1.
**) Виддельфъ, l. c. стр. 122.
***) Виддельфъ l. c. стр. 125.

о немъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ. „Въ нѣкоторыхъ книгахъ сказано, что въ Газни есть источникъ, въ который, если бросить что-либо нечистое, то тотчасъ поднимается буря съ дождемъ и снѣгомъ".

О повѣріяхъ таджиковъ интересенъ разсказъ Н. В. Ханыкова. Откуда бы вы не вступали въ Хоросанъ, т. е. съ сѣвера ли изъ Мазандерана, или съ запада изъ Герана, васъ поражаетъ обычай, невѣдомый вами дотолѣ въ Персіи, а именно, что деревенскіе пишвозы, выходящіе для почетной встрѣчи путешественника, ѣдущаго съ казеннымъ проводникомъ или михмандаромъ, всегда предшествуемы человѣкомъ, несущимъ на головѣ какъ зимою, такъ и лѣтомъ, жаровню съ горящими угольями. Чѣмъ болѣе вы подвигаетесь къ востоку, тѣмъ болѣе эти слѣды древняго огнепочитанія учащаются. Вудъ на 333 стр. своего путешествія къ вершинамъ Аму-Дарьи говоритъ: „я уже имѣлъ случай упомянуть объ отвращеніи бадахшанцевъ тушить свѣчу, дуя на нее, здѣсь (т. е. въ Ваханѣ) также можно найти слѣды древней религіи Зороастра. Ваханецъ считаетъ дурной примѣтой, если потушатъ свѣчу, подувъ на нее. Онъ предпочитаетъ махать рукою передъ зажженой сосновой лучиной, служащей ему свѣчею, чѣмъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительному средству, но средству для него противному". Почти одновременно съ поѣздкою англійскаго путешественника къ вершинамъ Оксуса я (Ханыковъ) былъ въ Бухарѣ, и тамъ замѣтилъ также остатки подобныхъ повѣрій, о которыхъ упомянуто въ описаніи Бухарскаго ханства. Такъ, напр., несмотря на строгость исполненія обрядовъ ислама въ Бухарѣ, у нихъ есть обычай, сильно порицаемый духовенствомъ, праздновать всякую весну, такъ называемую суннитскую среду, чехоръ шамбеи сунни, напоминающую нашъ канунъ Купалы. Послѣ заката солнца разводятъ костры и прыгаютъ черезъ пламя. Больныхъ лечатъ огнемъ, обводя ихъ три раза вокругъ костра и заставляя ихъ прыгать чрезъ него; кромѣ того, зажигаютъ машалъ и заставляютъ больного смотрѣть на пламя, при чемъ больного легко ударяютъ по спинѣ, приговаривая „чульлярга кить, куллярга кить, т. е. ступай (болѣзнь) въ пустыни, ступай въ озера. Къ этому нужно добавить, что зажиточные, послѣ рожденія ребенка, зажигаютъ въ теченіе 40 ночей подъ колыбелью новорожденнаго свѣчу съ тѣмъ, чтобы отогнать отъ него злыхъ духовъ.

Во время Рамазана народъ предается игрѣ огнемъ, оташъ бази, причемъ это слово, значущее въ Персіи просто фейерверкъ, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Играющіе образуютъ два стана и въ пространствѣ, раздѣляющемъ ихъ, зажигаютъ нѣчто въ родѣ нашихъ фальшфейеровъ, называемыхъ махъ таби (луннымъ свѣтомъ). Каждый станъ старается завладѣть ими, осыпая противниковъ бурьками и шутихами. *).

---

*) Н. В. Ханыковъ. Примѣч. VI. Иранъ К. Риттера. СПБ. 1874 г. стр. 519.

27. Народная медицина.

Народная медицина равнинныхъ таджиковъ близка къ народной медицинѣ сартовъ; объ этомъ мы уже подробно говорили въ книгѣ „сарты". Что же касается народной медицины горныхъ таджиковъ, то она совершенно не изслѣдована и почти нѣтъ совершенно никакихъ свѣдѣній по этому вопросу, не считая, напр., того, что съѣвшій кусокъ мяса агу (кіика) очищается на 40 дней и каждый горецъ хотя бы дважды въ жизни долженъ поѣсть этого мяса. Извѣстно также, что мясо дикообраза употребляется въ пищу при леченіи венерическихъ болѣзней. *).

Думаю, что представляетъ большой интересъ статья г. Лыкошина о томъ, какъ понимаютъ мусульманскіе ученые такія болѣзни, какъ чума и холера. Описаніе этихъ болѣзней приведено г. Лыкошинымъ въ статьѣ „таъунъ" **). г. Лыкошинъ дѣлаетъ переводъ описаній этихъ болѣзней слѣдующими словами: 1) Въ толковомъ на персидскомъ языкѣ словарѣ Гыясъ-уль-лугатъ сказано, что чума называется въ книгахъ „таъунъ". Таъунъ—это опухоли, появляющіяся на testiculi, или на груди, или подъ мышками, или въ паху. Причина болѣзни—ядъ, который поражаетъ мѣсто, гдѣ появляется опухоль. Болѣзнь сопровождается сердцебіеніемъ, нравственнымъ угнетеніемъ и рвотой. 2) Въ персидской книгѣ Шархъ-сафръ-уль-саадатъ или „книгѣ счастья", въ отдѣлѣ о средствахъ противъ чумы (таъунъ) и холеры (ваба) говорится слѣдующее: „въ словарѣ Камусъ, въ отдѣлѣ 8-мъ въ главѣ „нунъ", сказано, что ваба и таъунъ—одно и то же. Въ отдѣлѣ „хамза" въ главѣ „вау" упомянуто, что ваба—это таъунъ, такъ называется эпидемія. Въ сочиненіи „Нагая" приведено, что таъунъ—болѣзнь народная, эпидемія, которая происходитъ отъ зараженія воздуха. Отъ нечистоты воздуха нарушается самочувствіе человѣка и тѣло его становится нездорово. Казій Абубекъ б. Араби говоритъ, что таъунъ это бѣдствіе, поражающее духъ человѣка. Эту болѣзнь называютъ таъунъ потому, что она поражаетъ всѣхъ и скоро убиваетъ, а казій Аязъ поясняетъ, что таъуномъ называютъ язву, которая появляясь на тѣлѣ, гноится и влечетъ за собою смерть. Таъуномъ ее называютъ еще и потому, что (таънъ—рана отъ пики) оно, какъ уголъ пикою, умерщвляетъ человѣка. Наваи въ книгѣ „Тагзибъ" говоритъ: „таъуномъ называютъ небольшую язву, которая появляется на тѣлѣ, вызывая повышеніе температуры, и очень болѣзненна. При появленіи язвы сохнутъ губы, окружность раны принимаетъ черный, красный или зеленый цвѣтъ. Появленіе ея на тѣлѣ сопровождается сердцебіеніемъ и рвотою; чаще всего язва появляется на горлѣ или подъ мышкою, но иногда бываетъ на пальцахъ рукъ или другихъ мѣстахъ тѣла. Абу Али б. сина (Авиценна) говоритъ, что таъунъ—это ядъ, который производитъ смертельныя опухоли; по словамъ этого уче-

*) Турк. Вѣд. 1876 г. № 41.
**) „Турк. Вѣд." 1897 г. № 81.

наго, язва появляется чаще всего подъ мышками и за ушами. Причина болѣзни, по его же мнѣнію, дурная кровь, которая появляется въ какомъ либо мѣстѣ тѣла и поражаетъ человѣка. Появленіе язвы сопровождается рвотой и сердцебіеніемъ и чаще всего болѣзнь поражаетъ обезсиленные организмы. Когда окружность язвы чернѣетъ, то такой видъ болѣзни наиболѣе опасенъ, и изъ числа пораженныхъ болѣзнію въ этой степени очень немногіе выздоравливаютъ; если же края раны краснѣютъ, то такой видъ болѣзни менѣе опасенъ и выздоравливающихъ больше. Еще благопріятнѣе, если окружность язвы желтѣетъ. Чаще всего таъунъ появляется одновременно съ холерой, почему обѣимъ болѣзнямъ придается одно и то же названіе. И поистинѣ, обѣ эти болѣзни, когда въ воздухѣ появляется болѣзнетворное начало, вредно вліяютъ на духъ человѣка. Есть и другіе эпидемическія болѣзни, происходящія также отъ нечистоты воздуха, и ихъ тоже собственно по аналогіи можно назвать „таъунъ“. Между ними есть то сходство, что всѣ онѣ прилипчивы и убиваютъ много народа—такъ сказано въ книгѣ „Мавахибъ-аль-ладуніа“. Существуетъ другое мнѣніе, что таъунъ—это одно, а ваба-другое. Въ доказательство этого мнѣнія приводится то обстоятельство, что болѣзнь „таъунъ“ не появлялась въ Мединѣ, городѣ пророка Божія (миръ и благословеніе ему Божіе!) и въ преданіяхъ также ничего не говорится о появленіи этой болѣзни въ Мединѣ, но упоминается, что въ Мединѣ была холера-ваба. Нѣкоторые объясняютъ, что таъунъ это такая болѣзнь, которая уноситъ много жертвъ. Однимъ словомъ, таъунъ—это эпидемія. Ее называютъ „ваба“ по разнымъ причинамъ; напр., авторъ книги „Сифръ-ус-саадатъ“ пишетъ, что пророкъ (миръ и благословеніе Божіе на немъ!) говорилъ при жизни, что Богъ послалъ таъунъ на одно колѣно Израиля, когда люди эти не послушались Его повелѣній, и въ одинъ часъ умерло 24000 человѣкъ. Эта-же болѣзнь поражала и другіе народы. Если вы услышите, говорилъ пророкъ, что гдѣ нибудь свирѣпствуетъ чума, не ходите туда; если же появится чума въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, то не думайте бѣжать оттуда. Бухара и Муслимъ, Муватта и Абу-Дауръ изъ Ибни Абаса приводятъ, что Ибни-Абасъ разсказываетъ слѣдующее: Амиръ правовѣрныхъ Умаръ (да будетъ имъ доволенъ Богъ!) двинулся въ сторону Шама (Сиріи) и дорогою узналъ, что въ Сиріи ваба. Онъ позвалъ Ибни Абаса и приказалъ ему пригласить къ себѣ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ бѣгствѣ пророка (мухаджиринъ). Умаръ обратился къ этимъ людямъ и сказалъ: „въ Сиріи—ваба; что вы посовѣтуете мнѣ: итти туда или вернуться?“ Спрошенные спорили и не пришли къ согласію: одни говорили, что если уже Умаръ вознамѣрился итти въ Сирію, то ему и слѣдуетъ итти; другіе же утверждали, что вмѣстѣ съ Умаромъ идутъ сподвижники пророка и другіе люди, а потому отправляться въ такое мѣсто, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія, не слѣдуетъ. Потомъ позвали шейховъ корейшитовъ, бывшихъ среди мухаджириновъ и спросили ихъ мнѣніе. Всѣ они согласно дали совѣтъ возвратиться, потому что не слѣдуетъ ходить туда, гдѣ ваба. Умаръ)ад

будетъ имъ доволенъ Богъ!) послѣдовалъ ихъ совѣту. Среди спутниковъ Умара былъ нѣкто Абу-Убайда б. Джарахъ; онъ спросилъ Умара: „Развѣ ты думаешь избѣжать предопредѣленія Божія?“ Умаръ (да будетъ имъ доволенъ Богъ!) сказалъ: „Если бы эти слова сказалъ мнѣ кто нибудь другой, а не ты, то я ему сказалъ бы кое что. О, Абу Убайда! Я бѣгу отъ предопредѣленія Божія къ предопредѣленію Его (повинуясь тоже предопредѣленію)“. Абдурахманъ б. Ауфъ не былъ съ ними, но пришелъ потомъ и сказалъ: „я знаю основаніе къ тому, чтобы тебѣ вернуться и не ходить туда, гдѣ свирѣпствуетъ ваба. Пророкъ (миръ и благословеніе Божіе на немъ!) приказалъ: „когда вы услышите, что гдѣ нибудь свирѣпствуетъ эпидемія, не ходите туда“. Умаръ (да будетъ доволенъ имъ Богъ!), выслушавъ это, прославилъ Бога и возвратился. Въ другомъ преданіи говорится, что кто изъ мусульманъ умретъ отъ болѣзни таъунъ, станетъ „шахидомъ“ (умершіе внезапно отъ ранъ дома и на войнѣ, удостаиваются райскаго блаженства) въ томъ случаѣ, если будетъ терпѣливо оставаться тамъ, гдѣ появилась чума.

Въ другомъ преданіи говорится, что таъунъ есть рана, причиняемая джинномъ (духъ), но объясненіе этого извѣстно одному Богу; нашего человѣческаго ума недостаточно, чтобы понять причину этого. Поэтому наши врачи не говорятъ объ этомъ подробно въ своихъ книгахъ, а упоминаютъ только, что таъунъ это рана, язва или опухоль такая-то и такая-то. Что это дѣйствительно видимая для глазъ рана джинна явствуетъ изъ того, что эта болѣзнь появляется и тамъ, гдѣ въ атмосферѣ нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, способствующихъ возникновенію болѣзни, и воздухъ чистъ. Если бы таъунъ появлялся вслѣдствіе нечистоты воздуха, то болѣзнь эта должна бы постоянно свирѣпствовать на землѣ, потому что нѣтъ мѣста на ней, гдѣ никогда не портился бы воздухъ. Изъ этого видно, что таъунъ происходитъ не отъ испорченности воздуха. Если бы таъунъ происходилъ отъ испорченности воздуха, то болѣзнь эта должна была поражать все тѣло, между тѣмъ она появляется только на извѣстныхъ его частяхъ. По другому привояту выходитъ, что таъунъ ниспосылается на людей по молитвѣ пророка: если пророкъ помолится, то Богъ ниспосылаетъ на людей таъунъ. Есть еще преданіе, которое не противорѣчитъ ни объясненію, что таъунъ происходитъ отъ испорченности воздуха, ни предположенію, что болѣзнь происходитъ отъ укола джинна.

Вышеприведенное преданіе, которымъ пророкъ запретилъ итти въ тотъ городъ, гдѣ ваба, и не бѣжать оттуда, гдѣ эпидемія уже появилась, показываетъ, что этой болѣзни необходимо остерегаться. Итти туда, гдѣ ваба, будетъ равносильно тому, какъ итти навстрѣчу несчастью, а это противно шаріату (въ другомъ преданіи говорится: идущій навстрѣчу несчастью, погибнетъ), но почему же сказано, что не надо бѣжать оттуда, гдѣ ваба? На это существуетъ два объясненія: 1) что необходимо въ такомъ случаѣ положиться на Бога и оставаться на мѣстѣ, терпѣливо перенося несчастье и тѣмъ выражая покорность предо-

предѣленію, и 2) табибы (врачи) говорятъ, что надо остерегаться болѣзни ваба и во время эпидеміи поменьше ѣсть и изгонять изъ тѣла сырость (влагу) мягкими средствами (лекарствами). Въ книгѣ Мавахибъ вмѣсто слова „латифъ"—мягкій поставлено слово „хафивъ" —легкій и не совѣтуютъ аскетическихъ упражненій (ріазать) и бани, потому что при аскетическихъ подвигахъ и въ банѣ все находящееся внутри тѣла выходитъ наружу, а также настойчиво совѣтуютъ находиться въ покоѣ. При этихъ условіяхъ, говорятъ табибы, возможно избѣжать зараженія. Безъ всякаго сомнѣнія, бѣгство изъ того мѣста, гдѣ появилась ваба, и путешествіе въ другія мѣста вызываетъ много усилій и потому приноситъ неминуемо вредъ. Изъ этого видно, что запрещеніе бѣжать изъ того мѣста, гдѣ ваба, есть лекарство противъ этой болѣзни.

Хорошо, что авторъ (Сифъ-ус-саадатъ) разсказалъ о средствахъ противъ таъуни и ваба. Стало извѣстно, что слѣдуетъ дѣлать съ тѣломъ; узнали мы и то, что слѣдуетъ предпринимать по отношенію къ духу.

Нѣкоторые ученые еще иначе объясняютъ запрещеніе бѣгства изъ мѣстъ, пораженныхъ ваба: 1) таъунъ и ваба всегда появляются эпидемически и ужъ если въ какомъ городѣ появится эта болѣзнь, то ему все-же не удалось-бы избѣжать смерти. Поэтому бѣгство безполезно. Разъ ужъ болѣзнь поразила какого нибудь человѣка, то спастись бѣгствомъ немыслимо и умному человѣку такъ поступать неприлично; 2) если всѣ люди пораженнаго эпидеміей города вздумаютъ искать спасенія въ бѣгствѣ, то больные будутъ безпомощны и никто не будетъ за ними ухаживать, а по смерти ихъ некому будетъ хоронить. Если-бы въ шаріатѣ было указаніе, что бѣжать изъ пораженнаго эпидеміей мѣста можно, то всѣ бѣжали-бы, и это было-бы причиной горя и невзгодъ для остающихся на мѣстѣ больныхъ и слабыхъ; напротивъ, если какое нибудь войско воюетъ съ кяфирами и часть войска бѣжитъ, то это отразится пагубно на состояніи духа остающихся воиновъ, а потому запрещено каждому думать, что если-бы онъ бѣжалъ, то, можетъ быть, остался-бы живъ. Это не хорошо. Еще доказательство того, что нельзя спастись бѣгствомъ отъ посланнаго Богомъ испытанія, это истина, что все, что должно случиться, непремѣнно случится. Каждому человѣку предопредѣлено умереть. Можно было бы бѣжать, если-бы Богъ дозволилъ бѣгство, но Богъ запретилъ это и, кромѣ терпѣнія, нѣтъ другого средства. Нужно быть довольнымъ, положиться на Бога,—такъ сказано въ книгѣ Мавахибъ аль-Лафунія. 3) Въ арабской книгѣ „Задъ-уль-Лабибъ фи Сифръ-уль-Хабибъ (поля въ книгѣ друзей) говорится слѣдующее: Въ преданіи сказано: таъунъ есть средство сдѣлаться шахидами для моихъ послѣдователей и знакъ къ нимъ милости; вмѣстѣ съ тѣмъ это казнь отъ Всевышняго Бога кяфирамъ. Не бѣгите оттуда, гдѣ есть таъунъ, и не ходите туда гдѣ есть таъунъ. Всякій, кто будетъ терпѣливо оставаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ появится таъунъ, удостоится степени шахида. Таъунъ—это опухоли, появляющіяся на тѣлѣ. Причина появленія опухолей—ядъ. Таково мнѣніе табибовъ. Или

таъунъ—это пика, уколъ джинна, которому это приказано Всевышнимъ Богомъ, но вслѣдствіе людскихъ злодѣяній.

Вслѣдъ за ваба въ книгѣ этой упомянуто названіе таъунъ, какъ будто бы обѣ эти болѣзни одно и то же. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сказано, что таъунъ происходитъ отъ нечистоты воздуха, причемъ загрязненіе воздуха можетъ произойти съ неба (атмосферные осадки) и съ земли (испаренія).

Разсказываютъ объ Абдуллѣ б. Марванѣ, что онъ бѣжалъ отъ таъуна, сѣлъ на лошадь ночью и имѣлъ при себѣ раба (гуламъ). Когда Абдулла ѣхалъ верхомъ, онъ задремалъ и приказалъ своему спутнику разсказывать ему что нибудь, способное разогнать дремоту. Гуламъ сталъ разсказывать о томъ, какъ онъ встрѣтилъ лисицу, служившую льву, въ расчетѣ въ случаѣ опасности воспользоваться его заступничествомъ. Однажды лисица замѣтила, что ей грозитъ опасность со стороны гигантскаго беркута, намѣревающагося ее убить. Лисица побѣжала ко льву и сказала ему о грозящей ей опасности. Левъ сталъ успокаивать лисицу, но это на нее не подѣйствовало,—такъ она была перепугана. Тогда левъ, чтобы ободрить лисицу, посадилъ ее къ себѣ на спину и беркутъ улетѣлъ. Лисица сошла со спины льва и обратилась къ нему со слѣдующими словами: „О, отецъ, покровитель угнетенныхъ! Обрати вниманіе на мои вопли и окажи мнѣ защиту, тобой обѣщанную". Левъ отвѣтилъ: „Я способенъ спасти тебя отъ звѣрей, находящихся на землѣ, но я ничего не могу подѣлать съ опасностью, грозящей съ неба: я не могу достать до живущихъ въ небѣ животныхъ. Будь довольна исполненіемъ предопредѣленія Божія. Когда настанетъ предопредѣленный часъ смерти, бѣжать отъ смерти не имѣетъ смысла". Абдулла б. Марванъ сказалъ: „Очень хорошую проповѣдь сказалъ ты мнѣ, о Гуламъ!" Онъ подчинился предопредѣленію Божію и возвратился съ своимъ спутникомъ въ ту мѣстность, откуда бѣжалъ.

Въ книгѣ „Ашбаръ" говорится, что отъ таъуна спасаетъ молитва. Въ книгѣ „Гаійятъ" сказано ясно: если мусульманъ постигаетъ какое-нибудь бѣдствіе, имамъ долженъ читать молитву „кунутъ" во время утренняго намаза. Такого же мнѣнія держатся Каули-Саури и Ахмадъ.

Сподвижники пророка, передававшіе преданія, совѣтуютъ во время народныхъ бѣдствій читать молитву „кунутъ" при каждомъ изъ пятивременныхъ намазовъ. Въ книгѣ Фатхъ-уль-Кадыръ (толкованіе на книгу Хидая) сказано, что „кунутъ" предписанъ шаріатомъ и потому во время народныхъ бѣдствій слѣдуетъ постоянно читать эту молитву.

Въ книгѣ „Тагауви" сказано: „кунутъ" не читается во время намаза „бамдадъ", если намъ не предстоитъ народное бѣдствіе, а когда несчастье постигнетъ народъ, то необходимо читать эту молитву. Говорятъ, что и пророкъ читалъ эту молитву во время народныхъ бѣдствій. Если кто спроситъ, надо-ли исполнять намазы во время таъуна, мы скажемъ, надо поступать такъ, какъ указано для затменія луны: полагается исполнить два ракаата намаза. Это видно изъ книги Мунніатъ-уль-муфти, гдѣ объ этомъ говорится выше книги, посвященной зякету.

Во время затменія луны, во время дневной темноты, во время урагана, во время снѣга и дождя, приносящихъ вредъ человѣку, и во время эпидеміи *каждому отдѣльно, не собираясь*, надо прочесть два ракаата молитвы, вознамѣрившись просить Бога объ избавленіи отъ страшнаго бѣдствія.

Шейхъ-уль-исламъ говоритъ въ книгѣ „Шархъ-и-Бухари“ о причинѣ таъуна, объ умершихъ отъ этой болѣзни, объ оставшихся на своемъ мѣстѣ во время таъуна съ терпѣніемъ, о бѣжавшихъ отъ болѣзни и о приходящихъ въ мѣстность, гдѣ появилась болѣзнь таъунъ.

Шейхъ-Ибни-Хаджаръ говоритъ о необходимости леченія таъуна (ваба), доказываетъ на основаніи шаріата, что необходимо не только беречься таъуна, но и лечиться отъ него, совѣтуетъ изгонять изъ тѣла сырость, воздерживаться въ отношеніи питанія, не утомлять себя религіозными упражненіями, не ходить въ баню, беречь себя отъ вредныхъ вліяній воздуха и хорошенько одѣваться.

28. Положеніе женщины.

„Женщина—чортъ“, говорилъ г. Хорошхину одинъ старый мулла, когда г. Хорошхинъ доказывалъ ему, что замкнутость женщинъ вредитъ обществу. „За женщиной нужно сто глазъ, да и то мало .. Снимите съ нашихъ женъ сѣтку (закрывающую лицо) и вы не рады будете тому, что пойдетъ по городу: драки, убійства, насилія... И теперь, когда женщины наши закрыты, за ними нужно строго слѣдить, а что будетъ тогда... Упаси Боже“! Мулла продолжалъ, что женщина—шайтанъ, что итъ-вафохатунъ-джафа, т. е. собака-идеалъ вѣрности, а женщина ложь или обманъ.

Такова въ общихъ чертахъ характеристика женщины привилегированныхъ таджиковъ Самарканда; таковы, впрочемъ, воззрѣнія всѣхъ мусульманъ на женщину.

Въ Фальгарѣ и Машчѣ, также какъ и вездѣ у равнинныхъ таджиковъ, вся тяжесть труда тяжелымъ бременемъ ложится на женщину, и она появляется изъ подъ родительскаго крова въ саклю своего мужа, какъ необходимая рабочая сила и поддержка незамысловатаго хозяйства, и только.

Словомъ, женамъ горцы удѣляютъ очень мало вниманія и заботъ; содержатъ ихъ бѣдно и кормятъ плохо: женщина питается объѣдками послѣ своего властелина и пловъ видитъ очень рѣдко, а между тѣмъ она съ утра до вечера завалена работой: шьетъ, моетъ, возится съ дѣтьми, ходитъ за скотиной, ткетъ мату, вяжетъ на продажу чулки, стряпаетъ, и за все это—мало благодарности и никакого отдыха, не говоря уже про какое либо развлеченіе, тогда какъ сами горцы, отдѣлавшись отъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, все время палецъ о палецъ не ударятъ, развѣ съѣздятъ на базаръ промѣнять женину работу на хо-

зяйственные припасы, и проживаютъ по цѣлымъ днямъ гдѣ нибудь на сосѣдней завалинкѣ, болтая между собой о пустякахъ *).

Чѣмъ дальше внутрь горъ, тѣмъ женщина больше получаетъ правъ, тѣмъ меньше на нее дѣйствуютъ стѣснительныя постановленія Магометова ученія, а чрезъ это самое и жизнь мужчинъ всего горнаго населенія ближе подходитъ къ нормальной жизни; отношенія мужчинъ къ женщинамъ дѣлаются естественнѣе, что составляетъ рѣзкую разницу съ жизнью мусульманъ долинъ.

Жительница горъ ходитъ по кишлаку, не закрывая своего лица. Мужчина выбираетъ въ жены ту, которая ему нравится; въ свободной женѣ онъ находитъ для себя помощницу въ полевыхъ и другихъ работахъ. Гдѣ собираются мужчины, тамъ могутъ быть и женщины, одни другихъ не исключаютъ и бачебазство, какъ слѣдствіе отсутствія женщинъ въ мужскомъ обществѣ, само собой исчезло изъ нравовъ горцевъ, да наврядъ ли оно и было когда нибудь присуще имъ.

Горецъ рѣдко женится на двухъ женахъ. И это вообще не потому, что ему нечѣмъ заплатить калымъ—онъ въ горахъ чрезчуръ ничтоженъ. Женщины Алая и Памировъ, Вахана и Дарваза, ходятъ также съ открытымъ лицомъ, безъ покрывала, накладывая только на голову платокъ; присутствуютъ даже на праздникахъ, т. е. публичныхъ увеселеніяхъ.

За безчестіе дѣвушки виновный подвергается смертной казни. Въ Ваханѣ всѣ деньги семьи обыкновенно отдаются на руки жены.

Жизнь домашняя гиссарцевъ—горожанъ уже иная: замкнутость женщинъ, ревность къ духовнымъ обрядамъ, приближаютъ гиссарцевъ къ бухарцамъ.

Грамотныхъ женщинъ между таджиками мало, хотя женскія школы существуютъ; но должно быть въ нихъ не доучиваются, потому что дѣвушки рано выходятъ замужъ; среди грамотныхъ женщинъ встрѣчаются хорошіе каллиграфы. Но что между ними довольно много честныхъ женъ и умныхъ женщинъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

У народовъ населяющихъ Гинду-Кушъ жены составляютъ полную собственность мужа и его наслѣдниковъ. По смерти мужа, его братъ имѣетъ право взять себѣ въ жены всѣхъ его вдовъ, и ни одна изъ вдовъ не имѣетъ права выйти снова замужъ безъ согласія братьевъ мужа. Часто, если умершій оставляетъ нѣсколько вдовъ и нѣсколько братьевъ, эти послѣдніе дѣлятъ между собою вдовъ. Это соблюдается настолько строго, что если единственный наслѣдникъ ребенокъ, то вдова не можетъ выйти замужъ до тѣхъ поръ, пока онъ не подрастетъ настолько, чтобы рѣшить, женится ли онъ на ней или нѣтъ. Съ другой стороны, не принято отказываться отъ брака съ вдовою брата, и потому часто случается, что десятилѣтній мальчикъ женится на женщинѣ вдвое старше его. Во всякомъ случаѣ вдова не можетъ отказаться отъ выхода замужъ за брата своего умершаго мужа, и ея родители

*) „Турк. Вѣд.“ 1878 г. № 43.

при этомъ не имѣютъ никакого голоса. Вслѣдствіе этого часто случается, что двѣ сестры становятся одновременно женами одного и того же человѣка, хотя по мусульманскому закону это воспрещается. Въ Читралѣ выходъ замужъ за брата умершаго мужа случается очень часто, но это не обязательно для вдовы.

Случаи супружеской невѣрности очень часты и мужья вовсе не выказываютъ ревности, столь свойственной болѣе древнимъ мусульманскимъ общинамъ. Оскорбленный супругъ имѣетъ право убить невѣрную жену и ея сообщника, если застанетъ ихъ на мѣстѣ преступленія; но въ случаѣ умерщвленія лишь одного изъ двухъ, онъ считается виновнымъ въ обыкновенномъ убійствѣ. Такой взглядъ существуетъ не только на югѣ отъ Гинду-Куша, но и въ Сарыколѣ и Ваханѣ.

Въ случаяхъ, разбираемыхъ визиремъ или правителемъ, и въ которыхъ нѣтъ убѣдительныхъ доказательствъ, ручательствомъ за будущее со стороны обвиненнаго служитъ прикладываніе губъ къ груди женщины. Съ этого момента она считается его кормилицею, и между ними могутъ существовать лишь отношенія матери къ сыну. Устанавливаемыя такимъ образомъ узы считаются настолько священными, что не бывало примѣра ихъ нарушенія, и самый ревнивый мужъ послѣ сего прекращаетъ свои подозрѣнія, хотя бы виновный и сознался въ прежде совершенной имъ вины. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ кладетъ къ ногамъ мужа барана и толу золота и униженно проситъ прощенія.

Исламъ и до настоящаго времени не исключалъ женщинъ изъ общества и онѣ вездѣ свободно встрѣчаются съ мужчинами. Молодые люди и дѣвушки разныхъ семействъ ѣздятъ вмѣстѣ и разговариваютъ другъ съ другомъ безъ всякихъ стѣсненій; молодыя же женщины пользуются большей свободой и часто ею злоупотребляютъ. Дѣтоубійство, какъ послѣдствіе незаконныхъ связей, весьма обыкновенное явленіе и не считается преступленіемъ *).

Закончимъ эту главу разъясненіемъ, вызывающимъ въ настоящее время большіе дебаты, о томъ, необходимо ли мусульманской женщинѣ закрывать лицо.

Почти во всѣхъ научныхъ и популярныхъ сочиненіяхъ, касающихся семейнаго быта мусульманъ, мы постоянно встрѣчаемъ положеніе, что Исламъ строго предписываетъ женщинамъ тщательно скрывать свое лицо отъ нескромныхъ взоровъ постороннихъ мужчинъ.

Въ то же время мы знаемъ, говоритъ г. Снукъ-Гюргронїе (Snouck Hungronge), что во многихъ мусульманскихъ странахъ это установленіе соблюдается только въ нѣкоторой, болѣе или менѣе слабой степени. Въ Индійскомъ архипелагѣ, напр., оно положительно составляетъ лишь мертвую букву. Въ Сиріи миловидныя дѣвушки не закрываются, а въ Дамаскѣ часто можно видѣть даже замужнихъ женщинъ съ открытымъ лицомъ. Даже у многихъ бедуиновъ Аравіи покрывала надѣваются женщинами только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ Египтѣ феллах-

*) Биддельфъ l. c. стр. 100 и слѣд.

скія женщины часто показываются съ открытыми лицами и покрывала служатъ имъ скорѣе орудіемъ кокетства.

Въ Европѣ всѣ эти факты признаются крупнымъ отступленіемъ отъ законовъ пророка.

Но существуютъ другія явленія, которыя проходятъ незамѣченными большинствомъ европейскихъ авторовъ и которыя, однако, требуютъ серьевнаго разъясненія.

Открывая „руководство къ обязанностямъ ислама“ (Фригхъ), въ главѣ, относящейся до богослуженія (салятъ), находимъ условія, необходимыя для того, чтобы салятъ былъ дѣйствительнымъ. Главныя изъ предписываемыхъ условій заключаются въ томъ, чтобы, произнося обычныя молитвы и совершая приличныя случаю тѣлодвиженія, обращать лицо въ сторону Мекки и чтобы „стыдъ“ правовѣрныхъ былъ закрытъ.

Тутъ же описанъ и самый „стыдъ“, который 1) у мужчинъ и женщинъ—рабовъ составляютъ части тѣла отъ колѣнъ до пупка и 2) у мужчинъ свободныхъ—все тѣло, за исключеніемъ лица и рукъ.

Во многихъ мусульманскихъ странахъ принято, чтобы женщины ходили въ мечети только въ большіе праздники. Просвѣщенные правовѣрные знаютъ очень хорошо, что законъ Магомета предписываетъ женщинамъ возможно чаще посѣщать мечети и что нѣкогда онѣ принимали правильное участіе въ богослуженіи; но они же объясняютъ, что этотъ обычай вышелъ изъ употребленія вслѣдствіе постоянно возрастающей безнравственности женскаго пола. Женщины въ мечетяхъ только отвлекали-бы вниманіе мужчинъ отъ возвышенной цѣли, которая призываетъ ихъ туда. „Вотъ почему“, прибавляютъ правовѣрные мусульмане, „мы очень рѣдко позволяемъ нашимъ женщинамъ присутствовать при нашихъ молитвахъ“.

Но такой взглядъ не вездѣ преобладаетъ и преимущественно въ Меккѣ всегда можно видѣть значительное число женщинъ, бывающихъ по пяти разъ въ день въ мечети, гдѣ онѣ имѣютъ даже особое, спеціально для нихъ предназначенное мѣсто, отдѣленное отъ помѣщенія мужчинъ. Г. Стукъ-Гюргронжъ, который бывалъ очень часто въ мечети, говоритъ, что не только во время службы, но даже до начала ея, онъ всегда встрѣчалъ тамъ очень много женщинъ съ открытыми лицами; но ихъ прическа, которая включена въ „стыдъ“, опредѣляемый фригхомъ, была старательно скрыта платкомъ, такъ какъ малѣйшая прядка волосъ, вырвавшаяся изъ повязки, что, конечно, случается очень часто, навлекаетъ на неосторожныхъ обвиненіе со стороны фанатиковъ въ самомъ непростительномъ кокетствѣ и тяжкимъ нарушеніемъ установленій культа. Поэтому не было ли бы совершенно нелогичнымъ, если бы пророкъ допустивъ, что онъ, запретивъ женщинамъ открывать свое лицо при посторонныхъ, позволилъ и даже приказалъ имъ нарушать исключительно это запрещеніе въ мечети, т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются съ людьми всѣхъ классовъ и всѣхъ сословій? Этого мало. Во время церковной службы, какъ мы только что видѣли, женщины могутъ открывать свои вуали. Кромѣ того, кто бы ни поже-

лалъ совершить паломничество, обязанъ съ той минуты, когда онъ далъ обѣтъ, или согласно общепринятому выраженію, когда вступилъ въ ихъ храмъ подчиниться нѣкоторымъ установленіямъ относительно одежды до тѣхъ поръ, пока не совершитъ главнымъ образомъ „Хафна“. Такъ мужчина „хаджи“ не долженъ покрывать головы въ теченіе всего „ихрама“, а женщина не должна закрывать *ни своего лица, ни своихъ рукъ*, значитъ тѣхъ именно частей тѣла, которыя согласно вышеприведенному указанію, не составляютъ частей женскаго „стыда“.

Эта особенность хаджи часто чрезвычайно затрудняла женщинъ большихъ городовъ и высшихъ классовъ, привыкшія выходить изъ дому не иначе, какъ закутавшись въ непроницаемыя покрывала, онѣ кончали тѣмъ, что изыскали особую уловку, чтобы обойти это затрудненіе. Онѣ надѣваютъ подъ вуаль маску, приготовленную изъ волоконъ пальмы, такимъ образомъ, что она отстоитъ отъ лица на нѣсколько сантиметровъ. Покрывало, наброшенное сверхъ маски, не касается лица, и предписанія Магомета, взятыя въ буквальномъ смыслѣ, соблюдены. Очевидно, такое обыкновеніе находится въ прямомъ противорѣчіи съ духомъ закона пророка; но привычка мусульманокъ постоянно носить покрывало сдѣлала его необходимымъ.

Такимъ образомъ, мы констатируемъ въ современныхъ нравахъ ислама тѣ ходы принятыхъ обыкновеній, которые противорѣчатъ предписаніямъ корана. Исторія сообщаетъ намъ объ этихъ обыкновеніяхъ съ такихъ древнихъ поръ, что они проникли даже въ арабскую литературу.

Удивительно то, что оріенталисты, полагающіе, будто обыкновеніе женщинъ закрываться возникло въ силу предписаній корана, всѣ вообще признаютъ содержащимъ это предписаніе тотъ его стихъ, въ которомъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и помину ни о покрывалахъ или вуаляхъ, ни о *всѣхъ* мусульманскихъ женщинахъ *вообще*. Магометъ вслѣдствіе частнаго случая, который долженъ былъ возбудить въ немъ сильную досаду, дѣлаетъ нѣкоторыя указанія, какъ они должны вести себя, находясь въ гостяхъ у пророка. Прежде всего они могутъ являться къ нему не иначе, какъ по приглашенію и должны уходить тотчасъ же по окончаніи торжества. Далѣе онъ прибавляетъ: „и если вы имѣете просьбу къ женщинамъ изъ дому Магомета, дѣлайте это черезъ *перегородку*; эта предосторожность составляетъ залогъ чистоты ихъ сердца и вашего, а иначе вамъ не позволяется нарушать покой въ домѣ представителя Бога“.

Хотя арабское слово „Хиджабъ“ переводится словомъ „перегородка“ или „отдѣленіе“, но возможно, что здѣсь дѣло идетъ объ обояхъ, о занавѣси, о дверяхъ, о переборкѣ, а въ крайнемъ случаѣ—даже о покрывалѣ или экранѣ. Но достовѣрно то, что предписаніе относится только къ мужчинамъ и имѣетъ въ виду ихъ сношенія только съ *женщинами одного дома Магомета*.

Другой стихъ той же главы корана (гл. 33 ст. 59), который можетъ придать болѣе вѣса этому установленію, говоритъ: „о, пророкъ!

Прикажи своимъ женамъ, своимъ дочерямъ и женамъ правовѣрныхъ, чтобы онѣ опускали часть своихъ „джильбабовъ“ для избѣжанія непріятностей“.

Джильбабъ, повидимому, былъ родъ шали, но какимъ образомъ женщины должны были опускать часть ея, это рѣшить довольно трудно. Можно бы было сказать, что въ этомъ послѣднемъ стихѣ, болѣе чѣмъ въ предыдущемъ, дѣло идетъ о закрытіи части лица; но г. Снукъ-Гюргронжъ утверждаетъ, что ученые мусульмане никоимъ образомъ не признаютъ ни въ одномъ, ни въ другомъ изъ этихъ стиховъ предполагаемаго распоряженія о ношеніи покрывалъ. Ученый Байзави полагаетъ, что этотъ вопросъ объ опусканіи части „джильбаба“ относится исключительно до женщинъ простонародья, обязанныхъ выходить изъ дома для естественныхъ надобностей.

Срокиги (законовѣды) обыкновенно относятъ упоминаніе о покрывалахъ къ главѣ „о бракѣ“. Въ этой главѣ идетъ рѣчь о правѣ вѣрующаго имѣть свободныя сношенія съ женщиной и видѣть ея лицо. Предѣлы этого права мужчины *видѣть* и разрѣшенія женщинѣ *позволить видѣть* свои природныя прелести указаны въ коранѣ (гл. 24, ст. 30—31). Тексты этихъ стиховъ были дополнены преданіями и толкованіями. Какъ общее правило, сначала рекомендуется правовѣрнымъ, мужчинамъ и женщинамъ, опускать глаза, чтобы избѣжать искушенія; затѣмъ, женщинамъ исключительно — обнаруживать изъ своихъ частей тѣла только то, что невозможно держать скрытымъ при всѣхъ, за исключеніемъ *мужей, старыхъ отцовъ* и проч. Итакъ, здѣсь еще ничто не указываетъ на обязательность покрывалъ. Къ исключеніямъ, приведеннымъ въ этомъ стихѣ (мужья, старые отцы и проч.) многіе правовѣды, а преимущественно сіаниты присоединяютъ тѣхъ, которые имѣютъ абсолютную необходимость видѣть женщинъ, какъ напр., ея докторъ, человѣкъ, предполагающій на ней жениться и проч. Сіаниты полагаютъ, что видѣть женщину не только позволительно тому, кто намѣренъ на ней жениться, но даже составляетъ вполнѣ законный обычай (сюннятъ), т. е. рекомендовано съ религіозной точки зрѣнія и угодно Аллаху. Если сама женщина или тотъ, кто располагаетъ ея рукой, отказываетъ въ этомъ, то претендентъ имѣетъ право пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы увидѣть лицо той, которую онъ намѣренъ взять себѣ въ жены. „Для этого ему достаточно соизволенія Божія“, говорятъ ученые арабы, „слѣдовательно, онъ не нуждается въ позволеніи людей“.

Но, замѣчаютъ правовѣрные, мусульманское общество совершенно измѣнилось послѣ Магомета. Новая литература изображаетъ женщину, какъ существо все менѣе и менѣе религіозное, менѣе разсудительное, менѣе честное, менѣе серьезное, чѣмъ большинство мужчинъ. Причины такого положенія мусульманской женщины многочисленны. Правовѣрные это приписываютъ самой природѣ вещей: „Такими де ужъ ихъ создалъ Господь!“ Самый даже законъ ислама не чуждъ этому печальному взгляду на женщину. Мужчины видятъ въ ней только большое

дитя, плохо воспитанное, которое требуетъ, чтобы его держали въ строгомъ повиновеніи.

Этотъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ началъ замѣчаться почти со смерти Магомета. Очень вѣроятно, что значительное число блестящихъ побѣдъ, которыя исламъ доставилъ правовѣрнымъ, было одною изъ главныхъ причинъ этого явленія. Уже во времена Калифата Омара мы слышимъ жалобы женщинъ на непочтительное обращеніе съ ними. Онѣ негодуютъ на то, что Омаръ желаетъ ихъ исключить изъ мечети въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и что онъ сравниваетъ ихъ съ ослами и собаками, тогда какъ во времена Магомета онѣ пользовались почетомъ. Но уже и въ эпоху Калифата Омара отвѣтъ правовѣрныхъ на жалобы этого рода былъ тотъ-же, что и теперь: „Женщины должны сами на себя пенять; онѣ стали тщеславными, безразсудными и ведутъ себя безнравственно“.

Не нужно забывать, что законъ пророка, въ первоначальной своей чистотѣ, не составляетъ книги, которой слѣдуютъ магометане. Они вдохновляются главнымъ образомъ объясненіями, которыя дали ей ученые всѣхъ временъ. Эти ученые обязаны слѣдовать традиціи, преподанной ихъ предшественниками. Они могутъ только выбирать между мнѣніями авторитеты болѣе древніе. Если большая часть этихъ авторитетовъ, при толкованіи законовъ Магомета, допустили вліяніе существовавшихъ предразсудковъ на смыслъ самого толкованія, то въ настоящее время очень трудно, если не совершенно невозможно, сдѣлать что либо, что измѣнило бы существующій порядокъ вещей. Это случилось и съ вопросомъ о покрывалахъ.

Во всѣ времена мнѣнія объ этомъ предметѣ были различны: онѣ различествуютъ еще и въ настоящее время. Нѣкоторые ученые абсолютно требуютъ, чтобы было запрещено женщинамъ показывать лицо въ обществѣ. Они его включаютъ въ число прелестей женщины. Даже Байзави, который своими комментаріями бросилъ столько свѣта на самыя темныя мѣста корана, колеблется по поводу текста въ гл. 26 ст. 31 корана: „не исключая лица и рукъ, которыя не составляютъ частей „стыда“. Онъ полагаетъ, что это исключеніе дѣйствительно только во время молитвы (салятъ).

Знаменитый Баджури, муфтій сіафитовъ въ Египтѣ и директоръ университета Азаръ въ Каирѣ, слѣдовательно, одинъ изъ ученыхъ, наиболѣе свѣдующихъ въ коранѣ, высказываетъ мнѣніе, что покрывала женщинъ составляютъ обычай чисто условный. Въ то же время онъ полагаетъ, что его полезно сохранить.

Гораздо раньше Магомета, даже между христіанами, покрывало было въ употребленіи у женщинъ востока. Мусульманское общество развилось въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ для прекраснаго пола. Такимъ образомъ, мужья, особенно въ большихъ городахъ, вскорѣ настойчиво потребовали, чтобы ихъ супруги непремѣнно носили покрывала. Неспособные направить своихъ женъ и дочерей на добрый

путь посредствомъ серьезнаго воспитанія, они не нашли ничего лучшаго, какъ заставить ихъ скрываться отъ нескромныхъ взоровъ.

Но какъ только что было указано, ничто не указываетъ въ законахъ пророка, чтобы мѣра эта была обязательна. Первый изъ сіанитскихъ муфтіевъ, знающій очень хорошо коранъ, говорилъ намъ, говоритъ г. Снукъ-Гюргранжъ, что покрывала составляютъ только договоръ мусульманъ. Онъ бы лучше сдѣлалъ, назвавъ его договоромъ большинства мусульманъ.

---

29 Уходъ за дѣтьми, ихъ питаніе, обученіе и школы.

Изолированное положеніе, занимаемое вообще горными таджиками, позволило среди нихъ въ продолженіе вѣковъ сохраниться многимъ характернымъ обычаямъ. Такъ въ Ваханѣ, когда по расчету приблизилось время рожденія ребенка, на ночь за нѣсколько дней до рожденія начинаютъ зажигать свѣтильники (обыкновенно же на ночь огня не оставляютъ), для того, чтобы различные злые духи пэри, аджина, амасты, дивъ и др. во мракѣ не могли повредить роженицѣ,—вытащить изъ нея, напр., печень или сердце, что они очень любятъ дѣлать въ такихъ случаяхъ. Съ этою же цѣлью, чтобы охранять роженицу и отгонять злыхъ духовъ, а также помогать ей и въ другихъ случаяхъ, собирается въ домъ нѣсколько родственницъ или сосѣдокъ (что при ихъ замкнутой жизни маленькихъ селеній почти одно и то же). Хорошее средство противъ злыхъ духовъ, между прочимъ, это „испандъ"—особая трава, которую духи очень недолюбливаютъ и боятся. Поэтому роженицу до рожденія и послѣ него отъ времени до времени окуриваютъ этой травой. Какъ только родился ребенокъ, одинъ изъ мужчинъ, находящихся по близости, стрѣляетъ изъ ружья, а вѣстникъ радости, называемый „хайдагиръ", бѣжитъ къ отцу и ближайшимъ родственникамъ, извѣщая ихъ о благополучномъ рожденіи и получаетъ подарки. Съ рожденіемъ ребенка свѣтильники зажигаются еще на три ночи. Въ это время въ домѣ родильницы, кромѣ прибывшихъ ранѣе, собираются еще новые гости и развлекаются угощеніемъ. Начинаются танцы, звучитъ бубенъ. Послѣ трехъ дней все входитъ въ норму.

Если родившійся первенецъ и при этомъ, въ особенности мальчикъ, то, спустя нѣкоторое время, иногда довольно продолжительное, устраивается въ продолженіе 3 дней пиръ, называемый „посъ". На

„посъ“ приглашаются, кромѣ жителей своего селенія, еще обитатели окрестныхъ деревень. Собираются мужчины и женщины. Послѣднія ходятъ въ Ваханѣ съ открытыми лицами и показываются въ мужскомъ обществѣ. Устраиваются танцы, большею частью ночью подъ звуки бубна, причемъ танцуютъ женщины; мужчины же только смотрятъ на ихъ искусство. Днемъ въ число развлеченій вводится козелъ, извѣстная въ Средней Азіи конская игра, называемая въ Ваханѣ „бызъ-каши“, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность „поса“. Другое развлеченіе, обязательно вводимое въ число нумеровъ „поса“, это призовая стрѣльба въ цѣль. Вахіечи большіе охотники и очень любятъ свое оружіе, несмотря на его примитивное устройство. Къ дереву подвѣшиваютъ мѣшочекъ, наполненный золою, что составляетъ цѣль, въ которую съ опредѣленнаго разстоянія начинаютъ палить любители стрѣльбы. Болѣе ловкимъ стрѣлкамъ выдаются призы. Если „посъ“ устраиваютъ люди богатые, то призомъ является волъ или лошадь, у бѣдныхъ же его замѣняетъ халатъ*).

Въ долинѣ рѣки Аму и Сарыколѣ, когда родится сынъ, то всѣ друзья отца вѣшаютъ свое оружіе на стѣны его дома, чтобы пріучить новорожденнаго къ воинственнымъ зрѣлищамъ. По истеченіи семи дней оружіе возвращается владѣльцамъ, кромѣ принадлежащаго ближайшимъ родственникамъ, которые взамѣнъ получаютъ соотвѣтствующіе подарки.

Послѣ рожденія ребенка женщина считается оскверненною и никто не будетъ ѣсть изъ ея рукъ въ теченіе семи дней. На сѣверѣ отъ Гиндукуша этотъ періодъ доходитъ до сорока дней, и въ теченіе первыхъ семи дней мать не должна кормить грудью ребенка**).

Дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ предоставляются самимъ себѣ и особеннаго ухода не требуютъ, такъ что можно сказать смѣло, что уходъ за домашнимъ скотомъ поглощаетъ гораздо больше времени у хозяйки, чѣмъ уходъ за собственными дѣтьми. Когда ребенокъ немного подрастетъ, его начинаютъ постепенно пріучать къ работамъ, заставляютъ пасти скотъ, а также помогать взрослымъ при уборкѣ полей и въ другихъ работахъ.

Въ жизни горца, какъ у всѣхъ правовѣрныхъ, наиболѣе торжественное событіе составляетъ празднество обрѣзанія сына (той хаты насыръ), совершаемое надъ подростками въ 8—10 лѣтъ. По заведенному обычаю, на этотъ праздникъ приглашаются не только односельцы, но и всѣ жители ближайшихъ селеній. Къ богатымъ собираются, такимъ образомъ, иногда до 500 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и всѣ угощаются въ продолженіе трехъ сутокъ разными лучшими яствами въ размѣрѣ, смотря по достатку домохозяина. На такомъ праздникѣ, въ то время, когда на женской половинѣ идетъ трескотня о разныхъ обыденныхъ дѣлишкахъ, мужчины, отъ стараго до малаго, ристаютъ верхами

---

*) „Турк. Вѣд.“ 1899 г. № 93.

**) Биддельфъ. l. c.

на игрѣ разрыванія козла, называемой также конъ-коры-улакъ. Въ Дарваѣ этой забавой занимаются нѣкіе любители-мужчины. Къ вечеру третьяго дня празднество кончается, гости расходятся и разъѣзжаются по домамъ, а на слѣдующій день цирульникъ дѣлаетъ надъ мальчикомъ свое дѣло *).

Обрѣзаніе въ Ваханѣ совершается удивительно поздно. Обыкновенно оно бываетъ, когда мальчикъ достигаетъ 12—14 лѣтъ. Въ болѣе раннемъ возрастѣ бываетъ какъ исключеніе. Опьяняющія сласти, употребляемыя у сартовъ и городскихъ таджиковъ для того, чтобы лишить дѣтей сознанія, въ Ваханѣ не примѣняются. Обрѣзаніе не сопровождается никакими пиршествами.

Грамотѣ обучаются дѣти лишь немногихъ зажиточныхъ таджиковъ въ періодъ отъ 8 до 12 лѣтняго возраста и вообще грамотность распространена весьма мало. Обученіемъ у себя на дому дѣтей грамотѣ въ селеніяхъ занимаются имамы. У горцевъ, живущихъ невдалекѣ отъ большихъ городовъ въ равнинѣ, жаждующіе просвѣщенія съ дѣтства переходятъ въ города, гдѣ проводятъ нѣсколько лѣтъ въ школахъ и медрессе. Изъ этихъ выходцевъ рѣдко кто возвращается опять на родину.

Школьное образованіе заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы обучить ученика догматамъ религіи и порядкамъ совершенія пятивременной молитвы. Ученіе мальчикъ начинаетъ съ азбуки, далѣе, проходитъ абжитъ-подготовительное руководство къ чтенію афтіякъ (7-ая часть корана). Вслѣдствіе того, что въ школѣ система преподаванія производится по старинному „въ зубрежку", ученику въ теченіе одного лѣта едва удается выучить азбуку и абжитъ, и то при усиленномъ стараніи. На другой годъ онъ выучиваетъ суре (тексты) изъ афтіяка. Въ тоже время учитель объясняетъ ученику обрядъ совершенія омовенія и порядокъ для исполненія пятивременной молитвы. Чтобы усвоить все это—требуется, по меньшей мѣрѣ, два-три года. Когда школьникъ усвоилъ себѣ требуемое отъ каждаго мусульманина знаніе начальныхъ догматовъ религіи, тогда онъ и заканчиваетъ ученіе въ школѣ. Родитель, считая, что даннымъ сыну образованіемъ онъ исполнилъ отцовскій долгъ „фарзъ", беретъ сына домой и обращаетъ его къ домашнимъ занятіямъ. Изъ этого мы имѣемъ возможность сдѣлать выводъ, что образованіе въ сельскихъ мусульманскихъ школахъ, въ отношеніи распространенія въ населеніи грамотности, никакого значенія не имѣетъ. (По сообщенію Ѳ. К. Короткова, посѣтившаго Ягнобъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ и близко познакомившагося съ бытомъ мѣстныхъ жителей, между послѣдними встрѣчается грамотныхъ болѣе женщинъ, которыя въ зимнюю пору, на досугѣ, усердно занимаются переписываніемъ различныхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія на продажу, что даетъ имъ порядочный заработокъ).

Постоянныхъ учителей въ сельскихъ школахъ мало; учителями

*) Арандаренко, l. c. стр. 469

большею частью бываютъ ученики медрессе изъ городовъ, которые, пользуясь продолжительнымъ каникулярнымъ временемъ (гаитиль), расходятся по кишлакамъ, занимаютъ свободныя вакансіи сельскихъ учителей съ тѣмъ, чтобы заработать, что нибудь на зиму. Плата сельскому учителю производится зерномъ отъ 8 до 5 батмановъ за лѣто по добровольному соглашенію съ родителями учениковъ *).

Намъ извѣстно, что мусульманская школа всегда была школой церковной и какъ таковая, всегда прекрасно отвѣчала своей цѣли. Это доказывается уже однимъ тѣмъ фактомъ, что вѣроотступничество въ рядахъ представителей корана почти неизвѣстно. Школа эта съ избыткомъ поставляла необходимый контингентъ церковниковъ и за посильное вознагражденіе давала и даетъ желающимъ грамотность и зачатки знаній, по части догмы религіи и права. Но задачи школы у какого бы то ни было народа этимъ ограничиваться не можетъ безъ вреда для него самого; школа должна быть проводникомъ въ массу народа всей совокупности знаній его времени. Что же касается науки въ настоящемъ значеніи этого слова, добытымъ путемъ свободнаго изслѣдованія, завоеванныхъ усиліями цѣлаго ряда поколѣній, при помощи точныхъ методовъ, этихъ рычаговъ познанія,—то съ такою наукою мусульманская школа, eo ipso, не могла никогда имѣть общенія. А такъ какъ уровень народнаго сознанія массы, даже въ самыхъ отсталыхъ странахъ востока, не можетъ долго оставаться однимъ и тѣмъ же, такъ какъ, помимо школы, въ массу проникаютъ идеи и знанія самыми различными путями, возникаютъ запросы жизни, на которые школа не даетъ отвѣта—то обояніе ея исчезаетъ, лучшія силы народнаго ума ищутъ себѣ иного приложенія (вмѣсто столь почетнаго раньше книгоѣдства) и прежній „свѣточъ истины“ теперь едва теплится **).

При явномъ упадкѣ церковныхъ школъ у мусульманъ, мы видимъ въ настоящее время возникновеніе школъ новаго образца, по крайней мѣрѣ, въ большихъ и торговыхъ городахъ.

Г. Биддельфъ приводитъ интересныя свѣдѣнія о счисленіи времени у горцевъ. Хотя исламъ, говоритъ г. Биддельфъ, и ввелъ неудобный мусульманскій календарь, но древній способъ счисленія по солнцу все еще въ употребленіи.

Въ Гильгитѣ и въ долинахъ на югъ мѣсяцы называются арабскими именами знаковъ зодіака. Въ Хунзѣ и Нагерѣ сохранилась древняя номенклатура, подобная существовавшей до недавняго времени въ Гильгитѣ; но въ этомъ послѣднемъ большая часть названій нынѣ забыта. Годъ раздѣляется на два времени отъ солнцестоянія до солнцестоянія, называемыя „іолъ“ (по бурушски) и „халлалъ“ (по шини). Время, начинающееся отъ зимняго солнцестоянія называется „бай“, а слѣдующее „шини“.

Каждое время года раздѣляется на 6 мѣсяцевъ, имена которыхъ

*) Кульчинъ l. c. стр. 442.

**) И. Васильевъ. „Турк. Вѣд.“ 1890 г. № 8.

повторяются въ обоихъ, но въ иномъ порядкѣ. Именно второе время года начинается первымъ мѣсяцемъ, и затѣмъ остальные идутъ въ обратномъ порядкѣ. Мѣсяцы называются по нѣкоторымъ предметамъ или воображаемому сходству предметовъ, лежащихъ на горизонтѣ, за которые солнце садится въ опредѣленныя числа, если смотрѣть изъ воротъ жилища правителя, такъ что въ каждомъ мѣстѣ мѣсяцы имѣютъ особыя названія.

Въ Читралѣ принятъ солнечный годъ, начинающійся съ зимняго солнцестоянія, но названія даны мѣсяцамъ не по мѣстностямъ, а по особенностямъ временъ года или по земледѣльческимъ занятіямъ.

Впрочемъ, въ настоящее время обыкновенный мусульманскій календарь входитъ въ употребленіе, особенно среди ашимадековъ. Дни недѣли называются по нему, за исключеніемъ пятницы, называемой адина*).

30. Праздники и народныя увеселенія.

Во время уразы (поста) Рамазана магометане исполняютъ нѣсколько религіозныхъ молитвъ и обрядовъ, которые въ прочее время не исполняются. Главнѣйшія изъ этихъ молитвъ и обрядовъ слѣдующія: молитва таравихъ, читаемая на распѣвъ ночью и состоящая изъ двадцати земныхъ поклоновъ; чтеніе наизусть корана каріемъ (хатми-куръ-анъ). Чтецъ или кари, умѣющій читать коранъ по всѣмъ правиламъ его (ильми кириаатъ), во время молитвы (таравихъ) читаетъ наизусть весь коранъ въ продолженіе 3, 6 или 10 ночей въ большихъ медрессе и мечетяхъ. При чтеніи корана наизусть каріемъ всѣ присутствующіе на молитвѣ стоятъ на ногахъ. Кари, заступивъ мѣсто имама или муллы въ михрабѣ, соотвѣтствующемъ христіанскому алтарю, обращаясь лицомъ къ Меккѣ, направляя прихожанъ къ предстоящей молитвѣ и къ слушанію корана и подымая вверхъ обѣ руки, обоими большими пальцами прикасается до мочекъ своихъ ушей и вслухъ громко говоритъ: „Богъ великъ!“ (Аллахъ-акберъ-такбири-тахриме); потомъ тихо говоритъ, про себя, съ глубокимъ благоговѣніемъ: „о, Всемогущій Господь Богъ! я намѣренъ совершить молитву намазъ, такую-то, состоящую изъ стольких-то земныхъ поклоновъ. Боже святый! Вспоминаю тебя; возношу благодареніе и хвалу Тебѣ, Единому; имя Твое прославлено и высоко чтится, достоинство Твое выше всѣхъ, кромѣ Тебя нѣтъ Бога обожаемаго. Убѣжище мое въ Богѣ отъ сатаны, прогнаннаго каменьями, во имя Бога милостиваго и милосерднаго“. Послѣ этого кари, стоя, наизусть и очень скоро читаетъ коранъ нараспѣвъ; прочитавъ нѣсколько главъ, онъ вслухъ произноситъ: „Богъ великъ! и припадая внизъ, произноситъ: „Самигъ-алли Лимянъ хамидэ, т. е. Господь Богъ слышитъ того, кто Его славитъ (троекратно), а всѣ прочіе говорятъ: „роббана лякъ аль-хамдъ“—Пресвятой Богъ, дающій пропитаніе! Всѣ мы

*) Биддельфъ l. c. стр. 119 и слѣд.

восхваляемъ Тебя и поклоняемся Тебѣ, Единому!“ и потомъ всѣ, сидя, дѣлаютъ земной поклонъ (это называется седжда или суджутъ, т. е. поклоненіе) и три раза произносятъ: „Хвала Господу всевышнему субханъ раббиль алла; потомъ, поднявъ голову и говоря Аллахъ-акберъ, снова дѣлаютъ земные поклоны, произнося тотъ же самый возгласъ: субханъ раббиль-алла и, наконецъ, произнося „Аллахъ акберъ“ встаютъ всѣ, а карі опять читаетъ наизусть текстъ корана и, повторивъ всѣ вышесказанные возгласы и молитвы, присѣдаетъ и тихо читаетъ молитву благословенія, называемую атта-хіатъ, содержаніе которой слѣдующее: „всѣ богослуженія, совершаемыя языкомъ, дѣйствіемъ, тѣломъ и пожертвованіе имуществомъ дѣлаются ради Бога. О, пророкъ! да будетъ надъ тобою миръ, благоволеніе и милосердіе Божіе! Да сохранитъ Господь Богъ насъ и всѣхъ своихъ добрыхъ рабовъ! Свидѣтельствую въ томъ, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Аллаха; Магометъ пророкъ и рабъ Божій; еще свидѣтельствую: да будетъ миръ и благоволеніе Божіе надъ пророкомъ Магометомъ и его родомъ!“.

Затѣмъ карі или имамъ, оглядываясь справа налѣво, а потомъ налѣво, вслухъ говоритъ: „да ниспошлетъ Господь Богъ на васъ миръ, здоровье и благодатное милосердіе!“. Всѣ остальные, слѣдуя примѣру карія и обращая свое лицо въ правую сторону, тихо говорятъ: „да ниспошлетъ Господь Богъ миръ и милость какъ намъ, такъ и ангеламъ“.

Во время поста Рамазана, ночью, когда совершается намазъ послѣ каждаго четырехкратнаго земного поклона (рякаата) всѣ сидятъ минутъ 15 или 20; при этомъ карі или имамъ сидитъ, обращаясь лицомъ къ прихожанамъ и всѣ про себя читаютъ молитву тесбихъ или мунаджатъ, т. е. гимнъ, заключающій въ себѣ хваленіе Богу.

Когда карі въ продолженіе 3, 6 или 10 ночей, во время ночной молитвы (тарави хъ) прочитываетъ наизусть весь коранъ (хитми-куръ-анъ), то прихожане и другіе посѣщавшіе мечеть при чтеніи каріемъ корана, смотря по своему богатству, даютъ карію деньги, халатъ, чай и т. п., а какой-нибудь богатый человѣкъ или ишанъ, достигшій изученіемъ магометанскаго богословія до фанатизма, раздаетъ прихожанамъ и другимъ, присутствовавшимъ при окончаніи чтенія корана, по одной горсти кишмиша, который называется тебаррукъ, т. е. благословенный. Это соотвѣтствуетъ христіанскому обряду раздачи просфоры.

Во время поста Рамазана богатые приглашаютъ къ себѣ разговѣться (по закату солнца—ифтаръ-кальмакъ), муллъ, имама или нѣкоторыхъ учащихся въ высшей школѣ, своихъ одноквартальцевъ, знакомыхъ и близкихъ родственниковъ, угощаютъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ; это дѣлается ради угожденія Богу. Приглашающій къ себѣ на разговѣнье ставитъ передъ каждымъ гостемъ нѣсколько большихъ и маленькихъ лепешекъ. Приглашенные, возвращаясь домой, берутъ нѣсколько изъ этихъ лепешекъ. Угощеніе состоитъ изъ вареной баранины, плова, жидкой капицы, пирожковъ и неизбѣжнаго чая. По захожденіи солнца мусульмане передъ ужиномъ разговляются или шувалдой (битый бѣлокъ съ сахаромъ), или финикомъ, или солью, или же, наконецъ, водою.

Передъ разсвѣтомъ (въ 2—3 часа ночи) мусульмане встаютъ и ѣдятъ, а затѣмъ постятся до солнечнаго заката, воздерживаясь въ продолженіе цѣлаго дня отъ пищи, питья, куренія и вообще отъ всякихъ удовольствій.

Ишаны и благочестивые люди раздѣляютъ 30 дней уразы Рамазана на три десятка: первые 10 дней (унъ-кунъ-даха) называются даха-рахматъ, что значитъ въ переводѣ: „Богъ имѣетъ состраданіе къ людямъ и благословляетъ ихъ“; средніе 10 дней называются даха-и-мегфиратъ, т. е. „Богъ прощаетъ грѣхи людей“, а послѣдніе 10 дней называются даха-и-мень-аннаръ, т. е. „Богъ спасаетъ людей отъ адскаго огня“. Ишаны и другіе набожные люди, въ продолженіе первыхъ, среднихъ или же послѣднихъ 10 дней, безвыходно сидятъ въ мечети (пти-кафъ-и-ольтурмакъ), день и ночь проводятъ въ молитвѣ, читаютъ коранъ и духовныя книги, возносятъ хвалу и благодарность Богу, прославляютъ Бога (хамдъ ве-сена-айтмакъ) и кромѣ отправленія богослуслуженія не думаютъ ни о чемъ другомъ. Вообще нѣкоторые мусульмане проводятъ свой постъ весьма набожно и по временамъ даютъ тайныя и явныя милостыни.

Во время Рамазана или по окончаніи поста, въ день праздника, утромъ, послѣ совершенія общественной праздничной молитвы, каждый мусульманинъ обязанъ дать, по шаріату, какъ за себя, такъ и за свою жену и дѣтей, набожному муллѣ или какому-нибудь нищенствующему благочестивому бѣдняку 4 ф. пшеницы, или 4 ф. кишмишу, или 8 ф. ячменя, или 8 ф. финика или же деньги, соотвѣтствующія ихъ цѣнѣ.

День 1-го луннаго мѣсяца шавалля, т. е. день праздника, называется днемъ милосердія, состраданія, потому что Богъ въ этотъ день посылаетъ благодать своимъ рабамъ и благословляетъ ихъ; въ этотъ же день (1-го шавалля) Всемогущій Богъ избралъ архангела Гавріила для доставленія божественныхъ откровеній пророкамъ.

Между ночами Рамазана особенно значительна ночь предопредѣленія или всемогущества, называемая ляйлятъ-уль-кодръ, шяки-кодръ или кодръ-кичаси; въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ книгахъ говорится, что коранъ былъ ниспосланъ Богомъ Магомету въ эту ночь; эта ночь имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ тысяча мѣсяцевъ, и одинъ намазъ, совершенный въ ночь шяби-кодръ равняется 1000 намазамъ, совершеннымъ въ другое время; въ эту ночь, будто-бы, отверзаются небесныя врата, происходятъ во вселенной разныя событія и чудеса; въ тотъ моментъ, когда открываются небесныя врата, о чемъ бы мусульмане ни просили Бога, Господь исполнитъ все просимое и приметъ молитву вѣрующихъ. Мусульмане говорятъ, что ежегодно, въ ночь ляйлятъ уль-кодръ провѣряется книга о поступкахъ людей (наме-и-агмалъ) и таблица вѣчнаго предопредѣленія судьбы лаухи-мяхфузъ. Богъ ежегодно посылаетъ съ неба на землю свои предопредѣленія (судьбу, рокъ) на одинъ годъ, короче сказать, въ эту ночь положительно опредѣляется то, что должно случиться въ мірѣ въ слѣдующемъ году. Въ эту ночь ангелы съ архангеломъ Гавріиломъ въ особенности сходятъ съ неба на землю, по

повелѣнію Бога, и возносятъ хвалу Богу за постящихся мусульманъ, ходатайствуя передъ Богомъ о прощеніи ихъ грѣховъ. Въ день страшнаго суда они будутъ свидѣтелями, что магометане, молясь Богу, держали уразу (постъ).

Ночь ляйлятъ-уль-кодръ скрыта между ночами Рамазана и неизвѣстно, въ какую именно изъ ночей уразы она бываетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ законоучителей мусульманъ, эта ночь бываетъ въ послѣднихъ 10 дняхъ Рамазана и въ особенности въ слѣдующихъ числахъ: 17, 21, 23 и 27 го. Большинство изъ этихъ магометанскихъ законоучителей, основываясь на произведенныхъ ими наблюденіяхъ, пришли къ заключенію, что ночь ляйлятъ-уль-кодръ должна быть 28 числа уразы Рамазана. Наканунѣ этой ночи, будто-бы, солнце восходитъ въ багровомъ темноватомъ туманѣ и безъ лучей; въ эту ночь бываетъ тихая, ясная погода, и никогда не бываетъ слышанъ лай собаки. Ночь ляйлятъ-уль кодръ скрыта отъ людей для того, чтобы магометане проводили, по мѣрѣ возможности, всѣ ночи Рамазана въ молитвахъ и въ чтеніи корана; въ эту ночь они должны совершать особую молитву намаза—ляйлятъ-уль-кодръ, состоящую изъ четырехъ колѣннопреклоненій и земныхъ поклоновъ (рекятъ). Каждый рекятъ или земной поклонъ долженъ сопровождаться чтеніемъ первой главы корана 1 разъ (суре-и-фатихэ), 97 главы 5 разъ (суре-и-ляйлятъ-уль-кодръ) и 112 главы тоже 5 разъ (суре-и-ихлясъ); по окончаніи четырехъ земныхъ поклоновъ, совершающій намазъ-кодръ долженъ 70 разъ произносить: „Боже! прости и спаси меня! Каюсь“, возгласъ, соотвѣтствующій христіанскому „Господи, помилуй!“.

Во время поста уразы мальчики туземцевъ ночью приходятъ къ дверямъ и воротамъ своихъ сосѣдей и богатыхъ людей и поютъ хвалебную пѣсню Рабби-менъ, краткое содержаніе которой слѣдующее: „о, Боже мой, Боже мой! О, Рамазанъ! О, Господи, Рамазанъ! Мы пришли къ твоей двери съ пѣснею; да дастъ Господь Богъ вамъ сына съ домашней колыбелью. Въ священномъ городѣ Меккѣ есть одно высокое дерево съ фруктомъ финикомъ; да дастъ вамъ Господь Богъ сына, подобнаго Магомету и Алію; въ Меккѣ есть одно высокое пальмовое дерево съ черною вѣтвистою вершиною, осѣняющее храмъ Каабу; Господь Богъ да дастъ вамъ сына съ черными бровями; сквозь этотъ домъ мы намедни видѣли луну, служащую эмблемою нашей религіи; мы замѣчаемъ, что хозяинъ этого дома богатъ; на углу этого дома мы видѣли гроздь хлопка; Господь Богъ дастъ вамъ сына; въ честь хозяина дома мы поемъ пѣсню Рабби-менъ и стоимъ такъ; у насъ пока нѣтъ бороды, но между тѣмъ мы состарились“.

Хозяинъ дома даетъ мальчикамъ деньги, сахаръ, кишмишъ или лепешки. Мальчики съ этою пѣснею, по очереди, обходятъ почти всѣхъ жильцовъ своего квартала, а иногда заходятъ и въ другой кварталъ.

Наканунѣ ночи уразы—байрама (въ ночь съ сочельника на день праздника), передъ разсвѣтомъ, женщины съ лепешками и съ пловомъ, придя на могилы своихъ близкихъ родственниковъ, молятся Богу,

громко плачутъ, вспоминаютъ умершихъ, нѣкоторыя рвутъ свои волосы и царапаютъ свое лицо. Принесенныя съ собой лепешки и пловъ онѣ даютъ убогимъ муллямъ и слѣпымъ каріямъ (знающимъ наизусть весь коранъ), чтобы они помолились Богу за ихъ умершихъ родственниковъ; имъ также раздаютъ и деньги; эти убогіе муллы и слѣпые каріи наканунѣ праздника нарочно приходятъ на кладбище, а нѣкоторые изъ нихъ живутъ даже здѣсь. По шаріату запрещается громко плакать по умершимъ. Обычай посѣщенія женщинами кладбища утвердился вслѣдствіе преданія, будто-бы ночью наканунѣ праздника уразы—байрама, души умершихъ спускаются съ небесъ на свою могилу и ждутъ отъ своихъ родственниковъ и вообще отъ всѣхъ благочестивыхъ мусульманъ теплой молитвы, доставляющей душѣ грѣшника облегченіе отъ адскихъ мученій. Поэтому, магометане въ ночь съ арафы на день праздника, по пятницамъ и въ дни двухъ главнѣйшихъ праздниковъ: уразы и курбанъ-байрамовъ, должны читать коранъ за упокой душъ, умершихъ и за прощеніе Богомъ грѣховъ всѣхъ магометанъ и мусульманокъ вообще.

По окончаніи поста Рамазана, именно 1-го числа мѣсяца шавалля, у мусульманъ бываетъ большой праздникъ „ураза—байрамъ (ійди—шерифъ), продолжающійся обыкновенно три дня.

Рано утромъ, въ день праздника, мусульмане совершаютъ полный обрядъ омовенія всего тѣла (гусыль); на сколько это возможно, одѣваютъ новую одежду, разговляются однимъ или тремя финиками, кишмишемъ или сладкою пищею, приготовленнаго съ медомъ и сахаромъ, затѣмъ идутъ въ большую соборную мечеть или въ ійдъ-га (большое открытое мѣсто, гдѣ происходитъ общественное богослуженіе, отправляемое въ дни двухъ годовыхъ и главнѣйшихъ праздниковъ). Когда всѣ молящіеся соберутся къ извѣстному времени, именно—когда восходящее солнце поднимется отъ горизонта на разстояніе длиною въ 2 или 3 пика, тогда начинается общественный, праздничный намазъ, состоящій изъ двухъ колѣнопреклоненій и земныхъ поклоновъ. Тутъ же, по окончаніи этого общественнаго праздничнаго намаза, имамъ или хатибъ (проповѣдникъ, мулла), взойдя на возвышенное мѣсто менбаръ, держа въ рукахъ посохъ или саблю, вслухъ нараспѣвъ читаетъ молитву хотба, соотвѣтствующую христіанской эктеніи и содержащую въ себѣ: прославленіе величія Бога и восхваленіе пророка Магомета, его преемниковъ халифовъ—Абу Бекра, Омара, Османа и Али, испрашиваніе благословенія Бога надъ Магометомъ халифами, ихъ родами и семействами и, наконецъ, надъ всѣмъ народомъ, исповѣдующимъ магометанское вѣроученіе. Кромѣ того, къ содержанію хатбы прибавляются нѣкоторыя правила, относительно раздаванія милостины бѣднымъ и содержащимся подъ стражею, веденія правильной жизни, раскаянія, прошеніе у Бога дожить еще до нѣсколькихъ постовъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ тишинѣ, спокойствіи, счастливой, благополучной жизни и проч. *).

---

*) „Турк. Вѣд.“ 1878 г. № 1 и 2.

На уразу, т. е. староиранскому новому году, не каноническому лунному, а солнечному, празднуемому около весенняго равноденствія, относится цѣлый рядъ обрядовъ и обычаевъ, отчасти общихъ всѣмъ арійскимъ народамъ.

Общая схема новогоднихъ обычаевъ и обрядовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились до настоящаго времени въ Самаркандѣ, такова: 1) зажиганіе огней и хожденіе съ огнями на арыкъ Аби-Рахматъ, 2) купаніе въ этомъ арыкѣ, 3) предсказанія, 4) питье заговоренной воды, 5) „Казанъ тулды“, 6) употребленіе въ пищу преимущественно птичьяго мяса, 7) взаимное дареніе вареныхъ крашенныхъ яицъ, 8) восхожденіе на высокія мѣста, 9) хожденіе съ визитами, 10) гулянья за городомъ, скачки съ козломъ, борьба и проч.

Авторъ сочиненія „Самарія“ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „въ Самаркандѣ издревле существуетъ такой обычай и обрядъ: въ концѣ года „аджало“ (персидскаго, т. е. солнечнаго), именно въ ночь на послѣдній понедѣльникъ истекающаго года, народъ собирается на арыкъ Аби-Рахматъ, въ водахъ котораго обмывается и получаетъ благодѣтель“.

Въ самое послѣднее время обычай купанія передъ новымъ годомъ сталъ выходить изъ употребленія и теперь справляется очень немногими. Однако еще на памяти теперешнихъ старпковъ онъ совершался всенародно и особенно торжественно.

Въ послѣднее воскресенье передъ „наурузомъ“, послѣ заката солнца, жители Самарканда, его пригородовъ и окрестныхъ селеній собирались въ болѣе или менѣе обширныя толпы, причемъ каждый кварталъ или приходъ составлялъ отдѣльную группу. Предварительно заготовлялись „аташъ-байдаки“, иначе „машгаль“. Первое въ переводѣ значитъ огненный бунчукъ, а второе—свѣтило, факелъ. Аташъ байдакъ представляетъ древко въ руку толщиною и длиною сажени въ $2-2^1/_2$ съ укрѣпленнымъ на одномъ концѣ пучкомъ тряпокъ, а чаще старымъ ватнымъ халатомъ, пропитаннымъ кунджутнымъ масломъ. Аташъ-байдаки зажигаются и процессія направляется къ арыку. Аби-Рахматъ, имѣя въ средѣ своей танцующихъ бачей и ребятишекъ впереди. По пути процессіи зажигаются зараспе, устроенные костры и пускаются ракеты. Придя на мѣсто, народъ располагается по арыку и приступаетъ къ купанью. По длинѣ арыка въ разныхъ мѣстахъ также зажигаются костры и факелы. Купанье совершается съ цѣлью омыться отъ прошлогоднихъ грѣховъ. Вода названнаго арыка въ эту ночь считается цѣлебной, а потому уносится въ маленькихъ кувшинахъ домой, закупоривается и хранится до времени въ укромныхъ мѣстахъ.

Женщины активнаго участія въ этихъ процессіяхъ не принимаютъ, а купанья,—впрочемъ, очень немногія—въ садахъ, расположенныхъ по арыку, подальше отъ нескромныхъ взоровъ, или только вбродъ переходятъ арыкъ, что уже считается достаточнымъ для очищенія.

Хотя обычая ворожить въ новогодніе дни и нѣтъ, по крайней мѣрѣвъ, настоящее время, но предсказанія „мунаджимовъ“ (астрологовъ),

состав[illegible]ваніи сочетанія небесныхъ свѣтилъ, пользовались прежде широкимъ распространеніемъ.

Обыкновенно за нѣсколько дней до „науруза“ мунаджимы составляютъ такъ называемыя „саль-нама“ (въ переводѣ—годовая грамота), которыя въ большомъ количествѣ списковъ разсылаются знати, богачамъ, знакомымъ и пр. Мунаджимы за саль-нама, конечно, получаютъ вознагражденіе, смотря по щедрости и состоятельности лицъ, для которыхъ онѣ предназначаются.

Въ саль-нама изготовляются общія предсказанія на наступающій годъ, какъ-то: урожай, война, засуха, моръ и проч., а также частныя, напр., какимъ образомъ данное лицо должно провести вечеръ передъ новымъ годомъ—въ обществѣ-ли ученыхъ, наединѣ, въ компаніи-ли веселыхъ людей, слушая-ли музыку и проч., какого рода должно употреблять пищу, въ какого цвѣта одеждѣ слѣдуетъ быть въ этотъ вечеръ. Разумѣется, всѣ эти предписанія, которыя стараются строго выполнить, направлены къ тому, чтобы наступающій годъ прошелъ для даннаго субъекта наиблагополучнѣйшимъ образомъ и не принесъ съ собою какихъ-либо бѣдъ и несчастій.

Чтобы застраховать себя отъ всякаго рода напастей, существуетъ и другое средство—питье заговоренной воды. Передъ самымъ наурузомъ въ продажѣ появляются лоскутки бумаги съ написанною на нихъ шафрановымъ сокомъ молитвою, извѣстная подъ именемъ „хафтъ-салямъ“ (семь благопожеланій). Молитва эта содержитъ пожеланія мира и благополучія семи пророкамъ—Адаму, Ною, Моисею и др. Бумажка и тексты изъ корана съ написанною на ней молитвою хафтъ-салямъ опускается въ чашку съ водою; къ водѣ для вкуса примѣшивается сахаръ или медъ. Послѣ того, какъ краска распустится и буквы побѣлѣютъ, вода становится цѣлебной и принимаетъ свойство предохранять отъ болѣзней и бѣдъ. Она выпивается по очереди членами семейства.

„Казанъ тулды“ въ переводѣ значитъ—котелъ наполнился. Обычай этотъ заключается въ томъ, что въ ночь Аби-Рахмата или въ канунъ новаго года въ каждомъ домѣ варятъ пищу въ котлахъ, причемъ смотрятъ за тѣмъ, чтобы котлы были совершенно полны. Варятъ лучшую пищу, кто какую можетъ, но непремѣннымъ условіемъ этого обычая считается, чтобы котелъ содержалъ возможно большее количество пищи. Справляется этотъ обычай для того, чтобы наступающій годъ былъ урожайный, обильный жизненными продуктами, какъ „полный котелъ“.

„Ежегодно въ новый годъ до восхода солнца бухарскіе маги (парсы) приносили на могилу Сіяуша (въ Бухарѣ) по одному пѣтуху и рѣзали ихъ“, говоритъ авторъ Таарихи Наршахи. Хотя замѣтка эта и не даетъ указаній той цѣли, ради которой рѣзались пѣтухи, но врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что обычай этотъ входилъ въ ритуалъ новогоднихъ обрядовъ въ качествѣ жертвы, для умилостивленія божества, или же гаданія на основаніи тѣхъ или другихъ примѣтъ при рѣзаніи. Обычая рѣзать пѣтуховъ въ новый годъ не со-

хранилось, однако въ томъ обстоятельствѣ, что туземцы въ этотъ день стараются употреблять въ пищу преимущественно птичье мясо, нельзя не видѣть видоизмѣненія этого обряда. Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ бѣднота единственный разъ въ году, въ наурузъ, позволяетъ себѣ такую роскошь въ столѣ, какъ вареная курица. На базарахъ Самарканда и Бухары передъ наурузомъ распродается масса куръ, немало куропатокъ, перепеловъ и другой дичи.

Повсемѣстно въ Средней Азіи около науруза появляется въ продажѣ большое количество вареныхъ крашеныхъ яицъ. Туземцы, большіе охотники до всякаго рода спорта, бьются яйцами и взаимно дарятъ ихъ. Многіе русскіе ошибочно думаютъ, что обычай красить яйца заимствованъ у христіанъ, съ приходомъ русскихъ въ край. Туземцы увѣряютъ, что этотъ обычай существуетъ у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ и считается національнымъ. Дѣйствительно, подтвержденіе этому находится въ сочиненіи „Хайратъ-аль-фукаю", написанномъ въ 696 году хиджры въ Бухарѣ Бинъ Садръ-еддиномъ, который разсказываетъ, что извѣстный бухарскій святой Абу-Хафзи-Кабиръ, жившій въ III в. хиджры, возсталъ противъ обычая взаимно дарить въ новый годъ яйца, находя его грѣховнымъ и несовмѣстнымъ съ чистой вѣрой, такъ какъ онъ есть заблужденіе маговъ. Тотъ-же святой возмущался и осуждалъ хожденіе за городъ съ „аташъ-байдакомъ". Судя по характеру и тону проповѣди, можно догадываться, что оба эти обычая были сильно распространены въ Бухарѣ.

Чтобы получить должность, разбогатѣть, пріобрѣсти выгоды и проч., въ наурузъ восходятъ на высокія мѣста. Для гуляній въ эти дни выбираются тоже преимущественно возвышенности.

Такъ называемый „сапль" и связанныя съ нимъ борьба, скачки и и прочія увеселенія тѣ же, что и въ ночи уразы*).

Наурузъ, этотъ старо-иранскій новый годъ, всегда начинается въ день начала весны и продолжается 13 дней.

У шіитовъ празднуется печальное торжество мученической кончины Хусейна въ Кербелѣ, которое каждое 10-го Мухаррема знаменуется большими процессіями, а въ предшествующіе дни—театральными представленіями, изображающими исторію страданій Хусейна. Въ этихъ процессіяхъ участвующіе стараются превзойти другъ друга страшнымъ крикомъ и біеніемъ себя въ грудь. Нѣкоторые благочестивые люди доводятъ даже до того свое усердіе, что сами наносятъ себѣ многочисленныя раны.

У шіитовъ остальныя празднества—оба Байрама, день рожденія пророка, день убіенія Омара и т. д. празднуются отчасти только высшими классами, отчасти и вовсе не празднуются больше.

Несмотря на обращеніе горныхъ жителей въ мусульманство, прежніе полу-религіозные праздники, большею частью имѣющіе связь съ

---

*) В. В. Наурузъ въ Самаркандѣ. „Турк. Вѣд". 1897 г. № 14.

земледѣльцы, все еще соблюдаютъ болѣе или менѣе согласно съ древними обычаями.

Въ Ваханѣ начало посѣвовъ празднуется въ каждомъ домѣ. Чашка зерна, половина котораго поджарена, разбрасывается кругомъ жилища. Послѣ этого глава семейства отправляется пахать; но вскорѣ онъ возвращается, влѣзаетъ на крышу своего дома и бросаетъ зерно черезъ находящееся въ срединѣ отверстіе, служащее для вентиляціи и освѣщенія. Снова онъ отправляется въ поле, проводитъ вокругъ него дважды борозду, бросаетъ немного сѣмянъ и идетъ домой; тутъ онъ находитъ двери запертыми, и женщины его впускаютъ лишь послѣ многихъ просьбъ. На слѣдующее утро, до разсвѣта онъ вводитъ въ домъ осла, что даетъ поводъ къ шуткамъ и смѣху, послѣ чего осла посыпаютъ мукой и прогоняютъ вонъ.

Въ Ваханѣ, Шугнанѣ и Рушанѣ во время большихъ праздниковъ обыкновенно два раза въ годъ, пекутся блины. Изготовляютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Берется мука, молоко и масло и дѣлается жидкое тѣсто. Роль сковороды играетъ большой плоскій и тонкій камень. Раскаливши этотъ камень на огнѣ, льютъ на него масло и потомъ тѣсто, почерпнувъ это послѣднее ложкой. Когда испечется одна сторона, блинъ берутъ и переворачиваютъ на другую. Подаютъ горкой (какъ книга изъ листьевъ, говоритъ горецъ) на деревянномъ блюдѣ, полившн масломъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блины относятъ на кладбище, ставятъ на могилы, потомъ берутъ и поминаютъ ими покойниковъ; кусочки блиновъ (цѣлые тратить на это жалко) оставляютъ на могилахъ совсѣмъ. Послѣ идутъ на могилы святыхъ (мазаръ) и тамъ тоже ѣдятъ блины.

Печенье блиновъ сопровождается весельемъ и шутками и составляетъ въ быту горцевъ маленькое событіе, которое ожидается — особенно ребятишками и молодежью—съ большимъ нетерпѣніемъ*).

Г. Мусафиръ говоритъ, что, судя по описаніямъ печенія блиновъ, они не блины, а оладьи, а если это такъ, то ихъ туземное названіе, можетъ быть, вызываетъ такое же воспоминаніе, какъ и наши оладьи, именно: „ой ладо, ой дидъ-ладо“,—пѣснь при празднествахъ встрѣчи весны, въ честь божествъ Ладо и Лады, о лицетвореніи солнца и луны**).

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ праздниковъ въ году—это Чили, которымъ нѣкогда прославлялось поклоненіе дереву Чили (Juniperus excels) онъ совпадалъ съ началомъ хлѣбныхъ посѣвовъ.

Церемонія поклоненія кедру въ Гильгитѣ заключалась въ слѣдующемъ: въ теченіе трехъ дней избранные не женатые юноши подвергали себя ежедневнымъ омовеніямъ и очищеніямъ. На четвертый день они отправлялись въ горы, снабженные виномъ, масломъ, хлѣбомъ и всякаго рода фруктами. Найдя подходящее дерево, они выбирали вѣтвь, на которую брызгали виномъ и масломъ, а хлѣбъ и фрукты съѣдали въ видѣ жертвеннаго пиршества. Затѣмъ срѣзывали вѣтвь и приноси-

*) Андреевъ, „Турк. Вѣд.“ 1905 г. № 32.

**) Мусафиръ. „Турк. Вѣд.“ 1905 г. № 36.

ли ее въ деревню. При входѣ въ нее, ихъ встрѣчало все населеніе въ праздничныхъ нарядахъ и съ музыкою и радостными возгласами сопровождали ихъ въ назначенное мѣсто, гдѣ вѣтвь клали на большой камень близъ текущей воды. Затѣмъ приносили въ жертву козла, кровью его обрызгивали вѣтвь, и начиналась дикая пляска, сопровождаемая размахиваніемъ оружіемъ. Голову козла устанавливали на шестѣ, какъ мишень, для стрѣльбы изъ лука и ружей. Каждый хорошій выстрѣлъ награждался бутылкой вина и кускомъ мяса козла. Когда все мясо было выиграно, кости бросали въ ручей, и происходило общее омовеніе. Затѣмъ каждый возвращался домой съ вѣткою кедра. Онъ находилъ дверь своего дома запертою, и на его слухъ жена спрашивала: „что ты принесъ“? Онъ отвѣчалъ: „если тебѣ нужны дѣти, я ихъ принесъ; если тебѣ нужна пища, я ее принесъ; если тебѣ нуженъ скотъ, я его принесъ; все, что пожелаешь, я имѣю“. Дверь отворялась, и онъ вносилъ вѣтку кедра. Жена брала немного листьевъ и, обливъ ихъ немного виномъ и водою, клала на огонь; остальное посыпалось мукою и подвѣшивалось къ потолку. Затѣмъ жена посыпала мукою голову и плечи мужа и обращалась къ нему со слѣдующими словами: „О, Шири Багертзумъ, сынъ волшебницъ, ты пришелъ издалека“! Шари Багертзумъ, „горный король“, названіе, которое давали кедру, обращаясь къ нему съ мольбами. На слѣдующій день жена пекла нѣсколько хлѣбовъ и, взявъ ихъ съ собою, отводила козловъ къ камню Чили. Здѣсь, когда козлы собирались вокругъ него, она бросила въ нихъ камнями, не переставая призывать Чили. Смотря по направленію, куда бѣжали козлы, судили о количествѣ и полѣ козлятъ, которые должны были родиться въ теченіе слѣдующаго года. Орѣхи и гранаты клали на камень Чили, хлѣбы раздѣляли и ѣли, а козлы шли на пастьбу по какому хотѣли направленію. Въ продолженіе пяти дней послѣ этого распѣвали во всѣхъ домахъ слѣдующую пѣсню: „Грозный волшебникъ король, тебѣ я приношу жертву. Какъ ты благородно стоишь! Ты наполнилъ мой домъ, ты мнѣ далъ жену, когда у меня ея не было; вмѣсто дочерей ты мнѣ далъ сыновей. Ты мнѣ указалъ пути праведные, ты мнѣ далъ много дѣтей. Ты меня сдѣлалъ подобнымъ горѣ. Я привелъ семейство съ вершинъ горъ; я ходилъ въ Саргинъ, Гилитъ, чтобы посмотрѣть народъ. Ты убилъ много дикихъ козловъ, ты съ ружьемъ на плечѣ, ты съ мечомъ въ рукѣ. О, ты, верхомъ на конѣ! О, ты, въ богатомъ одѣяніи! О грозный король, я убью для тебя барана. О, ты, пришедшій съ горы, я натру твои ноги масломъ. О, ты, пришедшій снизу, я смажу твои ноги масломъ. Я былъ на равнинѣ; тамъ народъ убилъ въ честь твою козла, убилъ барана; я тебѣ поклоняюся сегодня. Завтра мы разстанемся. Иди грозный, волшебный король, я поклоняюсь тебѣ. Ты мнѣ далъ благоденствіе, какъ мнѣ тебя отпустить!“ Камень Чили можно видѣть и до настоящаго времени при входѣ въ каждую деревню шиповъ.

Дерево Чили, или падамъ, и до настоящаго времени привозится въ Пенджабъ, гдѣ употребляется при индусскихъ церемоніяхъ. По

свѣдѣніямъ Пржевальскаго это же дерево считается священнымъ у монголовъ и тангутовъ, сожигающихъ его вѣтви при молитвахъ*).

При всякихъ увеселеніяхъ туземцы пользуются музыкой. Въ равнинахъ и большихъ городахъ музыкальные инструменты разнообразнѣе, у горцевъ же, конечно, попроще. Въ употребленіи наичаще слѣдующіе музыкальные инструменты: 1) Нагара—пара глиняныхъ горшковъ съ затянутыми кожею отверстіями. На этомъ инструментѣ играютъ двумя небольшими прутиками. Звукъ барабановъ не особенно громкій, но тонъ ихъ настолько высокъ, что дробь далеко слышна. Нагара по виду напоминаетъ литавры, изображенныя на египетскихъ памятникахъ. 2) Корнай—большая мѣдная труба, по виду и устройству напоминающая рожокъ пастуха, но только съ широкимъ раструбомъ. Труба эта прежде служила боевымъ сигнальнымъ инструментомъ и употреблялась для воодушевленія мусульманскихъ полчищъ въ битвахъ. Теперь эта „іерихонская", какъ зовутъ ее въ шутку русскіе, труба употребляется главнымъ образомъ для созыванія гостей на семейные праздники и при общественныхъ увеселеніяхъ. Эта же труба даетъ знать туземному населенію о началѣ поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и о наступленіи годовыхъ праздниковъ—Рамазана и Курбана. На мельницахъ она своими громкими звуками оповѣщаетъ окрестныхъ жителей, что поставы освободились отъ помола. 3) Сурнай—родъ кларнета, но съ мундштукомъ отъ гобая и отверстіями безъ клапановъ. 4) Балабамъ—похожъ на сурнай, но нѣсколько короче его и съ другимъ мундштукомъ изъ дерева, безъ металлическихъ клапановъ. 5) Кошнай—двѣ дудочки изъ обыкновеннаго камыша, съ отверстіями для перемѣны звука. Во время игры музыканты держатъ обѣ дудочки рядомъ и дуютъ въ обѣ разомъ, перебирая пальцами одновременно по отверстіямъ обѣихъ частей инструмента, получившаго свое названіе отъ слова „кошъ", что значитъ пара.

Три послѣдніе инструменты имѣютъ довольно рѣзкій звукъ, но когда играетъ ихъ нѣсколько вмѣстѣ, особенно при участіи немного хриплаго кошноя, то въ общемъ получается довольно гармоничное соединеніе звуковъ. Эти инструменты постоянно въ ходу у туземцевъ и могутъ быть названы національными. Подъ звуки ихъ мусульманинъ является на свѣтъ Божій. Сурнайчи постоянно ходятъ по городу, чтобы звуками своей музыки привѣтствовать рожденіе ребенка, особенно сына. Вѣчно играющая на улицѣ дѣтвора отлично знаетъ, у кого въ махалѣ рождается въ данную минуту или только что родился ребенокъ и, какъ только музыканты появляются по близости, толпа дѣтей встрѣчаетъ ихъ и ведетъ въ домъ, гдѣ есть приращеніе семейства. Музыканты получаютъ отъ родителей ничтожное вознагражденіе и этимъ кормятся. Свадьбы также не обходятся безъ сурнайчи: когда женихъ идетъ въ домъ невѣсты, ему предшествуетъ толпа знакомыхъ и поѣзжанъ, а впереди непремѣнно идетъ сурнайчи, громко выводя свои несложные мотивы.

6) Чильманда—бубенъ съ прикрѣпленными по борту деревяннаго

*) Биддельфъ, l. c. стр. 131 и слѣд.

обруча желѣзными кольцами. Этотъ простого устройства инструментъ въ большомъ употребленіи у туземцевъ. Звуки чильманда составляютъ въ оркестрѣ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ; безъ бубна не поется ни одна туземная пѣсня, а главное безъ бубна не танцуетъ бача; чильманда—признакъ веселья; если, проѣзжая по улицѣ туземнаго города, слышенъ мѣрно отбиваемый на бубнѣ тактъ, значитъ невдалекѣ происходитъ „базмъ"—собраніе, гдѣ танцуетъ бача и гдѣ находятся его поклонники; если же тактъ бубна прерывистый, то медленный, то скорый,—значитъ на этомъ инструментѣ собираются аккомпанировать пѣвію „хафиза", прилагающаго обыкновенно всѣ усилія, чтобы возможно громче и выше спѣть оригинальную, въ большинствѣ случаевъ заунывную, пѣсню съ красивыми персидскими словами. 7) Робабъ—большая склеенная изъ орѣховаго дерева бандура съ причудливымъ корпусомъ и длиннымъ изогнутымъ грифомъ. Пять струнъ служатъ для мотива и еще штукъ десять представляютъ лады. Всѣ струны металлическія, на колкахъ. 8) Дутаръ—похожъ по строенію на мандолину; онъ тоже орѣховый, съ очень длиннымъ грифомъ и маленькимъ корпусомъ. На колкахъ двѣ металлическія струны, дающія весьма слабый, но не лишенный пріятности звукъ. 9) Си-таръ (три струны) или тамбуръ очень похожъ на дутаръ, но имѣетъ три металлическихъ струны, почему и называется си-таръ (си—по персидски значитъ три). 10) Гыджакъ—дѣлается изъ пустого кокосоваго орѣха, къ которому придѣлана дощечка для струнъ и грифъ. На этомъ инструментѣ, имѣющемъ четыре струны изъ жилъ, играютъ волосянымъ смычкомъ, поставивъ инструментъ вертикально передъ собою, какъ віолончель. Музыкантъ играетъ, какъ и всѣ другіе, сидя на корточкахъ, по азіатски. Смычекъ не имѣетъ приспособленія для постояннаго натяженія волосъ, какъ смычекъ скрипки, а дѣлаетъ это самъ музыкантъ, для чего онъ берется за смычекъ такъ, что четыре пальца правой руки приходятся между древкомъ смычка и волосомъ.

Упомянутые струнные инструменты не могутъ похвалиться ни полнотою звука, ни красотою тембра, ни обширнымъ регистромъ. Сочетаніе звуковъ тѣмъ не менѣе способно доставить своей оригинальностью удовольствіе и европейцу: слушая туземную струнную музыку, поддаешся восточной мечтательности. Она довольно сильно дѣйствуетъ на нервы. Вѣроятно, въ виду послѣдняго свойства, разсказываетъ г. Лыкошинъ, одинъ его знакомый ишанъ примѣняетъ струнную музыку для скорѣйшаго приведенія себя и своихъ мюридовъ въ состояніе экстаза.

Обыкновенно струнная музыка составляетъ украшеніе всякаго собранія туземцевъ и непримѣнную принадлежность ихъ „гаповъ" (очередныхъ угощеній). Одни ученые туземцы до сихъ поръ не допускаютъ въ своихъ домахъ этой игры, ссылаясь на неодобреніе, высказанное въ коранѣ занимающимся музыкой.

11) Кайракъ собственно не музыкальный инструментъ, а скорѣе только принадлежность оркестра; это четыре плоскихъ булыжника, которые „кайракбозъ" беретъ по два въ руку и пускаетъ ихъ очень ис-

кусно въ ходъ, какъ кастаньеты. Есть особый танецъ, который исполняютъ два кайракбоза. 12) Чангъ—представляетъ пустой прямоугольный ящикъ съ натянутыми въ большомъ числѣ металлическими струнами на колкахъ. Звуки извлекаются посредствомъ удара по струнамъ въ разныхъ мѣстахъ двумя тонкими прутиками. Инструментъ напоминаетъ гусли или цитру. Этотъ инструментъ служитъ хорошимъ дополненіемъ къ струнному оркестру*).

Инструменты музыкальные у горцевъ проще. Такъ у дарвазцевъ наиболѣе употребительными инструментами являются: ситаръ, рубобъ (робабъ въ равшанахъ), най (флейта мѣдная) и куп най (кларнетъ камышевый**). Майоръ Биддельфъ говоритъ, что у народовъ, населяющихъ Гиндукушъ, музыка состоитъ изъ барабана, въ который бьютъ палочками, двухъ или трехъ небольшихъ металлическихъ литавръ и двухъ или трехъ кларнетовъ, сдѣланныхъ изъ абрикосоваго дерева. Музыканты принадлежатъ къ кастѣ домовъ, и каждый человѣкъ, занимающій извѣстное положеніе, имѣетъ свой хоръ, который всюду его сопровождаетъ при передвиженіяхъ. Каждая деревня также имѣетъ свой хоръ***).

Мирнымъ развлеченіемъ для туземцевъ служатъ также голуби. Между ними много охотниковъ до голубей (каптаръ); они стараются переманить къ себѣ чужихъ, почему либо замѣчательныхъ голубей. Для этого они заставляютъ кружить около нихъ своихъ, и затѣмъ чтобы заманить ихъ внизъ, на крышу сакли, употребляютъ довольно своеобразный пріемъ: надъ дворомъ, на довольно высокихъ шестахъ, поднимаютъ чучела голубей, показывая видъ, что эти голуби летаютъ низко, надъ самымъ дворомъ. Иногда, вмѣсто чучелъ, поднимаютъ сдѣланныя изъ тряпокъ подобія птицъ, мало схожихъ съ дѣйствительными. Если туземецъ хочетъ для чего нибудь замѣтить голубя, то онъ продѣваетъ ему въ ноздри бѣлый или черный волосокъ.

Бои киклитовъ (горныхъ рябчиковъ) и перепеловъ составляютъ совершенно оригинальный средне-азіатскій спортъ, которому многіе туземцы предаются съ увлеченіемъ. Богатые туземцы относятся къ этимъ развлеченіямъ съ пренебреженіемъ, находя ниже своего достоинства смѣшиваться съ толпою и раздѣлять ея общественныя забавы.

Вообще же туземцы страстные охотники до боя животныхъ и птицъ: верблюдовъ, барановъ, пѣтуховъ, рябчиковъ и перепеловъ. Мѣстомъ этихъ забавъ являются или жилища частныхъ лицъ, или особые дома—каляндарь-хана или, наконецъ, чай-хана. „Каляндарь-хана“ собственно значитъ въ переводѣ домъ нищихъ; но названіе это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ „трущобы“. Понятно, здѣсь собираются только подонки населенія; болѣе состоятельные люди устраиваютъ бои птицъ въ медрессе или частныхъ домахъ. Въ пятницу утромъ, сотворивъ обычный намазъ, такой спортсменъ спѣшитъ на из-

*) Н. Лыкошинъ. „Турк. Вѣд.“ 1896 г. № 53.
**) Кузнецовъ. Дарвазъ. стр. 66.
***) Биддельфъ. l. c. стр. 114—115.

любленный сборный пунктъ. Обыкновенно ареною боя служитъ обширная яма, по отлогимъ стѣнкамъ которой, на верху и даже на окрестныхъ деревьяхъ, усаживаются зрители. Большіе, откормленные кикликп-самцы приносятся въ клѣткахъ любителями травли и становятся по срединѣ площадки. Заключаются пари, иногда на довольно круплую сумму. Затѣмъ верхушки клѣтокъ снимаются и освобождаются птицы; въ припадкѣ ревности послѣднія начинаютъ драку (урушъ). Бои устраиваются обыкновенно во время спариванія кикликовъ. Бой продолжается минутъ 5—10, иногда четверть часа, пока одинъ изъ дерущихся самцовъ не обратится въ бѣгство (качдырса), или не упадетъ отъ изнеможенія. Тогда бойцовъ разнимаютъ, садятъ въ клѣтки и кормятъ просомъ. Съ утра, въ теченіе 2—3 часовъ, успѣваетъ перебраться паръ 50—60.

Старые, опытные бойцы продаются довольно дорого, до 5—6 рублей. Иногда цѣна крупнаго, сильнаго, задорнаго самца кикликa доходитъ даже до цѣны порядочной лошади.

Бой перепеловъ (бидана) мало чѣмъ отличается отъ боя кикликовъ. Этихъ небольшихъ птичекъ владѣльцы ихъ носятъ обыкновенно не въ клѣткахъ, а за пазухой, или въ рукавѣ. Сильный перепелъ-самецъ цѣнится иногда до 3 хъ рублей *).

Игорные дома и сходбища получили право гражданства у туземцевъ. Еще въ XVIII столѣтіи въ г. Бухарѣ, по свидѣтельству одного изъ описателей Бухарскаго ханства, было нѣсколько тысячъ игорныхъ домовъ, и Шахъ-Мурадъ—одинъ изъ государственныхъ людей того времени, занявшій впослѣдствіи тронъ Тамерлана, будучи ярымъ фанатикомъ (суфи), съ толпою своихъ послѣдователей неоднократно предпринималъ экскурсіи для разоренія этихъ вертеповъ.

Съ особенной страстью, увлекающей любителей азартныхъ игръ за предѣлы всякаго благоразумія, туземцы предаются игрѣ въ кости (кумаръ), для чего служатъ бараньи кости (os talus). По законамъ анатоміи бока таранной косточки отличаются одинъ отъ другого различною конфигураціею. Игра въ эти кости состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ участниковъ беретъ 4 косточки, и поднявъ ихъ на поларшина отъ земли, выпускаетъ изъ рукъ. Если всѣ косточки при паденіи лягутъ на одинъ и тотъ же бокъ, то бросившій ихъ получаетъ выигрышъ; въ противномъ случаѣ—проигрываетъ.

Жизнь горца не слишкомъ весела: монотонна, однообразна, особенно зимой; тянутся дни за днями. Молодежь собирается на вечеринки (гоштакъ). Мѣстомъ сборища въ Каратегинѣ и Дарвазѣ служатъ приходскія мечети. Обыкновенно, по установившемуся издревле обычаю, вслѣдствіе тѣсноты домашнихъ помѣщеній горцевъ, всѣ подростки съ 10 лѣтъ и вся молодежь вообще съ вечера отправляется съ кое какой подстилкой, съ горстью топлива (поочередно), съ одной лепешкой въ сельскую мечеть, гдѣ весело по своему проводятъ время въ разговорахъ,

*) Н. Маевъ. Турк. выставка 1890 г. Ташк. стр. 45—47.

шуткахъ и пѣніи, засыпая въ повалку на полу передъ общимъ костромъ и удаляясь на разсвѣтѣ къ себѣ домой, чтобы освободить мечеть для молящихся стариковъ.

Въ горахъ эти вечеринки въ мечетяхъ во время продолжительной зимы замѣняютъ тѣ очередныя сборища, которыя устраиваются любителями во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ на артельныхъ началахъ.

Обыкновенно же забавы горцевъ состоятъ въ бѣганіи по горамъ съ терзаніемъ прирѣзаннаго козла, въ борьбѣ (гушти) силачей, въ плаваніи съ пѣснями на кожаныхъ турсукахъ (мѣшкахъ) по горнымъ бурнымъ рѣкамъ. Другихъ развлеченій у горцевъ мало, а для женщинъ и еще меньше этихъ развлеченій, потому что съ 12-ти лѣтняго возраста, сдѣлавшись женами, онѣ поглощены заботами о семьѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о призрѣніи стариковъ, къ которымъ относятся всѣ вообще съ большимъ уваженіемъ.

Изрѣдка жители ближайшихъ кишлаковъ собираются вмѣстѣ и развлекаются музыкой, танцами и пѣніемъ, которые они всѣ очень любятъ. Поводомъ для такихъ собраній большею частью служатъ свадьбы и праздничные дни. Мотивы пѣсенъ очень мелодичны и отличаются задушевностью съ непремѣннымъ оттѣнкомъ грусти. Въ пѣсняхъ отражается угнетеніе матеріальное, отчасти зависть къ живущимъ въ довольствѣ и стремленіе освободиться отъ вліянія тяжелыхъ условій жизни и несправедливостей судьбы. Воспѣвается въ нихъ также неудовлетворенная любовь какого-нибудь молодца джигита къ дѣвушкѣ, которую выдаютъ замужъ за немилаго или же какой нибудь одинокій горный цвѣточекъ.

Вотъ наиболѣе любимыя пѣсни горцевъ въ четыре стиха:

Потомки благородныхъ семействъ, чистыхъ, какъ серебро, теперь хуже заржавленнаго желѣза.

Нищій, бродившій изъ дома въ домъ, превратился въ богача и ѣстъ сахарныя лакомства.

Старая лисица была ничтожнѣе шпака и собаки,—посмотришь, превратилась теперь въ тигра.

Пользовавшійся когда то объѣдками, сдѣлался важнымъ гордымъ шахомъ.

Щедрый человѣкъ, раздававшій всегда хлѣбъ нуждающимся, самъ сдѣлался нищимъ и не встрѣчаетъ помощи; въ это время нѣтъ ни совѣсти, ни стыда.

У лошадей завязаны рты и онѣ не ржутъ, а откормленный быкъ реветъ во все горло.

Кромѣ этихъ морализующихъ пѣсенъ, есть немало и веселыхъ куплетовъ, воспѣвающихъ о жизни цвѣтовъ, о прелести голоса влюбленнаго соловья, о семейной заботливости голубя.

Въ Гильгитѣ, Хунзѣ и Нагерѣ пѣсни, за немногими исключеніями, воинственнаго характера и воспѣваютъ подвиги правителей. Хотя народъ Хунзы и Нагера говоритъ по бурушки, пѣсни его на языкѣ ши-

на, такъ какъ народный языкъ не пригоденъ для поэтическихъ произведеній. Пѣсни шина грубы; онѣ представляютъ нѣсколько рѣзкихъ образовъ, плохо связанныхъ между собою и часто повторяющихся съ утомительнымъ однообразіемъ.

Праздники, рожденіе, свадьбы и всякія собранія служатъ предлогомъ для танцевъ. Зрители становятся въ кругъ, внутри котораго музыканты садятся напротивъ старшихъ изъ присутствующихъ. Инструменты настраиваютъ, а въ кругу совѣщаются, кто будетъ танцевать. Наконецъ останавливаются на какомъ-нибудь, или же входитъ внутрь круга охотникъ и, давъ знакъ музыкантамъ, начинаетъ. Есть нѣсколько фигуръ, каждой изъ которыхъ соотвѣтствуетъ особая музыка: дунни, созъ, балосъ (скардо), тупнутъ, тадживеръ, сарыкольскій и кашмирскій танцы. Почти всѣ они начинаются тихо, затѣмъ ускоряются, пока, наконецъ, танцующій не дойдетъ до наибольшей возможности быстроты; уставшаго смѣняютъ новые; часы проходятъ, а забава не надоѣдаетъ ни исполнителямъ, ни зрителямъ. Танцующій выдѣлываетъ ногами мелкія па, изгибается довольно граціозно корпусомъ въ разныя стороны, жестикулируя руками и ударяя въ тактъ кастаньетами.

Въ Хунзѣ исполняется очень оживленный танецъ съ мечами. Иногда два или три танцора входятъ въ кругъ вмѣстѣ; одинъ исполняетъ роль руководителя. На свадьбахъ присоединяются еще 10 или 12, каждый съ мечомъ или сѣкирою. Публичные танцы мужчинъ и женщинъ совмѣстно, въ настоящее время, остались только въ Хунзѣ.

Въ Читралѣ и Ясинѣ ашмадеки выказываютъ презрѣніе къ танцамъ и не принимаютъ участія въ нихъ; впрочемъ, правители этихъ странъ держатъ для забавы танцующихъ мальчиковъ.

Общественной жизни въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы, горные таджики, разумѣется, не знаютъ, а вслѣдствіе отсутствія базаровъ они почти совершенно незнакомы съ базарной жизнью туземцевъ равнинъ, которые проводятъ нерѣдко дни и ночи въ чай-хана, гдѣ всегда можно встрѣтить большое общество и за чашкой чая и за кальяномъ, узнать всевозможныя новости, до которыхъ восточные люди большіе охотники. Рѣдкость населенія, разбросанность кишлаковъ на большомъ сравнительно разстояніи, а главное, постоянныя работы—лишаютъ таджиковъ возможности пользоваться обществомъ и заставляютъ ихъ проводить большую часть времени дома, на своемъ полѣ, или въ своей хатѣ, въ кругу своей семьи. Имѣя, безспорно, хорошія стороны, такой образъ жизни вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ тому, что у таджиковъ вырабатывается характеръ замкнутый и крайне недовѣрчивый.

На лѣто городское населеніе равнинъ покидаетъ города и переселяется въ загородные сады и на дачи. По пятницамъ остающіеся въ городѣ также спѣшатъ уѣхать за городъ. Здѣсь и тамъ между садами раскинулись овощныя, хлопковыя, рисовыя и другія хлѣбныя плантаціи; дороги между садами обсажены тутовымъ деревомъ въ перемежку съ вербой и вязомъ,—арыки, крутыя балки, закрытыя зеленью мелочныя лавки на перекресткахъ и чай-хане, постоянное движеніе, особен-

во въ базарные дни, все это придаетъ прелесть и оживленіе загородной жизни лѣтомъ и настраиваетъ на поэтическій ладъ. По словамъ до морощеннаго поэта.

Тополи страстно рядами,
Обнявшись вѣтвями, стоятъ,
И вересклъ съ густыми кудрями
Роскошный чинаръ, виноградъ...
Забывъ про горе—неволю,
Забывъ про супружескій гнетъ,
Восточная женщина въ волю
Въ садахъ беззаботно поетъ.

Въ садахъ и поклонникъ пророка
Мѣняетъ свой пасмурный видъ:
Вокругъ его роща востока
Немолчно шумитъ и гудитъ.
И персикъ на солнцѣ сверкаетъ,
И алая вишня видна,
И громко въ тѣни распѣваетъ
Его молодая жена.

31. Заболѣваемость таджиковъ.

Относительно заболѣваемости равнинныхъ таджиковъ существуетъ довольно значительный матеріалъ, такъ какъ характеръ заболѣваемости этихъ таджиковъ вполнѣ совпадаетъ съ заболѣваемостью вообще туземнаго населенія равнинъ. Этотъ матеріалъ намп былъ разработанъ въ книгѣ „Сарты“.

Что же касается заболѣваемости горныхъ таджиковъ, то по этому предмету существуютъ только отрывочныя свѣдѣнія путешественниковъ, отмѣчавшихъ попутно только то, что прямо бросалось въ глаза. Существуетъ только одно болѣе обстоятельное наблюденіе, произведенное въ Шугнанѣ и это наблюденіе принадлежитъ доктору Аверкіеву*). Этими данными др. Аверкіева, произведенными систематически въ теченіе 17 мѣсяцевъ, мы и воспользовались. За 17 мѣсяцевъ къ др. Аверкіеву за врачебной помощью обращалось 411 больныхъ, сдѣлавшихъ 2105 посѣщеній, т. е. въ среднемъ по 5 посѣщеній на каждаго. Изъ 411 больныхъ на долю мужчинъ и мальчиковъ приходится 350, женщинъ и дѣвочекъ—61.

Наибольшій процентъ заболѣвшихъ падаетъ на возрастъ отъ 11 до 20 лѣтъ (26,41%). Первое, третье и четвертое десятилѣтія болѣютъ почти одинаково (до десяти лѣтъ 17,32%, отъ 21 года до 30 лѣтъ—17,02% и отъ 31 года до 40 лѣтъ—16,10%. Послѣ четвертаго десятка число заболѣваній уменьшается (отъ 41 года до 50 лѣтъ 13,95%, отъ 51 года до 60 лѣтъ 5,77%, отъ 61 до 70 лѣтъ 0,91% и болѣе 70 лѣтъ 1,51%. Маленькихъ паціентовъ, до одного года, было принесено только трое, что составитъ на общее число больныхъ 0,91%.

По временамъ года всѣ больные распредѣляются такъ: весною—30,17%, лѣтомъ—25,61%, осенью—23,50%, а зимою наблюдается теченіе заболѣваній 20,70%. Состояніе погоды и дорогъ имѣетъ существенное вліяніе на обращаемость больныхъ къ врачебной помощи. Съ улуч-

*) Врачебная помощь Памирскому населенію „Турк. Вѣд.“ 1905 г. № 173, 185 и 186.

шеніемъ этихъ послѣднихъ, т. е. весною и лѣтомъ, увеличивается число приходящихъ больныхъ.

По мѣсту жительства наибольшее число больныхъ дали три кишлака—Нижній Хорогъ, Поршинпъ и Верхній Хорогъ; эти кишлаки дали 75,07% общей суммы больныхъ. Такое огромное сравнительно количество посѣщеній объясняется просто тѣмъ, что изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Шугнана эти именно кишлаки находятся ближе всѣхъ къ мѣсту жительства врача; самый дальній изъ нихъ лежитъ въ 16 верстахъ отъ Хорога (амбулаторнаго пункта).

По характеру заболѣваній наибольшій контингентъ больныхъ дали паразитическія болѣзни кожи, а именно 20,36% всѣхъ больныхъ. Такъ какъ единственными представителями названной группы являются накожныя болѣзни—чесотка и парша, то сюда же съ полнымъ правомъ можно присоединить и данныя объ остальныхъ заболѣваніяхъ кожи и подкожной клѣтчатки.

Въ такомъ случаѣ получится внушительная цифра кожныхъ болѣзней, составляющая 38,90% общаго числа зарегистрированныхъ у шугнанцевъ болѣзней. Громадному накопленію этого рода болѣзней у шугнанцевъ способствуютъ тѣ бытовыя условія, среди которыхъ приходится имъ жить, а именно—нищета, тѣснота жилищъ, личная неопрятность и вообще грязь

Второе мѣсто по числу больныхъ занимаютъ травматическія и термическія поврежденія (16,71%). Входящіе въ составъ этой группы ушибы и ранепія относятся къ числу обычныхъ поврежденій рабочаго люда. Ожоги, составляющіе 1/7 всѣхъ случаевъ, наблюдались только зимою и при томъ исключительно у маленькихъ дѣтей, благодаря примитивному устройству туземныхъ печей и безпризорности малолѣтокъ.

Слѣдующее мѣсто по количеству заболѣваній принадлежитъ общимъ заразнымъ болѣзнямъ. Больныхъ этой группы было 14,28% общаго ихъ числа. Благодаря относительной чистотѣ горнаго воздуха и воды, которую берутъ изъ быстро текущихъ горныхъ рѣчекъ, здѣсь совсѣмъ не наблюдается тѣхъ заразныхъ болѣзней, для передачи которыхъ требуется содѣйствіе этихъ элементовъ. Несмотря на плохія условія гигіеническія и болѣе чѣмъ скудное питаніе таджиковъ, др. Аверкіеву не пришлось встрѣтить ни одного больного бугорчаткой. Изъ заразныхъ болѣзней наибольшее число случаевъ приходится на перемежную лихорадку.

Весьма значительный процентъ общаго числа заразныхъ заболѣваній падаетъ также на сифилитическія болѣзни. По разсказамъ старожиловъ западнаго Памира до начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія „бадъ-мараза“ небыло ни въ Вахапѣ, ни въ Рушапѣ, ни въ Шугнапѣ. Когда же въ началѣ 80 годовъ названныя ханства завоеваны были афганцами, таджики массами бѣжали въ Бухару и вернулись обратно на родину лишь послѣ изгнанія афганцевъ русскими въ началѣ 90-хъ годовъ. Эти то бѣглецы и занесли сюда сифилисъ изъ Бухары. Передается послѣдній среди таджиковъ почти исключительно внѣ половымъ

путемъ. При той ужасающей обстановкѣ, въ которой живетъ таджикъ (скученность, пользованіе общей посудой для пищи и питья, личная неопрятность) этотъ способъ передачи сифилитическихъ болѣзней является наиболѣе опаснымъ въ смыслѣ легкости зараженія ими, а равно быстроты и широты распространенія ихъ среди населенія. Огромное распространеніе сифилитическихъ болѣзней и внѣполовой путь ихъ передачи не создалъ здѣсь сифилису репутаціи „срамной“ или „секретной“ болѣзни. Таджики его не скрываютъ, напротивъ, скорѣе даже пересаливаютъ, называя „маразомъ“ самыя разнообразныя, часто невинныя кожныя сыпи. Другихъ венерическихъ болѣзней—перелоя и мягкаго шанкра—у таджиковъ не существуетъ.

Четвертое мѣсто по числу больныхъ принадлежитъ болѣзнямъ органовъ пищеваренія, составляющимъ 9,72% всѣхъ заболѣваній. Причины, вліяющія на большое сравнительно распространеніе этихъ заболѣваній между таджиками, кроются въ плохомъ и недостаточномъ питаніи, а равно въ употребленіи въ пищу крайне неудобоваримыхъ веществъ. На это, между прочимъ, указываетъ и значительное количество желудочно-кишечныхъ катарровъ преимущественно затяжнаго хроническаго характера (треть всѣхъ болѣзней пищеварительнаго аппарата). Болѣзни зубовъ здѣсь не такъ часты, какъ на восточномъ Памирѣ.

Изъ прочихъ болѣзней по числу больныхъ заслуживаетъ упоминанія болѣзни органовъ зрѣнія и слуха. Почти три четверти глазныхъ заболѣваній приходится на долю конъюнктивитовъ. Какъ на причины происхожденія этихъ послѣднихъ слѣдуетъ указать на дымъ отъ противнаго устройства печей, на пыль отъ неотштукатуренныхъ, сложенныхъ изъ земли и камня стѣнъ и отъ земляныхъ половъ и на нецѣлесообразный въ гигіеническомъ отношеніи головной уборъ мужчинъ, не защищающій глазъ отъ вреднаго вліянія сильнаго солнечнаго свѣта.

Среди ушныхъ болѣзней преобладаютъ хроническія воспаленія средняго уха съ гнойнымъ истеченіемъ.

Болѣзни дыхательныхъ органовъ встрѣчаются рѣдко. Въ происхожденіи этихъ формъ заболѣваній замѣтную роль играетъ, такъ называемая, простуда. Да и какъ не простудиться, когда туземныя жилища совсѣмъ не приспособлены для зимняго времени, а теплая одежда и обувь таджиковъ изъ рукъ вонъ плоха: многіе едва одѣты и почти босы.

Др. Аверкіевъ указываетъ въ Шугнанѣ на существованіе только двухъ эпидемическихъ болѣзней—корь съ краснухой и натуральную оспу, заносимыя сюда по временамъ, довольно впрочемъ рѣдко, изъ Бухары черезъ Рушанъ и распространяющіяся по наиболѣе бойкимъ путямъ сообщенія. Эти болѣзни щадятъ лишь тѣ селенія, которыя затерялись гдѣ нибудь въ глуши далекихъ горныхъ ущелій. Страхъ передъ чѣмъ то таинственнымъ, непонятнымъ, какъ-бы роковымъ въ возникновеніи и распространеніи эпидемій заставляетъ таджика опускать въ безсиліи руки. Онъ видитъ въ эпидемическихъ болѣзняхъ проявленіе гнѣва Божія и считаетъ грѣхомъ всякую борьбу съ ними. Изъ средствъ борьбы съ такою эпидемическою болѣзнью, какъ оспа, можетъ имѣть

успѣхъ у таджиковъ, пожалуй, только одно,—предохранительныя прививки. Путемъ простого наблюденія, что разъ перенесшій оспу вторично ею не заболѣваетъ, они дошли до признанія пріобрѣтенной невосприимчивости, а отсюда нетрудно было додуматься и до оспариванія, которое существуетъ у нихъ въ самой примитивной формѣ. Обыкновенной швейной иглой дѣлается царапина на тыльной поверхности кости и на нее наносится взятый съ больного распадъ оспенной пустулы, который втирается въ царапину пальцами.

Что эпидеміи достигаютъ значительной силы и распространенія, объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ правда, не вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, которыя удалось добыть др. Аверкіеву относительно господствовавшей на Шахъ-дарѣ зимою 1902—1903 годовъ коревой эпидеміи. Оказывается, что изъ 22 кишлаковъ Шахъ-даринской волости захвачено ею было 18, причемъ на 4206 человѣкъ жителей обоего пола зарегистрировано 140 случаевъ кори, или 33 на тысячу здоровыхъ. Смертныхъ исходовъ отмѣчено 29, что составляетъ 20,71% общаго числа коревыхъ больныхъ и 25,21% всей смертности на Шахъ-дарѣ за 1903 годъ (115 смертей). Если же принять во вниманіе только дѣтское населеніе этой волости (корью болѣли почти исключительно дѣти, и среди 140 коревыхъ была лишь одна взрослая женщина), то названная эпидемія окажется еще болѣе грозной. Въ волости числилось 1772 дѣтей, и процентное отношеніе числа заболѣвшихъ на тысячу здоровыхъ дѣтей будетъ 78,44, а число смертей 16,36. Процентное отношеніе смертностей отъ кори къ общей дѣтской смертности (80 смертей) выразится высокой цифрой 36,25.

Нужно о заболѣваемости еще добавить, что среди горныхъ таджиковъ встрѣчаются завзятые курильщики опіума.

А. Шишовъ.

Литература.

Робертъ Ша. Очерки верхней Тамаріи, Яркенда и Кашгара. СПБ. 1872 г. Географическое распространеніе потомковъ арійцевъ въ В. Туркестанѣ и Памирѣ; ихъ языкъ.

А. И. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. СПБ. 1890 г. Прародина арійцевъ, разселеніе арійцевъ.

А. Вамбери Путешествіе по Средней Азіи. СПБ. 1865 г. Нѣсколько словъ о таджикахъ Бухары, достигшихъ теперь высокой степени ничтожества и порока.

Н. М. Пржевальскій. Отъ Кяхты до истоковъ Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь чрезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима. 4-ое путеш. въ центральной Азіи. СПБ. 1888 г. Общая характеристика азіатовъ; этнографія каракурчинцевъ, особено племени мачинъ какъ горныхъ, такъ и долинныхъ.

Яворскій. Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. т. 1 и 2. (Во II т. сказано только: таджиковъ наберется едва-ли болѣе 100000. Они лучше сохранились въ южныхъ, гористыхъ частяхъ округа, особенно въ Бадахшанѣ. Затѣмъ описаны въ общихъ чертахъ занятія вообще жителей края.

Быковъ. Очеркъ долины Зеравшана. Ташк. 1880 г. При исчисленіи количества обработанныхъ земель и количество населенія—таджики не выдѣлены.

В. Веселовскій. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. СПБ. 1877 г. Происхожденіе юечжей, какъ древнихъ арійцевъ.

И. В. Мушкетовъ. Туркестанъ СПБ. т. I. Первая половина этого тома посвящена критическому обзору изслѣдованій Туркестана съ древнѣйшихъ временъ по 1884 г.

А. П. Хорошхинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края СПБ. 1876 г. О таджикахъ въ статьѣ „Самаркандъ“ и „Народы Средней Азіи“.

Г. А. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ 1874—1889 г. СПБ. 1889 г. О народномъ судѣ, метеорологическихъ познаніяхъ, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ туземцевъ долинныхъ и горныхъ.

Н. Маевъ. Туркестанская выставка, 1890 г. Путеводитель по выставкѣ и ея отдѣламъ. Ташк 1890 г. Промыслы: земледѣліе, садоводство, охота.

А. Ѳ. Костенко. Туркестанскій край, СПБ. 1880 г. [illegible]. Въ I томѣ климатъ края; болѣзни, свойственныя краю; этнографическія данныя, преимущественно касающіяся киргизъ и сартовъ, характеристика жилищъ и населенныхъ пунктовъ. Въ III т. земледѣліе, промыслы и ремесла.

А. Вамбери. Очерки Средней Азіи. Москва 1868 г. Этнографія туранскихъ и иранскихъ племенъ Средней Азіи. Болѣе подробно говорится о туркахъ. О таджикахъ: происхожденіе ихъ, типъ, характеристика, умственныя способности и происхожденіе слова „таджикъ".

И. Позднѣевъ. Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ 1886 г. Религіозныя теченія у иранцевъ до мусульманства; отличіе шіизма отъ суннизма.

Варскій. Антропол. выставка 1879 г. Подъ ред. Богданова т. III. О типѣ таджиковъ.

Ю. Д. Южаковъ. Сарты или таджики. Отеч. Зап. 1867 г. т. 173.

А. Гребенкинъ. Таджики. (сборн. „Рускій Туркестанъ" вып. 2 Москва 1872 г.

Путята. Очеркъ экспедиціи въ Памиръ, Сарыконъ, Вахань, и Шугнанъ 1883 г. Оффиц. отчетъ. Объ этнографическихъ особенностяхъ населенія.

Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго ханства СПБ. 1893 г. Описаніе повѣрій таджиковъ.

Минаевъ. Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. Изв. И. Р. Г. Общ. 1879 г.

В. В. Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ СПБ. 1871 г. стр. 781 и 805.

Ивановъ. Путешествіе на Памиръ Изв. И. Р. Г. О. вып. 3 1884 г. стр. 209—252.

Соч. монаха Іакинѳа. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи СПБ. 1857 г. особенно часть III.

Іоганнъ Гаури. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Ташк. 1893 г.

Стэнли Лэнъ-Пуль. Мусульманскія династіи. СПБ. 1899 г.

В. Наливкинъ. Краткая исторія Коканскаго ханства. Казань. 1885 г.

П. А. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. СПБ. 1897 г.

[illegible]. Земля и люди т. VI.

Коропаткинъ. Кашгарія или Восточный Туркестанъ. Опытъ военно-статистическаго описанія. Ташк. 1903 г.

А. Н. Куропаткинъ. Кашгарія. Историко-географическій очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля. СПБ. 1879 г.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. СПБ. 1895 и 1896 г. 4 тома (особенно т. II).

Майоръ Виддель.фъ. Народы населяющіе Гинду-Кушъ. Асхабадъ. Географическое распространеніе гальчей на югъ отъ Памира, нравы и обычаи, праздники, религіи пришлыя и настоящія. Приложена подробная карта—на владѣнія на югъ отъ Памира, особенно по р. Инду.

И. Нафаль. Курсъ мусульманскаго права вып. I 1886 г.

Фанъ-деръ-Вергъ. Основныя начала мусульманскаго грава СПБ. 1882 г. Хидая, комментаріи мусульманскаго права т. II. к н. XV.

Снѣсаревъ. Сѣверо-индійскій театръ. ч. I. Ташк. 1903 г. стр. 118 и 119.

Заборовскій	Европейское происхожденіе арійцевъ. Вѣстникъ Зн. 1904 г. № 5.
А. Серебренниковъ	Очерки Памира. Военный Сб. 1899 г. Августъ.
Торнау.	Особенности мусульманскаго права. 1886 г.
Мухаммадъ Наршахи.	Исторія Бухары. Перев. Лыкошина подъ ред. Бартольда. Ташк. 1897 г.
Бартольдъ.	Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи. Средне-азіатскій вѣстникъ. 1896 г. Іюль.
Ибрагимовъ	Древняя и Новая Россія. 1876 г. № 9.
А. Е. Крымскій.	Очеркъ развитія суфизма. Москва 1895 г. стр. 28 въ примѣчаніи, а также стр. 47.
Кэмпель.	Поземельные вопросы въ Индіи.
Мэнъ.	Деревенскія общины на востокѣ и западѣ. СПБ. 1876 г.
Гордонъ.	Путешествіе на Памиръ. Изв. И. Р. Г. О. 1877 г. № 6 стр. 24.
Ханыковъ.	Объ Этнографіи Персіи
Кушпецовъ.	Дарваз. Рекогносцировка 1893 г. Новый Маргеланъ.
Гр. А. А. Бобринскій.	Секта Исманлія въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Этнограф. Обозр. 1902 г. № 2.
В. Ф. Новицкій.	Поѣздка на хребетъ Петра Великаго лѣтомъ 1903 г. Изв. И. Р. Г. О. т. XL 1904 г. вып. 1—11.
Карлъ Риттеръ.	Землевѣдѣніе Азіи. Пер. Семенова СПБ. 1859 г. Исторія и Этнографія усуней—голубоглазыхъ и русскихъ арійцевъ на Или.
К. Риттеръ.	Иранъ СПБ. 1874 г. О происхожденіи таджиковъ, краткая характеристика таджиковъ. Обиталище и языкъ доисторическихъ арійцевъ.
К. Риттеръ.	Восточный Туркестанъ. СПБ. 1869 и 1873 г. Дополненія Григорьева.
К. Риттеръ.	Землевѣдѣніе Азіи. Кабулистанъ и Кафирнигалъ. СПБ. 1867 г. стр. 781 и 805.
К. Риттеръ.	Т. I стр. 558. т. IV стр. 168; т. VII стр. 714 Дизики=Ταζικοί=таджики; т. I стр. 192. Райская земля китайцевъ сравн. т. V стр. 336.
Природа и Люди 1880 г. № 11.	Статья „Народы Россіи“; отношеніе таджиковъ къ религіи и шаманамъ.
Записки восточнаго отдѣла.	VIII, 5 О борьбѣ зороассеризма съ буддизмомъ въ Средней Азіи передъ мусульманствомъ. III, 155—156 тоже. VIII, 9 о принятіи ислама караханидами. II, 275 Завоеваніе Мавераннагра караханидами. X, 105 и слѣд. образованіе имперіи Чингизъ-хана. VIII, 20—21 о колоніяхъ Мавераннагра въ степи.
Памятная книжка.	Семир. обл. стат. ком. т. II стр. 83, 89 о колоніяхъ Мавераннагра въ степи. II, 102 и слѣд. о Кара-китаяхъ.
В. В Григорьевъ.	О Греко-Бактрійскомъ царствѣ. Журн. мин. нар. пр. 1867 г.
В. В. Григорьевъ.	Комментаріи на описаніе народовъ Александра Македонскаго, описан. Квинтомъ, Курціемъ и Арріаномъ, что касается Туркестана. Журн. мин. народн. пр. 1881 г. сент. и октябрь.
В. Н. Зайцевъ.	Памирская страна центръ Туркестана. Ежегодникъ Ферганск. обл. т. II вып. 1903 г.
А. Г. Серебренниковъ.	Памиръ. Ежегодникъ Ферганской области, т. I вып. 1902 года.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодники вып. 1, 2, 3, 5.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской обл. т. III, V, VI, VII, VIII и X.

Справочная книжка — Самарк. обл. 1897 г. вып. V подъ ред. М. Вирскаго. Н. Д. Кирпичниковъ. Краткій очеркъ нѣкоторыхъ туземныхъ промысловъ въ Самаркандской области. 1) Гончарный промыселъ. 2) Чугунно-литейный промыселъ. 3) Кузнечный промыселъ. 4) Выдѣлка кальяновъ и кумгановъ. 5) Столярный промыселъ. 6) Сѣдельный промыселъ. 7) ткацкій промыселъ. 8) Шелкоткацкій промыселъ. 9) Крашеніе шелка. 10) Кубовое крашеніе. Н. П. Петровскій. Ирригація. Туземная единица объема воды и способы дѣленія ея.

Турк. Вѣд. 1870 г. — Неизвѣстнаго автора о школьномъ образованіи у мусульманъ Средней Азіи № 30.

Турк. Вѣд. 1870 г. — М. Ростиславцевъ. О настоящемъ положеніи мусульманскихъ школъ въ Зеравшанскомъ округѣ. № 31. А. А. Кунъ. Мусульманскія школы № 37. Неизвѣстн. авт. Гальчи или горные таджики (языкъ, бытъ занятія) № 41. А-ренко. Замѣтка по сельскому хозяйству въ нагорныхъ тюменяхъ Зеравшанскаго округа № 42. О школьномъ образованіи у мусульманъ Средней Азіи (о высшихъ школахъ № 47 и 48.

Турк. Вѣд. 1877 г. — Географическій очеркъ Гиссарскаго края и Кулябскаго бекства. № 7 и 8. Ср. Коротковъ. Поѣздка въ горы Фальгара, Ягноба и на Искандеръ-Куль №№ 30, 31 и 32. Краткое описаніе быта таджиковъ Фальгара и Ягноба.

Турк. Вѣд. 1878 г. — Ю. Казбековъ. Мусульманскій праздникъ Уйди-шерифи-Рамазанъ или Уйдунъ-Кабиръ № 1 и 2 Порядокъ богослуженія, нѣкоторые обычаи и вѣрованія. Поѣздка въ Фальгарскую и Матчинскую волость № 43. Преступленія и пороки горцевъ, калымъ и положеніе женщины. Сказано кратко.

Турк. Вѣд. 1881 г. — Ш. Акимбетевъ. Очерки Когистана. Указаніе волостей, входящихъ въ составъ Когистана, число жителей, земледѣліе, садоводство, скотоводство, землевладѣніе, орошеніе полей и промыслы. Языкъ горныхъ таджиковъ. № 2 и 3. Искандеръ-тюри. Свѣдѣнія объ ягноубскомъ народѣ. Матеріалы для изслѣдованія ягноубскаго языка № 3 и 4. М. Михайловъ. На судѣ казіевъ №№ 17, 18 и 19.

Турк. Вѣд. 1885 г. — Древній усуньскій городъ на берегу Иссыкъ-куля. № 7. М. Міротіевъ. Хаджъ, религіозное путешествіе мухамеданъ въ Мекку. Историческія свѣдѣнія о шаріатѣ, значеніе слова „Хаджъ“ и подробное описаніе обрядовъ при совершеніи Хаджа. №№ 23, 24 и 25. Г. Къ вопросу о земледѣліи въ Туркестанскомъ краѣ №№ 26, 27, 28 и 29. Критика проекта положенія объ управленіи краемъ въ его части, касающейся землевладѣнія въ краѣ. Г. О пользованіи водою по мусульманскому праву. Изложено по книгѣ Хидая. № 30.

Турк. Вѣд. 1886 г. — Н. Емельяновъ. Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Характеръ и родъ преступленій. № 11 М. Федоровскій. Изъ Ферганской области. Юридическія замѣтки. По поводу статьи Емельянова, помѣщенной въ № 11. Замѣтка-мнѣніе шаріата о преступленіяхъ противъ нрав-

ственности № 17. Г. Постановленія мусульманскаго законодательства о дольщикахъ. 1) О съемкѣ садовъ изъ доли. 2) Объ обработкѣ земли изъ части урожая. Изложено по книгѣ Хидая № 33 и 35.

Турк. Вѣд. 1887 г. Н. Емельяновъ. Численность вакуфовъ Туркестанскаго края № 2. Н. Дингельштедтъ. Пользованіе водою по обычаю. №№ 16, 17 и 18 Г. Вакфъ Изъ книги Хидая № 38 и 39. Что такое вакфъ и какія имущества можно считать вакуфными, по толкованію восточныхъ правовѣдовъ. Н. Енгельгардтъ, Культурные очерки Ферганы (по А. Ф. Миддендорфу). №№ 40, 41, 42, 43 и 44.

Турк. Вѣд. 1889 г. А. Прошевскій. Покрывала мусульманской женщины. № 11. Переводъ изъ Revue Scientifique № 2 1888 г. Замѣтка д'Естрэ. Доказываетъ, что покрывала мусульманокъ носятся не по закону пророка, а по обычаю. В. Наливкинъ. Школа у туземцевъ Средней Азіи № 32. Общій эскизъ народнаго образованія у мусульманъ и доказательство, что современная школа у мусульманъ Туркестана даетъ своимъ воспитанникамъ очень мало. Н. Аристовъ. Западный Туркестанъ въ VII ст. по описанію китайскаго путешественника Сюань-Цзаня №№ 38, 39 и 40. Характеристика жителей Самарканда, Ферганы, Осрушны и Тохиристана; ихъ наружные признаки, религія и бытъ.

Турк. Вѣд. 1892 г. В. Гад—скій. Воспоминанія объ Алаѣ и Памирѣ. №№ 18 и 19. Этнографическія замѣтки о киргизахъ Памира и горцахъ Дарваза, Шугнана, Рошана, Каратегина и Гиссара.

Турк. Вѣд. 1893 г. Путешествіе Виддемера по Закаспійскому краю № 32 и 41. Нѣсколько словъ характеристики таджиковъ Самарканда и Бухары. Н. Васильевъ. Къ вопросу о школьномъ образованіи у современныхъ мусульманъ № 6, 7 и 8. Описаніе медрессе Карауэнъ въ Фецѣ. Науки слѣдующія: 1) толкованіе на коранѣ и наука о чтеніи корана; 2) основныя положенія права; 3) обычай; 4) право вообще; 5) грамматика; 6) риторика, обнимающая собою словосочетаніе, словорасположеніе и украшеніе рѣчи; 7) логика; 8) просодія; 9) ариѳметика; 10) астрологія; 11) метафизика; 12) куфизмы; 13) лексикографія; 14) грамматическія производства словъ; 15) теологія; 16) исторія и географія; 17) медицина; 18) практическое законодательство; 19) изящная словесность; 20) таинственныя числа и опредѣленіе посредствомъ вычисленій вліянія ангеловъ, духовъ и звѣздъ на человѣка; открытіе именъ побѣдителей и побѣжденныхъ, желаемыхъ предметовъ. Выборъ профессоровъ и предметовъ предоставленія неограниченно студентамъ. Характеръ преподаванія схоластическій.

Турк. Вѣд. 1894 г. В. Баньковскій. Съ Памировъ. Съ Шаджана въ Рошанъ и обратно. № 13 и 14. Этнографическія замѣтки о горцахъ Рошана. Серъ-Али-Лашинъ. О значеніи и происхожденіи слова „сартъ“ (по поводу замѣтки В. Бартольда) №№ 36, 38 и 39. Александръ Македонскій въ Туркестанѣ. Пер. § 18 труда г. Шварца „Alexander des grossen Seldzuge in Turkestan“. Объясненіе происхожденія слова „скиѳы“. № 56. Н. Юхновскій. Нѣсколько словъ объ условіяхъ жизни въ горахъ Дарваза и въ долинѣ рѣки Baura. Замѣтки

об экономическомъ бытѣ жителей № 65. Кафиристанъ. Географическая замѣтка № 66.

Турк. Вѣд. 1895 г. Всемірный потопъ и великое переселеніе народовъ. № 7. Статья является передачей содержанія въ главныхъ чертахъ труда Sraus u. Schwazz'a Jündfluth und Voelkerwanderung. Объясняетъ потопъ прорывомъ Монгольскаго моря горъ Алатау и послѣдовательнымъ затопленіемъ его водами Западнаго Туркестана, юга Россіи, вмѣстѣ съ гибелью населенія. Кап. Александровичъ Краткій очеркъ Шугнана по даннымъ рекогносцировки 1894 г. Географическій очеркъ № 12. В. Бартольдъ. Еще о словѣ „сартъ". № 30. Нѣсколько словъ о происхожденіи слова „таджикъ".

Турк. Вѣд. 1898 г. Краткій обзоръ современнаго состоянія и дѣятельности мусульманскаго духовенства, разнаго рода духовныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній туземнаго населенія Самаркандской области. №№ 60, 61, 62, 63 и 64. С. Еникеевъ. Нѣсколько словъ о народныхъ судахъ. Отмѣчены темныя стороны народнаго суда. № 86.

Турк. Вѣд. 1896 г. Рефератъ сообщенія В. В. Бартольда „Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи" въ эпоху арабскаго завоеванія, сдѣланнаго въ засѣд. Турк. кружка любит. археол. № 43. А. Серебренниковъ. Рекогносцировка Шугнана въ 1894 г. №№ 50, 55, 56, 58 и 61. Краткія свѣдѣнія о жизни и обычаяхъ горныхъ таджиковъ. Н. Лыкошинъ. Туземная музыка № 53. Описаніе туземныхъ музыкальныхъ инструментовъ С. Б. Народные суды Туркест. края № 81. Присяга и лжесвидѣтельство мусульманъ въ русскихъ судахъ.

Турк. Вѣд. 1897 г. Н. Лыкошинъ. Таъунъ. № 8. Происхожденіе, клиническое теченіе и леченіе чумы, по книгамъ мусульманскихъ ученыхъ. В. В. Науруэъ въ Самаркандѣ № 14. Новогодній обычай, подробное описаніе его празднованія. Золотопромышленность въ Бухарскомъ ханствѣ. Описаніе этого промысла въ бекствахъ восточной горной Бухары № 49.

Турк. Вѣд. 1899 г. Русско-туземныя и мусульманскія школы. Отчетъ № 1. Азартныя игры среди туземцевъ № 11. Н. Щербина-Крамаренко. Въ горахъ Гиссарскаго хребта. №№ 43, 46 и 47. Между прочимъ, описана пещера Хозрета Исхакъ Пайгамбаръ близъ кишлака Макшевата. М. О. Андреевъ. Вахіе № 93. Краткое описаніе обрядовъ при рожденіи, обрѣзаніи, сватовствѣ и свадьбѣ.

Турк. Вѣд. 1900 г. Н. Маллицкій. Надпись изъ Рушана. Указаніе на бывшее раздѣленіе горцевъ на классы и вѣрованія ихъ въ духовъ. № 6. Н. Лыкошинъ. Индульгенція и „фидія". Обычай расплачиваться деньгами или милостыней за совершенные грѣхи. № 7. Серъ-Али-Лапинъ. Нѣсколько словъ о присягѣ съ точки зрѣнія русскаго процессуальнаго законодательства въ связи съ ученіемъ шаріата № 73. С. Граменицкій. Инородческое образованіе въ Туркестанскомъ краѣ. №№ 6, 8, 9 и 10. Н. Остроумовъ. Исторія текста корана №№ 46, 47, 51, 52, 55, 57, 60, 62, 66 и 70.

Турк. Вѣд. 1901 г. Вакуфный вопросъ въ Ферганской области. Сдѣлано перечисленіе вакуфовъ въ области, и сколько изъ нихъ могутъ въ доказательство своего существованія предста-

вить ханскихъ грамотъ. № 15. Е. Смирновъ. Развалины города Канка. № 17. Географическое распространеніе древнихъ арійцевъ и доказательство ихъ высокой культуры.

Турк. Вѣд. 1902 г. А. Снѣсаревъ. Великій Памирскій путь въ средніе вѣка № 18. Н Остроумовъ. Монотеизмъ и фанатизмъ корана №№ 87, 89 и 91.

Турк. Вѣд. 1903 г. Э. Леватъ. Въ горной Бухарѣ. Краткое описаніе добычи золота горцами. № 9 и 13. Др. Пропащихъ. Употребленіе опія въ Ваханѣ, Шугнанѣ и Рушанѣ. № 43. В. В. Водовладѣніе въ Ходжентскомъ вилайэтѣ № 76. Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ. № 80.

Турк. Вѣд. 1904 г. А. Е. Снѣсаревъ. Религія и обычаи горцевъ западнаго Памира. №№ 89, 90, 91, 92 и 93.

Турк. Вѣд. 1905 г. Андреевъ. Блины въ припамирскихъ странахъ № 32. Мусафиръ. То же. № 36. Гр. Андреевъ. Мусульманская энциклопедія. Содержаніе книги „Матлагуль-улушъ“. № 151. С. Н. Аверкіевъ. Заболѣваемость горныхъ таджиковъ №№ 178, 185 и 186.

Турк. Вѣд. 1906 г. Подати и налоги въ восточной Бухарѣ. № 6 и 7. Матеріалы къ вопросу о распространеніи среди чиновъ Туркестанской администраціи знанія туземныхъ языковъ. Приведены данныя о численности таджиковъ. № 45.

Оглавленіе.

	Стр.
Географическій очеркъ.	7
Климатъ.	25
Растительность.	27
Ходжентъ (описаніе города)	30
Историческій очеркъ	34
Значеніе слова таджикъ и гальча.	77
Происхожденіе таджиковъ.	81
Числе ность таджиковъ	90
Наружные признаки таджиковъ	92
Жилища.	99
Одежда и оружіе	112
Пища и напитки.	118
Землевладѣніе	127
Земледѣліе.	163
Полеводство	169
Садоводство	173
Огородничество	184
Скотоводство	185
Охота	195
Ремесла и кустарные промыслы.	199
Торговля.	215
Характеристика таджиковъ.	222
Преступленія и пороки	233
Религія и обряды	245
Раздѣленіе на классы.	274
Міросозерцаніе таджиковъ.	275
Народная медицина.	282
Положеніе женщины.	287
Уходъ за дѣтьми, ихъ питаніе, обученіе, школы.	294
Праздники и народныя увеселенія	298
Заболѣваемость таджиковъ.	314

3 р. 50 к.

2007051446